

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

2 (24)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1948 • ЛЕНИНГРАД

РЕДАКТОР ПРОФ. А. В. МИШУЛИН

ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Вряд ли существует еще какая-нибудь отрасль человеческого знания, предмет и значение которой так изменились на протяжении веков, как философия. Она считалась *scientia scientiarum*—наукой наук—в античности; она же была низведена до положения *ancilla theologiae*—служанки теологии—в средневековье. В новое время, по мере развития человеческого познания природы и общества, от философии, чем дальше, тем быстрее, отпочковываются одна за другой положительные науки. Наконец, после гениальных открытий Маркса и Энгельса «философии, в старом смысле слова, приходит конец» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 640). «Диалектический материализм,—говорит Ленин,—не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах—формальная логика и диалектика» (В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 11). Таким образом, открытие диалектического материализма Марксом и Энгельсом означает конец старой философии, претендовавшей на универсальное объяснение мира, философии, которая была уделом одиночек, занятием для избранных. Возникновение марксизма явилось одновременно «началом совершенно нового периода истории философии, когда она стала научным орудием в руках пролетарских масс, борющихся за свое освобождение от капитализма» (А. А. Жданов, «Вопросы философии», 1947 г., № 1, стр. 259). Это было открытие величайшего революционного значения. Открытие Маркса и Энгельса было развито Лениным и Сталиным. Марксистско-ленинская философия является научным мировоззрением трудящихся масс, она имеет революционно-преобразующее значение, ибо является не только методом познания, но и методом действия.

Наша партия и лично товарищ Сталин всегда обращали большое внимание на разработку вопросов марксистской философии. Диалектический и исторический материализм является тем теоретическим основанием, на котором высятся все величественное здание марксизма-ленинизма. Вот почему Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин—творцы диалектического и исторического материализма—уделяли большое внимание теоретическим вопросам мировоззрения рабочего класса. И не случайно в «Кратком курсе истории ВКП(б)» в неразрывной связи с историей революционной борьбы за победу социализма в нашей стране изложены и основы диалектического и исторического материализма.

Вопросы философии не сходили с повестки дня даже в годы величайших испытаний, во время Великой Отечественной войны. В момент героич-

ческого напряжения сил советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками ЦК ВКП(б) нашел время для развернутого анализа III тома «Истории философии» и осудил ошибки, допущенные в этом томе. В миллионах экземпляров выходят и распространяются в нашей стране философские произведения классиков марксизма-ленинизма. «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Материализм и эмпириокритицизм», «Анархизм или социализм?» являются настольными книгами советской интеллигенции. Прошлогодняя философская дискуссия, издание нового журнала «Вопросы философии» наглядно показывают, как внимательно и чутко партия растит философские кадры, каким почетом пользуется в нашей стране марксистско-ленинская философия.

Особенное значение приобретают вопросы философии именно теперь, когда мировая реакция, идеологи буржуазии всех мастей и оттенков пытаются всячески оправдать и обелить политику американского империализма, стремящегося приобрести мировое господство и превратить доллар в символ веры всего человечества. Партия большевиков призвала наших философов отточить философское оружие, дать отпор идеологам империализма и разоблачить реакционную философию Запада.

Широкая философская дискуссия, посвященная критике книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», организованная ЦК ВКП(б) в июне прошлого года, явилась настоящим смотром философских сил нашей страны. 87 человек—крупнейшие представители советской философской науки—приняли активное участие в обсуждении книги. Наряду с московскими и ленинградскими учеными во время дискуссии выступали также многочисленные представители периферии, что свидетельствует о наличии громадных резервов философского фронта.

Философская дискуссия показала во всем объеме, какие громадные задачи стоят перед нашим идеологическим фронтом в обстановке бурного экономического и культурного подъема Советского Союза. Основной задачей советской философии является смелая разработка новых проблем, возникающих перед нашей страной, и острая, непримиримая, беспощадная борьба с буржуазной идеологией во всех ее проявлениях. В этой связи особенно необходима борьба с преклонением и раболепием перед иностранщиной, с геллертерским профессорским квази-объективизмом, с аполитичным отношением к буржуазной идеологии, выражающей всегда в более или менее завуалированной форме интересы классового врага. Эта борьба может быть и будет доведена до полной победы при условии последовательного проведения в жизнь принципа большевистской партийности в философии. «Кому же, как не нам,—говорил т. Жданов,—стране победившего марксизма и ее философам, возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии, кому, как не нам, наносить ей сокрушающие удары?» («Вопросы философии», 1947 г., № 1, стр. 271).

Большое значение в этой борьбе имеет наличие четкого, марксистско-ленинского учебника по истории философии. Однако такого учебника до сих пор нет, а вышедший в 1946 г. учебник Г. Ф. Александрова совершенно не отвечает нашим современным требованиям.

А. А. Жданов, выступая во время философской дискуссии, не только подверг острой критике недостатки этого учебника по истории философии, но и вскрыл причины отставания нашего философского фронта от поставленных перед ним задач и одновременно дал развернутую программу работ для всех отрядов советской науки. Требования, предъявленные т. Ждановым к учебнику по истории философии,—«...чтобы в учебнике был точно определен предмет истории философии как науки..., чтобы учебник был научным, т. е. основанным на фундаменте совре-

менных достижений диалектического и исторического материализма..., чтобы изложение истории философии было, не схоластичным, а творчески действенным, было связано непосредственно с задачами современности..., чтобы приводимый фактический материал был бы вполне проверенным и добротным, и..., чтобы стиль изложения был ясным, точным и убедительным» (там же, стр. 256—57)—относятся не только к книгам по истории философии, но и к любому советскому учебнику, к любому советскому научному произведению.

Нельзя писать даже по самым отдаленным вопросам прошлого, по истории древних философских систем, а тем более по современным вопросам буржуазной идеологии, без ссрстей, всинствующей партийной критики враждебных идей и теорий.

Устами т. Жданова партия потребовала от всех советских философов, от всех работников идеологического фронта отрешиться от «беззубого вегетарианства по отношению к философским противникам, представляющего безусловную дань профессорскому квази-сбъективизму» (там же, стр. 261). Тов. Жданов подчеркнул, что нельзя придавать «всему делу изучения истории философии пассивно-соверцательный, академический характер» (там же, стр. 265). Он указал на то, что в философской среде все еще существуют случаи беспринципности и безидейности, пренебрежения современной тематикой, раболепия и низкопоклонства перед буржуазной идеологией. Причиной этого является «недостаточное уяснение основ марксизма-ленинизма и наличие остатков влияния буржуазной идеологии» (там же, стр. 269). Особенно сильно А. А. Жданов подчеркнул как практическое, так и теоретическое значение вопроса о большевистской критике и самокритике. Перед нашей философией встают поэтому исключительные по своему значению задачи. Ей необходимо разработать теорию советского общества, советского государства, теорию современного естествознания, этику и эстетику. При этом борьба против «растленной и гнусной буржуазной идеологии» должна сочетаться с помощью «нашим зарубежным друзьям и братьям осветить свою борьбу за новое общество светом научного социалистического сознания» (там же, стр. 272).

Задачи, поставленные т. Ждановым перед советскими философами, непосредственно относятся и к советским историкам античной философии и историкам античного общества. Идеологи реакционной буржуазии, пытаясь подкрепить квази-теоретическими и псевдоисторическими аргументами колеблющийся в своем основании империализм, все чаще обращаются в далекое прошлое, чтобы доказать своим читателям, что все «проклятые вопросы», с которыми не могут теперь справиться их империалистические хозяева, существовали и даже успешно разрешались в древнем мире. Они не только находят «капиталистов» и «коммунистов» в античной Греции и Риме, но пытаются доказать, что вся история Римской империи является прообразом рах американа—идеала апологетов американского империализма, а полемизируя с Демокритом, они воображают себе, что опровергают марксизм-ленинизм. В сотнях книг и тысячах статей буржуазные историки пытаются доказать непоколебимость капитализма, все чаще привлекая в качестве аргумента более чем сомнительные аналогии из древней истории, из античной философии. Все реакционные, идеалистические учения древности ныне возвеличиваются и превозносятся реакционной американской и западноевропейской философией. Не случайно таким почетом пользуются в США философы-идеалисты: Сократ и Платон. Буржуазные философы, выполняя социальный заказ американского империализма, превозносят реакционные идеалистические взгляды этих представителей идеализма в древности, пытаются

найти у них аргументы против диалектического материализма, против марксистской философии.

Из историков и археологов создаются команды по подысканию материалов из прошлого для современной борьбы против коммунизма. Далеко не случаен тот факт, что за последнее время столько сил и средств вкладывают американские археологи в раскопки в Палестине, пытаясь подвести «научную» базу под христианскую религию, дать оружие науки в руки церковных мракобесов, а тем самым усилить позиции Ватикана, являющегося духовным оруженосцем мировой реакции.

Такой идеологический поход буржуазных псевдоученых антиковедов в защиту империализма требует от советских специалистов по истории и философии мобилизовать все силы для того, чтобы разоблачить реакционную сущность различных построений буржуазной науки и дать правильное научное, марксистско-ленинское объяснение узловых вопросов истории общества, развития культуры, философии. «Только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории,—говорил товарищ Сталин,—можно добиться укрепления позиций марксизма-ленинизма» (И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 276).

Немало вопросов, подлежащих подлинно научному марксистско-ленинскому освещению, имеется и в области античной философии, по разработке и уяснению философских систем древности.

Главной, центральной задачей в области истории античной философии является марксистско-ленинское исследование истории «зарождения, возникновения и развития научного материалистического мировоззрения и его законов» (А. А. Жданов, «Вопросы философии», 1947, №1, стр. 257) в древности. Историки древнего мира и античной философии должны конкретно изучить отдельные этапы возникновения и развития материализма в его борьбе с идеализмом. Подлинно научная история античной философии не должна выглядеть как простая смена или идилическое сосуществование различных философских школ; она должна показать нам ту непримиримую, ожесточенную борьбу, которая всегда велась между представителями прогресса и реакции, между материалистами и идеалистами в политической жизни и культуре, в философии.

Древнегреческая философия, наравне с древнегреческой литературой и искусством, всегда представляла собой арену ожесточенной борьбы идеализма и материализма, идей демократии и аристократии, идеологов рабовладельцев и трудящихся. Энгельс в борьбе за победу диалектического мышления в области современного естествознания отмечал важное значение, опыт и пример греческой философии. «Здесь диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте... Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания... Это одна из причин, заставляющих нас все снова и снова возвращаться в философии, как и во многих других областях, к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему в истории развития человечества место, на какое не может претендовать ни один другой народ. Другой же причиной является то, что в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 313—314). Обе эти черты мышления древних греков: диалектика, которая, несмотря на свой созерцательный характер, была права по отношению к позднейшим метафизическим учениям в целом, и различие форм греческой философии, обязывают нас, советских историков и философов, внимательно изучать характер философского мышления древних греков в связи с историей рабовладельческого

общества, дать правильное марксистско-ленинское освещение этого этапа в общей истории философии.

Однако советские философы не могут похвастаться разработкой проблем античной философии, изучением закономерностей общественного развития рабовладельческой формации. Специалисты по историческому материализму должны были бы давно в сотрудничестве с историками античности подвергнуть разработке вопросы о формах идеологии, о борьбе религии и атеизма в древности, исследовать закономерности общественного развития, философскую борьбу идеализма и материализма и значение этой борьбы в истории стран древнего Востока, Греции, Рима, Индии и Китая. Но история идей и общественного развития рабовладельческой формации разрабатывается мало, отдельные работы, выходящие по этим вопросам, не находятся на высоком теоретическом уровне.

Изложение истории античной философии в учебнике Г. Ф. Александрова было подвергнуто исчерпывающей критике во время философской дискуссии. Указывалось прежде всего на то, что автор исходит из объективистской точки зрения, совершенно забывая о принципе большевистской партийности в изложении различных философских учений. Говоря о взглядах отдельных философов древности, автор оценивал их не как воинствующий материалист, разоблачающий идейных и политических противников—классовых врагов, а абстрактно, аполитично, пытаясь найти долю истины во взглядах каждого из философов, в том числе реакционных. В учебнике нет правильного ответа на важнейший вопрос: почему именно древняя Греция дала человечеству такое обилие самых разнообразных и глубоких философских учений, не учтено в частности влияние древневосточной культуры на развитие философской мысли Греции. Социально-экономическая история Греции дана без связи с воззрениями тех или иных античных философов.

В послевоенные годы вышло несколько трудов, посвященных в той или иной степени исследованию различных философских учений древности. Вышли книги о Лукреции, об Архимеде, древнегреческих атомистах, по истории античной науки, об Аристотеле. Кроме того, уже после философской дискуссии опубликован проект проспекта книги «История философии» («Вопросы философии», 1947, № 2, стр. 346—368), в котором предполагается отвести пять печатных листов вопросам античной философии. Проспект разрабатывался значительным коллективом советских философов. Все эти явления свидетельствуют о росте советской культуры и науки. Однако большинство указанных работ страдает многими недостатками, о которых говорил т. Жданов во время обсуждения учебника Александрова.

Не останавливаясь подробно на частных недостатках, мы все же вынуждены обратить внимание на концепции авторов этих книг и определить, насколько их концепции соответствуют марксистско-ленинской оценке взглядов тех или иных античных философов в связи с конкретной исторической обстановкой того времени.

Монография А. О. Маковельского о древнегреческих атомистах является объемистым, солидным трудом и подводит итог тридцатилетним изысканиям автора по вопросам античной атомистики. В этой книге дано обстоятельное систематическое изложение взглядов Левкиппа, Демокрита и его ближайших последователей. Во второй части книги даны переводы нескольких сот отрывков и свидетельств, характеризующих взгляды древнегреческих атомистов в глазах современников и последующих мыслителей. Однако этот труд еще не соответствует всем требованиям, которые марксистско-ленинская наука должна предъявлять к книгам по истории философии.

Пытаясь определить социальные корни философии и общественно-политические взгляды атомистов, автор нередко впадает в абстрактное социологизирование. Вместо анализа конкретных исторических условий возникновения философских систем Левкиппа, Демокрита и их последователей, предлагается объяснять взгляды всех атомистов «развитием денежного хозяйства, торговли и промышленности» (ук. соч., стр. 40). Будучи в данном случае лишенной реального содержания, эта формулировка вряд ли поможет понять социальные корни древнегреческой атомистики. Характеризуя мировоззрение Демокрита, автор считает, что «в центре его (Демокрита) внимания такие явления народной жизни, как народное хозяйство, денежное обращение и кредит, быт и психология народной массы» (там же, стр. 133). Такая общая оценка взглядов крупнейшего древнегреческого философа явно грешит отрывом от исторической обстановки, автор пользуется терминологией буржуазных историков модернизаторов. Книга не написана боевым языком, какого мы вправе требовать от всякого советского ученого. Однако, несмотря на данные недостатки, исследование А. О. Маковельского содержит большой материал, который может помочь изучению истории античной атомистики.

Тема о Демокрите пользуется большим вниманием советских историков античной философии. Из указанных выше монографий по античной философии и науке, вышедших у нас в послевоенное время, две трактуют в основном о Демокрите. Это вполне закономерно. Именно Демокрит развил впервые в истории философии систематическую теорию материализма. Борьба линий Демокрита и Платона — основной важнейший вопрос всей истории философии.

Поэтому вполне закономерно, что в вышедшей почти в то же самое время работе по античной науке (С. Я. Лурье) автор ее отводит много места анализу философии Демокрита. В книге имеется очерк исторического развития классической Греции. Взгляды различных античных философов автор старается дать на фоне исторической обстановки того времени. Однако порочная схема изложения античной философии приводит автора к ряду принципиально ошибочных положений. С его точки зрения восточногреческая философия, отражавшая интересы торгово-ремесленных кругов населения, представляется как сплошь материалистическая, а западногреческая, представлявшая интересы аристократии, — как реакционно-идеалистическая. Такая попытка втиснуть всех философов древности в рамки подобной схемы является порочной. История древнегреческой философии рассматривается в ряде пунктов механистически. Вот почему в книге нет конкретного анализа стихийной диалектики ионийской натурфилософии. Неслучайно, что и развитие материализма вплоть до Демокрита рисуется в виде восходящей прямой. Сложную идейную борьбу древних мыслителей по вопросам философии автор вульгаризирует и считает только проекцией «ожесточенной партийной склоки в малоазийских городах» (ук. соч., стр. 67). Именно потому, что автор механистически подходит к изучению античной философии, он не видит слабых сторон греческого материализма и фактически обрывает изложение истории древнегреческой философии на Демокрите, не учитывая в достаточной степени ни платоновской критики Демокрита, ни аристотелевской критики Платона. Странно, что в книге, посвященной истории древнегреческой науки, совершенно не нашлось места для Аристотеля. «Очерки по истории античной науки» содержат немало ошибочных положений, схематизма и путаницы.

Большие недостатки имеет и книга «Учение Аристотеля о государстве и праве» (С. Ф. Кечекьян). Классики марксизма исключительно

высоко ценили Аристотеля. Маркс неоднократно называл его «величайшим мыслителем древности», «исполином мысли», «гением», «великим исследователем». Энгельс характеризует Аристотеля как «самую всеобъемлющую голову» среди древнегреческих философов, который «исследовал уже все существеннейшие формы диалектического мышления». Располагая многочисленными, разносторонними высказываниями классиков марксизма-ленинизма об Аристотеле, автор этой книги имел все предпосылки для того, чтобы дать советскому читателю серьезную, интересную работу об общественно-политических взглядах Аристотеля.

К сожалению, этот труд тоже не соответствует требованиям, которые советский читатель вправе предъявить к такого рода исследованиям. При более близком ознакомлении с этой работой создается впечатление, что автор закончил эту книгу десять или более лет тому назад и с тех пор не внес туда ни единой поправки. Так, например, автор ни во введении, ни в тексте почти совершенно не упоминает о советских работах об Аристотеле. Непонятно и то, как мог автор в 1947 г. обстоятельно рассуждать об особенностях античной собственности (стр. 63—71), не учитывая опубликованной еще в 1939 г. и имеющей исключительное значение работы Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

Главный порок указанной книги состоит в том, что автор, анализируя политическое учение Аристотеля, не применяет основного принципа диалектического метода. Вместо того, чтобы рассматривать явления «с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания» (И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 537), автор, обещавший во введении рассматривать политическую теорию Аристотеля как «учение о динамике и о формах (морфология) греческого рабовладельческого государства», совершенно забывает об этой «динамике» и занимается только простым описанием форм государственного устройства полисов. Тот же описательный подход ясно замечен и в рассуждениях автора о характере античной собственности. Как известно, Маркс всегда рассматривал формы собственности в древности с точки зрения их развития; автор же придает античной собственности статический характер. Многократные упоминания о «печати некоторой коллективности, лежащей на античной частной собственности» (ук. соч., стр. 65 и др.) способны только внести дальнейшую путаницу в голову не только самого автора, но и его читателей. Известно, что во времена Аристотеля античная собственность в Греции уже давно не имела тех «пут коллективности», о которых пространно пишет С. Ф. Кечекьян.

Корень этих ошибок следует искать в том, что автор не изучил важнейших указаний Маркса об античной собственности, а пошел по пути нескритического заимствования теорий и даже терминологии буржуазных историков-модернизаторов, в частности Пельмана. Автор забыл, повидимому, о принципиальном ленинском указании: «Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии» (В. И. Ленин, Соч., т. XIV, изд. IV, стр. 327—28).

Значительные недостатки опубликованных работ показывают, какое большое значение должна приобрести работа по созданию марксистско-ленинского учебника по истории философии. Следует поэтому самым серьезным образом отнестись к тому проспекту по «Истории философии», который опубликован в «Вопросах философии» и который должен лечь в основу нового марксистско-ленинского учебника истории философии. Значение проспекта очень велико, ибо это первый плод работ наших философов, программное их выступление в связи с составлением учебника после фило-

софской дискуссии и указаний т. Жданова. На основании этого проспекта будет создан новый, коллективный учебник по истории философии. Вот почему мы считаем необходимым высказать некоторые соображения в связи с его содержанием. Обратимся к этому проспекту, к тому, что он представляет собой в части античной философии.

Проект проспекта все еще страдает многими недостатками учебника Г. Ф. Александрова. В нем не учтено в достаточной степени важнейшее положение исторического материализма — «Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частично-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» (Ф. Энгельс, письмо к Шмидту от 5/VIII 1890 г., К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Избранные письма, 1947, стр. 421). В проспекте, так же как в учебнике, история античной философии в значительной степени превращается в описание философских систем, взятых вне исторической обстановки. Так, например, известно, какую громадную роль играли софисты в политической и философской борьбе времен расцвета афинской рабовладельческой демократии при Перикле. Между тем проблема о месте и роли софистов в греческой философии сводится в проспекте лишь к простому упоминанию. В разделе древнегреческой философии не говорится ни слова о возникновении стоицизма, который сыграл не малую роль в раннехристианской религии и философии; нет также анализа стадий развития римского стоицизма, хотя именно это философское течение пользовалось на протяжении нескольких веков наибольшим влиянием в Риме.

Авторы проспекта, повидимому, еще не преодолели гегелевской схемы истории философии, где все объясняется внутренним, имманентным развитием философских систем в отрыве от социально-экономической истории. В проспекте конкретная история дана где-то сбоку и не определяет собой взглядов отдельных философов и целых философских школ. Именно поэтому в проспекте совершенно не учтено, поскольку это касается древней истории, важнейшее указание т. Жданова о том, что «в ходе истории менялись не только взгляды на те или иные философские вопросы, но сам этот круг вопросов, сам предмет философии находился в постоянном изменении» («Вопросы философии», 1947, № 1, стр. 258). В частности у авторов проспекта нет, повидимому, ясности в отношении философских течений древнего Востока, возникновения там материалистических идей, о связи их между собой, о влиянии их на развитие философских идей античного мира. Авторы пишут о «возникновении и развитии... материалистических тенденций зарождающейся философии» на Востоке. В таком случае непонятно, каким образом могло в Греции снова зародиться «материалистическое понимание природы в его первоначальной форме».

Христианская философия, как известно, возникает в условиях кризиса рабовладельческой формации. Не ясно ли отсюда, что возникновение христианства и начало христианской философии следовало бы изложить не в начале главы о философии феодального общества, а в конце главы о философии в древнем Риме. Только при насилии над последовательностью событий можно переносить историю возникновения христианской философии в более позднюю эпоху, как это сделано в проспекте.

Проект отредактирован небрежно. Не понятно, почему появление критики религиозных идей в Египте следует раньше, а не после изложения данных о развитии египетской науки и техники. Явно не в ладах авторы проспекта и с хронологией, несмотря на указание т. Жданова о том, «чтобы приводимый фактический материал был бы вполне проверенным и

добротным». В плане III главы Цицерон очутился среди философов Римской империи (?). Известно, что взгляды Августина получают свое распространение начиная не с IV, а с V века. Византия выделялась по своей культуре не только в IX—XI вв., но на несколько веков до этого она уже являлась важнейшим фактором мировой культуры.

Кратко рассмотренный проект проспекта «Истории философии» в его настоящем виде показывает, что требуются еще большие усилия для составления настоящего марксистского плана работы по античной философии. Другие разделы проспекта требуют также критического рассмотрения.

Перед советскими историками античности и древней философии стоит во весь рост вопрос о марксистско-ленинской подлинно научной разработке проблем истории философии.

До сих пор еще не изучены с марксистско-ленинской точки зрения различные философские системы и развитие конкретных научных знаний в древнем Египте и Вавилонии, которые, несомненно, оказали значительное влияние на возникновение и развитие греческой философии. Необозримое поле для марксистских исследований представляют собой философские течения древнего Китая и Индии. Работа, начатая ВДИ в довоенные годы статьей Петрова «Из истории материалистических идей в древнем Китае», далеко еще не завершена и ждет своих продолжателей.

Советская историческая и философская наука вправе предъявить свой счет нашим философам, работающим над историей общественной мысли в древности. Нашему читателю нужны и популярные книги и специальные исследования о крупнейших мыслителях древности: о Гераклите, Демокрите, Аристотеле, Эпикуре, Лукреции. Важнейшей задачей историков античной философии является исследование того, какими путями шла борьба материализма с идеализмом в древнегреческой философии, проследить борьбу линий Демокрита и Платона во всем последующем развитии философской мысли.

В последние годы у нас несколько отодвинулось изучение истории религий и атеизма. Между тем, эти проблемы, в частности история возникновения христианства, развитие христианской церкви, представляют собой далеко не только теоретический интерес. Ватикан, воинствующий католический клерикализм, является ныне цепным псом американского империализма. Советские историки и философы обязаны разоблачить реакционную сущность религиозных учений, в частности, роль католицизма. Надо показать, что если раннее христианство «еще не осознавшее само себя, было, как небо от земли, далеко от позднейшей, закреплённой в догматах мировой религии Никейского собора» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 419), то возникшая потом христианская церковь и все ее ответвления тесно связали свою судьбу с эксплуататорами и отдают все свое влияние на службу угнетения масс, удерживают их от революционной борьбы. Научная разработка истории религий и атеизма осветит эту область идеологии с марксистско-ленинской точки зрения и окажет действенную помощь нашим братьям за рубежом в борьбе с антинаучными теориями церковных мракобесов.

Развитие советской науки требует от наших историков и философов серьезного исследования общих закономерностей развития первого классового общества в истории человечества, рабовладельческого общества. Показать особенности зарождения, возникновения и развития классов, проследить формы домашнего и трудового рабства, выяснить, как и какие возникали и развивались тогда типы государственного устройства, различные формы идеологий—почетная и важная задача, ожидающая своего философского разрешения. Эта задача должна ре-

шаться совместными усилиями историков и философов. Нельзя дать марксистско-ленинского анализа философских учений, идей и теорий в отрыве от гражданской истории, от социальной борьбы и всей той сложной исторической обстановки, в которой рождались исследуемые философские учения.

Вопросы истории античной философии и философского обобщения закономерностей рабовладельческой формации имеют весьма актуальное значение как для разоблачения растленной буржуазной идеологии, так и для развития советской философской науки. Советские ученые, философы, юристы, историки сумели выпустить немало трудов за последние годы. Необходимо устранить недочеты, допущенные в их исследованиях. А главная задача советских историков и историков философии древности состоит в том, чтобы выполнить указание т. Жданова и помочь «выработать хороший учебник по истории философии... вооружить нашу интеллигенцию, наши кадры, нашу молодежь новым мощным идеологическим оружием и вместе с тем сделать большой шаг вперед по пути развития марксистско-ленинской философии».

Эта задача может быть и будет успешно разрешена. Партия Ленина—Сталина создала все условия для успешной работы наших ученых. Решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам дали важнейшие указания в области развития общественных наук. Прошедшая философская дискуссия—выступление т. Жданова сформулировали очередные задачи работы наших ученых на философском фронте и мобилизовали на выполнение этих задач советских философов.

Надо только, как говорил т. Жданов,—«покончить с небоевыми темпами в работе, стряхнуть с себя ветхого Адама и начать работать так, как работали Маркс, Энгельс, Ленин, как работает Сталин».

Акад. В. В. Струве

НАЕМНЫЙ ТРУД И СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В ЮЖНОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ КОНЦА III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.¹

Сводки надзирателей партий работников царского хозяйства из города Уммы (Джоха)² эпохи III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.), изданные в 1922 г.³, дали возможность установить здесь господство рабовладельческого способа производства⁴. Те же самые тексты доказывают при правильной их интерпретации наличие, наряду с рабами, и наемных людей. Соответствующие строки первого из этих документов—ТЕО, № 5675,—были переведены мной вместе со всем остальным текстом уже в 1934 г.⁵,

¹ Ввиду принципиальной важности проблем, затронутых в настоящей статье, редакция ВДИ обращается ко всем исследователям, работающим в данной области, с просьбой высказать на страницах нашего журнала свои соображения по этим вопросам.

² См. об имени города Уммы (Джохи) В. В. Струве, К истории патесиата Гишху, ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 49, прим. 3.

³ H. de Genouillac, Textes économiques d'Oumma, изд. Луврского музея, серия «Textes Cunéiformes», т. V, Париж, 1922. В дальнейшем я сокращаю название издания в виде ТЕО.

⁴ В моих работах была сделана самостоятельная попытка решить вопрос о социальной значимости непосредственных производителей документов хозяйственной отчетности III династии Ура. См. следующие мои работы: «Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура» («Сборник в честь академика С. Ф. Ольденбурга», Ленинград, 1933, стр. 495 сл.); «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока», ИГАИМК, вып. 77 (1934), стр. 53 сл.; «Рабство в древнейшем Сумире», ИГАИМК, вып. 97 (1934), стр. 5 сл.; «Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура», ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 211 сл.; «Рудимент классов. показателя в шумерийском языке», Изв. АН СССР, ООИ, 1934, стр. 799 сл.; «Древний Восток» («История древнего мира», т. I, Соцэкгиз, Москва, 1937, стр. 92 сл.); «История древнего Востока», ОГИЗ, 1941, стр. 84 сл. Академик Н. М. Никольский в своих полемических статьях (ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 207 сл. и ВДИ, 1941, № 1, стр. 55 сл.) использовал интерпретированный мной материал и таблицы, переведенные его отцом, знаменитым ассириологом М. В. Никольским. После Великой Отечественной войны я возобновил мое исследование общества эпохи III династии Ура. Мной был прочитан доклад «Общественный строй южного Междуречья конца III тысячелетия» на состоявшейся в конце ноября 1946 г. сессии Отделения истории и философии. Основные моменты моего доклада переданы в ВДИ, 1947, № 2, стр. 211—212 и в ВИ, 1947, № 2, стр. 133—134. Мной было напечатано следующее исследование: «Общественный строй южного Междуречья в эпоху III династии Ура» («Юбилейный сборник АН СССР»), т. II, стр. 720 сл. и дано в печать исследование «Новые данные об организации труда и структуре общества позднего Сумера» («Сборник ИВАН»).

⁵ ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 212.

но на мой перевод не обращено почти никакого внимания и во всяком случае не сделано из него надлежащих выводов. Поэтому я вынужден в настоящем исследовании снова повторить мой перевод начальных строк указанного текста, уточнив его, конечно, по сравнению с моей интерпретацией 1934 г.

Сводка ТЕО, № 5675 была составлена надзирателем Лугальгуде, известным нам из других документов архива царского хозяйства Уммы. В вводной части документа чиновник Лугальгуде дал исчисление той рабочей силы, которой он располагал. Мы находим в самом начале первой столбца большой таблички следующие данные:

- [1] 24 пахара [2] (на) 13 месяцев.
- [3] С первого месяца Уммы [4] до прибавочного месяца (т. е. XIII).
- [5] Рабочая сила их (исчисляется) 9360 (т. е. $24 \times 13 \times 30$) днями.
- [6] 5 гур 159 сила¹ ячменя (т. е. 5×300 сила + 159 сила = 1659 сила).
- [7] Рабочая сила (исчисляется) по 7 сила (в день).
- [8] Рабочая сила их (исчисляется) 237 ($1659 : 7 = 237$) днями.
- [9] 7 гур 258 сила (т. е. 2358 сила).
- [10] Рабочая сила (исчисляется) по 6 сила.
- [11] Рабочая сила их (исчисляется) 393 ($2358 : 6 = 393$) днями.
- [12] Рабочая сила людей наемных («лу хунга»).
- [13] (получена) от Арада.

Заключением вводной части документа являлся список 25 надзирателей, предоставивших Лугальгуде то или другое количество человеко-дней² своих постоянных работников. Работники 21 надзирателей названы «гуруш» («сильные», «молодцы»), а работники 4 надзирателей названы «уг-иль» («носильщики»). Мы видим, следовательно, что среди той рабочей силы, которой располагал надзиратель Лугальгуде, имелись люди, работавшие круглый год в царском хозяйстве, т. е. рабы и наемные люди, получавшие по 7 или 6 сила в день.

Правда, французский сумеролог Жёнульяк дал в своем кратком резюме содержания изданных им экономических текстов из Уммы несколько иную интерпретацию только что переведенных мной строк названного документа. Действительно, согласно Жёнульяку, ТЕО, № 5675 содержит «расчет поденной работы: 1) приготовление ячменя (6 до 7 мер в день и на человека; 2) работники «каль»³ и «уг-иль»⁴, нанятые различными лицами, работа по уборке урожая; 3) работы по пахоте, бороньбе и севу и т. д.»⁵.

Мы видим, таким образом, что французский исследователь определил содержание данного документа как расчет поденной работы и не выделил среди прочих работников тех лиц, которые названы в документе «людьми наемными». Что же касается зерна, которое упоминается в связи с «людьми наемными», то оно, по мнению Жёнульяка, не являлось заработной платой последних, а предметом, подлежащим их обработке. С подобным предположением Жёнульяка никак нельзя согласиться. Дело в том, что мы имеем ряд сводок надзирателей партий работников царского хозяйства, в которых упоминалась и работа по изготовлению муки, но эта работа производилась не рабами, а рабынями. Кроме того, контекст сводок, отмечающий труд по мукомольному производству, отличается от контек-

¹ Мера зерна, равнявшаяся примерно $\frac{4}{5}$ литра. 300 сила составляли 1 гур.

² О понятии человекодня, установленном счетоводами царского хозяйства III династии Ура, см. мои исследования, перечисленные в прим. 4 на стр. 13.

³ В настоящее время этот клинописный знак читается не «каль», а «гуруш».

⁴ Слово, означающее «носильщик».

⁵ Следует перечисление других работ, упоминаемых в отчете Лугальгуде. Это свое краткое резюме изданных им документов ТЕО Жёнульяк дал в «Babyloniaca», VIII (1924), стр. 41 сл., резюме же ТЕО, № 5675 — на стр. 44—45.

ста вышепереведенных строк ТЕО, № 5675. Так, например, мы читаем в ТЕО, № 5668:

- I столб. [9] 36 рабынь (по) 30 сила ¹,
 [10] с 4-го месяца (Уммы) ² 46 г. царя Шульги [11] до утра
 20-го дня 12-го месяца (Уммы)
 [12] Рабочая сила их 9360 (дней) ³
- II столб. [1] Общая сумма. [2] Из нее:
 [3] 1560 рабынь на 1 день. [4] Рабочая сила рабынь (в) дни от-
 рыва ⁴
 [5] 165 гур 244 сила ячменной муки
 [6] 1 гур 107 сила ячменной муки
 [7] ⁵
 [8] 16 гур 40 сила муки «каль»
 [9] 16 гур 245 сила муки «ур»
 [10] 3 гур 69 сила ячменя.
 [11] Их рабочая сила: 6033 $\frac{1}{2}$ рабынь на 1 день
 [12] Печать Лудингирра» ⁶.

В дальнейшем надзиратель перечислял другие расходы человеко-дней своей партии рабынь, произведенные в течение указанного отрезка времени.

Мы видели, что рабыни партии данного надзирателя получали лишь по 30 сила ежемесячно, а зерно, соответствующее 6033 $\frac{1}{2}$ человекодням, равнялось 203 гур 105 сила, или 61005 сила. Следовательно, данное зерно или мука не могли быть тем прокормом, который получали рабыни. Оно не могло быть заработной платой, ибо рабыни не получали таковую. Поэтому только что указанные 61005 сила муки являлись результатом израсходованных 6033 $\frac{1}{2}$ человекодней.

В других сводках надзирателей партий рабынь мы находим более четкое определение результата человекодня труда рабыни, нежели в сводке ТЕО, № 5668. Так, в начале сводки надзирателя Лугалькагины рабынь мукомольной мастерской мы находим следующие данные:

- I столб. [1] 36 рабынь, [2] с 1-го месяца (Уммы) [3] до 12-го месяца (Уммы)
 [4] Рабочая сила их 12960 дней (т. е. 36×360)
 [5] Общая сумма, [6]. Из нее:
 [7] 2160 ⁷: рабочая сила дней отрыва.
 [8] 242 гур 177 $\frac{1}{2}$ сила ячменной муки (т. е. $72777 \frac{1}{2}$ сила)
 [9] Рабочая сила их $7277 \frac{5}{6}$ дней (т. е. 10 сила на человеко-день)
 [10] 11 гур 208 сила муки «каль» (т. е. 3508 сила)

¹ Прокорм рабынь следовало указывать, поскольку прокорм их мог равняться 20 или 30 сила ячменя в месяц.

² В эпоху III династии Ура каждый город имел свой календарь.

³ Это число получилось в результате умножения 36 (количество рабынь) на число 260 (количество дней). В последнее число входили 240 дней 8 месяцев, начиная с 4-го по 11-й месяц, и 20 дней 12-го месяца.

⁴ «1560» является шестой частью числа «9360». О значении «дней отрыва» по отношению к рабыням см. ПИДО, 1934, №7—8, стр. 217, прим.2. О значении «дней отрыва» по отношению к рабам я говорю обстоятельно в моем исследовании «Новые данные об организации труда и структуре общества позднего Сумера», которое будет напечатано в «Сборнике ИВАН».

⁵ Неясное для меня указание, касающееся этой ячменной муки, перечисленной на втором месте.

⁶ Печать чиновника, который свидетельствовал о расходовании составителем сводки указанного количества человекодней рабынь, занятых растираньем зерна.

⁷ Сокращение формулы «2160 рабынь на 1 день». Число «2160» — шестая часть 12960 человекодней.

- [¹¹] Рабочая сила их 350 $\frac{5}{6}$ дней (т. е. 10 сила на человеко-день)
- [¹²] 9 гур 205 $\frac{1}{2}$ сила муки «атир» (т. е. 2905 $\frac{1}{2}$ сила)
- [¹³] Рабочая сила их 145 $\frac{1}{2}$ дней (т. е. 20 сила на человеко-день)
- [¹⁴] 1 гур 250 сила муки «гу» хорошей (т. е. 550 сила)
- [¹⁵] Рабочая сила их 68 $\frac{5}{6}$ дней (т. е. 8 сила на человеко-день).

Затем следует перечисление других статей расхода тех 12960 человеко-дней, которыми располагал в течение года составитель сводки. Эти статьи соответствовали сельскохозяйственным работам и работам, посвященным транспорту. Из переведенных же только что первых 15 строк сводки следует, что рабыня, трудившаяся целый день над зернотеркой, могла приготовить от 8 до 20 сила муки, в зависимости от качества последней. Вместе с тем следует подчеркнуть, что здесь нет прямого указания на количество мер зерна, соответствующее каждому человекодню, как в строках 7 и 10 первого столбца сводки Лугальгудэ (ТЕО, № 5675). В других сводках, посвященных расходованию человекодневной рабынь, занятых мукомольным производством, мы также не находим прямого указания на количество муки, растираемой рабыней в течение дня¹.

В результате сопоставления сводки надзирателя Лугальгудэ (ТЕО, № 5676) со сводками надзирателей партий рабынь, растиравших зерно, мы приходим к бесспорному выводу, что в строках 7 и 10 первого столбца сводки Лугальгудэ, действительно, указывалась заработная плата наемных людей. В таком случае интерпретация Жёнульяком вышецитированных строк ТЕО, № 5675 отпадает, и мы можем теперь категорически утверждать наличие в царском хозяйстве III династии Ура наряду с рабами и наемных людей. Данное положение о наличии наемных людей, выделяемых среди постоянных работников царского хозяйства, должно быть учтено академиком А. И. Тюменевым, дезориентированным в своей статье «О значении термина «каль» неточной интерпретацией французского ученого².

Совершенно неправ акад. А. И. Тюменев и тогда, когда в своей только что названной статье утверждает, «что каль, согласно так широко используемым самим акад. Струве документам из Уммы, получают по 6 и 7 мер зерна, а наемные рабочие по 8 мер»³. Подобное утверждение акад. Тюменева резко противоречит свидетельству источников, согласно которому люди «каль», или, как мы теперь читаем, «гуруш», получали, работая целый день, только 2 меры (сила) зерна в качестве своего прокорма, т. е. значительно меньше того, что выдавалось наемному человеку в виде его заработной платы. Высказал же акад. Тюменев невозможное положение о столь крупных выдачах зерна рабам гуруш, опираясь на резюме Жёнульяка (ТЕО, № 5676). Действительно, мы находим в резюме французского сумеролога сводки надзирателя Урнинсу (ТЕО, № 5676) подтверждение положения акад. Тюменева: «Расчет подневной работы, уг-иль (носильщики), взятые на работу по тарифу в 6 мер (сила), наемники, оплачиваемые заведующим закромом» и т. д.⁴.

К сожалению, и резюме Жёнульяка сводки ТЕО, № 5676 является столь же неточным, как и резюме ТЕО, № 5675. Адекватная интерпре-

¹ См. ТЕО, №№ 5665, 5670, «Cuneiform Text.», VII, табл. 12 (№ 12932), X, табл. 20—23 (№ 14308) и др.

² ВДИ, 1946, № 2, стр. 18 сл.

³ Там же, стр. 20, прим. 2.

⁴ Следует перечисление работ, названных в сводке. Резюме напечатано в «Babyloniaca», VIII, стр. 45.

тация части ТЕО, № 5676 отнюдь не свидетельствует о том, что «носильщики» являлись наемными людьми с споденной платой в 6 мер (сила) зерна:

1 столб. [1] 85 $\frac{1}{3}$ гуруш на 1 день [2], остаток первого года царя Гимиль-
сина

[3] 20 пахарей и их сыновей.....

[18] на 12 месяцев [19]. Рабочая сила их 7200 дней (т. е. 20×360).
.....¹

[20] С 1-го месяца Уммы до 12-го месяца Уммы

[21] 36 гур 80 сила ячменя (т. е. 10880 сила)

[22] Рабочая сила их (исчисляется) по 6 сила

[23] Рабочая сила их (исчисляется) 1813 $\frac{1}{3}$ днями (т. е. 10880 : 6)

[24] Рабочая сила людей наемных [25] поля

[26] (получена) от заведующего закромом

[27] 9 $\frac{1}{2}$ гуруш на 1 день [28] (полученные) от Исарум'а².

Из моей интерпретации текста явствует, что не «носильщики», входившие в число 20 «пахарей», а «люди наемные» получали в день 6 мер (сила) ячменя. Таким образом, и в сводке надзирателя Урнинсу, как и в сводке Лугальгудэ, «люди наемные» выделялись среди прочих категорий рабочей силы, подведомственной надзирателю. Вполне естественно, что одни лишь «люди наемные» получали в день такую крупную выдачу зерна, как 6 сила, равнявшиеся в переводе на наши меры примерно 3 $\frac{1}{2}$ килограммам. Столь крупная выдача зерна в качестве ежедневного довольствия рядовому гуруш или носильщику, работавшим непрерывно в царском и храмовом хозяйстве, была бы, конечно, немыслимой. Она же вполне мотивирована в качестве заработной платы «людям наемным», которые используют ее не только для своего собственного прокорма, но и для содержания своей семьи.

Всякий историк, соглашающийся с моей интерпретацией отчетов надзирателей Лугальгудэ (ТЕО, № 5675) и Урнинсу (ТЕО, № 5676), должен безоговорочно признать наличие в царском хозяйстве III династии Ура «людей наемных», не тождественных с другими работниками царского хозяйства. Конечно, эти наемные люди III династии Ура не могут быть сопоставлены с наемными рабочими эпохи капитализма. Каждая докапиталистическая формация налагала свой специфический отпечаток на наемный труд, который сосуществовал наряду с основной формой эксплуатации как при рабовладельческом, так и при крепостническом строе. При рабовладельческом строе и наемные люди были по существу рабами, но только временными, на срок своей работы, который заранее точно определялся. Поэтому и «люди наемные» царского хозяйства III династии Ура, подобно прочим работникам последнего, обозначались одним и тем же термином «гуруш». Об этом со всей определенностью свидетельствуют интерпретированные мной сводки надзирателей Лугальгудэ и Урнинсу. Действительно, в заключении вводной части последнего документа дается общая сумма человекодней, которой располагал надзиратель Урнинсу — «9108 $\frac{1}{6}$ гуруш на 1 день». В эту же сумму входили и 1813 $\frac{1}{3}$ человекодней наемных людей³. В общую сумму человекодней, которая имелаась налицо у Лугальгудэ, а именно 11966 $\frac{5}{6}$ гуруш на 1 день, входив-

¹ В тексте следует поименный список «пахарей». Среди них названо несколько «носильщиков».

² Затем в тексте следовала общая сумма человекодней, которой располагал надзиратель Урнинсу, — 9108 $\frac{1}{6}$ человекодней (II, 1—2). Она складывалась из 4 вышеприведенных слагаемых: 85 $\frac{1}{3}$, 7200, 1813 $\frac{1}{3}$ и 9 $\frac{1}{2}$.

³ См. предшествующее примечание.

ли также и человекодни «людей наемных»¹. Те же самые документы—сводки ТЕО, №№ 5675 и 5676—свидетельствуют, не оставляя никакого сомнения, что одни и те же надзиратели руководили как постоянно трудившимися в царском хозяйстве работниками, так и людьми наемными, привлекаемыми царским хозяйством лишь временно. «Люди наемные», трудившиеся под надзором Лугальгуде и Урнинсу, были с ними настолько тесно связаны, что названные чиновники царского хозяйства должны были отчитываться в израсходовании не только человекодней рабов, но и человекодней этих наемных людей². Работа наемных людей почти всегда была связана с уроком, как, например, в неизданной табличке собрания Гос. Эрмитажа: «9 гуруш наемных (для) резания тростника по 2 сар³. (Их) рабочая сила (исчисляется) по 5 сила»⁴. Работа же постоянных работников царского хозяйства часто не бывала связана с уроком, как, например, в неизданной табличке собрания Гос. Эрмитажа от 5-го года царя Гимильсина: «44 гуруш на 1 день, (на) высокую территорию поля богини Нинурра⁵ доставлены. Надзиратель Идпаа. Печать Уршульпаа»⁶. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и постоянные работники весьма нередко выполняли те же работы, что и люди наемные, и в таком случае работа ненаемных гуруш определялась уроком. Об этом свидетельствуют со всей несомненностью отчеты надзирателей Лугальгуде (ТЕО, № 5675)⁷ и Урнинсу (ТЕО, № 5676)⁸. Поэтому не следует безоговорочно всякого работника, труд которого определялся уроком, отождествлять с наемным человеком, ибо не все работники, выполнявшие урок, являются наемными людьми, хотя все наемные люди выполняли урок⁹.

Тем не менее мы имеем ряд признаков, отличающих наемных людей документов хозяйственной отчетности III династии Ура от противопоставляемых им указанными документами постоянных работников царского хозяйства, т. е. рабов, как я определил их уже в 1933 г.¹⁰. Одним из этих

¹ В общую сумму человекодней работников-гуруш не были включены сводкой Лугальгуде лишь 628 $\frac{1}{3}$ человекодней «носильщиков». См. ТЕО, № 5675, II, 20—21 и XI, 3—4. В сводке надзирателя Лудани (ТЕО, № 5674) и человекодни «носильщиков» были включены в число человекодней работников-гуруш.

² Напрасно акад. А. И. Тюменев потратил время на доказательство того, что надзиратели партий наемных людей тождественны с надзирателями партий гуруш, путем сопоставления друг с другом табличек, в которых отмечались лишь единичные трудовые операции надзирателей с рабочей силой. См. ВДИ, 1946, № 2, стр. 19—20. Бесспорного вывода из подобных первичных документов без привлечения соответствующих сводок сделать нельзя. В распоряжении же акад. Тюменева была сводка надзирателя Лугальгуде, переведенная мной еще в 1934 г., а в ней имелось прямое указание на то, что названный Лугальгуде являлся надзирателем как «людей наемных», так и работников постоянных, т. е. рабов.

³ Мера площади в 35 кв. метров. На площади в 70 кв. метров должен был наймт вырезать тростник, чтобы получить свою определенную ниже заработную плату.

⁴ № 7777, 1—3. Табличка датирована 46 г. царя Шульги.

⁵ Это поле неоднократно упоминается в документах города Уммы, например, в №№ 126, 136, 138, 155, 237 издания М. В. Никольского.

⁶ № 7788, 1—5.

⁷ Ср. работы гуруш, перечисленные на столбце V—VII, 18 с работами людей наемных столбца VIII, 1—22. Те же работы выполняли и «носильщики», ср. VII, 19—26.

⁸ Ср. работы гуруш (VI, 24—29) и работы наемных людей (VII, 1 сл.).

⁹ Данное положение не учел акад. Тюменев, когда он (ВДИ, 1946, № 2, стр. 20, прим. 2) включил непосредственных производителей № 209 издания М. В. Никольского в число наемных людей. Он не обратил должного внимания на то, что в этом документе непосредственные производители не названы «людьми наемными», и также на то, что не дана оценка их рабочей силы.

¹⁰ К сожалению, акад. А. И. Тюменев, увлекшись полемикой со мной, весьма неточно, чтобы не сказать больше, передал мою установку в своей статье «О значении «кал» в древнешумерском языке» (ВДИ, 1946, № 2, стр. 10 сл.). Он утверждает здесь, «что отчасти на основании именно этого термина акад. В. В. Струве считал возможным писать о «рабо-

признаков являлось получение наемными людьми заработной платы, которую они получали наряду с прокормом, выдаваемым также и рабу. Так, в одной из табличек, изданных М. В. Никольским, говорится о прокорме («шаггаль») наемных людей: «5 гуруш, корм («шаггаль») их 60 сила царских ячменя. Ячмень их 1 гур царский (т. е. $5 \times 60 = 300$ сила = 1 гур). Для наемных людей, доставляемых из сада «Куше»¹. Для наемных людей 60 сила ячменя являлись месячной нормой довольствия, как об этом свидетельствует неизданная табличка № 7556 Эрмитажного собрания. Здесь наемный человек получал 30 сила ячменя в качестве довольствия за 15 дней²; т. е. половину месячного довольствия. Поскольку эта месячная норма в 60 сила была установлена, то она в большинстве документов о наемных людях и не упоминалась. Не столь определенной, как довольствие, прокорм наемного человека, была его заработная плата. Последняя сильно колебалась, очевидно, в зависимости от характера работы, или от степени потребности царского хозяйства в наемной рабочей силе. Поэтому она должна была в каждом отдельном случае оговариваться. Так, в иных табличках хозяйственной отчетности прямо указывается на число сила, получаемых наемным человеком в день. Образцом подобного документа может служить неизданная табличка № 7932 Гос. Эрмитажа: «50 гуруш. Вспахивание по 5 сар. 40 гуруш. Рубка терновника по 15 сар. Рабочая сила по 6 сила»³.

В других случаях указывается количество человекоднев наемных людей и общая сумма зерна, выплачиваемая в качестве заработной платы, как, например, в неизданной табличке № 7929 Гос. Эрмитажа: «1593 гуруш на 1 день. Ячмень их 7965 сила. Рабочая сила людей наемных»⁴. Арифметический расчет показывает, что в данном случае рабочий день наемного человека оплачивался пятью сила ячменя, ибо при делении общей суммы заработной платы в 7965 сила ячменя на 1593 человекоднев получается 5. Я уже в 1935 г. установил, что, кроме 5 и 6 сила в день, платили и 8, и 10 сила ячменя⁵, а в последнее время мне удалось установить еще большую поденную плату, и именно 15 сила: «5 гуруш спаренных (табба)⁶, (т. е.) 10 гуруш наемных, по 15 сила. Ячмень их 150 сила на 1 день. 3 (?)⁷ гуруш спаренных, 8 гуруш наемных, по 15 сила. Ячмень их 120 сила»⁸.

владельческой латифундии в Шумере» (у. с., стр. 10). Против данного утверждения А. И. Тюменева я должен со всей решительностью подчеркнуть, что для моего доказательства рабовладельческого характера царского хозяйства III династии Ура вопрос о термине «каль», или, как его теперь читают, «гуруш», не имел никакого значения. Данное положение высказано мной со всей определенностью в «Изв. ГАИМК», № 77, стр. 54, в моем исследовании, хорошо знакомом акад. А. И. Тюменеву: «Я устанавливаю этот факт наличия рабов в царских латифундиях третьей династии Ура не путем филологического или лингвистического анализа социальных терминов, встречающихся в текстах, и пока еще не путем применения палеонтологического анализа... если я определяю работников, названных в счетных табличках просто «каль», т. е. буквально «сильный», как рабов, то я это делаю на основании анализа сводок надзирателей...» Мой критик спорил, к сожалению, не с тем, что у меня в действительности написано, а с тем, что было создано его воображением, как удобное для критики.

¹ № 100 издания М. В. Никольского, строки 1—7.

² См. В. Струве, К семантике жалованья, сборник «Язык и мышление», III—IV, стр. 105.

³ Строки 1—5 лицевой стороны таблички, датированной 5 г. царя Пурсина.

⁴ Строки 1—5 лицевой стороны таблички, датированной 32 г. царя Шульги.

⁵ В. В. Струве, К семантике жалованья, сборник «Язык и мышление», III—IV, стр. 104.

⁶ Эти «гуруш табба» невольно вызывают в памяти «шеш табба» («братьев спаренных»), о которых речь будет ниже.

⁷ Очевидно, описка писца. Следует читать «4».

⁸ H. F. Lutz, Sumerian Temple Records of the late Ur Dynasty I, «University of California Publications in Semitic Philology», 1928, т. 9, вып. 2, № 44. Табличка датирована вторым месяцем четвертого года царя Гимильсина.

Отрядам наемных людей платили по особым ведомостям, хранившимся в архиве в особых корзинах, как об этом свидетельствуют глиняные буллы, которые запечатывали содержание корзин с документами о «рабочей силе наемных людей»¹. В большом фрагментированном документе, посвященном расходованию большой суммы зерна в течение 7-го и 8-го годов Пурсина, упоминаются среди расходов, по различным статьям и расходы по оплате наемных людей². В сводках надзирателей выделялись в основной части документа те работы, которые выполнялись наемными людьми, так, например, в сводке Лугальгудэ³.

Такое выделение наемных людей среди общего числа гуруш-рабов было обусловлено не столько тем, что первые были формально свободными, а последние несвободными, но главным образом бухгалтерскими расчетами. Дело в том, что ежедневное довольствие работников, трудившихся в царском хозяйстве, будь они рабы или наемные люди, выдавалось из закромов по тем обычным ведомостям с поименными списками, образцы которых дошли до нас⁴. Выплата же зарплаты наемным людям производилась согласно специальной ведомости, выдаваемой заведующим закромом («ка гур»).

В связи с этим следует отметить, что указание сводки Лугальгудэ: «рабочая сила наемных людей (получена) от Арада»⁵, никак нельзя понимать таким образом, что чиновник Арад был надзирателем двух отрядов наемных людей, которые он предоставил в распоряжение составителя сводки Лугальгудэ. Арад не был простым надзирателем отряда работников царского хозяйства. По его распоряжению выдавалось другим чиновникам на самые различные потребности основное богатство страны—зерно, как об этом свидетельствуют многочисленные документы хозяйственной отчетности города Уммы⁶. В любопытном тексте, перечисляющем жертвы различным богам кожами крупного рогатого скота, мы находим прямое указание на то, что названный Арад был крупным сановником, а именно «заведующим закромом» («ка гур»)⁷. Поэтому в вышеприведенной сводке надзирателя Урнинсу последний получал рабочую силу наемных людей от «заведующего закромом»⁸, т. е. имя сановника Арада было заменено здесь названием его должности. На основании сказанного мы должны указать, что заведующий закромом Арад ни Урнинсу, ни Лугальгудэ не выдавал самих наемных людей, а лишь то количество ячменя, которое следовало получить этим людям при определении их поденной платы в столько-то мер зерна.

¹ С. E. Keiser, *Cuneiform Bullae of the third Millenium B. C.*, *Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan*, III, Нью-Йорк, 1914, №№ 116, 128 и 162.

² G. G. Hackman, *Temple documents of third Dynasty of Ur from Umma. «Babylonian Inscriptions in the Collection of J. B. Nies»*, Yale University, 1937, V, № 119, 165. В строке 173 упоминается расход по найму.

³ Столб. VII, 42 и VIII, 22.

⁴ См. статью N. Schneider в «Archiv für Orientforschung», III (1926), стр. 121, посвященную ведомостям одного из учреждений (мельницы), засвидетельствованным в архиве города Лагаша. Я говорю о подобных ведомостях в моем исследовании «Новые данные по организации труда и структуре общества позднего Сумера» (см. прим. 4 на стр. 13).

⁵ Столб. I, 12—13.

⁶ См. М. В. Никольский, ц. с., № 269, 271; N. Schneider, *Die Geschäfts-urkunden aus Drehem u. Djoja in den staatlichen Museen zu Berlin*, «Orientalia», 1930, № 47—48: №№ 170, 171, 179, 184, 186, 187, 189, 204, 205, 209, 211, 215, 218, 224, 226, 241, 242, 246, 247, 255, 258, 266, 267, 285, 286, 302, 309, 311, 312, 356, 468 и т. д. Наряду с Арадом, распоряжавшимся зерном царского хозяйства Уммы, мог существовать, конечно, в многолюдном аппарате этого хозяйства и надзиратель Арад. Таковой засвидетельствован табличкой (М. В. Никольский, ц. с., № 113).

⁷ ТЕО, № 5672, столб. V, 18.

⁸ См. стр. 18.

Другим признаком, отличающим наемных людей от противопоставляемых им в сводках надзирателей постоянных работников царского хозяйства, являлось то, что все они получали, как мы выше видели¹, полную норму ежедневного прокорма, т. е. 2 сила в день, или 60 сила в месяц. Что же касается постоянных работников, т. е. рабов, то из них получали полную норму лишь взрослые. Старики, женщины, подростки получали 2 сила в день, соответственно эффективности своего труда. Так, например, в табличке одной из американских коллекций мы читаем: «12 работников (гуруш) полной силы по 60 сила, 2 работника, рабочая сила по 50 сила, 3 работника, рабочая сила по 40 сила, 3 работницы по 30 сила, 3 детей по 15 сила, 1 ребенок по 10 сила. Ячмень их 3 гура 185 сила². С первого месяца до двенадцатого месяца города Лагаша. Всего 43 гура 120 сила зернодавания (ше-ба) носильщиков»³.

Если среди наемных людей мы находим разнообразие размеров заработной платы, то зато прокорм, получаемый ими, был одинаковым для всех. Он равнялся, как уже было сказано, норме полноценного работника—двум сила в день. В таком случае мы должны признать как несомненный факт, что в документах хозяйственной отчетности не засвидетельствовано деление наемных людей на группы по возрастному признаку. Из данного же факта можно сделать следующий, весьма существенный вывод: наемные люди царского хозяйства III династии Ура рекрутировались исключительно из числа взрослых людей.

Мы имеем еще один характерный признак, выделяющий наемных людей среди постоянных работников царского хозяйства, т. е. рабов последнего, а именно абсолютное отсутствие среди них женщин и наличие среди них исключительно одних лишь мужчин. По крайней мере ни в одном из многочисленных документов, связанных так или иначе с наемными людьми, не упоминается ни одна «женщина наемная»⁴. Следовательно, на основании всего вышесказанного, мы можем сказать со всей определенностью, что наемными людьми в царском хозяйстве III династии Ура могли быть только взрослые мужчины.

Вопрос о происхождении наемных людей, работавших в царском хозяйстве III династии Ура, никогда не ставился в специальной литературе, подобно очень многим вопросам социально-экономического порядка, связанным с обществом данной эпохи. Ставился лишь вопрос о происхождении наемных людей, засвидетельствованных документами I вавилонской династии и среднеассирийского периода, как за рубежом (например, П. Кошакер⁵ и Юл. Лаутнер⁶), так и у нас (акад. Н. М. Никольским⁷).

¹ См. стр. 19.

² Вполне правильный подсчет.

³ G. Barton, Haverford Library Collection of Cuneiform Tablets or Documents from the Temple Archives of Telloh, т. III, табл. 105, № 236. См. В. В. Струве, К семантике жалованья, стр. 105.

⁴ В полуразрушенной строке 34 сводки надзирателя отряда работниц (рабынь) № 250 издания N. Schnеider, Die Drehem u. Djoha Urkunden der Strassburger Universitäts u. Landesbibliothek, Рим, 1931, наверное не было указания на наемный труд.

⁵ P. Koschaker, Neue Keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna-Zeit, «Abhandl. d. Philolog.-Histor. Kl. d. Sächs. Akad. d. Wissensch.», т. XXXIX, № V, стр. 110.

⁶ Jul. G. Lautner, Altbabylonische Personenmiete u. Erntearbeiterverträge, Лейден, 1916.

⁷ Н. М. Никольский, Община в древнем Двуречье, ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 88 сл.

Указанные документы являются договорами о предоставлении наемных людей на время жатвы. Одним из контрагентов подобного договора был землевладелец, нуждавшийся в рабочей силе жнецов, а вторым контрагентом был его должник, который обязывался своему заимодавцу предоставить определенное количество жнецов. В случае неприхода жнецов в срок, вступал в силу закон царя¹. Названные зарубежные исследователи полагали, что наемные люди, в частности жнецы, поставлялись «семейными общинами»² или «земельными сообществами»³, а акад. Н. М. Никольский видел в жнецах, которых поставлял заимодавцу должник, представителей сельской общины⁴.

Материал, которым располагали для своих выводов названные исследователи, допускает и иную интерпретацию, предложенную иными зарубежными исследователями. Согласно последним, должник, предоставлявший своему заимодавцу рабочую силу для жатвы, являлся посредником при найме рабочей силы⁵. Во всяком случае ни в одном из всех этих договоров о предоставлении жнецов тому или другому землевладельцу не упоминается какой-либо коллектив,—будь это семейная община или земельное сообщество, или сельская община,—который обеспечивал бы выполнение договора. О наличии подобного коллектива вышеперечисленные исследователи могли лишь предположительно умозаключать, а выводы из подобных умозаключений, как известно, не всегда являются общеобязательными. Поэтому я полагаю, что вопрос о существовании и характере сельской общины в древнем Двуречье далеко еще не решен, и решаюсь высказать положение, что лишь документы хозяйственной отчетности III династии Ура смогут подвести нас действительно вплотную к разрешению вопроса о сельской общине в южном Междуречье.

Переходя к разрешению данной проблемы, следует предварительно сделать несколько методологических и методических указаний, которые, к сожалению, не были в достаточной степени учтены советскими историками, пытавшимися поставить вопрос о сельской общине в южном Междуречье. Первым из данных указаний является требование к советским историкам подходить к решению вопроса о сельской общине путем самостоятельного анализа первоисточников, а не путем эклектического выдергивания отдельных положений тех или других буржуазных исследователей, объявляемых «более вдумчивыми комментаторами, нежели прочие»⁶. Мы ведь можем пользоваться безоговорочно лишь теми данными трудов буржуазных ученых, которые устанавливаются непосредственно на основании бесспорно интерпретируемых источников. Во всех тех же случаях,

¹ P. Koschaker, ц. с., стр. 110.

² «Familienkommunion», см. P. Koschaker, ц. с., стр. 88 сл.

³ «Liegenschaftsgemeinschaft» см. Lautner, ц. с., стр. 173, прим. 516.

⁴ Н. М. Никольский, ц. с., стр. 89.

⁵ Н. М. Никольский перечисляет (ц. с., стр. 89) этих исследователей—Колер'а, Шерр'а и Швенцнер'а. По мнению акад. Никольского, такое понимание исходит из «мейеровско-каутскианской концепции капиталистического развития древнего Востока». Можно с уверенностью сказать, что перечисленные буржуазные исследователи Каутского никогда не читали, а Эл. Мейер, которого они читали, категорически отрицал капиталистическое развитие обществ древнего Востока. Он подчеркивает в своей брошюре «Рабство в древности» (русский перевод, СПб., 1899 г., стр. 26), что на Востоке, в противоположность Греции и Риму, дело не дошло до полного разрушения старой организации, т. е. крепостничества. Он утверждает, что существенные черты экономической жизни оставались на Востоке неизменными с самых древних времен и до настоящего времени (ц. с., стр. 25). В эпоху же расцвета греко-римского мира крепостничество средневековья сменилось рабством, стоявшим на равной линии со свободным трудом европейских обществ эпохи капитализма (ц. с., стр. 24).

⁶ Н. М. Никольский, ц. с., стр. 85.

когда мы имеем дело с выводами буржуазных ученых, мы можем пользоваться их положениями лишь после установления тех идеологических предпосылок, которые лежат в основе их исторического мировоззрения. Дело в том, что учения буржуазных ученых являются разнообразными, хотя и в одинаковой мере неприемлемыми для историка, работающего на основе метода марксизма-ленинизма. Так, наряду с буржуазными историками, утверждающими классовую борьбу как вечную категорию, существует в буржуазной историографии течение, которое отрицает в истории человечества классовую борьбу и объявляет исконным явлением в человеческом обществе отсутствие антагонистических противоречий. Буржуазные историки, создающие свои построения на основе подобной концепции, готовы отождествить принципы учения Прудона и учения Маркса, поскольку, по их мнению, «оба они проникнуты убеждением, что не путем насильственного переворота, но только посредством спокойного, органического преобразования может быть достигнут подлинный прогресс хозяйственных условий»¹.

На подобных предпосылках покоится в конце концов и концепция историка древнего права П. Кошакера, который утверждал, как мы выше видели, наличие в древнем Междуречье коллективов, близких сельским общинам. Во всяком случае названный ученый в 1942 г. определил общественный строй государства III династии Ура с его жестокой, бесчеловечной эксплуатацией не как рабовладельческий, а как строй «государственного социализма»². Поэтому неудивительно, если П. Кошакер был склонен видеть «семейные общины» или «земельные сообщества» и там, где они, может быть, не существовали. Действительно, применяя такую методику эклектического использования выводов и установок буржуазных историков, можно будет найти сельскую общину там, где о сельской общине в понимании Маркса и речи быть не может, как, например, в статьях 53—56 судебного кодекса Хаммурапи. В этих параграфах свода законов вавилонского царя некоторые из зарубежных исследователей, как, например, французский историк права Кюк, видят здесь указание на существование сельской общины³. Это утверждение не может быть принято. Действительно, в указанных статьях судебного кодекса Хаммурапи устанавливается кара не тем землевладельцам, которые отказались участвовать в публичных работах по укреплению плотины или же самовольно открыли водоем, а тем землевладельцам, которые причинили вред полям своих соседей небрежным укреплением своей плотины или небрежным открытием своего водоема:

53. «Если гражданин⁴ при закреплении плотины своего поля лежал на боку, свою плотину не укрепил (и) в его плотине отверстие откроется,

¹ См. G. M a i e r, *Soziale Bewegungen u. Theorien bis zur modernen Arbeiterbewegung*, серия «Aus Natur u. Geisteswelt», Лейпциг—Берлин, 1906, стр. 155.

² Р. К о с ч а к е р заявляет в своей статье «Zur staatlichen Wirtschaftsverwaltung in altbabylonischer Zeit, insbesondere nach Urkunden aus Larsa, ZA, т. 47 (1942), стр. 149, что семитические государства, сменившие шумерийскую державу III династии Ура, устранили государственный социализм («Staatsozialismus») и расширили частное хозяйство.

³ См. у Н. М. Н и к о л ь с к о г о, ц. с., стр. 86, ссылки на соответствующие исследования Кюка. Последний принадлежит к той французской школе историков права, которая уже в 1934 г. в лице своего представителя Serge Dairaines открыла государственный социализм в Египте в эпоху XVIII династии. См. книгу названного ученого «Un socialisme d'état quinze siècles avant J.-C.», Париж, 1934.

⁴ Так я перевожу вместе с несколькими другими исследователями термин судебного кодекса «авилум» — «человек», «гражданин», т. е. полноправный гражданин державы Хаммурапи. Раньше этот термин переводился «кто-нибудь», например, И. М. В о л к о в ы м в его книге «Законы вавилонского царя Хаммурапи», Москва, 1914.

так что он дал снести воде полевой комплекс, (то) гражданин, в плотине которого отверстие открылось, возместит зерно, которое он загубил.

54. Если зерно возместить он не может, (то) его и имущество его продают за серебро и его делят владельцы полевого комплекса, зерно которых вода снесла.

55. Если гражданин свой водоем откроет (затем), лежа на боку, дал воде снести поле своего соседа, (то) он зерно, подобно соседу своему, отмерит.

56. Если гражданин, воду открыв, дал воде снести обработанное поле своего соседа, (то) он отмерит на 1 ган 10 кур зерна».

Преступления подобного рода, описанные в только что процитированных статьях судебного Хаммурапи, не были бы возможны в сельских общинах, описанных Марксом. Дело в том, что, согласно последнему, сельские общины Индии, как и других восточных стран, «предоставляют центральному правительству заботу о крупных общественных сооружениях»¹. Прекрасной иллюстрацией к данному положению Маркса может служить приказ царя Хаммурапи своему наместнику области Ларсы Синидиннаму призвать «людей, которые имеют поля у берега канала Даманум, чтобы они очистили канал Даманум»².

Конечно, можно допустить, что плотина, о которой речь идет в статьях 53 и 54 судебного Хаммурапи, была слишком незначительна, чтобы быть включенной в число «крупных общественных сооружений». Все же и при таком допущении нельзя считать возможным положение, при котором заботы об укреплении плотины целого полевого комплекса были бы предоставлены в подлинной сельской общине самостоятельным и бесконтрольным действиям отдельных землевладельцев, а не согласованным действиям целого коллектива. Несомненно, в сельских общинах, описанных Марксом, закрепление подобной плотины было общим делом всех представителей общины, работавших под руководством чиновника общины, заведующего охраной плотин³ и надзором за водоемами. Отказ от работы над укреплением плотин ирригационной сети общины являлся тяжким преступлением для любого представителя общины. Поэтому он уже тогда привлекался к ответственности, а не впоследствии, в момент прорыва плотины. Точно так же в подлинной сельской общине было недопустимым явлением, чтобы какой-нибудь представитель общины самостоятельно и бесконтрольно мог открыть водоем, питавший водой поля нескольких землевладельцев. Согласно Марксу, в индийской сельской общине «лицо, имеющее надзор над водохранилищами и водостоками, распределяет воду для нужд земледелия»⁴. Поэтому в сельской общине являлось преступлением уже одно самовольное открытие водоема, а не только открытие его с последующим бездействием со стороны выпустившего воду. Что же касается статей 53—56, то они устанавливают обязательство возместить ущерб, причиненный полям соседей небрежным отношением какого-нибудь землевладельца к ирригационным сооружениям. Они являлись основанием для предъявления иска виновному со стороны пострадавших. Иск подобного рода мог предъявляться и согласно афинскому праву к соседу, по вине которого оказывалось залитым водою поле⁵. Следуя методике

¹ К. Маркс, Британское владычество в Индии (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 349).

² A. Ungnad, *Altbabylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi Dynastie*, Лпц., 1914, № 42, стр. 39.

³ Об этой функции чиновничьего аппарата общины см. ниже.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 350.

⁵ С. Ф. Ке ч е к ъ я н, Всеобщая история государства и права, ч. I, «Древний мир», вып. I—«Древний Восток и древняя Греция», Москва, 1944, стр. 199.

вышеназванного французского историка права Кюка, пришлось бы утверждать и в Аттике V—IV вв. наличие сельских общин. Подобный вывод не может быть признан правильным и, таким образом, на основании всего вышесказанного следует в указанных статьях судебного Хаммурапи видеть не свидетельство о наличии сельских общин, а свидетельство о проникновении частновладельческих норм в ирригационное сельское хозяйство Вавилонии. Эти частновладельческие нормы настолько укрепились в дальнейшем, что в нововавилонскую эпоху даже каналы, создававшие плодородие целого комплекса полей, могли стать владением частного лица со всеми вытекающими отсюда последствиями. Богатый человек, как, например, представитель торгового дома сыновей Мурашу из Ниппура, получал за подачу воды из канала, являвшегося его владением, часть урожая от владельцев орошаемых каналом полей или садов¹.

Следуя указаниям некоторых из зарубежных исследователей, можно установить, казалось бы, наличие сельских общин на основании слишком общих признаков, свойственных любому населенному пункту при любом общественном строе. Так, свидетельство о существовании сельской общины хотели видеть некоторые исследователи в статьях 23—24 судебного Хаммурапи². В них устанавливается ответственность «алу» («населенного пункта», «общины») за грабеж или убийство, совершенные на территории данного «алу» неизвестными преступниками.

«23. Если грабитель не схвачен, (то) ограбленный гражданин точно указывает перед богом все то, что у него пропало, и община («алу») и начальник («рабианум»), на земле которых и в округе которых грабеж был произведен, все то, что у него пропало, ему возмещают.

24. Если это (была) жизнь, то община и начальник («рабианум») уплачивают 1 мину серебра людям его (т. е. убитого)».

Подобная ответственность не могла лечь на сельскую общину Индии. Общинная система Индии сообщала, согласно Марксу, каждому из этих маленьких центров независимую организацию и отдельную своеобразную жизнь. Поскольку сельские общины Индии, разбросанные по всей стране, абсолютно не были связаны между собой, то одна из обязанностей специального представителя чиновничьего аппарата сельской общины, так называемого «таллиера», и состояла «в сопровождении и защите лиц, переезжающих от одного села до другого»³. Очевидно, чиновничий аппарат вавилонского «алум» не сопровождал и не защищал лиц, переезжающих от одного «алум» до другого. Следует отметить также еще один момент, который отличает «общину» («алум») Вавилонии эпохи царя Хаммурапи от сельской общины Индии, описанной Марксом, а именно положение начальника («рабианум») вавилонского «алум». Действительно, «начальник» индийской деревни, входивший в состав чиновничьего аппарата общины, не противопоставлялся в качестве самостоятельной силы самой общине. «Начальник» же вавилонского «алум» выступает, как мы выше видели, наряду с «алум» в качестве самостоятельного контрагента. Земля и округ «алум» принадлежат ему и «алум», и он и «алум» возмещают убытки ограбленному, он и «алум» уплачивают мину серебра родственника. Очевидно, «начальник» («рабианум») вавилонской общины являлся не чиновником общины, как «начальник» сельской общины Индии, а чиновником, представителем царской власти. Поэтому я и полагаю, что «община»—«алум» статей 23—24 судебного вавилонского царя нельзя отоже-

¹ В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока, «Изв. ГАИМК», 97, стр. 10 и стр. 33, прим. 61.

² Н. М. Никольский, ВДИ, 1938, № 4, стр. 85, перечисляет их. Ср. также С. Ф. Кечекьян, ц. с., стр. 92.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 350.

ствлять с «сельской общиной» Индии, описанной Марксом. Что же касается ответственности «алум» Вавилонии за грабеж и убийство, свершенные в его округе, то подобная ответственность ложится на населенный пункт в любом обществе вплоть до капиталистического. Общины и в капиталистическом государстве отвечали совместно с государственным аппаратом за безопасность на своей территории ¹.

Уже вопрос об определении связи чиновника «рабианум» с «алум» статей 23—24 судебного Хаммурапи подводит нас вплотную к весьма существенному моменту своеобразия аппарата сельской общины Индии, неоднократно описанного Марксом ². Данный момент не учитывался в достаточной степени теми исследователями, которые стремились и в Вавилонии доказать существование сельских общин, подобных сельским общинам Индии. Исследователи довольствовались установлением одного или двух действительных соответствий между многолюдным аппаратом сложной индийской общины и аппаратом того коллектива, который выступает одним из контрагентов в документах пограничных камней (так называемых «кудурру») касситской эпохи ³. Для установления действительного тождества чиновничьего аппарата индийской сельской общины с чиновничьим аппаратом сравниваемого с ней коллектива южного Междуречья эпохи касситов требуется сопоставление многолюдного и сложного чиновничьего аппарата большой индийской общины с чиновничьим аппаратом коллектива Вавилонии, являвшегося продавцом земли в том или другом «кудурру»-документе. Установление подобного тождества возможно пока лишь для Египта. Дело в том, что папирусы птолемеевского Египта сохранили нам обильный материал по организации и по составу чиновничьего аппарата египетской деревни («комэ») того времени. Это знаменитый архив деревни («комэ») Керкеосирис, большого поселения в Фаюме, располагавшего 69½ арур усадебной земли, 169½ арур неплодородной земли и 4470½ арур пашни, т. е. всего около 1570 гектаров земли ⁴. На основании данного архива с привлечением другого находящегося в нашем распоряжении папирусного материала мы можем восстановить тот аппарат, который управлял деревней («комэ») птолемеевского Египта ⁵. Восстанавливая его, мы приходим вместе с тем к тому поразительному результату, что почти весь тот сложный штат чиновников, который перечисляется Марксом в качестве руководителя большой индийской общины, имеется налицо и в большой деревне птолемеевского Египта ⁶.

¹ Об этом свидетельствуют соответствующие статьи в любом энциклопедическом словаре.

² Маркс говорит о чиновничьем аппарате индийской общины в трех местах. Первый раз он говорит о нем в статье «Британское владычество в Индии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 350). Данное описание его Маркс взял из старого официального отчета индийской палаты общин, посвященного индийским делам. Маркс повторяет его через несколько дней в письме к Энгельсу от 14 июня (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XXI, переписка 1844—1859 гг., стр. 500). В третий раз описывает Маркс чиновничий аппарат индийской общины в т. I «Капитала», Госиздат, 5-е изд., Ленинград—Москва, 1930, стр. 270. Здесь Маркс не ссылается на парламентский отчет, а на несколько трудов по истории Индии.

³ Н. М. Никольский, ВДИ, 1938, № 4, стр. 78.

⁴ В. В. Струве, Право владения землями, пахотной и виноградной, в птолемеевском Египте, ЖМНП, 1915, стр. 42 сл.

⁵ Литература по организации египетской деревни птолемеевской эпохи приведена в моем исследовании «Марксово определение раннеклассового общества, «Советская этнография», 1940, т. III, стр. 15, пр. 1.

⁶ К этому выводу я пришел уже в своем исследовании 1940 г., пропечатавшемся в предшествующем примечании. На него, к сожалению, было обращено столь же мало внимания, как и на мой перевод сводки надзирателя Лугальгудэ (см. выше прим. 5 на стр. 13) и на исследование «К семантике жалованья». Поэтому я позволю себе перечислить в настоящем исследовании все соответствия между чиновничьим

Действительно, «потелю», главе индийской общины, который «имеет общий надзор за делами села, улаживает споры обывателей, заведует полицией и исполняет обязанность сборщика налогов внутри села»¹, может соответствовать в деревне Керкеосирис «начальник деревни», «комарх», рядом с которым имеется еще специальный полицейский чиновник, так называемый «настоятель» («эпистат») деревни. Соответствие бухгалтеру индийской общины, который ведет счет земледельческим операциям, отмечает и регистрирует все связанное с ними, мы находим в центральной фигуре чиновничьего аппарата деревни птолемеевского Египта, в «комограмматевсе» — «писце деревни». «Курнум», который в индийской общине «следит за состоянием земледелия и регистрирует все к нему относящееся»², имеет свою параллель в «старейшинах», «пресвитерах» земледельцев, которые наблюдали за правильной обработкой всей принадлежавшей деревне царской земли. «Таллиера», обязанность которого «состоит в собирании сведений о преступлениях и проступках» и, как мы выше видели, «в сопровождении и защите лиц, переезжающих от одного села до другого»³, следует, конечно, сопоставить с «филакитами», полицейскими птолемеевской деревни. Индийский «тотиэ», охраняющий урожай, безусловно тождествен с «генематофилаками», «охранителями урожая», под наблюдением которых вся жатва направлялась в ригу деревни. Пограничник индийской общины имеет свою аналогию в лице «эремофилаков» — «охранителей пустыни», наблюдавших за пустыней, примыкавшей к плодородной земле долины Нила и являвшейся убежищем для кочевников или беглых рабов и крестьян. В индийской сельской общине существовал, как мы выше видели, специальный чиновник, который вел надзор над водохранилищами и водостоками и распределял воду для нужд земледелия⁴. Часть его функций, бесспорно, выполнялась в египетской деревне эллинистической эпохи так называемым «катаспоревсом» — «наблюдателем за посевом», который вместе с тем был и «хоматэпимелет», т. е. «наблюдателем за дамбами»⁵. Что же касается функции распределения воды между отдельными участками, то она имела, наверное, своего специального носителя и в эллинистической и в доэллинистической деревне Египта. Он, наверное, будет найден в дальнейшем, по мере роста наших знаний об аппарате управления египетской деревни. Браминам индийской деревни, наконец, соответствуют те жрецы, которые были представлены в Керкеосирисе⁶. Конечно, не всегда аппарат египетской деревни был столь сложен. Если деревня не была велика, то и в Египте, как и в Индии, «некоторые из описанных выше обязанностей и функций соединяются в одном и том же лице»⁷. Во всяком случае, почти полное тождество между дифференцированным чиновничьим аппаратом индийской общины и дифференцированным чиновничьим аппа-

аппаратом индийской общины, описанной Марксом, и чиновничьим аппаратом египетской деревни Керкеосирис птолемеевской эпохи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 350.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Оно называлось, согласно парламентскому отчету, использованному Марксом, «neergunttee» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 500).

⁵ Данный чиновник пока засвидетельствован папирусами римской эпохи — L. Mitteis, U. Wilcken, Gründzüge u. Chrestomathie der Papyruskunde, II, I пол., стр. 335.

⁶ Интересно отметить, что в области религии сельские общины Индии и Египта «создали грубый культ природы, унижительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед коровой Сабалой» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 351). Египтяне, как известно, также благоговейно преклонялись перед обезьяной, коровой и другими животными.

⁷ Там же, стр. 350.

ратом деревни эллинистического времени является фактом весьма примечательным. Он может служить основанием для утверждения в Египте наличия сельской общины¹. Для Вавилонии подобное основание еще не установлено.

Последний момент, на который я считаю своим долгом указать исследователям, изучающим сельскую общину южного Междуречья, это необходимость правильного марксистско-ленинского объяснения классовообразования внутри общины. К сожалению, мы находим в одном из исследований, посвященных общине в древнем Двуречье, полное забвение этого столь существенного методологического момента. Здесь объясняется процесс внутреннего распада общины наличием в последней своего чиновничьего аппарата: «Должностные лица общины имеют право не только на прибавочный продукт в той доле, какая является эквивалентом их общественно-полезных функций, но... имеют также право требовать от общинников работы на себя—возникла уже отработочная рента»².

Подобное объяснение внутреннего распада сельской общины в Вавилонии эпохи касситов приводит со всей несомненностью к неприемлемой для нас концепции азиатского способа производства, установки которой льют воду на мельницу наших врагов. Для объяснения классовообразования и внутри вавилонской общины следует, конечно, использовать указания Маркса, посвященные этому вопросу в двух вариантах его письма к В. И. Засулич: «Оставляя в стороне все влияния враждебной среды, уже одно постепенное накопление движимого имущества, начинающееся с накопления скота (допуская даже накопление богатства в виде крепостных), все более и более значительная роль, которую движимое имущество играет в самом земледелии, и множество других обстоятельств, неотделимых от этого накопления, но изложение которых отвлекло бы меня слишком далеко,—все это действует как элемент, разлагающий экономическое и социальное равенство, и порождает в недрах самой общины столкновение интересов, которое сперва влечет за собой превращение пахотной земли в частную собственность и которое кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших общинными при д а т к а м и частной собственности»³.

Данные слова письма Маркса указывают на правильный путь объяснения классовообразования внутри общины. Разложение последней было обусловлено, конечно, постепенным накоплением в руках некоторых представителей общины движимого имущества в виде скота, а также рабов или крепостных⁴ и т. п., а не правом чиновничьего аппарата требовать от рядовых представителей общины работы на себя. Наличие же и развитие частной собственности мы можем проследить в обществе южного Междуречья на основании судебныхников, начиная с судебного III династии Ура, и частноправовых документов, также начиная с документов III династии Ура. Нормы частновладельческого права достигли в южном Междуречье в конце концов такого развития, что богатые люди, как мы выше ви-

¹ Правда, уже в эпоху правления Птолемеев сельские общины Египта пребывали на стадии сильнейшего разложения, ибо они уже больше не покоились на общем владении условиями производства, так как в Египте уже во II в. до н. э. во всяком случае пауперизация достигла катастрофических размеров, как в смысле объема, так и в смысле глубины.

² Н. М. Никольский, ВДИ, 1938, № 4, стр. 78.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII (первый набросок письма к В. И. Засулич), стр. 681. Подобное же решение вопроса о классовообразовании внутри общины с первоначальным экономическим и социальным равенством мы находим и в третьем наброске письма к В. И. Засулич (там же, стр. 695).

⁴ См. третий набросок письма к В. И. Засулич (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 695).

дели, в нововавилонскую эпоху могли владеть даже каналами и ставить в зависимость от себя владельцев участков, орошаемых этими каналами ¹.

После установления этих методических и методологических предпосылок, необходимых для успешного разрешения вопроса о сущности и роли сельской общины, я могу вернуться к вышеуказанным наблюдениям над положением наемных людей царского хозяйства III династии Ура, которые, как я полагаю, подведут нас вплотную к проблеме о сельской общине той эпохи.

Мной было выше установлено, что в эпоху III династии Ура в царском хозяйстве наемные люди рекрутировались исключительно из числа взрослых мужчин ². Если это положение соответствует действительности, а я не имею основания сомневаться в правильности его, то в связи с ним вполне закономерно возникает догадка, что наемные люди, включаемые в царское хозяйство в течение сельскохозяйственного года, также и на время жатвы, имели какое-нибудь свое хозяйство, но столь небольшое, что его могли обслуживать их члены семейства—жена, дети и младшие братья. Эта догадка находит свое подтверждение в наличии среди землевладельцев Уммы некоторого количества лиц, располагавших мельчайшими земельными наделами, размером в 1 ган, т. е. в $\frac{1}{3}$ гектара. Мы предполагаем среди изданного материала несколькими списками подобных землевладельцев. В данных документах-списках перечислялись вместе с землевладельцами их сыновья и члены семьи, называвшиеся «шеш табба»—«брат близнец», «брат спаренный». Так, например, в большом документе-списке в 208 строк текста от 2 года царя Пурсина, хранившемся в государственных музеях Берлина, приводятся имена членов семей и этих мелких землевладельцев в следующем порядке:

«1³ (ган) Дада

1⁴ Урдунпаа сын его

1⁵ (гур) Акалла брат спаренный

сын Урнинтуме

Умер Ушму

$\frac{1}{2}$ (ган) ⁶ Урез, сын его

1 (ган) Наму

1 (гур) Лугальдублаль, сын его, брат спаренный ⁷

Умер Башабэ

10 (сила) Акалла» и т. д. ⁸

Лица, перечисленные здесь, могли быть привлечены царским хозяйством как наемная чернорабочая сила. Они, очевидно, соответствуют

¹ См. В. В. Струве, «Изв. ГАИМК», 97, стр. 5—12.

² См. выше стр. 18.

³ В тексте дан горизонтальный полуовальный знак, который обозначал в шумерийской клинописи цифру, которая может соответствовать 1 ган. Правда, этот цифровой знак может соответствовать иной раз и одному гур (т. е. мере емкости). См. Deimel, *Sumerische Grammatik*, стр. 190 и 196.

⁴ Вертикальный клин, обозначающий цифру «1». Он ставится в тексте ради облегчения подведения итога, так как указывает на то, что перечисляемое за клином лицо не должно быть скинуто со счетов.

⁵ Горизонтальный клин, обозначающий обычно в документах хозяйственной отчетности цифру, соответствующую 1 гур.

⁶ Вертикальный полуовальный знак, перекрещивающийся с горизонтальным клинописным знаком. Я готов видеть в нем обозначение для одной половины ган. Если я прав, то, очевидно, Урез, сын умершего Ушму, не достиг еще совершеннолетия и ему поэтому была предоставлена лишь половина надела.

⁷ Очевидно, иной раз «шеш табба»—«брат спаренный» являлся техническим термином для обозначения не столько степени родства, сколько для обозначения какой-то категории рабочей силы.

⁸ Документ издан без перевода и комментария N. Schneider, *Die Geschäfts-urkunden aus Drehem u. Djoja in den staatlichen Museen zu Berlin*.

«носильщикам», называемым в итоговой части таблички¹. Среди лиц, перечисленных в других строках данного документа, были «изготовители колесниц» («нагар»), или просто «ремесленники» («уммиа»)². Правда, можно высказать сомнение в том, что упомянутые в процитированном тексте Дада и Наму были владельцами 1 ган земли, поскольку горизонтальный полуовальный знак перед их именами может быть интерпретирован и как цифра, соответствующая одному гур³. Действительно, это сомнение мы не можем рассеять на основании текста одного лишь только что привлеченного документа-списка. В последнем, как мы видели, не следует слово «ган» за интересующим нас цифровым знаком, и поэтому мы можем интерпретировать его и как «1 ган» и как «1 гур». Данный вопрос может быть решен двумя другими документами-списками из тех же государственных музеев Берлина. В одном из них, не датированном, мы находим, действительно, в первых строках связь горизонтального полуовального знака со словом «ган», мерой площади размером в $\frac{1}{3}$ гектара:

«1 ган носильщика⁴ Кашара пастух овец, вскармливаемых зерном Резчик (тростника), носильщик Урдумазида⁵.

1 ган носильщика Алульлуль

1 ган носильщика Лугальзида

1 ган носильщика Хувава

1 Урмами

Сыновья его⁶.

1 ган носильщика Билда, пастух овец, вскармливаемых зерном

1 (ган) носильщик 64 (сила) Аннахилиби» и т. д.⁷

В заключении документа указывается на то, что все перечисленные лица являются «носильщиками»⁸. Имена носильщиков Кашара, Алульлуль, Лугальзида, Хувава, Билда перечислены вслед за указанием «1 ган носильщика». Следовательно, мы имеем полное право утверждать, что горизонтальный полуовальный знак соответствует, действительно, в данных документах выражению «1 (ган)» и Кашара и другие только что перечисленные лица являются владельцами наделов размером в 1 ган. Нам остается объяснить, почему в следующих строках текста, начиная с выше процитированной строки «1 (ган) носильщик 64 (сила) Аннахилиби» исчезает слово «ган» и заменяется цифровым «64 (сила)», т. е. 64 мерами «сила» зерна в месяц⁹. Я полагаю, что все «носильщики», перечисленные в документе вслед за Аннахилиби и поставленные в связь с 64 мерами («сила») зерна, не владели индивидуальным самостоятельным наделом размером в 1 ган. Все они, очевидно, обрабатывали совместно большой участок и получали в течение 12 месяцев года то количество зерна, которое соответствовало среднему урожаю с 1 гана, т. е. $\frac{1}{3}$ гектара земли. Установлено, что средний урожай с 1 гана равнялся примерно $3\frac{1}{3}$ гур¹⁰ зерна, или

¹ Указанная табличка, строка 198.

² Там же, строки 16 и 43.

³ См. сказанное в примечании 3 на стр. 29.

⁴ Буквально «носильщика ган».

⁵ Очевидно, Кашара и Урдумазида владели совместно 1 ганом земли.

⁶ Очевидно, все перечисленные лица, начиная с Урдумазида и кончая Урмами, являлись сыновьями Кашара.

⁷ N. S c h n e i d e r, ц. с., № 483, строки I—II.

⁸ Там же, строка 101.

⁹ В дальнейших строках документа слово ган встречается только в итоговой части (N. S c h n e i d e r, ц. с., № 483, строки 47—48, в которых учтены те 5 землевладельцев: Кашара, Алульлуль, Лугальзида, Хувава и Билда, которые были выше перечислены).

¹⁰ См. W. S c h w e n z n e r, Zum altbabylonischen Wirtschaftsleben, MVAG, 1914, вып. 3, стр. 75. Автор устанавливает, что средний урожай с 1 бургана равнялся

1000 сила зерна, коль скоро 1 гур равнялся 300 сила. Если Аннахилиби и его товарищи получали в месяц 64 сила зерна, то в год они получали 768 сила, или 2 гур 168 сила. Нехватает, как мы видим, немного больше $\frac{1}{2}$ гур зерна, чтобы получились те $3\frac{1}{3}$ гур, соответствующие среднему урожаю с 1 ган. Самым вероятным объяснением подобной нехватки зерна является предположение, что она соответствует тому налогу, который сельские общины были обязаны выплачивать государству.

Действительно, мы можем установить, что эти мелкие землевладельцы платили царскому хозяйству налог зерном. Правда, это удастся установить лишь после сопоставления третьего из указанных документов-списков, хранившихся в государственных музеях Берлина¹, с одной из табличек собрания музея при Иальском университете². Оба названные документа датированы 8 годом Пурсина. Берлинская табличка является большим документом (всего 152 строки), в котором перечисляются около сорока лиц, владевших наделом в 1 ган. В связи с ними перечисляются их сыновья. При каждом из них упоминается еще какая-то «роща», определяемая своим именем собственным. Перечисленные в данном документе лица названы и «носильщиками»³ и «людьми рощи»⁴. Только эта связь перечисляемых лиц с какими-то рощами отличает данный список мелких землевладельцев от тех 2 других подобных же списков, которые были мной выше рассмотрены

1⁵ ган Ургештинанка

1⁶ Лусуккаланка, сын его

(К) роще Кисурра он приставлен

1 (ган) 15 (сила) 4⁷, носильщик Дуггани

(К) роще Шунамуги он приставлен

1 ган Кашара

1 Лугалькагина, сын его

(К) роще Акунбил он приставлен

Старик Урабба

1 ган Лушара, сын его

(К) роще местности Камари⁸ он приставлен

Умер Лугальтуду

1 ган Лугина

1 (гур) Ахубакар

Умер Лушара

1 Аданах.

Сыновья его» и т. д.⁹.

Документ музея при Иальском университете является значительно меньшим по объему (42 строки), ибо в нем перечисляются поименно одни лишь земледельцы без их сыновей и «рощи». Почти все имена Иальской

примерно 60 гур, поскольку же 1 ган являлся $\frac{1}{18}$ бургана, то урожай с 1 гана соответствовал примерно $3\frac{1}{3}$ гур.

¹ N. Schneider, ц. с., № 382.

² G. G. H a c k m a n. Temple Documents of the Third Dynasty of Ur from Umma, «Babylon. Inscriptions in the Collection of J. B. Nies, Yale University», 1937, т. V, № 8. Издатель сам не заметил этого соответствия.

³ Строка 136 данного документа.

⁴ Там же, строка 141—142.

⁵ Горизонтальный полуовальный знак.

⁶ Вертикальный клин.

⁷ Я не понимаю значения «15(сила)4», заменившего в данной строке интересующего нас документа слово «ган». Выражение «15(сила)4» встречается только в данной строке документа.

⁸ Местность Камари очень часто встречается в документах хозяйственной отчетности Уммы в эпоху династии Ура.

⁹ N. Schneider, ц. с., № 382, строки 6—23.

таблички мы находим в только что рассмотренном документе-списке государственных музеев Берлина:

«150 (сила) зерна¹ Ургештинанка
150 (сила) зерна Кашара.
150 (сила) зерна Лушара.
150 (сила) зерна Лугина» и т. д.².

Всего, перечисляются здесь в связи с 150 сила зерна 32 из перечисленных в берлинском документе-списке мелких землевладельцев.

Эти два генетически тесно связанные между собой документы отличаются друг от друга не только своей величиной, но и своим назначением. Табличка государственных музеев Берлина, подобно 2 другим выше рассмотренным табличкам тех же музеев, была составлена как оправдательный документ для выдачи перечисленным лицам шерсти, одежды и зерна³. Табличка же музея при Иальском университете была составлена для определения того количества зерна, которое следовало получить царскому хозяйству с этих мелких землевладельцев: «Всего 16 гур зерна от людей роши приношение»⁴. Очевидно, данные 16 гур зерна соответствуют сумме тех 32 раза перечисленных 150 сила, отмечаемых в связи с именами 32 мелких землевладельцев, располагавших наделом в 1 ган. Следовательно, эти 150 сила являлись не чем иным, как налогом, который уплачивался в год царскому хозяйству с надела в 1 ган. 150 же сила, причисленные к 768 сила, получаемым, как мы выше видели, самим землевладельцем давали примерно то количество зерна, которое соответствовало урожаю с 1 ган земли.

На основании всего вышеприведенного я и полагаю, что коллективы этих мелких землевладельцев, плативших царскому хозяйству налог, могут быть определены как сельские общины. Представители их обрабатывали свои наделы или индивидуально, или коллективно, но и при том и при другом способе обработки они получали за вычетом налога около 60 сила зерна (т. е. около 30 килограммов). Они, правда, еще получали, как мы выше видели, одежду, шерсть, немного эммера, но и с учетом данных подачек со стороны царского хозяйства доход представителей сельских общин оставался крайне ничтожным. Поэтому они должны были поддерживать себя еще побочным заработком, т. е. наемным трудом, и в первую очередь в царском хозяйстве. Тем самым для последнего сельские общины становились источником наемной силы. Во время отсутствия взрослых мужчин сельских общин на работах в царском хозяйстве небольшие их наделы обрабатывались женщинами, стариками и детьми.

В особенно тяжелом положении находились в семьях этих общинников их младшие братья. Это и были, очевидно, те «братья близнецы», «братья спаренные» («шеш табба»), о которых я выше говорил. Они играли в хозяйстве брата роль батрака, подобно младшему брату в египетском эпосе-сказке о 2 братьях. Если же у брата были свои сыновья-подростки, то положение младших братьев становилось уже невыносимым. Царское хозяйство, учитывая это, давало этим «шеш табба» («братьям спаренным») 1 гур (300 сила) ячменя в год. По крайней мере, мы находим в списках перед именем лица, являвшегося «шеш табба», горизонтальный клин, обо-

¹ Какой-то продукт, который пишется знаком еще не установленного чтения. Его мерят зерновыми мерами. См. N. S c h n e i d e r, Die Keilschriftzeichen der Wirtschaftsurkunden von Ur III nebst ihren charakteristischen Schreibvarianten, Рим, 1935, № 815, стр. 94.

² G. G. H a s k i n a n, ц. с., № 8, строки 1—4. «Носильщик Дуггани» перечисляется ниже в строке 23 Иальской таблички.

³ Эммера, кажется. Ячмень они получали со своего участка.

⁴ Строки 40—41 Иальской таблички.

значавший, как известно, 1 гур¹. В документах хозяйственной отчетности, посвященных операциям с рабочей силой, перечисляются среди различных категорий работников и лица, названные «шеш табба»². Надо полагать, что «шеш табба» («братьями спаренными») являлись в документах хозяйственной отчетности и те «носильщики», перед которыми ставился в качестве определителя горизонтальный клин. Так, в одной из табличек музея при Иальском университете упоминается подобный «носильщик» в очень любопытном контексте³. Содержание таблички следующее:

«3 гуруш,
горизонтальный клин—носильщик.
на 12 месяцев.

Рабочая сила их 1200 дней.
Лугальэбаншаг (их) поставил.
Дата: 35 год царя Шульги».

3 гуруш-раба, работавшие 12 месяцев, т. е. 360 дней, трудились 1080 дней. Следовательно, на долю носильщика, определенного горизонтальным клином, остается только 120 дней, т. е. 4 месяца. Таким образом, его полная нагрузка равнялась 4 месяцам, подобно нагрузке общинников в эпоху Урукагины, которые также работали в храмовом хозяйстве в течение 4 месяцев в году⁴. За 1 гур ячменя, получаемый «братьями спаренными» в год из царского хозяйства, они должны были отрабатывать 4 месяца. В остальные 8 месяцев они могли, очевидно, наниматься в качестве батраков. Когда же подобная жизнь «братьям спаренным» становилась слишком тягостной, они входили в состав царского хозяйства, а также и частного хозяйства⁵ в качестве рабов. Тем самым сельские общины эпохи III династии Ура были для господствующего рабовладельческого класса не только источником наемной силы, но также и тем резервуаром, из которого он черпал некоторую часть своих рабов.

Сельские общины оказались теснейшим образом связанными с громадным царским хозяйством, и они тем самым резко отличались от индийских общин феодальной эпохи с их абсолютной изолированностью, независимой организацией и самостоятельной, своеобразной жизнью.

Дальнейшие исследования должны углубить и расширить наши знания о сельских общинах южного Междуречья III династии Ура.

Результатом дальнейшего исследования общины в древнем Двуречье будет полное преодоление порочной концепции азиатского способа производства, живой еще в тех исследованиях, которые пытаются по существу отрицать рабовладельческий характер производственных отношений древневосточных обществ, твердо установленный в марксистско-ленинской науке.

¹ N. Schneider, ц. с., № 324. строки 35, 56, 61, 78, 82, 89, 92, 100. См. также N. Schneider, Die Drehem und Djoha Urkunden der Strassburger Universitäts- u. Landesbibliothek, Рим, 1931, № 85, строка 64.

² A. Deimel, Sumerisches Lexikon, № 331. 24 (стр. 589); G. G. Hackman, ц. с.; № 222, 243.

³ G. G. Hackman, ц. с., № 226.

⁴ В. В. Струве, «Изв. ГАИМК», № 97, стр. 17.

⁵ См. Genouillac, Textes juridiques de l'époque d'Ur, «Revue d'Assyriol.», т. VIII, стр. 1—32.

Акад. А. И. Тюменев

ИМЕЛ ЛИ ТЕРМИН «ГУРУШ» («КАЛЬ») СОЦИАЛЬНУЮ ЗНАЧИМОСТЬ?

(По поводу статьи И. М. Дьяконова в ВДИ, 1948, № 1)

В «Вестнике древней истории» (1948, № 1) помещена заметка проф. И. М. Дьяконова «Еще раз о термине «гуруш» («каль») в шумерском языке», посвященная той же теме, как и моя статья в № 2 того же журнала за 1946 г. Соглашаясь с тем, что термин «гуруш» не служил для обозначения рабства, проф. И. М. Дьяконов в то же время вообще отказывается признавать за ним какую-либо социальную значимость. С таким отрицанием всякой социальной значимости за термином «гуруш» («каль») я, признавая специальный авторитет проф. И. М. Дьяконова в области ассириологии, все же не считаю возможным согласиться. Вопрос этот не может быть разрешен простой справкой словарного характера, какую дает в своей заметке проф. И. М. Дьяконов. Конечно, если подходить к вопросу с чисто лексикологической точки зрения, иного значения кроме значения «взрослый», «сильный» термину «гуруш» приписать нельзя (даже значения «боец», «работник» являются не непосредственными, а производными). Однако такой чисто лексикологический подход к вопросу в данном случае недостаточен. Ведь позволительно подойти к вопросу и с исторической точки зрения и попытаться установить, кто же были те «взрослые» или «сильные», которые постоянно фигурируют в хозяйственных документах эпохи третьей династии Ура, какие общественные слои скрывались под этим неопределенным обозначением¹. Для решения этого вопроса представляется необходимым попытаться выявить первоначальное, исконное применение термина и затем проследить, как и в какой мере в дальнейшем изменялось это первоначальное значение².

¹ Здесь я должен устранить еще одно недоразумение. Проф. И. М. Дьяконов находит, что термин «гуруш» сам по себе не раскрывает социального положения непосредственного производителя: если он работал в течение круглого года, он—раб; если только часть года,—не раб. Для меня вопрос стоит совершенно иначе. Данные хозяйственных документов с несомненностью показывают, что гуруш, как правило, занятые были в течение всего года (см. статью акад. В. В. Струве, «Общественный строй южного Междуречья в эпоху третьей династии Ура, «Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции», изд. Академии Наук СССР, М., 1947, II, стр. 720—748, и более ранние работы его на ту же тему). Вопрос, таким образом, стоит не о степени занятости гуруш, а об их происхождении: рекрутировались они из среды местного населения или же были рабами-военнопленными. Именно местное население я и имел в виду, когда говорил в своей статье об «общинниках» в значении членов данной городской общины в целом. Членами собственно земледельческих общин гуруш эпохи третьей династии Ура не могли быть уже по одному тому, что они заняты были в течение всего года в государственном хозяйстве.

² Скептицизм акад. В. В. Струве в отношении метода исследования путем толкования термина «гуруш» (названная статья, стр. 725—726) я никак не могу признать оправданным. В подтверждение такого скептицизма акад. Струве приводит пример

Именно эту задачу я и ставил себе в своей статье. Если я возводил при этом возникновение термина «гуруш» («каль») к стадии деления родоплеменной общины на возрастные классы и видел в гуруш класс взрослых мужчин—членов общин, это отнюдь не равносильно признанию того, что и самый термин «гуруш» означал собственно общинника, члена общины вообще. Такое значение термин «гуруш» так же мало должен был иметь, как и термины, обозначающие другие возрастные группы: «отцы»—старейшины («абба»), «сыновья»—дети («думу»). В таком именно значении, в значении «взрослых» членов общины (хотя, конечно, совершенно уже изменившей свой характер по сравнению с эпохой существования возрастных классов), применяется термин «гуруш» в относящихся к древнейшей эпохе документах из Шуруппака¹. Хотя в документах Лагаша времени Лугальанды и Урукагины собственно термин «гуруш» и не встречается и заменяется другим термином—«шублугаль», однако люди, обозначаемые этим термином, находятся в положении, аналогичном с гуруш Шуруппака², и образуют, таким образом, как бы посредствующее звено между гуруш времени документов из Шуруппака и эпохи третьей династии Ура. Несомненно, в значении членов родов, возглавлявших земельные общины, употребляется термин «гуруш» («каль») и в известной надписи обелиска Маништусу³. Из всего этого можно заключить, что и в гуруш эпохи третьей династии Ура (учитывая эволюцию этого термина в связи с растущей зависимостью труда), в основном, по крайней мере, следует также видеть прежде всего людей, принадлежавших к местному населению данного города⁴.

русских слов, имеющих общий корень, по в то же время различных по своему значению: дворянин, дворник, дворецкий, однодворец, дворника, дворняжка. Все эти примеры, однако, неприменимы к данному случаю прежде всего потому, что в отличие от термина «гуруш» они представляют собой не самостоятельные, а производные слова, сводимые к слову «двор» в двух его значениях—в значении комплекса жилых и иных построек одного хозяйства и в значении царского двора; а в таком случае вопроса о том, какое из этих двух значений является первоначальным и исконным, не приходится даже и ставить, поскольку ответ не может подлежать сомнению.

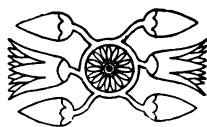
¹ См. В. В. Струве, Рабство в древнейшем Сумире, стр. 15.

² Относительно шублугаль см. мою статью «Хозяйственный персонал храма Бау в Лагаше времени Урукагины», ВДИ, 1948, № 1.

³ См. мою статью «О формах земельных отношений по надписи Маништусу», ВДИ, 1946, № 4.

⁴ Кстати, здесь можно отметить, что и термин «думу» («сын») в документах времени третьей династии Ура употребляется для обозначения не сыновей данных реальных лиц (как можно думать на основании Genouillac, Textes économiques d'Oumma, Paris, 1922, № 5675; ср. акад. В. В. Струве, назв. статья, стр. 734), но также в своем первоначальном (возрастном) значении младших работников, работников половинной силы. Это видно из документов 5674 и 5676 того же издания Женульяка, аналогичных № 5675, но, в отличие от этого последнего, содержащих поименные списки работников данных партий. В № 5674 указаны особыми группами имена работников полной и работников половинной силы, причем последняя группа подытожена как «сыновья» *dumu šu-me* (11, 29). Еще показательнее документ под № 5676. Здесь в начале (как и в № 5675) дано общее число: «10 пахарей с их сыновьями» (10 *guruš engar dumu-ni*), далее следуют поименные списки рабочих полной силы, обозначаемых как *ug-il-me*, и работников половинной силы (*dumu šu-me*). Из этих поименных списков видно, что в числе 10 *guruš engar* входят шесть рабочих полной силы и восемь рабочих половинной силы («сыновей»). Складывая всю рабочую силу этих людей, получаем $6 + (8 \times \frac{1}{2}) = 10$. Таким же образом, очевидно, следует расшифровывать и общее число 24 пахарей с их сыновьями документа 5675, различая среди них работников полной и половинной силы. Наконец, в одном документе Дрехемского архива (L. Legrain, Le temps des rois d'Ur, Paris, 1912, № 378, стр. 90 и таблица XLVII) при расчете рабочей силы, использованной на полевой работе, термин «думу» также применяется именно в отношении работников меньшей силы. Приведу этот документ в переводе: ¹ 11 «взрослых» («гуруш») наемных людей, ² вскапывать землю по 5 сар., ³ 3 «взрослых» — по 5 сар., ⁴ 6 «сыновей» («думу-думу-ла») —

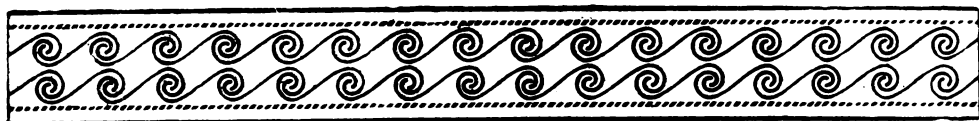
Проф. И. М. Дьяконов полагает, что, «если мы будем придавать термину «гуруш» социальное значение («раб», «общинник»), мы попадем в сеть неразрешимых противоречий». Напротив, та действительная «сеть неразрешимых противоречий», какую представляет факт применения этого термина в самых различных, иногда противоположных случаях, может быть разрешена лишь с признанием указанного его первоначального значения и применения. В самом деле, как можно объяснить, что один и тот же термин одновременно служит для обозначения и полубога-героя Гильгамеша, и могущественного царя, и сильного (по общественному положению) человека (судебник Хаммураби), и рядовых воинов, и, наконец, зависимых влачивших жалкое существование работников. Ведь не настолько же беден был шумерский язык, чтобы в нем не нашлось специальных терминов для обозначения всех этих столь различных представлений и социальных категорий. Все эти противоречия еще можно было бы объяснить, если бы речь шла о прилагательном, служащем для определения качества независимо от характера объекта, к которому оно относится (например, сильный царь, сильный воин, сильный работник), но не о термине, соответствующем определенному понятию, определенному представлению¹. Вся эта «сеть неразрешимых противоречий», являющаяся в применении термина «гуруш» («каль»), становится легко объяснимой, если отнести возникновение этого термина к той первобытной эпохе, когда человеческому мышлению были еще чужды такие отвлеченные понятия, как понятие силы², но существовало конкретное представление о взрослых, находившихся в полном расцвете сил, членах родовой общины. Именно эти «взрослые» образовали одновременно основную—и рабочую и военную—силу общины, именно они в одно и то же время были и главными добытчиками и защитниками, воинами-героями. Само буквальное и изначальное значение термина «гуруш» — «взрослый» (сильный лишь по отношению к детям и старикам, а не в значении особой, сверхобычной силы) в отношении определенных общественных категорий применимо только в данном случае и, следовательно, должно быть отнесено к стадии, когда возрастное деление общества имело характер социального деления. Сохраняя отчасти это значение и в позднейших хозяйственных документах (гуруш—взрослый работник, работник полной силы), термин этот в других случаях своего применения, например в отношении царя или героя-полубога, в его первоначальном значении представлял бы совершенный *nonsens* и предполагает позднейшее его переосмысление.

по 3 $\frac{1}{2}$ сар., ⁵ 10 «сыновей» — по 3 сар., ⁶ 7 «сыновей» — по 2 сара. Далее указываются размер и название поля, имя ответственного энгара и дата (4-й г. Пурсина). Очевидно, ни о каком родстве и ни о каких семейных отношениях и в данном случае не может быть и речи, и термин «думу» употреблен и здесь в своем первоначальном (возрастном) значении.

¹ В то же время в данном случае мы имеем дело с единым основным термином, а не с производными словами, см. выше, примечание 2 на стр. 34.

² С предположением акад. В. В. Струве (назв. статья, стр. 736), что термин «гуруш» стал применяться к работникам в эпоху третьей династии Ура в связи с возникновением понятия рабочей силы, нельзя согласиться хотя бы уже потому, что термин этот в том же применении употребляется еще в древнейших текстах из Шуруппака (Фары), когда хозяйственная отчетность далеко не получила еще такого развития, как в эпоху третьей династии Ура. Для обозначения рабочей силы существовал специальный термин «а».

Г. А. Меликишвили

МУСАСИР И ВОПРОС О ДРЕВНЕЙШЕМ ОЧАГЕ УРАРТСКИХ ПЛЕМЕН

Юго-восточнее Ванского озера, повидимому, в районе нынешнего гор. Ровандуз, находился в древности город, который ассирийцы называли Мусасиром, урартийцы же городом Ардини¹. Этот город являлся главным центром культа бога Халда (Haldi)—верховного божества урартийцев. Это был священный город урартского народа, жилище его верховного бога. Саргон II, царь Ассирии, несколько раз повторяет: «Город Мусасир, жилище бога Haldia»². В урартских источниках в этом отношении интереснее всего одно место из надписи Мхер-капуси царей Ишпуини и Менуа, где при перечислении жертвоприношений сказано: «Богу города Ардини—быка (и) 2-х ягнят, богу города Кумену—быка (и) 2-х ягнят, богу города Тушпа—быка (и) 2-х ягнят»³. Ясно, что в этом перечислении бог города Ардини (Мусасир) упоминается первым, впереди даже «бога города Тушпа» (столицы Урартского царства), потому что под «богом города Ардини» подразумевается стоящий на первом месте в урартском пантеоне бог Халд. Этот верховный бог урартского народа, оказывается, был специально богом города Мусасир (урартск. Ардини).

Для урартийцев Мусасир таким священным городом, центром культа верховного божества, стал, вероятно, в ту эпоху, когда население Мусасира и в этническом и в культурно-религиозном и других отношениях представляло одно целое с народом Урарту. Поэтому обращает на себя внимание то, что в позднюю эпоху, в эпоху урартских письменных памятников, перед нами уже нет такого полного единства. Ниже мы постараемся указать на некоторые факты, подтверждающие эту мысль.

¹ Пока единственной твердой опорой при локализации города Мусасир являются двуязычные клинообразные надписи Kelišin-a и Топузава, найденные в районе Ровандуза, в которых речь идет о деяниях урартских царей в Мусасире. Мало убедительно мнение F. g. Thureau-Dangin'a о том, что эти надписи указывают лишь на южную границу страны Мусасир, центр же этой страны (где был сам город Мусасир) находился севернее, в области Guiavar; см. его «Une Relation de la Huitième Campagne de Sargon», Paris, 1912, стр. XVI—XVII.

² Луврская табличка, стр. 350: ^{al} Mu-sa-sir Šu-bat ^{il} Hal-di-a; такое же выражение находим и в анналах Саргона, стр. 127, а также в Prisma B, стр. 8.

³ CICH, 18, стр. 14:

ALU Ar-di-ni-na-ú-e ILU ALPU 2 IMMERÊ^{pl} ALU Ku-me-nu-na-ú-e ILU ALPU 2 IMMERÊ^{pl} ALU Tu-uš-pa-ni-na-ú-e ILU ALPU 2 IMMERÊ^{pl}.

1. Богиня Багмашту (Багбарту) и вопрос об иранских влияниях в Мусасире

В специальной литературе широко распространено мнение, что богиня Багмашту (Багбарту), упоминаемая в ассирийских источниках, была верховной богиней урартийцев, божеством урартского пантеона¹. Но это мнение, по-нашему, неправильно.

Об этой богине говорят нам лишь ассирийские источники, надписи Саргона II (722—705). Из них мы узнаем, что в эту эпоху в Мусасире рядом с Haldi(a) поклонялись богине Ba-ag-maš(bar)-lu, которую здесь рассматривали как супругу верховного бога Халда. По адресу царя Мусасира Урзаны Саргон несколько раз повторяет: «Haldia, его (царя Мусасира, Урзаны.—Г. М.) бог, Ba-ag-maš(bar)-lu, его (Урзаны.—Г. М.) богиня²; однажды же у Саргона сказано: «Haldia (и) Bagmaštum (Bagbartum), его (Урзаны.—Г. М.) божества»³. В добыче, захваченной в Мусасире Саргоном, упоминаются «драгоценности бога Haldia и его супруги Ba-ag-maš(bar)-lu⁴; богиня Bagmaštu названа супругой Халда и в других местах надписей Саргона⁵. Таким образом, оказывается, что в мусасирском пантеоне второе место (вслед за Haldi) занимала верховная богиня Bagmaštu, которая рассматривалась как супруга верховного бога Haldi. Именно по этим данным надписей царя Саргона в специальной литературе широко распространено мнение, что верховной богиней урартийцев была Ba-ag-maš(bar)-lu.

Не обращают должного внимания на то обстоятельство, что в надписях самих урартских царей никогда никакая богиня Bagmaštu (Bagbartu) не упоминается. Но и в ассирийских источниках (в текстах Саргона) нигде не сказано об этой богине, что она была богиней Урарту. Саргон всегда называет ее, как богиню мусасирца Урзаны⁶; когда же речь идет об Урарту и его царях, в частности о царе Урса, называется лишь Haldi. Haldia⁷. Особенно характерно в этом отношении одно место в надписях Саргона, где сказано: «Haldia (и) Bagmaštum (Bagbartum), его (Урзаны) божества... я зачислил в добычу. Урса, царь Урарту, узнав о разрушении Мусасира (и) об уходе Haldia, его бога, собственной рукой лишил себя жизни»⁸. Несомненно, не случайно, что здесь богами мусасирца Урзаны названы Haldia и Bagmaštu, а всего слова через два богом урартийца Урса упоминается лишь Халдия; повидимому, и для ассирийцев хорошо было известно, что Ba-ag-maš(bar)-lu не была богиней

¹ В книге Б. А. Тураева «История Древнего Востока», например, сказано: «Главным божеством народа (речь идет о народе Урарту.—Г. М.) был Халд, бог неба: кроме него чтились: его супруга Багбарту...» (т. II, 1936, стр. 33). В одной своей работе Б. Б. Пиотровский отмечает: «Главными богами урартов были бог Халд и, согласно ассирийским источникам, его супруга Багбарту» (см. в книге: Акад. В. В. Струве «История Древнего Востока», 1941, стр. 322); ср. его же «История и культура Урарту», 1944, стр. 233 и др.; и в «Reallexikon der Assyriologie» указывается, что Багмашту—урартская богиня (т. I, стр. 391).

² ilu Hal-di-a il-šú ù ilu Ba-ag-maš(bar)-tu ilu iš-tar-šú (Луврская табличка, стк. 368, 423; Prisma B, стк. 54).

³ ARAB, II, 59 (так наз. «Prunkinschrift», стк. 76).

⁴ šú-ka-ni il Hal-di-a ù il Ba-ag-maš(bar)-ti aššati-šú (Луврская табличка, стк. 391).

⁵ Луврская табличка, стк. 385.

⁶ Луврская табличка, стк. 368, 423, см. также ARAB, II, 59, 183 («Prunkinschrift», стк. 76).

⁷ Луврская табличка, стк. 342, 347, 398, 401.

⁸ «Prunkinschr.», стк. 76—77 (ARAB, II, 59).

урартского царя, богом урартского народа; она являлась богиней одного лишь Мусасира¹.

В специальной литературе не раз отмечалось, что Bag в имени богини Ba-ag-maš(bar)-tu придает ему иранский облик и здесь мы, может быть, имеем дело с божеством иранского происхождения². «Baga» в древнеперсидском означает «бог». Из мидийско-иранского мира этой эпохи до нас дошло много собственных имен, содержащих в себе это слово. Например, если взять VIII век до н. э. (т. е. именно ту эпоху, когда засвидетельствована Ba-ag-maš(bar)-tu Мусасира), мы можем назвать много таких мидийских или персидских собственных имен: Bagdatti, Bagadatta, Bagâbigna, Bagabuhša, Bagamirri, Bagarâta, Bagazušta³ и др. Интересно в этом отношении и древнеперсидское Bagasîâna («божественное место»)⁴, имя одной мидийской местности Bit Bagaia⁵, и др. Поэтому можно предположить, что верховная богиня Мусасира Bagmaštu (Bagbartu) была божеством иранского происхождения. Если это так, то мы сомневаемся, чтобы занятие такого высокого места (верховная богиня пантеона, супруга верховного бога) божеством чужого племени было лишь следствием культурно-религиозного влияния. Обыкновенно явления вроде брака или изменения в иерархии божеств являются отображением политических или этнических изменений. Для иллюстрации можно привести много примеров из религии древневосточных народов; удовлетворимся лишь одним: бог Нингирсу, покровитель одного из значительных городов древнего Сумера-Лагаша, первоначально был богом только одного квартала Лагаша-Гирсу. В древности этот квартал представлял собой самостоятельный населенный пункт; во втором древнем квартале Лагаша-Уруазаге поклонялись богине Бау. Когда произошло слияние этих кварталов в один город, за этим последовал брак этих божеств: Бау объявили супругой Нингирсу⁶. И в интересующем нас случае слияние божества какого-то иранского племени Bagmaštu с богом Haldi хурри-урартского пантеона, может быть, является продуктом смешения хурри-урартского и иранского элементов, происшедшего на территории Мусасира. Повидимому, хурри-урартский Мусасир принял в себя каксе-нибудь иранское пле-

¹ Неправильно поняты интересующие нас места из текстов Саргона в книге Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту»: «Текст Луврской таблички, — отмечает Б. Б. Пиотровский, — говорит о том, что Саргон своих приближенных послал в храм Халда и что там были захвачены (речь, повидимому, идет о статуях): «Халд, его (т. е. Русы) бог, и Багбарту, его богиня, с многочисленными богатствами его храма» (368)» (стр. 274). На самом же деле, здесь выражение текста «е г о» подразумевает, без всякого сомнения, царя Мусасира Урзану, а не урартского царя Руса. Здесь же Б. Б. Пиотровский отмечает: «Эти же сведения повторяет и летопись Саргона, добавляющая, что именно извещение о разрушении Мусасира и об узове бога Халда и богини Багбарту послужили причиной самоубийства Русы». На самом же деле в тексте (см. вышеприведенный фрагмент из ARAB, II, 59) речь идет о том, что, узнав об узове своего бога Халда, царь Урарту Руса лишил себя жизни, и ничего не сказано здесь о Багбарту.

² Rost предпочтению отдает форме Bagmaštu (по сравнению с возможной также Bagbartu), потому что он и вторую часть этого имени объясняет на иранской почве, связывает с иранск. mazda: Bagmaštu-Baga-mazda (ср. Ahura-mazda). При этом он указывает много примеров передачи иранск. «zd» в иноязычном мире комплексом «št»; см. Paul Rost, Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte, MVAG, 1897, 2, стр. 86, прим. 2; стр. 112, прим. 2.

³ См. в статье König'a «baga» в «Reallexikon der Assyriologie» I, стр. 390.

⁴ M. Streck, Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilschriften, ZA, 15, стр. 352.

⁵ Rost, Untersuch. z. altorient. Gesch., 86.

⁶ Б. А. Тураев, История древнего Востока, I, 1935, стр. 120.

мя (или его часть). Такое предположение кажется тем более правдоподобным, что в эту же эпоху в соседних «княжествах» мы также встречаем смешение иранского и азиатического элементов.

2. Ассирийское влияние в Мусасире

С другой стороны, в Мусасире поздней эпохи сильно чувствуется также ассирийское влияние. Оно выявляется главным образом в сфере культуры.

Интересно, например, что в Келяшинской билингве использована не специфически урартская письменность, а чисто ассирийская¹.

Может быть, достоин внимания и тот факт, что из двух дошедших до нас надписей, оставленных урартскими царями на территории Мусасира, обе (надписи Kelišin-a и Топузава) являются ассиро-урартскими билингвами. Этот факт нельзя объяснить лишь тем, что эти надписи ставились на территории, находящейся вблизи Ассирии; скорее считались с фактом широкого распространения в Мусасире ассирийского языка и ассирийской культуры. Кроме этого, известно, что до нас не дошла ни одна урартская надпись мусасирских царей, в то время как мы имеем несколько их надписей, составленных на ассирийском языке. В архиве ассирийских царей сохранилось несколько писем мусасирского царя Урзаны, составленных на ассирийском языке². Особенно интересно, что до нас дошла печать того же Урзаны ассирийской формы с ассирийской надписью³.

Можно обратить внимание и на само имя этого мусасирского царя; среди урартийцев было распространено имя «Руса» (например, среди урартских царей нам известны: Руса, сын Сардури, Руса, сын Аргишти, Руса, сын Эримена). В ассирийских текстах это урартское имя передается обыкновенно в форме «Урса». Можно предположить, что и в имени царя Мусасира «Урзана» перед нами это же имя: -на является в хурри-урартском мире очень широко распространенным окончанием собственных имен, «Урза» же очень близко стоит к ассирийской форме имени «Руса» («Урса»)⁴. В такой форме имя «Урзана» встречаем мы не только в текстах, составленных на ассирийском языке, но в этой форме употребляется его имя также в урартском тексте двязычной надписи Топузава. Поэтому его имя, повидимому, в самом деле имело такую форму. Следовательно, оказывается, что этот властитель Мусасира носил урартское имя в ассирийской форме. Если это так, то и в этом мы, несомненно, будем иметь дело со значительным фактом ассирийского влияния.

Конечно, можно допустить, что такое сильное влияние Ассирии на Мусасир является продуктом одного лишь культурного воздействия, но нам кажется, что не исключен здесь и факт этнического смешения. В специальной литературе не раз отмечено, что антропологически, по своему физическому типу ассирийцы представляли смешанный народ, являлись продуктом смешения семитского элемента с азиатическим хурритским населением⁵. Предпосылки для формирования такого смешанного народа создали многовековое соседство и интенсивные сношения между ассирийцами и хурри-урартским населением. Наилучшую арену для такого сме-

¹ ClCh, стб. 137.

² L e r o y W a t e r m a n, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, №№ 409, 768.

³ F r. T h u r e a u - D a n g i n, Une Relation de la Huitième Campagne de Sargon, стр. XII, прим. 3.

⁴ H ü s i n g и R o s t стараются дать иранскую этимологию имени «Urzana» — ср. ZA, 15, стр. 357, прим. 1. По мнению же M. S t r e c k ' a «Urzana» — то же имя, что и «Ursa», ZA, 14, стр. 124.

⁵ См., например, A. G ö t z e, Hethiter, Churriter and Assyrer, 1936, стр. 117 и др.

шения, несомненно, представляли те районы, где непосредственно соприкасались друг с другом хурри-урартские и ассирийские племена. Одним из таких пограничных районов являлся именно Мусасир. Широкое распространение в Мусасире ассирийской культуры и ассирийского языка, о котором говорили мы выше, может быть, является следствием отчасти и такого этнического смешения.

Итак, в Мусасире поздней эпохи мы встречаем этнически смешанное население, где вместе с основным хурри-урартским слоем можно предположить присутствие иранского, ассирийского и других элементов (конечно, не обособленно друг от друга, а в ассимилированном виде). Не только в религии или в культуре, а, можно думать, а и в этническом отношении Мусасир этой эпохи стоит обособленно от основных районов Урарту.

3. Следы мусасирского говора урартского языка

(К вопросу о существовании «двух урартских языков»)

В надписи Мхер-капуси царей Ишпуини и Менуа (ClCh, 18) перед нами очень интересное явление: здесь текст дважды повторяется, и если в первой части надписи, в «основном тексте», формы 3-го лица множественного числа урартского переходного глагола в аористе получают суффиксы -ni (если объект стоит в единственном числе) и -ali (если объект во множественном числе), то при повторении, вместо этих суффиксов, появляются иные окончания: -itu(ni) и -itu(li). Эти два вида суффиксации употребляются в строгой последовательности, «территориально» строго разграничены друг от друга: суффиксы -ni, -ali встречаются только в «основном тексте», суффиксы же itu (ni, li)—лишь при повторении. Несомненно, что здесь перед нами не какое-нибудь случайное заблуждение писца, а реально существовавшие различные типы суффиксации.

На это явление в первый раз обратил внимание акад. И. И. Мещанинов, который дал также интерпретацию этого интересного факта. Иностранные исследователи обыкновенно совершенно не обращают внимания на этот факт или же довольствуются лишь его простой фиксацией. Акад. И. И. Мещанинов высказал предположение, что здесь перед нами два языка Урарту: один—мертвый, культово-официальный язык царских надписей, другой—живой, народный. Первая часть надписи Мхер-капуси написана на мертвом письменном языке, и суффиксы -ni, -ali в 3-м лице мн. ч. характерны для этого языка, в то время как вторая часть этой же надписи, повторение, дается уже на живом, народном языке, которому принадлежат суффиксы -itu (-ni, -li). Все же акад. И. И. Мещанинов не отрицает категорически и другой возможности—видеть здесь нормы двух разных диалектов урартского языка¹.

По-нашему, трудно согласиться с мнением акад. Мещанинова, что здесь мы имеем два языка центральной части Урарту: мертвый письменный и живой народный. Серьезные сомнения вызывают уже те положения, на основании которых приходит он к этому выводу. Согласно акад. Мещанинову, существует коренное различие в самом принципе суффиксации между 1-м и 3-м лицами переходных глаголов: лицо формируется по субъективному строю (глагольные окончания не зависят от объекта, в них отражается лишь субъект: Sg.-bi, Pl.-še, независимо от того, стоит ли объект в единственном или во множественном числе), в то время как 3-е

¹ См. И. И. Мещанинов, Два языка древнего Вана, «Сборник в честь акад. С. Ф. Ольденбурга», 1934, стр. 359—366; он же, Язык Ванской клинописи, II, 1935, стр. 106 сл. и др.

лицо идет по объективному спряжению (в суффиксах отражается лишь объект: независимо от числа субъектов мы имеем *-ni* при одном объекте и *-ali* при множестве объектов)¹. Но в урартских текстах засвидетельствован и другой тип суффиксации в 3-м лице переходных глаголов, когда глагольные окончания отражают также субъект; встречаются тексты, в которых формы 3-го лица мн. ч. имеют суффикс *-itu* (*-ni*, *-li*, *-me*). Нельзя сомневаться в субъективном характере суффикса *-itu*, он, несомненно, передает субъект 3-го лица мн. ч. Но так как, согласно мнению акад. Мещанинова, 3-е лицо в урартском языке идет по объективному спряжению (субъект не отражается в суффиксации), этот отличный тип суффиксации не должен принадлежать к основному, письменному урартскому языку. Здесь, согласно И. И. Мещанинову, должны иметь нормы какого-то другого урартского языка²; *-ni*, *-ali*, как (объективная) суффиксация в 3-м лице мн. ч. принадлежит языку письменных памятников, а в (субъективной) суффиксации *-itu* мы должны видеть нормы народной, живой речи³.

Свое предположение о существовании таких двух урартских языков акад. Мещанинов, как мы видели, основывает главным образом на существовании коренного различия в принципе суффиксации между 1-м и 3-м лицами урартского переходного глагола, утверждая, что 1-е лицо идет по субъективному, 3-е же лицо — по объективному спряжению. Но именно с этим нельзя согласиться. Нельзя отрицать, например, то, что часто и формы 1-го лица отражают объект. Так, например, часто, когда объект стоит во множественном числе, суффикс 1-го лица ед. ч. *-bi* заменяется показателем множественности *-li*, который здесь, несомненно, передает множественность объекта. Например, в Колагранской надписи читаем: *i-e-še i-ni- [li] [ej-ba-ni-li... ...^{AMĒLU} bu-ra-ās-tú-ú-li* «я поработил эти страны» (стк. 3); см. также *šidištuli ini ÊKALLU^{PI}* (там же стк. 15), *AMĒLU huradinili^{PI} kiddanuli* (CICH 19, Vorders₄; ср. М. T s e r e t h e l i, NH I, B₃), *ÊKALLU^{PI} šiduli* (S a y c e, 39₂₄),^m *Rusabinili šiduli* (S a y c e, 79₁₀), *AMĒLU asi^{PI} ueliduli* (S a y c e, 39₄₉) и др. Таким образом, в 1-м лице ед. ч. мы имеем суффиксы *-bi* при одном объекте и *-li* при множестве объектов⁴. Не видно никакой пропасти в принципе суффиксации между 1-м и 3-м лицами переходного глагола, когда субъект стоит в единственном числе. При нескольких же субъектах в 1-м лице появляется совершенно новый суффикс *-še*⁵. При таких обстоятельствах, ввиду того, что, как мы указали, нет никакого различия в принципе суффиксации между 1-м и 3-м лицами, и в 3-м лице при множестве субъектов нужно ожидать появления какого-нибудь нового суффикса, а не механического повторения суффиксов *-ni*, *-ali* единственного числа. Поэтому в 3-м лице мн. ч. более логичным будет суффикс *-itu*, передающий субъект. Нам кажется, что именно суффиксы *-itu* (*-ni*, *-li*) а не *-ni*, *-ali* являются характерными для «основного урартского языка» в 3-м лице мн. ч. аориста переходных глаголов.

Это подтверждается и статистикой: из нескольких десятков случаев, где засвидетельствованы в урартской письменности формы 3-го лица мн. ч.

¹ Язык Ванской клинописи, II, 1935, стр. 73, сл и др.

² Там же, стр. 88.

³ Там же, стр. 32—33, 109—110.

⁴ Правда, часто суффикс *-bi* в 1-м лице ед. ч. употребляется и при множестве объектов; но это явление, хотя и более распространено в эпоху урартских письменных памятников, но все же, по нашему мнению, — продукт более позднего развития.

⁵ Акад. И. И. Мещанинов разделяет мнение А. G ö t z e о такой функции суффикса *-še*, который встречается в одной надписи Ишпуини-Менуа-Инушпуа (CICH, 11).

(в аористе переходных глаголов), почти всегда (за исключением нескольких случаев) переходные глаголы принимают именно суффикс -itu (-ni, -li, -me) (так, например, в надписях: Ишпуини и Менуа—CICH, 12 31,2, 13_{3,29} R₁₀, 14₁, 15₁, 18,25,27,27,34; R_{1,22,31,34,34}, 17_{5,11}, 18_{33,34,86,87}, 19, Vorders₁; Сардур и II, сына Аргишти: M. Tseretheli, NH₁, A_{12,12}, B_{31,32,33,35}, C_{46,46}, E_{8,47}, S₄ усе; 50₁₀; Руса I, сына Сардур и: урартск. текст билингвы Топузава, стк. 30; Аргишти, сына Руса: CICH, 149 Obv₁₁; Руса, сына Аргишти: S₄ усе, 86_{47...}). Другой же тип суффиксации (-ni—при одном и -ali—при множестве объектов) в формах 3-го лица мн. ч. встречается всего лишь в нескольких местах, в двух-трех культовых надписях (притом совершенно явно в одной лишь надписи Мхер-капуси царей Ишпуини и Менуа). Неприемлемость интерпретации акад. Мещанинова ясна и отсюда: оказывается, что суффикс -itu в 3-м лице мн. ч., который он считает нормой народной речи, господствует в урартских письменных памятниках (выше мы указали почти на четыре десятка случаев его употребления), в то время как норма будто «письменного языка»—суффиксации -ni, -ali является исключением для письменных памятников и встречается лишь в двух-трех текстах. Итак, и конкретный материал указывает на то, что именно суффиксы -itu (-ni), -itu (-li) в 3-м лице мн. ч. характерны, как правило, для основного урартского языка (языка подавляющего большинства урартских письменных памятников).

Но, может быть, на этом основании можно утверждать, что не -ni, -ali, а суффиксация -itu принадлежит письменному урартскому языку, суффиксы же -ni, -ali характерны для разговорного народного языка? Но нам, вообще уже а priori, невозможным кажется для эпохи Ишпуини и Менуа допустить существование различия между языком письменных памятников и живой, народной речью в такой сфере, как глагольная суффиксация. Конечно, история письменности древневосточных народов знает много примеров, когда язык царских надписей в самом деле чувствительно отличался от живой, народной речи, являлся мертвым, письменным языком. Например, известно, что позднеассирийские царские исторические надписи составлены не на разговорном ассирийском языке того времени, а на мертвом древнеавилонском литературном языке. Но такое положение создалось потому, что к этому времени письменность на аккадском языке уже имела многовековую историю, в течение которой разговорный язык претерпел много изменений. Но для урартского языка времени Ишпуини трудно допустить существование такого положения: царствование Ишпуини, поскольку можно судить по документальным данным, является эпохой возникновения письменности на урартском языке. Поэтому уже а priori несостоятельной кажется мысль о существовании в эту эпоху различия между нормами письменного и народного языка в сфере глагольной суффиксации. Между тем два вида суффиксации засвидетельствованы именно в эту эпоху, в надписях Ишпуини и Менуа.

Но явление, на которое справедливо обращает внимание акад. И. И. Мещанинов, все же требует определенной интерпретации. Ведь факт, что в надписи Мхер-капуси в формах 3-го лица мн. ч. (аориста переходных глаголов) перед нами два разных вида суффиксации, «территориально» строго разграниченных друг от друга: в основном тексте формы 3-го лица мн. ч., подобно формам 3-го лица ед. ч., получают суффиксы -ni (при одном объекте¹ и -ali (при множестве объектов)²; во вто-

¹ Несколько раз употреблена форма teruni; см. стк. 2, 27, 28, 29, 29.

² Во 2-й строке имеем: zaduali.

рой же части надписи, всюду эти суффиксы заменены суффиксом -itu¹.

Выше мы пришли к выводу, что суффикс -itu как по теоретическим соображениям, так и по фактическому материалу является характерным для «основного урартского языка», т. е. языка, представленного подавляющим большинством урартских письменных памятников, в то время как суффиксы -ni, -ali в формах 3-го лица мн. ч. являются исключением и засвидетельствованы всего лишь в нескольких текстах. Естественно допустить, что язык, представленный подавляющим большинством урартских письменных памятников, должен быть тем языком, на котором говорили в центре Урартского царства, в районе столицы Тушпа, и, следовательно, признаки, которые характерны для этого языка, являются нормами столичного урартского говора. Если же в текстах кое-где, в виде исключений, в тех же грамматических формах встречаются и иные нормы, здесь мы, по всей вероятности, должны иметь признаки какого-нибудь другого урартского говора. Так что, по нашему мнению, из двух различных видов суффиксации в 3-м лице мн. ч. (аориста переходных глаголов) суффикс -itu принадлежит столичному говору, суффиксы же -ni, -ali характерны для какой-нибудь другой области распространения урартского языка².

Нам кажется, что можно высказать предположение и о том, в какой именно области употребляли суффиксы -ni, -ali в 3-м лице аориста переходных глаголов, невзирая на то, был ли субъект в единственном или во множественном числе.

Материал для решения этого вопроса мы находим в Келяшинской двуязычной надписи царей Ишпуини и Менуа (CICH, 12). И здесь, по нашему мнению, в одной части урартского текста мы встречаем суффиксацию -ni, -ali в формах 3-го лица мн. ч. Так, в начале надписи говорится, что в Мусасир пришли Ишпуини и Менуа и здесь «построили часовню богу Халду» — *ia-ra-[a]-ni ši-di-iš-tú-[ni]* [^{ILU} Al] -di-i-e (стк. 5—6), «поставили стелу» — *t-ru- [ú-ni] TUPPU* (стк. 6—7).

Нам кажется, что такое восстановление поврежденных окончаний глаголов *šidištu-* и *teru-* и вообще такое понимание текста должно быть правильным:

а) Трудно, например, согласиться с восстановлениями Sayce'а и И. И. Мещанинова: *ši-di-iš- [ti-tu]* и *te-ru- [tu]* или *te-ri- tu*³; первое из них невозможно потому, что на фотографии надписи читается *ši-di-iš-tu*⁴; существование форм же *terutu* или *teritu* вообще трудно допустить, так как мы знаем, что глагол *teru-* с суффиксом -itu должен принять вид *tertu* (*te-ir-tu*)⁵.

б) Трудно согласиться также с А. Götze, который в случае глагола *teru-* восстанавливает форму 1-го лица мн. ч. *te-ru -[ú-še]*⁶, потому что,

¹ Вместо *teruni* имеем *te-ir-tu* (*tertu*), а вместо *zaduali* — *zatuli*, что также содержит суффикс -itu: *zadu-itu-li* > *zadituli* > *zadtuli* > *zatuli*.

² См. И. И. Мещанинов, *Язык Ванской клинописи*, ИЛ, 1935, стр. 33.

³ Ср. Б. Б. Piotrowskij, *История и культура Урарту*, 1944, стр. 294.

⁴ М. Tsereteli, *Études Ourartéennes*, RAs, XXX, (1933), № 1, стр. 11—12.

⁵ Известно, что если в основе переходных глаголов непосредственно впереди замыкающего «и» стоит «т», то в 3-м лице мн. ч. при получении суффикса -itu, исчезает как указанное «и», так и «и» суффикса -itu, например: *paru-itu* > *paritu* > *partu*; *aru-ifu* > *aritu* > *artu*. Такое положение имеем мы и в случае глагола *teru-*: *teru-itu* > *teritu* > *tertu* (в написании: *te-ir-tu*). См. J. Friedrich, *Einführung ins Urartäische*, § 15, 27.

⁶ А. Götze, *Zur Kelischin-Stele*, ZA, N. F. V (XXXIX), 1929, H. 1—3, стр. 105.

как справедливо отмечает М. Церетели, во всей надписи повествование всегда ведется в 3-м лице и формам 1-го лица здесь не должно быть места¹.

в) Неубедительным кажется также мнение М. Церетели о том, что субъектом глагола *teruṇi* являются не Ишпуини и Менуа, а один лишь Ишпуини, упоминаемый через несколько слов. По его мнению, *te-gu- [û-ni] [ia-ra-k]a TUPPU^m Iš-pu-û-i-ni- [e-še] [m.ILU Sār]-dur-hi-ni-še* составляет одно предложение². Если оставить в стороне много других соображений, необходимо отметить, что такое построение фразы чуждо урартскому языку: как правило, субъект переходного глагола в урартской фразе ставится перед глаголом, а в тех немногих случаях, когда он стоит после глагола, всегда непосредственно следует за ним, между ними другие слова не ставятся. Поэтому более правдоподобным кажется мнение всех остальных ученых, согласно которому ^m *Išpuiniše* ^{mILU} *Sardurhiniše* 7-й—8-й строк принадлежит следовавшему за ним *paḥuni*, начинает новое предложение, а субъектом всех действий, о которых речь идет раньше, в том числе и глагола *teru-*, являются Ишпуини и Менуа.

Но если в вышеприведенных выражениях Келяшинской надписи повествование ведется в 3-м лице, субъект во множественном числе (Ишпуини и Менуа), а объект один (*iarani*, *TUPPU*), то по всему тому, что мы знаем о суффиксации переходного глагола в аористе, после *šidištu-* и *teru-* можно предположить лишь существование окончания *-ni*, т. е. остается допустить, что здесь мы имеем дело с суффиксацией *-ni*, *-ali* в 3-м лице мн. ч. (как мы указали, нельзя здесь предположить формы с суффиксом *-itu*: *šidištu* и *tertu* (*te-ir-tu*), так как в сохраненной части этих слов читаются: *šidištu-* и *teru-*). Но в урартском тексте Келяшинской билингвы ясно выступает и другой тип суффиксации: в 28-й строке урартского текста сказано: *[at-ka-na]-di-tu* ^{ILU} *Ḥal-di-e ni-ri-be ti-ia-i-tú* «принесли (они, Ишпуини и Менуа) богу Халду жертву (и) сказали».

Итак, на 5—6-й строках урартского текста билингвы в формах 3-го лица мн. ч. мы имеем суффиксацию *-ni*, *-ali*, на 28-й строке же выступает суффикс *-itu*.

Объяснение этого явления нужно искать в особенностях Келяшинской билингвы. Известно, что по сравнению с основной массой урартских надписей Келяшинская билингва выявляет ряд особенностей: обособленно стоит этот текст от урартского трафарета по своему стилю, само письмо в нем не специфически урартское, а чисто ассирийское. Интересным кажется то, что в билингве божества верховной триады урартского пантеона—Халд, Тейшеба и бог солнца названы «богами города Мусасир» (стк. 40—41 урартского и ассирийского текстов)³, в то время как в других урартских надписях (хотя бы в трафаретной формуле *hutiadi* ^{ILU} *Ḥaldiedi...*) они всегда именуются «богами страны Биаина». Во всем этом, может быть, чувствуется местное, мусасирское происхождение писца, возможно, что здесь мы имеем дело с памятником, вышедшим из рук «Мусасирской школы».

В билингве обращает на себя внимание также употребление в своей образной форме имени верховного бога Халда: в первой части урартского текста (стк. 1—22) оно всегда передано в форме *Aldi*, начиная же с 23-й строки до конца урартского текста, так же как и во всем ассирийском тексте, всегда имеем форму *Ḥaldi*. Если урартский текст билингвы—оригинал, ассирийский же—перевод, если составление урартского текста предшествовало составлению ассирийского текста, как полагают в специальной

¹ М. T s e r e t h e l i, ук. соч., RAs, XXX (1933), № 1, стр. 21.

² Ук. соч., стр. 21.

³ Урартск. ^{ILU} *Ḥal-di-iš* ^{ILU} *ADAD-še* ^{ILU} *ŠAMAŠ-Še* ^{ILU} *[p^lše] [ALU Ar]-di* *-ni-ni-i-še*=ассир. ^{ilu} *Ḥal-di-e* ^{ilu} *[Adad] [iluŠamaš] ilāni p^l (ni) ša* ^{ilu} *Mu-ša-[šir]*

литературе, выходит, что в начале надписи имя этого бога употреблялось в своеобразной форме Aldi, потом же оно было заменено обыкновенным урартским Haldi. Такое строгое разграничение в употреблении форм Aldi и Haldi указывает на то, что в Aldi Келяшинской билингвы мы не имеем случайного ошибочного написания; наоборот, по всей вероятности, употребление в такой форме этого имени было характерным для автора (определенной части) этой надписи. В то же время мы знаем, что ни урартиец из Тушпы, ни ассирийский писец не употребил бы в такой форме это имя; в их многочисленных памятниках мы всегда имеем форму Haldi (-ni, -a, -e). Поэтому остается думать, что форма Aldi принадлежала населению Ардини-Мусасира. Выше мы источником ряда особенностей билингвы (письмо, стиль, выражение «Халд, Тейшеба, бог солнца—боги Мусасира») предположили местное, мусасирское происхождение этого памятника. И в случае Aldi, можно думать, выявилось мусасирское произношение имени верховного божества урартийцев. Конечно, требует объяснения, почему же с 23-й строки прекращается употребление этого Aldi и потом всегда стоит обыкновенная урартская форма (Haldi). Можно думать, что здесь вмешалась чужая рука, по указанию которой в надписи отныне восторжествовала столичная форма; нельзя забывать, что надпись составлялась от имени царей Тушпы, и, вероятно, существовало определенное наблюдение над ее составлением.

Аналогичное явление должно быть перед нами и в интересующем нас случае суффиксации глагольных форм 3-го лица мн. ч. Чуждая основной массе урартских памятников суффиксация -ni, -ali встречается в той части урартского текста билингвы, где имя верховного бога употребляется также в неестественной для урартских памятников форме Aldi; после того как «мусасирского» Aldi заменяет урартское Haldi, в формах 3-го лица мн. ч. также появляется урартский суффикс -itu (см. atkanaditu и tiaitu 28-й строки). Можно допустить, что вследствие «урартской ревизии» произошла замена не только мусасирского Aldi тушпийским Haldi, но также мусасирских суффиксов -ni, -ali суффиксом -itu столичного говора.

Нам думается, в этом же явлении можно найти причины неправильной передачи одной глагольной формы урартского текста в ассирийском тексте. В билингве урартскому šidištuni (стк. 5) соответствует ассир. ir-ši-ip-pu (стк. 5) и урартскому teruni (стк. 6)—ассир. ištakan (стк. 6). По мусасирской (как мы полагаем) суффиксации (-ni, -ali) как šidištuni, так и teruni—формы 3-го лица мн. ч. В ассирийском же тексте первая из них передана формой 3-го лица мн. ч. (ir-ši-ip-pu), вторая—3-м лицом ед. ч. (ištakan). Это явление объяснится, если допустить факт все той же «урартской ревизии», если допустить, что при переводе урартского оригинала на ассирийский язык эти глагольные формы были поняты не по-мусасирски, а по нормам столичного урартского говора; šidištuni можно принять за форму 3-го лица мн. ч. как по «мусасирскому»-ni, -ali спряжению, так и по урартской -itu-суффиксации в случае одного объекта (šidištu-itu-ni šidištunu-ni > šidištuni > šidištuni)² и так как именно эту форму можно было здесь

¹ См. A. Götz e, Zur Kelischin-Stele, ZA, N. F., V (XXXIX), 1929, II, 1—3, стр. 99—100; M. Tseretheli, Études Ourartéennes, RAs, XXX (1933), № 1, стр. 1—2.

² Если признак переходных глаголов в аористе «и» впереди себя имеет «t» или «d», то формы 3-го лица мн. ч. производятся правильно, например: atu→atitu и т. д.; но если такая форма получает еще новый суффикс, то происходит сокращение: «и» исчезает, «tt» (или «dt») же дает «t»; так, например: šidištu—«строить»: šidištutu—«они построили», но šidištutu -li > šidištuli (см., например, CICH, 17)—«построили-они-их»; или же: Zadu—«делать» Zaditu—«они сделали», но zaditu-me > zatume «сделали-они-мне» (см. J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, § 16); к этой категории при-

ожидать, в ассирийском оно было передано 3-м лицом множественного же числа. Иначе обстоит дело в случае *teruni*: по мусасирской суффиксации *-ni*, *-ali* оно может быть формой 3-го лица мн. ч., в столичном же урартском говоре это лишь форма 3-го лица ед. ч. Повидимому, употребленная в начале урартского текста по-мусасирски, она при переводе механически была понята по нормам столичного говора формой 3-го лица ед. ч. и было передано ассирийским *ištakan* (*šakanu*¹¹ -I, 3-е лицо ед. ч.: *ištakan*).

На основании всего вышеизложенного нам кажется возможным предположить, что представленная в некоторых урартских текстах в виде исключения суффиксации *-ni*, *-ali* в 3-м лице мн. ч. должна принадлежать мусасирскому говору урартского языка. Она встречается в первой части Келяшинской билингвы и в первой части надписи Мхер-капуси. Интересно отметить, что в обеих надписях с этими мусасирскими формами случилось одно и то же: во второй части их заменили характерным для столичного урартского говора суффиксом *-i'u¹*.

Проникновение этих мусасирских норм в тексты «правителей города Тушпы» объясняется, вероятно, мусасирским происхождением авторов некоторых культовых надписей. Нет ничего невероятного в том, если жрецы Мусасира, этого центра культа верховного бога, считались специалистами в культовых делах и часто им поручалось составление важных культовых надписей. Естественным кажется это, прежде всего, в отношении надписи Мхер-капуси (CICH, 18), которая является целым декретом культового характера, где перечисляются почти все божества урартского пантеона, перечисляются жертвоприношения, установленные для каждого из них. Нет ничего удивительного, если составление такой надписи было бы поручено мусасирским жрецам. Но нам кажется, что в этой надписи даже непосредственно чувствуется рука мусасирца, когда при перечислении жертвоприношений, установленных для богов отдельных городов империи, первым упоминается бог города Ардини (Мусасира), вторым—бог города Кумену и лишь третьим—бог столицы Тушпа. В 14-й строке (при повторении стк. 55—56) сказано: «Богу города Ардини—быка (и) 2-х ягнят, богу города Кумену—быка (и) 2-х ягнят, богу города Тушпа—быка (и) 2-х ягнят». Здесь, несомненно, подразумевается верховная триада урартских божеств: Халд, Тейшеба и бог солнца. Упоминаются они по своим культовым центрам—именно поэтому первым упоминается город Ардини (Мусасир)—центр культа верховного божества Халда, на втором месте—город Кумену—центр культа бога Тейшебы, занимавшего в иерархии второе место, и третьим столица Тушпа—центр культа бога

надлежит и *zatuli* второй части CICH, 18 (*zadu-itu-li* > *zadituli* *zadtuli* > *zatuli*). Поэтому ясно, что и по правилам урартской *-itu-* суффиксации форма *šidištuni* может рассматриваться как форма 3-го лица мн. ч. (при одном объекте: *šidištu-itu-ni* > *šidištuni* > *šidištuni*).

¹ Акад. И. И. Мещанинов считает, что перед нами суффиксация *-ni*, *-ali* в формах 3-го лица мн. ч. также и в CICH, 16-м (культовая надпись Ишпуини и Менуа)—см. его «Язык Ванской клинописи», II, стр. 114 и др., а также его же рецензию на труд проф. Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 112. Но в этой надписи этот факт, во всяком случае, не так ясно выступает: при множестве субъектов и одном объекте форма 3-го лица *šidištuni* может быть понята и как форма, содержащая суффикс *-itu* (*šidištu-itu-ni* > *šidištuni* > *šidištuni* > *šidištuni*; ср. в CICH, 17: *šidištuli*, или в CICH, 18: *Zatuli*). Что касается засвидетельствованного в этой же надписи (CICH, 16) второй глагольной формы, *teruni*, его субъект может быть не Ишпуини и Менуа, а один лишь Ишпуини, который упоминается с титулатурой непосредственно перед этим глаголом.

солнца, который занимал третье место в пантеоне¹. Все же, несмотря на то, что такой порядок перечисления соответствует иерархии, существовавшей внутри урартского пантеона, сомневаемся, чтобы в Тушпе сочли нужным подчеркнуть это положение; сомневаемся, чтобы для правителей, жителей или жрецов столицы, в каком-либо виде было приятным упоминание Мусасира на первом, Тушпы же на третьем месте. Здесь, нам думается, чувствуется рука мусасирских жрецов, если в этой надписи проскользнули мусасирские нормы глагольной суффиксации.

Итак, по нашему мнению, налицо факт определенного расхождения между мусасирским говором и говором центральной части Урарту.

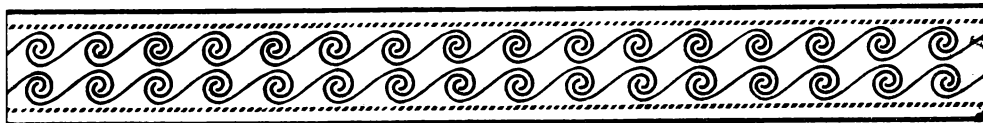
Мусасир эпохи урартских письменных памятников держится обособленно от Урарту, является самостоятельным царством. Цари Мусасира стараются казаться нейтральными, иметь хорошие отношения как с Ассирией, так и с Урарту, уравновесить их силы в борьбе за Мусасир и этим сохранить свою самостоятельность.

При таких обстоятельствах Мусасир не мог стать священным городом урартского народа, центром культа верховного божества урартийцев. Это произошло, по всей вероятности, в более древнюю эпоху, когда население Мусасира было однородным в этническом, культурно-религиозном и других отношениях) с господствующим племенем возникшего позднее царства Урарту-Биаины. В эту древнюю эпоху территория Мусасира, повидимому, была одним из значительнейших очагов урартских племен, так как она уже в очень раннюю эпоху должна была стать центром религиозно-культурной жизни урартского народа. Лишь потом, с течением времени, урартское население Мусасира вследствие близкого соседства с чужим (иранским, ассирийским) миром, легко подчиняется чужому влиянию в религии и культуре, а также, видимо, принимает в себя определенные слои иранского, ассирийского и других этнических элементов. В то же время этнические и культурно-религиозные традиции древнего Мусасира в более чистом виде сохраняются в населении позднего Урарту-Биаина.

Таким образом, территория Мусасира в древнюю эпоху представляла значительнейший очаг урартских племен, центр религиозно-культурной жизни этого народа.

¹ См. Г. А. Меликишвили, Центры культов верховных божеств урартийцев, «Сообщения Академии Наук Грузинской ССР», том VII (1946), № 6.

Член-корр. АН СССР Г. В. Церетели

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В МЦХЕТА—
ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЕ ГРУЗИИ¹

Между Тбилиси и Гори, родиной великого Сталина, приблизительно в 20 километрах к северо-западу от Тбилиси, у места слияния горной реки Арагвы с Курой, расположена древняя столица Грузии, Мцхета, богатая археологическими памятниками. В восточной части Мцхета возвышается один из самых замечательных памятников грузинского зодчества—крестный монастырь конца VI в. Напротив крестного монастыря, на правом берегу реки Куры, находится гора Багнити, где экспедиция Грузинской Академии Наук под руководством академика С. Н. Джанашиа уже третий год ведет археологические раскопки. Второй пункт работы экспедиции находится в районе Армази, в 2 километрах к западу от станции Мцхета, вдоль железнодорожного полотна, на самом берегу Куры. Наконец, начиная с 1938 г. археологические работы ведутся в районе Самтавро, к северу от Мцхета, около Военно-Грузинской дороги.

Трудно переоценить значение этих раскопок. Достаточно сказать, что экспедицией обнаружены памятники материальной культуры эпохи, начинаая с середины второго тысячелетия до н. э. вплоть до позднего средневековья. В Армази обнаружен некрополь питиахшей, высших должностных лиц Иберийского царства с богатыми гробницами из каменных плит, со скатными каменными крышами. В Багнити раскопан акрополь с многочисленными строениями, культовыми сооружениями и т. д. Предметы домашнего обихода, посуда, художественные изделия из драгоценных камней, золота, серебра, бронзы насчитываются тысячами. Для изучения истории Грузии и ее культурной жизни в древнем периоде они приобретают исключительное значение. Но наиболее важным результатом работы мцхетской археологической экспедиции является открытие надписей, которым и посвящается наш доклад.

Надписи (имеются в виду дохристианские надписи) из Мцхета известны уже давно. Еще в 1867 г. в Мцхета был обнаружен камень с греческой надписью², изданной несколько раз, в которой сообщается, что «самодержец Цезарь Веспасиан Август... царю иберов Митридату, сыну царя Фара-

¹ Доклад, прочитанный от АН Грузинской ССР на пленарном заседании Юбилейной сессии АН СССР 25. X. 1947 г.

² См. А. Амиранашвили, Греческие надписи Музея Грузии «Bulletin du Musée de Géorgie», т. IV, Тбилиси, 1928, стр. 191; M a r k u s N. Tod, Roman Studies, 1943, стр. 85, прим. 2, там же литература.

⁴ Вестник древней истории, № 2

смана и Амасаспу¹ сыну, дружественному Цезарю и римлянам, и народу (иберийскому) укрепил стены». В 1870 г. там же была найдена древнееврейская (раввинская) надпись² V или VI в., в которой говорится, что «это—гроб дорогого (почтенного?) отца Иехуды, прозванного Гурк. Место его покая да будет с благочестивыми, его воскресение с праведными». В 1938 г. в районе Самтавро случайно были обнаружены две надписи, одна еврейская и одна греческая. Еврейская надпись³ писана на том же языке, что и предыдущая, и относится, повидимому, к той же эпохе. Она также представляет собой надгробие: «Это-могила Иосифа Бар Хазана. Пусть будет он помянут добром, а также его брат, Шаллум пусть будет помянут с миром».

Обнаруженная вместе с еврейским надгробием греческая надпись⁴ тоже представляет собой эпитафию, в которой упоминаются главный живописец (ἄρχιζωγράφος) и архитектор (ἀρχιτέκτων) Аврелий Ахолис и его супруга Бевразурия.

Наконец, несколько коротких греческих надписей встречается на геммах, обнаруженных в 1940 г. в одной из гробниц Армази. Так, в надписи, помещенной на гемме с изображением фигуры мужчины, вставленной в золотое кольцо, читаем Ἀσπαρούχης πῆτιάξης («Аспарук питиахш»). На другой гемме, вставленной в бляху золотого пояса⁵, изображены фигуры мужчины и женщины, помещенные друг против друга, и надпись Καρπὰς Ζεωχῆς ζωὴ μου («Карпак, Зевах, жизнь моя»).

В той же гробнице была найдена серебряная чаша с греческой надписью⁶, выведенной пунктиром, которая гласит: Ἐγὼ βασιλεὺς Φλ. Δάδης ἐχαριστήην Βαρσούμα πῆτιάξη—«Я, царь Флавий Дадес, подарил питиахшу Барсума». Здесь всплывает имя иберийского царя «Флавий Дадес», и какого-то питиахша, носящего хорошо известное имя арамейского происхождения Барсума (Bar Sauma).

Но среди всех эпиграфических памятников, обнаруженных в Мцхета, особое место занимают надписи, писанные неизвестным ранее письмом арамейского происхождения, называемым ныне «армазским».

Осенью 1940 г. в армазском некрополе была найдена гробница, для которой в качестве строительного материала послужили, между прочим, камни с надписями. Одна из этих надписей является двуязычной⁷. Текст изложен одновременно на греческом языке и на языке, характер которого окончательно еще не установлен. В греческом тексте билингвы сказано: «Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша, жена сына питиахша Пупликия Агриппы, Иодмангана, одержавшего много побед эпитропа великого царя иберов Хсефарнуга. Скончалась молодая, 21 года, обладая бесподобной красотой». В параллельном тексте эпитафии имеем приблизительно такое же содержание. «Я—Серафита, дочь Зеваха, младшего питиахша царя Фарсмана, жена Иодмангана-победоносца (военачальника) и много побед одержавшего (сделавшего) двороправителя царя Хсефарнуга—сына Агриппы, двороправителя царя Фарсмана. Горе, горе тебе, которая была молодая. И столь хорошая и красивая была, что никто не был ей подобен по красоте. И умерла на 21-м году (жизни)».

¹ Как думает последний исследователь надписи А. И. Болтунова.

² Д. А. Хвольсон, Сборник еврейских надписей... СПб., 1884, стр. 129.

³ «Известия ИЯИМК», Тбилиси, 1940, стр. 419 сл.

⁴ С. Г. Каухчишвили, Новая греческая надпись из Мцхета—Самтавро «Сообщения Академии Наук Грузинской ССР», Тбилиси, 1943, стр. 577 сл.

⁵ С. Г. Каухчишвили, там же, стр. 169.

⁶ Там же, 189 сл.

⁷ См. Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тбилиси, 1941 (в дальнейшем сокращенно: АБ).

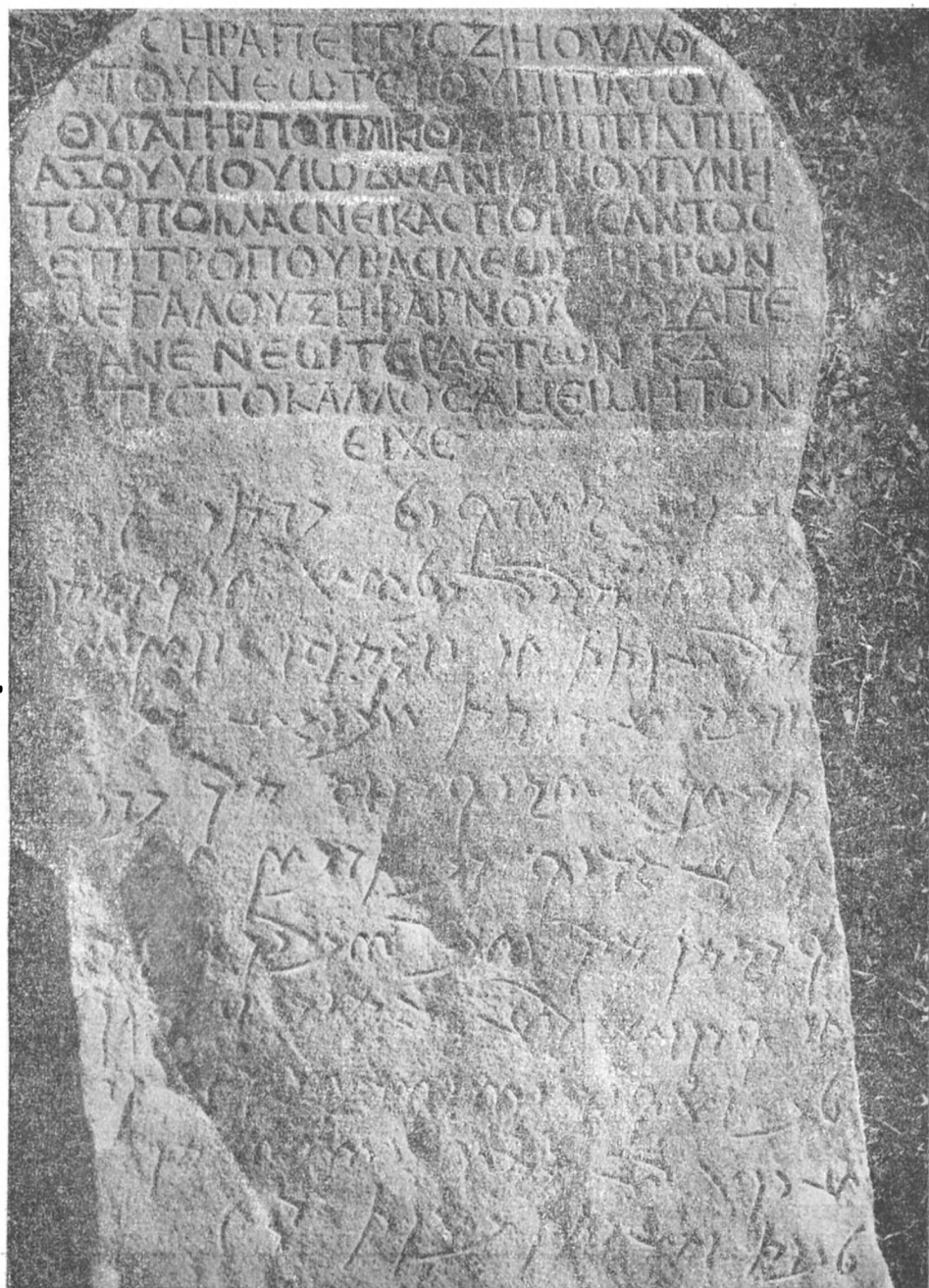

Рис. 1. Армазская билингва.

Из надписи узнаем, что могила принадлежит некоей Серафите, у которой был отец Зевах, питахш царя Фарсмана и муж Иодманган, двороправитель (эпитроп) царя Хсефарнуга, названного «великим» в греческом тексте билингвы. Отец Иодмангана Пупликий Агриппа также был двороправителем (по греческой версии питахшем) царя Фарсмана.

Этот Фарсман является, повидимому, тем самым иберийским царем, который был современником Адриана (118—138) и Антонина (138—161). Он находился в дружеских отношениях с римским императором и даже ездил в Рим, где на Марсовом поле ему была поставлена конная статуя¹. Упомянутый в надписи другой царь Хсефарнуг по другим источникам не известен. По всей вероятности, он был преемником Фарсмана на иберийском троне, так как является современником детей высших должностных лиц Фарсмана. Упоминание в надписи царя Фарсмана дает возможность более или менее точно установить дату написания билингвы. Царь Фарсман, как известно, был современником императора Антонина, который царствовал между 138 и 161 гг., так что его царствование продолжалось вплоть до середины II в. С другой стороны, упомянутые в надписи Серафита и Иодманган выступают в качестве современников, как думаем мы, преемника Фарсмана, царя Хсефарнуга. Следовательно, надпись следует отнести ко времени, близкому к началу второй половины или к концу третьей четверти II в.²

В обнаруженной вместе с этим надгробием до сих пор еще не изданной второй надписи греческий текст отсутствует. Кроме того, надпись плохо сохранилась, да и с самого начала она была написана небрежно. Все это сильно затрудняет чтение и понимание текста. Первое впечатление от надписи вызывало сомнение в возможности ее дешифровать. Благодаря двуязычной надписи, мы приобрели знание элементов языка армазских надписей, и это дало возможность приблизительно определить общее содержание текста.

Текст надписи по содержанию значительно важнее, чем надгробие Серафиты: он начинается словами: «Царь Михридат, царь великий, сын Фарсмана, царя великого. Я Шарагас, сын Зеваха владыки, я Шарагас, питиахш царя Михридата, слово и такое слово произнес...»

Затем в тексте передается содержание речи питиахша Шарагаса. Он рассказывает о победах, которые одержал mlk lnh («наш царь»). В надписи перечислен ряд побед, одержанных над соседними с Грузией странами, упомянуты три укрепленные местности, еще какие-то другие крепости, также Армения. Изложение истории каждого похода или «победы» ('rwst, как говорится в тексте) кончается словами: «эти победы наш царь одержал».

Интересно, что слово «царь», в одной и той же фразе, передается по-разному: в одном случае арамейским mlk, а в других — словами bzys, bzls, что, повидимому, представляет собой сокращение греческого βασιλεύς. Кроме того, в надписи рассказывается о «волнениях народа», упоминается имя «Аспарука», знакомое нам по греческой надписи на гемме из Армази, а также на основании сведений классических авторов (например, Аммиана Марцелина). Наконец, в надписи встречается знак, очень напоминающий персидский символ власти «харгупата» и тоже представляющий, повидимому, символ власти какого-то должностного лица Иберийского царства. Заканчивается текст опять упоминанием о победе.

К сожалению, пока что не совсем ясно, с какими событиями связан текст надписи, но несомненно, что он относится к эпохе войн и одержанных правителями Иберийского царства побед, волнений народов, и, возможно, восстаний и т. д. Поэтому мы имеем основания предполагать, что переданные в надписи сведения являются отголоском тех событий, которые

¹ Дион Кассий (у Латышева, 'Известия древних писателей, т. 1, СПб., 1893, стр. 629); И. Джавахишвили, История грузинского народа, Тбилиси, 1928; С. Н. Джанашиа, Древние исторические памятники Грузии, «Коммунисти», вып. VI, 1941; Армазская билингва, стр. 48 сл.

² АБ, стр. 20.

имели место в Иберии в I в. н. э. Упомянутый в надписи Фарсман, отец Митридата, очевидно, то самое лицо, которое играло видную роль в войне между Римом и Парфией за Армению. Как известно, Фарсман и его брат Митридат, назначенный римлянами правителем Армении, вторглись в страну и заняли ее столицу Артаксату. Митридат был убит Радамистом — сыном Фарсмана, по наущению отца. Однако Радамист, царствовавший некоторое время в Армении, вскоре вынужден был укрыться в Грузии, так как его жестокость вызвала народное восстание. Фарсман и впоследствии продолжает войну в Армении и устраивает набеги на отдаленные глухие районы страны¹. После Фарсмана на иберийском троне находится, по видимому, его сын Митридат, которому римляне укрепили стены и поставили стену с греческой надписью. «Митридат, царь великий, сын Фарсмана, царя великого» нашей надписи является этим самым Митридатом (вторая половина I в. н. э.). До сих пор мы не имели сведений о том, как развивались события в его время, но можно было думать, что и тогда продолжались войны, которые вел его отец. Именно об этих войнах и о победах, одержанных правителями Иберийского царства, рассказывает наша надпись.

Из сказанного видно, в какой степени любопытны армазские надписи с точки зрения содержания. Не менее интересны они и в палеографическом отношении.

Арамейское происхождение письма армазских памятников² в настоящее время не вызывает сомнений, но, ввиду оригинальности начертания букв и целого ряда других палеографических особенностей, оно выделяется среди известных нам систем как самостоятельная ветвь семитической письменности, называемая ныне армазской. Об оригинальности армазского письма свидетельствует следующий любопытный факт. В 1902 г. в селении Бори, около одного из древнейших культурных центров Западной Грузии — Сканде (нынешний Шорапани) была найдена серебряная чаша с надписями. Фотографии чаши с изображением коня и надписью впервые были опубликованы проф. Е. Такашвили в 1904 г. в «Известиях Кавказского отделения Московского Археологического общества» (Тбилиси, 1904, вып. 1, стр. 90—91), а затем несколько раз переиздавались на протяжении срока лет. Но до дешифровки армазской двуязычной надписи, все попытки крупнейших специалистов прочесть надписи, оставались безрезультатными.

Более того, Е. Придик, поместив фотографии борийской чаши в своих «Материалах по археологии России», вып. 34³, стал утверждать, что из двух надписей, помещенных на чаше, — одной, нацарапанной, и одной, сделанной пунктиром, — последняя (сделанная пунктиром) представляет какое-нибудь восточное наречие; нацарапанная же надпись, вероятно, латинская, написанная курсивом, очень напоминает помпейские *graffiti*⁴. При этом Придик сообщает о неудачных попытках известного Cagnat, крупнейшего специалиста по классической эпиграфике, прочесть надпись. Только благодаря армазским надписям становится возможным ее чтение. Первым прочел ее на основании азбуки армазской билингвы один из самых

¹ Тацит, *Annales*, VI, 31—36, XI, 8 сл., XII, 44 сл., XII, 6, 37; Дион Кассий, XVIII, 26; Латышев, III, 233—236; I, 621—622; И. А. Джавахишвили, *ibid.*, История грузинского народа, стр. 155—156; А. И. Амирашвили, *ibid.*, стр. 194; Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джавашиа, История Грузии, ч. 1, Тбилиси, 1946, стр. 80 сл.

² АБ, стр. 3 сл.

³ Евг. Придик, Новые Кавказские клады, стр. 94—110, фотография надписи там же, стр. 100.

⁴ Е. Придик, *ibid.*, стр. 100.

талантливых востоковедов нашего времени, безвременно скончавшийся А. Я. Борисов¹. Прочел ее и проф. Ш. Я. Амиранашвили² в Тбилиси, тоже с помощью армазской билингвы. Письмо обеих надписей борийской чаши, писанных, вопреки мнению Е. Придика, на одном и том же языке, идентично с письмом билингвы, а также надписи Митридата. Идентичен, повидимому, и язык.

История с борийской надписью является лучшим доказательством оригинальности армазского письма. Теперь, кроме борийской чаши и

Рис. 2. Борийская надпись.

упомянутых выше армазских стел, мы располагаем другими памятниками, писанными тем же письмом.

Несмотря на большое разнообразие почерков, все эти надписи объединяются между собой такими чертами, которые характерны только для армазских надписей и которые позволяют выделить армазское письмо в самостоятельную ветвь письма, генетически связанную с арамейским. Но из всех писем арамейского происхождения армазская азбука ближе всего стоит к иранским—пехлевийскому и парсийскому, как это следовало ожидать на основании культурно-исторических соображений. Интересно отношение армазской азбуки к указанным системам письма. В данном случае мы имеем такую же картину взаимосвязей, которую обнаруживает письмо Авесты в отношении пехлевийского и парсийского.

В связи с этим вопрос о так называемом «смешанном характере» Авесты, может быть, придется рассмотреть в другом направлении. Во всяком случае, при изучении этого вопроса отныне нельзя будет пренебрегать армазскими материалами, которые иной раз, возможно, будут иметь решающее значение.

¹ «Сообщения Государственного Эрмитажа», IV, Ленинград, 1947, стр. 8 сл.

² Ш. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, I, Тбилиси, 1944, стр. 118.

При изучении армазского письма возникает также вопрос о его связи с письмом того народа, для которого Мцхета—Армази в течение веков являлся центром политической и культурной жизни, именно с грузинским. Сам по себе факт открытия в Мцхета своеобразного письма, отличного от всех известных до сих пор других алфавитов, мог бы послужить основанием для предположения о родстве этого письма с грузинским. И действительно, при сопоставлении армазских и грузинских знаков становится очевидной их тесная связь между собой. Но отдельные грузинские буквы (как, например, *b*, *g*) обнаруживают даже большую архаичность, чем армазские знаки, и сами представляют собой прототипы, от которых произошли соответствующие армазские буквы. Поэтому мы не можем рассматривать грузинское письмо как дальнейшее развитие армазского письма. Оно является только родственным с ним и, повидимому, вместе с ним происходит от одного общего источника—арамейского. Во всяком случае, при изучении вопроса о происхождении грузинского алфавита без учета армазских материалов вряд ли можно в настоящее время обойтись.

В заключение возникает вопрос о характере языка армазских надписей. Несмотря на то, что большинство слов, употребляемых в надписях, является арамейским, вряд ли можно считать язык арамейским, вследствие встречающихся в тексте солецизмов. Арамейские слова использованы там только в качестве гетерограмм. Некоторые исследователи¹ склонны утверждать пехлевийский характер языка надписей, но я затрудняюсь считать этот вопрос решенным, не только из-за малого количества персидских слов, но главным образом потому, что ни арамейские элементы, ни персидские не использованы в текстах в таком виде, как это характерно для обеих иранских систем хузвариша. Подобно тому, как письмо армазских надписей при некотором сходстве с иранскими письменами, одновременно значительно отличается от них, так же и язык свидетельствует о своеобразных традициях. Поэтому считать его обычным пехлевийским или парсийским пока что трудно. Более того, в такой же степени отличается язык этих памятников от языка той надписи на серебряной чаше, которая обнаружена в 1940 г. вместе с перечисленными выше греческими надписями на геммах и которая писана на обычном парсийском языке. Начальное слово надписи, которое представляло собой собственное имя, к сожалению, стерлось, и от него сохранились только следы последних двух букв. Затем упоминается (*bthšy bgy 'rthštr b[rh] bgy*) «питиахш божественного Ардашира, сына божественного (Папака?)». Далее повторяется слово *bthš* [*y*] и упоминается страна, возможно Иберия (Грузия) (последние буквы *rgn* дают возможность восстановить слово *vrgr* | *vrkn*). В конце надписи указан вес чаши: 53 драхмы (зузна).

Уже первое слово надписи свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с другими языковыми и палеографическими традициями, чем в армазских надписях. Язык текста надписи является персидским, обычным сассано-пехлевийским языком. Даже часто употребляемое слово «питиахш» представлено по-разному в надписи Ардашира и армазских эпиграфических памятниках. В первом случае оно передано в форме *bthšy*, т. е., так, как это характерно для персидских памятников, а в армазском имеем *pythš*, *bthš*, *byty' hš*, т. е. в форме, почти идентичной с грузинским. Не объясняются ли эти отличия хронологической разницей? На этот во-

¹ А. Г. Шанидзе, «Мнатоби» №9, 1942, стр. 135 сл.; А. А. Фрейман, ИАН, т. V, вып. 2, 1946, стр. 157 сл.; H. W. Bailey, JRAS, 1943, 1—2, стр. 1 сл.; H. Nyberg, отдельный оттиск «Ex Erano Rudbergiano», vol. XLIV, Gotoborgi, 1946, стр. 226 сл.

прос следует ответить отрицательно, так как борийская чаша с армазской надписью относится, по нашему мнению, к той же эпохе, что и надпись Ардашира (III в. н. э.). С другой стороны, авроманский пергамент, восходящий к I в. до н. э., в такой же степени отличается от армазского, как и позднейшие парсийские и пехлевийские памятники, и хронологическая близость и в данном случае не устанавливает языковой близости.

Надпись питиахша Ардашира свидетельствует о том, что во всяком случае в III в. н. э., кроме греческого и армазского, в Иберии существовали памятники на среднеперсидском языке. Языком официальных документов правителей Иберии был «армазский». На этом языке писаны: эпитафия жены двороправителя царя Хсефарнуга—Серафиты: речь питиахша царя Михридата, Шарагаса; надпись «Буз-Михра доброго питиахша» на борийской чаше; надписи посвятельного характера на золотых браслетах и т. д. С другой стороны, надпись на чаше питиахша Ардашира сделана на персидском языке. Это, повидимому, объясняется тем, что владелец чаши является питиахшем не иберийского, а сассанидского царя. Возможно, что в языке надписи отражена определенная политическая ситуация.

В связи с этим возникает вопрос: не является ли язык армазских надписей местным языком, грузинским? Такая возможность не исключена¹, но пока что мы не имеем определенных данных для таких утверждений. В настоящее время мне кажется более правдоподобным предположение (высказанное в связи с изучением билингвы), что «язык всех этих памятников представляет собой отражение той эпохи, когда образовывался среднеиранский письменный язык, и, несмотря на то, что к тому времени, когда писались наши памятники, он уже успел достаточно развиться и определиться как литературный язык государства аршакидов, а затем сассанидской Персии, в наших надписях все еще сохранились следы более древней стадии развития языка, эпохи его образования»². Эти следы заключаются, главным образом, в большом количестве арамейских элементов, наряду с которыми встречаются и персидские слова. Но так же, как в письме, мы встречаем следы сильного влияния греческого, в языке тоже, кроме персидских и арамейских элементов, проявляется влияние греческого. Так, например, в борийской надписи первоначальные w, u (matres lectionis) использованы под греческим, повидимому, влиянием для обозначения гласных. В билингве собственное имя иранского происхождения Хшефарнуг передано в эллинизированной форме. В надписи Михридата наряду с арамейским mlk, употребленным гетерограмматически, встречаются греческие bzuz и bzls (Βασιλεύς), а также, возможно, латинское kusg (Caesar). Но эти идущие с Востока и Запада два культурных течения, слившиеся друг с другом, основательно изменены и переработаны под влиянием мощной местной культуры, в результате чего получаем совершенно самостоятельный языковой и палеографический материал своеобразного характера и со своеобразными традициями.

Значение найденных при этих раскопках эпиграфических памятников трудно переоценить. Они дают возможность восстановить некоторые детали политической истории Грузии и ее культурно-исторических связей с Римом и Ираном в первых веках н. э. Благодаря этим надписям удается несколько восполнить хронологию грузинских царей, а упоминаемая в них титулатура высших должностных лиц Грузинского царства позволяет выяснить общую картину социальной жизни и государственного строя Иберии указанной эпохи. Мы узнаем, что во главе грузинского государства

¹ См. В. И. Абаев в Сообщениях АН Груз. ССР, Тбилиси, 1945

² АБ, стр. 43 сл.

стоял царь, носящий титул «царь великий»¹, при нем существовали должности двоюуправителей и питиахшей. Употребление в отношении Иодмангана, двоюуправителя царя Хсефарнуга, выражения «победоносец и много побед сделавший», дает основание предполагать, что в функции двоюуправителя входило предводительство во время войны. Это тем более вероятно, что грузинскому переводу термина *rb trbš* (*ezoys mozgvari*), не известного, кстати, до сих пор в арамейском, в армянском обычно соответствует *hazarapet* («тысячначальник»), восходящее к древнеперсидскому *hazaropatiš*—среднеперсидскому *hazarapet*. А относительно хазарапета мы знаем², что в Иране в его обязанность входила охрана царя. Будучи начальником лейб-гвардии, он постепенно приобретает важное влияние при дворе и, в конце концов, становится «великим визирем» и носителем верховной, после царя, светской власти в государстве³. Возможно, что такие же функции выполнял и двоюуправитель, упомянутый в наших надписях.

Очень важно упоминание в надписях питиахшей иберийских царей. До сих пор принято было думать, что питиахшат—чисто персидский институт и что питиахши появились в Грузии значительно позднее, к концу IV или в начале V в., когда Иберийское царство подпало под вассальную зависимость сассанидской империи. При этом считали, что питиахши назначались персидскими царями в качестве правителей подвассальной им территории. Благодаря нашим надписям выясняется, что такой же институт существовал и в Грузии и что иберийские цари имели при себе чиновников, называемых питиахшами. Возможно, что, кроме обычных питиахшей, были также великий и младший питиахши. Питиахши назывались «владыками». Они имели своих рабов, слуг и других подчиненных лиц. Делами войны управлял двоюуправитель, который, возможно, выполнял также другие функции. Высшие должностные лица имели свои символы власти, как это видно по встречающемуся в надписи Митридата знаку, напоминающему символ власти харгупата. Таким образом восстанавливается картина существования в первых веках нашей эры вполне развитой системы государства, с царем во главе и другими атрибутами государственной власти⁴.

Для официальных документов иберийские правители пользовались письмом своеобразного характера, арамейского происхождения, которое проявляет определенное сходство с грузинским. Это обстоятельство имеет исключительное значение для изучения одного из основных вопросов истории грузинской культуры—о происхождении грузинского алфавита. Наконец, не менее важно значение армазских надписей для изучения истории развития иранских и других алфавитов восточноарамейского происхождения, с которыми они также обнаруживают тесную родственную связь.

¹ АБ, стр. 18.

² Marquart, Untersuchungen zur Geschichte von Iran, «Philologus», 55 (1896), стр. 227.

³ K. Patkanian, Essai d'une histoire de la Dynastie des Sassanides, IА., VI, сер. 6, v. VII (1866), стр. 114.

⁴ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, часть 1, стр. 72 сл.

Акад. Р. Ю. Виппер

МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ АВЛА ГЕЛЛИЯ

В истории античной культуры поражает быстрота ее подъема и резкость ее падения. От начала греческой мысли, от Гомера, Гесиода, Пифагора, не прошло и тысячи лет, как вся премудрость эллинская была осмеяна и низвергнута ревнителями христианства. В области философии и науки выдающиеся умы античности совершают великие открытия, но не могут образовать традицию, создать школу: крупнейшие достижения гаснут, забываются, исчезают во мраке наступающего за ними варварства.

Вот два примера, характеризующие высокий взлет и вместе с тем хрупкость, обрывчатость античной культуры.

В III в. до н. э. Аристарх Самосский открывает вращение земли вокруг солнца. Последующая астрономия не принимает этого открытия, возвращается к прежнему наивному геоцентризму, теория Аристарха подвергается забвению; мы узнаем о ней как о некоем курьезе из поразительной по своей детской беспомощности статьи Плутарха «о фигуральном лике Луны».

В I в. до н. э. в поэме Лукреция «О природе вещей» излагается материалистическое мировоззрение, объясняется возникновение и развитие мира «без участия богов» (т. е. сверхъестественных сил), обосновывается факт органического слияния в одно целое души и тела. Не проходит и ста лет, как ясное научное построение передовой школы философии заменяется (у Сенеки, а потом у христиан) богоискательством, туманным мистицизмом, проклятиями телу, как «темнице души», вере в загробную жизнь и т. п.

Мне хотелось бы на другом примере показать, что античный мир не бесславно погибал, что общество Римской империи пыталось реформироваться, подняться из упадка, омолодить свое старчество.

• Таким напряжением интеллектуальных сил отличается эпоха Антонина Пия и Марка Аврелия (138—180 гг.). Для ближайшей цели, которую я имею в виду, — выяснения идей моральной реформы просветительного века — я выбираю Авла Геллия и его «Аттические ночи» (жил от 125 или 130 до 175 г.; сборник составлен не раньше конца 60-х гг. II в.).

Не буду спорить сейчас с классиками, оценивающими Авла Геллия очень низко как бессистемного компилятора, как «прислужника науки». Для меня Геллий очень важен, как наилучший выразитель оптимистической безрелигиозной морали римского стоицизма, сделавшегося основой просветительной политики Антонина Пия и Марка Аврелия.

О жизни и литературной деятельности Геллия мы знаем немного. Сам он сообщает нам, что с молодых лет избрал карьеру юриста-практика, что досуги для писания книги он урывал лишь украдкой. Ему было около 30 лет, когда он поехал в Афины с несколькими земляками (*nostrates*) для большего развития ума (*ad capessendum ingenii cultum*). Здесь Авл Геллий сближается с Геродом Аттиком. Это последнее имя направляет наше внимание к очень влиятельной во II в. группе деятелей просвещения писателей, риторов, ученых, которые в то же время занимали административные и судебные должности или вообще в какой-либо мере являлись орудиями власти, участниками управления, провозвестниками правительственных взглядов и намерений династии Антонинов, от Траяна до Марка Аврелия: в такой роли мы видим Диона Хрисостома, Плиния Младшего, Тацита, Светония, Ювенала, позднее Арриана, Фронтон, Фаворина, Элия Аристид, наконец Лукиана.

Согласно идеалу римского стоицизма, император поставлен в мире для того, чтобы быть спасителем человечества, его деятельность проходит под знаком «филантропии»; общая цель, к которой ведет правительственная работа,—просветление умов, установление мира на земле, устранение злых предрассудков, искажающих отношения между людьми; художники слова, ученые, преподаватели философии и риторики—вот прямые и наилучшие возвестители идей спасения, которое состоит в моральном воспитании общества, освобождении умов от суеверий, от ложных страхов, колдовства, веры в демонические силы и т. п.

Философия стоиков, политика Антонинов, сочинения, речи и лекции просветителей, разумеется, имели определенную социальную окраску; они были обращены к аристократическим, зажиточным, литературно и философски образованным слоям общества.

Мне не нужно объяснять, что высшие слои общества II в., те классы, интересам которых служила императорская власть, в которых она в свою очередь искала поддержки, существенно отличались от аристократических кругов империи I в., от высокомерного нобилитета, жившего традициями блистательной эпохи завоеваний. Вместе с распространением права римского гражданства на провинции, на окраины стала исчезать узкоплеменная исключительность римлян, понятия *Romani*, *ra*х *Romana* получили другой смысл—значение культуры вообще, культуры общечеловеческой.

Насколько непохожи были Антонины на Юлиев—Клавдиев, бережливые, экономные, практичные, рассудительные, веротерпимые, настолько направляемые ими в провинции администраторы и покровительствуемые ими ритторы, научно-философские деятели и публицисты отличались от Колумеллы, Веллея Патеркула, Сенеки своим более широким кругозором, своим космополитизмом. По большей части это были уже не римляне по происхождению (Дион Хрисостом из Прусы в Вифинии, Фронтон из Цирты в Нумидии, Фаворин из Арелате в Галлии, Арриан из Нико-медии у Босфора, Лукиан из Самосаты на Евфрате); но и римляне в этих рядах учителей, пропагандистов культуры были не прежние, сознававшие себя владыками мира, прирожденными господами сравнительно с остальными народами, стоящими гораздо ниже по моральному достоинству и гражданской ценности.

В сознании образованных римлян II в. сказалась еще одна перемена. В период политического высокомерия и в некотором противоречии с этой спесью римляне усердно учились у греков, заимствовали у них, подражали им. Теперь они выросли в самостоятельную интеллектуальную силу; они стали способны взять на себя ведущую роль в распространении просвещения, заступить место ослабевшей в своей энергии греческой школы.

К этой новой группе римских деятелей просвещения принадлежит Авл Геллий. Хотя он выдвинулся под покровительством марафонца Герода, хотя почерпнул вдохновение от поездки в Афины, он, однако, уверенной рукой пишет формулы римской мудрости. Авл Геллий—младший современник великого юриста Гая, у которого впервые отчетливо начерчено *ius naturale* как основа общечеловеческого права. По своему происхождению идея естественного права принадлежит стоицизму, философии греческой, но воплощение этой идеи в юридической науке есть творческое дело римского гения.

Авл Геллий не только современник Гая, но и единомышленник великого юриста, поскольку оба являются последователями моральной философии стоицизма, теперь уже принявшего очертания римского политико-юридического мировоззрения. В *Institutiones* под заголовком «*de iustitia et iure*» мы находим три морально-юридические заповеди. *Iuris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere*. В параллель к этим заветам теоретика-юриста, выраженным в отвлеченной форме, можно поставить также три заповеди, лишь более конкретного характера, у Авла Геллия, в «*Noctes Atticae*» (кн. II, гл. 7). Здесь под заголовком, который на первый взгляд может показаться отвлекающим от существа дела, помещен сжатый, но очень отчетливый и содержательный, принципиально-формулированный моральный кодекс.

Заголовок гласит: «О долге (*De officio*) детей относительно родителей и о тех философских книгах, в которых исследуется вопрос о том, должны ли дети всегда и во всем слушаться своих отцов?».

По словам Геллия, среди греческих и римских философов вопрос обсуждался и обсуждается самым живейшим образом. Он добросовестно отмечает три мнения: 1) отцовской власти надлежит безусловно повиноваться; 2) отцовской власти в иных случаях должно повиноваться, в других нет; 3) отцовской власти не должно повиноваться ни в каком случае. Он отвергает без колебания первое мнение: «Как,—воскликает он,—если отец прикажет предать отечество или убить родную мать, или вообще прикажет сделать что-либо подлое или нечестивое (*alia quaedam imperabit turpia aut impia*), разве мыслимо повиноваться?» Третье мнение он не может принять потому, что оно, с первого взгляда, слишком цинично (*infamis*). Таким образом, за исключением двух крайних мнений, остается принять второе, посредствующее мнение: отцовская власть не может быть безусловной; она подлежит ограничению; все дело в том, чтобы найти мерило ограничения, которое, в свою очередь, должно быть безусловным. И мы услышим сейчас от Геллия формулу абсолютной морали.

«Поступки человеческие, как это признали ученые (*docti*), разделяются на честные (*honesta*) и подлые (*turpia*). Что касается дел, которые по своей внутренней силе являются правильными и честными (*quae sua vi recta aut honesta sunt*), каковы: соблюдать верность или хранить честь (*fidem colere*), защищать отечество (*patriam defendere*), любить друзей (*amicos diligere*), то их следует исполнять, независимо от того, приказывает ли отец поступать так или не приказывает. Но дела, которые противоположны вышеназванным, которые постыдны и вообще несправедливы, не следует выполнять, даже если бы они исходили от чьего-либо приказа».

После формулы безусловной морали и ее противоположности Авл Геллий упоминает о категории средних, морально безразличных поступков, и тут мы, к некоторому удивлению нашему, встречаем почти всю совокупность обыденных, бытовых и гражданских отношений. «Те дела, которые находятся посредине и которые греки называют безразличными (*ἀδιάφορα*) и средними (*μέσα*), как то: выполнять военную службу (*in mili-*

tiam ire), обрабатывать землю (rus colere), занимать высокие должности (honores capessere), вести процессы (causas defendere), вступать в брак (uxorem ducere), отправляться в служебную поездку (iussum proficisci), являться к ответу в суд (arcessitum venire),—подчиняются иному правилу: так как они сами по себе, по своему существу не принадлежат ни к честным, ни к подлым делам,—а становятся тем или другим в зависимости от нашего поведения (perinde ut a nobis aguntur), то они подлежат одобрению или осуждению, смотря по характеру действия (ipsis actionibus); в делах такого рода авторитету отцовской власти предоставляется соответствующий простор».

Я привел целиком замечательную, как мне кажется, выдержку из «Аттических ночей». Конечно, я не открыл ничего нового: филологам-классикам и знатокам древней философии это место, разумеется, давно и хорошо известно. Но я позволю себе заметить, что до сих пор этому месту у Геллия и вообще суждениям Геллия как моралиста не придавали должного значения. Я думаю, что никто не сможет указать писателя античности, который с такой отчетливостью формулировал бы моральные понятия высшего римского общества II в. н. э.

Отмечу одну черту, которая мне кажется наиболее характерной: мораль, излагаемая Авлом Геллием, абсолютна и в то же время безрелигиозна. Не упоминается о высшем надземном авторитете, от которого исходили бы моральные предписания и который творил бы затем суд над людьми. Честные и подлые дела различаются по своему внутреннему существу, а не по какой-либо печати, наложенной извне. Нет понятия о грехе как нарушении заповеди любви к богу, как оскорблении неисповедимой мировой воли. На первом месте выше всех моральных требований поставлена честь, верность человеческая—*fidem colere* (у Гая *honeste vivere*). Это чисто римское понятие позднее, в христианской морали исчезает и даже у такого строгого инквизитора, как Августин, подвергается осуждению, как грех человеческой гордыни.

Безрелигиозность в морали не есть безбожие. Авл Геллий не атеист. Он ограничивается лишь указанием на невмешательство божества в жизнь людей, на самостоятельность морального поведения человека, на ответственность его только перед самим собой. В этом смысле у Геллия есть очень отчетливое суждение, облеченное в форму цитаты из речи Метелла Нумидийского.

Любопытно, что из этой речи, посвященной вопросу конкретному—о неразрывности брачного союза, Геллий извлекает ряд общих моральных положений и вообще оценивает ее с точки зрения своей моральной философии. Так, например, он приводит выражение Метелла: *saluti perpetuae potius quam brevi voluptati consulendum* (надо думать о вечном благе больше, чем о минутном наслаждении).

По вопросу, нас занимающему, мы читаем (кн. I, гл. 6) следующее рассуждение, извлеченное Геллием из речи Метелла: «Боги бессмертные имеют великую силу (*plurimum possunt*); но в отношении к нам они не должны домогаться большего (*non plus velle debent*), чем наши родители. Ведь родители, если видят, что дети упорствуют в своих заблуждениях, лишают их наследства. Так и нам нечего больше ждать от богов бессмертных, кроме того, что они положат конец злонамеренности (*malis rationibus*) нашей. Поэтому справедливость требует, чтобы боги благоприятствовали тому, кто сам себе не враг (*his demum deos propitios esse aequum est qui sibi adversarii non sunt*). Боги бессмертные должны лишь одобрять добродетель, а не подсоблять ей (*dii immortales virtutem a p p r o b a r e, non adhibere debent*)».

Здесь выражена стоическая точка зрения на божество: высшая мировая

сила лишь ставит идеал человеку, обращается к лучшим свойствам его натуры, но не хочет держать его в поводах, предоставляет ему свободу действий: злонамеренность, безнравственность отвратительны не потому, что оскорбительны для богов, а потому что они постыдны (*turpia*) сами по себе, потому что, отдаваясь им, люди становятся врагами сами себе (*sibi adversarii sunt*).

Вопрос о характере божественного промысла, о роли богов среди борьбы между добром и злом в человеческом мире очень занимает Авла Геллия. Он еще раз вплотную обращается к рассмотрению этой темы моральной философии в кн. VI, гл. 1. Здесь он подробно излагает, в очень интересной диалогической форме, содержание книги Хрисиппа (280—206 гг.) Περὶ προνοίας. Перед нами вполне вскрывается оптимизм стоиков в их суждениях о нравственной природе человека. Вывод, который делает отсюда Геллий, состоит в том, что высшей мировой силой, божеством или природой, человеку дан разум и способность к добру, что роль божественного промысла не идет далее внушения человечеству правильного, сообразного природе образа мысли, что так же, как болезни составляют нарушение данного природой естественного здоровья, и пороки, злонамеренность человеческая, образуют противодействие природе; что человеку дана свобода воли, а если он не следует влечениям, внушенным природой, он сам виноват и несет за это кару.

Приведенные мной отрывки из «Аттических ночей» не составляют оригинальности Авла Геллия. Ему только удалось схватить моральную философию стоиков с ее, так сказать, драматической стороны, представить противоположность старинной морали, морали общества, подчиненного деспотизму, слепо ему подчинявшегося, и морали нового века, века морали сознательных личностей, способных различать добро и зло по внутренним качествам поступков.

Теперь я приведу один отрывок из II книги (гл. 18), где за Геллием можно признать оригинальность или, по крайней мере, самостоятельную инициативу в выборе сюжета: хотя он приводит факты общеизвестные, упоминаемые в других источниках, но самый подбор их обнаруживает очень определенную тенденцию новаторства.

Заголовок гласит так: «О том, что сократик Федон был рабом и что очень многие другие (философы.—Р. В.) служили рабскую службу». В тексте мы читаем: «Федон, ученик Сократа и близкий друг (*familiaris*) Платона, был рабом: красивый и свободный духом (*ingenio liberali*), он отдавался на разврат своим господином (a lepore domino); говорят, что его выкупил сократик Кебет, по внушению самого Сократа; он стал впоследствии знаменитым философом. Его речи о Сократе написаны с изяществом и легко читаются».

«Многие другие, выйдя из рабского состояния, сделались знаменитыми (*clari*) философами; из них особенно замечателен Менипп, сочинениям которого подражал в своих сатирах М. Варрон: другие называли эти сатиры киническими, он сам Мениппейскими. Также у перипатетика Теофраста был раб Помпия, у Зенона стойка раб по имени Персей, у Эпикура раб по имени Мус, все трое впоследствии знаменитые философы. Также и киник Диоген служил рабскую службу. С ним, впрочем, дело обстояло так: он из свободного состояния продан в рабство; когда его захотел купить коринфянин Ксениад и спросил, какое он знает мастерство, Диоген ответил: «а я умею управлять свободными людьми». Передавая ему своих сыновей, господин сказал: «ну вот и возьми их под свою команду». Совсем еще свежа память об Эпиктете, философе почтенном (*philosophus nobilis*), который находился в рабстве. Между прочим от Эпиктета сохранилось два стиха, тайный смысл которых в том, что не все те бывают

ненавистны богам, кто в жизни своей испытал бездну несчастий; но что есть скрытые истины, которых достигает пытливость лишь немногих:

«Я был рабом и увечным, я был и нищим, а стал другом бессмертных».

К этой главе нет ни комментариев, ни выводов. Спрашивается, однако, зачем филолог и археолог Геллий сделал этот подбор? Для чего нужно было собирать примеры, в результате которых оказывается, что многие философы вышли из рабского состояния: Авл Геллий вращался в кругах аристократических, в среде зажиточных людей, обладателей множества рабов. Не были ли его сопоставления признаниями расчувствовавшегося, кающегося рабовладельца, своего рода воззванием к реформе в положении рабов, призывом, принявшим форму идеализации раба, объявления угнетенного, нищего страдальца кладезем мудрости и справедливости.

Сборник «Аттических ночей», носящий форму публичных лекций, написан для изысканной публики. Автор не исходил от желания говорить неприятности слушателям или читателям, высмеивать бытовые условия рабовладельцев. Но, с другой стороны, задача предложить реформу в обращении с рабами, внушая мысли о том, что в громадной массе эксплуатируемых кроются и таланты, и знания, и мудрость истинная, и дух справедливости,—такая задача могла вполне отвечать одновременной с выходом книги филантропической политике в период Антонина Пия и Марка Аврелия.

Как бы ни объяснять внутренние мотивы помещения в «Аттических ночах» сведений о рабах-философах, несомненно, что Авл Гелий принадлежал к просветительному направлению, представители которого вели пропаганду в пользу улучшения социально-юридического положения рабов, апеллируя к разуму и лучшим чувствам интеллигентных рабовладельцев. В какой мере можно признать это направление передовым, легко показать сравнением его с рассуждениями, например, Сенеки, который впервые заговорил о человеческих правах, о человеческом достоинстве рабов, но решался затронуть этот трудный, сложный, крайне болезненный для рабовладельцев вопрос только в интимной переписке, в советах близкому другу. Рассуждения и советы Сенеки были очень робки, сдержанны и осторожны. Призыв к более мягкому обращению с рабами входил в общую программу практической морали, рекомендуемой Сенекой: стремиться к равновесию духа, успокоению от страстей, от необдуманных порывов, о чем он неумолчно говорит в сочинениях: «*de ira*», «*de clementia*», «*de tranquillitate animi*», «*de beneficiis*».

Сенека предлагал эту программу жизни не всему рабовладельческому обществу, а обращался к избранным натурам, к *virī boni et sapientes*, к тем, кто хотел вести святую жизнь, далекую от светскости, всяких утех и наслаждений. Нечего и говорить, что в обращениях и речах Геллия совершенно иные масштабы: перед ним широкая общеимперская аудитория; вопрос о положении рабов, об обращении с ними обсуждается публично; Геллий переносит беседу о человеческом достоинстве рабов на историческую почву, говорит о культурных заслугах философов, вышедших из рабского звания.

Такова перемена, совершившаяся в умах высшего римского общества за 100 лет приблизительно. Интересна одна частность этой эволюции. В гуманитарных советах и призывах Сенеки господствующую роль играет мотив спокойствия, равновесия духа: одинаково, как к государю так и к рабовладельцу, обращается он с усердной мольбой—сдерживать свои непосредственные порывы, свои стихийные влечения во имя величия своего разума, во имя своей гордости, законной гордости неограниченного правителя и господина. У Авла Геллия совсем иное понимание «спокойствия духа». Идеал, выставленный Сенекой, не удовлетворяет его, подвер-

гается у него осмеянию. Так, по крайней мере, я понимаю один очень своеобразный по форме отрывок из «Аттических ночей» (кн. I, гл. 26). В заголовке значится: «О том, как философ Тавр ответил на мой вопрос: способен ли философ поддаваться гнев?».

В тексте рассказывается случай из жизни Плутарха. Однажды Плутарх велел за какую-то провинность высечь розгами своего раба. Наказуемый, человек образованный, стал кричать, браниться и упрекать Плутарха за то, что господин нарушает требование своего же собственного трактата *Περὶ ἀσυχνείας* («О воздержании от гнева»). Плутарх ответил на обвинение тихим, спокойным голосом: «где же ты на моем лице видишь признаки гнева? Ведь у меня кровь не бросилась в голову, и пены нет у рта, и не трясутся члены от ярости?» После этого ответа он приказал секущему продолжать удары.

Не представляется ли вам рассказ о Плутархе очень тонкой и злой сатирой на непоследовательного философа, который остался вместе с тем вульгарным жестоким рабовладельцем?

Плутарх—очень видная фигура в ряду теоретиков моральной философии; он—продолжатель Сенеки и один из зачинателей «филантропии», которая становится главным кличем писателей, ораторов и правителей II в. Если Сенека на целое столетие отстоит от эпохи Антонина Пия и Авла Геллия, то Плутарха (умер в 125 г.) отделяет от нашего автора не больше полувека. И, однако, мораль Плутарха кажется Авлу Геллию отсталой, сопоставление его теории с ее практическим применением обнаруживает резкое, вопиющее противоречие.

Эволюция идей в греко-римском обществе идет быстрым темпом. Антонин Пий, Марк Аврелий, юристы, философы, риторы, окружавшие их, занимавшие административные должности или работавшие в качестве распространителей просветительных идей, Фронтон, Аристид, Арриан, Авл Геллий, Лукиан были люди, исполненные наилучших намерений. Их целью было дать обществу прочные основы морали, пробудить в коснеющих кругах его активную энергию. Но как они сами, так и публика, к которой они обращались, были связаны понятиями, чувствами и предрассудками социальной среды, к которой они принадлежали. Их реформаторский пыл должен был неизбежно погаснуть в социальной крепости, которая была одновременно их твердыней, их гордостью и их пленом.

Хранить свою честь, защищать отечество, любить своих друзей—ведь этого можно было требовать только от людей свободных, способных располагать своей волей. *Honeste vivere*—можно было требовать только от *honestiores*, на то они и были взысканы всеми милостями судьбы. Но был ли какой смысл обращаться с воззваниями подобного рода к *humiliores*, к массе презираемых, угнетенных нуждой и тяжелой работой людей, к необозримой массе невольников? Как мог бы поддерживать свою честь тот, самое звание кого было и символом, и фактом бесчестия? Также бесполезно, неуместно и жестоко было обращаться к бедноте, к подавленному работой плебейству, к рабам с горячим уверением, что из их среды, из самого низкого звания вышли знаменитые философы.

Стойческая мораль, выраженная у Авла Геллия, была наибольшим достижением, на какое способно было аристократическое рабовладельческое общество Римской империи.

Е. М. Штаерман

АФРИКАНСКИЕ ВОССТАНИЯ III ВЕКА

Как и большинство провинций римской империи, в середине III в. Африка становится ареной ожесточенной борьбы Рима с варварскими племенами. О ней мы находим краткие упоминания в скудных литературных источниках и более подробные, хотя и разрозненные, данные в эпиграфических памятниках.

До сих пор события эти мало привлекали внимание исследователей. Правда, Канья в своей известной работе о римской армии в Африке отмечает их особенности: это не были, пишет он, обычные вторжения племен пустыни, стремящихся прорвать римские укрепления, пограбить пограничные области и удалиться на свою территорию. Племена, воевавшие на этот раз с Римом, жили среди издавна покоренной и охраняемой страны, и, следовательно, для начала военных действий имелась какая-то особая важная причина¹. Однако, не пытаясь выяснить эту причину, он только замечает, что некоторые авторы без всяких оснований связывали эти войны с гонениями Валериана на христиан. Другой известный исследователь римской Африки Монсо видел в них одно из проявлений борьбы Африки за независимость, продолжавшейся, по его мнению, во весь период римского господства в этой стране².

Как мне представляется, наиболее приблизился к истине Жюльен, который считал, что войны туземцев с Римом обуславливались не только и не столько национальными, сколько классовыми противоречиями между берберийскими крестьянами, оттесняемыми со своих земель, и пунийскими и римскими землевладельцами³. Однако он не дифференцирует различные периоды римского владычества и римской политики в Африке.

Ни он, ни другие авторы не попытались связать «мавританские войны» III в. ни с общим положением в Африке этого времени, с одной стороны, ни со сходными событиями в других частях империи—с другой.

Между тем такая попытка представляется мне возможной. Она закономерна ввиду размаха, который приняло движение. Оно продолжалось всю вторую половину III в., и временами военные действия захватывали даже район Карфагена. Некоторые современники видели в нем одну из причин, побудивших Диоклетиана разделить власть с Максимианом, Галерием и Констанцием (Orosius, VII, 25), тогда как другие искали эту причину в движении багаудов (Aur. Vict., De Caes., XXXIX).

¹ R. Cagnat, *L'armée Romaine de l'Afrique du nord*, 1894, стр. 88.

² «Les Africains», 1894, стр. 10.

³ J. Jullien, *Histoire de l'Afrique du nord*, 1931, стр. 78 и 223.

Все это заставляет предположить в этих войнах не случайный эпизод, а результат социальных и экономических изменений, наметившихся к этому времени в Африке.

Достаточно известно представление об упадке, переживавшемся Африкой с середины III в. Оно основывается, главным образом, на резком уменьшении памятников городской жизни и на пессимистических тонах, в которых Киприан Карфагенский рисует современную ему действительность.

Большинство историков связывает этот упадок с восстанием Гордианов и последовавшей за ним карательной экспедицией Капиллиена. Наиболее ярко выразил это мнение Тутэн: «Накануне восстания Гордианов, — пишет он, — Африка была богатой и процветающей страной, спустя 3 месяца страна было опустошена, разорена, обезлюдела. Не только общественное и частное богатство было разрушено, но самые факторы этого богатства — земля и люди были глубоко задеты»¹. «Африка никогда не оправилась после этого удара», — говорит Хейвуд². «В Африке после мятежа Гордианов начался беспорядок, не прекращавшийся до вандалов, — замечает Жюльен³. Однако трудно предположить, что богатая цветущая страна в результате недолгой междоусобной войны, как бы жестока она ни была, могла бы обратиться в невосстановимые развалины. Здесь сказывается общая многим западным ученым переоценка случайных факторов, недостаточно глубокое проникновение в сущность исторического процесса.

Повидимому, в Африке, как и в Галлии и других провинциях, упадок городов был связан не с абсолютным упадком провинции, а с тем, что в экономике мелкие и средние землевладельцы, составлявшие городскую верхушку, вытесняются крупными собственниками более или менее экономически независимых поместий. Это подтверждается рядом фактов — установлением нундин для крупных сальтусов (CIL, VIII, 11451; AEr, 1903, № 243; 1913 № 226); известными жалобами Киприана на богатей, беспредельно увеличивающих свои земли за счет менее сильных соседей. Наконец, и общим настроением, которым проникнуты сочинения Киприана, выходца из среды муниципальной знати. Это настроение типично для всего его разоряющегося сословия. Недаром представители последнего в этот период в большом количестве переходят в христианство, разочаровавшись в языческом мире. Не исключена возможность, что среди этих же слоев вербовались противники Гордианов, поднявшие в Карфагене мятеж против Гордиана III.

Видимо, с приходом к власти последнего в Африке перестают создаваться искусственные препятствия процессу концентрации земли. Раньше, особенно при первых Северах, этот процесс ограничивался и прямыми конфискациями и поддержкой мелких и средних собственников земли, ряды которых усиленно пополнялись за счет наделяемых земель военных. Возможно, что удаление из Африки III Августова легиона, солдаты которого получили имущество сторонников старших Гордианов, конфискованное Капиллиеном, также сыграло известную роль в ускорении концентрации земли.

Процесс этот сопровождался ростом колоната. Повидимому, в сельском хозяйстве рабы, в основном, вытесняются колонами. Эпитафии из

¹ J. Toutain, Les cités Romaines de la Tunisie, 1902, 367.

² «Economic survey of the Roman empire», ed. by Tenney Frank, Baltimore, 1939, т. IV, стр. 86.

³ Op. cit., стр. 50.

карфагенского некрополя императорских рабов не идут дальше времени Септимия Севера. Нет после этого времени надписей рабов, рабских фамилий и виликов и из других частей провинции. Киприан, перечисляя лиц, находящихся в зависимости от главы дома, называет колонов, инквилинов, вольноотпущенников и рабов. Последних он обозначает как *domestici*, т. е. домашних слуг (письма 10 и 43). Очевидно, в поле работали колоны. Насколько усилилась их зависимость, видно из тех же писем. Киприан пишет, что христиане, откупившиеся во время гонений Деция от совершения жертвоприношения и получившие фиктивное свидетельство, что обряд ими выполнен, избавили таким образом от фактического отступничества не только себя, но и весь свой дом, своих колонов и инквилинов. Между тем, хотя эдикт Деция и не известен в точности, есть все основания предполагать, что он предписывал совершить жертвоприношение всем, независимо от их социального положения, и в городах низшие классы не были от него избавлены. Но колоны настолько поглощались личностью своего землевладельца, что выраженные им верноподданнические чувства представлялись достаточной гарантией и их лояльности. Для сложившихся отношений характерна также картина, нарисованная африканским поэтом второй половины III в. Немезианом в его I эклоге, посвященной памяти умершего друга, бывшего образцовым помещиком. Он пишет: «Ты привык разбирать тяжбы земледельцев, примиряя и смягчая различные ссоры. При твоём господстве (*sub te*) процветали любовь к земледелию, уважение к праву и двусторонний межевой камень обозначил поля»¹.

Как и в других провинциях империи, так и в Африке, вышеуказанные изменения в экономике сопровождались острой нехваткой рабочей силы. Что она намечалась уже издавна, видно из привилегий, которые по закону Адриана предоставлялись за обработку пустующих или заброшенных земель. В середине III в. Киприан пишет, что нехватает людей: солдат в лагерях, земледельцев в поле. Это дало повод многим историкам говорить об общем «обезлюдении» провинции. Однако этому противоречат свидетельства современников: Геродиан пишет о всегда многолюдной ливийской стране, а Лактанций замечает, что Максимиан менее нуждался в деньгах, чем Диоклетиан, так как владел Испанией и Африкой, провинциями многолюдными и богатыми (*De mort. persec.*, VIII). Очевидно, обезлюдение было не абсолютным, а относительным: падала производительность труда, люди бросали землю, тяготясь связанными с нею растущими повинностями и зависимостью. Об этом свидетельствует рост числа разбойников, которые обычно вербовались именно из такого элемента. Киприан неоднократно упоминает разбойников, которые делают непроходимыми дороги и постоянно угрожают богатым людям. Насколько они были сильны и многочисленны, показывает одна надпись из Сикки Венерии, в которой говорится, что разбойники вторглись в город, разрушили стену храма и унесли изображения покровительницы города Венеры (CIL, VIII, 15881). Возможно, что наиболее остро вопрос о рабочей силе стоял для императорских земель, поскольку, как мы знаем из известной петиции фригийских колонов к Филиппу Арабу, колоны в ряде случаев предпочитали переходить на земли крупных частных владельцев.

В поисках выхода из создавшегося положения правительство, видимо, шло двумя путями.

С одной стороны, как мы видим из ряда надписей времени Каракаллы, особенно Александра Севера и Гордиана III, колоны, жившие на импе-

¹ Baehrens, *Poetae latini minores*, т. III, стр. 178.

раторских землях, получают большие участки и более интенсивно привлекаются к оборонительным работам по созданию укреплений (CIL VIII, 20487, 20602, 8777, 8701, 8812, 20618, АЕр., 1903, № 94). Согласно обычной фразеологии императорского периода эти мероприятия представлялись как некое знаменательное и важное благодеяние. Так, например, более или менее стандартный текст одной из соответствующих надписей гласит: «благодаря милости нового века императора Цезаря Марка Антония Гордиана непобедимого, благочестивого, счастливого Августа, восстановителя земного круга, *castellum* Ванарзаненский, который раньше располагал только узким пространством, окруженным стенами, теперь, когда восстановление сил и надежда на мир побуждают... расширен на большую территорию Фальтием Рести-тутаном, президом, под наблюдением прокуратора Элия Феликса» (АЕр., 1903, № 94). Земли давались из императорских имений, как видно из надписи о наделении колонов землей августы Матидии (CIL, VIII, 8812). Одновременно, вероятно, из колонов создавались военные отряды. Так, из того же места, что вышеупомянутая надпись, имеется другая—о размежевании между *territorium Aureliense et privata ratione* (CIL, VIII, 20618), тогда же появляется и *numerus Aureliensis* (XI, 3104), скорее всего составленный из населения этой же территории.

Главная масса вышеприведенных и аналогичных надписей относится к пограничным районам между Нумидией и Мавританией; здесь было расположено значительное количество *castella*, которые, как показывает Шультен, были центрами берберийских племен. В отличие от пунического населения они не получили городского устройства, назывались племенами—*gentes*, управлялись своими царьками или принцепсами под верховным надзором римских префектов и получали землю не в собственность, а в пользование¹.

Очевидно, между ними и жителями городов проводилось значительное различие. В одном военном дипломе отдельно названы среди набранных в Африке частей мавры и *Mauri gentiles* (D e s s a u, 2006). Аналогию мы находим в известной надписи из Вальддюна в Германии, где различаются *brittones* и *brittones gentiles*, приравненные к *dediticii* (Riese, 1749).

Повидимому, из этих племен состояла известная часть колонов императорских *сальтусов* как на границе Нумидии и Мавритании, так и в некоторых других местах. Так, например, в районе Тевесты жило племя музуниев, поставившее несколько надписей в честь Каракаллы (C a g n a t, 102, 103). Между тем, очевидно, именно в окрестностях Тевесты помещались в общем сравнительно немногочисленные в Нумидии императорские *сальтусы*. С Септимия Севера, вероятно, в результате произведенных им конфискаций, появляется специальный прокуратор округа Тевесты². Судя по вышеупомянутым надписям середины III в., эти племена начинают интенсивно обращаться в колонов.

Но увеличение наделов колонов и живших на римской территории племен при одновременном увеличении повинностей и тенденции населения избавиться от земли, вряд ли давало особенно эффективный результат и правительство начинает прибегать к дополнительным мерам.

Канья, описывая созданную Диоклетианом систему привлечения к военной колонизации федератов, говорит, что до него аналогичные мероприятия если и имели место, то были случайны и единичны. Опублико-

¹ S c h u l t e n, Die Peregrinen Gaugemeinden des Römischen Reiches, «Rheinisches Museum», N. F. т. 50, стр. 509 сл.

² D e s s a u, 1438; H a y w o o d, op. cit., стр. 85.

ванные со времени появления его труда некоторые новые надписи позволяют пересмотреть это положение.

Еще в начале правления Септимия Севера на границе Нумидии, на юге Шотт-эль-Ходна была поставлена надпись, сообщающая, что по приказу пропретора Аниция Фауста некоторые младшие чины III Августа легиона произвели наделение полями, пастбищами и источниками (АЕр., 1946, № 38). К сожалению, не сохранились слова, указывающие, кому именно давались эти угодия. Однако важно, что наделение здесь выражено термином *adsignare*, который, по наблюдению Шультена (ук. соч., стр. 540), применялся в отношении племен, получавших земли в пользование. В состав римского государства эти племена включались в результате заключения договоров с их царями. Возможно, что и при Септимии Севере какое-то племя было поселено на границе под условием обработки земли и несения военной службы. На последнее указывает участие военных чинов в устройстве поселенцев.

Более ясные данные мы имеем из позднейшего времени. Это три надписи времени Александра Севера и Проба. Первая, к сожалению, очень фрагментарная, сообщает, что прокуратор (Мавритании) поставил большой алтарь после собеседования с царьками племен баваров и бакватиев (АЕр., 1943, № 54 и 1946, № 52). Следующая надпись от 277 г. гласит: «Юпитеру всеблагому величайшему, Гению и Фортуне императора Марка Аврелия Проба Августа нашего Клементий Валерий Марцеллин, президент провинции Мавритании Тингитанской, поставил и посвятил алтарь миру после переговоров с Юлием Нуфуци, сыном Юлия Матифа, царя союзного племени бакватиев» (C a g n a t, 609); вторая надпись от 280 г. поставлена тем же президом после переговоров с братом предыдущего царя Юлием Мирзом (C a g n a t, 610). Интересно, что бакватии здесь названы *gens foederata*. Вполне возможно, что римское правительство стало уже тогда заключать договоры с племенными вождями, по которым их подданные в качестве федератов помещались на римской земле. Возможно, что согласия соответственных царьков приходилось добиваться силой, поскольку известно, что Александр Север вел войны в Мавритании (SHA, XVIII, 58, 1); возможно также, что они добровольно предоставляли Риму эксплуатировать рабочую и военную силу своих соплеменников, получая за это известные личные преимущества. Так, одна надпись из Рима поставлена в память рано умершего сына царя бакватиев Аврелия Канарты (CIL, VI, 1800). Очевидно, этот царь получил римское гражданство при каком-то императоре III в. и жил в Риме, на более или менее почетном положении.

Частично эти племена переселялись в глубь римской территории; в Нумидии около Томугади известно поселение Барбар, а к юго-востоку от этого города, ближе к границе провинции, — Бабар: возможно, что оба эти названия произошли от племени баваров, живших за границей Мавритании Тингитанской, но частично помещенных в этом районе. В проконсульской Африке известен город или село Фраксине, между тем, как мы увидим дальше, существовало племя этого названия, принимавшее большое участие в войнах III в. Конечно, значительное количество местных племен жило и в Мавритании, где также, по преимуществу начиная с Александра Севера, усиленно создавалась система военных поселений¹. Привлекавшихся сюда частей из германцев, сирийцев и пальмирианцев, конечно, хватить не могло.

¹ Jullien, op. cit., стр. 158.

Без сомнения, колонны жили в Мавритании и в больших частных имениях, которые, судя по упоминаниям в источниках, были там многочисленны (SHA; Tacitus, X; CIL, VIII, 8280, 8241, 8421).

Система привлечения на римскую землю иностранных племен применялась и в других частях империи. Император Проб, ведший многочисленные и успешные войны, прикреплял покоренных к земле в Галлии, Германии, во Фракии, где, по словам его биографа, поместил 100000 бастарнов (SHA, XXVIII, 14,15). Но, говорит далее этот автор, вскоре, когда Проб был занят войнами с узурпаторами, все эти племена нарушили верность Риму и, двигаясь пешие и на кораблях по всей стране, причинили немало ущерба римской славе (там же, 18). Как известно, эти движения соединялись с восстаниями крестьянства и внешними вторжениями.

По всей видимости, аналогичные явления начались уже раньше в Африке, непосредственно после Александра Севера, начавшего, как мы видели, в больших масштабах форсировать военную колонизацию и привлечение зарубежных племен.

В 1923 г. были опубликованы надписи с крайнего юга Нумидии, из Дусена, относящиеся к 238 г. Эти 4 надписи, украшавшие фасад претория расположенного там военного поста, сообщают, что император Гордиан, действуя через посредство своего пропретора Тиберия Юлия Антиоха, благодаря своей доблести и высшей справедливости укротил и усмирил всех восставших и мятежников, выправил границы провинции и племен, соорудил вал и рвы и расположил лагеря для охраны мира в расширенной провинции (AЕр., 1923, №№ 95—98). Особого внимания заслуживают упоминающиеся здесь «восставшие и мятежники» (*rebелles et defectores*). Возможно, конечно, что имеются в виду сторонники Максимиана или отпавшие от Гордиана карфагеняне, которые выдвинули своего претендента на престол. Однако, поскольку остальные три надписи носят чисто локальный характер, то скорее и первая относится к каким-то местным событиям. Очевидно, там имели место столкновения с какими-то племенами. Однако последние названы не варварами, как обычно именуются в надписях иноземные противники римлян, а мятежниками. Этот же термин мы встречаем и в надписях, посвященных большим войнам, начавшимся на 20 лет позже. Как правило, он применялся только, когда речь шла о возмущившихся против правительства подданных Римской империи, например, в надписи в честь полководца Клавдия Кандида, где под *rebелles* подразумеваются сторонники Клодия Альбина (CIL, II, 4114), или в двух отрывках, которые, как мне кажется, на основании сопоставления с галльскими панегириками (VIII, 13) посвящены Констанцию Хлору и где говорится о мятежниках (*rebелles et defectores*), вероятно, сторонниках британских узурпаторов Караузия и Аллекта, получивших флот от варваров, очевидно, союзных с ними франков (AЕр., 1905, № 102; 1906, № 72). Разница в терминологии, мы видим, резко проведена здесь. Следовательно, по всей видимости, в начале правления Гордиана на юге Нумидии произошел мятеж каких-то живших там и подчиненных Риму племен. Слова о справедливом выравнивании границы племен, возможно, относятся к такому же наделению из земель, какое, как я говорила раньше, проводилось в широких масштабах в других частях провинции.

В 247 г., как видно из одной эпитафии из Омаля (город Auzia в Мавритании Цезарейской), там произошла какая-то стычка с варварами, т. е. племенами, вторгшимися из-за границы (CIL, VIII, 9158). Постепенно военные действия стали разрастаться. К 254 и 255 гг. относятся нападения варваров на Нумидию, известные нам из письма Киприана о выкупе пленных христиан, и на Мавританию, как видно из двух надписей из той же Аузии и соседнего Айн-Бессема о победах над варварами (CIL, VIII,

9045 и 20827). Это явилось подготовкой к событиям, относящимся примерно к 260 г., поскольку этим годом датированы две повествующие о них надписи. Одна из них посвящена Гаргилию Марциалу, начальнику ряда военных частей, между прочим, отряда мавританских всадников территории города Аузии. Благодаря его доблести и бдительности, гласит надпись, был пойман и убит мятежник Фараксен со своими приспешниками (*cum satellitibus suis*); сам Гаргилий Марциал погиб в устроенной баварами засаде (CIL, VIII, 9047). В другой надписи пропретор Нумидии Марциний Дециан рассказывает, что четверо царей племени баваров вторглись в Нумидию, в район города Милева, затем в пограничную область Нумидии и Мавритании, и, наконец, в область квинквегентанеев, племен Мавритании Цезарейской, которые, согласно исследованию современных авторов, базировавшихся на данных топонимики, жили на северо-западе Мавритании Цезарейской, между Джурджией и морем¹; одновременно племя фраксинов опустошало Нумидию. Автор надписи рассеял и обратил их в бегство, поймав их «пресловутого вождя» (*dux famosissimus*; CIL, VIII, 2615).

Здесь опять-таки выдержана терминология предыдущих надписей; бавары выступают как варвары, квинквегентаней, жившие на римской территории, сторонники Фараксена и фраксины (что, может быть, одно и то же), названы *rebелles* и *gentiles*. С последним термином мы уже встречались: так обозначались в упоминавшемся ранее дипломе мавры, жившие на своих племенных территориях. *Gentiles* приравнивались по значению к федератам Африки в кодексе Феодосия (VII, 15, 1). Повидимому, в 260 г. против Рима объединились восставшие колонны, жившие на римской земле племена и племена, вторгшиеся из-за границы провинции. Это подтверждается и территориальным охватом военных действий. Очевидно, чтобы пройти всю Мавританию и дойти до Милева, бавары должны были встречать поддержку местного населения. Наибольшую активность они и их союзники проявляли в районе границы Мавритании и Нумидии, т. е. там, где, как я говорила раньше, была расположена наибольшая часть племенных *castella*, упомянутых в надписях Александра Севера и Гордиана III о наделении колонов земель и привлечении их к различным повинностям. Эти-то колонны из местных племен и составляли основной контингент повстанцев, соединившихся с внешними врагами.

В самой Нумидии их могли поддержать и племена, посаженные на границе при Северах и Гордиане, возможно, даже их единоплеменники бавары.

Видимо, в связи с общей разрухой в империи (вспомним, что примерно в это же время часть III Августова легиона, вернувшегося в Африку в 254 г., была послана в Македонию, вероятно, для борьбы с дунайскими и восточными узурпаторами (АЕр., 1934, № 193), оборона Мавритании была на известное время предоставлена собственным силам. Во время вторжения в город Картенну бакватиев, также присоединившихся к восстанию, самооборону организовывал местный дуумвир Фульциний Оптат, за что сенат и народ Картенны почтил его благодарностью (CIL, VIII, 9663). Возможно, что с этими же событиями была связана и гибель куратора города *Oppidum Novum*, убитого с пятью солдатами (АЕр., 1926, № 23). Элий Примиан, упоминавшийся в 255 г., как «защитник своей провинции», и Гаргилий Марциал, крупный землевладелец и автор труда по сельскому хозяйству, были декурионами Аузии и Рузгунии и начальниками местных мавританских отрядов, с которыми они и действовали против врагов. Ядро

¹ Cagnat, *op. cit.*, стр. 55.

этих отрядов, повидимому, составляла городская молодежь. В одной надписи времени Александра Севера упомянут командир *equitum idemque peditum iuniorum mauroorum* (CIL, VIII, 20996); при Гордиане существовала *vexillatio militum mauroorum iuniorum Caesariensium* (CIL, VIII, 2716); отряд Гаргилия Марциала, вероятно, был набран из города Аузии. Очевидно, военный отряд, в состав которого входила и «богатая молодежь», оборонял мавританский город Сальду, расположенный недалеко от местожительства квинквегентанеев. Об этом можно заключить из следующей метрической надписи: «По случаю того, что враги были отогнаны от городских стен, юноши исполнили обет божественной силе, величайшему царю небожителей Юпитеру, верховному громовержцу, гению и Мавре, украшенной триумфом. Гентурий и Фанния, потомок Гимерий, также потомок Ребурра, и двое Конкордов Юлиев, всегда счастливейшие братья, из собственных своих немалых денег с радостью поставили эту ограду, чтобы в ней находилась благодетельная, божественная, источающая доблесть Победа-мстительница, которая своим мановением обещает надежду на мир. Перед этими храмами стоит быстрый Киллений и освящает место и приносит обеты перед алтарем» (АЕр., 1928, № 38). Другая метрическая эпитафия рассказывает о жителе Аузии, юноше Кефалии или Капитоне. Движимый любовью к родине и скорбя об ее несчастиях, желая избавить сограждан от тяжелой дани, он, несмотря на то, что дороги были заперты, пытался проникнуть на другую сторону и погиб, исполняя свое опасное поручение (CIL, VIII, 20758). Возможно, что Аузия, бывшая центром борьбы с Фараксеном, была осаждена, или даже занята мятежниками, обложившими данью местных жителей. Кефалий же погиб, пытаясь обойти осаждавших, вероятно, с целью найти и привести военную помощь. Еще одного молодого солдата, Ульпия Оптата, прославляет другая мавританская эпитафия, к сожалению, сильно испорченная. Можно, однако, разобрать, что этот «римский юноша, благородного происхождения, потомок многих поколений», «пылая гневом», один бросался в битву с многочисленными врагами, пришедшими из-за гор (очевидно, имеются в виду квинквегентанеи) и погиб, окруженный со всех сторон оружием противников, чтобы не нанести ущерба чести своего рода (CIL, VIII, 21562).

Мы видим, что все вышеупомянутые организаторы и участники борьбы с восставшими племенами принадлежали к богатым и знатым семьям, и характерно то пышное красноречие, с которыми их соратники, очевидно, принадлежавшие к тому же классу, прославляют их.

Победа, одержанная Гаргилием Марциалом и Марцинием Децианом, не положила конца войне. Очевидно, к следующему ее этапу относится отрывок надписи из Айн-Руа, неподалеку от мавритано-нумидийской границы, об уничтожении многих баваров и гибели двух из их царей — Таганина Масмула и Файема (АЕр., 1907, № 159), а также надпись презида Мавритании Элия Элиана, благодарящего «отечественных богов мавров» за победу над племенем месегнетских баваров, добычу и семьи которых ему удалось увести (CIL, VIII, 2186).

Флавий Вописк, биограф императора Проба и узурпатора Сатурнина, вскользь упоминает о войнах с маврами, которые они вели, еще будучи военачальниками Аврелиана. Проб, одержав ряд побед, «освободил от мятежников Карфаген» (SHA, XXVIII, 9,2). То, что военные действия действительно шли в самом сердце провинции на границе Нумидии и проконсульской Африки, подтверждается эпитафией солдата III легиона Силиция Сатурнина, погибшего около Ватари, к юго-востоку от Типасы (АЕр., 1896, № 94). Судя по тому, что Вописк говорит о мятежниках — *rebeldes*, здесь опять главную роль играли восставшие племена, проживавшие на римской территории.

К этому периоду относятся и упоминавшиеся выше договоры императора Проба с бакватиями, которых удалось отделить от баваров, с которыми при Александре Севере у них был общий царь. Но если мир временно и был достигнут на основании признания зависимости некоторых племен от Рима и привлечения их для обработки и охраны провинции, то он был непрочен.

В конце 80 гг. III в. снова начинается волна восстаний квинквентанеев в соединении с вторжением баваров. Первые опять-таки названы в надписях *rebelles* (CIL, VIII, 8924). Как *barbari gentiles* обозначены враги, над которыми в то время одержал победу некий *dux per Africam* Флавий Леонтий (CIL, VIII, 18219). Учитывая, что, как мы видели, по кодексу Феодосия в Африке, *gentiles* было синонимом федератов, можно и это свидетельство отнести к борьбе с повстанцами. Последние на этом этапе имели ряд значительных успехов, хотя и на более ограниченной территории, чем раньше, ближе к своим исконным районам. На северо-востоке Мавритании они захватили и разрушили город Рипидум (CIL, VIII, 20836). Снова подвергся успешному нападению город Аузия, где затем Диоклетиан приказал восстановить разрушенный в результате войны мост (CIL, VIII, 9041). Одновременно, в районах, примыкающих к Мавритании Тингитанской (города Тиарет, Арбал), действовали различные племена баваров.

Эти комбинированные военные действия создали серьезную угрозу для правительства (Aug. Victor, De Caes, 39; Oros., VII, 25). Вначале, за недостатком средств, римские наместники вынуждены были прибегать к более или менее удачным партизанским вылазкам. Презид Мавритании Аврелий Литуа нападал на отдельные племена баваров, захватывал, какую мог добычу, и ретировался, принося благодарность Юпитеру и прочим богам «за то, что со всеми солдатами вернулся целым и невредимым» (CIL, VIII, 9324; AEp., 1912, № 24). Затем, соединив воинские части, стоявшие в Мавритании Цезарейской и Ситифийской, он смог осуществить более серьезную экспедицию против квинквентанеев. Он сообщает, что многих из них он убил, многих взял в плен и одержал победу «сломив их отчаянную смелость» (CIL, VIII, 8924).

Однако через несколько лет, около 296 г., война приняла настолько угрожающий характер, что Максимиану пришлось самому прибыть в Африку, чтобы лично руководить операциями против квинквентанеев. Очевидно, они были очень трудны, поскольку один из панегиристов Максимиана говорит, что эти «свирепейшие племена Мавритании» были «защищены неприступными горными хребтами и естественными укреплениями». Надо думать, что повстанцы защищались с той же «отчаянной смелостью», о которой говорит Аврелий Литуа. Конечно, местные землевладельцы продолжали участвовать в борьбе с ними. Так, город Тубусукт, расположенный к востоку от Джурджии, возникший из колонии ветеранов, сообщает, что он и его округ помогали императору продовольствием, «когда он подавлял мятеж квинквентанеев» (CIL, VIII, 8836).

В конце концов, после длившейся несколько лет борьбы, последние были, по выражению Евтропия, «укрощены и усмирены», по крайней мере на некоторое время.

Впоследствии, как мы знаем, волнения крестьян в Африке возродились в еще больших масштабах.

Эти восстания в Африке имеют много сходных черт с движением багаудов в Галлии. Начало того и другого почти совпадают хронологически; в обоих случаях восстания местных земледельцев соединяются с вторжением извне; восставшие осаждают и берут города (Рипидум и Сальда), захватывают или облагают данью имущество горожан, как мы это видим на примере Августодуна в Галлии, Аузии — в Африке. В обоих слу-

чаях движение не удастся подавить окончательно, оно временно затухает, чтобы затем разгореться с новой силой. И в Галлии и в Африке восстания были ответом на дальнейшее закрепощение крестьян, и результатом их явилась все возрастающая потребность в новой рабочей силе. Недаром мы видим, как почти в одинаковых выражениях прославлялись своим биографом Проб и галльскими панегиристами Максимиан и Констанций за то, что благодаря их успешным войнам варвары были принуждены обрабатывать римские поля и защищать римские границы. Наконец, и в Галлии и в Африке эти массовые движения определили отношение местной земельной аристократии к центральному правительству.

Как я пыталась показать в другой работе, есть много оснований предполагать, что галльская империя, отпавшая от Рима и просуществовавшая самостоятельно с 258 по 273 год, возникла в результате недовольства именно этих слоев теми ограничениями, которыми некоторые императоры пытались замедлить прогрессирующую концентрацию земли. Однако последний галльский император Тетрик, бывший одним из крупнейших магнатов Аквитании, не имея сил справиться с растущим движением багаудов, сам призвал императора Аврелиана и, сдавшись ему со своим войском, вернул Галлию под власть Рима.

Что аналогичные оппозиционные настроения имелись среди африканской аристократии, показывают и восстание Гордианов, и смутные известия SHA и Аврелия Виктора о каких-то недолго продержавшихся узурпаторах Цельсе и Юлиане, и уничтожение имен императоров Галлиена и Проба на ряде надписей.

На некоторое брожение и недовольство указывает распространение христианства среди высших классов. Это вполне учитывалось правительством императора Валериана, по эдикту которого ссылкой в рудники и даже смертной казнью карались христиане из числа сенаторов, всадников и императорских чиновников.

Однако Африка не сделала ни одной серьезной попытки отделиться от Рима по примеру Галлии и ряда других провинций в III в.

В этом, как мне кажется, сказался постоянный страх местных крупных землевладельцев перед народными восстаниями. Они начались здесь раньше, чем движение багаудов, и, возможно, обострялись еще противоречиями между берберийскими крестьянами и римскими и пунийскими землевладельцами. Последние постоянно нуждались в сильном правительстве, которое могло бы обеспечить повиновение колонов и отыскивать новые источники пополнения рабочей силы. Да и вообще, в Мавритании в общем менее романизированной, чем обе другие африканские провинции, связь высших классов и интеллигенции с Римом была теснее.

Все вышеизложенное, как мне кажется, позволяет видеть в африканских восстаниях одно из звеньев того большого движения земледельческого населения, которое сопровождало, начиная с середины III в. феодализацию империи. На их примере мы видим, что привлечение на римскую территорию племен из-за границы государства, в связи с кризисом рабочей силы начинается значительно ранее установления домината и сопровождается отчаянным сопротивлением этих новых колонов, соединяющихся со своими соплеменниками, оставшимися вне империи, и с крестьянами, издавна сидящими на римской земле.

Б. А. ТУРАЕВ — КРУПНЕЙШИЙ ИСТОРИК ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Одним из крупнейших представителей русской исторической науки был Борис Александрович Тураев, скончавшийся в расцвете своих творческих сил 23 июля 1920 г. В течение своей сравнительно недолгой исследовательской деятельности,—он умер, достигши лишь 52 лет,—Б. А. Тураев успел охватить своими научными трудами необъятный мир древнего и христианского Востока. Будучи одним из самых замечательных профессоров Ленинградского университета, он создал русскую школу историков древнего Востока и египтологов, для которой он сберег неоценимые сокровища древневосточной культуры, собранные знаниями и средствами другого крупного русского ученого — В. С. Голенищева. Только благодаря энергии и настойчивости Б. А. Тураева прекрасные памятники собрания Голенищева не были проданы одному из зарубежных музеев, а сохранены для русской и советской науки.

Научная работа Б. А. Тураева была настолько широкой и многогранной, что в наш век все растущей специализации уже не найдется больше исследователя, который мог бы заменить его. Он был исследователем и в области науки о древнем и христианском Египте, и в абиссиноведении, и в истории древнего Востока. Обогащая все эти дисциплины своими исследованиями, Б. А. Тураев объединял в себе и историка, и филолога, и археолога, и историка искусства. Поэтому достаточную оценку и правильное определение всего значения его научной работы для русской и советской науки может дать лишь коллектив его учеников.

Задача настоящей статьи — определить значение академика Бориса Александровича Тураева в той исторической дисциплине, которой он подарил свой классический труд «История древнего Востока».

Работа над изучением развития древних народов Ближнего Востока являлась вечным спутником исследовательской жизни Б. А. Тураева. Он неустанно продолжал углубляться в мир древнего Востока, расширяя, уясняя и уточняя свой «курс», который он начал читать уже с самого начала своей преподавательской деятельности в Ленинградском университете. Курс этот издавался несколько раз в литографированном виде, совершенствуясь и увеличиваясь в объеме, пока, наконец, он не был напечатан в 1911 г. в виде большого двухтомного труда. В 1913 г. он был снова издан, в еще более расширенном и углубленном виде, обнимая 2 больших тома в 400 страниц каждый. Оба тома были снабжены воспроизведениями важнейших памятников, среди которых многие хранились в русских музеях. Это последнее издание было удостоено в 1916 г. Русским археологическим обществом золотой медали. В своем отзыве о труде Б. А. Тураева Василий Владимирович Бартольд отметил, что «в истории русской науки появление труда проф. Тураева навсегда останется выдающимся событием»¹.

Столь лестный отзыв В. В. Бартольда не остановил Б. А. Тураева от дальнейшей работы над основным трудом своей жизни. Он считал его незаконченным и продолжал до конца дней своих работу над этим любимым своим детищем, и лишь смерть помеша-

ла ему осуществить окончательное издание своей «Истории древнего Востока», которое должно было вырасти в огромный трехтомный труд, охватывающий весь громадный материал, дошедший до нас от цивилизаций Ближнего Востока. В 1917 г. им было сдано в печать новое расширенное и углубленное издание его двухтомной «Истории древнего Востока» 1913 г., пополненное, между прочим, новой ценной главой по истории Ирана Эпохи Сассанидов. Этот новый труд дает нам яркое представление о тех возможностях, которые таились в творческой мощи автора, столь безвременно потерянного нашей страной. К сожалению, лишь в 1924 г. первая часть данного труда под названием «Классический Восток», обнимавшая введение и историю Вавилонии до XVI в., была напечатана издательством Брокгауз-Ефрона. Полностью же он был опубликован в 1935 г. в 2 томах под первоначальным своим названием «История древнего Востока». Несмотря на столь запоздавшее опубликование заверченного в 1917 г. труда Б. А. Тураева, появление его и в 1935 г. явилось подлинным событием в советской и мировой историографии. Хотя он еще и не полностью соответствовал задуманной великим историком монументальной истории древневосточных цивилизаций, он и в таком виде является одним из важнейших исторических трудов не только русской, но и мировой исторической литературы. Действительно, если как филолог, в области египтологии и абиссиноведения Б. А. Тураев входил в число крупнейших специалистов этих дисциплин, то как историк древнего Востока он не знал себе равного ни у нас, ни за рубежом.

Нет сейчас во всемирной научной литературе исторического труда индивидуального автора, столь всеобъемлющего, как «История древнего Востока». Географический кругозор его, следуя определению самого автора, простирается от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии и страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов, а во времени он начинается с самой глубокой древности и завершается эпохой позднего эллинизма. «История древнего Востока» дает изложение процесса развития всех древних обществ Передней Азии, Ирана, Средней Азии, Закавказья, а также и северо-восточной Африки. Труд Б. А. Тураева является и в этом отношении не только более исчерпывающим, чем «Древняя история народов классического Востока» Г. Масперо, но превосходит и ту часть труда Эд. Мейера «История древнего мира», которая посвящена истории древневосточных обществ. Этот факт нас тем более должен поразить, что «Историю древнего Востока» Б. А. Тураев создал один, или, говоря словами одной древнеегипетской сказки, «имен спутником только собственное сердце». Что же касается «Истории древнего мира» Эд. Мейера, то она является по существу коллективным трудом, как правильно отметил В. В. Бартольд¹.

Предоставленный исключительно своим творческим силам и знаниям, Б. А. Тураев смог тем не менее создать единственный в мировой историографии труд, который довел историю Вавилонии, Ассирии, Сирии, Палестины, Ирана, Египта, Карфагена, Нубии, Аксума вплоть до позднейшего эллинизма. Одной из самых замечательных глав «Истории древнего Востока», непревзойденной и по сие время, является глава, посвященная Египту при XXVIII—XXX династиях, когда почти на 70 лет общество долины Нила сбросило с себя иго Ахеменидов, ввергших страну при Камбизе в «великий ужас». Изумительная эрудиция давала Б. А. Тураеву возможность использовать для своего исторического построения все достижения мировой науки. Научный аппарат, сопутствующий каждой главе «Истории древнего Востока», необычайно богат и обстоятелен. До сих пор ни один из специалистов в этой области не может обойтись без указаний по специальной литературе, данных в «Истории древнего Востока» или в изумительном труде по истории египетской литературы. Его беспредельная эрудиция нашла свое отражение также в более чем 400 статьях, посвященных различным вопросам древневосточной культуры, в «Энциклопедическом словаре» издания Брокгауз—Ефрона и в «Новом энциклопедическом словаре» того же издательства. В обширной главе «Истории древнего Востока», которая была посвящена истории науки, Б. А. Тураев дал обстоятельный

¹ Там же, стр. 263, прим. 1.

обзор громадной литературы по разработке источников по изучению судьбы и культуры стран древнего Востока, начиная с знаменитого открытия в 1753 г. врачом Людовика XV Жан Астрюком в так называемом пятикнижии Моисея 2 самостоятельных источников и кончая годом начала первой мировой войны. В особенности ценной для русского читателя являлась та тщательность, с которой автор отмечал русскую литературу, не забывая при этом и небольшие статьи начинающих исследователей. Подобное упоминание и использование их в капитальном труде маститого ученого не могло не стимулировать их дальнейшей творческой работы. Столь же любовно Б. А. Тураев отмечал все крупные исследовательские достижения своих собратьев по изучению древневосточных цивилизаций, как В. С. Голенищев, П. К. Коковцев, М. В. Никольский, О. Э. Лемм, а также В. В. Бартольд и Н. Я. Марр. Он был первым, который полностью оценил значение лингвистических построений Н. Я. Марра и его школы, которые открыли не только в Грузии и Армении, но и среди других племен Кавказа остатки яфетического мира, обнимавшего и древнейшие языки Малой Азии и северной Сирии. Б. А. Тураев также подчеркнул значение открытия Н. Я. Марром генетической связи между яфетическими языками Кавказа, вплоть до лезгинского и абхазского, с языком древнего Урарту, что способствует «уразумению надписей ванских царей»¹. Действительно, Н. Я. Марр является, благодаря данному открытию, по общему признанию, основоположником самостоятельного русского и советского урартоведения.

Б. А. Тураев включал в орбиту своего внимания труды и тех великих русских ученых, которые не являлись востоковедами в строгом смысле этого слова. Так, в своей магистерской диссертации, посвященной египетскому богу Тоту, он считал «необходимым упомянуть, что наша русская наука имеет полное право гордиться блестящей попыткой разобраться в вопросе о переживаниях Тота в христианской литературе» и что эта попытка принадлежит А. Н. Веселовскому². С большой радостью он приветствовал остроумное толкование изображений на знаменитом Майкопском сосуде, предложенное нашим крупнейшим археологом Б. В. Фармаковским. В главе, трактующей о географических условиях, Б. А. Тураев ссылается на теорию профессора Воейкова, подчеркивающего роль пустыни в образовании египетского оазиса³. Он отмечает, что «первые южноаравийские надписи попали в Европу в 1810 г., когда наш соотечественник Зетцен прислал из Мохи копии пяти ничтожных сабейских надписей»⁴. Горячая любовь к родиле, заставлявшая Б. А. Тураева относиться с такой заботливостью ко всякому достижению русской науки, делала ему близкой историю древнего Востока и историю Востока вообще. Он со всей четкостью сознавал, что «наше отечество находится с ним (т. е. с Востоком) в еще более близких связях», чем западная Европа. Он подчеркивает все значение византийской культуры, влияние которой «на нашу сблизило нас духовно с другими потомками великих древневосточных культур, где и сама Византия покоится не на одной Греции и даже не на одном эллинизме». Он никогда не забывал, что «наша равнина, находясь в ближайшей географической связи с Иранским миром и, через Черное море с Малой Азией, была в тесном культурном общении с «алардийским», или «хеттским» и иранским, культурным миром уже, вероятно, во II тысячелетии до н. э.»⁵. Поэтому он считал своим долгом, так же как и его товарищ по университету историк Греции акад. С. А. Жебелев, обращать сугубое внимание на памятники юга России, которые должны были в первую очередь изучаться, русскими учеными. В особенности его интересовали памятники Египта, найденные в городищах нашего юга, и он посвятил им ряд исследований, как «Скарабей с острова Березани»⁶, «Терракотовый светильник из Ольвии, изображающий Бесов»⁷, «Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской

¹ «История древнего Востока», 1, стр. 70.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 5.

⁶ ИАК, XL

⁷ ИАК, XL

области»¹, или «Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale»². Б. А. Тураев был бы счастлив, если бы он мог еще увидеть греческий папирус, изданный уже после его смерти, с приказом всемогущего временщика Птолемея II Филадельфа — Аполлония принять достойным образом послов правителя Боспорского царства — Перисада II³.

Б. А. Тураеву были близки все народы нашей необъятной родины, и для него поэтому имело большое значение то, что наша «Средняя Азия составляла часть древнеперсидского царства, а Закавказье входило в состав Ванского царства, могущественного соперника ассирийской державы». Данный факт, а также и то, что «самые центры ассирийско-вавилонской культуры — Ниневия и даже Вавилон находились в ничтожном расстоянии от нашей границы», возлагали, по его мнению, определенные обязанности на русских ученых. Они «напоминали нам, — говорит Б. А. Тураев, — что интерес к изучению древнего Востока должен быть у нас более жив, чем в Западной Европе, а изучение великого прошлого наших окраин — наш долг перед ними и перед наукой»⁴.

Эти замечательные слова великого русского ученого близки чувству нашего советского народа, создавшего подлинную дружбу народов в стране социализма.

На протяжении всего своего громадного труда автор остается самостоятельным исследователем. Все основные положения его исторического построения покоились или на аргументации, даваемой им в самом труде, или на многочисленных специальных исследованиях, посвященных изучению первоисточников по истории древневосточных цивилизаций.

В исследованиях Б. А. Тураева могли найти свое четкое определение разнообразные явления многоликой культуры древней истории народов Ближнего Востока, поскольку он был в состоянии освоить многоязычные письменные памятники, дошедшие до нас от Египта, Вавилонии, Финикии, Палестины и т. д. Он знал языки ведущих обществ древнего Средиземноморья, и поэтому ему открывали свои тайны и египетский папирус Среднего царства, содержащий замысловатую геометрическую проблему⁵, клинописная табличка хозяйственной отчетности древнего Сумера⁶, отрывки финикийской литературы, сохранившиеся в трудах греческих историков и в отдельных финикийских надписях⁷. Как филолог он мог интерпретировать не только исторические надписи, но также преодолевать трудности египетского магического папируса⁸ и вносить ясность в сложную и запутанную историю книги Мертвых⁹ и выявлять очарование образов египетской поэзии¹⁰. В течение всей своей исследовательской жизни Б. А. Тураев неустанно работал над расширением своих знаний в области древневосточных языков и письменных систем. Так, он в последние 10 лет своей жизни ввел себя в мистерии демотического письма, говоря словами Эд. Мейера¹¹, который так и оставался не посвященным в тайны этого позднего египетского курсива. Мастерство интерпретации Б. А. Тураева неопровержимо доказывается тем обстоятельством, что и теперь, спустя 25 лет, его переводы являются надежным руководителем в понимании того или другого источника. Опыт доказал, что не всегда новые интерпретации являются более совершенными, нежели старые переводы Б. А. Тураева.

¹ ИАК, XLIX.

² РА, IV серия, т. XVIII (1911).

³ См. В. Струве, Хрестоматия по древней истории, I, стр. 225 сл.

⁴ «История древнего Востока», I, стр. 5.

⁵ The Volume of the truncated pyramid in Egyptian mathematics в журнале «Ancient Egypt», т. IV (1917)

⁶ О двух клинописных табличках Церковно-Археологического музея при Киевской духовной академии в ЗВРАО, т. XIII (1900).

⁷ «Остатки финикийской литературы», 1903.

⁸ «Магический папирус Salt 825 Британского музея» в ЗКОРАО, IX (1917).

⁹ «Из истории книги Мертвых», ЗВРАО, т. XII (1898).

¹⁰ «Египетская литература», М., 1920, стр. 201 сл.

¹¹ SPAW, 1915, стр. 281.

Изучая и интерпретируя древневосточные тексты, Б. А. Тураев не забывал и источники археологические. Ему был понятен язык не только письменных, но и вещественных памятников. Свое умение использовать наряду с письменными документами и документы вещественные Б. А. Тураев проявил уже в своей магистерской диссертации «Бог Тот», появившейся в 1898 г. В этой классической монографии из области египетской религии мы находим следующее положение в начале введения: «источниками нашей работы должно служить все, что для нас сохранилось от древнеегипетской культуры, будь это произведение письменности или вещественные памятники»¹. В главе диссертации «Тот в искусстве» автор настолько исчерпывающе изучил иконографию исследуемого им божества, что мы не находим ничего подобного ни в одной из монографий, посвященных другим представителям древнеегипетского пантеона.

Интерес к вещественным памятникам не оставлял Б. А. Тураева и впоследствии. Он в особенности возрос, когда, благодаря его содействию, была приобретена в государственную собственность и помещена в Московском музее изобразительных искусств прекрасная коллекция древневосточных памятников, созданная В. С. Голенищевым. Став хранителем названного музея, Б. А. Тураев отдался со всей страстью подлинному энтузиаста изучению и изданию замечательных памятников, как письменных, так и вещественных, знаменитой Голенищевской коллекции. Появилась обстоятельная монография «Статуи и статуэтки Голенищевского собрания»² и ряд последующих изданий древневосточных предметов того же музея, как «Доисторическое блюдо», «Предметы финикийского происхождения»³ и др.

Глубокое и всестороннее изучение богатого наследия древневосточных цивилизаций в виде бесчисленных письменных и вещественных памятников позволило Б. А. Тураеву в «Истории древнего Востока» и в других монографиях и исследованиях сделать много ценных отдельных наблюдений. В особенности много интересного материала собрал Б. А. Тураев во всех своих исследованиях по истории религии. Выдающимся событием в области историко-религиозных исследований было уже появление в 1898 г. указанной магистерской диссертации «Бог Тот». Известный историк религий древнего мира проф. Е. Г. Кагаров назвал ее «выдающейся по строгости метода и осторожности в выводах книгой, представляющей собой весьма ценный вклад в историю египетской религии»⁴. Столь же существенными были результаты исследования религий различных древневосточных обществ в соответствующих главах «Истории древнего Востока». Ни один историк религии не может пройти мимо разделов, посвященных религиозным текстам в посмертном труде Б. А. Тураева «Египетская литература», издание которого, к сожалению, не было доведено до конца. Второй вполне законченный в рукописи том, содержащий переводы ряда более или менее значительных литературных памятников древнего Египта⁵, к сожалению, так и не был напечатан.

Демотической литературе, сохранившей нам памятники поразительного повествовательного искусства, Тураев посвятил не мало страниц своей монографии. Столь обстоятельно и плодотворно он исследовал и более древнюю повествовательную литературу Египта.

¹ «Бог Тот», стр. 1.

² «Музей изящных искусств при Московском университете. Описание египетского собрания», т. I.

³ В серии «Памятники Музея изящных искусств в Москве».

⁴ Проф. Е. Кагаров, Прошлое и настоящее столетие, Сергиев посад, 1915 стр. 99.

⁵ См. предисловие издательства к I тому труда Б. А. Тураева, изданного в Москве в 1920 г. в известной серии «Памятники мировой литературы».

В особенности поражает мастерство, с которым Б. А. Тураев делал выводы из многочисленных разрозненных, плохо сохранившихся источников, а также его способность сопоставлять свидетельства греческих историков с данными древневосточных текстов. Образцом исторического построения, созданного на основе подобного материала, является глава о падении Ассирии.

Другим ярким примером искусства воскрешать события далекого прошлого из отдельных, казалось, мало понятных намеков сохранившейся традиции является его монография «Остатки финикийской культуры». Автор пытался доказать тогда, в 1903 г. на основании дошедших до нас жалких фрагментов финикийской письменности наличие у этого народа богатой литературы. Даже ученый такого масштаба, как В. В. Бартольд, не смог еще в 1925 г. оценить по достоинству все значение вывода Б. А. Тураева. В. В. Бартольд указывает в своем известном труде «История изучения Востока в Европе и России», что здесь имеется «неудачная попытка доказать, что раз «у евреев уже в X в. существовала письменность и историография», то «у гораздо более культурных и древних финикийцев не могло быть иначе»¹. Прошло только 4 года после того, как была раскопана в 1929 г. в Рас-Шамра храмовая библиотека с подлинными памятниками древней финикийской литературы, которые блестяще подтвердили утверждение Б. А. Тураева, постулированное им в 1903 г.

Столь же острое историческое чутье обнаружил он, определив на основании изгнанных в 1900 г. источников в своем исследовании «К истории хеттского вопроса» значение хеттского государства и культуры².

В противоположность модному тогда течению в историографии снижать значение культуры Карфагена Б. А. Тураев подчеркивал в главе свей «Истории», посвященной Карфагену, действительность пунической культуры. Он с полным правом указывал, что в Нумидии и после падения Карфагена пуническая культура не без успеха конкурировала с греческой³, и на то, что «на пуническом языке существовала, несомненно, значительная литература»⁴.

Вообще весьма характерной особенностью научного творчества Б. А. Тураева было его стремление к независимости и самостоятельности по отношению к модным течениям и теориям, господствовавшим в современной ему историографии. Он никогда в угоду этим теориям не прибегал к рискованным искусственным толкованиям источников, извлекал из них лишь то, что они могли ему действительно дать.

Поэтому Б. А. Тураев был одним из немногих историков, которые не поддались чарам откровений ассириологов берлинской школы, творцов пресловутого панвавилонизма, объявившего Вавилон учителем всего мира, не исключая Китая и до-Колумбовской Америки. Культура древнего Египта была объявлена не самобытной: гсвори словами Б. А. Тураева, «болезнь панвавилонизма грозила свести великую нильскую цивилизацию на одну из областей излучения азиатской двуречной»⁵. Его не смущали головокружительные успехи, достигнутые в области изучения культуры южного Междуречья, и он продолжал во всех своих исследованиях, начиная с самых ранних, рассматривать культуру Египта как равноценную культуре Вавилонии⁶. Он неоднократно подчеркивал одаренность народа Египта и его особую склонность к искусству и литературе⁷. Каждому читателю его прекрасной посмертной книги «Древний Египет»

¹ «История древнего Востока», II, стр. 21—22.

² «ЗКОРАО, т. V (1900).

³ «История древнего Востока», II, стр. 267.

⁴ Там же, стр. 274.

⁵ Б. А. Тураев, Древний Египет, из-во «Огни», Петроград, стр. 2.

⁶ «Новые успехи и современное состояние египтологии» в «Историческом обозрении», 1897.

⁷ См. хотя бы его «Египетскую литературу», стр. 1.

становится очевидным, что действительно великому народу берегов священной реки принадлежит великая роль в создании нашей цивилизации¹.

Б. А. Тураев не соглашался с другим положением панвавилонизма, а именно с утверждением, что религия Израиля лишена какого-либо значения, что она целиком зависит от религиозных идей Вавилонии. Он боролся с крайними выводами исследователей проблемы «Babel—Bibel», приводившими к абсурду и видит с полным правом в пророческом движении, родившемся в недрах народов Израиля и Иуды, явление совсем новое, не известное другим народам древнего Востока и способствовавшее тому, что иудейский народ смог пережить гибель древневосточного мира².

Б. А. Тураев не мог разделять установку крайних панвавилонистов, отрицающую какое-либо историческое значение и оригинальность за древней культурой еврейского народа—установку, противоречащую исторической действительности и вместе с тем используемую подонками самой реакционной буржуазии для своих расовых бредней. Б. А. Тураев был противником расовой теории даже в той смягченной формулировке ее, которую мы находим в трудах Эд. Мейера. Он отнюдь не был согласен с определением характера семитов, которую дает Эд. Мейер, подчеркивающий наличие холодной расчетливости в их мышлении даже в религиозной интуиции еврейских пророков или Мухаммеда, ибо, согласно Эд. Мейеру, «сердечность душевной жизни и теплота чувства, отмечающая индогерманца, являлась чуждой семиту»³. Б. А. Тураев же говорит об «удивительной чисто-семитической религиозной теплоте и богословской глубине»⁴. Эд. Мейер также утверждал, что семиты «едва ли создали большие самостоятельные творения»⁵. Б. А. Тураев, наоборот, неоднократно подчеркивал творческую роль семитических народов. Так, он указывает на то, что «ассиро-вавилонские семиты представляли культурный народ, хотя и многообязанный сумерийцам, но внесший и свои оригинальные черты в общую вавилонскую культуру»⁶. Он отмечал достижения правовой мысли законодательства Хаммурапи, которое, говоря его словами, «носит черты жизни, необыкновенно далеко ушедшей вперед в своем развитии; во многих случаях оно производит впечатление нового времени, и вавилонская культура отразилась в нем в чертах, указывающих на близость к нашей, некоторые правовые тонкости потом были повторены только в Риме, в эпоху Антонинов»⁷. Б. А. Тураев также настаивает на некоторой зависимости цивилизации Эллады от финикийской, указывая, на то, что начавшие новый период культуры греки «были многим обязаны финикиянам»⁸.

В противоположность Эд. Мейеру Б. А. Тураев подчеркивал исключительное значение произведений и вдохновенных речений еврейских пророков. Яркими словами определяет он мощь языка пророка Наума и гениального безыменного певца последних лет вавилонского пленения. «Подобно тому, как над трупом Ниневии поднялся орел—Наум, так близость гибели Вавилона воспел великий пророк, высоко-поэтическое творение которого дошло до нас в книге древнего великого пророка Исайи»⁹.

Прямую полемику с положением Эд. Мейера, что первоначальное предрасположение племени сохраняется через все перемены исторического развития, мы находим в указании «Истории древнего Востока», что «иранцы и индусы представляют ревкий пример того, когда два народа, находясь в тесном родстве, под влиянием географиче-

¹ «Древний Египет», стр. 2.

² «История древнего Востока», II, стр. 74.

³ «Geschichte des Altertums», I³, § 352, стр. 416.

⁴ «История древнего Востока», I, стр. 68.

⁵ Ц. с., § 352, стр. 417.

⁶ «История древнего Востока», I, стр. 90.

⁷ Там же, стр. 113.

⁸ Там же, II, стр. 19.

⁹ Там же, стр. 113.

ских и исторических условий могут сделаться не только не похожими друг на друга, но даже противоположными один другому»¹. Поэтому Б. А. Тураев не объясняет суровости законов Хаммурапи «первоначальным предрасположением» семитического племени или расы, а их древностью². Его объяснение суровости законов Хаммурапи стоит на неизмеримо более высоком научном уровне, чем объяснение немецкого ассириолога Götze (еврея по народности) кажущейся мягкости хеттских законов: «Здесь,—говорит названный автор,—выявляется одно существенное отличие между хеттами и семитическими народами древней Передней Азии, которое может быть в конечном итоге возведено к более высокой оценке человеческой жизни и достоинства»³. Отвергая расовую точку зрения, Б. А. Тураев вполне последовательно отвергал и толкования антисемитизма в древности в трудах Эд. Мейера. Последний готов был объяснить известное разрушение иудейского храма Ягу в Элефантине в 410 г. египтянами как типический еврейский «погром»⁴. Б. А. Тураев, не разделяя взгляда на антисемитизм как на вечно существующую категорию, наметил правильный путь к объяснению подлинных мотивов, которые заставили египтян разрушить храм иудейского военного поселения в Элефантине. Он находит объяснение в неприязни египтян ко всякому чужеземному храму вообще и в частности к храму инородцев, которые служили военной опорой ненавистного персидского господства⁵.

Подобное расхождение Б. А. Тураева с существенными установками Эд. Мейера заслуживает тем большего внимания с нашей стороны, что он признавал значение труда Эд. Мейера⁶. Тем не менее Б. А. Тураев шел при решении ряда существенных проблем иными путями. В труде Эд. Мейера его, очевидно, смущала модернизация исторического построения, а модернизация являлась в глазах Б. А. Тураева, несомненно, пороком всякого исторического труда.

Эд. Мейер отождествил, модернизируя историю древнего мира, рабство греко-римского общества с наемным трудом эпохи капитализма, а социальный строй древневосточных обществ с крепостничеством феодализма, отрицая здесь на Востоке наличие рабовладельческих отношений⁷. Для концепции Эд. Мейера, установившейся в конце XIX в., было тяжелым ударом издание в 1902 г. Шейлем судебника вавилонского царя Хаммурапи, в котором рабовладельческий характер древнего вавилонского, т. е. восточного, общества нашел свое четкое выражение.

Эд. Мейер пытался ослабить свидетельство судебника Хаммурапи тем, что обвиняет низший слой свободных, называемый судебником «мушкену», «бедными», стоящими в какой-то крепостнической зависимости⁸, хотя «мушкену» принадлежали к господствующему классу, имея право владеть рабами. Б. А. Тураев не прибегает к подобной искусственной интерпретации социального термина законодательства царя Хаммурапи. Он ясно и четко заявляет, что в законах вавилонского царя различаются знатные

¹ Там же, стр. 145.

² Там же, I, стр. 107.

³ A. G ö t z e, Kleinasien в серии Handbuch d. Altertumswissensch., III раздел, I часть, III том, 1931, стр. 109.

⁴ E d. M e y e r, Der Papyrusfund von Elephantine, 1912, стр. 76 сл.

⁵ «История древнего Востока», стр. 172. См. В. В. Струво, Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э., ВДИ, 1938, 4—5, стр. 99 сл.

⁶ «История древнего Востока», I, стр. 37.

⁷ См. Эд. Мейер, Рабство в древности, Изд. М. М. Водовозова, СПб., 1899, стр. 24 сл.

⁸ «Сколь далеко «бедные» стояли в отношении крепостничества не ясно» («Geschichte des Altertums», I³, § 423, стр. 577).

(«сыновья персоны» или просто «люди»), просто свободные («мушкену» — «низшие») и рабы¹. Поэтому Б. А. Тураев и не побоялся, подобно Эд. Мейеру, изложить в первом разделе своей «Истории древнего Востока» процесс развития не египетского, а вавилонского общества, ввиду более широкого влияния на окружающий мир вавилонской культуры, в том числе и в области права². Эд. Мейер, как известно, изложил в первом разделе своей «Истории древнего мира» историю Египта, хотя здесь не имелись судебники, частноправовые документы и громадное количество хозяйственных текстов, которые могут дать сравнительно легко познание экономики и структуры древневосточного общества.

Таким образом строгая методичность спасала Б. А. Тураева от модернистских перегибов исторической концепции Эд. Мейера и вместе с тем сделала его «Историю древнего Востока» неоценимой сокровищницей фактических данных для советских исследований, посвященных этому периоду всемирной истории.

В этом громадное значение научного наследия Б. А. Тураева. Советская историческая наука, овладевающая могучим оружием марксистско-ленинской методологии, подняла и историю древнего Востока на гораздо более высокую ступень и преодолела методологические пороки «Истории древнего Востока» Б. А. Тураева. Его идеалистическое мировоззрение заставляло его отводить чрезмерно преувеличенную роль религии в истории и оставлять без внимания вопросы экономики и социальных отношений.

Было бы напрасно искать в трудах Б. А. Тураева материалистического осмысления истории древнего Востока, — этого он дать не мог. Но тот громадный материал источников, — исследованных, интерпретированных и переведенных на русский язык, — которым обогатил русскую науку Б. А. Тураев, представляют большую ценность. Советские ученые, используя результаты громадного творческого труда Б. А. Тураева, всегда будут ценить его как одного из виднейших представителей дореволюционной русской науки.

Акад. В. В. Струве

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ НЕРОНА

(Критический обзор историографии вопроса)

Значение времени Нерона в истории отношений между Римской империей и Востоком вряд ли можно переоценить. Именно в эти годы происходят решительные изменения в политике империи по отношению к восточным областям римского мира. В то время, как Юлии и Клавдии предпочитали опираться на зависимых царей и довольствоваться незначительными военными силами на восточной границе, то при Флавиях и Траяне эта система подверглась полному преобразованию. Зависимые царства постепенно исчезают с политической карты римского Востока. В отношениях с Арменией и Парфией происходит перелом, разделяющий на два периода всю восточную политику ранней империи: если планы Сенеки и Бурра относительно Армении следуют системе Августа, который удерживал страну в повиновении при помощи римского ставленника на ее престоле, то в итоге деятельности римского полководца Гнея Домиция Корбулона и парфянского

¹ «История древнего Востока», I, стр. 106.

² Там же, стр. 71 и 113.

го царя Вологеса Армения оказывается фактически зависимой от Парфии, сохраняя при этом номинальную зависимость от Рима. Этот порядок держится, с небольшим перерывом при Траяне, более столетия. В последние годы правления Нерона появляются широкие замыслы завоеваний и развивается деятельная подготовка к будущим походам, прерванная иудейским восстанием и гражданской войной. На северо-востоке империя сталкивается с растущим напором кочевников, и правительство Нерона вынуждено принимать меры по защите эллино-римского рабовладельческого мира против могучих волн варварского нашествия. Правление Нерона затронуло все стороны восточной политики: между Августом и Траяном не было другого принцепса, время которого оставило бы столь глубокий след в истории стран Востока.

До тех пор, пока исследователи истории Рима шли вслед за Тацитом и история империи сводилась к истории императоров, историография восточной политики не выходила за рамки простого изложения событий. Только с середины XIX в. в связи с изучением жизни провинций начинается специальное исследование восточной политики нероновского принципата.

Со времени Моммзена вопросу о восточной политике Рима при Нероне был посвящен ряд работ, причем все они органически связаны друг с другом. Изучение их интересно не только для разрешения этой частной проблемы: в них нашли яркое отражение те общие концепции, которые господствовали в западной историографии конца XIX и начала XX вв. В силу своих общих положений историки восточной политики Рима приходили в ряде случаев к ошибочной интерпретации источников и к неверным выводам. Поэтому для изучения восточной политики Рима при Нероне в советской науке настоятельно требуется, новый пересмотр источников. Кое-что в этом направлении уже сделано, например в статье Я. А. Манаджяна¹, которая, однако, затрагивает лишь один из частных вопросов этой проблемы.

С другой стороны, некоторые общие работы или работы, посвященные смежным вопросам римской истории, продолжают находиться под довольно заметным влиянием западноевропейских концепций восточной политики нероновского принципата, в частности, концепции Шура. Вследствие этого изучение истории вопроса является весьма своевременным.

В западноевропейской историографии восточной политики Нерона отразились различные течения исторической мысли, сменявшиеся за последние пятьдесят лет. Весьма распространенное стирание границ между античным миром и современной Европой повело к преувеличению значения торговых пелей в восточной политике Нерона, особенно характерному для историков последнего времени: Корнеманна и Шура. Модернизация античной экономики переходит в модернизацию политическую: Римская империя наделяется чертами современного государства, ее политика оказывается направляемой исключительно из центра, развивающейся по строго определенному плану и неизменной. Политика выступает при этом как выражение отвлеченной идеи государственного интереса, без учета того, какие силы, какие слои правящего класса были заинтересованы в тех или иных ее изгибах: внешняя история оторвана от внутренней. Международные отношения великих держав древности изучаются не на основании норм того времени, а с точки зрения отвлеченного права всех времен и народов, являющегося в конце концов абстракцией международного права XIX—XX столетий. История восточной политики прослеживается почти исключительно с римской точки зрения: внутренняя история противников Рима и самостоятельное развитие их политики выпадают из поля зрения историков. Этот характерный для некоторых представителей буржуазной науки романоцентризм представляет собой проекцию современного политического и культурного европоцентризма в древний мир: политическая гегемония Рима над

¹ Я. А. Манаджян, Цель и направление подготовлявшегося Нероном кавказского похода, ВИ, 1946, № 7, стр. 66—74.

Средиземноморьем оказывается прообразом мирового господства капиталистической Европы. Сильно преувеличивается роль личности: почти каждый историк выбирает себе каких-либо героев: одни—Сенеку и Бурра, другие—Нерона или Корбулона,—и развитие римских мероприятий на Востоке приписывает их замыслам. При этом продолжает сохранять значение апологетическое направление, развившееся во французской и немецкой историографии во второй половине XIX в., представители которого выступают на защиту отдельных носителей императорской власти. Все эти тенденции затрудняют историческое изучение римской восточной политики, выяснение ее подлинных движущих сил.

В том «Римской истории» Моммзена вышел в 1885 г. Приступая к изучению истории империи, Моммзен, скептически оценивая римскую историческую традицию императорской эпохи, отказывается от изображения общего хода римской истории за этот период. Вместо этого он последовательно излагает историю отдельных провинций от Цезаря до Диоклетиана. Моммзену удалось выделить три основных театра военных действий и проследить их историю на протяжении трех столетий империи. Всенные границы римской державы жили в значительной мере самостоятельной жизнью, и их история протекала нередко независимо от центра; история империи, излагаемая по императорам, упускает из виду самостоятельное развитие пограничных проблем. Схема Моммзена была плодотворна для изучения внешней политики этого периода, когда Риму приходилось вести только местные войны, которые не затрагивали всего государства в целом, но отражались лишь на отдельных частях римского мира (Моммзен, V, стр. XI).

Изучение отдельных областей римского мира помогло Моммзену впервые обратить внимание на цепь зависимых царств как на систему обороны границ империи, которая должна была предохранять непосредственные владения римского народа от иноземных государств и племен. Моммзен указал на незначительность всенных сил, которыми империя располагала на Востоке (V, 362), следствием чего была неспособность Рима к энергичной внешней политике в этом направлении.

Систематическое изучение событий, которые развертывались на евфратской границе, заставило Моммзена обратить должное внимание на время Нерона, указать на своеобразие восточной политики нероновского принципата и на переломный характер соглашения с Тиридатом.

Однако подобная схема имела и глубоко отрицательные последствия. Отказ от изучения истории метрополии в императорский период привел Моммзена к неверной оценке движущих сил восточной политики нероновского правительства и даже к неправильному представлению о ее целях. Игнорируя борьбу социальных группировок внутри римского правящего класса, Моммзен сводит изменения, произошедшие в курсе восточной политики Рима за время Нерона, к кабинетной политической мудрости Сенеки и Бурра, которые выступают у Моммзена как смелые зачинатели нового направления. Именно Сенеке и Бурру Моммзен приписывает неизменное с самого начала стремление отделаться от Армении путем уступки ее Тиридату (V, 374—5). Выводя политику Сенеки и Бурра из отвлеченной идеи государственного блага. Моммзен с неизбежностью вкладывает им в головы мысль о бесполезности Армении для Рима, сложившуюся у него под влиянием изучения восточной политики империи на всем ее протяжении. Вместо того, чтобы показать, как римское правительство было силой обстоятельств пригнано к окончательному решению, Моммзен превращает конечный результат парфянской политики нероновского принципата в ее начальную цель и придает этой политике несуществвавшую целеустремленность.

К основному выводу о целях парфянской политики Сенеки и Бурра Моммзена привели и другие элементы его концепции. Оценивая общее состояние империи при Юлиях и Клавдиях, Моммзен полагает, что Рим не стремится к захвату новых земель и что наступательные войны против Парфии объясняются только нежеланием его допустить существование другой великой державы в мире (V, 348). Моммзен показывает, как Клавдий распространял римское влияние на Востоке при помощи дипломатии (V, 369—71), и полагает, что компромиссная политика Сенеки и Бурра является естест-

енным продолжением политики Клавдия. Не принимая во внимание борьбы внутри римского правящего класса, Моммзен вследствие этого не заметил колебаний римской политики на Востоке и придал ей чересчур прямолинейный характер. Идея бесполезности Армении для Рима вытекла именно из общего суждения Моммзена о состоянии империи; однако последовательный ход событий, который привел к тому, что эта идея стала принципом римской политики, не был показан историком.

На возникновение у Моммзена идеи о бесполезности Армении для Рима оказало влияние и следующее обстоятельство. Рассматривая историю евфратской военной границы, Моммзен был вынужден выйти за пределы империи и дать общую характеристику царства Арсакидов и монархии Сассанидов. Моммзен сделал при этом первую попытку посмотреть на римско-парфянские отношения с парфянской стороны. Он считает, что Армения была по существу частью Парфии. Именно потому, что, по мнению Моммзена, Армения была чужда эллино-латинской городской цивилизации, все притязания Рима на нее оказались неудачными. Это также приводит Моммзена к выводу о бесполезности Армении для Рима, а затем это положение превращается у него в основной принцип парфянской политики Сенеки и Бурра.

Само соглашение с Тиридатом получило у Моммзена неясную и противоречивую оценку. По мнению историка, война «окончилась фактическим переходом Армении к парфянам с соблюдением должного уважения к более могущественной западной державе. Армения была более зависима от римлян под управлением признанной ими национальной династии, нежели под управлением тех царей, которые навязывались ей против ее воли» (V, 383). Из этих слов остается неясным, считал ли Моммзен зависимость Тиридата от Рима фактической или номинальной, а между тем именно этот вопрос повел к наибольшим разногласиям среди позднейших историков парфянской политики нероновского принципата.

Нужно полагать, что Моммзен склонялся скорее в пользу второго решения, поскольку он указывает на то, что начавшееся при Веспасиане систематическое превращение царств в провинции укрепляло оборону восточной границы (V, 437). Это было необходимо именно потому, что Рим отказался от всякого вмешательства в то, что происходит за Евфратом.

Основной вывод Моммзена о целях парфянской политики Сенеки и Бурра, несмотря на то, что он не соответствует действительности, стал господствующим в науке. Он лег в основу построений Гендерсона и Шура, которые являются представителями двух точек зрения на парфянскую политику нероновского правительства; в оценке этой политики их разделяет вопрос о внутреннем смысле соглашения с Тиридатом, получивший столь неопределенное решение у Моммзена: Гендерсон считает зависимость Тиридата от Рима номинальной, Шур — фактической.

Следующую непосредственно за Моммзеном ступень составляют работы Гендерсона. После ряда специальных статей¹ последний выпустил в 1903 г. свою основную монографию², в которой он выступает как продолжатель Шиллера³ в изучении внутренней политики Нерона и Моммзена — в изучении внешней. На основную работу Гендерсона оказало влияние апологетическое направление, хотя и в наиболее умеренной его форме. Если Гендерсон и говорит, что он не стремится к «оселению» Нерона, но лишь желает представить жизнь и правление этого принцепса в новом освещении (H e n d., стр. XIV), то общий недостаток всего направления — преувеличение роли

¹ H e n d e r s o n, Chronology of the Wars in Armenia A. D. 51—63, CR, XV (1901), стр. 159—165, 204—213, 266—274; Controversies in Armenian Topography, JPh, 1903, стр. 99—121, 271—286.

² H e n d e r s o n, The Life and Principate of the Emperor Nero, 1903.

³ Немецкий ученый второй половины XIX в., один из представителей так называемого апологетического направления, пытавшийся защитить Нерона от нападок сенаторской историографии.

личности—сказался и на нем. Отмечая процветание империи при Нероне, он говорит: «что, если он оказался бы жестоким и беспутным, даже, если вы хотите, в конце своей жизни тираном, убийцей, доморощенным негодяем, однако со всем этим дельным правителем, способным избирать хороших слуг, солдат и наместников...?» (стр. 15). Автор при этом не замечает, что господство тех или иных социальных группировок и действия государственной машины в успешном решении правительственных задач гораздо важнее личности самого монарха.

Одной из положительных сторон Нерона является, по мнению Гендерсона, его искусная внешняя политика (стр. 14, 75—6,223, 422). Гендерсон берет у Моммзена его основное положение—то, что римское правительство с самого начала хотело отдать Армении Тиридату,—но разбирает более обстоятельно возможные цели армянской политики Нерона и пути их достижения. Гендерсон намечает четыре способа разрешения армянского вопроса: 1) оставление страны парфиям, которое требовало очень значительного увеличения войска, поскольку Малая Азия и Сирия становились легко доступными для удара из Армении, и противоречило настроениям общества; 2) превращение Армении в провинцию, которое принудило бы оставить там крупные силы и потребовало бы присоединения Месопотамии и Ассирии, ибо без этих стран обладание Арменией не было бы прочным; 3) политику действительного и 4) номинального «сюзеренитета». Август избрал третий путь, Нерон—четвертый (стр. 157—161). Таким образом, Гендерсон дал четкое определение внутреннего смысла соглашения с Тиридатом, признав зависимость армянского царя от Рима номинальной. Однако понятие номинального «сюзеренитета» имеет у Гендерсона отвлеченный характер; он не ставит вопроса о том, как соглашение 66 г. укладывалось в государственное право Рима и Парфии.

Хотя Гендерсон, в противоположность Моммзену, ставил своей задачей всестороннее изучение истории Рима при Нероне, внешняя политика и у него оторвана от внутренней. Несмотря на то, что он отрицает единство политики Нерона на всем ее протяжении, видя, в частности, в назначении Пета изменение планов правительства (стр. 182), и у него, как и у Моммзена, не сделано попытки возвести восточную политику нероновского принципата к интересам каких-либо социальных групп, в то время находившихся у власти. Только вместо Сенеки и Бурра все более выдвигается личность Нерона.

Таким образом, Гендерсон уточнил постановку первой проблемы, выдвинутой Моммзеном; кроме того он поставил и вторую проблему восточной политики нероновского принципата—вопрос о северо-восточном ее направлении. Наступление против аланов он вводит в рамки черноморской политики Нерона и связывает с ним превращение Понта в провинцию и изменения в положении Боспора (стр. 226—7). Но и здесь, как и при изучении войн Корбулона, построения Гендерсона отличаются известной односторонностью, поскольку там он не стремится проследить самостоятельное развитие парфянской политики, здесь же не учитывает усилившегося в эти годы напора кочевников, который и подвинул римское правительство к решительным мероприятиям в этом направлении. В этом на Гендерсона, возможно, оказали влияние романоцентристские тенденции, характерные для ряда представителей буржуазной науки Запада.

В 1921 г. появилась статья Корнеманна¹, осветившая третью проблему восточной политики Нерона—ее юго-восточное направление. Этот вопрос был затронут уже Моммзеном; привлекая новые источники, Корнеманн пытается создать грандиозную картину политики империи в бассейне Индийского океана при Нероне. Преувеличенное представление о роли и значении торговли в античном мире привело Корнеманна к пристрастному истолкованию источников. Чтобы доказать, что стремление Нерона на юго-восток имело торговые цели, Корнеманну приходится прибегнуть к целому

¹ Kornemann, Die historischen Nachrichten des Periplus Maris Erythraei über Arabien, «Janus», I, 1921, стр. 55 сл. (цитируется по Schur'y).

ряду натяжек. Корнеманн считает, что назначением эфиопского похода было подавление Аксума, который грозил стать соперником империи на южных торговых путях, и что проникновение римлян в южную Аравию (стр. 64—5) преследовало те же цели. Утверждая, что царь химьяритов Харибазл находился в зависимости от Рима, притом фактической (К о г л., 60 сл.), Корнеманн видит доказательство этого в эпитете «друга императоров», прилагаемом к этому царю (P s.-A г г., Рег., 23). Между тем с таким же успехом Корнеманн мог бы предположить, что и Индия находилась в зависимости от Рима, так как послы оттуда приходили к Августу просить его дружбы. Далее Корнеманн отыскивает следы римлян в Сабее и Хадрамауте (стр. 62—3). Если в перипле говорится, что на острове Диоскурида находится какой-то гарнизон и что этот остров сдан кому-то на откуп, то Корнеманн сразу предполагает, что речь может идти только о римском гарнизоне и римском правительстве в качестве откупщика (стр. 77). Возникновение всех этих римских опорных точек в Аравии Корнеманн относит ко времени Нерона, не имея достаточных на то оснований. К этой же эпохе восходит, по Корнеманну, и возникновение прямых сношений с Индией, что он (стр. 56—61) выводит из сравнения сообщений П л и н и я (VI, 101—106) с данными перипла вопреки точному свидетельству Ст р а б о н а (II, 5, 12; XV, 1, 4; XVII, 1, 13), от которого он освобождается филологически неправильным толкованием. К тому же, и самая датировка псевдоэрианаова перипла Эритрейского моря, который Корнеманн относит ко времени Домициана, представляется сомнительной. Таким образом, концепция Корнеманна покоится на неправильных теоретических предпосылках и произвольном истолковании источников.

Попытка обобщения трех проблем восточной политики Нерона и построения цельной картины принадлежит Шуру¹. Работы Шура оказали чрезвычайно значительное влияние на историографию: исследователь восточной политики Нерона не может обойтись без критического разбора его концепции. Поэтому взгляды Шура заслуживают более подробного рассмотрения.

Главной задачей своей работы Шур считает доказательство единства восточной политики Нерона (S c h u r, 5) и особенно исследование политики последних лет этого императора (стр. 108; «Klio», XX, 215), до него мало освещенной в науке. Шур не вполне ясно определяет, что он разумеет под этим: то он ограничивает единство парфянской политикой (стр. 4; «Klio», XX, 215), то распространяет его шире и говорит о сходстве юго-восточной (S c h u r, 57) и северо-восточной (стр. 67) политики Нерона между собой и с политикой по отношению к Армении. Под своим главным тезисом Шур в основном подразумевает то, что политика Нерона на всем ее протяжении руководилась одинаковыми целями, которые сводились к укреплению и расширению римского влияния на Востоке.

В изображении парфянской политики Нерона Шур исходит из положений Моммзена, что Август стремился обеспечить оборону восточной границы при помощи господства в Армении через римского ставленника на ее престоле и что политика Сенеки и Бурра, с самого начала хотевших отдать Армению Тиридату, была полным разрывом с традициями Августа. Однако планы «правителей императорской юности» Шур вслед затем превращает в единую цель парфянской политики всего нероновского принцепата. Шур берет у Гендерсона острую постановку вопроса о фактическом и номинальном «сюзеренитете», но отвечает на него отлично от своего предшественника; зависимость Тиридата от Рима была, по его мнению, фактической (S c h u r, 4). Этим самым Шур перекидывает мост от парфянской политики Нерона к юго-восточной и северо-восточной.

¹ S c h u r, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, 1923; Untersuchungen zur Geschichte der Kriege Corbulos, «Klio», XIX, 75—96 (источниковедение и хронология); Zur neronischen Orientpolitik, «Klio», XX, 215—222 (ответ на рецензии); Die orientalische Frage im römischen Reiche, NJWJ, II, 3, 1926, стр. 270—282 (общий обзор от происхождения римлян на Восток до победы христианства).

в которых, по его мнению, проявляется упорное стремление нероновского правительства к экспансии на Восток. Только определяя зависимость Тиридата от Рима как фактическую, Шур, может устранить важное противоречие, состоящее в том, что нероновское правительство, несмотря на свое неуклонное стремление к экспансии, отдало Армении царю из дома Арсакидов. Изображение юго-восточной политики у Шура восходит, в основном, к Корнеманну: Шур развивает некоторые его положения, но зато более осторожно высказывается о других. Изложение северо-восточной политики более оригинально: Шур берет с некоторыми изменениями положение Гендерсона об единстве понтийской политики Нерона и дополняет его собственными изысканиями о цели замышлявшегося Нероном кавказского похода, о внутреннем положении Парфии в связи с римской политикой на Востоке и о транскаспийском шелковом пути. Таким образом, три проблемы восточной политики нероновского принципата, заложенные предшественниками Шура, объединяются у него в неразрывное целое, проникнутое идеей единства восточной политики Нерона. Причиной постоянного стремления нероновского правительства к расширению римского влияния на Востоке Шур считает упорное нарастание эллинистических тенденций, под которыми он подразумевает культурное преобладание эллинизма в античном мире.

Стремясь доказать свой основной тезис, Шур вынужден насильственно приспособлять к нему данные источников. Говоря о том, что «...нероновское правительство во всех областях восточной политики оставило традиционные пути» (стр. 5), Шур позволяет во всеобщий принцип разрыв с традицией, который виден только в некоторых действиях нероновского правительства в конце правления Нерона, и, таким образом, получает желательную для себя картину.

Так, например, рассматривая парфянскую политику нероновского правительства, Шур изображает ее как последовательное выполнение предначертанных замыслов. Ее основной целью, по мнению Шура, является превращение Тиридата в царя фактически зависимого от Рима. Отсюда он заключает, что римский ставленник Тигран был временным заместителем Тиридата и что возврат к политике Августа был только кажущимся (стр. 13, 15, 20, 32). Во всех действиях Корбулона Шур усматривает наличие законченного плана наступательной войны (стр. 21, 24—25): доказательством этого он считает помещение гарнизона в Тигранокерте (стр. 13) и вознаграждение союзных царей за счет Армении (стр. 15). Тигран вторгается в Адиабену по приказу Корбулона (стр. 19—20; «Klio», XX, 216). Военные приготовления Корбулона, когда в ответ на опустошение Адиабены парфянские силы во главе с Вологесом появились на границах империи весной 61 г., имеют, по Шуру, наступательный смысл (S c h u r, 21, 24, 25). Корбулон летом 61 г. собирается вторгнуться с тремя легионами по пути Красса в Месопотамию (стр. 21), очевидно для того, чтобы найти там вторые Карры. Договор 61 г., по которому Вологес должен был отправить послов к Нерону просить Армению для Тиридата, заключается Корбулоном якобы согласно стремлениям тогдашнего правительства (стр. 15; 23; «Klio», XX, 216), а то, что он был отвергнут в Риме, объясняется не коренным различием взглядов на армянский вопрос между Корбулоном и правительством, которое в это время уже замышляло превращение Армении в провинцию, а необходимостью поддержать предварительно славу римского оружия (стр. 15, 32). Назначением Пета, посланного на смену Корбулону, Шур считает не превращение страны в провинцию, а продолжение римской политики: Пет намеревается завоевать Армению в тяжелой борьбе против всех парфянских сил для того, чтобы отдать ее Тиридату, и действует по плану Корбулона (стр. 24—5). Договор Пета, условия которого в основном аналогичны условиям 61 г., по Шуру, соответствует целям правительства, хотя из Тацита совершенно ясно, что предложение парфянских послов весной 93 г., опиравшееся на этот договор, было неожиданным для Нерона (стр. 18). В таком же духе рассматривает Шур и дальнейший ход событий вплоть до изгнания Тиридата в Рим.

Продолжая доказывать свой основной тезис, Шур полагает, что, отдавая Армению царю, связанному с Парфией узами родства, Рим получал фактическое господство в стране («Klio», XX, 216). Следствием таких отношений между Римом и Арменией,

основанных на союзе с Парфией (стр. 4, 31, 81) должно было быть, по мнению Шура, постепенное подчинение Риму всего Ирана. Идея фактической зависимости Армении от Рима не покоится на определенном свидетельстве источников, а привносится Шуром со стороны для доказательства единства парфянской политики Нерона с юго-восточной и северо-восточной. Поэтому и вытекающие отсюда соображения Шура о «мирном проникновении» (стр. 36) в Парфию представляют собой только домыслы автора.

Ту же идею единства восточной политики Нерона Шур развивает и дальше, говоря об ее юго-восточном и северо-восточном направлениях. Единство юго-восточной политики Нерона Шур полагает в том, что она преследовала далеко идущие цели расширения римского влияния на Востоке. В аргументации этого положения Шур, в основном, следует за Корнеманном. Шур берет у Корнеманна положение о том, что Аксум захватывает Баб-эль-Мандебский пролив и угрожает римской торговле с Индией (стр. 4, 17, 35, 40, 43, 48, 57—8) и что давление Аксума при помощи установления протектората над Мерое и восстановления старой торговой дороги по Нилу является целью неронова эфиопского похода (стр. 60), далее Шур заимствует у Корнеманна мысль о проникновении римлян в Аравию (стр. 5, 17, 40, 48, 52, 58) и о том, что торговля с Индией при Нероне переходит в руки государства (стр. 5, 51). Все это Шур пытается привести в связь с парфянской политикой Нерона: проникновение в Аравию Шур стремится приурочить к перерыву борьбы с Парфией около 60 г. (стр. 7, 17, 40, 59). Римская охрана, сопровождавшая гирканских послов, имела, по мнению Шура, своей задачей исследование торгового пути через Пальмиру к Персидскому заливу (стр. 17, 58), а по выяснении его непригодности правительство обращается к южной Аравии (стр. 59). Все эти положения не находят достаточного подтверждения в источниках.

Разбирая северо-восточную политику, Шур опять-таки стремится провести свою основную мысль об единстве восточной политики Нерона. Главной целью северо-восточной политики римского правительства Шур считает окружение Парфии с севера цепью зависимых государств (стр. 40, 66). Союз с Гирканией (стр. 35—6) и замышляемое покорение албанов (стр. 66; 91; «Klio», XX, 217; NJWJ, II, 3, стр. 270) являются, по мнению Шура, осуществлением этой цели. Шур поставил в связь с римской политической внутреннюю обстановку в восточном Иране. В Парфии в I в. происходит борьба двух начал: восточного — полу-скифского и западного — эллинизированного¹. Представителями первого являются гирканы, которые восстали в начале правления Вологеса (стр. 8, 17, 35, 72) и заключили союз с Римом, означавший, по мнению Шура, включение их в римскую клиентелу (стр. 35—6). Шур считает, что именно из союза с Гирканией для Рима возникает возможность постоянного давления на Парфию (стр. 81). Здесь у Шура проявляется его обычная тенденция изображать зависимость восточных государств от Рима как фактическую: Шур верит, что гирканы, послы которых для того, чтобы вернуться на родину, были вынуждены сделать длинный обходный путь вокруг парфянских владений по Сирийской пустыне и Персидскому заливу, находились в действительной зависимости от Рима. Вполне понятно, что зависимость была в этом случае столь же условна, как и в отношении царя химьяритов Харибазла. Говоря о намеченном покорении Албании, Шур отождествляет Каспийские ворота с Дербентом, а не с Дарьялом (стр. 62, 67), предпочитая следовать Тациту, вопреки свидетельству Плиния. Таким образом, Албания и Гиркания, по мнению Шура, должны были охранять римские интересы на севере Парфии.

В рамки северо-восточной политики Нерона Шур ставит и взятую им у Гендерсона, картину понтийской политики этого императора, ограничение самостоятельности Боспора и присоединение Понта, причем в дальнейшем, по мнению Шура, предполагает-

¹ Schur, 72, 74. В этом отношении Schur находится в зависимости от Kesslinga (Hugania, RE, IX, 507), у которого, вопреки словам Schur'a (стр. 73) имеется уже идея туземной реакции против эллинизирующихся Арсакидов.

ся восстановление в виде прокураторской провинции старой державы Митридата от Фракийского до Киммерийского Боспора (стр. 93). Однако отождествляя Каспийские ворота с Дербентом и доказывая, что предполагавшийся кавказский поход был направлен против албанов, Шур, сам того не замечая, разрушает столь упорно защищаемое им единство политики, ибо введение гарнизона из легионариев и другие перемены на Боспоре, очевидно, не могут иметь связи с войной на берегах Каспийского моря. Таким образом, северо-восточная политика Нерона даже в изображении самого Шура лишена внутреннего единства.

Вопрос о посетителях нероновской политики также показывает несостоятельность основного положения Шура. Принадлежа к числу апологетов Нерона, Шур изображает его героем, который едет на Восток, «чтобы лично вести свою рать против врага» (NJWJ, II, 3, стр. 276), и сожалеет об его смерти, приостановившей исполнение великих замыслов¹. С другой стороны, Шур, вслед за М о м з е н о м (V, 274—5), преклоняется перед Сенекой и Бурром и возводит к ним все внешнеполитические планы нероповского принципата (S c h u r, 58, 113; «Klio», XX, 217—8). В этом случае остается совершенно непонятной неизменность программы до самой смерти Нерона (стр. 218), ибо попытка выставить Петрония Турпилиана и Офония Тигеллина последователями Сенеки и Бурра лишена всяких оснований.

В основе единой и целеустремленной политики Нерона на Востоке лежат, по мнению Шура, торговые интересы. Ими он объясняет поход в Эфиопию и проникновение римлян в южную Аравию. Индийская торговля, по мнению Шура, переходит в руки государства (стр. 5, 51). Союз с Гирканией также, как думает Шур, принесил торговые выгоды (стр. 35): Рим стремится захватить бактрийский шелковый путь (стр. 40, 60) с целью овладеть еще одной дорогой в Индию, независимой от парфия². Все эти предприятия имеют целью проложить римскому купцу путь к сырьевым районам Востока (стр. 60) и захватить торговлю с Индией в свои руки (стр. 40). Именно следствием мероприятий, проведенных правительством Нерона, Шур считает значительное укрепление торговых связей с Индией и их неуклонный рост вплоть до конца II в. (стр. 54, 57, 114). Таким образом, Шур вслед за Корнеманном приписывает Римской империи целеустремленную торговую политику современных капиталистических держав.

Основной тезис Шура неизбежно вытекает из того, что он по существу не видит разницы между древним миром и Европой XX в. Наряду с модернизацией экономических отношений Шур модернизирует государственную структуру Римской империи. Коренное отличие между античным и современным государством совершенно выпадает из поля зрения Шура. Неразрывная экономическая связь между отдельными областями, характерная для капиталистической формации, отсутствует в античности. Следствием этого является то, что в великих империях древности политическая централизация была несравненно слабее, чем в современных государствах. Отсюда вытекает ошибочность основного положения Шура. Обширная и рыхлая империя Юлиев и Клавдиев выступает у него, наделенная чертами современной европейской державы, концентрированной и централизованной, окраины которой соединены с центром железнодорожными путями и беспроволочным телеграфом. Римская империя, раскинувшаяся по трем частям света среди второстепенных по сравнению с ней государств и варварских народов, достаточно устойчивая в обороне, но не способная к упорному наступлению, представляется ему похожей на европейскую великую державу сравнительно небольших

¹ Впрочем, в своем ответе на рецензии Шур изображает Нерона иначе («Klio», XX, 217—9): единство политики — не в личности Нерона; окружение Нерона внушило комедианту Цезарю мысль о подражании Александру и диктатору Цезарю и толкнуло его на далекие предприятия.

² S c h u r, 67. Торговый путь из Индии в Бактриану и оттуда по Оксу, Каспийскому морю, Киру и Фасиду в Понт был исследован еще Патроклом, адмиралом Селевка Никатора и Антиоха Сотера. На взгляды Schur'a большое влияние оказал H e r m a n n, обративший внимание на эту забытую дорогу (Kaspisches Meer, RE, X, 2290).

размеров, например Германию эпохи первой империалистической войны. Отсюда вытекает основное положение Шура, о том, что вся политика направляется из центра, что события на Востоке оказывают глубокое влияние на всю жизнь империи (стр. 39), что правительство действует по заранее намеченному плану и в строго обдуманной последовательности (стр. 43, 91). Отсюда же вытекает и то, что Римская империя, совсем как Германия в первой мировой войне, не может вести войны на два фронта и, развертывая наступление на Востоке, вынуждена прекратить военные действия в Британии (стр. 16, 20), как будто войны, подобные походам Светония Павлина, империя не могла вести одновременно на всех фронтах. К тому же в языке Шура нередко попадаются сравнения, обороты и термины, заимствованные из практики и языка дипломатов и колониальных деятелей XX в., что легко ведет к искажению исторической картины¹.

Модернизации взаимоотношений экономики и политики в древности приводит к тому, что Шур не видит подлинных движущих сил внешней политики Рима. Рассматривая восточную политику Юлиев и Клавдиев в целом и выясняя общее направление восточной политики Нерона, Шур, вместо того, чтобы показать социально-политические основания внешней политики Рима, выдвигает, с одной стороны, торговые цели, а с другой—борьбу западного и восточного начал внутри империи. Переноса центр тяжести экономических отношений из сферы производства в сферу обмена, Шур приходит к неправильному заключению о значительном влиянии международной торговли на политику императорского правительства. С другой стороны, Шур говорит о борьбе эллинистического и латинского элемента внутри империи. Под эллинистическими тенденциями Шур подразумевает преобладание восточной половины империи над западной, выдвижение эллинов на высшие посты в государстве, перенесение центра тяжести внешней политики империи на Восток и потенциальное превращение принципата в монархию эллинистического типа. Так, Шур считает, что глава италийского гражданства в борьбе с эллинистом Антонием Октавиан стремится к подавлению эллинистического элемента в республике и именно потому отказывается от завоеваний (NJWJ, II, 3, стр. 273). Именно отсюда происходит, по мнению Шура, система Августа, который пытается обезопасить восточную границу при помощи господства над Арменией (стр. 1—3; NJWJ, II, 3, стр. 273) и союза с Парфией (Sch u r, 3; NJWJ, II, 3, стр. 274). Система Августа поддерживалась его преемниками, пока ориентированная, по мнению Шура, только на Запад политика Клавдия не привела ее к полному провалу (Sch u r, 3; 30—31; NJWJ, II, 3, стр. 275). Армения была захвачена парфянами. Нероновское правительство пренебрегло Западом (стр. 113); центр тяжести внешней политики переносится на Восток. Оно отказывается, по мнению Шура, от приемов Августа, сперва относительно Армении (стр. 3, 30), а потом в остальных областях восточной политики (стр. 31; 35—36); проявившееся при Нероне стремление к экспансии на Восток (стр. 57) Шур сопоставляет с нарастанием эллинистических тенденций. Именно эллинизм, играющий большую роль в восточной половине империи и скреплявший объединение зависимых царей вокруг Рима (Sch u r, 14), толкал Нерона на завоевания. Нерон постоянно выступает у него как наследник Александра и диадохов: его юго-восточная политика продолжала дело Птолемеев, а предприятия на Каспийском море—замыслы Селевка Никатора (стр. 81, 112—3). Превращение Парфии в зависимое государство было исполнением заветов диктатора Цезаря (стр. 113), во взглядах на которого Шур, видимо, зависит от известной монографии Мейера.

Однако, говоря об эллинизме, Шур рассматривает его, главным образом, как культурное понятие, не ставя вопроса об его социально-политической сущности. Имея ее в виду, Шур не стал бы утверждать, что оборонительная политика Августа была вызвана нежеланием усилить эллинистический элемент в империи, поскольку именно

¹ Например, Sch u r, стр. 1: восточный вопрос; 4: взаимное признание интересов в Армении; 36: *penetration pacifique* Рима в Иран; 58: проникновение Аксума в Аравию имеет для Рима то же значение, что Италия в Албанию для Австро-Венгрии; 60: стремление римлян к сырьевым районам Востока и т. п.

правлящие слои греческих городов являются со времен Цезаря той силой, на которую опиралось римское господство на Востоке. Между тем дальнейшее проникновение Рима в земли арамейского и иранского населения, где, за исключением северной Месопотамии, не было полисов и где мало развитое рабовладение сосуществовало с примитивными земельными отношениями, восходящими к доэллинистическому периоду, было действительно трудным для империи Юлиев и Клавдиев и оказалось не под силу даже Траяну. С другой стороны, именно стремление объединить вокруг себя весь античный рабовладельческий мир и защитить его отдельные части от движения варваров толкало Рим к наступлению на северных берегах Понта, к подготовке похода против аланов.

Работа Шура, несмотря на то, что при первом ознакомлении она производит яркое впечатление единством идеи и новизной взгляда, представляет собой шаг назад по сравнению с трудами предшественников. Новые положения Шура, не имеющие достаточной опоры в источниках, и пронизывающая всю работу буржуазная модернизация во многом извращает вопрос о восточной политике нероновского принципата. Позднейшим исследователям приходится начинать с преодоления концепции Шура.

Из новейших западных историков за Шуром отчасти следует Моммляно, один из соавторов «Кембриджской древней истории»¹. Однако Дессау и Омо (безусловно знакомый с Шуром)², не находясь в зависимости от него. Дессау, в частности, считает восточную политику Рима изменчивой и беспринципной³. Против положений Шура выступает также и другой из соавторов «Кембриджской древней истории» Андерсон. Он сомневается в римско-гирканском союзе (САН, X, 764), в намерении Нерона поддерживать Мерое против Аксума, в том, что Нерон вообще хотел вести войну в Эфиопии, в тождественности двух восстаний, помешавших Вологесе оказать помощь Тиридату во время завоевания Армении Корбулоном⁴, а в специальном приложении подвергает взгляды Шура на юго-восточную и северо-восточную политику Нерона обстоятельному и справедливо строгому разбору (САН, X, 881—4).

В самое последнее время концепция Шура в отношении северо-восточной политики Нерона подверглась основательной критике в советской науке. В статье академика Я. А. Манандяна⁵ путем привлечения обширного материала исследований по истории и древней географии Кавказа совершенно по-новому ставится вопрос о последнем предпринятии Нерона. Возражая Моммзену и Шуру, Я. А. Манандян не отождествляет Каспийские ворота с Дарьялом или Дербентом, но помещает их близ станционного пункта Каспии карты Цевтингера, в районе нынешней Хоспи и города Ахалкалаки (стр. 73). Пункт этот расположен на меотидо-колхидской торговой дороге, имевшей, по мнению Я. А. Манандяна, в древности мировое значение (стр. 74). Я. А. Манандян выдвигает две цели подготовлявшегося Нероном кавказского похода: борьбу с аланами и приобретение римлянами контроля «над транзитным путем мировой торговли, идущим из Танаиса через Армению и Мидию в Среднюю Азию и Индию» (стр. 74). Таким образом, Я. А. Манандян ставит весьма важный вопрос о защите северо-восточных окраин империи против напора кочевников и о влиянии варварской периферии на судьбы античного мира. Я. А. Манандян здесь, как и в других своих исследованиях, подошел к проблеме с точки зрения самобытного развития соседних с Римом стран. Однако, критикуя Шура, Я. А. Манандян не подвергает разбору методологические предпосылки Шура, из которых вытекает вся его концепция. Отрицая значение транскаспийского торгового пути, Я. А. Манандян выдвигает вместо него меотидско-колхидскую магистраль; таким образом, преувеличение влияния торговых целей на римскую политику,

¹ Momigliano, Nero, САН, X, 1934, стр. 714.

² O m o, L'Haut-Empire, 1933, стр. 295.

³ D e s s a u, Geschichte der römischen Kaiserzeit, II, 1, 1926, стр. 188.

⁴ A n d e r s o n, The Parthian Pretender of A. D. 55, САН, X, 879.

⁵ Я. А. М а н а н д я н. Цель и направление подготовлявшегося Нероном Кавказского похода. ВИ, 1946, № 7 стр. 66—74.

характерное для Шура, не подвергается критике в достаточной мере: вместо этого один торговый путь заменяется другим. Между тем буржуазная концепция Шура должна быть решительно отвергнута. Наконец, вопрос о местоположении тех Каспийских ворот, к которым Нерон намеревался послать войска, нельзя считать решенным окончательно.

Предшествующее изложение имело целью показать несостоятельность тезиса о единстве восточной политики Нерона и вместе с тем существование ряда интересных проблем, выходящих за пределы этого специального вопроса. Прежде всего необходимо выделить основные направления внешней политики империи Юлиев и Клавдиев и дать им социально-политическую характеристику.

Одной из причин установления империи было то, что разросшимися владениями Рима нельзя было управлять при помощи средств, имевшихся в распоряжении города—государства. Политическая централизация средиземноморской державы способствовала укреплению государственной власти. Обновление римского правящего класса за счет аристократии италийских муниципиев и провинций и создание военно-бюрократического государственного аппарата раскололи надвое высшее сословие республики. Оппозиционное настроение старой знати и преклонение перед идеалами прошлого незаметным образом увлекало за собой также и многих новых людей; с другой стороны, вокруг императорской власти формируется новая знать, представляющая собой ее важнейшую социальную опору. Различия между этими двумя группировками определялось в первую очередь не происхождением, а политическими настроениями: сыновья италийских декурiones оказывались ярыми противниками монархии, а знатные нобили входили в ближайшее окружение императора. Расширение империи укрепляло императорскую власть и требовало увеличения войска, а потому носители умерших идеалов республики были сторонниками последовательно охранительной политики. Эти тенденции являются преобладающими на протяжении второй половины правления Августа, всего принципата Тиберия и во время так называемого «пятiletия Нерона». С другой стороны, одновременно с нарастанием автократических тенденций и расширением римского правящего класса за счет провинциальной знати происходит некоторая активизация внешней политики. Это направление можно проследить при Гае, Клавдии и во вторую половину правления Нерона. То, что в армянском вопросе охранительное направление одержало верх, объясняется обстановкой, сложившейся на евфратской границе. Изучение изгибов внешней политики Рима на протяжении первого столетия империи должно показать, что на эту политику оказала влияние борьба внутри римского правящего класса. Такова первая проблема восточной политики нероновского принципата.

Эта проблема тесным образом связана с вопросом о состоянии восточной границы. До сих пор большинство исследователей восточной политики Рима при Нероне рассматривали эту политику в отрыве от той обстановки, в которой она протекала. Постоянные факторы римской восточной политики: состояние восточной границы, организация пограничных областей, военные силы,—не могли не оказывать глубокого влияния на внешнюю политику Рима. Известно, что и у Моммзена этот вопрос не получил достаточного освещения, поскольку он рассматривает каждую провинцию в отрыве от другой, так что не получается цельной картины римского Востока в то или иное десятилетие I в. А между тем так или иначе это было бы возможно сделать.

Особое внимание должны при этом привлечь зависимые царства, эти всеобразные инородные тела в пределах империи. Изучение эволюции этих государственных образований, властители которых были друзьями и союзниками римского народа, с одной стороны, и клиентами императора, с другой, должно многое высветить в особенностях восточной политики Рима. Самостоятельное развитие туземных народов Передней Азии, под плотной корою эллинистическо-римской цивилизации проявляясь с наибольшей силой именно в этих зависимых царствах. С другой стороны, нельзя ограничиваться изучением внутренней истории Рима, его провинций и зависимых областей. Нельзя, допускать чтобы восточные соседи Рима, изображались только в качестве пассивных объектов римской политики. Можно говорить не только о парфянской политике Нерона, но и о римской политике Вологеса. Попытки проследить самостоятельные судьбы

Парфии не удалось буржуазным ученым Кисслингу и Шуру. Настоящее построение истории Парфии необходимо начинать с выяснения особенностей ее общественного строя, который не мог не оказывать глубокого влияния и на внешнюю политику Парфии.

В связи с изучением внутренней истории Армении и Рима и их взаимоотношений возникает весьма важный вопрос о внутреннем смысле положения, достигнутого венчанием Тиридата в 66 г. При этом важно выяснить, как соглашение 66 г. укладывалось в государственное право Рима и Парфии и какое влияние оказало оно на дальнейшее развитие римско-парфянских отношений.

Изучение юго-восточной политики нероновского принципата ставит, наряду с принципиальным вопросом о соотношении торговли и политики в условиях древнего мира, также и целый ряд более специальных задач—исследование стран, которые обычно не затрагиваются историками и древнего, и эллинистического, и средневекового Востока. А между тем образование раннеарабских государств, внутреннее развитие Аксума и Мерсе и их взаимоотношения с начинающей затухать античной цивилизацией должны составить особую и важную главу в истории древнего мира. Сношения Рима с Индией проливают свет на международные отношения и связи между самыми отдаленными областями древнего мира.

Северо-восточная политика Нерона для советских историков представляет специальный интерес, поскольку она касается территории, входящей в состав нашей страны. Середина I в. характеризуется усиленным напором кочевников на северные пределы античного и иранского мира, которые прорывают вздвинутые против них укрепленные границы в разных местах от Мезии до Парфии. Для защиты от этой кочевой волны Рим стремится охватить кольцом своих владений все берега Эвксинского моря, желая предохранить выступающие к северу форпосты рабовладельческого мира от поглощения их варварской стихией. Таким образом, дальнейшая разработка истории восточной политики Римской империи при Нероне представляет значительный интерес для советской науки о древнем мире а для того прежде всего необходимо было подвергнуть критике концепции буржуазных ученых.

О. В. Кудрявцев

Некоторые проблемы истории скифской культуры

(О книге Б. Н. Гракова, Скифы, Київ, 1947)

Между появлением небольшой книжечки Р о с т о в ц е в а «Эллинизм и иранство на юге России» (1918) и до выхода в свет рецензируемой—тоже весьма небольшой и предназначенной для самого широкого круга читателей—работы Б. Н. Гракова лежит промежуток времени, равный тридцатилетию.

За этот период на русском языке не появилось ни одной новой обобщающей работы по истории скифской культуры¹, тогда как археологический материал продолжал непрерывно пополняться. Не прекращались и исследования в области различных частных проблем скифской археологии и истории—попытки нового рассмотрения темных вопросов скифского этногенеза, социального устройства, географии, быта и т. п., предпринимавшиеся иногда виднейшими учеными, из которых достаточно назвать Н. Я. Марра и С. А. Жебелева.

С тем большим интересом и с тем более высокими требованиями встречаем мы появление новой и долгожданной работы обобщающего характера по истории скифов, хотя бы и написанной в сжатой и популярной форме. С особыми надеждами вправе мы обратиться именно к этой книге, автор которой сам не мало поспособствовал накоплению

¹ Не считая известной книги С. В. Г о т ь е «Очерки из истории материальной культуры Восточной Европы», 1925, имевшей значительно более широкие рамки.

новых археологических материалов и систематизации письменных памятников¹ в области истории скифской культуры и исследованию различных частных ее проблем.

Популярная форма изложения не должна повлиять на нашу оценку, тем более, что рецензируемая книга следует традиции лучших образцов популярно-научной литературы в том отношении, что ее общедоступность достигается за счет простоты изложения и отсутствия ученого аппарата, а отнюдь не за счет понижения ее научного уровня.

Книга распадается на восемь небольших глав, в которых последовательно трактуются вопросы скифской географии, этногенеза, общественного и хозяйственного строя, культуры и быта, искусства и религии. В заключение дано краткое послесловие, устанавливающее некоторые вехи, связывающие скифскую культуру с культурой древнейших западных и южных славян. Касаясь этих еще малоисследованных, но чрезвычайно злободневных вопросов, автор как бы указывает направления и перспективы дальнейших исследований в области истории скифской культуры.

Наиболее подробно в книге трактуются вопросы хозяйственного развития Скифии и ее материального быта (главы 5 и 6, обнимающие более трети всего текста). В отношении земледельческого хозяйства приднепровских племен и скотоводства скифов степняков на основании археологических данных (в значительной степени добытых раскопками послереволюционных лет) вносятся некоторые поправки к Геродотовым сообщениям о хлебных злаках и домашних животных, известных в Скифии.

Опять-таки преимущественно по археологическим данным намечается, в связи с характеристикой скифской торговли, направление основных торговых путей, связывавших внутреннюю Скифию с берегами Черного моря и греческими торговыми центрами, равно как и с восточными областями (Приуральем), о чем в греческих источниках сохранились лишь одни смутные легенды. При этом определяются главные этапы истории скифской торговли, тяготевшей в архаическую эпоху к западным берегам Черного моря (Ольвия), а в эпоху эллинизма более тесно связанной с Крымом и торговыми центрами Северо-Кавказского побережья (стр. 41 сл.).

Описывая хозяйство, ремесло и материальный быт скифов, автор не скупится на чисто технологические детали, почерпнутые нередко из его же собственных археологических наблюдений; им характеризуются скифские поселения, жилища (иллюстрированные планами из недавних раскопок в Крыму), обработка металла, керамики, кости, дерева и т. д.

Интересные сведения сообщаются о влиянии скифской материальной культуры и скифского искусства (звериного стиля) на культуру и искусство соседних, в особенности северо-восточных и западных, племен. Значение и сила этого влияния прослеживаются в книге, в частности, на предметах вооружения как в Европе, так и в Азии, начиная с VI ст. до н. э., демонстрирующих своими формами и своей выделкой воздействие передовой для тогдашних времен скифской оружейной техники (стр. 71 сл.). При этом звериный стиль скифского искусства связывается автором с кочевым бытом степных племен, в противоположность выраженным тенденциям к геометрическому искусству Галыштата у западных скифов-земледельцев (стр. 82).

В основу своего изложения Б. Н. Граков положил твердый историко-географический костяк, который делает предельно-ясной (при современном состоянии изучения Геродотовой географии) обычно довольно смутную и путаную картину отождествления древней и современной топонимики и расселения скифских племен. Этот отчетливый очерк скифской географии подкреплён и наглядно — иллюстрирован картой (стр. 8—9), на которой каждый интересующийся вопросами исторической географии Причерноморья отметит те сдвиги, какие произошли в изучении ее за последние десятилетия: тер-

¹ «Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии», ВДИ, №3 (1939), стр. 231 сл.; «Термин скифы и его производные в греческих надписях», КСИИМК, вып. XVI; «Имела ли Ольвия торговые сношения с Нововолжьем и Приуральем?» «Археология», 1946, Киев, т. I.

ритория Скифии довольно отчетливо отграничена от соседних (с севера и востока) не-скифских племен и культур; показана ее динамика в западном направлении — к югу от нижнего течения р. Днестра и Дуная; по-новому, на основании археологических данных, решены некоторые спорные вопросы геродотовой топографии, в частности локализация области Герра, отождествление р. Пантикапа (стр. 8) и т. д.

Некоторые из этих опорных географических пунктов остаются, впрочем, еще довольно шаткими; нельзя не усомниться, например, в правильности отождествления Аракса и Волги у Геродота. При таком допущении совершенно искажается географическая сторона рассказа о походе Кира на массагетов (Н е г., I, 201), где также фигурирует Аракс, отождествляющийся (на основании сопоставления с параллельной версией Страбо́на (XI, 8, 6) с Сыр-Дарьей (Яксартом других древних авторов).

Следует иметь, кроме того, в виду, что некоторая смутность Геродотовой географии лежит, так сказать, в ее природе — коренится в том, что на вновь познанные территории переносится известная ранее и привычная номенклатура; этим и объясняется удвоение Гипаниса, Пантикапа, Герра и некоторых других рек, местностей и населенных пунктов на территории Скифии.

Другая причина смутности географии Геродота заключается в особенностях его этнографии. Увеличение количества данных, позволяющих контролировать свидетельства греческих писателей о причерноморских странах (такими данными являются преимущественно свидетельства древневосточных источников: ассирийские и урартские тексты) все более выясняет греческие топонимические и этнические наименования в Скифии, как адаптацию и этимологизацию местных варварских наименований. Это касается не только самих имен, но также и извлекаемых из них бытовых и социальных характеристик.

В результате такого рода этимологизации возникли, как это теперь ясно, такие наименования, как «скифы-пахари» (ἀροτῆρες) и «скифы-земледельцы» (γεωργοί) у Геродота, из сообщаемых урартскими надписями и локализуемых к северо-западу от Кавказа племенных наименований *ariteri* и *guri* (*gurg*)¹, — последнее имя звучит также в ургах Страбо́на (VII, 3, 17) — сопоставление, казавшееся еще чересчур смелым Ф. Брауну²; результатом подобных же комбинаций является разделение Геродотом гелонов и будинов, по его собственным словам (подтверждаемым другими свидетельствами, — например словами Эфора у Пс.-Скима, 860 сл.), именуемых у других греческих авторов одинаково гелонами, и перенесение некоторых бытовых черт, явно относящихся к гелонам (поедание семян сосновых шишек, предание о чем связано с их пребыванием на Кавказе. Пс.-Ск. у I., § 80), на будинов; такого же рода перетолкованиями является и возникновение племени «вшеедов» у Страбо́на (XI, 2, 19)³ и мифологически мотивированное у того же Страбона и у других авторов эллиниское происхождение племени генихов — наименование, перетолкованное греками из *igani* — имени, опять-таки подтвержденного ассирийскими данными⁴.

Эти и другие им подобные факты необходимо в дальнейшем иметь в виду при построении карты древней Скифии и при составлении очерка скифской этнографии.

Те же древневосточные источники дали толчок и для критического осмысления древнейшего периода истории скифской культуры: установления реального взаимоотношения между скифами и киммерийцами для локализации исторических киммерийцев и выяснения происхождения киммерийской легенды в греческой литературе. Главным образом совпадения имен скифских и киммерийских вождей (Бартатиа и Лугдамме — Протофий и Лигдамис) в ассирийских и греческих источниках убеждают в том, что све-

¹ П. Ушаков, ВДИ, 1946, № 2, стр. 42.

² Ф. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, 1899, стр. 93.

³ См. ВДИ, 1947, № 4, стр. 209, прим. 8.

⁴ Ушаков, *ibid.*, стр. 38.

дения о киммерийцах заимствованы были ионийскими греками отчасти из восточных данных и приумножены собственными, мифико-этнографическими и космографическими домыслами. Представление о киммерийцах у Геродота настолько же совмещается с представлением о древнейших скифах, как у Страбона—с представлением о тирах переселившихся в Малую Азию фракийцах, (см. Strabo, XIII, 4,8). Если исторические киммерийцы (гимирраи) засвидетельствованы документами эпохи Саргона и его ближайших преемников (VIII—VII ст. до н. э.) в области Северного Кавказа, то Геродотов география киммерийцев, занимавших, по его словам, территорию от Дона и до Днестра, принадлежавшую затем, по их изгнании, скифам, покоится на греческого происхождения «киммерийской» топонимике Крыма и Тамани, связанной с представлением о Киммерийском Боспоре как о крае света, пороге загробного царства, где жили известные уже Гомеру (Odys., XI, 12 сл.) киммерийцы—«керберийцы» (от Кербера) или хеймерийцы, т. е. северные, зимние жители—легендарное племя, подстать гиперборейам, феакийцам и т. п.¹

Таким образом, те весьма любопытные образцы культуры эпохи, переходной от бронзы к железу, происходящие из области нижнего течения Днепра, которые представлены в рецензируемой книге в качестве образцов киммерийской культуры (стр. 18 и рис. 2 на стр. 19), могут быть названы таковыми лишь в кавычках и совершенно условно. Действительные следы киммерийской культуры, т. е. культуры тех племен, которые под именем гимирраев с конца VIII ст. до н. э. стали известны в Закавказье и далее на юго-запад, вплоть до эгейских берегов Малой Азии, следует искать на Кавказе и скорее всего в кругу так наз. кобанской культуры, судя по соответствующим находкам, в особенности из северо-восточной Анатолии (древней Каппадокии), свидетельствующим о пребывании киммерийцев в Малой Азии (клад кобанских вещей в Орду близ Синопы).

В таком же смысле может быть принята и известная попытка В. А. Городцова, впервые поставившего вопрос о киммерийской культуре и пытавшегося характеризовать ее определенным археологическим материалом, дополнением которого является и материал, привлекаемый Б. Н. Граковым².

Новейшие археологические открытия все более умножают материал, свидетельствующий о проникновении элементов скифской культуры на Северный Кавказ и о родстве культуры эпохи раннего железа в Причерноморских степях и на Северном Кавказе³. Эти данные позволяют поставить вопрос о взаимоотношении скифской и киммерийской культур в чисто археологическом аспекте.

Знакома читателя с образцами «киммерийской» культуры как предшественницы культуры скифской, Б. Н. Граков указывает тем самым на глубокие местные корни этой последней (стр. 18 и 20), что свидетельствует о значительном сдвиге, происшедшем в области изучения истории скифской культуры за последние десятилетия. Если М. И. Ростовцеву скифская культура представлялась лишь сочетанием греческих и иранских элементов, то для советского историка скифская культура является плодом внутреннего развития, а не механическим результатом миграции этнических и культурных факторов. Наличие влияния культуры древнего Ирана или, вернее, быть может, того общего центральноазиатского очага, из которого свежие этнические группы проникали в области Передней Азии и причерноморских степей, отрицать было бы невозможно, также как и влияние на ранних скифов урартской, а позднее греческой культуры. Хотелось бы только отметить, что многие из тех «иранизмов» скифской культуры, на которые так любит указывать Ростовцев и некоторые его предшественники, являют-

¹ См. E. Berger, *Mythische Kosmographie d. Griechen*, 1904, стр. 10.

² В. А. Г о р о д ц о в, К вопросу о киммерийской культуре, «Труды секции археологии», РАНИОН, II, стр. 46 сл.

³ См. А. И е с с е н и Б. П и о т р о в с к и й, Моздокский могильник, Л., 1940.

ся лишь результатом того, что как Геродот, так и другие, от него независимые ионийские писатели о скифах, смотрят на причерноморскую культуру через персидские очки, обнаруживая этим источники своей информации.

Достаточно будет указать на то, что первая из символических легенд о происхождении скифов (Н е г., IV, 5), несомненно, дошла до Геродота в иранской интерпретации с ее иранизированными именами и соответствующей символикой социальных отношений, которую сторонники исконной общности социальной структуры арийских народов используют для доказательства своего тезиса¹.

Не менее ярко персидские источники Геродота обнаруживают себя и в именах и характеристике скифских божеств (Н е г., IV, 59). Такие божества, как Аполлон-Гетосирис, Афродита-Аргимпаса и Зевс-Папай (или Папис), засвидетельствованы эпиграфически как переднеазиатские, а для последнего из них имеются на малоазийской почве и весьма любопытные изображения².

Все эти факты также необходимо строго учитывать при использовании Геродотовых данных, свидетельствующих об «иризмах» в культуре и языке скифов.

Существенно и ново то, что сказано в книге Б. Н. Гракова в отношении государства и социальных отношений у скифов (стр. 28 сл.). В прежнее время вопросы эти или не ставились вовсе, или их постановку нельзя считать научной. Лишь за последнее время появилось несколько работ, посвященных проблеме социальных отношений у скифов³. Примыкая к ним, Б. Н. Граков резонно указывает на элементы государственности в скифском обществе, возникновение которых связано с выделением класса рабовладельцев, богатевших на торговле хлебом, работорговле и эксплуатации рабского труда.

При всей несомненности отмеченных выше явлений, характеризующих «скифскую стадию» истории причерноморских степей, нельзя не предостеречь от некоторого предвзятости роли рабства и рабовладельческих отношений в Скифии, от буквального и некритического понимания данных Геродота и некоторых других авторов, чьи сообщения касаются социальных отношений у скифов (в особенности Полиена).

Рабство у скифов имело в достаточной степени патриархальный характер. Рабами по словам Геродота (подтверждаемым сообщением Полиена, восходящим, быть может к Дурису Самосскому), царские, или как, он выражается в другом месте, «свободные» скифы считали скифов других родственных им племен, находившихся в даннических отношениях к первым. Переноса на Скифию представления, характерные для развития греческих полисов, Геродот все же отмечает тот факт, что рабовладельческие отношения Скифии напоминают более всего положение зависимого земледельческого и пастушеского населения на о. Крите, в Фессалии и т. п. (Н е г., IV, 72).

Рассказ Геродота об ослеплении скифами своих рабов отнюдь не опровергает этого факта, а, наоборот, его подтверждает, ибо этот исторический анекдот выясняется как очередная попытка этимологизации скифских племенных наименований. В схолиях к Аристофану (Equit., 963) Геродотовы *τῶλοι* отождествляются с *μῶλοι*, т. е., очевидно, с *Ἰππῶλοι* Гомера, а рассказ о прорытии оборонительного рва от Черного моря до Меотиды потомками этих «слепых» заставляет сопоставить их имя также и с *σάρβοι* Страбона (VII, 3, 19) и других авторов, племенем, живущим у Перекопского перешейка и Сиваша, идентичного, может быть, как мы попытались показать в другом месте, эпиграфически засвидетельствованным сатерхеем.

Подтверждается сказанное нами (а отнюдь не опровергается) и наличием в богатых скифских курганах ритуальных захоронений рабов. Обычай этот и на классической

¹ См. G. Dumézil, Jupiter, Mars, Quirinus, P., 1941, стр. 110 сл.

² См. Monumenta Asiae Minoris Antiqua, т. VI, табл. 22.

³ Семенов-Зусер, Родовая организация у скифов Геродота, Л., 1923; А. П. Смирнов, Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1935.

почве рабовладельческой античности — в Италии характерен именно для эпохи патриархального рабства и документируется ритуальными захоронениями рабов в могильнике древней Болоньи периода культуры Вилланова, тогда как в более позднее время, в эпоху развитого рабовладения, подобные примеры напрасно было бы искать в Италии или в Греции.

Однако процесс образования скифского государства продвинулся достаточно далеко. Об этом свидетельствует, помимо наличия династической преемственности царских имен (отмечаемой уже с VII в. до н. э.), также и значительная военная мощь некоторых скифских царей (в особенности Атея в IV ст. до н. э.) и та зависимость, в которую попадали по отношению к скифам жители Херсонеса и ольвийские греки, чеканившие свою монету с именами скифских царей Приднепровья и Крыма (III—II вв. до н. э.). Об этом же свидетельствует и наличие в скифском обществе значительного жречества, оформившегося как определенная общественная категория.

Если Б. Н. Граков в главе, посвященной скифской религии, (стр. 85 сл.), упоминает о жрецах-гадателях, предполагая, что прочие жреческие функции выполняли цари, то он забывает при этом, что энареи, в которых нельзя не видеть жрецов весьма популярного женского божества, имели далеко не одни лишь прорицательские функции; в облике этого божества под иранскими или греческими эпитетами проглядывает широко известный образ Великой Матери (малоазиатской Кибелы), храм которой (быть может, тождественный Метрополю Птолемея (III, 5, 14) Геродот указывает на Гипполаевом мысу (IV, 3)¹. К числу ее культовых легенд относится, вероятно, зерно Геродотова рассказа об оскорблении скифами аскалонского храма Афродиты Урании, так же как и зерно легенды об Анахарсисе. Это особенно ярко выясняется из «Увещательной речи» Климента Александрийского (Protrept., II, § 24), где Анахарсис прямо называется служителем кизикенской Матери богов, учителем «женской болезни» (т. е. энарейства) Для прочих скифов, а в мотиве убийства его собственным братом он сравнивается с повешенным за шею «менагиртом» (т. е. служителем солярного бога Мена, небезызвестного в Причерноморье и являвшегося паредром Великой Матери). Так в самом мотиве убийства Анахарсиса, столь трагически представленного у Геродота, лежит, быть может, не что иное, как культовый акт убийства жреца, порядка тех ритуальных убийств² царя-жреца, которые известны в культах умирающих и воскресающих божеств, распространенных широко в пределах Средиземноморья (ср. также рассказ о казни осужденных на смерть жрецов-гадателей, Herod., IV, 68 сл.).

Косвенным образом о силе скифского жречества свидетельствует указание Луккиана в его «Скифе» (§ 1) на то, что к числу скифской знати относились, помимо людей, принадлежащих к царскому роду, также и «пилофоры» — представители категории людей, носящих пилос — священный остроконечный головной убор, связанный с культом Великой Матери и мужских божеств ее круга.

Для социальной характеристики энареев Геродота, как жречества, не безынтересно то обстоятельство, что наименование их в основе своей является племенным наименованием. Энареев, под именем санареев указывает на Северном Кавказе Птолемай «За Албанией», V, 8, 25) и он же под именем анареев называет их в числе племен центрально-азиатской Скифии (VI, 10, 14). Поскольку уже и ранее подмечалось, что многие племенные наименования, локализованные Птолемеем за Волгой, в действительности относятся к Кавказу³, мы можем считать идентичными кавказских санареев с заалтайскими (intra Imaum, по Плинию) анареями, имя которых сопоставляется фонетически и географически с анариаками Страбона (XI, 7, 1), известными близ Каспийского моря. К тому же скифы санареи (анареи) не единичны на Северном Кавказе. Археологические свидетельства, устанавливающие наличие скифской культуры на Кавказе с глубокой древности, подтверждаются восходящими к периплам эллинистической эпохи

¹ Ср. Ф. Браун, *ibid.*, стр. 211 сл.

² A. Müllenhoff, *Deutsche Altertumskunde*, t. III (1892), стр. 97 сл.

сведениями Птолемея о р. Герр и о племени Герры у западных берегов Каспийского моря (V, 8, 17—25 и V, 91, 2). Несомненно, что эти Птолемеевы наименования имеют прямое отношение к реке и области Герр у Геродота (IV, 19 сл., 47, 53, 71), локализацию которых до сих пор нельзя считать вполне установленной. Реку Герр, однако, Геродот связывает с областью царских скифов, так же как и одноименную местность, в которой находился царский некрополь. Поэтому вряд ли мы ошибемся, если предположим, что племенное наименование герры покрывается Геродотовым наименованием «царские скифы», а распространение этого имени в качестве наименования реки и местности позволяет судить о географическом диапазоне распространения или перемещения его носителей (герров).

В главе о религии содержатся новые и интересные соображения, истолковывающие с точки зрения проявления примитивной магии (стр. 87 сл.) не только скифский культ меча, но также и самый звериный стиль скифского искусства, в его функционально-культовом значении.

Совершенно несомненно, что в скифской религии были очень сильны пережитки примитивных религиозных представлений и культовых действий.

Божества, известные нам под именем скифских не что иное, как эллинизированные и иранизированные интерпретации действительно скифских богов. В этом отношении очень поучительны скептические слова Оригена (с. Cels., VI, 39), выражающие сомнение во внутреннем соответствии религиозных представлений, скрывающихся за «скифскими» именами божеств, соответствующим греческим именам, приводимыми Геродотом. Весьма вероятно, что за этими именами стоят родовые и племенные прародители — боги, отзвуки имен которых звучат также в эпитетах Артемиды Таврополы, Афродиты Апатуры, равно как и иранизированной Аргимпасы; скифский Посейдон был, вероятно, столь же далек от эллинского, как и тот скифский бог Танаис, о котором, связывая его с иранизированным женским божеством Фарсирис, упоминает Ямвлих в «Драматике» (§ 9).

Вопросы скифской религии и духовной культуры вообще являются, как это легко понять, наиболее трудными и запутанными в кругу проблем истории скифской культуры.

Мы коснулись по необходимости лишь некоторых тем из затронутых в книге Б. Н. Гракова, останавливающейся достаточно подробно и на материальной культуре скифов (при этом освещается малоизученная проблема скифских поселений эпохи существования скифского государства в низовьях Днепра и в Крыму — стр. 54 сл.); достаточное внимание уделено в ней также художественному ремеслу и искусству (стр. 76 сл.). Отмеченные выше достоинства позволяют нам поздравить советского читателя с приобретением полезной и интересной книги об одной из плодотворнейших в культурном отношении эпох древней истории нашей родины и выразить надежду на то, что книга эта, желательна в расширенном виде и с необходимой научной аргументацией, которая сделает ее еще более полезной для специалиста, появится в ближайшее время также и на русском языке.

Русский читатель, в особенности читатель-историк, давно уже вправе требовать новых обобщающих работ по истории скифской культуры, которые бы подытожили большую исследовательскую работу, проделанную в этой области за три истекшие десятилетия.

Л. А. Ельницкий

С. А. БАШКИРОВ, Антисейсмизм древней архитектуры, 1. Восток. Из истории конструкции: 1. Египет; 2. Месопотамия; 3. Иран, Ярославль, 1947 (VIII + 115 стр.).

Рецензируемая работа является первым разделом докторской диссертации,—историко-археологического и историко-архитектурного исследования о том «как древняя архитектура боролась за сейсмостойкость сооружений» (стр. 1). Для этой цели архитектура древнего Востока представлена выборочно. Каждая глава первого выпуска состоит из историко-архитектурного обзора и завершается специальными выводами. Книга иллюстрирована, но не все иллюстрации вышли четкими.

Автор изучает интересную историко-архитектурную проблему, которая, как он пишет, «имеет не только теоретическое значение, но с точки зрения антисейсмизма архитектуры наших дней и сугубо практическое, связанное с интересами хозяйственного и оборонного строительства СССР» (стр. III). На большом историко-архитектурном материале Египта, Месопотамии и Ирана автор выясняет приемы древних строителей, при помощи которых они придавали наибольшую устойчивость своим сооружениям. Главное внимание он обращает на приемы, предупреждающие или сводящие к минимуму разрушения, которые могут произойти от колебаний почвы. Оказывается, что целый ряд архитектурных форм и приемов, кроме обычных объяснений, можно истолковать борьбой за антисейсмизм. Например, неправильную кладку разноформенных блоков опорных стен, платформ—галлерей «ападана» Ксеркса и других подобных сооружений, некоторые исследователи рассматривают, как дефект строительной техники, автор же рецензируемой работы объясняет борьбой за антисейсмичность архитектуры. «Неправильно» организованные блоки,—пишет он,—создают при сейсмических ударах и колебаниях неправильное распределение движения материала в кладке. Эта всеобразная неправильность создает необходимую организованную ритмичность, чтобы ослабить силу сейсмички» (стр. 67—68).

Для Египта антисейсмические приемы заключены 1) в каркасности с механической связью каркаса по горизонталям и по вертикалям, 2) в чрезмерном монументализме, мегалитизме с поглощением внутреннего пространства, 3) в предварительно подготавливаемых под основания будущих сооружений специальных крупно-песчаных или гравийных подсыпках антисейсмических подушек, парирующих удары; 4) в применении специальных антисейсмических пазов, швов и т. д. Отдельные постройки при наличии свободной территории расставлялись так, чтобы это приводило к наименьшим взаимным повреждениям от землетрясения. Замечательным дерзким примером устойчивости является обелиск. Но в общем «Египетская архитектура», по мнению автора, в страхе перед сейсмическими разрушениями, при тяжелой каменной архитравно-балочной системе перекрытия, загружая и утесняя внутреннее пространство в монументальном строительстве, не создала гибких, эластичных форм антисейсмических конструкций» (стр. 25).

В Месопотамии автор находит много общих с Египтом антисейсмических приемов. Он отмечает чрезмерную загруженность построек из сырцового или обожженного кирпича на растворе, сооружение сплошных массивов. Однако «в условиях чрезвычайной конструктивной загруженности материалом... в ... Месопотамии создаются чрезвычайно прогрессивные элементы конструкций арочно-сводчато-купольной системы перекрытий упруго-эластичной антисейсмически эффективной» (стр. IV). Автор указывает, что большое значение уделялось также организации участка, отведенного под постройку, и фундаментам. «Создавались сложные платформы—террасы субструкций даже для целых городов» (стр. 44), которые предназначались не только против наводнений, но и против сейсмических сил.

Антисейсмизм древнеиранской архитектуры, по мнению автора, наблюдается в более смелых конструкциях, чем в египетской и месопотамской, объясняющихся широким применением дерева в качестве строительного материала. В архитектуре и анти-

сейсмике Ирана были использованы достижения великих предшествовавших культур, а также некоторые элементы архитектуры современной Ирану Греции.

Автор рецензируемой работы описывает многочисленные общеизвестные памятники архитектуры. Обилие подробностей, приводимых при этом, затрудняет усвоение основной проблемы исследования приемов антисейсмизма. В ряде случаев преувеличивается сознательность древневосточных архитекторов в их стремлении противостоять сейсмизму в композиции и в конструкции ансамблей и отдельных построек. Особенно резко это бросается в глаза в главе, посвященной Египту. Трудно, например, согласиться с автором, что пирамида «выдерживает претензию на вечность», как наиболее антисейсмичная архитектурная форма, которую когда-либо дала архитектура (стр. 10—11). Здесь налицо увлечение исследователя своей темой, вследствие чего остаются недостаточно учтенными исторические причины возникновения пирамид—грандиозных памятников—усыпальниц древнеегипетских фараонов. Следует также заметить, что исследование антисейсмических приемов в архитектуре, сталкивается с опасностью смешать борьбу архитектора за простую устойчивость постройки с приемами антисейсмизма.

Рецензируемая работа выходит за пределы своей специальной темы не только в описаниях архитектуры, но и в стремлении дать историческое истолкование особенностей древневосточной архитектуры. Автор исходит из положения Маркса о том, что «Технология раскрывает активные отношения человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни и вытекающих из них духовных представлений» (Маркс, Капитал, I, стр. 281, изд. 6). Автор развивает этот тезис на протяжении всей работы. Так, например, описывая развитие архитектурных форм в Египте древнего, среднего и нового царств он объясняет изменение их в связи с изменением социально-экономических отношений. Однако в ряде случаев истолкование архитектурных памятников с этой точки зрения, вызывает возражения, которые усугубляются из-за неудачной терминологии, усвоенной автором. Так, например, он пишет, что обширные дворы египетских храмов имеют «приглашающий к себе вид», говоривший о значительной «демократичности» сооружения (стр. 15). Слово «демократичность» даже в кавычках не подходит для Египта. Странным является также замечание автора о «разложении рабовладельческого общества» в эпоху Среднего царства (стр. 18).

Отмечая общие с египетскими черты архитектуры в Месопотамии, автор объясняет это сходством рабовладельческого общества Месопотамии с рабовладельческим обществом Египта. Однако в месопотамской архитектуре была более прогрессивная черта, а именно: «арочно-сводчато-купольная, упруго-эластичная, антисейсмически эффективная конструкция перекрытия» (стр. 110). Автор объясняет ее более развитой, чем в Египте, городской жизнью. Он даже применяет здесь термин «полис», правда, большей частью в кавычках. Следует более осторожно относиться к терминологии. Не говоря уже об общеизвестном специфическом смысле слова «полис», в последнем случае полезно вспомнить, что в типичной стране полисов—античной Греции—как раз «арочно-сводчато-купольного» перекрытия совсем не было, а была «архитравно-балочная система сооружений» (стр. V), о чем в другом месте говорит сам автор. Число подобных замечаний можно увеличить.

В работе почти нет ссылок на специальную литературу, даже в конце глав. Русская литература почти не упомянута. По Египту указаны две работы, по Месопотамии ни одной, по Ирану—одна работа. Не упомянут даже том I Всемирной истории архитектуры (Архитектура древнего мира), издание Академии архитектуры СССР, Москва, 1944 г., посвященный исключительно древнему Востоку. В тексте много опечаток. Бросается в глаза опечатка в главе об Иране (стр. 74), где персидская архитектура III в. н. э. вместо «электрической» охарактеризована, как «электрическая».

Но особенно существенным недостатком в работе, на наш взгляд, является отсутствие вступительных физико-географических очерков, на основании которых изложение антисейсмических приемов в древней архитектуре выглядело бы более мотивированно и убедительно. Главные сомнения в этом отношении вызывает Египет, на территории которого в историческую эпоху, как известно, не зарегистрировано ни одного значи-

тельного землетрясения. Правда, автор ссылается на известие Страбона о том, что колосс Мемнона пострадал «во время землетрясения». На наш взгляд этот единственный факт не может служить достаточным основанием для утверждения о сейсмичности территории Египта, так как «колосс Мемнона» простоял невредимо около 1400 лет до указанного Страбоном землетрясения. Других фактов сейсмического порядка автор не нашел. Что же касается строительства великих пирамид, то оно, как известно, территориально весьма удалено от основного места единственного землетрясения, упомянутого автором.

Эти соображения вызывают сомнения в том, что борьба за антисейсизм в архитектуре древнего Востока повсеместно играла такую большую роль, какую придает ей автор.

Н. Н. Пикус

А. И. ВОЩИНИНА, *Очерк истории древнеримского искусства*, Ленинград, 1947, 82 стр., XII табл.

Книга Воициной представляет краткий популярный очерк древнеримского искусства, рассчитанный на широкий круг читателей.

Книга содержит восемь глав, из которых пять посвящены основным этапам развития римского искусства, а три — первобытной культуре народов древней Италии, искусству Этрурии и Великой Греции.

В предисловии справедливо отмечается сложность процесса развития римского искусства, которое слагалось из «официального» искусства римской правящей знати, искусства разных слоев римского общества и, наконец, из местного искусства многочисленных провинций огромной Римской империи. Автор раскрывает узость понятия «римский стиль», которое прочно утвердилось в литературе.

В первой главе, посвященной первобытной культуре народов Италии, А. И. Воицина останавливается, главным образом, на так называемой культуре Виллановы, со времени которой начинается дифференциация культур итальянских народов и последующее возвышение Этрурии.

Интересно предположение автора о возможном происхождении формы круглых храмов времени расцвета римской архитектуры, как, например, храм Весты и Пантеон, от круглых по форме жилищ культуры Виллановы.

Вторая глава «Искусство Этрурии» начинается с проблемы происхождения этрусков.

Сильной стороной данной главы является освещение развития этрусского искусства. Автор правильно уделяет большое внимание этрусскому искусству, рассматривая его не только с точки зрения того большого значения, которое оно имело для развития искусства Рима, но и отмечая его самостоятельность.

Здесь разбираются все виды искусства Этрурии: архитектура, скульптура, живопись и прикладное искусство, однако, не с одинаковой подробностью.

Автор подробно, насколько позволяет краткость всего очерка, излагает эволюцию стиля живописи с VII в. до н. э. вплоть до IV—III вв. до н. э. Справедливо отмечается связь этрусской живописи V в. до н. э. с вазовой живописью греков VI в. до н. э. и начала V в. до н. э.

Менее обстоятельно говорится об этрусской скульптуре. Хотелось бы познакомиться с развитием скульптуры столь же подробно, как это сделал автор в отношении живописи. Легально анализируются три памятника скульптуры: VI в. до н. э. (Аполлон из Вей) и V в. до н. э. (Химера из Аретцо, Капитолийская волчица), хорошо и подробно характеризуется стиль каждой вещи. Преследуя, очевидно, цель познакомить читателя с наиболее прославленными памятниками этрусских мастеров, автор не показал

эволюции этрусской скульптуры в целом, хотя по художественным достоинствам она не уступает живописи. Благодаря этому у читателя может создаться представление об этрусской скульптуре как о чем-то статичном, не имеющем своего развития. Такое представление было бы, конечно, ложным. Впечатление о существовавшей в Этрурии скульптуре было бы более полным, если упомянуть, что, помимо декоративной скульптуры, украшавшей храмы, существовало большое количество статуй, которые изображали различные этрусские божества, национальных героев, воинов и имела место также вотивная скульптура.

В книге отмечается большое значение этрусского портрета, от которого, по мнению некоторых ученых, ведет свое начало римский портрет. Характеризуя стиль этрусского портрета, автор указывает, что мастера, делая портреты, стремились как можно точнее передать черты портретируемого. Говоря об этрусском портрете, автор проводит мысль о социальном делении общества этрусков, которое отразилось на портрете. А. И. Воппинина указывает, что уже в изображении умерших на саркофагах VI в. до н. э. при всей стилизации и условности лиц можно усмотреть индивидуальные черты умерших. По мнению автора, портретная скульптура этрусков характеризуется реализмом. Но с этим утверждением никак нельзя согласиться. Невозможно отрицать живость изображения, сочность форм, передаваемые мастерами в портретах. Но, стремясь быть как можно ближе к натуре, этрусские мастера с большой точностью переносили все индивидуальные черты портретируемого на его изображение. Поэтому этрусские портреты характеризуются протокольной, фотографической точностью, где нет того обобщения и внутренней характеристики образа, которые должны быть присущи реалистическому портрету. Так же трудно искать черты реализма в изображении Химеры из Ареццо или Капитолийской волчицы, где все детали переданы с предельной точностью и кроме того протокольная точность сочетается со стилизацией.

В очерке коротко говорится об этрусской керамике; отмечается ее своеобразие как в отношении техники, так и формы. Стоило бы отметить те города, которые производили тот или иной сорт керамики. Например, имеется предположение, что буккеронеро последней стадии его развития, т. е. 560—525 гг. до н. э. и несколько позднее, производилось в городе Кьюзи. Из Орвьето происходили расписные вазы с характерными для Этрурии погребальными сценами и т. д. Автор останавливается также на ювелирном и другом прикладном искусстве, связанном с бронзовыми изделиями. Справедливо отмечается их высокое мастерство и художественная ценность.

Обзор этрусского искусства автор заканчивает кратким разбором этрусской архитектуры, отмечая ее специфические особенности. Но среди них не указано, что в этрусских храмах акцентировался только один фасад.

Интересно объяснение одновременного сосуществования богатейших погребальных склепов с росписями и роскошным инвентарем, состоящим из золотых украшений, расписных и рельефных ваз и других вещей, наряду со скромными могилами в виде колодцев, содержащих на дне урны с прахом умершего и бедный инвентарь. Автор в данном случае придает большое значение социальным традициям в общественном укладе этрусков.

Для полноты характеристики этрусского искусства стоило бы отметить скудные сведения относительно имен этрусских художников. В книге говорится об единственном имени этрусского художника, сохраненного нам историей, Вулке из Вей. Это имя упоминается в третьей главе, в которой, вообще, мы находим еще некоторые дополнительные сведения об Этрурии, что несколько разбивает целостную картину очерка об этрусском искусстве.

В третьей главе рассматривается искусство греческих городов на территории Апеннинского полуострова, при этом показывается сложный процесс взаимовлияний греческого искусства и местного итальянского. Автор не переоценивает влияния греческого искусства, а подчеркивает, что греческое искусство, в свою очередь, подвергалось обратному воздействию. Автор не остается голословным в своем рассуждении о взаимных влияниях, но все же хотелось бы увидеть подтверждение этого на более ярких примерах и особенно в отношении воздействия этрусского искусства на греческое.

С четвертой главы автор переходит к непосредственному разбору искусства Рима. В предисловии говорилось об узости понятия «римский стиль», под которым, в сущности, понимается только «официальное» искусство римской верхушки общества и не учитывается искусство провинций и искусство других слоев римского общества. Прочитав это, невольно ждешь, что автор в своей книге покажет эту сложную дифференциацию римского искусства в каждую отдельную эпоху, но автор лишь частично освещает то, о чем он говорит в предисловии. После разбора культуры народов древней Италии, искусства Этрурии и Великой Греции автор переходит к характеристике основных периодов развития римского искусства, разбирая и останавливаясь именно на памятниках «официального» искусства, «отражающего мировоззрение верхушки римских рабовладельцев», но ни словом не упоминает о памятниках, «которые параллельно существуют» и образуют «художественные течения, которые отражают мировоззрение и других общественных группировок Рима».

Возвращаясь к рассмотрению официального искусства, которому уделяется главное внимание, хочется возразить автору на утверждение, что ранне-республиканский портрет есть реалистический портрет. Ранне-республиканский портрет ведет свое начало от ритуальных восковых масок, где, естественно, точно передавались черты умершего. Тот же принцип документального копирования каждой детали лица был перенесен и на портрет, т. е. ранне-республиканский портрет пошел по пути протоколирования индивидуальных черт, без всякого обобщения и создания целостного изображения со всесторонней характеристикой. Поэтому нельзя портрет этого периода назвать реалистическим.

Искусству римских провинций II—III вв. н. э. в книге отводится особая небольшая глава, где говорится об искусстве Галлии, которое по своему характеру отличается от восточных провинций, имеющих свои традиции, уходящие в глубь веков. Досадно, что автор не дал очерка по истории искусства Северного Причерноморья римского времени, считая его предметом специального исследования.

В этой главе нельзя пройти мимо искусства Юга России в античное время. Это внесло бы еще большую полноту в характеристику развития искусства тех стран, которые входили в сферу влияния Римского государства, не будучи римскими провинциями.

Глава шестая, посвященная концу I—началу II в. н. э., обнимает три периода в римском искусстве: эпоха Флавиев, Траяна и Адриана. В этой главе нет четкой характеристики искусства эпохи Флавиев и Траяна. В изложении автора они переплетаются между собой, и поэтому трудно понять, чем отличается стиль одной эпохи от другой.

Стиль скульптуры эпохи Флавиев характеризуется дробным нагромождением форм, а реалистический портрет этого времени построен на мягкой игре света и тени, на мягких линиях. Все это отличает портрет эпохи Флавиев от портрета эпохи Траяна с его возвращением к традициям республиканского портрета. В книге же вообще отсутствует упоминание о портретном искусстве времени Траяна.

Для полноты характеристики основных черт стиля эпохи Флавиев хорошо было бы остановиться не только на скульптуре, но и на живописи. В эту эпоху сложился так называемый «четвертый», или «иллюзионистический», стиль помпейской живописи, который продолжал существовать и в последующее время. В стенных росписях помпейских домов, открытых при археологических раскопках, наблюдается то же нагромождение форм, которое свойственно скульптуре времени Флавиев, как это отмечал автор.

Разбор 4 стилей помпейской живописи объединен автором в одной главе (5), но полнота характеристики стилей различных эпох сильно выиграла бы, если бы разбор стиля скульптуры был подкреплён данными о стиле помпейской живописи той же эпохи. В «Очерке истории римского искусства» отсутствует искусство времени Юлиев — Клавдиев, которое интересно тем, что строилось много грандиозных сооружений общественного и частного порядка. Нельзя не упомянуть постройки Клавдием грандиозного акведука (Aqua Claudia), сооружения, столь характерного для римского инженерного искусства, постройки гавани в Остии и, наконец, такого предприятия,

связанного с именем того же императора, как спуск Фуцинского озера. Нельзя не упомянуть также и факта постройки Нероном роскошного дворца, известного под названием «Золотого дома» Нерона.

В «Очерке по истории римского искусства» привлечен и использован огромный материал, который ввиду небольшого размера книги изложен крайне кратко, и, естественно, у читателя может возникнуть желание углубить и расширить свои представления по тому или иному заинтересовавшему его вопросу. В данном случае читатель окажется в трудном положении ввиду отсутствия библиографии.

Хорошим дополнением в книге являются прекрасно выполненные иллюстрации, позволяющие читателю познакомиться с памятниками, хранящимися в собрании Государственного Эрмитажа, и памятниками из других коллекций. Правда, в подписях к иллюстрациям допущены некоторые мелкие неточности: например, подпись в таблице XIII, очевидно, следует читать так: «Сосуд с крышкой, буккери (VI в. до н. э.), глина, Ленинград, Эрмитаж». На таблице, следующей за таблицей XXXIV, нет очередного номера.

В целом книга А. И. Воинойной очень полезна для широкого круга читателей и возбуждает интерес.

Н.П. Сорокина

«ИСТОРИЧЕСКИ ПРЕГЛЕД». София, година трета, 1946—1947 гт., №№ 1—5.

Журнал «Исторически преглед» выходит с сентября 1945 г., является органом передовой болгарской интеллигенции и отражает совершенно новый подход ее к изучению исторических событий. Авторы статей по древней истории, помещенных в пяти номерах третьего года издания журнала, стремятся преодолеть аполитизм и овладеть марксистским методом исследования.

Характерной является работа проф. Димитр П. Димитрова «Революционни движения в Тракия и Мизия през римско време», № 1, стр. 35—51. На основании тщательного анализа многочисленных надписей из Фракии и Мезии автор делает вывод, что на территории современной Болгарии во II—III вв. н. э. происходили социальные движения, возникшие в результате разложения рабовладельческого общества, подобно революционным движениям в западной части Римской империи. Д. П. Димитров полагает, что построенные римлянами по всей стране укрепления (бурги) имели полицейское назначение. «Разбойники», против которых строили бурги, были такими же восставшими, как и «разбойники»—багауды в Галлии. Свое положение автор подтверждает известиями о разорении крестьян и горожан Мезии и Фракии, о столкновениях их с центральной властью.

Д. П. Димитров выдвигает в своей работе проблемы социальной борьбы, не входившие ранее в круг научных интересов болгарских историков античного мира.

Перу доцента Жак Натана принадлежат две статьи. Первая—«Родовой строй у славяните», стр. 24—34. На основе анализа родового строя, данного Энгельсом, и используя выводы советских историков о развитии феодализма у славян, автор показывает, что болгары долго сохраняли пережитки родового строя, некоторые из которых, как, например задруга, исчезли только при возникновении капиталистических отношений.

В статье «Собственност в първобитното общество», стр. 89—96, Жак Натан знакомит широкие круги болгарской интеллигенции с учением К. Маркса по данному вопросу.

Милко Мирчев в заметке «Един извор за вътрешната история на нашите антични градове по Черноморието», стр. 112, знакомит читателей «Исторического прегледа» с выдающейся эпиграфической находкой в Болгарии. Это декрет в честь стратега Меногена, сына Асклепиды, назначенного царем Садалом II, принятый народным собра-

нием города Одесса в середине I в. до н. э. Краткий характер публикации не позволит автору разобрать подробно этот важнейший памятник, обстоятельно изданный чешским Ученым А. Салачем в ВСН, 1931 (55), стр. 43—57.

Христо М. Данов в краткой рецензии на болгарский перевод книги профессора А. В. Мишулина «Античная история Греции и Рима» (стр. 121—123) пишет, что эта работа должна быть прочитана каждым просвещенным читателем в Болгарии. Данов считает эту книгу образцом марксистского понимания вопросов древней истории.

Статья Хр. М. Данова «Към историята на беломорска Тракия през еллинистическата епоха», стр. 129—141, посвящена мало исследованному вопросу об истории южнофракийского побережья в эллинистический период. Автор подчеркивает, что основной чертой этого времени было отсутствие стабильности положения во Фракии. Уделяя много внимания правлению Лисимаха, он останавливается на причинах недостаточной прочности его власти. Данные о восстании греков и фракийцев против Лисимаха в 313 г., затянувшемся на несколько лет, дают основание Данову удачно полемизировать с В. Niese по вопросу о силе военного флота царя, доказав незначительность его размеров. Рассматривая политику диадохов, автор приходит к выводу, что все диадохи добивались господства, или по крайней мере контроля, над важнейшими торговыми путями, ведущими в Эгейское море. Поэтому Птолемеи неоднократно пытались обосноваться на фракийском побережье, откуда они могли бы эффективно контролировать большую часть Эгейского бассейна. И Селевкиды и последние македонские цари старались вытеснить Птолемеев из южной Фракии, но самим им удержаться долго не удавалось. Только пергамские династы владели южнофракийским побережьем около 60 лет. Эта непрочность положения эллинистических монархов на побережье Фракии автор объясняет тем, что внутренняя часть страны оставалась независимой. Интересное исследование Хр. М. Данова вносит ясность в ряд вопросов истории Фракии, остававшихся в стороне при изучении всей истории эллинизма. Особенно ценно то, что автор сравнивает флоты Лисимаха и боспорского царя Евмела и указывает на значительное превосходство последнего.

В рецензии на работу М. И. Ростовцева *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, Oxf., 1941 (244—248), Данов особенно подробно передает страницы, посвященные истории Фракии. Он подчеркивает огромное значение, которое имеет для современной науки труд М. И. Ростовцева, впервые создавшего социально-экономическую историю эллинизма как единое целое и называет его сочинением создающим эпоху. Не являясь марксистом, автор не смог, однако, дать нужную критику общих установок М. И. Ростовцева, которая содержится, например, в рецензии на эту книгу профессора А. Б. Рановича в «Историческом журнале», 1945, № 1—2, стр. 92 сл.

В третьей книге журнала нет статей по древней истории.

В четвертой—пятой книге напечатана статья Христо М. Данова «Впечатленията на двамна очевидци от Тракия през II век от нашата ера» (стр. 533—540). Работа начинается краткой характеристикой римской и греческой литературы во II в. н.э. В последней особенно значительным было течение так наз. «второй софистики», типичный представитель которого Элий Аристид оставил во второй Священной речи записи о путешествии через Фракию по *via Egnatia*. Хр. М. Данов исследует сведения Элия Аристида о характере древних обитателей Фракии, об общем облике страны и т. д., сопоставляет его данные с новейшими описаниями и приходит к выводу, что греческий путешественник был весьма точен и обстоятелен.

Уникальное описание Филиппополя (ныне Пловдива) и его окрестностей содержится в диалоге *Драгисти* (Лукиана Самосатского), где Пловдив и р. Марица получили восторженную оценку. Хр. М. Данов считает возможным отнести посещение Лукианом Филиппополя ко времени перед 170 г. н. э.

Статья привлекает внимание историков к малоизвестным сообщениям античных путешественников, которые весьма важны для изучения древней истории Балканского полуострова.

Т. Б.

В. ЯН, Финикийский корабль, Историческая повесть, Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения СССР, Москва—Ленинград, 1947, 176 стр.

Художественно-историческая литература имеет большое воспитательное и познавательное значение в общей системе воспитания и обучения советских школьников. Поэтому следует приветствовать выход в свет исторической книги В. Яна «Финикийский корабль». Она отличается несомненными художественными достоинствами и исторической правдивостью, поскольку она возможна в пределах исторической повести.

В повести рассказывается о том, как в дом бедного ремесленника Якира, который был послан сидонским царем Хирамом на строительство дворца царя Соломона, явился мудрец Софер. Узнав от сына Якира Элисара о том, что от отца нет никаких известий, мудрец обещает Элисару разыскать отца; Софер и Элисар отправляются в Сидон и Иерусалим, где узнают, что Якир находится на «счастливых островах», которые помещаются за «Столбами Мелькарта». Мудрец с мальчиком предпринимают путешествие для поисков этой страны. Во время плаванья они испытывают ряд приключений, их захватывает в плен страшный пират Лола-Зора, герои повести совершают побег со страшного острова, убежища пиратов, и попадают в Карфаген, а затем после долгого и тяжелого плаванья достигают «счастливых островов».

Автор сумел очень красочно и просто рассказать детям о том, как жили люди в те далекие времена, какие у них были дома, как питались, что и как строили. Вместе с тем он очень умело рисует особенности социальной жизни древнего общества—резкая социальная дифференциация, классовый антагонизм, жестокость рабовладельцев в отношении рабов, невыносимая эксплуатация, которой подвергались рабы и беднота. Купля и продажа рабов, ужасающие условия жизни рабов-гребцов на кораблях финикийцев ярко показаны в описаниях путешествий, в которых автор в занимательной форме знакомит юного читателя с исторической географией древнего мира. Автору удалось также красочно описать условия жизни свободной бедноты: Показан тяжелый труд, нищета бедноты, с одной стороны, а с другой—богатая и беззаботная жизнь верхушки общества, все помыслы которой направлены на обогащение за счет бедноты. Автор живо рисует производственные процессы и технологию ряда ремесленных специальностей: гончаров, кораблестроителей, каменщиков, а также деятельную жизнь больших торговых городов-портов того времени.

Вскрывая жестокость рабовладельческого строя, автор стремится подчеркнуть явления человечности, сострадания, товарищеской поддержки, всегда встречавшиеся среди угнетенных классов, и их ненависть к угнетателям. Воспитывать в детях эти чувства, наряду с отвагой, твердостью, верностью родине и долгу (фигуры мудреца Софера, корабельщика Кадеха и др.),—долг каждого писателя книги для детей, тем более писателя, работающего на историческом материале.

Несмотря на большие достоинства книги, она не лишена и существенных недостатков. Повесть производит впечатление незаконченной: неясно (и особенно молодому читателю), что же случилось с плотником Якиром, из-за которого предприняли такое далекое путешествие его сын Элисар и мудрец Софер, как вернулся Элисар домой к своей матери и друзьям.

Описывая жителей страны «Канар» и «Счастливых островов», автор знакомит своего читателя с жизнью и бытом более примитивных народов, находившихся на более ранней стадии исторического развития. Создавая историческую перспективу и подчеркивая прогрессивность развития человеческого общества, автор излишне идеализирует простоту нравов и благородство жителей этих стран по сравнению с более развитым финикийским общественным строем. «Правда» оказывается у людей более примитивного общественного развития в духе «золотого века» Гесиода. Автору не следовало идти по этому пути, так как это неправильно ориентирует читателя и может заставить его сделать неправильный вывод о каком-то золотом веке, предшествующем цивилизации. Автор сделал бы правильное, если бы его мудрец не обрел «страну справедливости», так как в общественных условиях рабовладельческого строя такое общество неосуществимо и невозможно.

Описывая путешествие мудреца, автор напрасно обошел Грецию, которую следовало бы «навестить», хотя бы на обратном пути героя повести. В это время Греция переживала так называемую гомеровскую эпоху (около 1000 г. до н. э.). Именно в это время после гибели микенской культуры, Грецию усиленно посещали «гости сидонцы». Следовало дать хотя бы беглое художественное описание гомеровской Греции, чтобы читатель получил представление о жизни разных народов Средиземноморья.

Давая подробное описание Карфагена, автор смешивает различные эпохи. Известные нам описания Карфагена у Полибия, Диодора и Аппиана относятся к римскому времени. Даже традиционная дата основания Карфагена—814 г.—на 100—150 лет позднее описываемого времени царствования царя Соломона и сидонского царя Хирама. Ссылка автора (примечание 1-е на стр. 102) на то, что новейшие археологические работы на месте Карфагена говорят о более раннем основании поселений на территории Карфагена, чем указанная традиционная дата, не меняет положения. Описание Карфагена, данное в повести, соответствует высшему расцвету жизни Карфагена уже в римское время.

Автор злоупотребляет изображением орудий из меди, железные же орудия у него совсем отсутствуют, в то время как именно в этот период и даже раньше (1200—1000 г. до н. э.) в Финикии широкое распространение получает железо. Известно, что финикийцы уже в эпоху Тель-Амарны (конец XV в. до н. э.) ввозили в Египет железо. В описываемое время железо появилось даже в средней Европе (Галльштатский период). Автор повести это игнорирует, несомненно, в ущерб исторической правдивости.

Не следовало бы загружать книгу изложением сомнительных гипотез, вроде того, что Канарские острова и остров Мадейра являются остатками исчезнувшего материка Атлантиды, а древние жители этих островов уанчи—остатки «великого народа атлантов, обитавшего на исчезнувшем материке и погибшего вместе с Атлантидой в пучинах океана» (прим. 4 на стр. 169). В то же время автор книги устами самих уанчи говорит, что они некогда прибыли на острова из Африки, бежав от ужаса угнетения. Все это может вызвать только путаницу в головах школьников.

Для писателя—художника, конечно, допустима известная свобода в изложении исторических фактов, но она не должна выходить за пределы исторической адекватности и синхронизма, в противном случае художественное историческое повествование теряет свою познавательную ценность.

При некоторых недостатках в подаче исторических фактов повесть В. Яна занимательна, интересна и обогащает юного читателя ценными историческими познаниями в художественной форме.

А. Я. Абрамович

Новый труд по эллинистическому праву

R. TAUBENSCHLAG, The law of Greco-Roman Egypt in the light of the papyri. 332 B. C.—640 A. D., New York, «Herald Square Presse, Inc.», 1944, стр. XV + 488.

С открытием греческих папирусов история античного права, в частности эллинистического, получила чрезвычайно богатый и притом самый разнообразный материал для восполнения многих пробелов в наших знаниях по этой отрасли древней истории.

Уже через четверть века после массовых открытий папирусов итоги достижений по линии юридического изучения последних были изложены в известной работе М и т-

тейса и Вилькена «Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde» (1912), второй том которой, написанный Миттейсом, содержит очерк права Египта в птолемеевскую и римскую эпохи.

За тридцать с лишним лет, истекших со времени выхода в свет труда Миттейса, накопилось колоссальное количество новых папирологических изданий.

Одновременно с ростом папирологического материала шла интенсивная научно-исследовательская работа в области греко-египетского права.

Естественно, что вполне назрела необходимость в новом обобщающем труде по египетскому праву в свете греческих и латинских папирусов, в котором следовало осветить вопросы, которые оставил без внимания Миттейс, дополнить и исправить то, что уже было им сделано, и обобщить результаты последних научных достижений в этой области. Эту задачу взялся разрешить Р. Таубеншлаг.

К работе над своей книгой Таубеншлаг приступил в 1938 г. еще во время своего пребывания в Кракове, где он был профессором римского права, и, несмотря на потрясения, которые ему пришлось пережить в связи с войной в Европе¹, он успешно справился со своей задачей, создав важное пособие, к которому отныне вынуждены будут обращаться не только юристы и историки права, но также всякий исследователь истории Египта в эллинистическо-римскую эпоху. Таубеншлаг, по его собственному признанию, использовал в этой книге свои прежние исследования по греко-египетскому праву (первые его работы появились в 1907 г. в «Archiv f. Papyrusforschung» и в «Rozpr. Krakow. Akad. Umiejtnosci», но большая часть книги написана заново (стр. VIII).

Рецензируемый труд содержит частное и уголовное право, а также судопроизводство. Автор обещает еще один том, посвященный конституционному и административному праву (стр. 43, сноски).

Работа состоит из 4 глав: гл. I—«Египетское, греческое и римское право в их взаимосвязи» (стр. 1—42); гл. II—«Частное право» (стр. 43—324); гл. III—«Уголовное право» (стр. 325—364); гл. IV—«Процесс и исполнение приговора» (стр. 325—346).

Первая глава носит одновременно характер и обширного введения и не менее подробного заключения. Поскольку она дает общую картину права греко-римского Египта, показывая его важнейшие источники, составные элементы и учреждения, она как бы вводит читателя в гущу предмета; поскольку же в качестве иллюстраций приводятся наиболее интересные явления, более детально рассмотренные дальше, то перед нами как бы заключительные выводы автора. Если к тому же еще добавить, что это единственная глава, выдержанная в сравнительно-историческом плане (да и то не без отступлений), то вполне станет ясным ее значение. Поэтому я и остановлюсь над ней более подробно.

Коренное население жило по египетскому праву, которое в эллинистическую эпоху сохранило свой территориальный характер (ὁ τῆς χώρας νόμος), в римскую же потеряло его, сделавшись лишь народным (ὁ τῶν Αἰγυπτίων νόμος). Попытка кодификации египетского права имела место при Птолемах (стр. 2) и как будто бы во II в. н.э., при римлянах (стр. 3). Греческое население жило по греческому праву, которое было конгломератом из многих элементов в соответствии с пестрым племенным составом греческой иммиграции (стр. 6). Против этого утверждения автора можно возражать, так как вполне вероятно, что греческое право Египта представляло собой лишь копию александрийского права, которое, в свою очередь, восходит к афинскому праву. Последнее обстоятельство находит подтверждение в Р. Оху., 2177, 12 сл.². Унификация греческих πολιτικῶν νόμων в Египте была проведена птолемеевским законодательством (так наз. царские διατάγματα или προτάγματα). Многие из птоле-

¹ После нападения гитлеровской Германии на Польшу 60-летний ученый бежал во Францию (Эн-Прованс), откуда он в 1940 г. был вынужден вторично бежать, на этот раз в Америку.

² Ср. также С. Я. Лурье, рец. на Р. Оху., XVIII в ВДИ, 1947, № 1, стр. 111. Свидетельство Р. Оху., 2177 не использовано в достаточной мере ни у Таубеншлага (стр. 6 и сл.), ни у Серге («Byzantion», XVII, стр. 401). Таубеншлаг упоминает Р. Оху., 2177 лишь в связи с деликтом ὕbris (стр. 330; прим. 30).

меевских постановлений продолжали действовать в эпоху империи. Вероятно, что римляне в середине II в. н. э. предприняли кодификацию так наз. *ἀστικοὶ νόμοι* (стр. 11).

Надо заметить, что это уже третья очень смелая гипотеза на протяжении первых 10 страниц. Затем автор рассматривает взаимное влияние греческого и египетского права (стр. 14 сл.). Сюда относятся в первую очередь усвоение египтянами греческих форм отпущения рабов на волю, греческих форм договорных обязательств, греческого поземельного права; усвоение греками египетских норм семейного права (власть матери над детьми, так наз. *ἄραφς γαμς*, полигамия¹ и наследственного права (равноправие дочери при наследовании, привилегированное положение старшего сына). Римское право, которое пришло вместе с римским завоеванием, касалось главным образом римских граждан, но оно оказало сильное воздействие на местное право через императорские постановления, законодательство префектов (например, эдикты Тиберия Флакка, Wilcken, Chrest. 13; Семпрония-ibid., 19), судебную и нотариальную практику. Романизация местного права выражается в введении римских формул в контракты (стр. 30 сл., 251, 263, 310), в подражании римской опеке над малолетними (*cura minorum*) и универсальному фидеикомиссу (стр. 46, 147). Наряду с этим римское право в Египте эллинизировалось. Так, в области личного права признается правоспособность (?) раба (стр. 33, 37), способы освобождения рабов (манумиссия перед агораномимами, *m. inter amicos*) принимают местные черты (*m. vindicta* исчезает после CA и дарования прав гражданства всем свободнорожденным жителям империи), *patria potestas* превращается в опеку (*ἀποχρήσις*); в области брачного договора мы видим заимствование формулы *ἐστράχησι* (после имени каждого свидетеля); в области завещания встречаем вместо приказаний пожелания и многое другое.

Таким образом, в Египте в эпоху империи действовали две системы права (стр. 37): романизованное местное право (лишь в незначительной степени имело применение к римлянам) и эллинизированное римское право (только для римлян). Многие учреждения местного права (например, брак свободнорожденных с рабынями, *μνηστὴρ ἐξουσία*—*locatio-conductio liberarum personarum*) вошли в византийское право (стр. 39 сл.).

Вторая глава начинается разделом, посвященным личному праву. Быстро рассмотрены права юридических лиц (фиск, автономные города и метрополии, *κῆμη* в византийский период²). Затем автор переходит к правам физических лиц (свобода, рабство, вольноотпущенничество). Подробно рассмотрены категории и наименования рабов, источники рабства (плен, задолженность, самопродажа, *ἀνδραποδισμός* и происхождение от рабов), права хозяина в отношении рабов и юридическая правоспособность (?) рабов. Сомнительным кажется утверждение Таубеншлага, что, в то время как по личному и вещному праву раб считался вещью, в денежном и семейном праве он часто выступает как субъект права (ср. перечень юридических сделок, в которых участвуют рабы, на стр. 67—68). Нельзя забывать, что если раб и пользуется некоторой юридической самостоятельностью, то он выступает как представитель хозяина, который за него несет юридическую ответственность (аналогично Dig., XV, 1). Отмеченная Таубеншлагом двойственность юридического положения раба—результат того, что с точки зрения античного права раб—вещь (*servi sunt res*), но личность раба все время дает о себе знать.

Рабовладельческое право вынуждено в некоторых случаях видеть в рабе юридическое лицо, но отсюда еще далеко до того, чтобы говорить о правоспособности раба, как это делает Таубеншлаг. Раздел заканчивается рассмотрением форм отпущения рабов на волю, о которых речь была выше.

¹ Греческие брачные договоры доримского времени имеют иногда любопытную оговорку о запрещении многоженства (Таубеншлаг, стр. 78).

² Таубеншлаг, повидимому, вслед за историками-модернизаторами, как, например, Ростовцов («Archiv. f. Pap.», III, 214; Kolonat, 192 и 218) склонен отрицать юридический характер общин *δημόσιοι γέφυροι*, хотя Preisigke (Griewesen im griech. Ägypten, стр. 80 сл.) убедительно доказал, что они были настоящими юридическими лицами.

Второй раздел посвящен с е м е й н о м у праву. Здесь рассмотрено брачное право (эндогамия и полигамия, смешанные браки, брачный договор и развод), *patria potestas*, *materna potestas*, опека (над малолетними и женщинами) и наследственное право. Автор указывает, что, в связи с тем, что нынешний уровень науки не позволяет окончательно разрешить все эти вопросы, его «трактровка брака в птолемеевскую и римскую эпохи основана на гипотетических посылках» (стр. 88, прим. 54). По его мнению *ἐγγράφος ὕψος* — это лишь новое название для *συγγράφῃ συνοικισίῳ* птолемеевской эпохи, а *ἄγραφος ὕψος* — для египетской формы брака на основе неписанного соглашения (стр. 87—88). Небезынтересно, что браки между братьями и сестрами, несмотря на запреты, практиковались даже римлянами (стр. 83—84). Хотя отцовская власть была господствующим началом в семейном праве греко-римского Египта (стр. 113), в определенных случаях признавалась также власть матери. С согласия мужа (при его жизни) она выдавала детей замуж, отдавала их на усыновление и в услужение, имела некоторые права над их имуществом и т. д. (стр. 114 сл.). Вдова, а также мать, не состоящая в законном браке, имела неограниченную власть над личностью детей и ограниченную над их имуществом (стр. 117).

Очерк о наследственном праве имеет своей отправной точкой монографию К р е л л е р а «*Erbrechtliche Untersuchungen*», 1920, причем, как замечает автор, он старался привлечь внимание лишь к основным проблемам в рамках систематического изложения материала (стр. 137, сноски). Наследование при отсутствии завещания было построено на системе родственных классов, отличной от греческой (старший сын получал двойную долю, дочь — равную долю с младшими сыновьями и т. д.). Завещание (*διδήκη*) должно было быть составлено у нотариуса. Римские завещания в Египте составлялись на греческом языке, но по латинским формулярам (до времени Александра Севера писались по-латыни, а затем переводились). Освещены в этой связи также разные смежные вопросы, как, например, объявление и отмена завещания, оговорки о наследстве в брачных договорах и договорах об усыновлении, вступление в наследство, ответственность наследника, *donatio mortis causa*, *divisio parentis inter liberos*, *successio contra tabulas* и др.

В третьем разделе изложено в е щ н о е право. Первая часть раздела посвящена вещному праву, вторая — обязательствам. Автор здесь касается терминологии (владение, собственность), *βελισθήκη ἐγκτήσιον*, ведавшей регистрацией поземельной собственности, сервитутов, аренды (долгосрочная), приобретения собственности, залога (заклад — *ὑπάλλημν*, *ὑποθήκη*) и т. д. Уже в птолемеевскую эпоху, думает Таубеншлаг, существовала частная собственность на землю (строительные участки, виноградники). Пахотная земля находилась в переходном состоянии к частной собственности (стр. 175—178). Во второй части изложены теория обязательств, оформление договоров и различные контракты (продажа, заем, аренда, *locatio-conductio* недвижимой и движимой собственности, *locatio-conductio* рабочей силы, *pacta*, *conditiones* и многое другое. Некоторые изложенные в этой части вопросы имеют довольно спорный характер, как, например, *κατήχη*, в отношении которой Таубеншлаг ограничивается лишь кратким изложением «своей собственной точки зрения» (стр. 240). Нельзя согласиться с некоторыми взглядами автора на состояние *παράσιον*. Состояние это возникало либо в результате договора о найме (*συγγράφῃ παράσιον* или просто *παράσιον*), либо в результате акта манумиссии-отпущения на волю (редко в папирусах). Таубеншлаг отмечает, что формулы договоров о найме такие же, как если бы речь шла о рабах (стр. 280). Вероятно, он хочет этим сказать, что резкого различия между наемными рабочими и рабами не делалось¹. Однако вслед за Вестерман он склонен видеть в вольноотпущеннике при *παράσιον* лицо, находящееся во власти (под *potestas*) патрона (стр. 218, прим. 77). Надо сказать, что этим, на мой взгляд, не исчерпывается юридическая природа состояния *παράσιον*.

¹ Ср. также С. Я. Л у р ь е, Движение свободных рабочих в древней Греции, Уч. Зап. ЛГУ, № 39, 1939, стр. 16.

Если, с одной стороны, вольноотпущенник (resp. законтрактованный работник) лишен свободы передвижения и должен «пребывать» (*παρμένειν*) при хозяине, то, с другой стороны, надписи подчеркивают, что хозяин, наказывая вольноотпущенника, не должен забывать, что перед ним свободный (например, CDJ, 1714, 1161; RIJG, II 2—3, p. 275). Вернее поэтому видеть в *παρισού* своеобразное промежуточное положение между рабством и свободой.

Третья глава, которая содержит очерк у г о л о в н о г о права, выполнена наиболее слабо. Автор почему-то ограничился повторением своей работы, написанной в 1916 г., правда, с привлечением нового пояснительного материала из вновь опубликованных папирусов¹. Таубеншлаг рассматривает здесь преступления (деликты) против физических лиц (убийство, *ἔφρις, βίς*), против фиска, против государства, против религии и морали, а также правонарушения.

Последняя глава посвящена с у д о п р о и з в о д с т в у. Здесь рассмотрены: организация судов, гражданский и уголовный процесс и приведение в исполнение приговоров. Не оставлены без внимания и такие вопросы, как судебные вызовы, адвокатура, исполнительные листы, меры наказания и др.

Вполне понятно, что останавливаться сколько-нибудь подробно на всех проблемах, затронутых в работе Таубеншлага, здесь невозможно. Ограничусь поэтому немногими замечаниями, касающимися как общего характера книги, так и некоторых избранных вопросов.

Существенный недостаток рецензируемого труда это отсутствие историзма. Изложение—догматическое, построенное на формальном принципе. Нет ни малейших попыток увязки истории права с историей государства и общества². Теоретико-юридические построения автора порочны; им присущи общие буржуазной историко-правовой науке недостатки. Неудивительно, что автор часто не может правильно определить место и значение многих юридических институтов, так как для этого необходимо знать марксистско-ленинское учение об общественном развитии³.

Приведу несколько примеров.

Так, говоря о юридическом положении рабов (стр. 50. сл.), Таубеншлаг переоценивает степень их юридической независимости, впадая в явную идеализацию греко-египетского рабства, против чего справедливо возражал в своей рецензии Сегре⁴. Слишком много увлекается Таубеншлаг и формально-юридическим сходством, не пытаясь проанализировать сравниваемые факты. Например, при сравнении пекулия

¹ На это обратил внимание M. R a d i n, «Classical Philology», XLI, 1 (1945), стр. 167 (рец.).

² Лишь в виде исключения встречаем у Таубеншлага такие абзацы: «Администрация (римская.—Б. Н.) рассматривала это как хорошую политику для того, чтобы насадить среди народа принудительное «арендное держание» (compulsory lease-holds) прилегающей земли как своего рода прикрытую компенсацию с целью покровительства развитию частной собственности» (стр. 204).

³ Даже в своей специальной работе, посвященной общинному землевладению на римском Востоке (Spółnoty gminne w zromanizowanych prowincjach rzymskiego Wschodu, «Rozpr. Polskiej Akad. Umiejętn.», wyd. hist. filozof., serja II, t. XXXVIII (63), N. 3, Kraków, 1921), он оперирует понятием «аграрного (общинного) коммунизма», под которым он понимает следующую совокупность признаков: периодические переделы земли, запрещение продавать землю, приоритет соседей при покупке земли, право проходить, брать воду и охотиться на чужом участке. Понимания того, что общинное землевладение переживало сложное историческое развитие, у Таубеншлага не находим. Поэтому он не видит общины там, где она есть (соседская и сельская община), а ищет ее там, где ее уже давно нет и где от нее остались лишь слабые воспоминания (сервитуты, регрент).

⁴ Сегре пишет, что если бы Таубеншлаг оказался прав, то греко-египетское рабство надо было бы признать неполным рабством. Но, будучи и сам чужд подлинной науке о развитии общества, Сегре вынужден для опровержения Таубеншлага прибегать к цитатам из... «Хижины дяди Тома» («Byzantion», XVII, стр. 402, прим. 11 и 406)

египетских рабов эпохи империи с древневосточным пекулием он ни словом не упоминает об их качественных различиях. Не показано у Таубеншлага, как традиции и пережитки патриархального рабства, сохранившегося в Египте в птолемеевскую и римскую эпоху, видоизменились под влиянием греческого и римского права о рабах.

Касаясь *materna potestas* (стр. 38, 113—118), автор приводит ценнейший фактический материал о положении египетской женщины, в корне противоречащий греческим и римским юридическим представлениям в этой области. Однако автор не хочет (или не может) осознать, что перед нами осколок глубокой древности, пережиток материнского права, и он не находит ничего лучшего, как опровергать восходящий к эпохе матриархата обычай именовать детей по матери ссылкой на полигамию (стр. 113, прим.). Странно думать, что полигамия могла быть этому причиной. Полигамию встречаем в Вавилонии, в Ассирии, у евреев и других древневосточных народов, нигде не встречая у них обычая именовать детей именем матери.

К пережиткам матриархата следует отнести также браки между сестрами и братьями¹.

Рассматривая поземельную собственность, Таубеншлаг исходит из неправильного представления о наличии в эллинистическо-римском Египте феодальных отношений. Он говорит о «феодальных держателях» в последнем столетии птолемеевского господства (стр. 179), о первоначальном феодальном характере γῆ κληρονομική (стр. 180) и т. д. Он, конечно, не в состоянии правильно решить вопрос о соотношении землевладения и земельной собственности в Египте. В эллинистическо-римском Египте верховным собственником земли выступает царь или император; лишь постепенно и медленно возникает здесь античная форма собственности (γῆ ιδιόκτητος), которая проявляется как тенденция к установлению частного землевладения на γῆ κληρονομική.

В отношении сервитутов (стр. 193) автор не старается вскрыть, где мы имеем здесь дело с пережитками общинного землевладения и где с новыми явлениями, возникшими в связи с ростом частного землевладения, хотя в свое время автором была сделана попытка охарактеризовать общинное землевладение в восточных провинциях Римской империи².

Игнорирование социальных, классовых корней права заставляет Таубеншлага нередко ссылаться на «национальный характер» как на последнее объяснение, хотя сам он дает очень много материала для опровержения такого рода «объяснений». Смешанные браки (стр. 78—79), влияние местного права на греков, а позже на римлян, и, наоборот, влияние греческого и римского права на местное право лишь в самой ничтожной степени (да и то вряд ли) возникли вследствие «национальных» особенностей египтян, греков и римлян. Эти явления—результат сложного взаимосплетения экономических, общественных и политических причин. Там, где Таубеншлаг видит лишь «национальные» особенности, как, например, в отношении египетского ἄρχος γάμος (стр. 84), мы часто находим стадийные явления. Такая форма брака засвидетельствована и папирусами Дура—Эвропос (стр. 87).

Книга написана очень сухим и лаконичным языком, что еще более подчеркивает ее конспективный характер. К тому же она мало доступна, так как рассчитана на чрезвычайно подготовленного читателя, основательно знакомого с римским правом и папирологией. Автор не утруждает себя объяснением многих специфических выражений, текстов, технических терминов, употребляемых сокращений и т. д. Не-специалист, читая книгу Таубеншлага, вынужден будет обращаться за справками к «Grundzüge» Миттгейса, а это нельзя не признать серьезным дефектом.

Техническое оформление книги на должной высоте. Правда, изредка встречаются опечатки, и притом не только в греческих и латинских словах, но и в английских, что уже отмечалось в рецензиях.

¹ Кагаров (Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 54, 58—59) упускает из виду, что египетские греки, по всей вероятности, не принесли этих пережитков с собой, а переняли их в Египте от местного населения.

² См. Таубеншлаг, Spółnoty gminne.

Книга Таубеншлага насыщена фактическим материалом, приводит обширную библиографию (основная библиография дается в начале каждого раздела), и поэтому является полезным справочным пособием. Но порочность методологии автора не позволяет признать его книгу действительной историей греко-египетского права, которая еще ждет своего автора.

Б. И. Надаль

PIERRE WALTZ, La question d'Orient dans l'antiquité, Paris, Payot, 1942, стр. 368.

Автор рецензируемой книги Pierre Waltz прошел путь, обычный для многих буржуазных ученых. Его путь как ученого—типичное явление для упадочной загнивающей исторической науки Запада. Помимо изданных в разное время переводов античных писателей, он выпустил монографию о ремесленниках Греции в гомеровскую эпоху. Новизна собранного Вальцем материала и свежесть его выводов позволяли ожидать от ее автора новых успехов в области изучения истории античности. Но следующая его работа об Эгейском море, изданная в 1934 г., показала, что автор пошел по пути реакционного направления западной исторической науки, поставив свою исследовательскую работу на службу консервативных политических теорий. Последняя работа основана уже на антинаучных расистских взглядах, воспринятых автором не без влияния немецкой нацистской историографии. Это предопределило всю дальнейшую линию его развития, и рецензируемая книга о «восточном вопросе в античном мире» вполне отчетливо завершает ее.

Искусственно подбирать факты из истории античного мира и находить между ними и современными историческими событиями объективно несуществующие связи для подтверждения своих реакционных теорий стало в настоящее время излюбленным приемом буржуазных историков. Рецензируемый труд П. Вальца является типичным примером применения этого метода, хотя еще в работе об Эгейском море автор показал себя специалистом, тонко и умело творящим замаскированные остро-политические произведения под видом научных монографий.

Уже самое название последней книги П. Вальца—«Восточный вопрос в древности», является тенденциозным и обнаруживает политические стремления автора, содержание же целиком раскрывает истинные позиции Вальца.

Как заявляет сам автор в предисловии, его интерес к теме его новой книги вызван не военными событиями нашего времени. Гораздо раньше последней войны против германского фашизма и первой мировой войны 1914—1918 г., особенно же в ходе балканских войн 1912—1913 гг., Вальц был поражен «большим сходством», в условиях античного мира и нового времени, как, например, в столкновении Афин и Филиппа Македонского, с одной стороны, и «салоникским инцидентом» между Грецией и Болгарией—другой. При сопоставлении событий античной истории и современностью перед автором, как он заявляет, возник вопрос, не вызывались ли они одними и теми же причинами особенно географическими, которые, действуя, по мнению Вальца, одинаковым образом в различные времена, отдаленные друг от друга большими интервалами, время от времени вызывали в одних и тех же областях одинаковые потрясения. Желание рассмотреть эти условия, вызывавшие сходные, как кажется автору, события в самые различные эпохи, и послужило причиной появления в свет настоящей книги.

Несомненно, что уже самый подход автора к избранной им теме является порочным. Ярко бросается в глаза неправильная концепция автора, пытающегося свести причины крупных исторических событий к роли географического фактора. Географическая среда, как это блестяще показано в гениальном произведении И. В. Сталина, является одним из условий развития общества, которая «ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является определяющим влиянием... географическая среда не может служить главной причиной, определяющей

причиной общественного развития, ибо то, что остается почти неизменным в продолжении десятков тысяч лет, не может служить главной причиной того, что переживает коренные изменения в продолжении сотен лет»¹. Таким образом, географические причины не могут, как это думает автор, действовать одинаково в различные времена и вызывать одни и те же явления в одних и тех же географических областях. Так, как Вальц, может рассуждать лишь тот, кто стоит на позициях антинаучного своеобразного «географического фатализма».

Следует отметить, что этот метод вовсе не является новым в буржуазной историографии и еще в конце XIX века западные исследователи в своем безуспешном стремлении найти объяснение историческим событиям и дать общее построение истории древнего Востока, выдвинули на первое место политико-географический момент. В данном случае автор лишь воспользовался, и весьма неудачно, старым арсеналом буржуазной науки.

Еще более порочной является другая методологическая предпосылка автора, что в какой-либо степени сравнимы явления истории нового времени с явлениями истории античного мира. Такое предположение можно сделать лишь, исходя из метафизического, не исторического представления о процессе общественного развития, свойственного антинаучной методологии. Не считаясь с законами общественного развития, и вопреки им, автор модернизирует явления истории древнего мира, усматривает общие черты в событиях новейшей истории с событиями истории античного мира и позволяет себе делать недопустимые для историка сравнения и сопоставления, что неизбежно приводит к грубому искажению исторической действительности.

В своей работе автор избрал в качестве хронологической рамки 395 год, принимаемый им за конец античного мира. Он не ставит своей целью систематическое изложение исторических событий античного мира, он хочет лишь подобрать наиболее характерные моменты, которые могли бы служить канвой для исторических параллелей. Его задача—доказать, что одним из извечных и до сих пор не решенных вопросов истории человечества является так называемый «восточный вопрос». Приводя ряд примеров из истории войн XIX и XX веков, он заявляет, что все эти примеры «позволяют установить, что восточный «вопрос возник еще в античном мире, может быть, менее по воле людей, чем вследствие неотвратимого детерминизма. Возникали большие государства, расцветали блестящие цивилизации, сменяя друг друга в восточном бассейне Средиземного моря и особенно на берегах Эгейского моря; перед каждой из них, по мере того как расширялась сфера ее господства и возрастали силы, возникали одни и те же насущные потребности; чисто экономические потребности влекли за собой одно и то же стремление к территориальной экспансии: движение от внутренних областей к побережью, т. е. желание окружить своими владениями море, над которым требуется обеспечить господство» (стр. 15—16).

Порочным является основное положение П. Вальца о том, что «восточный вопрос» зародился еще в античном мире. На самом деле понятие, термин—«восточный вопрос» вовсе не существовал и не мог существовать в истории античного мира, он вырос и сложился только лишь в XIX веке, в период острой политической, экономической и военной борьбы капиталистических государств за обладание странами Востока, за раздел и передел богатейших восточных земель и является ярким и непосредственным отражением капиталистических противоречий, особенно в период империализма («когда закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»²).

Начало «восточного вопроса» Вальц усматривает в очень раннюю эпоху. Он считает, что первой морской державой, господствовавшей на средиземноморском Востоке, был Крит, эта, по его мнению, первая *Mittelmeer-Macht*. Он утверждает, что первые столкновения в восточном бассейне Средиземноморья относятся к значительно более раннему времени, в котором он ищет первых схваток миграционных масс в районе Эгейского

¹ История ВКП(б), Краткий курс, 1946, стр. 113.

² Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, т. XIX, стр. 143. Изд. 1929 г.

моря. Как только области в этом районе стали заселяться, сама судьба этих народов приводила их к столкновениям в борьбе за лучшие места для поселений (стр. 21).

Первое проявление «экономической экспансии» автор усматривает на Кикладах, где минеральные ресурсы способствовали развитию керамического производства и вывозу его продукции в соседние области, а затем и подражанию этой продукции в этих районах. Но к началу бронзового века центр Эгейского бассейна переместился, и Кикладские острова превратились в мост как между Грецией и Малой Азией, так и между странами Севера и Критом. К последнему скоро переходит первенство в экономических связях. К 1750 г. до н. э. Крит основывает свои колонии в соседних государствах, его деятельность простирается на весь восточный бассейн Средиземноморья.

Во всех этих событиях, как видно всякому, не имеющих ничего общего с современными империалистическими войнами, П. Вальц усматривает уже проявление борьбы за разрешение «восточного вопроса» (стр. 28—31).

Поиски борьбы вокруг «восточного вопроса» автор продолжает и в последующих периодах истории древнего мира. Столкновения между талассократиями, «морскими державами», он считает следующим этапом этой борьбы. Как отмечает автор, господство Крита пало к 1450 г. под ударом ахейских переселений. Стремясь показать борьбу между этими двумя «морскими державами» глубокой древности, автор пускается в рассуждения по поводу истории континентальной Греции. В XVI в. до н.э. влияние Микен, превратившихся в важный экономический центр, сказывалось от Коринфского перешейка до мысов Малей и Тенара, от Эгейского моря до берегов Мессении и Элиды. В последующее время господство неоспоримо переходит к ахейцам. Они поддерживают отношения с Египтом, Вавилоном, государством хеттов, распространяют свою власть на все соседние острова азиатского побережья. Хеттские летописи, открытые в Богазкёе, показывают, как отмечает автор, что с XIV в. до н. э. местные поселения Киликии должны были сражаться против ахейцев, стремившихся обосноваться на их территории, что во второй половине XIII в. ахейцы высадились со ста кораблей в Ликии, откуда они были оттеснены войсками царя хеттов Тудалия III.

В последующих главах автор излагает основные этапы истории народов Эгейского бассейна.

Успехи, достигнутые колонизацией к VII—V вв. до н. э., естественно, должны были привести греков к столкновениям с окружающими их народами. Истории этих столкновений, особенно греко-персидским войнам, посвящена третья глава книги (стр. 68—102). Против Греции, говорит автор, не было морской державы, которая могла бы с ней соперничать. Столкновение оказалось возможным, следовательно, лишь с сухопутной державой. Такой державой явилась Персия. Греко-персидские войны автор считает также одним из важнейших этапов в борьбе вокруг «восточного вопроса» в древнем мире. Правильно отмечая, что в руках афинян Делосский союз, основанный на равенстве всех греческих государств, бывших его членами, превратился в орудие господства Афин, автор впадает в модернизацию, говоря об «афинском империализме», выражавшемся в стремлении завоевать Египет и овладеть островом Кипр (стр. 93). Здесь мы снова видим стремление автора показать, что между войнами античного мира и войнами эпохи империализма нет существенного различия, что империалистические войны новейшего времени не вносят ничего принципиально нового в характер международных столкновений.

Кризис, началом которого были греко-персидские войны, казалось, разрешился в пользу Персии, установив ее господство в греческих городах Азии и дав ей возможность вмешательства во внутренние дела Греции. Относящуюся к этому периоду борьбу между Афинами и Спартой автор также относит к кругу «восточного вопроса», за морскую гегемонию в Эгейском бассейне. Борьбу между этими греческими центрами автор считает причиной их ослабления и последующего поражения в борьбе против Македонии (стр. 118—119).

Называя походы Александра Македонского апогеем борьбы за «восточный вопрос» в древности, автор считает его империю «эфемерным созданием», не оставившим никакого следа в истории (стр. 134—136). Он утверждает, что созданные Александром эллинистические монархии в Азии и Африке, должны были, на основе излюблен-

ного автором «детерминизма» (стр. 143), снова обратить свои интересы к районам Средиземноморья. «Если-бы, — утверждает автор, — этот режим (режим Александра Македонского. — Б. Г.) утвердился бы, «восточный вопрос» был бы разрешен на длительное время» (стр. 145). Но кратковременность царствования Александра не позволила ему вызвать к жизни прочное, длительное творение и создать полное слияние Запада и Востока.

Хотя это и не входит в основное содержание рецензируемой книги, тем не менее мы отметим, отбрасывая нелепое утверждение Вальца о том, что эллинизм мог бы «разрешить» восточный вопрос, что автор проявил недооценку культуры эллинистической эпохи, оказавшей такое глубокое влияние на все последующее развитие античного мира.

Следующий этап борьбы за решение «восточного вопроса» автор видит в римском завоевании, рассматриваемом им в 6-й и 7-й главах (стр. 171—249). Автор показывает, что вторая треть II в. до н. э. является поворотным пунктом в судьбах Ближнего Востока, когда центр столкновений все более перемещался на берега Черного моря. Судьба Востока была, оказывается, опять предрешена, на этот раз уже римскими завоеваниями.

В 8-й главе автор рассматривает организацию рах Ротана на Востоке, борьбу Антония, в которой финалом была битва при Акциуме и победа Октавиана, который закончил «романизацию» (стр. 259) последнего эллинистического государства, номинально еще оставшегося свободным. Автор видит в этом завоевании один из важнейших этапов в борьбе за разрешение «восточного вопроса». Основными чертами этого этапа он считает борьбу за важнейший морской путь, пересекавший Эгейский бассейн и соединявший страны с богатейшими естественными богатствами, такие как Египет, южную часть «Скифии» и западную Азию (стр. 259—260).

Установление в Риме принципата и дальнейшее усиление императорской власти П. Вальц объясняет лишь непосредственным результатом победы Рима в борьбе за разрешение «восточного вопроса». Именно потому, что Октавиан понимал значение присоединенного к империи Востока, он и предпринял, по мнению автора, реорганизацию всего политического строя империи (стр. 260—261). Вообще во всей огромной перестройке государственной власти, имевшей такое большое значение в истории Римской империи, автор видит всего лишь «реформу» 27 г. в управлении провинциями. Но даже и эту «реформу» автор не понимает, что особенно видно из его утверждения, что в течение первых двух-трех веков нашей эры в административных и социальных условиях провинций не произошло никаких изменений (стр. 264). Автор, который рассматривает весь ход истории Рима и в этот период лишь как борьбу за разрешение «восточного вопроса», не видит, что создание Средиземноморской империи вызвало огромные сдвиги в экономике империи и особенно ее далеких провинций.

Девятая глава, являющаяся продолжением предыдущей об организации рах Ротана посвящена защите границ от варварских вторжений (стр. 287—326) и организации обороны империи. Наконец, последняя десятая глава книги посвящена варварским вторжениям и разделу империи (стр. 327—357), который автор считает событием, отделяющим историю античного мира от истории средневековья. Причину варварских вторжений автор видит только в перенаселении занимаемых ими территорий и стремлении занять более плодородные земли, получив, таким образом, лучшие условия существования.

Таким образом, автор на протяжении всей истории античного мира усматривает одни и те же причины непрекращающейся борьбы за господство в бассейне Эгейского моря. Перечисляя этапы этого пути, П. Вальц утверждает, что наиболее характерным для каждого из этих этапов является удар континентальной державы, стремящейся пробиться [к морю, против морской державы. Для того чтобы в оспариваемых районах возникла какая-нибудь определенная стабильность, по мнению Вальца, нужно было создать мощное государство, которое господствовало бы над азиатским побережьем, над европейским склоном Эгейского моря и над берегами проливов] Пропонтиды. Здесь мы уже видим откровенную проповедь исто-

рической необходимости «сильной руки» на Востоке, к чему так стремятся современные империалистические державы, и в результате чего только и возник, разбираемый автором, так называемый «восточный» вопрос. Сами географические условия, по мнению автора, привели к созданию «балканского вопроса» (стр. 361—362), который с такой силой проявился в новое время.

Как мы видим, этот вывод, подводящий итоги исследования, показывает полную несостоятельность его автора. Перед нами не научный труд по истории древнего мира, а политическое произведение буржуазного ученого, в котором примеры из древней истории служат лишь маской для обоснования закономерности, неизбежности и целесообразности современной восточной экспансионистской политики империалистических держав англо-саксонского блока. Эта книга весьма показательна для установления той роли, которую играют современные модернизаторы древней истории.

Б. Т. Горянов

HELENE VON ZEISSL, Äthiopen und Assyrer in Ägypten. Beiträge zur Geschichte der ägyptischen «Spätzeit», «Ägyptologische Forschungen», herausgegeben von Alexander Scharff, Heft 14, Glückstadt und Hamburg, Verlag J. J. Augustin, 1944, 92 стр.

Значительное количество письменных и вещественных памятников, относящихся к истории Нубии, рассеянных по музеям мира и опубликованных иногда в редких и трудно доступных изданиях, заставляют с особым вниманием относиться к каждой книге, посвященной столь мало изученному прошлому этой страны.

Небольшая монография начинающего австрийского египтолога Елены фон Цейссль «Эфиопы и ассирийцы в Египте» является ее докторской диссертацией, представленной в Венский университет, и оказывается, таким образом, первой пробой творческих сил автора. Это обстоятельство дает нам возможность судить не только о высказанных молодым автором взглядах в области малоизученных еще вопросов древней истории, но и о характере университетской подготовки, получаемой молодыми специалистами капиталистических стран. Включение работы Цейссль в серию «Ägyptologische Forschungen» свидетельствует о том, что она получила признание зарубежной науки.

Справедливо подчеркивая в кратком предисловии недостаточную изученность так называемой «эпохи упадка» Египта, несмотря на ее важность для выяснения общего хода исторического развития этой страны, автор заявляет о своем стремлении представить в кратких чертах «изображение времени эфиопов и ассирийцев», тем более, что «этот период египетской истории никогда обособленно и замкнуто не рассматривался». Таким образом, работа фон Цейссль является как бы естественным продолжением книги шведского египтолога Т. Севе-Седерберга «Египет и Нубия», где история взаимоотношений обеих стран доведена до конца Нового царства¹.

Однако намеченная в предисловии программа осталась в действительности далеко не осуществленной. Более или менее подробно рассмотрены в ней только отдельные вопросы—прежде всего хронология и источники; правовые отношения, религия, искусство освещены очень бегло и односторонне, и притом только на основании чужих трудов и мнений, а многие из проблем, в том числе и такие, как проблемы экономики, социальных отношений, внутренней политики, остались вовсе не затронутыми.

«Введение», которым начинается настоящая монография, представляет беглый обзор внешнеполитических событий от конца XIX династии до гибели Бокхориса, составленный на основании общих и некоторых специальных трудов. Здесь вызывает возражение безоговорочное утверждение, что «Нубия полностью переняла египетскую цивилизацию» (стр. 9). Это верно лишь в отношении господствующих слоев Напатского царства, да и то с оговорками. И данные археологии и памятники искусства неопровержимо свидетельствуют о существовании туземной самобытной культуры, приведшей в сочетании с египетским влиянием к возникновению своеобразных храмов и рельефов Напаты, а впоследствии и Мероэ. Кроме того, массы местного населения,

¹ См. рецензию на эту книгу в ВДИ, 1948, № 1, стр. 130—133.

как доказывает инвентарь погребений, в значительно меньшей степени подверглись воздействию цивилизации Египта. Едва ли можно согласиться и с замечанием, что «правление энергичных монархов (XXV династии—*И. К.*) вывело его (т. е. Египет—*И. К.*) не на долгий срок из состояния слабости... однако оно заложило основание для нового и последнего расцвета самостоятельного Египта». Ведь не только военными талантами или дипломатическими способностями эфиопских династов следует объяснить длительное сопротивление их Ассирии и объединение Египта в единое целое. В основе лежат более глубокие причины, которые автор игнорирует или сознательно, или в силу методологической беспомощности. В данном случае нельзя игнорировать усиление египетской общины, вызванное и реформами Бокхориса и, возможно, внутренней политикой Пианхи и его преемников, а также хитросплетений внешней политики и военный потенциал союза нубийских племен.

Непосредственно к теме автор переходит в первой главе, посвященной Шабакке. Его интересуют исключительно вопросы хронологии, в которой он придерживается схемы Эд. Мейера, и источниковедения, как, впрочем, и почти во всех остальных главах, особенно третьей—«Шабатака», четвертой—«Тахарка», шестой—«Танутамон и Псамметих», седьмой—«Князья, верховные жрецы и чиновники Египта во время господства эфиопов и ассирийцев» и восьмой—«Супруги бога и царицы». Цейссл прежде всего устанавливает генеалогию и родственные отношения фараонов XXV династии и их близких, уточняет даты их правления и жизни, в затем подробно перечисляет все известные ей памятники, относящиеся к упоминаемым лицам. По каждому вопросу она приводит господствующие в науке точки зрения, а затем присоединяется к одной из них, иногда лишь несколько дополняя или уточняя ее собственными догадками в некоторых деталях, как, например, о времени захвата Фив ассирийцами (приводится мнение Д. Брестеда—стр. 43), о числе фараонов, носивших имя Пианхи (здесь она придерживается взглядов Д. Рейснера—стр. 11), о титулах «супруг бога» (стр. 67) и т. д. Правда, в последнем случае, Цейссл возражает датскому египтологу Сандер-Гансен, полагая, что не оправдана догадка последнего о том, что если в надписи одновременно упоминаются «супруга бога» и ее приемная дочь—наследница, то первая называется *hmt ntr* («жена бога»), а вторая «*dw'tt ntr*» («почтительница бога»). Во всем прочем она принимает его выводы. Подобные примеры легко умножить, ибо собственные взгляды и мнения автора высказываются редко и только в частных случаях, хотя автор провел большую работу по сбору и систематизации материала. Между тем, некоторые спорные вопросы, как представляется нам, можно было бы дополнить новыми аргументами. Совершенно справедливые возражения ее Г. Готье, высказавшему предположение, что власть Шабакки не распространялась на Нубию, так как южнее Эдфу не найдено ни одного памятника этого фараона (стр. 15), были бы гораздо убедительнее, если привести еще одно доказательство, а именно: едва ли Шабакка и Шабатака были бы похоронены на семейном кладбище напатских царей в Эль-Курру, если бы владения этих фараонов не выходили за пределы Египта. Не найдено также ни одного доказательства правления в Напате в ту пору какого-либо иного потомка Пианхи, как склонен полагать Г. Готье. Характерно также, что Тахарка и Танутамон после поражения бегут в Напату. Очевидно, они не сомневались в прочности своего положения там.

Малочисленность памятников Шабатаки, возможно, объясняется тем, что Тахарка, будучи сыном Пианхи и считая себя наследником египетского престола после смерти Шабакки, рассматривал Шабатаку как узурпатора и стремился уничтожить следы его царствования.

Нельзя не возразить против высказанного на стр. 36 (прим. 180) суждения о том, что на знаменитой стеле Асархаддона, высеченной в Зендширли у устья Нар эль-Кельб, изображен Тахарка. Сохранившиеся скульптурные портреты последнего, в частности превосходной работы бронзовая статуэтка собрания Государственного Эрмитажа, изданная Н. Д. Флиттнер¹, на которую между прочим Цейссл ссылается, подтверж-

¹ Н. Д. Флиттнер, Портретная статуэтка Тахарки, сборник статей, «Античный портрет», Ленинград, 1929, стр. 11—12.

дают, что трон фараонов занял человек не негритянского происхождения или с незначительной примесью негритянской крови. О не-негритянском происхождении эфиопской династии свидетельствуют и раскопки Д. Рейснера, заставившие полностью пересмотреть все установившиеся на этот счет взгляды. Во всяком случае, Тахарка негром не был, если даже и признать, что египетские художники идеализировали его черты и придавали им сходство с Пиопи I или Рамсесом II, как считает Н. Д. Флиттнер. На стеле же из Зендширли изображен негр с ярко выраженными физическими особенностями. Известно также, что Тахарке удалось избежать ассирийского плена, хотя вся семья его попала в неволю. Поэтому правильнее предположить, что Асархаддон велел увековечить на стеле сына царя—Ушунахуру. Последний мог быть негром по матери, так как через гаремных женщин эфиопские династии этнически все теснее сближались с местным населением.

Таких отдельных спорных вопросов в настоящей монографии имеется немало, и едва ли целесообразно приводить их сейчас полностью.

В монографии имеются главы, посвященные обзору исторических событий и проблемам истории культуры. Две из них—вторая и пятая, озаглавленные «Египет и Ассирия»,—рассматривают отношения этих стран от битвы при Каркаре—853 г. до взятия войсками Ассурбанипала Фив и бегства Танутамона в Нубию. Фон-Цейссл останавливается только на военных событиях, подробно разбирая отдельные спорные проблемы, например, о том, кем является упоминаемый в библии (2 кн. Царей 17,4—5) Со-Сибе анналов Саргона II. Она присоединяется к мнению Хэлла и считает его полководцем Пианхи, вероятно, эфиопом по происхождению. Столь же подробно разбираются причины отхода ассирийской армии от Иерусалима в 701 г., причем в основу изложения и полемики с Сиднеем Смитом, относящим это событие к 675 г., положена работа Альта «Израиль и Египет». Следующее за этим прагматическое описание походов в долину Нила Асархаддона и Ассурбанипала также изредка прерывается небольшими экскурсами или дополнениями по частным вопросам. Так, автор считает, ссылаясь на Штрека, что после смерти Асархаддона продвижение ассирийцев в Египет приостановилось, так как этому должны были воспрепятствовать обычные в Ассирии при смене царей династические смуты. Во всех случаях автор ограничивается постулированием или описанием фактов, редко пытаясь дать им объяснение или установить их внутреннюю связь и закономерность. Там же, где делаются подобные попытки, они носят поверхностный характер, что является следствием методологической ограниченности автора. Так, говоря об устремлении египетской политики в начале правления XXV династии в Сирию и Палестину, он считает причиной этого «воспоминания об египетском господстве в минувшие времена», а также сознание угрозы со стороны Ассирии. Последнее обстоятельство, действительно, имело немалое значение. Но нельзя игнорировать то, что являлось основой внешней политики древневосточных деспотий—грабеж, охота за рабами. Развитие частной собственности в Египте в I тысячелетии до н. э.—частного землевладения и рабовладения—играло существенную роль в попытках фараонов закрепить свою власть в Палестине и Сирии. Что касается Ассирии, то грабеж был вообще основой ее экономики. Между тем Цейссл считает, что желание последней овладеть богатствами долины Нила, в частности нубийским золотом, не были «реальнополитическими причинами» (стр. 18). Таковыми должно считать, по ее мнению, только соперничество за влияние в восточной части Средиземноморья.

Предпоследняя, девятая, глава содержит краткие обзоры правовых отношений, искусства и религии конца VIII—начала VII вв. до н. э. В первых двух разделах указанной главы Цейссл повторяет в кратком изложении выводы и описания специальных работ; по истории права—Зейделя и Пиренна, по искусству—преимущественно Шарффа, а также некоторых специальных публикаций. Что касается религии, то автор удовлетворяется сжатым пересказом соответствующих мест из стелы Пианхи и констатацией того обстоятельства, что «новая, правоверная династия... старалась во всех областях удержать нравы и обычаи предков и оживить их» (стр. 81), не задумываясь над тем, каковы были тому причины. Общая характеристика культуры этой эпохи

ограничивается замечанием о борьбе двух политических и культурных течений: мелких княжеств, на которые распался Египет в эту пору, возглавляемых династиями (большей частью ливийского происхождения), и фиванского жречества, установившего на юге страны теократию. С последней полностью отождествляется Напатское царство. Значение теократического строя, особенно для Нубии, сильно преувеличивается. В действительности, Напатское государство в начале своего существования, переняв внешние черты, свойственные египетской деспотии, представляло собой, видимо, союз отдельных племен с сильными пережитками родового строя, в котором вожди, возглавляющие этот союз, и особенно жречество играли огромную политическую роль. Материальной культуре уделена неполная страница, причем Цейссль с умилением описывает только дворцы, одеяния и «приятную» жизнь знати, богатства храмов. О народе и его быте, как и вообще во всей работе, здесь не сказано ни слова. Игнорирование народных масс—черта, присущая буржуазной историографии,—в полной мере свойственна и фон Цейсслю.

В заключительной главе—«Египет под чужим господством» на основании работ Биссинга, Фогта, Эренберга и Шубарта проводится параллель между властью эфиопов, ассирийцев, персов, греков и римлян и отношением к ним египтян. Здесь правильно ставится вопрос о том, что туземное население по-разному реагировало на попытки подчинения их родины каждым из указанных народов. Однако кроме культурной близости эфиопов к египтянам, их благочестия и заботы о предотвращении угрозы со стороны Ассирии, Цейссль никаких иных причин, которые бы объяснили, почему в народной памяти сохранились столь добрые воспоминания о времени правления XXV династии, не приводит. Автор не понял, что население видело в правителях этой династии не только защитников от внешней угрозы, но и в значительной степени покровителей интересов народных масс, так как в этот период приостанавливается процесс расслоения сельской общины: законы, данные Бокхорисом, остаются, вероятно, еще незабытыми.

Отдельные наблюдения автора или приводимые им взгляды других ученых заслуживают внимания, как, например, истолкование событий, связанных с бегством Ямани, царя Асдода, и находкой в Ниневии печати Шабакки, объяснение родственных связей Шабатаки с Пианхи, на дочери которого, Пианхирити, он женился, или изложение политики князя Фив Монтумехата. Цейссль полностью принимает предложение академиком В. В. Струве сопоставление египетского начертания имени фараона Танутамона с клинописным его написанием Таштамани. Удовлетворительного разрешения этой задачи не смогли предложить ни Г. Штейндорф, ни Ранке, ни Эд. Мейер, ни другие крупнейшие западноевропейские ученые, специально ею занимавшиеся.

Таким образом, при некоторых достоинствах, из которых основные—полнота собранных фактических данных и уточнение некоторых частных вопросов, настоящая монография производит впечатление компилятивного нагромождения материала, расположенного в известном систематическом порядке. В его дебрях порой даже теряется история взаимоотношений эфиопов, ассирийцев и египтян, которой преимущественно посвящена работа. Она оставляет в стороне или очень поверхностно рассматривает другие проблемы, связанные с изучением этой эпохи, столь сложной и противоречивой. По существу Цейссль останавливается там, где должен начаться труд подлинного историка, который видит конечную цель не в одном лишь изложении некоторых событий и накоплении фактов, но в их истолковании и объяснении.

И. С. Кацнельсон

HÜSEYİN NAMİK ORKUN, *Eski türk yazitlari*, İstanbul, I—1936; II—1939; III—1940; IV—1941.

На первый том этих «Древних тюркских надписей» мной уже была дана библиографическая заметка в Сборнике «Язык и мышление» (1940, № 9, стр. 186). Теперь все это издание завершилось в 1941 г. четвертым томом—словарем ко всем тюркским

руническим («орхоно-енисейским») памятникам, которые изданы, переведены и комментированы (с языковой стороны) в первых трех томах Х. Н. Оркуна.

Содержание этих изданных Х. Н. Оркуном томов имеет весьма близкое отношение к нам, советским тюркологам. Ведь большинство памятников, описанных, например, в третьем томе, находится в нашем Союзе (бассейны рек Енисея и Таласа, в музеях и проч.), это же можно частично сказать и о втором томе. А главное, что здесь я хочу отметить: большинство этих памятников древней тюркской рунической письменности впервые было издано и переведено нашим академиком В. В. Радловым. И как бы эти переводы акад. В. В. Радлова, например, енисейских памятников, сделанные в 1895 г., ни были несовершенными, нужно при этом помнить, что все они сделаны были еще тогда, когда в распоряжении тюркологов не было грамматического сочинения (в трех томах) Махмуда Кашгарского (изд. в 1915—1917 гг.) с его большим лексическим запасом и не было лексики из уйгурского переводного сочинения (X в.) «Золотой блеск», найденного в Центральном Китае в 1910 г.

Переводы акад. В. В. Радлова, и только они, с частичными замечаниями проф. В. Томсена, сделали то, что теперь могли появиться и вторичные, уже исправленные и улучшенные переводы, например, труднейших енисейских памятников рунического письма тюрков. Х. Н. Оркун в своем сочинении дает эти каменописные памятники из издания нашей Академии—«Атласа Древностей Монголии» и других сочинений акад. В. В. Радлова. Х. Н. Оркун перепечатывает, конечно, с указанием источников, камни-памятники и снимки с рукописей и их фрагментов из статей проф. В. Томсена, проф. Г. Рамстедта, А. Лекока, проф. П. М. Мелиоранского, проф. В. Л. Котвича и др. Включены Х. Н. Оркуном в свое издание и опубликованные мной памятники (их изображение и текст) из музея г. Минусинска, из бассейна р. Талас (надписи на камнях и на деревянной палочке) и памятник из Монголии, т. е. надпись на «каменной бабе».

В сочинении Х. Н. Оркуна даются многочисленные снимки с памятников-камней и с рукописных. Дается текст тюркскими рунами и в латинской транскрипции и затем турецкий перевод.

Изданы книги в удобном обычном формате—8°.

Мне показалось странным, что Х. Н. Оркун (т. I, стр. 160; т. III, стр. 203), используя, например, очень малый изданный мной памятник из Кой-сары или из Кулан-сай, совершенно не упоминает изданного акад. В. В. Радловым бумажного отрывка см. ИАН, 1910, стр. 1025—1029) со снимком. К сожалению, Х. Н. Оркун не использовал и издания проф. С. В. Киселевым новых поступлений памятников Минусинского музея (см. ВДИ, 1939, № 3, стр. 124—134; ср. там же, 1940, № 3—4). Незначительный вариант дешифровки нескольких рунических букв из уйгурской рукописи (II, стр. 184) дает А. Н. Бернштам в «Записках Института Востоковедения АН СССР», 1939, VII, стр. 304—305. Х. Н. Оркун, естественно, пользуется раньше вышедшей статьей М. Räsänen'a в «Studia Orientalia», VI.

В одной из своих статей по рунике я упоминал о своеобразной подделке рунической надписи в Минусинской степи (см. «Новые памятники с турецкими рунами» в «Языке и мышлении», 1936, VI—VII, стр. 275). В данном случае мне тоже хочется отметить второй подобный факт; я слышал (по моей записи 7 апреля 1937 г.), что руническая надпись из Монголии (см. ИАН, 1934, стр. 631—634; ср. еще «Изв. ЦИК от 15 марта 1934 г.» «Надпись эпохи Тоньюкука») представляет собой подделку, ученую мистификацию. Проверку этого слуха мне сделать удалось теперь, в 1947 г.,—это действительно так: ученая мистификация.

В области изучения тюркских рун на ближайшей очереди теперь стоит издание новых поступлений Минусинского музея (см. публикацию С. В. Киселева) и некоторых надписей из раскопок на Алтае (см. «Советская Археология», 1936, № 1, стр. 282—284 и «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 162 и др.). Без этого издание Оркуна не может быть признано полным.

С. Е. Малов

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ, ПОМЕЩЕННЫХ
В ИЗДАНИЯХ АКАДЕМИЙ НАУК СССР И СОЮЗНЫХ
РЕСПУБЛИК¹**

**I. Известия Академии Наук СССР, «Серия истории
и философии» (1944—1947 гг.)**

В. В. Струве, Надпись Ксеркса о «Дэвах» и религия персов. 1944, том I, № 3, стр. 128—140.

Описание найденного в 1937 г. эпиграфического памятника эпохи Ксеркса и его значение для понимания религиозной политики первых Ахеменидов.

С. П. Толстов, Топрак-Кала. К истории позднеантичного хорезмского города. 1944, том I, № 4, стр. 182—186.

Памятники хорезмской античности, открытые Хорезмской экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР имени Н. Я. Марра во время разведок 1937—1944. К статье приложен составленный экспедицией план хорезмского города.

С. Н. Руденко, Скифская проблема и алтайские находки, 1944, т. I, № 6, стр. 266—275.

Значение алтайских находок для изучения истории культуры Евразии середины I тысячелетия до нашей эры.

К. В. Тревер, «История и культура Урарту», 1945, том II, № 2, стр. 118—120. Рецензия на кн. Б. Б. Пиотровского, изд. АН Армянской ССР, Институт истории, 1944, Ереван, XII+364 стр.

С. П. Толстов, К истории хорезмских Сиявушидов, 1945, том II, № 4, стр. 275—286.

Новые данные по нумизматике древнего Хорезма.

Н. А. Машкин, Из истории римского гражданства, 1945, т. II, № 5, стр. 359—372.

Основные этапы истории распространения римского гражданства. Политическая и социальная значимость этого процесса.

Н. Н. Розенталь, Социальные основы языческой реакции императора Юлиана, 1945, т. II, № 5, стр. 387—393.

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, защищенной в Московском гос. университете 18 июля 1945 г.

Итоги экспедиционной работы Института этнографии и Академии Наук СССР в 1945 г., 1946, т. III, № 2, стр. 196—198.

Материалы сессии Ученого совета института, состоявшейся 19—23 февраля 1945 г. Сессия была посвящена результатам полевых экспедиционных работ в 1945 г.

С. И. Вавилов, Физика Лукреция, 1946, т. III, № 1, стр. 3—16.

Мировоззрение и научные познания поэта-эпикурейца Лукреция. Сравнительная философию и физику Лукреция с современной наукой, автор дает глубокий анализ научного предвидения великого материалиста и замечательного поэта.

С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1945 г., 1946, том III, № 1, стр. 83—86.

В. В. Струве, Поход Дария I на саков-массагетов, 1946, том III, № 3, стр. 231—250.

История похода, изложенная на основании восстановленных слов Бехистунской надписи.

А. В. Мишулин, К интерпретации надписи Эмилия Павла от 189 г. до н.э., 1946, том III, № 4, стр. 341—348.

¹ Составлен Отделом справочно-библиографической и информационной работы Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Новая интерпретация надписи опровергает теорию Моммзена и Ностранда о римской политике «уравнения» племен Иберии и дает новое толкование политических и социальных отношений Рима с иберийским городом Ласкутаной.

В. И. А в д и е в, Академик Б. А. Тураев, 1946, т. III, № 4, стр. 363—368.

К 25-летию со дня смерти крупнейшего русского египтолога.

Н. А. М а ш к и н. Эсхатология и мессиянизм в последний период Римской республики, 1946, т. III, № 5, стр. 441—460.

Характеристика идеологических течений в эпоху гражданских войн после смерти Цезаря.

А. Н. Б е р н ш т а м, Л. Евтюхова и В. Лерашова, Раскопки китайского дома близ Абакана, 1946, т. III, № 5, стр. 479—482.

Рецензия на статью, помещенную в «Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР», вып. XII, М.—Л., 1946.

Л. Е в т ю х о в а и В. Л е в а ш о в а, Ответ А. Н. Бернштаму, 1946, т. III, № 6, стр. 573—574.

Полемическая статья в ответ на рецензию А. Н. Бернштама, помещенную в «Известиях АН СССР, серия истории и философии», 1946, № 5.

К. В. Т р е в е р, Древнеиранский термин «Рагна». 1947, т. IV, № 1, стр. 73—84.

Описание института социально-возрастных групп в древнем Иране.

С. Л. У т ч е н к о, Закон Лициния-Секстия de modo agrogum и его значение для истории аграрных отношений раннего Рима, 1947, том IV, № 2, стр. 153—162.

С. П. Т о л с т о в, Хорезмская археологическая экспедиция Академии Наук СССР в 1946 г., 1947, т. IV, № 2, стр. 177—182.

П. Н. Ш у л ь ц, Тавро-скифская экспедиция 1947 г., т. IV, № 3, стр. 275—292.

Описание открытых экспедицией материалов культурно-исторического развития скифов на территории Северного Причерноморья.

С. В. К и с е л е в, Монголия в древности, 1947, т. IV, № 4, стр. 355—372.

Обзор архивных и музейных собраний по древней истории МНР.

П. В. Т а в а н е ц, Об идеалистической критике аристотелевской теории суждения, 1947, т. IV, № 4, стр. 324—330.

Автор приводит примеры идеалистической критики положений логики Аристотеля и показывает, что формальная логика так же, как и философия, является ареной ожесточенной борьбы идеализма и материализма.

II. Сообщения Академии Наук Грузинской ССР (1940—1947 гг.)

И. А. С и р г у л а д з е, Термины, обозначающие органы родового строя в древнеегипетском языке, 1940, т. I, № 10, стр. 771—778 (Резюме на русском языке).

Пояснение социального содержания некоторых египетских терминов династического и додинастического периода.

С. Н. Д ж а н а ш и а, К политической географии иберского (Картлийского) царства в древнейший период, 1942, т. III, № 7, стр. 722—730 (Резюме на русском языке).

На основе изучения греко-римских источников устанавливаются политические границы Иберии к началу н. э.

С. Н. Д ж а н а ш и а, Античная схема кавказских этнархов и эпонимов, 1943, т. III, № 4, стр. 365—374 (Резюме на русском языке).

На основе сравнительно-критического изучения сообщений античных авторов Геродота, Плиния, Страбона и др. устанавливает существование дохристианской схемы этнархов и эпонимов народов Кавказа и народов соседних южных стран.

Д. Г. К а п а н а д з е, Несколько замечаний о грузино-сасанидских монетах, 1945, т. VI, № 1, стр. 81—88 (Резюме на русском языке).

Полемическая статья о дебатиреваемом в нумизматической литературе спорном вопросе датировки древних грузинских монет.

М. И в а щ е н к о, Находки Самтаврских раскопок, 1946, том VII, № 5, стр. 291—298 (На русском языке).

Н и н о Х о ш т а р и а, Древние поселения Колхидской низменности и проблема их исследования, 1945, т. VI, № 6, стр. 465—473 (Резюме на русск. языке).

Материалы об исследовании искусственных холмов-поселений III тысячелетия до н. э. по начало н. э.

И. Г з е л и ш в и л и, К методике археологических раскопок древних поселений Колхидской низменности, 1945, т. VI, № 6, стр. 475—481. (Резюме на русск. яз.).

И. Г з е л и ш в и л и, Топографическая документация раскопок древних поселений Колхидской низменности, 1946, том VII, № 5, стр. 299—303 (На русск. яз.).

Г. М е л и к и ш в и л и, Центры культа урартских верховных божеств, 1946, т. VII, № 6, стр. 383—389 (На русск. яз.).

При помощи анализа надписей на древних памятниках автор пытается установить идентичность названий города и божества, города и горы.

И. А. Г з е л и ш в и л и, Остатки кремации, погребенные в глиняных сосудах в Абхазии, 1947, т. VIII, № 1—2, стр. 93—99 (На русск. языке).

Отчет археологической экспедиции 1945 г.

III. Известия Академии Наук Азербайджанской ССР (1940—1947 гг.)

Я. И. Г у м м е л ь, Е. И. Крупнов, «Каякентский могильник—памятник древней Албании», 1940, № 3, стр. 115—116.

Рецензия на исследование, помещенное в трудах Московского гос. исторического музея, вып. XI, стр. 5—18, с 2 табл.

Ш е х е р - Б у р у н и пещерные гробницы. 1941, № 1, стр. 91—92.

Краткое сообщение об археологических раскопках в районе старой Ганджи. Исследование местности дает новые материалы о жизни древних обитателей Азербайджана.

Я. И. Г у м м е л ь, Г. Нифадзе. «Раскопки в Алазанской долине», 1941, № 1, стр. 95—96.

Рецензия на книгу Нифадзе, вышедшую в издании Грузинского филиала АН Тбилиси, 1940, 128 стр. с рис.

А. О. М а к о в е л ь с к и й, Демокрит в веках истории. 1941, № 3, стр. 3—18.

Статья, посвященная 2400-летию со дня рождения Демокрита и 100-летию докторской диссертации Карла Маркса о Демокрите.

З. И. Я м п о л ь с к и й, Две заметки к трактовке Страбонова текста об азербайджанской Албании, 1942, № 7, стр. 71—74.

Анализ двух текстов Страбона, иллюстрирующих этапы социально-экономического прогресса древней Албании.

З. И. Я м п о л ь с к и й, О древнейших исторических свидетельствах обычая побратимства кровью и оружием на Кавказе, 1944, № 1, стр. 89—92.

Е. А. П а х о м о в, Монеты Бердаа, 1944, № 4, стр. 67—72.

Описание и перечень монет древнего азербайджанского города.

И. И. М е щ а н и н о в, История Азербайджана по археологическим памятникам, 1944, № 7, стр. 58—68.

И. М. Д ж а ф а р з а д е, Следы древнейшей культуры человека на территории Азербайджана, 1944, № 9, стр. 54—72.

Глава из подготовляемого Институтом истории им. А. Бакиханова Аз. ФАН четырехтомного исследования: «Очерки по истории Азербайджана от древнейших времен до наших дней».

Н. В. М и н к е в и ч, Бронзовая гривна из грунтового погребения близ Минге-чаура, 1944, № 11, стр. 90—91.

Краткое сообщение о находках археологической экспедиции 1941 г., организованной Музеем истории Аз. ФАН. Находки относятся к первым векам до н. э.

Л. П. Ташчян, Курган с массовым погребением в окрестностях города Степанакерта, 1944, № 11, стр. 91—94.

Сообщение Музея истории Аз. ФАН об организованных им в 1939 г. раскопках.

С. М. К а з и е в, Родовой строй в древнем Азербайджане, 1944, № 12, стр. 59—71.

Глава из готовящегося Институтом истории им. А. Бакиханова Аз. ФАН четырехтомного исследования: «Очерки по истории Азербайджана от древнейших времен до наших дней».

Н. В. М и н к о в и ч, Разложение родового общества в древнем Азербайджане, 1944, № 12, стр. 71—80.

Глава из готовящегося Институтом истории им. А. Бакиханова Аз. ФАН четырехтомного исследования: «Очерки по истории Азербайджана от древнейших времен до наших дней».

С. К а з и е в, Итоги археологических раскопок 1944 г. в районе Кабалы, 1945, № 1, стр. 71—3.

Материалы декабрьской сессии 1944 г. Аз. ФАН СССР.

В. Н. Л е в и а т о в, Результаты археологических раскопок 1944 г. на территории дворца Ширваншахов, 1945, № 1, стр. 74—75.

Материалы декабрьской сессии 1944 г. Азербайджанского филиала Академии Наук СССР.

И. П. Ш е б л ы, Архитектурно-строительные остатки Кабалы, 1945, № 1, стр. 73—74.

Материалы декабрьской сессии 1944 г. Азербайджанского филиала Академии Наук СССР.

И. Д ж а ф а р з а д е, Следы культуры каменного века на территории Азербайджана, 1945, № 1, стр. 74.

Материалы декабрьской сессии 1944 г. Азербайджанского филиала Академии Наук СССР.

Т. И. Т е р-Г р и г о р ь я н, К истории Азербайджана. Период разложения родового строя, III—VII вв., 1945, № 1, стр. 75—76.

Материалы декабрьской сессии 1944 г. Азербайджанского филиала Академии Наук СССР.

З. И. Я м п о л ь с к и й, Вопрос о происхождении кавказских албанцев, 1945, № 1, стр. 77—78.

Материалы декабрьской сессии 1944 г. Азербайджанского филиала Академии Наук СССР.

И. М. Д ж а ф а р з а д е, Развитие археологических работ в Азербайджане, 1945, № 6, стр. 125—137.

И. М. Д ж а ф а р з а д е, Академик И. И. Мещанинов—основоположник археологии в Азербайджане, 1945 г., № 7, стр. 23—29.

Очерки по истории Азербайджана, 1946, № 1, стр. 13—72.

Исторические и естественно-географические данные о древних поселениях Азербайджана.

Публикация Института истории им. А. Бакиханова, Аз. ФАН СССР.

М. И в а щ е н к о, Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии, 1947, № 1, стр. 73—80.

Различные способы погребения в Закавказье во II и главным образом в I тысячелетии до н. э. и пути проникновения погребальных обрядов из стран Малой Азии и др.

IV. Известия Академии Наук Армянской ССР (1940—1947 гг.)

К а р о К а ф а д а р я н, Раскопки Кармир-блур (1939 г.). Предварительный отчет, 1940, № 3, стр. 26—36 (На русск. яз.)

А с а т у р Ш а х н а з а р я н, Акад. Я. А. Манандян, «Тигран II и Рим», 1940, № 1—2, стр. 220—227 (На арм. яз.).

Рецензия на труд акад. Манандяна, «Тигран II и Рим», имеющийся и на русском языке.

Б. Б. П и о т р о в с к и й, Предварительный отчет о раскопках археологической экспедиции Эрмитажа на Кармир-блуре около сел. Чарбах, 1939, 1940, № 3, стр. 18—25 (На русск. яз.).

Б а б к е н А р а к е п я н, Заметки по хронологии, 1941, № 1, стр. 61—73 (На арм. яз.).

На основании новых данных автор уточняет даты некоторых событий истории древней Армении.

С. Т. Е р е м я н, Сюния и оборона Сассанидами Кавказских проходов, 1941, № 7 (12), стр. 33—40 (На русск. яз.).

К а р о К а ф а д а р я н, Раскопки могильников в Кировакане, 1941, № 3—4, стр. 55—69 (На арм. яз.).

Автор приходит к выводу, что раскопки в Кировакане обогащают наши сведения о видах древнего оружия (XII—VII вв. до н. э.).

Л. М. М е л и к с е т-Б е к, «История креста Нинь».

К проблеме Моисея Хоренского, 1941, № 9 (14), стр. 59—63 (На русск. яз.).

Л. М. М е л и к с е т-Б е к, К дешифровке армянской надписи на стене с халдской клинописью Менуи, сына Ишпуни, из Куршун-Джами, в Ване, 1941, № 2, стр. 15—19 (На арм. яз.).

С. Т е р-А в е т и с я н, Канал Шамирам, построенный урартским царем Менуасом I, 1941, № 3—4, стр. 35—43 (На арм. яз.).

О канале в районе Вана (Турецк. Армения), сооруженном, согласно халдским клинописным надписям, урартским царем Менуасом I в IX в. до н. э.

А. И. Б о л т у н о в а, Греческие надписи Армавира (Предварительное сообщение), 1942, № 1—2 (15—16), стр. 35—61 (На русск. яз.).

Результаты археологических раскопок в с. Армавир (Арм.ССР)—бывшей резиденции армянских царей (До III в. до н. э.).

М. А. Ш а л д ж я н, Армянские стрелки, 1942, № 1—2 (15—16), стр. 31—34 (На арм. яз.).

Автор приводит свидетельства некоторых армянских и иностранных историков о мастерстве и меткости армянских стрелков в древности.

Г. К а п а н ц я н, О некоторых старых оборотах и выражениях в урартских надписях, 1943, № 3, стр. 47—62 (На арм. яз.).

Статья археолого-лингвистического значения.

Б. Б. П и о т р о в с к и й, Новая страница древнейшей истории Кавказа (II тысячелетие до н. э.), 1943, № 1, стр. 53—59 (На русск. яз.).

О новых памятниках, открытых на территории Кавказа и дающих богатый материал для изучения развития древнейшего общества Кавказа.

Гр. К а п а н ц я н, Об одном хеттском мифе в связи с журавлем и божеством весты, Ереван, 1944, № 1—2 (обществ. науки), стр. 61—72 (На русск. яз.).

Подробный анализ клинописного хеттского памятника и его связь с поверьями разных народов.

Б. Б. П и о т р о в с к и й, Древнейшие этапы истории и культуры Армении, 1944, № 3—4 (обществ. науки), стр. 3—26 (Резюме на русск. яз.).

Состояние археологического изучения древнейших эпох истории Закавказья в связи с новыми материалами, открытыми при раскопках последних лет.

В. С т р у в е, Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, 1944, № 3—4 (обществ. науки), стр. 125—140 (Рецензия на русск. яз. на книгу, вышедшую в Изд. АН Арм. ССР в 1944 г., стр. XII+364).

А. В. С и в к о в, Об основных линейных мерах Урарту и древней Армении, «Известия Академии Наук Арм. ССР», Ереван, 1944, № 1—2 (обществ. науки), стр. 83—88 (На русск. яз.).

Б. Б. П и о т р о в с к и й, К вопросу о происхождении армянского народа, 1945, № 5 (обществ. науки), стр. 7—38 (Резюме на русск. яз.).

Г. В. Петросян, Арифметика в Урарту по урартским клинописям. 1945, № 3—4 (обществ. науки), стр. 55—72 (Резюме на русск. и англ. яз.).

Высокий уровень развития арифметики в Урарту в IX—VII вв. до н. э. и непосредственная связь ее с арифметикой древней Армении.

С. Каварян, Ценное исследование, 1946, № 1 (обществ. науки), стр. 89—97 (На арм. яз.).

Рецензия на труд академика Г. Капанцяна «Культе Ара Прекрасного». Автор дает высокую оценку этому исследованию.

В. В. Струве, Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью, 1944, № 8 (обществ. науки), стр. 31—38 (На русск. яз.).

О вторжении в Армению племени саков в начале эпохи Ахеменидов (VI в. до н. э.) и об их роли в этногенезе армянского народа.

Г. Капанцян, Об урартском божестве Шебиту, 1946, № 11—12 (обществ. науки), стр. 9—18 (На русск. яз.).

Автор приходит к выводу, что выяснение генезиса богов урартского пантеона имеет большое значение при выяснении вопроса о формировании армянского народа.

С. Лисиця, Путь вторжения киммеров в Закавказье, 1947, № 1 (обществ. науки), стр. 3—14 (Резюме на русск. яз.).

На основании ряда данных автор отвергает утверждение академика Я. А. Манандяна (в труде «О некоторых проблемах Армении и Закавказья») о том, что киммеры ворвались в Закавказье по берегу Черного моря (Меотидо-Колхидскому пути), склоняясь в пользу пути через «Дербентские ворота».

С. Н. Замятин, Находки нижнего палеолита в Армении, 1947, № 1 (обществ. науки), стр. 15—25 (На русск. яз.).

Доказательства населенности Армении уже в первой половине четвертичного периода. Находки в Армении и на Черноморском побережье Кавказа наиболее ранних следов человеческой культуры.

*Составитель — библиограф
П. Кветневская*

ДИССЕРТАЦИИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА, ЗАЩИЩЕННЫЕ ЗА ВРЕМЯ с 1940 по 1947 г.¹

1. Кандидатские диссертации

1. Л. М. Роголин, «Первая Кельтиберийская война в Испании 197—178 гг. до н. э.». Защищена в МГУ 20/VI 1940 г. Оппоненты: проф. С. И. Протасова, проф. В. С. Сергеев.

2. Э. К. Путиный, «Аграрная политика императоров династии Юлиев-Клавдиев». Защищена в МГУ 18/XI 1940 г. Оппоненты: проф. Н. А. Машкин, доцент А. Г. Бокщанин.

3. Ф. М. Нечай, «Союзническая война в источниках». Защищена в МГУ 2/XII 1940 г. Оппоненты: проф. С. И. Протасова, доц. А. Г. Бокщанин.

4. М. Г. Нордкин, «Отражение общественных настроений и классовой борьбы периода 2-го триумvirата в произведениях Вергилия и Горация». Защи-

¹ Список составлен по неполным данным ВАК МВО СССР и не является исчерпывающим. Редакция просит все научные организации и отдельных авторов сообщить об известных им диссертациях по древней истории, защищенных за 1940—1947 гг., не вошедших в настоящий список.

щена в МИФЛИ им. Чернышевского 30/V 1941 г. Оппоненты: доцент А. Г. Бокшанин, доцент И. И. Вейцковский.

5. Г. А. Цв е т а е в а. «Общественные группировки и народные движения в Риме после смерти Юлия Цезаря (до возникновения 2-го триумvirата)». Защищена в МГПИ им. К. Либкнехта 28/VI 1941 г. Оппоненты: проф. А. В. Мишулин, доцент Х. И. Пеклер.

6. Н. Н. Л ь в о в. «Галльская аристократия в последние десятилетия Западной Римской империи» (по произведениям Сидония Аполлинария). Защищена в МГПИ им. В. И. Ленина 20/VI 1942 г. Оппоненты: проф. С. А. Лясковский, доц. В. А. Оранский.

7. Н. Н. П и к у с. «Тebtюниеский папирус № 703 как исторический источник». Защищена в МГУ 6/IV 1942 г. Оппоненты: проф. Н. А. Машкин, проф. С. И. Протасова.

8. А. С. Ш о ф м а н. «Завоевания Филиппа и политика Демосфена». Защищена в МГУ 28/IV 1942 г. Оппоненты: проф. С. И. Протасова, проф. А. В. Мишулин, проф. К. К. Зельин.

9. Е. М. Ш т а е р м а н. «Кризис III в. в Галлии и Африке». Защищена в МГУ 23/IX 1942 г. Оппоненты: доцент С. А. Лясковский, доцент В. А. Оранский.

10. С. И. П р о т а с о в а. «Социальная борьба в древнем Риме в конце II и в начале I вв. до н. э.». Защищена в МГУ 3/V 1943 г. Оппоненты: проф. Н. А. Машкин, проф. А. В. Мишулин.

11. В. М. Ш е в ч е н к о «Золотой век (Жизнь при Кроносе)—легенда земледельцев древней Греции». Защищена в Белорусском гос. университете 5/VI 1943 г. Оппоненты: акад. Н. С. Державин, доктор исторических наук В. К. Никольский.

12. С. Н. Н ю б е р г. «Античные скульптуры в отзывах греческих и римских писателей». Защищена в МГУ 25/VII 1943 г. Оппоненты: проф. В. Д. Блаватский, доктор филологических наук Г. О. Винокур.

13. А. С. Б е р н ш т е й н - В у л ь ф о в и ч. «Проблема роли народных масс в ранней античной идеологии». Защищена в Харьковском гос. университете им. А. М. Горького 18/X 1943 г. Оппоненты: проф. Н. С. Шлепаков, проф. С. А. Семенов-Зусер.

14. П. С. П о п о в. «Этюды по гносеологии и психологии Аристотеля». Защищена в МГУ 15/XI 1943 г. Оппоненты: доктор философских наук В. Ф. Асмус.

15. А. Д. Д м и т р и е в. «Багауды (к истории революционного движения в римской Галлии)». Защищена в ЛГУ 19/XI 1943 г. Оппоненты: доктор исторических наук О. Л. Вайнштейн, доктор филологических наук И. М. Тронский.

16. Т. Н. Ч и к а л и н а. «Структура предложения в памятниках древнейшего римского права». Защищена в ЛГУ 13/I 1944 г. Оппоненты: доктор исторических наук С. Я. Лурье, кандидат филологических наук Я. М. Боровский.

17. В. И. М о ш и н с к а я. «Азиатский Боспор в VI—IV вв.». Защищена в МГУ 22/XII 1943 г. Оппоненты: доктор искусствоведческих наук В. Д. Блаватский, кандидат исторических наук С. И. Протасова.

18. А. Р. К о п и л о в. «Архитектура античных базилик». Защищена в Тбилиском гос. университете им. И. В. Сталина 17/I 1944 г. Оппоненты: акад. Г. Чубинашвили, доктор искусствоведческих наук Т. Н. Амиранашвили.

19. Л. М. О с и п о в. «Вооруженные силы Римской империи на Черноморье». Защищена в МГУ 31/VI 1944 г. Оппоненты: доктор исторических наук Н. А. Машкин, доцент А. Г. Бокшанин.

20. С. И. К а н д и е в с к и й. «Древнейшие формы капитала в античном обществе». Защищена в ЛГУ 25/XII 1944 г. Оппоненты: доктор экономических наук М. Ю. Бортник, доктор экономических наук В. В. Рейхардт.

21. О. И. С е в а с т ь я н о в а. «Восстание 88 г. до н. э. в Афинах». Защищена 10/V 1944 г. в МГУ. Оппоненты: проф. С. И. Протасова, кандидат исторических наук А. П. Болтунова.

22. И. Т. К р у г л и к о в а. «Римская провинция Дакия во II—III вв.». Защищена в Московском гос. педагогическом институте им. В. И. Ленина 7/VI 1944 г.

Оппоненты: доктор исторических наук Н. А. Машкин, кандидат исторических наук К. К. Зельин.

23. С. А. В а р т а н я н. «Аграрная реформа Гракхов», 1944 г.

24. Н. П. Ш к л я е в. «Социальные реформы в Спарте царей Агиса и Клемена в III в. до н. э.» Казань, 1944 г.

25. И. Н. Н а г и б и н. «Військова справа стародавніх греків». Защищена в Харьковском гос. университете им. А. М. Горького 19/V 1945 г. Оппоненты: проф. С. А. Семенов-Зусер, доц. А. Г. Розенберг.

26. С. В. П о л я к о в а. «Семантика образности античного исторического эпоса». Защищена в ЛГУ 23/VII 1945 г. Оппоненты: доктор филологических наук И. М. Тронский, доктор филологических наук О. М. Фрейденберг.

27. Е. И. Л е в и. «Гераклея Понтийская». Защищена в Ленинградском отделении ИИМК 30/I 1946 г. Оппоненты: доктор исторических наук Т. Н. Книпович, кандидат исторических наук В. Ф. Гайдукевич.

28. О. Н. Ю л к и н а. «Восстание Аристоника и завоевание Пергама [Римом]. Защищена в Институте истории Академии Наук СССР 4/III 1946 г. Оппоненты: доктор исторических наук А. Б. Ранович, проф. С. И. Протасова.

29. И. М. Д љ а к о н о в. «Развитие земельных отношений в Ассирии». Защищена в Институте востоковедения Академии Наук СССР 19/VI 1946 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, доктор исторических наук Н. Д. Флиттнер.

30. Е. А. Б е р к о в а, «Римская элегия эпохи Августа (Тибулл и Овидий)». Защищена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии Наук СССР 21/VI 1946 г. Оппоненты: доктор филологических наук И. М. Нусинов, кандидат филологических наук А. Н. Аникет.

31. И. Ф. С е р ж а н о в. «Гражданские войны Гая Юлия Цезаря». Защищена в МГУ 2/XII 1946 г. Оппоненты: доктор исторических наук Н. А. Машкин, доцент А. Г. Бокщанин.

32. Г. Ф. И л ь и н. «Рабство в древней Индии». Защищена в МГУ в 1946 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, кандидат исторических наук К. А. Антонова.

33. Р. А. Н и к о л ь с к а я. «Афинская демократия, как форма диктатуры рабовладельцев». Защищена в Белорусском гос. университете 15/I 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук В. Н. Перцов, кандидат исторических наук Ф. М. Нечай.

34. П. Б. Г у р в и ч. «Античное предание о заговоре Катилины». Защищена в МГУ 3/III 1947 г. Оппоненты: проф. А. Б. Ранович, доцент А. Г. Бокщанин.

35. В. А. Г о л ь д е н б е р г. «Гражданская война в Риме в 69 г. н. э.». Защищена в Харьковском гос. университете им. А. М. Горького 4/IV 1947 г. Оппоненты: проф. А. А. Ивановский, доктор исторических наук Н. А. Машкин.

36. В. П. Д з а г у р о в а. «Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии». Защищена в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина 28/IV 1947 г. Оппоненты: чл.-корр. Академии архитектуры СССР В. Д. Блаватский, кандидат исторических наук А. К. Бергер.

37. Т. В. Б л а в а т с к а я. «Западно-понтийские города в VII—I вв. до н. э.». Защищена в Институте истории Академии Наук СССР 2/VI 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук Б. Н. Граков, доктор исторических наук В. Н. Дьяков.

38. Б. В. Г о р н у н г. «Исследования в области древнегреческой литературы и языка». Защищена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии Наук СССР 11/VI 1947 г. Оппоненты: чл.-корр. Академии Наук СССР С. И. Соболевский, доктор филологических наук М. Е. Грабарь-Пассек.

39. И. С. К а ц н е л ь с о н. «Проблемы возникновения государства в древней Нубии». Защищена в МГУ 30/IV 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук Ю. П. Францов, кандидат исторических наук Д. Г. Редер.

40. С. Г. Т е р - И з р а е л я н. «Парфянский поход Антония и борьба армянского народа за свою независимость». Защищена в Московском гос. педагогическом инсти-

туте им. В. И. Ленина 30/VI 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук А. З. Ионисвани, кандидат исторических наук А. К. Бергер.

41. А. П. Чубова. «Серая керамика из некрополя Ольвии VI—II вв. до н. э. в собрании Эрмитажа». Защищена в Институте живописи, скульптуры и архитектуры Всесоюзной академии художеств 1/VII 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук Т. Н. Книпович, кандидат искусствоведческих наук А. С. Гущин.

42. В. П. Рыжкова. «Египетские документальные автобиографии эпохи Древнего царства как исторические источники». Защищена в МГУ в 1946 г. Оппоненты: доктор исторических наук Ю. П. Францов, кандидат исторических наук Д. Г. Редер.

43. Евг. Мирзаханян. «Принципат Тиберия». Защищена в Ереванском гос. университете в 1947 г. Оппоненты: доктор историч. наук А. Абраамян, кандидат историч. наук С. Еремиш.

44. Ю. Наджарян. «Битва в Тевтобургском лесу и роль Арминия в истории древних германцев». Защищена в Ереванском гос. университете в 1947 г.

45. К. Кармян. «Римско-парфянские взаимоотношения и Армения в эпоху Нерона». Защищена в Ереванском гос. университете в 1947 г.

46. Н. М. Постовская. «Архаические памятники как источник для истории развития государства в древнем Египте». Защищена в Институте истории Академии Наук СССР 20/X 1947 года. Оппоненты: доктор исторических наук Ю. П. Францов, кандидат исторических наук Д. Г. Редер.

47. Н. В. Шафранская. «Кризис Ольвии времен Протогена в свете эпиграфических параллелей с Балканской и Островной Грецией». Защищена 8/X 1947 г. в ЛОИИ. Оппоненты: доктор исторических наук С. И. Ковалев, кандидат исторических наук Д. П. Каллистов, кандидат исторических наук А. И. Болтунова.

48. Б. И. Надель. «Боспорские манумиссии». Защищена 8/X 1947 г. в ЛОИИ. Оппоненты: акад. И. И. Толстой, доктор исторических наук М. Е. Сергеевко.

49. В. В. Виноградов. «Res gestae divi Augusti» как исторический источник». Защищена в Академии общественных наук 9/XII 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук А. Б. Ранович, доктор исторических наук Н. А. Машкин, доктор филологических наук Н. Ф. Дератани.

50. Н. В. Пятшова. «Тавры и Херсонес Таврический». Защищена в ИИМК 27/III 1948 г. Оппоненты: доктор искусствовед. наук В. Д. Блаватский, кандидат исторических наук П. Н. Шульц.

51. Н. И. Голубцова. «События 410 г. в Риме в оценке современников». Защищена в МГУ 31/III 1948 г. Оппоненты: доктор исторических наук А. И. Неусыхин, кандидат исторических наук А. К. Бергер, кандидат исторических наук К. К. Зельин.

II. Докторские диссертации

1. Н. А. Машкин. «Принципат Августа». Защищена в МГУ 2/VI 1942 г. Оппоненты: доктор Б. Н. Граков, проф. С. Д. Сказкин, проф. А. В. Мишулин.

2. В. Д. Блаватский. «Опыт изучения техники античной скульптуры». Защищена в МГУ 3/IV 1943 г. Оппоненты: чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевский, заслуженный деятель науки В. А. Городцов, проф. В. В. Павлов.

3. В. Н. Дьяков. «Древняя Таврика в эпоху римской оккупации». Защищена в Московском гос. педагогическом институте им. В. И. Ленина 28/VI 1943 г. Оппоненты: академик Ю. В. Готье, доктор исторических наук Н. А. Машкин, проф. А. В. Мишулин.

4. А. В. Мишулин. «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость (до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. включительно)». Защищена в Институте истории Академии Наук СССР 2/VII 1943 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, доктор исторических наук А. В. Арциховский, доктор исторических наук А. Б. Ранович, доктор исторических наук Н. А. Машкин.

5. М. А. Коростовцев. «Письмо и язык древнего Египта». Защищена в МГУ 16/X 1943 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, доктор исторических наук С. Я. Лурье, доктор исторических наук С. П. Толстов.

6. В. В. Павлов. «Скульптурный портрет в древнем Египте». Защищена в МГУ 15/XI 1943 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, доктор искусствоведческих наук А. А. Сидоров, проф. М. Э. Матье.

7. В. К. Никольский. «История первобытной общины». Защищена в МГУ 26/II 1944 г. Оппоненты: заслуженный деятель науки В. А. Городцов, доктор исторических наук С. А. Токарев, доктор исторических наук М. О. Косвен.

8. В. И. Авдиев. «Предпосылки завоевательной политики древнего Египта в Передней Азии в эпоху 18-й династии». Защищена в Институте истории Академии Наук СССР 24/VI 1944 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, доктор исторических наук М. А. Коростовцев, доктор исторических наук А. Б. Ранович.

9. К. Э. Гриневич. «Стены Херсонеса Таврического». Защищена в МГУ в 1944 г. Оппоненты: заслуженный деятель науки В. А. Городцов, доктор исторических наук Б. Н. Граков, доктор исторических наук Н. А. Машкин.

10. Б. Б. Петровский. «История и культура Урарту». Защищена в Институте истории Академии Наук СССР 12/VIII 1944 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, акад. И. А. Орбели, доктор филологич. наук А. С. Гарибян.

11. М. М. Кобылина. «Истоки аттической скульптуры». Защищена в МГУ 2/VII 1945 г. Оппоненты: доктор искусствоведческих наук В. Д. Блаватский, доктор искусствоведческих наук В. В. Павлов, доктор исторических наук Н. А. Машкин.

12. И. М. Лурье. «Очерки истории древнеегипетского права времени Нового царства». Защищена в Институте востоковедения Академии Наук СССР 11/I 1946 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, доктор исторических наук Ю. П. Францов, доктор исторических наук И. И. Яковкин.

13. М. М. Дьяконов. «Очерки по истории древнего Ирана». Защищена в Институте востоковедения Академии Наук СССР 15/VI 1946 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, чл.-корресп. АН СССР Н. В. Пигулевская, доктор исторических наук С. П. Толстов.

14. М. Э. Матье. «Фиванское искусство XXI—V вв.». Защищена в Институте востоковедения Академии наук СССР 12/X 1946 г. Оппоненты: акад. В. В. Струве, доктор исторических наук Н. Д. Флиттнер, доктор исторических наук В. В. Павлов.

15. А. С. Башкиров. «Антисейсмизм древней архитектуры». Защищена в ЛГУ в 1945 г. Оппоненты: доктор исторических наук С. И. Ковалев, академик В. В. Струве, А. П. Смирнов, А. П. Уделенков.

16. Т. С. Пассек. «Триполье (опыт периодизации памятников)». Защищена в ИИМК АН СССР 24/IV 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук А. В. Арциховский, доктор исторических наук С. В. Киселев, доктор исторических наук С. П. Толстов.

17. Н. Н. Розенталь. «Социальные основы языческой реакции императора Юлиана». Защищена в МГУ 2/III 1946 г. Оппоненты: доктор исторических наук Н. А. Машкин, доктор исторических наук А. Б. Ранович, кандидат исторических наук А. Г. Бокшанин.

18. П. Н. Тарков. «Греко-эллинистический мир и Рим на рубеже III—II вв. до н. э.». Защищена в Институте истории Академии Наук СССР 31/III 1947 г. Оппоненты: доктор исторических наук Ю. П. Францов, доктор исторических наук А. Б. Ранович, доктор исторических наук Н. А. Машкин.

19. М. О. Косвен. «История проблемы матриархата». Защищена в МГУ в 1943 г. Оппоненты: доктор исторических наук А. В. Арциховский, доктор исторических наук С. П. Толстов, проф. В. К. Никольский.

Х Р О Н И К А

Существовал ли царь 'Αχης?

Парижский золотой статер с надписью ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΚΟΥ, найденный в Трапезунде в 1865 г., свыше 80 лет считался в нумизматической литературе единственным историческим источником, сообщающим такое имя царя.

Нумизматы довольно скоро пришли к заключению, что «царь «'Αχης», всего вероятнее, должен быть отнесен к числу боспорских царей III—II вв. до н. э. ввиду того, что парижский статер имеет сходство с золотыми статерами боспорских правителей указанного времени. Такой взгляд считался довольно долго почти укоренившимся. Но недавно он был поколеблен академиком С. А. Жебелевым¹, отнесшимся «недоверчиво» к монетной надписи парижского статера и, в заключение всех своих рассуждений и предположений, заявившим, что «имя» «'Αχος или «'Αχης» продолжает оставаться для него «неразрешимой загадкой».

Зомневался в этой монете и проф. А. Н. Зограф², назвавший парижский статер «во многих отношениях загадочным». «Мы,—пишет А. Н. Зограф,—не только не встречаем более нигде подтверждений существования на Боспоре такого царя, но и сама форма (подчеркнуто мной.—Л. Х.) имени его вызывает некоторые недоумения». «Во всяком случае безоговорочно вводить Ака в число Боспорских царей, да еще считать его представителем той же династии Спартокидов, мы имеем слишком мало оснований».

В связи с указанными разногласиями и сомнениями ученых недавняя находка в Грузии второго, аналогичного золотого статера, поступившего на хранение в Государственный Тбилисский музей и опубликованного Д. Г. Капанадзе в ВДИ, 1948, № 1, приобретает большой интерес. Интерес увеличивается еще потому, что автор публикации высказывает совершенно новое и очень убедительное предположение о несомненной чеканке этих статеров в III в. до н. э. в древней Колхиде. Развивая свою гипотезу о колхидском происхождении обоих статеров, Д. Г. Капанадзе высказывает предположение, что упоминаемый в монетной надписи «'Αχης» был царем колхидским.

С последним выводом Д. Г. Капанадзе я согласиться никак не могу. Мое возражение относится не только к Д. Г. Капанадзе, прочитавшему здесь имя царя колхидского, но и ко всем предшествующим ученым, стремившимся прочесть здесь новое, до сих пор не известное, имя царя фракийского, скифского или боспорского.

Хотя академик С. А. Жебелев в итоге и не разрешил своих сомнений относительно «загадочности» имени в надписи парижского статера, все же, кажется мне, он был единственным исследователем, стоявшим на правильном пути.

¹ С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ИГАИМК, вып. 70 (1933) и ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 66, прим. 3.

² А. Н. Зограф, Античные монеты, ч. II, гл. XI, стр. 199 (по неизданной рукописи. В дальнейшем цитируется по той же рукописи).

Его предположение, что слово *Ἀχῆς* не выражает собой полного имени, а составляет всего лишь форму окончания другого имени, заслуживает безусловного внимания.

Реконструкция С. А. Жебелева строилась на допущении, что начальные буквы восстанавливаемого имени стерты, но, обнаружив на оригинале следа поврежденных, он прекратил, к сожалению, свои дальнейшие изыскания.

Неполное начертание имени в виде его окончания, я думаю, могло получиться на монете не только в результате механической утраты нескольких начальных букв от потертости монеты, а по причине небрежности или малограмотности резчика штемпеля.

Попробуем проверить высказанное предположение применительно к монетам с надписью *ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ*. Прежде всего необходимо напомнить, что мы имеем дело не с высококачественным образцом античной монетной глиптики, а, как правильно указал Д. Г. Капанадзе, с самым ранним представителем местных колхидских подражаний лисимаховским статерам византийской чеканки. Для доказательства этого положения сделаем несколько сопоставлений¹.

1. При сравнении тбилисского статера с парижским (см. табл., рис. 1 и 2) создается впечатление, что оба экземпляра выполнены, повидимому, одним штемпелем или, в крайнем случае, сделаны одним мастером.

Штемпель парижского экземпляра почти правильно совпадает с монетным кружком, на тбилисском—штемпель сдвинут немного книзу.

Парижский экземпляр—лучшей сохранности, тбилисский—несколько потерт, почему рельеф его более округлый. Этим, конечно, объясняется небольшое различие в их весе—парижского 8,50 г, а тбилисского 8,45 г.

Поэтому, хотя мы и располагаем двумя экземплярами статеров с надписью *ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ*, тем не менее считаться приходится попрежнему с особенностями одного штемпеля или произведением одного мастера.

II. Сравним лисимаховский статер византийской чеканки со статерами боспорских правителей (см. табл., рис. 3, 4, 5).

Используем для сравнения тот экземпляр посмертного лисимаховского статера из сел. Эки, который воспроизведен в статье Д. Г. Капанадзе, экземпляр достаточно характерный для данной чеканки. Из боспорских золотых статеров привлечем уникальный экземпляр статера архонта Гигиэонта (Московский исторический музей)² и статер Перисада (Гос. Эрмитаж)³, которые А. Н. Зографом⁴ отнесены к первой группе его классификации и датируются последней третью III в. до н. э.

Боспорские статеры имеют явные черты заимствования от лисимаховских, но наряду с элементами общего сходства в них имеются существенные различия—иконографические и по содержанию их надписей и монограмм.

На лисимаховских византийских статерах—традиционное изображение головы Александра Македонского в образе сына Аммона. На боспорских статерах в аналогичной экспозиции представлен портрет боспорского правителя. На оборотных сторонах сходны только изображения сидящей Афины с Никой на вытянутой руке и трезубца с дельфинами внизу. Надписи размещены одинаково, по содержанию же они разные: на лисимаховских—*ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ*, на боспорских, у Гигиэонта—*ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ*, у Перисадов—*ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΡΙΣΑΔΟΥ*. Монограммы у всех разные.

¹ Изображения сличаемых монет располагаются мной таким образом, что они в целом образуют таблицу, наглядно демонстрирующую, к какой типологической и стилистической группе подражаний лисимаховским статерам византийской чеканки более всего тяготеют статеры с надписью *ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ*, где и когда могла появиться такая чеканка.

² В. В. Шкорпил, К вопросу о времени правления архонта Гигиэонта, «Сборн. в честь Бобринского», СПб., 1911, табл., рис. 1.

³ Х. Х. Гиль, Новые приобретения моего собрания, ЗИРАО, т. V (1902), стр. 351, № 52, табл. VI.

⁴ А. Н. Зограф, Античные монеты, часть II, гл. XI, стр. 197.

СОПОСТАВЛЕНИЕ БОСПОРСКИХ И КАВКАЗСКИХ ЗОЛОТЫХ СТАТЕРОВ С ИХ ПРОТОТИПОМ

Прототип (лисимаховский тип византийской чеканки). 3—статер из сел. Эки. Кавказские подражания. 1—статер «Ака» (Париж); 2—статер «Ака» (Тбилиси); 6—статер из сел. Реке. Боспорские заимствования. 4—статер Гигиэпонта (Москва); 5—статер Перисада (Ленинград). Монеты за №№ 1—5 чеканены в последней четверти III в. до н/э. Монета № 6 чеканена в 1-й четверти I в. до н/э. Изображения, увеличены в 2 раза.

Словом, на боспорских монетах мы видим не слепое подражание, а самое общее внешнее заимствование типологии лисимаховской византийской чеканки с сознательной переделкой и приспособлением заимствованных элементов к своим местным требованиям.

На Боспоре не было необходимости помещать на царских монетах божественного образа Александра Македонского или придавать аналогичный облик боспорскому архонту или царю. Скорее всего, мы могли бы ожидать здесь местный образ обожествленного боспорского царя (вероятнее всего, одного из первых Перисадов), на что указывал А. Н. Зограф¹, но особенностей этой иконографии мы не улавливаем, и фигурирующий портрет можно назвать реалистическим с оттенком идеализации. В лисимаховском византийском прототипе были сделаны переделки в соответствии с местными политическими и религиозными представлениями боспорян. В боспорских статерах от лисимаховского прототипа сохранились только элементы денежного знака золотой чеканки, элементы привычные и общепринятые для того времени на международном рынке, на котором широко обращались лисимаховские византийские статеры. Им по качеству не должны были уступать статеры, выпущенные царями Боспора, хотя бы даже не для широкого денежного обращения, как утверждал А. Н. Зограф², а в качестве донативов.

Отмеченная черта относительной оригинальности боспорских золотых статеров очень важна, в особенности как предпосылка для следующего сопоставления.

III. Сопоставим статер с надписью ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΚΟΥ с только что рассмотренными лисимаховскими и боспорскими статерами.

А. Н. Зограф относил статер «Ака» к началу II в. до н. э., хотя по стилю он, кажется мне, скорее всего тяготеет к первой группе его классификации лисимаховских и боспорских статеров, т. е. к последней трети III в. до н. э.

Совершенно очевидно, что статеры «Ака» более сходны с лисимаховскими византийскими статерами, чем с боспорскими.

Обращает на себя внимание остающаяся на статерах «Ака» голова Александра с рогом Зевса Аммона—типичная для лисимаховских и никогда не помещавшаяся на боспорских. Статеры «Ака» сходны с боспорскими только одной деталью—другим именем в левой надписи. Статеры «Ака» выполнены не в боспорской традиции и считать их боспорскими, мне кажется, неправильно.

IV. Сравним лисимаховские византийские статеры с их относительно ранними кавказскими подражаниями (см. табл., рис. 3 и 6).

Статер из сел. Реке — замечательный образец подражательной кавказской чеканки. А. Н. Зограф датировал его второй четвертью I в. до н. э., считая выразителем «первоначальной ступени варваризации»³.

Д. Г. Капанадзе привлек этот статер, как одну из важнейших аналогий в своей статье, но, мне кажется, неправильно использовал характерные черты этой аналогии.

Статер из сел. Реке—полное подражание статерам византийской чеканки; здесь нет ни малейшего стремления что-либо переделывать или приспособлять к местным требованиям, как это было на Боспоре. Все отступления от прототипа порождены исключительно худшим качеством исполнения малоискусного мастера. Он стремился безупречно точно копировать образец, но исказил его потому, что, не зная настоящих правил построения композиции, прибегал к другим приемам работы, механическим и в то же время более свободным.

Мастера лисимаховских статеров сначала, несомненно, определяли общее расположение вертикальных надписей, затем фигуры Афины с Никой и в процессе резьбы

¹ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, часть II, гл. XI, стр. 197.

² Там же, стр. 193 и 199.

³ А. Н. Зограф, *Античные золотые монеты Кавказа*, ИГАИМК, вып. 110 (1935), стр. 191, № 46; он же, *Находки античных монет на Кавказе*, «Тр. Отд. нумизматики», 1945, том I, стр. 34.

штмпель внимательно следили за тем, чтобы точно следовать предварительному рисунку и разметке букв. Эти правила прекрасно понимали и соблюдали боспорские монетчики.

Кавказские мастера начинали резать штмпель без предварительной разбивки основного рисунка. Главное внимание уделяли сначала сидящей фигуре с атрибутами, а затем в оставшиеся по бокам свободные пространства втискивали надписи, искажая их изрядно. Буквы оказывались слишком большими, и полные надписи не умещались в предназначенных для них местах.

Мастер статера из сел. Реке сначала вырезал фигуру Афины с Никой, нарушив ее пропорции и, в частности, пропорции вытянутой ноги богини. Далее он пытался вырезать надпись—ΒΑΣΙΛΕΩΣ и искажил это слово до неузнаваемости. Слово оборвалось на шестой букве Ε, выгравированной в виде=, и вообще все буквы в этом слове (кроме иоты) оказались недоделанными. Несмотря на то, что слово осталось недописанным (вместо 8 букв есть только 6), последние буквы вышли за пределы, положенные для всей надписи,—горизонтальную линию под ногами и щитом Афины. Мастер механически копировал надпись, но резал ее, несомненно, сверху вниз. Верхняя часть надписи начата там, где полагается и у лисимаховских статеров—возле головы Афины, а нижняя часть растянулась, потому что мастер предварительно не наметил этих букв.

Левую надпись (на что следует обратить особое внимание) мастер начинал резать, несомненно, снизу вверх. Об этом свидетельствует следующая подробность: три нижние буквы ΧΟΥ поставлены довольно правильно, как на лисимаховских статерах, что

могло быть сделано только в начальный момент работы. Но, придав буквам слишком большой размер и видя, что надпись не укладывается, мастер медленно начал поворачивать строку вправо, по кругу, и ему удалось вырезать еще только две буквы, причем и Α и Μ остались недоделанными. У него получилась искаженная надпись. Далее он прервал работу, потому что остальные буквы не могли поместиться—мешала фигурка Ники, уже до этого, несомненно, вырезанная.

Д. Г. Капанадзе считает эту явно дефектную надпись—«одинаково похожей и на ΑΚΟΥ и на окончание имени Лизимаха», причем предполагает, что неграмотный мастер принял руки Ники за буквы и прибавил две черточки впереди.

Наблюдение неверное. Мастер прекрасно разобрался, каким образом располагается вытянутая вперед и несколько вверх рука Ники, и изобразил ее в виде тонкой черточки, идущей от корпуса Ники и кончающейся маленькой точкой. Две следующие черточки, как я уже сказал, яв-

ляются недописанной буквой Μ; таким образом ясно, что на статере из сел. Реке начертано ΜΑΧΟΥ. Совершенно очевидно, что мастер неудачно копировал имя ΔΥΣΙΜΑΧΟΥ.

Статер из сел. Реке является изумительным примером сравнительно ранней чеканки кавказских подражаний лисимаховским. На нем наглядно можно проследить, в чем именно заключались искажения прототипа, какими причинами вызывались они и каким своеобразным приемом работал мастер, механически копировавший первоклассный образец, находившийся у него перед глазами. В чем же заключалась специфическая особенность приема работы кавказского монетчика? В том, что вторая строка надписи резалась в обратном направлении, начиная с последних букв. Спрашивается, какими техническими причинами может быть объяснена такая ненормальность? (схема I).

Процесс гравирования надписи у мастера-грека осуществлялся следующим образом (см. схему I). В момент исполнения работы матрица штампа располагалась, конечно, так, что обе параллельные строки находились в горизонтальном положении, и мастер

← 1^й прием

← 2^й прием

Схема 1.

резал буквы справа налево в обратном их начертании, но по направлению чтения. Сначала он вырезывал верхнюю строку, затем таким же способом нижнюю.

Кавказский мастер, повидимому, делал это несколько иначе. Верхнюю строку он резал так же (см. схему II, 1-й прием), как грек. Когда же переходил к строке нижней, то матрицу, очевидно, предварительно переворачивал вокруг своей оси, чтобы нижняя

Схема II.

Схема III.

строка заняла положение сверху. Так было ему, наверно, удобнее работать. Буквы он опять начинал резать справа налево, но уже в перевернутом виде и в противоположном нормальному чтению направлении (см. схему II, 2-й прием). Кавказский мастер добивался этим приемом безусловно верного расположения начальных букв. Буква В в первой строке всегда занимала свое место на уровне головы Афины. Буква Υ во второй строке занимала свое место на уровне ступни выставленной вперед ноги богини. Но, так как остальные буквы предварительно не намечались, а вырезывались на-глаз, надписи не умещались, и недоразумения с буквами происходили в конце обеих строк. В слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ последними буквами оказывались всегда те, которые составляют окончание его, а в слове ΔΥΣΙΜΑΧΟΥ — те, которые составляли его начало.

Итак, недописанную надпись ΔΥΣΙΜΑΧΟΥ на статере из сел. Реке я объясняю вышеизложенным приемом резьбы штемпеля, а всевозможные искажения букв — небрежностью при исполнении перевернутых букв. Так обстояло дело согласно датировке А. Н. Зографа, во второй четверти I в. до н. э.

Как же работали кавказские монетчики в III в. до н. э., в эпоху чеканки статов с именем «Ака», статов, которые Д. Г. Капанадзе вполне убедительно относит к числу таких же подражательных лисимаховским статам, но более раннего времени, чем статы из сел. Реке?

V. Сопоставим статы «Ака» со статулом лисимаховским (из сел. Эки) и статулом подражательным (из сел. Реке) (см. табл., рис. 2, 1, 6).

По определению Д. Г. Капанадзе, в статуле «Ака» не было элементов искажения прототипа или оно выражалось в мелочах—в отсутствии копья у Афины, которого не заметил кавказский резчик. Что касается надписи, то она, по мнению Д. Г. Капанадзе, «безусловно достоверная».

Я считаю, что надпись АΚΟΥ является результатом механического искажения первоначальной надписи прототипа¹, а не сознательной переделки его (как на Боспоре).

Безусловно и в ранней стадии кавказских подражаний уже имели место искажения прототипа. Эти искажения в первую очередь и главным образом касались греческой надписи статов, надписи, которая вырезывалась тем же приемом, который мной проанализирован на примере более грубого искажения в более позднем статуле из сел. Реке.

Посмотрим, как резал штампы мастер, изготовивший статы с «загадочным» именем Ака, и проверим, насколько правильны мои утверждения, что прием резьбы с переворачиванием матрицы был уже в ходу на самой ранней стадии подражаний кавказских мастеров лисимаховским статам.

В передаче образа Александра, сына Аммона, резчик проявил большое мастерство, и лицевая сторона монеты не вызывает никаких возражений. Можно прямо сказать, что это подражание осуществлено без каких бы то ни было отступлений от лисимаховского образца. Иначе обстояло с обратной стороной. Может быть, ее резал другой мастер. На первый взгляд, как будто фигура сидящей Афины с Никой изображена не плохо, в ней нет ничего грубого и примитивных искажений. Кажется, что мастер действительно упустил из виду только копье Афины и, повидимому, монограммы, обычно встречающиеся на статах Лисиша. Но при более внимательном рассмотрении мы замечаем, что мастер допустил искажение пропорций—он слишком вытянул руку Афины с фигуркой Ники вперед. На лисимаховских статах эта фигурка располагается обычно на одной вертикали с коленями сидящей Афины и никогда не выходит за пределы того прямоугольника поля, в которое вписана вся фигурная часть композиции (схема III).

Вырезая правую надпись со словом ΒΑΣΙΛΕΥΣ, вначале мастер разместил ее правильно, но, взяв слишком большой интервал между буквами, не сумел разместить ее до линии поля, а несколько вытянул до линии трезубца (как на статуле из сел. Реке). Резал он надпись сверху вниз, т. е. во время работы резал буквы справа налево, держа матрицу строками горизонтально (см. схему III, 4-й прием). Если перед мастером лежал образец лисимаховского стата, он и его переворачивал вверх ногами, и, таким образом, мастер видел перед собой и образец в таком же обратном, негативном и перевернутом виде.

Резать буквы второй строки он начинал опять справа налево (см. схему III, 2-ой прием, как на статуле Реке). Мастер выгравировал 4 буквы в той последовательности и в том месте, как они располагаются в окончании слова ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ при чтении его с конца. Надпись вся не разместилась потому, что интервалы между буквами были даны слишком большие, строка искривилась внутрь, и четвертая буква А уперлась в изображение фигурки Ники, чрезмерно выдвинутой вперед и помешавшей резчику выгравировать остальные буквы имени Лисиша.

¹ В более поздних стадиях кавказской подражательной чеканки (позднее, чем статы из сел. Реке, т. е. во второй половине I в. до н. э.) деградирующая надпись, можно сказать, совершенно исчезает, превращаясь в какой-то своеобразный орнаментальный мотив из поперечных черточек, отдаленно напоминающих строки надписей с буквами, и то только потому, что располагаются они на месте прежних надписей.

Если на статере из сел. Реке поместилось 5 букв МАХОУ, то здесь удалось вырезать только 4 буквы—АКОУ, причем, совершенно очевидно, что буква К здесь ошибочно поставлена вместо Х, что вполне понятно, поскольку эти буквы и по начертанию и по звуковому своему выражению могут быть легко перепутаны¹. Таким образом, «загадочная» надпись АКОУ является результатом небрежности резчика.

Ответ на поставленный в заголовке данной статьи вопрос «Существовал ли царь «Аху»?, мне кажется, ясен сам собой. Хотя, действительно, этот фрагмент надписи нам и напоминает ряд сходных и близких имен и названий, но базироваться на этих «косвенных аналогиях» и делать заключения о реальности существования такой исторической личности мы не имеем права, поскольку прямое свидетельство единственной монетной надписи недостоверно, так как сама надпись—дефектна.

Замечательный статер из сел. Реке служит прекрасной аналогией для статеров с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ и с исключительной убедительностью подтверждает правильность гипотезы Д. Г. Капанадзе о близости последних к группе так называемых кавказских, «колхских», подражаний. Но в то же время статер из сел. Реке не способствует доказательству существования царя Ана, а, наоборот, помогает разгадать эту старую «загадку» и отвергнуть гипотезу о существовании царя с таким именем не только в Колхиде, но и где бы то ни было.

Правильная гипотеза Д. Г. Капанадзе о кавказском происхождении статера «Ака» позволяет нам теперь относить время возникновения всей группы кавказских подражаний не ко второй четверти I в. до н. э. (как полагал А. Н. Зограф, сохранявший статеры «Ака», несмотря на свои сомнения, еще в списке боспорских чеканок), а к концу III в. до н. э. и рассматривать статеры «Ака» как самые ранние подражания, чрезвычайно близкие прототипу, но уже имеющие искажения (главным образом в надписях). Таким образом, кавказские подражания пришли не на смену лисимаховским византийским статерам (как считал А. Н. Зограф), а возникли, повидимому, одновременно и развивались параллельно с ними, подобно аналогичному процессу на Боспоре, с той лишь разницей, что боспорские мастера творчески перерабатывали лисимаховский прототип, а кавказские просто копировали его.

Факт находки обоих статеров «Ака» на территории, соответствующей древней Колхиде, сам по себе еще не дает основания считать эти монеты чеканенными в Колхиде. Но параллельность обращения их вместе с лисимаховскими дает нам полное право согласиться с Д. Г. Капанадзе и считать статеры «Ака» (равно как и прочие кавказские подражания, находимые в западной Грузии) чеканенными в Колхиде.

Л. П. Харко

Из истории одного древнеегипетского города

[Ермонт (Армонт) в свете последних раскопок]

В двух десятках километров на юго-запад от величественных развалин Фив, на левом берегу Нила сохранились остатки древнего города Ермонта [⊗ ⊗]

или   ; еврейское } י ח ; коптское Ω Ν], частично находящиеся под фундаментами строений современного городка Арманта.

¹ Н. П. Розанова обращает внимание на то, что на парижском статере буква капша имеет более правильное начертание—**К** а на тбилисском та же буква более похожа на хи—**Х**. Эта особенность может служить подтверждением того, что кавказский подражатель копировал имя Лисимаха.

Ермонт был одним из наиболее значительных городов Верхнего Египта. Он просуществовал ряд тысячелетий и временами играл выдающуюся политическую роль. В эпоху Древнего царства, когда Фивы были еще маленьким, мало известным городком, Ермонт имел возможность соперничать с ним. В переходный период от Древнего к Среднему царству в Ермонте пребывает правитель IV нома Иниотеф. Но к концу этого периода преобладание переходит к Фивам, ставшим главным центром южноегипетских номов, а вскоре и столицей всего Египта. Ермонт, естественно, отодвигается на задний план. Он надолго перестает быть административным центром, но сохраняет свое экономическое значение, а также остается священным городом, главным местом культа весьма почитаемого египетскими фараонами бога войны Монтв.

Когда, после многовекового периода процветания и могущества, Фивы стали склоняться к упадку, Ермонт только выиграл от захирения своего соседа. Вскоре после превращения Египта в римскую провинцию он стал административным центром значительного округа, а в коптский период, кроме того, местопребыванием епископа. Значение Ермонта сохраняется и в арабский период (когда он получает свое современное наименование Армант) и только под турецким владычеством он почти совершенно пустеет и оскудевает.

Начиная с 1931 г. вплоть до 1937 г. в окрестностях Арманта и на окраине самого городка проводились систематические раскопки английской археологической экспедицией, которой руководил Оливер Х. Майерс (Oliver H. Myers). Необходимые средства предоставил сэр Роберт Монд, имя которого вследствие этого фигурирует на первом месте в списке руководителей экспедиции. Смерть щедрого патрона привела экспедицию «к неожиданному концу». Лишь с трудом удалось, благодаря субсидии, полученной от лэди Монд, благополучно завершить публикацию открытых памятников. Всего издано четыре объемистых фолианта, выпущенных в два приема. В 1937 г. появились в печати *Cemetries of Armant* (London, The Egypt Exploration Society; в I томе XII+300 стр. текста, во II томе LXXVIII таблиц иллюстраций, планов, чертежей и пр.). В 1940 г. вышло еще два тома под заглавием *Temples of Armant* (XII+223 стр. текста в I томе и CVII таблиц во втором).

Обработка и анализ найденных памятников были проведены весьма тщательно. К этому делу привлечены люди самых различных специальностей: египтологи и коптологи, археологи, зоологи, ботаники, минералогии и т. д.

Древнейшие следы человека в районе Арманта обнаружены на запад от позднейшего города на грани узкой нильской долины и пустыни. В энеолитическую эпоху здесь существовало поселение, часть которого (436 кв. метров) была обследована путем методических раскопок. Также был раскопан целый ряд могил соседнего некрополя.

Если не считать разбросанных в разных местах осколков керамики, характерных для так называемой сахарской культуры¹, зона распространения которой простирается от Египта до Тимбукту, и двух черепков, типичных для тасийской культуры (неолитический период), то древнейшие памятники Арманта относятся к бадарийской стадии (период энеолита, условное сокращенное обозначение, употребляющееся в рассматриваемых публикациях Е. Р. III=Early period III в отличие от тасийской стадии Е. Р. II).

Климат Верхнего Египта в эту эпоху отличался сыростью. Обильные дожди переполняли бурно стремящиеся к Нилу ручьи, от которых остались ныне только высохшие русла («вади»). В наносах, заполнивших одно из таких русел, была найдена бадарийская керамика. Остатки деревьев (сикомор, акаций) были найдены значительно выше уровня, достигаемого водами Нила (в особенности если принять во внимание, что уровень Нила каждую тысячу лет повышался на 1 ярд и, следовательно, в энеолитический период был гораздо ниже теперешнего)².

¹ Археологическая хронология Сахары еще не установлена, и пока имеется мало надежды выявить ее, ибо вследствие эрозии почвы не сохранилось памятников, расположенных слоями. О. Н. Myers предполагает (правда, с оговорками), что сахарская цивилизация является наиболее древней в Нильской долине.

² *Cemetries of Armant*, I, p. 7.

С течением времени климат становился все суше и суше. К концу додинастического периода русла пересыхающих ручьев стали уже заполняться песком, и деревья (засвидетельствованные еще для среднего додинастического периода) постепенно исчезли. Об экономическом развитии додинастического населения в районе Арманта мы можем судить, главным образом, по многочисленным каменным орудиям, найденным в вышеупомянутом поселении. На участке, раскопанном экспедицией¹, удалось установить четко разграниченные три слоя. Обнаруженные предметы находились в том самом положении, в каком они были оставлены обитателями поселения. Никаких следов перемещения, вызванных выветриванием или стоком воды не обнаружено. Все это позволяет проследить во всех деталях развитие верхнеегипетской додинастической техники. Сотрудник экспедиции С. Гусейн (Soliman A. Huzaayin), специально обследовавший каменные орудия, найденные в большом количестве во всех трех слоях, пришел к выводу, что мы имеем тут дело с местной индустрией. Наличие ряда незавершенных, сломанных и обновленных (reworked) орудий доказывает, что они были сделаны туземными мастерами. Материалом служил, главным образом, кремль, глыбы которого отрывались в отложениях мелового и эоценового периода. Отчасти использовались голыши, подбираемые на террасах². В небольшом количестве обрабатывались другие каменные породы (кварц, гранит, песчаник, известняк), также местного происхождения. Только в одном случае может идти речь об использовании материала, доставленного из другой местности. Единственный экземпляр полированного топора был изготовлен из альбита—порфирита, вероятно, добытого в пустыне на северо-восток или на юго-восток от Арманта³.

Хронологически все найденные орудия относятся к раннединастическому и среднединастическому периодам, то есть уже ко времени зрелого энеолита⁴.

Большое количество орудий, необычайно напоминающих палеолитические (например, метательные камни, скребки и особенно резцы, не говоря уже об аморфных орудиях) ни в коем случае не должны нас заставить передвинуть датировку поселения назад. Они находятся в тесном соседстве с орудиями гораздо более совершенного типа, не имеющими ничего общего с палеолитом⁵.

Так же точно, как хронологические рамки, устанавливаются и локальные особенности. Армантские каменные орудия находят себе аналогию в Наг-Хаммади (около 100 км вниз по течению Нила) и в оазисе Харге, но отличаются весьма значительно от более северных изделий, начиная от найденных в Хеммамие. Таким образом можно выделить южную область, развивавшую свою собственную каменную индустрию, независимо от среднего и северного Египта⁶. Это наблюдение Гуссейна имеет огромную ценность для решения вопроса об экономических и политических взаимоотношениях Верхнего и Нижнего Египта в додинастические времена, хотя сам автор проявляет большую осторожность и, в частности, считает преждевременным говорить об этнических различиях.

К концу додинастического периода, по наблюдениям Гуссейна, на юге Египта усилилось северное влияние и появился «более гомогенный, вернее менее гетерогенный культурный комплекс»⁷.

На основании анализа каменных орудий Арманта Гуссейн делает удачную попытку выявить перемены, происходившие в хозяйственной жизни додинастических обитателей Верхнего Египта. Он указывает на важное обстоятельство, что наконечники стрел встречаются только в нижнем и среднем слоях, а в верхнем совершенно отсутствуют.

¹ На другом участке, обозначенном номером 1100, почва оказалась перерытой, и слоев установить не удалось.

² Cemeteries of Armant, I, p. 200—201 и 226—228.

³ ib., p. 206

⁴ ib., p. 229

⁵ ib., p. 226

⁶ На юге отсутствуют характерные для севера клинки в форме рыбьего хвоста, наконечники булавы и пр. (ib., p. 230).

⁷ Cemeteries of Armant, I, p. 231.

Они все более заменяются грубыми наконечниками копий, напоминающими палеолитические образцы. Повидимому, происходит вырождение охотничьего оружия¹. Наоборот, типичные земледельческие орудия—серпы преобладают в верхнем слое (не только в количественном отношении, но и по разнообразию типов)². В том же слое найден фрагмент ручной мельницы и 10 молотов, которые, возможно, служили для раздавливания зерна перед помолом. Может быть, к этой группе земледельческих орудий следует отнести и своеобразные пестики из кварца, которые могли применяться для растирания зерна, хотя не исключена возможность, что они служили гладилками для лошения посуды или точильными камнями³. Во всяком случае характерно, что все эти орудия, которые можно предположительно отнести к числу земледельческих, встречаются почти исключительно в верхнем слое. По всем данным, земледелие в Верхнем Египте в ранний и средний додинастический период приобретало все больше и больше значения по сравнению с охотой, отступавшей на задний план.

Если эта гипотеза Гуссейна подтвердится, то можно будет сделать широкие выводы для экономической истории древнейшего Египта. Окажется, что здесь земледелие позже стало основным занятием, чем на севере страны, где еще в неолитический период земледелие играло большую роль, чем охота (судя по раскопкам в Меримде-Бенисаламе). В связи с этим интересно отметить одно обстоятельство. Кости свиней были обнаружены только в двух верхних слоях поселения. Очевидно, свиноводство стало развиваться на юге Египта с некоторым опозданием по сравнению с Дельтой, где оно еще в неолитический период играло большую роль⁴. А надо помнить, что разведение свиней особенно удобно в условиях оседлого земледельческого быта.

Что касается костей крупного рогатого скота, то они были найдены во всех трех слоях. Вероятно, это был основной вид домашних животных. Гораздо меньше обнаружено костей овцы. Из остатков диких животных зафиксированы только крокодил (в нижнем слое) и черепаха (в нижнем и среднем слоях). Наконец, найден единственный фрагмент рыбы⁵. Таким образом, и костные остатки свидетельствуют о том, что охота и рыболовство постепенно отступают на задний план.

Остатков культурных растений в поселении не сохранилось, но зато в соседнем некрополе найдено довольно много колосковых чешуек, главным образом эммера (могилы 1209, 1471, 1473, 1486, 1514, 1566, 1577, 1591) и в гораздо меньшем количестве ячменя (в двух могилах)⁶.

Мы видели, что в додинастический период Верхний Египет изобилует лесами. Поэтому не следует удивляться большому количеству каменных топоров и тесел, найденных в поселении. Они служили для рубки и обработки деревьев, а возможно также и в качестве боевого оружия вместо булав, распространенных севернее. Из сотни с лишним экземпляров этого оружия только один является шлифованным, что вполне согласуется с упадком техники шлифовки, столь широко распространенной на более ранней (неолитической) стадии⁷.

В раскопанной части поселения не было найдено металлических предметов, но это отнюдь не означает, что его обитатели были незнакомы с обработкой металлов. В погребениях соседнего некрополя, относящихся к додинастическому периоду, были обнаружены 2 медных браслета и железное кольцо. Повидимому, медь употреблялась также и для изготовления орудий. По крайней мере, для протодинастического периода это можно доказать вполне определенно. Гробница этого времени (№ 1207) была высечена в твердом грунте (глиноземе) с помощью медных орудий, что можно установить по кор-

¹ ib., p. 222. ср. p. 219.

² ib., p. 217—219.

³ ib., p. 225.

⁴ *Cemetries of Armant*, I, p. 255.

⁵ ib., p. 254—255.

⁶ ib., p. 137—138.

⁷ ib., p. 205—207. Вряд ли эти орудия служили мотыгами. Технологический анализ не обнаружил на них лоска, приобретенного от ссыриковосновения с почвой, содержащей кремнезем.

розии на ее стенах. Там же были найдены модели медных орудий (от 3 до 7 см длины, такие малые размеры доказывают, что они не были реальными инструментами строителя).

Наконец, от того же раннединастического периода сохранился своеобразный уникум—запастье из л а т у н и, в гробнице II или III династии. Эта находка позволяет поставить вопрос о сношениях Египта с Закавказьем (хотя бы через вторые и третьи руки) в эти отдаленные времена, ибо медно-цинковая руда добывалась только в Грузии и прилегающих к ней кавказских местностях.

Итак, металлы в додинастическом и раннединастическом Арманте еще только начинали входить в употребление и не были еще в состоянии вытеснить камень, как основной материал.

Большого развития достигло в архаическом Арманте керамическое производство. Особенно много сосудов было найдено в некрополе. Некоторые покрыты росписью, имитирующей цвета различных горных пород. Таким образом, можно наблюдать интересное явление—замену дорогих каменных сосудов (которые также встречаются во многих гробницах), более дешевыми керамическими, изготовленными по их образцу.

О. Н. Muers обращается по этому поводу к читателям с пространными рассуждениями на тему об ожесточенной конкуренции в столкновениях между двумя классами рабочих и о безработице, возникшей среди мастеров, обрабатывающих камень¹ о втягивании безработных в новую индустриальную сферу и т. д. Все эти рассуждения весьма показательны для современной науки в капиталистических странах. Они свидетельствуют, что даже лучшие буржуазные археологи становятся беспомощными, когда они пытаются перейти к широкому обобщению и реконструировать социальные отношения в глубокой древности. У Мейерса получается, что на заре египетской истории уже сложилась обстановка, напоминающая современный капиталистический мир.

Что касается содержимого сосудов, положенных в могилы, то удалось установить наличие остатков хлеба, плетенки, малахита, осадков какого-то напитка (возможно, пива), угля, пепла и т. д. Весьма многочисленны найденные в большинстве гробниц бусы. Естественно, что подавляющее большинство бус, найденных в додинастическом армантском некрополе, было изготовлено из каменных пород, добываемых в соседней пустыне (агата, сардоника, халцедона, корнелиана, граната, кварца, плавленого шпата и более мягких пород, например стеатита, серпентина). Техника изготовления каменных бус прослежена Мейерсом во всех деталях. Он установил, что данная отрасль художественной промышленности очень рано достигла высокого совершенства². Показательны в этом отношении фаянсовые бусы, отлитые в специальных формочках. Две золотые бусины (тонкой ювелирной работы) относятся уже к более позднему времени (Древнему царству)³.

Что касается этнической принадлежности додинастического населения Арманта, то оно ни в коем случае не было однородным. При измерении черепов установлены различные варианты. Один череп был определен как авиатский, и О. Н. Muers выдвигает достаточно произвольную гипотезу о приезде издалека купца, умершем в Египте⁴.

К концу додинастического периода поселение, расположенное на запад от нынешнего Арманта, как мы видели, запустело, хотя соседний некрополь продолжал еще использоваться (некоторое количество могил относится к раннединастическому периоду и даже к более поздним временам). Очевидно, произошла какая-то передвижка населения ближе к берегу Нила, где возник город Ермонт. Время основания его установить трудно. Древнейшее здание, от которого сохранились следы, относится ко времени первых династий («протодинастический храм»)⁵.

¹ Cemeteries of Armant, I, p. 50—51.

² ib., I, p. 73.

³ ib., p. 79.

⁴ ib., p. 2.

⁵ Temples of Armant, I, p. 4—2.

К сожалению, до сих пор обнаружено мало памятников Древнего царства и переходного периода от Древнего к Среднему царству.

Весьма показательны находки в шурфах, заложённых английской экспедицией в районе развалин армантских храмов (так называемые «зондажи»). Здесь обнаружен ряд кремневых орудий, относимых С. А. Гуссейном ко времени Древнего и Среднего царств. Найдённые образцы напоминают аналогичные орудия из известного нам додинастического поселения. Но в то же время бросается в глаза упадок производства кремневых орудий. Многие типы совершенно исчезают (наконечники стрел, скребки, топоры, буравы), другие типы грубеют и вырождаются (клинки из кремня). Часто встречаются кремневые серпы, более позднего типа, чем в поселении (без зазубрин). Назначение их безошибочно определяется наличием гланца, возникающего в результате соприкосновения со стеблями злаков¹.

Таким образом, мы сталкиваемся с поразительным фактом. В эпоху расцвета египетской цивилизации бытуют ещё некоторые орудия каменного века (иногда даже грубой палеолитической формы). Это лишь раз свидетельствует о медленности развития египетской экономики и сохранении остатков глубокой старины наряду с новыми техническими приемами.

Ряд косвенных данных свидетельствует о том, что Ермонт уже в эпоху Древнего царства был значительным центром. Само название города—Иуну, то есть—«священный столб» указывает на наличие здесь храма. Позднее (в эпоху Среднего царства) к этому названию было прибавлено обозначение «шема» («южный») в отличие от «северного» Иуну—крупнейшего религиозного центра Египта, Гелиополя. Местным богом—покровителем Ермонта—считался Монт, культ которого был распространён в других городах IV нома: Фивах, Тоде (Джерт), Медамуде (Маду). В этом отношении весьма показательны титулы Монта «господин Фив, бык Ермонта, который выходит из Тода», «господин Ермонта, бык, который в Медамуде», «господин Фив, который в Ермонте». Из этих эпитетов видно, что Фивы находились долгое время под влиянием Ермонта, и бог-покровитель этого города был верховным богом всего нома². Безусловно, эта роль города как религиозного центра была тесно связана с упомянутым выше его положением как административного центра нома. Более подробные сведения об этом мы получим, когда будут обнаружены древнейшие храмы Ермонта, расположенные под могилами старого мусульманского кладбища.

Пока единственной надписью до начала XI дин., найденной *in situ*, является фрагментированный картуш Хафры³, и лишь на основании позднейших пережитков и документов, обнаруженных в других местах, мы можем судить о том, что когда-то Ермонт имел преобладание над Фивами и даже (как предполагает Мейерс) был первоначальной резиденцией XI династии. Но даже после перенесения столицы нома, а затем и всей страны в Фивы, Ермонт, хотя и был отодвинут на задний план, все-таки продолжал пользоваться вниманием многих фараонов. Ментухотеп V (XI дин.), Аменемхет I, Сенусерт I и Сенусерт III (XII дин.) были ревностными почитателями Монта и усиленно расширяли его храм в Ермонте. Постройки Ермонта были в Птолемеевскую эпоху разобраны, и прекрасные каменные блоки (главным образом из известняка) использованы в качестве строительного материала при сооружении нового храма. Экспедиция обнаружила целый ряд таких блоков, перенесённых на новое место⁴. Покрывающие их рельефы стоят вполне на уровне лучших произведений египетского искусства Среднего царства. Особенно поражают тщательностью выполнения, грацией и строгостью фигур изображения и сопровождающие их надписи XI дин. Каждый иероглиф представляет собой высокохудожественный рисунок, связанный единством стиля со специальной, которую он поясняет.

¹ Temples of Armant, I. p. 66—73.

² *ib.*, I, p. 157.

³ *ib.*, p. 2.

⁴ *ib.*, I, p. 166.

При XII дин. в художественном творчестве наблюдаются некоторые перемены. Меньше внимания уделяется детализации фигур, но зато рельефы становятся глубже, и появляется стремление к трехмерности¹.

Сюжеты всей этой серии изображений не отличаются разнообразием. Обычно изображается царь, являющийся перед лицом бога или богини. В сопровождающих надписях божество наделяет царя жизнью, благоденствием и властью. Чаще всего изображаются местные божества—Монт в виде человека с головой сокола, украшенной солнечным диском и двумя высокими перьями, и две его спутницы Тененит и Иунит. Образы этих богинь интересны не только для истории религии, но и для выяснения политических связей той эпохи. Обе они тесно связаны с Мемфисом. Тененит, как показывает ее имя, является двойником соответствующего мужского хтонического божества Танена, почитавшегося в Мемфисе, где он отождествлялся с Птахом. Иунит, хотя ее имя намекает на местный культ (оно происходит от египетского названия Ермонта Иуну), также ставится в связь с Мемфисом. Ей присваивается эпитет «владычица Анх-тауи» (местности, расположенной по соседству с Мемфисом, у нынешней Саккара)².

Отмечая эти факты, М. С. Драуэр, перу которой принадлежит глава XIII, посвященная надписям, приходит к выводу, что между Мемфисом и Ермонтом уже в ранние времена существовала связь, которая еще ждет религиозно-исторического объяснения³.

Надо, однако, отметить, что данная проблема гораздо шире, и ее нельзя ограничивать только сферой религии. Богословские концепции отражают, в известной степени, борьбу, происходившую в реальной жизни. И не случайно местные ермонтские жрецы избегают изображать в своих храмах бога-покровителя расположенной по соседству столицы—Амона. Само имя верховного бога упоминается редко, и притом лишь в теофорных именах или титулатуре фараона⁴. Совершенно отсутствуют изображения и упоминания Мут и Хонсу. И в то же время охотно изображаются Гор (напр. таб. XCIX, 1—2, рядом с Монтом и в таком же облике, но без диска и перьев), Нехебт и другие божества.

Ясно, что ермонтские жрецы стремятся сохранить свою независимость от фиванского жречества и предпочитают устанавливать связь с прежней столицей Мемфисом и с другими городами, но не с Фивами. И фараоны, украшающие Ермонт, считаются с этими партикуляристическими тенденциями и даже признают Монта попрежнему владыкой Фив, хотя там уже восторжествовал культ Амона.

Потрясения, испытанные Египтом в конце Среднего царства—восстание бедняков и рабов и последующее нашествие гиксосов должны были отразиться и на судьбе Ермонта. В новой обстановке приходилось думать уже не о сооружении храмов, а об обороне. К этому времени, вероятно, относятся остатки кирпичных стен, обнаруженные экспедицией (впрочем, они могли быть сооружены еще в первый междоусобный период)⁵.

От эпохи гиксосов дошел только один предмет—скарабей, украшенный бессмысленным набором иероглифов⁶.

Зато с наступлением эпохи Нового царства в Ермонте вновь начинается усиленное строительство. Уже от основателя XVIII дин. Яхмоса I дошел блок, на котором вырезано тронное имя царя, заключенное в картуш, но особенно широко развываются строительные работы при Хатшепсут и Тутмосе III. От них дошли тайники, устроенные

¹ Ibid., I, p. 22.

² ib., I, p. 159, 167.

³ ib., p. 159.

⁴ ib., p. 172. Ср. II, Plates (pl. LXXXVIII). Сенусерт I (по ошибке названный в подписи под иллюстрацией Сенусертом III) носит эпитет «возлюбленный Амона—Ра», ср. упоминание Амона в надписи на стеле Тутмоса III, о которой будет речь ниже, и на статуе визиря XIX или XX дин. (р. 189).

⁵ Temples of Armant, I, p. 2.

⁶ ib., p. 16—17.

при закладке новых храмовых зданий. В одном из них был зарыт скелет перепелки, положенный во время какого-то магического обряда, и модели алебастровых сосудов, помеченных именем царицы, в другом—наряду с бусами и алебастровыми сосудами—множество бронзовых моделей орудий (пилы, топоры, ломы, кирки, клинья и пр.). На некоторых из них можно прочесть надпись «добрый бог Менхеперра» (т. е. Тутмос III), возлюбленный Монтом, господином Ермонта»¹.

При Тутмосе III, по всем данным, был сооружен грандиозный пилон, украшавший вход в храм. На западном крыле его была укреплена стела из красного гранита, позднее упавшая вниз и оставшаяся лежать у подножия пилона, пока ее не обнаружила лопата археолога². Надпись на этой стеле сохранилась почти полностью. Она содержит восхваление деяний Тутмоса III, как воителя и охотника. Среди охотничьих подвигов Тутмоса III упоминается доставка живого носорога из Нубии. Для обозначения этого зверя употребляется совершенно не известное до сих пор слово *š'kb*, возможно заимствованное из нубийского языка³. Вероятно, к этому моменту из охотничьей практики Тутмоса III относится интересное изображение на северной стороне восточного крыла пилона. Здесь мы видим длинную процессию нубийцев и нубиек (с детьми на плечах), пригоняющих быков и несущих всевозможные дары (страусовые перья, страусовые яйца, слитки какого-то металла, живого леопарда и пр.). Бросаются в глаза плясуны и барабанщики, участвующие в процессии и, наконец, отчетливо вырисовывается фигура носорога. Египетский художник с большим реализмом изобразил его голову с двойным рогом, могучее туловище и характерные складки кожи на шее. Только ноги оказались неестественно стилизованы.

Рядом вырезана надпись, сообщающая результаты обмера зверя. Это, пожалуй, первый в истории зоологии случай точного измерения диких зверей. Дана высота его ноги, окружность следа, длина брюха и т. д. в локтях и пядях⁴.

Под рельефом был обнаружен заделанный в стену локоть, которым пользовался художник. Точная длина его 52,86 см. Правая половина его подразделена на три пяди (8,81 см+8,58 см+8,78 см), а последняя пядь на четыре пальца, следовательно, перед нами дуодецимальный локоть. Он несколько короче обычного в Египте локтя (53,20 см)⁵.

Активная роль Тутмоса III в строительстве Ермонтского храма не подлежит сомнению. Кроме пилона он оборудовал передний двор с колоннами и поставил у входа двух сфинксов из песчаника, обрамлявших с двух сторон дорогу процессий, ведущую к храму⁶. В большом количестве на территории раскопок были найдены блоки от разрушенных сооружений фараона-завоевателя.

Не пренебрегал Ермонтом и фараон-реформатор Эхнатон. Он построил здесь храм «Горизонт Атона в Ермонте», упомянутый в одной Карнакской надписи. Это здание было позднее разрушено, и жалкими остатками его являются два блока с картушами Эхнатона. Один из них был использован позднее в качестве ступеньки в частном доме, а другой—при постройке Бухеума (храма бога-быка)⁷.

Другим показателем деятельности царя-реформатора в Ермонте являются старинные надписи с выскобленным по его приказанию именем Амона⁸.

Об интересе к Ермонту второго преемника Эхнатона—известного Тутанхамона, свидетельствует перстень последнего с надписью «правитель Ермонта»⁹.

¹ Temples of Armant, ib., p. 137, 187.

² ib., p. 15, перевод на стр. 182—183.

³ В эпоху древнего царства бытовало другое слово 'rb', детерминированное изображением носорога и знаком воды (три волнистых линии).

⁴ ib., I, p. 159—160. Ср. n. 26—28.

⁵ ib., p. 26.

⁶ ib I, p. 15. Ср. p. 187.

⁷ ib., p. 2—3. Ср. p. 175

⁸ ib., p. 168.

⁹ ib., p. 3.

Из фараонов XIX дин. больше всех оказывал внимание Ермонтскому храму Рамсес II. Даже в поэме, воспевающей битву при Кадеше, заявляется, что крик фараона, сражающегося с хеттами, доходит до Ермонта¹.

У входа пилона вырезано несколько строк, сообщающих о праздновании юбилеев Рамсеса II. Упомянуты юбилеи 54, 57 и 60 годов правления фараона, а фрагмент надписи, находившейся на противоположной стене, прибавляет еще 51, 63 и 66 год. 51 год оказался почему-то не на месте.

Под отчетом о юбилее 54, 57 и 60 годов приписаны еще три строчки более крупными иероглифами (строки 4—6). Четвертая и пятая строки представляют собой явный палимпсест. От первоначального текста, тщательно выскобленного, сохранились лишь отдельные слова (mrj—возлюбленный, n b. tj—обе владычицы). Взамен его была помещена новая надпись, причем иероглифы были выкрашены в голубой цвет. Хотя эта надпись сильно попорчена, но по сохранившимся остаткам ясно, что она представляла собой титулатуру фараона, от которого сохранилось лишь тронное имя Усермаара-Мери-Амон. Часть этой надписи позднее была замазана, и поверх ее начертан в каждой строчке картуш Мернепты (на этот раз желтой краской).

Драуэр предполагает, что первый (самый ранний текст) написан при Рамсесе II, а последний (картуши) при Мернепте I (сыне Рамсеса II)², но не объясняет, кто был загадочный Усермаара-Мери-Амон, по приказу которого была выскоблена надпись Рамсеса II. Мне кажется, что возможны два способа разрешения этой исторической загадки. Или мы должны предположить, что в момент смерти Рамсеса II в Ермонте появился какой-то узурпатор, принявший тронное имя Усермаара-Мери-Амон и успевший увековечить его на стене пилона, или отождествить автора второй надписи с фараоном XX династии Рамсесом IV (по прежней нумерации III), носившем такое же самое имя. Но тогда Мернепту третьей, самой поздней надписи нельзя будет отождествлять ни с Мернептой, сыном Рамсеса II, ни даже с Мернептой Сиптой и придется предположить, что какой-либо претендент времени XX дин. принял имя Мернепты и в дни своего кратковременного царствования начертал его поверх замазанного текста предшественника. Во всяком случае ясно, что Ермонт и его храм были ареной борьбы за престол в смутные времена конца XIX и XX династий.

Из памятников Нового царства следует еще отметить серию прекрасных, расписанных в несколько цветов статуй Осириса из песчаника, которые, правда, восходят еще к XI династии, но были, судя по надписи на одной из них, реставрированы при Мернепте³.

Наконец, необходимо обратить внимание на фрагмент совершенно исключительного по смелости замысла и экспрессии рельефного изображения на блоке Нового царства, попавшем позднее в строение Птолемеевской эпохи. На этом рельефе мы видим группу пленников, которых фараон сгреб за волосы. Художник тщательно отмечает антропологические черты каждого лица, так что можно различить обитателей Нижней Нубии и негроидов. Небывалым для египетского искусства новшеством является идеально правильное изображение en face трех пленников в центре группы.

Если от эпохи Нового царства дошло много разнообразных и часто ценных памятников, то этого нельзя сказать о последующих периодах, от которых дошло лишь несколько предметов.

Мы можем только догадываться о потрясениях, которые испытал Ермонт во время ассирийского и персидских нашествий. Вероятно, к одному из них относится поломка ряда статуй, фрагменты которых были позднее тщательно собраны и сложены в специальный тайник⁴.

При Птолемеях происходит коренная перестройка Ермонтского храма. Старые строения беспощадно разрушаются, и даже многие плиты с высокохудожественными

¹ ib., p. 13.

² ib., I, p. 165.

³ ib., I, p. 50.

⁴ ib., p. 16.

изображениями используются в качестве строительного материала. Любопытно отметить, что в вымостку Птолемеевского храма был опущен даже гранитный блок, покрытый золотыми пластинками, вероятно, часть «золотых ворот Монта»¹.

В Птолемеевском храме почитался, в первую очередь, поселенный здесь священный бык (Бухис)². Но продолжали почитаться и другие божества, о чем можно судить по рельефам на птолемеевских блоках. Судя по ним, особенно проявили тенденцию к сближению с ермонтским жречеством Птолемей VI Филометер и Птолемей X Сотер. Они изображаются приносящими дар Монту, богине Тененит-Иунит (теперь происходит окончательное слияние обеих богинь в единое божество, которое намечалось еще прежде), Гармахису, Хатор и др.

Последним сооружением птолемеевской эпохи было Маммизи («комната рождения») Клеопатры, сооруженное с целью ознаменовать рождение Цезариона³.

После превращения Египта в римскую провинцию значение Ермонта не только не уменьшается, но даже возрастает, в связи с запустением соседних Фив, сильно пострадавших от землетрясения 27 г. до н. э. Строительная деятельность в Ермонте усиленно продолжается и на территории храма и в других частях города. В позднейшей коптской церкви сохранились колонны из красного гранита, украшавшие когда-то площадь римской эпохи. Остались также кое-какие следы римских терм. Продолжалась и перестройка храма. Разбирались здания птолемеевского времени и взамен воздвигались новые. Так, под могилами нового мусульманского кладбища обнаружены ворота римского храма. Другие ворота были воздвигнуты поблизости от храма (в нын. Руб-эл-Маганин) по приказанию Антонина Пия. Они украшены рельефами, изображающими этого императора приносящим жертвы многочисленным египетским божествам (Монту, Тоту, Гору, Хатор и др.)⁴.

В конце III в. н. э. Ермонт, наряду с другими городами Верхнего Египта, испытал нашествие блемиев, вещественным свидетельством которого являются образцы блемийской керамики, найденные при раскопках. К этому времени относится римская стена, сооруженная частью из кирпича, частью из каменных блоков Птолемеевского храма, разрушенного с целью добыть строительный материал. Возможно, что это было делом Диоклетиана, укреплявшего южную границу Римской империи. Но не исключена и возможность, что стена строилась по приказу блемиев, в период их кратковременного господства⁵.

Торжество христианства привело к большим переменам в Ермонте. Передний двор языческого храма был застроен жилыми помещениями, вплотную примыкавшими к пилоу. Этот новый городской квартал, датируемый концом IV в. (в V в. он уже опустел) был разделен на две части главной улицей. Скученные, без всякой системы, маленькие домики были сооружены главным образом из кирпича-сырца (изготовленного из нильского ила). В меньшей степени использовался обожженный кирпич. Большинство жилищ представляет собой однокомнатные помещения (реже двухкомнатные). В одном домике обнаружен вделанный в стену шкаф, в котором находился железный нож и остатки пищи (кости свиньи, рыбы кости). Около другого дома обнаружена выгребная яма. Из других находок, характеризующих бытовые условия обитателей, следует отметить небольшую ванночку для мытья ног у наружной двери помещения Н. Т. 9, наглядно свидетельствующую о том, что в христианском городе сохранился старинный египетский обычай.

Экспедиция собрала довольно большое количество монет греческих (диоболы, драхмы и тетрадрахмы) и римских (сестерции, аврелианы, follis), правда, главным обра-

¹ Temples of Armant, I, p. 12.

² ib., p. 4.

³ ib., p. 177—179.

⁴ ib., I, p. 181.

⁵ ib., p. 10.

вом, в результате случайных находок и покупки. В этой коллекции имеются монеты почти всех императоров от Августа до Коммоды. От императоров III в. (за исключением Кара и Диоклетиана) монет не дошло, что, вероятно, служит лишним свидетельством глубины финансового кризиса этой эпохи. Зато сохранились монеты последних римских императоров и нескольких византийских (вплоть до Ираклия).

Экспедицией, работавшей в Арманте, не было сделано каких-либо ярких и сенсационных открытий, но собранный материал знакомит с судьбами одного из значительных египетских городов на протяжении ряда тысячелетий. Пока еще ряд пробелов мешает создать цельную и подробную картину его развития, но отдельные этапы обрисовываются довольно четко.

Д. Г. Редер

Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1947 г.

В послевоенные годы непрерывно растет размах археологических исследований на территории нашей Родины, обогащающих историческую науку новыми ценными материалами. Исключительно плодотворным для советских археологов был 1947 год, когда вся страна праздновала 30-летие Советской власти. Настоящий обзор составлен на основании предварительных отчетов, представленных начальниками экспедиций и отрядов ИИМК.

Деснинская экспедиция (руководитель М. В. Воеводский) произвела раскопки на Авдеевской палеолитической стоянке (около г. Курска). Обнаружены большие скопления костей мамонта и других животных. Несколько групп костей стояло вертикально. Они, вероятно, являются остатками конструкции жилища. Собрано несколько тысяч кремневых поделок и несколько костяных предметов с орнаментом. Стоянка относится ко времени классического солютре Восточной Европы и является аналогом 1-й Костенковской стадии. На Очкинской неолитической стоянке наибольший интерес представляет находка в одном комплексе с типичным Деснинским неолитом нескольких шаровидных лощеных сосудов со шнуровым орнаментом. Раскопки стоянки «Песочный ров» выявили совершенно своеобразную мезолитическую культуру, не имеющую пока аналогий. На городище «Песочный ров» были исследованы остатки столбового дома.

Кроме раскопок, экспедицией были обследованы 6 городищ, несколько селищ и 8 неолитических стоянок по течению Десны и Сейма.

Бурят-Монгольская экспедиция (руководитель А. П. Окладников) изучала главным образом многочисленные наскальные изображения различных эпох (от палеолита и почти до прихода русских на Лену) в долине р. Лены вблизи д. Шипкино. Рисунки выполнены красной краской, резные и затертые. Особенно замечательно палеолитическое изображение дикого быка-бизона и еще один рисунок дикой лошади.

Интересны крупные реалистические фигуры лосей, не уступающие лучшим скандинавским изображениям оленей эпохи мезолита, и оригинальные антропоморфные фигуры, которые следует датировать концом неолита или эпохой бронзы.

А. П. Окладников руководил также одним из отрядов Туркменской экспедиции, обследовавшим районы Красноводска, Джебела и Небит-Дага. В двух пунктах найдены раннемустьерские или, может быть, даже ашельские изделия, в Каскыр-Булаке обнаружены типично мустьерские изделия, исследовано местонахождение авильского

(позднекаспийского) типа в гроте Дам-Дам-Чешме; около мыса Куба-Сенгир оказалась древняя «ювелирная мастерская», где из морских раковин выделялись крупные бусы. Мастерская относится к раннему неолиту.

Л. Я. Крижевская закончила начатые в 1940 г. раскопки памятника Городищенской Горы (в 7 км выше г. Ржева, при впадении в Волгу реки Макаровки). Здесь находилась мастерская по выработке кремневых орудий. В центре площадки, размером 70—80 м, расположенной на крутом склоне горы, были найдены два очага с большими шлифовальными плитами и значительным скоплением призматических нуклеусов равных размеров, пластин, заготовок и незаконченных орудий. Керамика, представленная немногими фрагментами, является повднеолитической.

В районе Старицы (при впадении в Волгу реки Кашинки) обнаружена аналогичная мастерская. Особый интерес оба памятника представляют потому, что в них найдены в определенном комплексе кремневые орудия форм, известных по многочисленным верхневолжским макролитическим коллекциям.

А. Я. Брюсов произвел раскопки неолитических стоянок в низовьях р. Суны (Карело-Финская ССР). В найденном наиболее позднем неолитическом поселении (стоянка Суна 3) раскопаны хозяйственные землянки и яма с врытыми в ее пол двумя глиняными сосудами. Раскопки около петроглифов Залавруга (близ деревни Выгостров) подтвердили мнение руководителя раскопок о поздней дате этих петроглифов и о наличии около них, как и около всех других петроглифов (Бесовы Следки и др.), древних поселений. Стоянка, открытая около петроглифов Залавруга, дала материалы в виде каменного топорика деградирующего вестландского типа, поздней формы керамики и др. Обследование района вблизи деревень, где расположены петроглифы, обнаружило следы многочисленных древних кратковременных стоянок.

Кольская археологическая экспедиция (руководитель Н. Н. Гурина) произвела археологическое обследование побережья Баренцова моря, которое, как выяснилось, было заселено достаточно сильно. Обнаружено 32 местонахождения древнего человека, из них 27 поселений неолитических и эпохи раннего металла, 2 древних саамских, одна мастерская по выработке орудий. Выяснилось, что значительное количество поселений, лежащих на побережье, является временными, сезонными стоянками, тогда как постоянные поселения располагаются несколько выше по рекам, на участках, защищенных от холодных ветров, дующих с моря. Раскопки стоянки на Екатерининском острове дали материалы для изучения древнейших форм охоты, объектами которой, как установлено по находкам костей, были морж, олень, тюлень и бобр. Были продолжены раскопки Оленеостровского могильника (велись в прошлом А. В. Шмидтом) и установлено сходство инвентаря погребений с инвентарем стоянки на Екатерининском острове.

Камская экспедиция (руководитель А. В. Збруева) продолжала раскопки Луговской стоянки (пос. Луговой Елабужского района Тат. АССР). В центральной ее части исследовано 6 жилищ—полуземлянок, связанных между собой проходами с 2 выходами на север (к лесу) и 1—2 на юг (к реке). Эта группа жилищ относится к концу II—началу I тысячелетия до н. э. В восточной части стоянки вскрыто жилище начала I тысячелетия до н. э., вероятно, непосредственно предшествующее ананьинской эпохе.

О. А. Гракова производила раскопки поселения киммерийской культуры (№ 5) на Беловерском лимане, в сел. Каменке Днепровской. Открыта большая жилая землянка с широкими уступами в виде нар и остатками трех очагов, сложенных из камня. Собранные находки позволяют отнести поселение к позднебронзовому веку—вероятно, к началу I тысячелетия до н. э.

Галичская экспедиция (руковод. М. Е. Фосс) вела раскопки на северном берегу Галичского озера, у с. Быки, открыла три стоянки: начала II тысячелетия до н. э., конца этого тысячелетия и первой половины I тысячелетия до н. э. В последнем пункте открыта железоплавильня древнейшего типа, без горна, подобная открытой в прошлом году в этом же месте, на соседней дюне.

Трипольская экспедиция (руководитель Т. С. Пассек) вела работы на территории УССР и Молдавской ССР.

На Украине были продолжены большие раскопки трипольского поселения у с. Владимировки Подвысоцкого района Кировоградской области. В этом году был раскопан один из курганов, расположенный на территории поселения. В насыпи кургана открыты скорченные и окрашенные погребения, датируемые эпохой поздней бронзы. В процессе снятия курганной насыпи были сделаны исключительно интересные наблюдения стратиграфического характера, установившие, что эти захоронения перекрывают нижележащие два глинобитных трипольских жилища. Тем самым выяснилась конечная дата жизни трипольского поселения у Владимировки. В эпоху поздней бронзы поселок был уже необитаем и на его месте мог возникнуть изученный экспедицией курган.

Обнаруженные под курганной насыпью два трипольских жилища оказались большими наземными глинобитными постройками из дерева и хорошо обожженной глины. Жилища—прямоугольных очертаний (длина 14 м, ширина 5 м), с поперечными перегородками, разделявшими дом на отдельные помещения, где имелись печь, лежанка, особое культовое место. Среди находок большое число кремневых изделий—ножей, скребков, вкладышей для серпа, а также роговые мотыги, костяные проколки, сосуды с черной росписью и глиняные статуэтки.

Кроме кургана и жилищ, в этом году экспедиция раскопала трипольскую землянку и продолжала работы по изучению на правом берегу р. Синюхи стоянки эпохи верхнего палеолита и эппалеолита.

Кроме раскопок на Украине, Трипольская экспедиция начала в этом году систематическую археологическую работу на территории Молдавской ССР.

В течение месяца экспедиция провела разведки: 1) западнее г. Кишинева по течению р. Ботна, 2) севернее г. Бельцы, в районе знаменитого поселения эпохи Триполья у с. Петрени, где вел раскопки Э. Р. Штерн; 3) севернее г. Оргеева на правобережье Днестра. В результате экспедицией обследовано 7 трипольских поселений, ряд скифских и славянских городищ.

Археологические разведки дали совершенно новый материал, характеризующий древнейшую культуру Молдавии.

Средне-Днестровская экспедиция (руководитель С. Н. Бибилов) продолжала изучение верхнепалеолитических стоянок на большой территории правобережья и левобережья Днестра. Особенно важными были исследования нижнепалеолитических намятников, ставших известными в Поднестровье с прошлого года. На стоянках собраны древнейшие палеолитические орудия раннеашельского возраста, в том числе и ручные рубила. В Луке Врублевецкой раскопан курганный могильник раннескифского времени. В одном из курганов были раскрыты четыре костяка в одной яме, пол которой утрамбован, имитируя тем самым пол жилища; костяки скорченные и окрашенные. Кроме того, в Луке Врублевецкой раскопано дотрипольское поселение вместе с вышележащим слоем, относящимся к I в. н. э. и средневековой славянской культуре.

Южно-Подольская экспедиция (руководитель М. И. Артамонов) сосредоточила свое внимание на памятниках Побужья между Винницей и Брацлавом. Здесь ею было исследовано несколько поселений трипольского типа, несколько скифских городищ и один скифский курганный могильник, ряд поселений эпохи полей погребений и несколько славянских городищ и селищ.

Важнейшим результатом исследований в области трипольской культуры является установление границы между двумя региональными группами этой культуры: днестровской, характеризующейся керамикой с желобчатым орнаментом, и среднеднепровской, или собственно трипольской, с ее прочерченной орнаментацией. Поселения первой из названных групп не идут восточнее Буга.

Из числа поселений трипольского типа наиболее интересно поселение в местечке Печоры. Здесь скрещиваются различные виды трипольской керамики, что позволяет определить истинное отношение между группами трипольской культуры. В Печорах найдена также своеобразная глиняная антропоморфная фигурка, напоминающая так называемые киммерийские каменные бабы.

На Немировском городище впервые полностью раскрыты остатки скифского жилища. Это большая круглая землянка (около 7 м в диаметре) с центральным столбом и следами стенок из вертикально поставленных бревен. Внутри землянки найдены два каменных очага, относящиеся к двум последовательным периодам существования этого жилища. Длинные рвы или «коридоры», несомненно, первоначально крытые, соединяли скифские жилища между собой. Кроме того, открыто несколько зерновых ям скифского времени. Раскопана часть вала, основание которого было сложено из горизонтальных бревен на каменной подстилке, а затем покрыто толстым слоем глины. Бревна в основании вала были сожжены. Дата существования городища VIII—V вв. до н. э.

При раскопках на Немировском городище были обнаружены также остатки трипольского поселения с керамикой петренского типа и многочисленные следы заселения в славянское время.

Вблизи с. Пересоки, севернее г. Винницы, в лесу находится огромное скифское городище и большой курганный могильник. Раскопанные здесь 7 курганов оказались ограбленными. В могилах, несмотря на разграбление, найдено оружие: наконечники копий и стрел, ножи, бусы, бронзовые бляшки и глиняные сосуды. Вещи датируются временем не раньше IV в. до н. э. Погребения совершались в столбовых камерах, устроенных или в большой яме, или, реже, на поверхности материка. Над могилой разводился большой костер, причем огонь нередко проникал и в самую могилу. Экспедицией обследовано несколько поселений с культурой полей погребений черняховского типа. В одном из них найдена серебряная монета императрицы Фаустины.

К. Ф. Смирнов производил раскопки грунтового Пашковского могильника (№ 3) в районе станицы Пашковской (Краснодарского края), принадлежащего туземному земледельческому местному населению. Интересны погребения с местной керамикой скифского облика, среди которой имеются кубки, аналогичные кубкам Моздокского могильника (VII—VI вв. до н. э.). Однако данные Пашковского погребения датируются более поздним временем—V—IV вв. до н. э. Инвентарь погребений III—II вв. до н. э. свидетельствует о развитой форме оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства и о культурных связях местного населения с греческими центрами. Погребения сопровождаются греческими амфорами эллинистического времени и большим количеством грубой лепной и сделанной на гончарном круге посуды. Последняя подражает греческим формам. Одно из погребений воина дало целый набор туземного оружия, железные копья с узким длинным пером, железные втульчатые стрелы и короткий меч.

Тавро-скифская экспедиция (руководитель П. Н. Шульц) работала в составе трех отрядов. Важнейшим достижением отряда, продолжавшего раскопки Неаполя Скифского (руководитель А. Н. Карасев), явилось открытие городских ворот, находившихся в центральной части южной линии оборонительной стены. За пределами линии стены проход в ворота обрамлен пилонами и башнями. Ворота сооружены в эллинистическое время и продолжали свое существование до позднеримского времени. У внутреннего панциря городской стены обнаружено 14 зерновых ям, датирующихся первыми веками н. э. Вероятно они являются частью крупного государственного зернохранилища. При раскопках некрополя вскрыты грунтовые могилы рядовых граждан в виде земляных склепов и подбойных могил.

Бахчисарайский горный отряд (руководитель Е. Б. Веймарн) установил наличие древней дороги от Неаполя к Южному побережью с началом у Чатыр-Дага. В районе Тавеля и Биюк-Янкоя наметилась граница между владениями скифов и тавров, на грани предгорий и гор. Выяснены основные отличия укреплений горных тавров, являвшихся убежищами, от скифских укрепленных пунктов, соединявших в себе функции крепости и поселения.

Белогорский отряд раскопал скифский курган на сев.-зап. окраине г. Белогорска. В кургане обнаружен каменный склеп с дромосом и порталом, который ведет в погребальную камеру небольших размеров. Склеп перекрыт громадными продолговатыми плитами, длиной до 4,15 м. Датируется курган III в. до н. э. Под Белогорском обнаружена стоянка Киммерийской эпохи.

Керченская экспедиция (руководитель В. Д. Блаватский) продолжала раскопки 1945—46 гг. на горе Митридат. На раскопе в районе Эспланадной улицы, рядом с римским комплексом зернохранилищ, была обнаружена хорошо сохранившаяся винодельня римского времени, состоящая из двух цементированных площадок, обращенных своими сливами к 2 центральным цистернам, а также остатки более ранних виноделен. Под сооружениями римского времени открыты развалины жилых построек эллинистического времени. Одна из стен сложена из мощных каменных блоков длиной более 1 м, шириной 0,80 м. Здесь найдены понтийская капитель и куски расписной штукатурки.

У подножья 2-го кресла был продолжен раскоп 1945 г., где был найден сгоревший дом римского времени. Под развалинами римского дома были обнаружены остатки большого эллинистического общественного здания—нижние части стен, сложенных из монументальных, хорошо обтесанных блоков.

На южном склоне Митридата было открыто продолжение римского комплекса III в.—развалины здания, примыкавшего к найденной в 1946 г. улице с юго-востока, и выявлено террасообразное расположение римского города III в. Были выявлены субструкции террасы I в. н. э., представляющие собой мощные насыпи, была открыта очень тщательно сделанная стена эллинистического здания, найдена дорийская капитель принадлежавшей этому зданию колоннады и прекрасно сохранившаяся подпорная стена террасы III в. до н. э., укрепленная во второй строительный период контрфорсами. Среди находок интересны образцы местной пантикапейской керамики—с лепным и рельефным орнаментом, с рисунком, исполненным накладной краской, солен с круглым отверстием, образцы греческой расписной архаической керамики, островной и аттической, а также эллинистической рельефной посуды с клеймами, монеты, светильники, терракоты, детали античной и средневековой архитектуры.

Разведочный раскоп в районе Приморского бульвара помог установить, что здесь сохранился тощий городской культурный слой от IV в. до н. э. по IV в. н. э.

М. М. Кобылина вела раскопки в Фанагории. Основной задачей было продолжение выяснения топографии древнего города. Был обследован загородный район (к югу от верхнего плато городища Фанагории на трех нижних склонах Майской горы). На берегу залива найдено место выборки камней монументальной стены и римская вымост-

на, являющиеся началом восточной части античного города. Экспедицией найдены почетная стела с десятистрочной греческой надписью и скульптурными изображениями на обеих сторонах, стела с изображением 2 всадников и фрагмент стелы с изображением всадника, золотой статер Августа и электронная монета с изображением Савромата III.

Киммерийский отряд Керченской экспедиции (руководитель отряда И. Б. Зеест) произвел обследование городища Киммерик (в 45 км к югу от Керчи), коснувшееся главным образом оборонительных сооружений. Остатки оборонительных сооружений и античный культурный слой были обнаружены, кроме холмов, на которых расположено городище, на горном плато, примыкающем с восточной стороны к городищу и находящемся примерно в 3 км от него.

Боспорская экспедиция (руководитель В. Ф. Гайдукевич) продолжала раскопки городища Тиритаки (в Камыш-Буруне, в 11 км южнее Керчи). Важным результатом было выяснение террасообразного характера планировки поселения. К кварталу жилых домов, тянущемуся вдоль центральной улицы, примыкает с востока возвышенная терраса, обрамленная массивной подпоркой—каменной стеной, которая является своего рода облицовкой вертикального среза террасы.

Вся средняя часть поселения была расположена ниже, чем восточная его окраина, представлявшая собой более высокую террасу, которая в первые века нашей эры почти сплошь застроена производственно-хозяйственными сооружениями—рыбопромышленными и винодельческими. Самые ранние культурные остатки, обнаруженные на исследованной территории, восходят к концу VI в. до н. э. Из находок эллинистической эпохи достойна упоминания серия терракотовых статуэток (Кибела, бюст Деметры, головка смеющегося мальчика). К этой же эпохе принадлежит глиняный штемпель с вырезанной на нем монограммой, служившей для клеймения амфор местного боспорского производства. Культурные наслоения римского времени не оставляют никаких сомнений в том, что основным хозяйственным занятием жителей и здесь был рыбный промысел с определенным промышленным уклоном. Из находок этой эпохи интересны бронзовая подвеска—амулет кавказского типа, передающая в стилизованной форме образ какого-то божества, глиняная фигурка оленя, исполненного в духе сарматского искусства, и любопытный миниатюрный глиняный амулет в виде совы. Найдено также каменное надгробие I в. н. э. с рельефом, на котором представлен вооруженный всадник и сидящая перед ним в кресле женщина. Под лошадью всадника изображена собака.

Второй отряд экспедиции продолжал раскопку центральной части боспорского города Мирмекия (4 км северо-восточнее Керчи). Здесь вскрыта значительная часть обширного здания III в. до н. э. В эллинистических напластованиях найден обломок шлифованного каменного топора-секиры времени поздней бронзы. Если учесть, что найденная находка теперь уже не единична, то приходится признать, что и Мирмекия, подобно Тиритане, возник на месте доантичного «киммерийского» селища.

Третий отряд экспедиции приступил к раскопкам городища у деревни Ивановки (в 16 км на запад от Керчи)—вероятно, представляющего остатки города Илурата, упоминаемого Птолемеем. Установлено наличие чрезвычайно сильных оборонительных стен с рядом башен и ворот, удивительно хорошо сохранившихся. Толщина двойной стены, ограничивающей крепость с восточной стороны, достигает 6,40 м при почти 4-метровой высоте. К оборонительной стене примыкают внутригородские постройки (каменные жилые дома).

Ленинградский отряд Ольвийской археологической экспедиции (руководитель отряда Т. Н. Книпович) продолжал раскопки прежних лет. На участке «Е», расположенном на вершине склона к лиману р. Буг, в центральной части верхнего города было открыто большое общественное здание IV—III вв. до н. э., очевидно, святилище. Из 6 смежных, не сообщающихся друг с другом помещений подвального этажа, два имели, бесспорно, культовое назначение. Здесь найден целый ряд сосудов, целых и обломков: с посвятельными надписями; обломок мраморной плиты с посвятельной надписью.

«обломок мраморной женской головки, принадлежащей культовой статуе, целый ряд амулетов, сотни монет. Ниже подошвы стен одного из этих помещений был вскрыт ряд небольших ям, имевших также культовое значение. В одной из них было обнаружено десять рогов тура, тщательно уложенных наподобие венца.

В северо-восточной части верхнего города на участке «И» открыта яма-погреб, наполненная 59 целыми амфорами IV—начала III в. до н. э., из которых почти все имели клейма. Преобладают гераклийские амфоры, в меньшем количестве фассосские. В другом месте открыт подвал с оцементированным полом и цистерной глубиной в 7 м, служившей для хранения вина.

На участке «А» в центральной части верхнего города открыто большое здание, бытовавшее в течение длительного времени (начиная, повидимому, с IV в. до н. э.), подвергаясь реставрации и перестройкам.

Северо-Кавказская экспедиция (руководитель Е. И. Крупнов) на территории Кабардинской АССР раскопала близ сел. Ст. Лескан наидревнейшее для всей центральной части Кавказа подкурганное погребение с инвентарем в виде кремневых вкладышей и архаического сосуда типа керамики с Долинского поселения. Выдающимся результатом является обнаружение клада бронзовых вещей, запрятанного в глухом горном ущелье р. Исыган-су, близ села Жемтала. Клад состоит из высокой бронзовой вазы со звериными ручками, кобанских топоров, бронзовой цепи, сосудиков (типа «ситул») со звериными ручками и других предметов. Уникальной находкой является ваза, искусно склепанная из 6 полос. Время захоронения клада предположительно можно отнести к VII в. до н. э. Во время археологического обследования городища Джулата была найдена куфическая (древнеарабская) надпись на камне.

В Грозненской области раскопками курганов вскрыты погребения эпохи бронзы, скифского времени и разных стадий средневековья. Впервые в центральной части Кавказа были обнаружены могилы со скифским оружием и скифским погребальным обрядом.

В Дагестане работы экспедиции были сосредоточены на Теркинском могильнике, близ г. Махач-Кала. Вскрытые древнейшие каменные гробницы характеризуют вновь открытую «каякентскую» культуру начальных веков I тысячелетия до н. э., позднейшие—эпоху раннего средневековья. Самыми интересными оказались погребения с инвентарем, характерным для сарматской культуры Поволжья—Кубани I—III вв. н. э. Они содержат украшения из бронзы, зеркала, фибулы, стеклянные, янтарные, коралловые бусы. Редкой находкой является привеска из голубой египетской пасты в виде кисти руки.

Б. Б. Пиотровский продолжал раскопки дворца на Кармир-блуре. Закончены раскопки четырех помещений, начаты раскопки трех комнат.

Два больших помещения (дл. ок. 27 м при шир. 4,5 м) оказались хозяйственного назначения; одно из них заполнено жмыхами кунжута, в другом обнаружена ванна из цельного камня (быть может, для сыроварения?). Другие два помещения—кладовые. В них найдено большое количество железных изделий—кинжалы, ножи, секиры, серпы, меч и другие керамические изделия и мелкие украшения. Среди бус оказалась одна ассирийская цилиндрическая печать.

В одной из кладовых найден бронзовый шлем с клинообразной надписью «Богу Халду, владыке, этот (шлем) Сардур, сын Аргишти, посвятил благополучия ради». Шлем с лобной стороны украшен 11 деревьями жизни и стоящими около них божествами в рамке из змей с собачьими головами. Затылочная и височные части украшены двумя рядами изображений всадников и боевых урартских колесниц.

Надпись с именем царя Сардура датирует этот шлем серединой VIII в. до н. э.

В 1947 г. закончено выявление общего плана крепости. Обнаружены и раскопаны главные ворота крепости, находившиеся в южной части. Ворота укреплены двумя большими башнями, во внутренней их части раскопана комната «привратника», давшая

интересный материал. Около лежанки на полу комнаты лежали два оленьих рога от разных особей, концы рогов были отпилены и один кусок лежал тут же. Рядом с рогами лежала костяная фигурка грифона, совершенно аналогичная костяным фигуркам из скифских неолитических курганов.

В нынешнем году проведены были аэроснимки Кармир-блур, выявившие план древнего города, исследование которого еще не начато.

Саяно-Алтайская экспедиция работала в 1947 г. в Тувинской автономной области. Было осуществлено обследование области как в центральной ее части (по рекам Улу-хему и Кемчику), так и в южных районах к югу от гор Танну-ола. Обследованием было выявлено очень большое количество древних памятников—главным образом, курганов, надписей и писаниц на скалах и стелах «оленьих камней» и изображающих человека статуи (каменных баб). Курганы в подавляющем большинстве своем каменные, имеют ближайшее сходство с алтайскими. То же следует сказать и о каменных бабах. Только в южных районах встретились экспедиции конические каменные курганы монгольского типа. На севере, в долине р. Уюк, оказались сосредоточенными гигантские земляные курганы, нигде больше не встреченные. Что касается надписей, то удалось собрать ранее не известные орхоно-енисейские и несколько тибетских и монгольских. Если оценивать весь материал в целом, следует прийти к заключению, что культура древних обитателей Тувы развивалась в теснейшем взаимоотношении с Алтаем, имела связи с обитателями современной Монголии и, в меньшей степени, с минусинской котловиной. Это имеет большое значение для решения вопроса об области расселения племен енисейских кыргызов. В свете собранных данных очевидно, что ею не была территория современной Тувинской автономной области. Киргизы-хакасы населяли в древности бассейн среднего Енисея, в том числе и территорию современной Хакасской автономной области.

Алтайская экспедиция (руководитель М. П. Грязнов) продолжала начатые в прошлом году разведки и раскопки на Ближних Елбаниях близ с. Большая Речка на р. Оби, между городами Барнаулом и Бийском. Ближние Елбани—это гряда дюн общей площадью около $\frac{1}{4}$ кв. км, служившая в течение 2 500 лет местом, где в каждую из известных нам эпох этого времени располагалось поселение, могильник и другие памятники одного населенного пункта. В текущем году исследованы памятники следующих культур: карасукской (могильник X—VIII вв. до н. э.), большереченской (землянки на поселении и могильник VII—VI вв. до н. э.), бийской (поселение V—III вв. до н. э.), березовской (III в. до н. э.—I в. н. э.), 14 погребений с орудиями, оружием и керамикой фоминской культуры первых веков н. э. (V—VI вв. н. э.), сrostинской культуры (курган с 4 могилами VII—X вв. н. э.). Добытые материалы позволяют на примере одного населенного пункта построить детальную хронологическую шкалу различных категорий памятников.

Улаганский отряд Алтайской экспедиции (руководитель отряда С. И. Руденко) вскрыл один из крупных курганов в долине р. Улагана (Восточный Алтай) так называемой пазырыкской группы. Вскрытый курган, как и раскопанный в 1929 г., оказался замороженным. Под каменной наброской и земляной насыпью кургана, под двумя слоями наката из бревен в северной части погребальной ямы были обнаружены трупы семи захороненных там коней с седлами и уздами. В южной половине могильной ямы на глубине 7,5 м от верха каменной наброски была обнаружена погребальная камера, еще в древности ограбленная. По вскрытии двойного потолка камеры оказалось, что вся камера заполнена льдом. Грабители похитили изделия из ценного металла, изодрали в клочья одежды погребенных, попортили многие из захороненных вещей, но многое, в том числе и трупы погребенных, оставили в камере. В последней, кроме гроба-саркофага, найдены трупы погребенных мужчины и женщины, остатки их одежды, домашняя утварь (столы, глиняная и деревянная посуда), изделия из тканей, кожи и меха (многочисленные кожаные и меховые сумки), кошмы (с художественной аппликацией),

музыкальные инструменты и т. п. Особый интерес представляют бронзовое зеркало с роговой ручкой, роговой гребень, железный нож с золотым чеканным орнаментом, серебряные и медные, крытые золотом, пластины, а также многочисленные вырезанные из дерева и кожи, крытые золотом украшения—все выполненные в известном зверином скифо-сибирском художественном стиле.

Восточно-Казахстанский отряд (руководитель С. С. Черников) составил археологическую карту долины Иртыша и произвел разведочные раскопки позднеандоновского поселения у села Мало-Красноярска.

Хорезмская экспедиция (руководитель С. П. Толстов) продолжала раскопки дворца в Топрак-Кала (Шаббазского района Кара-Калпакской АССР). Вскрыто более 70 помещений, расположенных в 3 этажах здания. В процессе раскопок добыт обильный и разнообразный материал, характеризующий культуру и быт хорезмийцев III века н. э. Найдены семена и косточки культурных растений—проса, ячменя, пшеницы, винограда, дыни, персиков, абрикосов и др., кости домашних (коза, овца, свинья, корова, лошадь, верблюд) и диких (джейран, олень) животных, разнообразная столовая и кухонная посуда, фрагменты различных тканей, куски цветного ковра, многочисленные составные из дерева и камыша раскрашенные древки стрел и несколько их железных трехгранных наконечников.

Более чем в половине раскопанных помещений открыты росписи стен. В росписях сочетаются растительные орнаменты с изобразительными сюжетами. В западной башне дворца открыта голубая панель с изображением темной краской по голубому фону волн, в которых плавают белые с красным рыбы. Над этой панелью шла живописная композиция с изображением людей, животных, виноградных гроздьев и листьев по черному и красному фону. В разных комнатах найдены фрагменты трех изображений тигров, четырех изображений лошадей, изображение фазана, фрагменты человеческих изображений. В одной из комнат открыта на стене многофигурная композиция, из которой довольно удовлетворительно сохранилась стоящая женская фигура в белой одежде и мужская фигура в черном кафтане.

Исключительный интерес представляет впервые открытая хорезмийская монументальная скульптура. Найдено около 30 статуй из необожженной глины, большей частью выполненных в натуральную величину и раскрашенных. Большая часть найденных статуй была сосредоточена в обширном зале в северо-восточной части дворца, по стенам которого шло уступом широкое возвышение, разделенное поперечными стенками-решетками из фигурного кирпича на отдельные ниши, в каждой из которых была расположена группа статуй. В двух из этих ниш сохранились, видимо, первоначально бидевшие на упомянутом возвышении, огромные (примерно, вдвое больше натурального размера) сидящие мужские статуи, вокруг которых группировалось по 3—5 стоящих мужских, женских и детских статуй. Стены позади сидящих статуй были украшены росписью. находка двух головных уборов позволила определить сюжет этих скульптурных групп: эти уборы оказались тождественными с индивидуальными коронами двух хорезмийских царей II в. н. э., известными нам по изображениям на монетах. Особенно интересна тяжелая скульптурная корона в виде белого орла, известная нам по наиболее ранним монетам II в., чеканенным хорезмийским царем, имя которого читается на монетах как Вазамар.

Изложенное не оставляет сомнения, что перед нами своеобразная портретная галерея династии хорезмийских Сиявушидов, охватывающая правителей II в. Открытие «портретной галереи» Сиявушидов привело руководителя раскопок к заключению, что дворец Топрак-Кала был дворцом не местных князей, а шахов всего Хорезма, а Топрак-Кала—их древней резиденцией до состоявшегося, по данным ал-Бируни, в 305 г. н. э. переноса резиденции в г. Кят (ныне г. Шаббаз).

Согдийско-Таджикская экспедиция (руководитель А. Ю. Якубовский) вела раскопки на городище Древний Пянджикент. В кухендизе (цитадели) был раскопан высокий бугор, оказавшийся остатками дворцовой постройки с массивными стенами, выло-

женными из сырцового кирпича и частично из пахсовых блоков. На полу одной из 5 вскрытых комнат под сырцовым кирпичом найдена была группа ценных предметов, состоящая из золотого перстня с большим аметистом, трех печатей с согдийскими знаками, 8 жемчужин и ряда мелких предметов художественной работы. Вся эта группа предметов, как и сама раскопанная постройка, точно датируются согдийскими монетами первой половины VIII в.

В центре шахристана частично раскопано большое здание, погибшее от пожара. В центральном помещении найдены обуглившиеся деревянные резные колонны и их каменные базы. На стенах имеются следы росписи. В здании найдены согдийские и арабские монеты VII—VIII вв., накладка из резной орнаментированной кости для рукояти короткого согдийского меча, золотая пластина в виде трилистника и другие предметы.

Отряд Согдийско-Таджикской экспедиции под руководством М. М. Дьяконова продолжал раскопки прошлого года на некрополе греко-бактрийского времени в Гиссаре. Вскрыто два погребения—мужское и женское. На груди у каждого из умерших лежало по греко-бактрийскому оболу с именем Евкратиды. Рядом с умершими в могиле лежали бокалообразные высокие чаши и низкие блюда хорошей работы.

Памирская экспедиция (руководитель А. Н. Бернштам) прошла по Памиру и межгорным долинам, граничащим с севера с Памиром на протяжении свыше 3000 км. Составлены подробные археологические карты по маршруту, впервые вскрывающие в большом масштабе археологические богатства этого края.

Кроме вышеперечисленных, в 1947 г. работали экспедиции ИИМК, изучавшие позднейшие эпохи: Киевская (руководитель М. К. Каргер), Черниговская (руководитель Б. А. Рыбаков), Болгарская (руководитель А. П. Смирнов), Днепровская-Левобережная (руководитель И. И. Ляпушкин), Старо-Ладожская (руководитель В. И. Радоница), Псковская (руководитель С. А. Тараканова).

Произведены раскопки в Коломне (Н. Н. Воронин), в Муроме (руководитель Е. И. Грязнов) и в Москве (М. Г. Рабинович). Крупнейшей археологической экспедицией 1947 г. была Новгородская (руководитель А. В. Арциховский), приступившая к раскопкам в больших масштабах Новгорода Великого.

А. Монгайт

Вопросы древней истории на сессии АН СССР

На общем собрании Академии Наук СССР, посвященном тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, было заслушано три доклада по истории древнего мира. От Академии Наук Белорусской ССР прочел доклад академик Н. М. Никольский на тему: «Роль советских ученых в развитии науки о древнем Востоке», от Академии Наук Азербайджанской ССР был заслушан доклад кандидата исторических наук С. М. Казиева на тему: «Археологические раскопки в Мингечауре», и от Академии Наук Грузинской ССР академик Г. В. Церетели выступил с докладом «Эпиграфические находки в Мцхета—древней столице Грузии».

Доклад Н. М. Никольского имел своей целью подведение основных итогов тридцатилетней работы советских ученых в деле развития исторической науки о древнем Востоке.

Отметив в своем вступлении, что советская наука в области изучения истории народов древнего Востока не получила от русской дореволюционной науки правильных теоретических предпосылок для исследования проблематики древнего Востока, архео-

логические изыскания памятников древневосточных культур были тогда своего рода монополией западной науки, докладчик показал, что западноевропейская наука не смогла все же использовать своего преимущественного положения, не сумела исторически осмыслить колоссальный археологический материал и не дала правильного построения истории стран и народов древнего Востока, благодаря неправильным методологическим установкам буржуазных исследователей.

Советским историкам пришлось начинать сначала все построение истории древнего Востока. Н. М. Никольский показал, что вооруженные самым передовым марксистско-ленинским методом исторического исследования, исключаям всякие антинаучные тенденции и «теории», советские ориенталисты сумели правильно осмыслить ход исторического развития стран и народов древнего Востока, дали марксистское построение древневосточной истории и обеспечили этим настоящий переворот в существовавших представлениях об истории народов древнего Востока.

Огромная критическая и конструктивная работа по пересмотру первоисточников, творческие дискуссии и глубокая исследовательская работа ученых дали плодотворный результат и привели к разрешению важнейших проблем древневосточной истории. Первой и труднейшей из них было определение формационного характера древневосточных обществ, где, наряду с наличием рабов, прочно сохранялось многочисленное крестьянство. Советские ученые дали единственно правильное разрешение этого сложного вопроса, определив «формационный» тип древневосточных обществ как обществ рабовладельческих, но остановившихся в развитии рабовладельческих отношений на уровне домашнего рабства вследствие жизненности и господства общинного быта в странах древнего Востока. Проблемы общинного быта и древневосточного рабства оказались ключевыми проблемами, разрешение которых привело к правильному пониманию всей общественно-политической и культурной истории народов древнего Востока.

Советскими учеными впервые документально было установлено существование общинного быта в странах древнего Востока в разных его формах—разлагающейся родоплеменной общины, сельской общины, домашней общины, рядом с которыми могло возникнуть и существовало лишь мелкое частное землевладение, еще незревшее до права частной собственности на землю.

Эти первые результаты исследования подвели советских ученых вплотную к изучению истории крестьянства на древнем Востоке и дали возможность окончательно опровергнуть концепции Эд. Мейера и его последователей: Швенцнера, Мейсснера и Кюха. Советские ученые выяснили специфическую форму зависимости древневосточного крестьянства в отличие от феодальной. Им удалось вскрыть и описать факты активной крестьянской борьбы—всенародное восстание крестьян и рабов в Египте в XVIII в. до н. э. (по «Речению Ипувера»), крестьянское движение в Двуречье в III—II тысячелетии, крестьянскую борьбу в IX—VII вв. до н. э. в Израиле и Иуде.

В связи с историей общинного быта возникла и изучается аграрная история Двуречья. Ведется изучение древневосточного рабства. Как выяснилось советскими учеными, применение рабского труда на древнем Востоке носило иной характер, чем в античных государствах. «Специфической чертой древневосточного рабства, является его, если так можно выразиться, говорит Н. М. Никольский, двойственность: рядом с формальным, подлинным рабством, при котором рабы являются собственностью, рабочим скотом их владельцев, существует «поголовное рабство»—принудительный труд крестьянства «на дом царя». Подлинное рабство в основном существовало в форме домашнего рабства; но во всех древневосточных государствах были периоды, когда сфера применения рабского труда значительно расширялась.

Советской наукой поставлена и изучается проблема борьбы рабов на древнем Востоке, сплетающаяся с борьбой за освобождение народов, покоренных древневосточными деспотиями.

Советские ученые окончательно вскрыли беспочвенность буржуазных концепций древневосточного социально-политического строя, приравнивающих его то к феодализму, то к античным типам «городов-государств», то к «империи». Советские исто-

рики «показали, что во всех государствах древнего Востока политический строй был деспотией, опирающейся на господство общинного быта и являющейся исполнительным органом рабовладельческих общественных верхов». Это решение вопроса, в свою очередь, привело к систематическому рассмотрению истории государственных ведомств (финансового, военного и общественных работ) в каждом отдельном восточном государстве в связи с историей крестьянства, рабства и грабительских походов.

Докладчик показал, что «в области изучения древневосточной культуры и идеологии советские ученые отошли от формально-описательного метода и стремятся изучать древневосточные религии, литературы, искусство и начатки науки и техники в связи с различными общественными группами, в среде которых создавались те или иные мифы, культы, произведения литературы и искусства, знания и технические приемы, и в их связи с изменениями социально-политического быта и с взаимовлияниями со стороны соседних государств и народов».

Исходную первооснову исторических восточных религий, литературы и искусства советские историки находят в культуре родоплеменного быта—родоплеменной религии, фольклора и начатках искусства.

Советскими учеными дается «новое направление критическому исследованию библейской традиции и конструируется новое, свободное от всяких презумпций, изображение социально-политической и религиозной истории Ираиля и Иуды. В частности, разоблачена до конца богословская фальшивая концепция изначального еврейского монотеизма и документально раскрыты политеистический характер древнееврейской религии и ее органические связи с древнеарабской, финикийской и арамейской религиями».

Наконец, в отличие от буржуазной науки советские ученые, руководствовавшиеся марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях, расширили территориальные границы древнего Востока и включили в его сферу древнюю Индию и Китай на том основании, что и в этих странах существовал рабовладельческий строй, аналогичный строю древних обществ Ближнего Востока.

Заслуга решения всех этих важнейших проблем древневосточной истории принадлежит, как показал докладчик, советским ученым—акад. В. В. Струве, чл.-корр. АН СССР Н. М. Никольскому, акад. А. И. Тюменеву, А. Б. Рановичу, И. М. Лурье, М. Э. Маттее, Н. Д. Флитнер, Ю. П. Францеву, В. И. Авдиеву и др.

Большим достижением является разработка молодым советским востоковедом Б. Б. Пиотровским истории царства Урарту, которая составляет теперь самостоятельный раздел древневосточной истории.

Таким образом, как показал Н. М. Никольский, марксистско-ленинский метод исследования обеспечил советским ученым решающий успех в области изучения истории древнего Востока и открыл широкие перспективы ее дальнейшего развития.

Большой интерес вызвал доклад начальника археологической экспедиции Азербайджанской Академии Наук С. М. Казиева об археологических раскопках в Мингечауре. В докладе было показано, что исследование мингечаурских археологических памятников дает яркую картину богатства материальной культуры древнейшего Кавказа и имеет выдающееся значение для исторического исследования Азербайджана. До Великой Октябрьской социалистической революции история и археология Азербайджана были не разработаны и дело ограничивалось лишь случайными изысканиями—отдельными археологическими раскопками. Систематическая работа по созданию истории Азербайджана и широкие археологические исследования начались лишь после установления Советской власти.

Глубокое и всестороннее изучение мингечаурских археологических объектов стало проводиться в 1936 г. Академией Наук Азербайджанской ССР. Оно дало богатейшие материалы. Только за последние полтора года раскопок вскрыто более 600 погребений и добыто более 7000 самых разнообразных экспонатов; обнаружены различные типы погребений, места гончарных мастерских и средневековых поселений.

Исследование археологических памятников различных типов погребений одного и того же пункта дает яркую картину смены исторических эпох на территории Азербайджана.

Было обнаружено 8 типов погребений:

1) Грунтовые могилы с вытянутыми, лежащими на спине скелетами. Бедность инвентаря позволяет относить их к сассанидскому времени.

2) Погребения в деревянной обкладке из толстых бревен арчана—местного древовидного можжевельника. Инвентарь дает: сосуды из стекла изящной формы, серебряные пряжки, золотые серьги с вставками из камней, монеты из серебра (аршакидские и римские), серебряные ложки и мелкие чаши, серебряные перстни; серебряные украшения, состоящие из трех, соединенных между собой колец, бронзовых маленьких колокольчиков, бус из стекла и пасты. Датируется этот тип погребений римским и парфянским временем.

3) Мужские и женские кувшинные, богатые инвентарем погребения. Они дали большое количество женских украшений: шейные обручи, бронзовые ножные и ручные браслеты, очевидно, культового значения, бусы из стекловидной массы с глазками из серы в виде шапочки и бусы из яшмы и сердолика разной величины и формы, бусы сплюсненной стороной и скарабей, на плоской стороне которых имеются изображения. Были найдены перстни-печати со вставками из сердолика и стекла с изображениями льва, оленя, собаки и т. д.; большое количество оружия, в основном из железа: мечи, кинжалы, вилы, копья, ножи. Наконечники стрел обычно из бронзы с широкими перьями. Был обнаружен большой горшкообразный кувшин с остатками гранатов грецких орехов и других плодов. Встретилась крашеная керамика с изображением птиц, растений, геометрическим орнаментом и т. д.

Этот тип погребений предположительно датируется временем ранее I в. до н.э.

4) Грунтовые погребения со слабо скорченными скелетами, часто разрушенные кувшинными погребениями, предшествовали последним. Инвентарь этих погребений—это в основном глиняные сосуды серого цвета небольшого размера. Сосуды красного и черного цвета встречаются очень редко. Попадает мощная гравированная и крашеная керамика. Сосуды очень разнообразны по форме, изящны и красивы. Оружие в мужских погребениях в основном из железа, за исключением бронзовых наконечников стрел крылатой формы. Встречаются литые перстни—печати с разнообразными изображениями. Эти погребения предположительно датируются V—III вв. до н. э., т. е. ахеменидским временем.

5) Грунтовые погребения с вытянутыми костяками двух типов: прикрытые большими камнями и без каменного покрытия, датируемые предположительно VII—V вв. до н. э., т. е. мидийским временем. Инвентарь, отличный от предыдущих погребений. Украшения: золотые, серебряные и бронзовые серьги—треугольники, широкие бронзовые пояса с красивым орнаментом и изображениями, бронзовые зеркала, ручка которых изображает голову животного, бусы разных размеров и форм из сердолика, граната и пр. Оружие: мечи, кинжалы, копья, булавы и пр. Часто встречаются трехгранные наконечники стрел из бронзы и кости так называемого скифского типа. Встречаются литые перстни-печати с изображениями.

6) Грунтовые могилы, содержащие костяки в сильно скорченном виде, с большим количеством разнообразной посуды, украшений из бронзы с резным геометрическим орнаментом. Бусы из сердолика, яшмы и привозных раковин (каури). Оружие: бронзовые кинжалы с ажурными головками, ножи с приподнятым концом, наконечники стрел, главным образом из обсидиана и яшмы.

7) Под грунтовыми погребениями обнаружены могилы с инвентарем чисто Ходжалы—Кедабекского типа, датируемого И. И. Мещаниновым началом I тысячелетия до н. э.

8) Имеется несколько курганов. Начата разработка 3-х курганов. Инвентарь их свидетельствует о том, что курганы являлись погребениями знати эпохи бронзового века.

На основании полученного археологического материала С. М. Казиев приходит к следующим выводам:

1. Местность в районе Мингечаура была заселена в древнейшие времена.
2. В начале I тысячелетия до н. э. здесь была уже высоко развита бронзовая культура (так называемого Ходжалы—Човдато—Кедабекского типа).
3. В VII—V вв. до н. э. мы имеем уже другую культуру, характеризующуюся появлением железа, главным образом в оружии.
4. В IV—III вв. до н. э. здесь заметно влияние эллинистической эпохи.
5. К первым векам до н. э. и к первым векам н. э. относится новая культура так называемых кувшинных погребений.
6. Наличие больших хозяйственных кувшинов с зерном свидетельствует об оседлости населения, которое вело земледельческое хозяйство. Серебряные аршакидские и римские монеты датируют эту культуру I—III вв. н. э.
7. Следующей по времени культурой является наиболее бедная погребальным инвентарем культура, относимая к III—VI вв. н. э.—сассанидскому времени.

Особенно необходимо отметить массовые находки элементов подлинно скифской культуры (бронзовые наконечники стрел всех типов, бронзовые зеркала, украшения и пр.).

В одном из курганов мингечаурского могильного поля был зафиксирован скифский погребальный обряд (захоронение лошадей в конской сбруе). Эти факты документируют свидетельство Геродота о проникновении скифов в Малую Азию через Дербентский проход и Азербайджанские степи.

Таким образом, даже предварительная обработка добытого в Мингечауре археологического материала уже дает возможность сделать ряд важнейших исторических выводов относительно древнейшей истории Азербайджана и показывает место, занимаемое Кавказом среди других стран древнего мира.

Исключительно важное значение для изучения древней истории Грузии имеют эпиграфические находки в Мцхета—древней столице Грузии. Им был посвящен доклад члена-корреспондента Академии Наук СССР, действительного члена АН Грузинской ССР Г. В. Церетели, публикуемый ВДИ на стр. 49 сл. настоящего номера.

О. Н. Юлкина

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Сектор древнего и ранне-средневекового Востока ИВАН

За истекшие два года со времени реэвакуации Института в Ленинград в секторе развернулась оживленная научно-исследовательская деятельность в различных областях истории древнего и ранне-средневекового Востока. Работа сектора ведется в четырех направлениях: 1) история древневосточных обществ Египта и Передней Азии, включая эллинистический период (ак. В. В. Струве, ст. научный сотр. Ю. Я. Перепелкин, мл. научн. сотр. В. И. Евгенова и аспирант И. Д. Амусин); 2) коптология (чл.-корр. АН СССР П. В. Ернштедт); 3) история средневекового Востока (чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская и ст. научн. сотрудник Ю. Я. Солодухо) и 4) история древнего Ирана (докторант И. З. Ямпольский).

Академик В. В. Струве заканчивает обширную монографию «Бехистунская надпись и древняя история народов СССР». Автор установил ряд новых, не отмеченных ранее фактов по древней истории народов СССР (Туркменистана, Узбекистана, Армении и Причерноморья). В частности, автор установил и проанализировал первое точно датированное событие в истории народов СССР—восстание Маргианы (оазиса Мары) при Дарии I (522 г. до н. э.). В связи с указанной монографией ак. В. В. Струве прочел на заседаниях сектора два доклада: «Новые данные по истории Армении при

Дария I» и «Египет в начале царствования Дария I». Итогам многолетних исследований, вызвавших оживленную полемику в нашей науке, был посвящен доклад ак. В. В. Струве, сделанный в лектории АН СССР «Общественный строй южного Междуречья конца III тысячелетия до н. э.».

В изданных М. В. Никольским, Женульямом, Хакманом и Кейсер клинописных табличках и в неизданных документах Эрмитажного собрания ак. В. В. Струве обнаружил первичные документы, легшие в основу известных сводок надзирателей крупных хозяйств периода III династии Ура и освещающие организацию труда и социально-экономическую структуру позднесумерийского общества. Это открытие изложено в прочитанном ак. В. В. Струве на заседании сектора докладе «Новые данные по организации труда и социальной структуре позднесумерийского общества». Новые данные подтверждают выводы многолетних исследований автора о рабовладельческом характере крупных латифундий и царских хозяйств периода III династии Ура. Присутствовавшие на докладе ак. А. И. Тюменев и ассириолог И. М. Дьяконов согласились с основными положениями автора. Исследование будет напечатано в ближайшем сборнике Института востоковедения.

Ак. В. В. Струве работает также над изданием трех демотических папирусов Московского музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина №№ I, I, 113, I, I, 115 и I, I, 116, являющихся частью архива богатой жреческой семьи города Фив, архива, разбросанного по многим музеям мира. Это явится первым русским изданием демотических папирусов. Издание будет подготовлено к печати к концу 1948 г.

На ежегодной научной сессии университета в 1946 г. ак. В. В. Струве прочитал доклад «Новые данные по древнейшей истории евреев», в котором автор анализировал вновь открытые материалы, касающиеся праистории еврейского народа. В связи с этим на заседании сектора им же был прочитан другой доклад—«Интерпретация Дневника пограничника (оборотная сторона столбцов 5—6 папируса Анастаси III)», текста, интересного для выяснения проблемы пребывания Израиля в Египте.

Ряд других докладов ак. В. В. Струве напечатан и готовится для напечатания в ВДИ.

Ю. Я. Перепелкин работает над обширной монографией «Письменность солнцепоклоннического Египта», занимаясь эпиграфикой Амарнской эпохи. В этой связи был сделан доклад «Амен-Хотеп IV и Он», касавшийся эпиграфических связей Амарны с Гелиополем. Загробных представлений и заупокойного культа солнцепоклоннической столицы касается доклад «Потусторонняя Амарна». Заупокойным культом, но уже Нового царства в целом, хотя и по частному вопросу, Ю. Я. Перепелкин занимался в докладе «Рабы в заупокойной службе Нового царства».

Проблеме рабовладения в древнем Египте был посвящен доклад «Непосредственные производители в вельможном хозяйстве Древнего царства». На основе надписанных изображений в гробницах вельмож Древнего царства Ю. Я. Перепелкин установил, что непосредственными производителями в вельможном хозяйстве в основном были люди, не владевшие средствами производства. Характеристике ранней стадии староегипетского классового общества был посвящен доклад «Египетское общество при первых фараонах». В специальном палеографическом докладе трактовался вопрос о происхождении иероглифического письма.

В. И. Евгенова изучает исторические материалы источников Ливийского периода, т. е. в основном памятников времени XXII династии. В 1946 г. В. И. Евгенова исследовала декреты Амона XXI династии. В 1947 г. ею обнаружена цитата законодательного порядка в своеобразном тексте одного из памятников (№ 42208 каталога Каирского музея) времени Осоркона II и верховного жреца—царя Хорси-есе. Собранные автором данные подтверждают юридическую значимость законоположения, заключающегося в цитате, и дают возможность В. И. Евгеновой высказать предположение о возникновении законодательных цитат.

И. Д. А м у с и н работает над письмом императора Клавдия к александрийцам (лондонский папирус № 1912). Письмо Клавдия, вызвавшее оживленную полемику в исторической науке, затрагивает различные проблемы из истории Александрии в н. э.

(александрійський сенат, греко-іудейська боротьба, державно-правовий статус александрійських іудеїв і т. д.). «Загадочне місце» (С. Рейнак) вказаного письма: *μηδὲ ἐπάγειν ἢ προσέειν ἀπὸ Συρίας ἢ Αἰγύπτου καταπλέοντας Ἰουδαίους ἐξ οὗ μείζονας ὑπονοίᾳ ἀνὰ χροθῆσθαι λαμβάνειν εἰ δὲ μή, πάντα τρόπον αὐτοὺς ἐπεξελεύσασθαι καθ' ἑαυτὴν τινὰ τῆς οἰκουμένης νόσον ἐξεγείροντας* (строки 96—100) И. Д. Амусин склонен понимать как указание на то, что во время кровавых событий в Александрии 38—41 г. н. э. (στρίσις—πόλεμος—τραγῆ) александрійские иудеи призывали к себе своих сородичей для оказания вооруженной помощи (ἐπάγειν). Под νόσον ἐξεγείροντας следует, возможно, понимать, боеспособные элементы палестинских повстанцев и людей Ὀνόου χώρας, вмешавшихся в междоусобную борьбу александрійцев и евреев. Подобное вмешательство сирияев в александрійские дела в 73 г. н. э. тотчас же повлекло за собой приказ Веспасиана о немедленном закрытии Леонтопольского храма.

Чл.-корр. АН СССР П. В. Ернштедт работает над составлением грамматики коптского языка. В этой работе автор впервые во всем объеме исследует проблемы синтаксиса коптского языка. Подготавливаемая работа должна явиться не только первой русской грамматикой коптского языка, но трудом, не имеющим себе равного во всей коптологии. В связи с этой работой П. В. Ернштедт прочел на заседаниях сектора следующие доклады: «Новое о согласовании в коптском языке», «Об ирреальном случае сложно-подчиненного предложения в коптском языке», «Коптское определительное предложение и вторичная объектная суффиксация некоторых коптских глаголов», «Вторые времена в коптской грамматике», «Безличные обороты в саидском диалекте». Обсуждению труда известного коптолога проф. П. О. Локко (Études de Syntaxe copte) были посвящены два доклада П. В. Ернштедта. Разбор египтологической части указанной работы сделал Ю. Я. Перепелкин.

Чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская продолжает работу над взаимоотношениями Ирана и Византии. Н. В. Пигулевская привлекла неисследованный сирийский источник «Жизнеописание Мар Абы», ученого сирийца, у которого Косма Индикоплов позаимствовал ряд сведений. Культурные связи Византии с сиро-персидским Востоком раскрыты здесь на новом материале. Участие Мар Абы в восстании в Хузистане при Хосрове I послужило материалом для работы «Восстание в Хузистане в середине VI в.», доложенной на заседании сектора.

Н. В. Пигулевская работает над монографией «Торговля Византии с Востоком до арабского завоевания». В связи с этим исследованием Н. В. Пигулевская прочла на заседании сектора доклад «Химьярито-эфиопские войны в первой половине VI в.».

Ю. А. Солодухо продолжал разработку богатейших материалов еврейских литературных памятников раннего средневековья, чрезвычайно ценных для истории Передней Азии периода позднеримской империи и парфяно-сассанидского Ирана. В законченной им обширной монографии «Ирак III—V вв. н. э.» Ю. А. Солодухо, на основе указанных материалов, прослеживает процесс возникновения и становления феодализма в Ираке в III—V вв. Большинство мелких землевладельцев, лишившись своего хозяйства, переходили на положение арендаторов, издольщиков и сельскохозяйственных наемных работников и попадали в кабалу к крупным и средним землевладельцам. Постепенно арендаторы и издольщики оказывались прикрепленными к земле и фактически лишались возможности оставлять арендуемые или взятые в издольщину участки и переходить на другие участки. Под влиянием разложения рабовладельческого способа производства произошли коренные изменения также и в методах и формах эксплуатации труда рабов: рабовладельцы стали прикреплять своих рабов к земле с предоставлением им права пользования частью урожая. Ю. А. Солодухо показывает далее, как процесс формирования и становления феодального общества крайне обострил социальные противоречия в Ираке и вызвал сильное противодействие со стороны поработенных. Противодействие это вылилось в мощное революционное движение, известное в истории Ирака под названием «маздакитского», до основания потрясшее в V и начале VI вв. все Персидское государство. В связи с этим исследованием Ю. А. Солодухо прочел на заседаниях сектора ряд докладов: «История земледелия и землепользования в Ираке в III—V вв. н. э.», «Полити-

ческие мотивы дружеских отношений между Артабаном V и основоположником вавилонского Талмуда Аббой Арика (Раб); «Приход Сассанидов к власти в свете еврейских литературных памятников раннего средневековья»; «Шапур I (242—272) и Мар-Самуил Ярхинаи (ум. в 254 г.); «Шапур II (309—379) и его мать Ифра Оримэд» и др.

Наряду с указанной работой Ю. А. Солодухо занимался исследованием еврейско-хазарских документов и литературных памятников. В этой области им закончена монография об Исааке Акрише и готовятся исследования о Хасдаи Абу Юсуф б. Исаак ибн-Шапруте и о Менахеме бен Сарук, авторах письма к хазарскому царю Иосифу. Ю. А. Солодухо удалось опровергнуть попытку Грегуара лишить Исаака Акриша его издательских прав на еврейско-хазарскую переписку. В связи с этой работой Ю. А. Солодухо прочел доклады: «История еврейско-хазарских документов» и «Исаак Акриш, как редактор и издатель первого издания еврейско-хазарской переписки».

Ю. А. Солодухо работает также над исследованием персидских правовых и социально-экономических терминов, имеющих в большом количестве в вавилонском Талмуде. Это исследование позволит еще глубже раскрыть экономические связи между Ираком и Персидским государством в целом в III—V вв., а также должно содействовать выяснению вопроса о социально-экономической структуре Персидского государства времен Сассанидов.

Докторант сектора И. З. Ямпольский, изучающий древнюю историю Азербайджана, сделал доклад о результатах последних раскопок в Минчегауре, в которых он сам принимал участие.

Сектором была отмечена годовщина смерти выдающегося востоковеда, создателя синтетической науки о древнем Востоке, основоположника русской египтологии академика Б. А. Тураева. С докладом о богатейшем научном наследии Б. А. Тураева выступил ак. В. В. Струве. С воспоминаниями о Б. А. Тураеве выступили его ученики и друзья проф. Н. Д. Флиттнер, проф. В. А. Крачковская и проф. М. Э. Матые.

125-летию дешифровки иероглифов был посвящен доклад ак. В. В. Струве «Творческий путь Ф. Шамполлиона»¹.

Ряд заседаний сектора был посвящен разбору новинок советской и иностранной историографии.

В обсуждении докладов на заседаниях сектора принимали участие и специалисты не-сотрудники сектора. Ими были также прочитаны доклады. Проф. С. Я. Лурье в докладе «Греческая параллель к египетскому литературному памятнику — «Разговор человека со своим духом», показал, что подобный «разговор» можно найти и у Архилоха, Алкея, Феогнида и более поздних авторов; возможно, что в египетском разговоре, как и в греческом, под душой надо понимать эмоциональное начало в человеке, а под «самим» человеком — рациональное начало, удерживающее его от необдуманных порывов.

Доклад А. И. Болтуновой «Об Армазе» был посвящен установлению источников происхождения имени и культа важного божества иберийского пантеона Армаза, культ которого был учрежден иберийским царем Фарнабазом, воздвигшим статую его в укреплении Вышгорода. Подвергнув критическому разбору работы Н. Я. Марра, М. А. Джавахишвили, Ш. Я. Амиранашвили и др., А. И. Болтунова приходит к выводу о малоазийском происхождении имени и культа иберийского божества Армаза, принесенного в Иберию пришлыми племенами из Малой Азии.

Доцент педагогического института г. Бугуруслана, кандидат исторических наук Н. А. Мещерский сделал доклад «Древнерусский перевод еврейской книги «Эсфирь» и проблема переводов с еврейского языка в древнерусской письменности Киевского периода». Автор показал, что перевод книги «Эсфирь» был сделан с подлинника и охарактеризовал высокий уровень культуры переводов в Киевской Руси.

И. Амусин

¹ См. ВДИ, 1948, № 1, стр. 139—150.

Московская группа ИВАН

Московская группа Института востоковедения Академии Наук СССР объединяет в своем составе ученых самых различных специальностей: историков, лингвистов, литературоведов, изучающих страны и народы Востока от Японии до Египта во все эпохи от времен палеолита и первобытно-общинного строя до наших дней. По истории древнего Египта в группе работают проф. В. И. Авдиев и два докторанта: Р. И. Рубинштейн, заканчивающая докторскую диссертацию, посвященную Эрмитажному папирусу 1116 В recto (т. н. «Поучение гераклеопольского царя») и Д. Г. Редер, работающий над диссертацией на тему «Древнеегипетский очаг земледелия и его взаимоотношения с другими очагами земледельческой культуры древнего Востока».

На происходящих заседаниях московской группы обычно присутствуют и принимают активное участие в ее работе не только штатные сотрудники, но и востоковеды из других научных учреждений нашей страны. Древней истории Востока в этой работе уделено видное место.

За последние два года было заслушано и обсуждено много докладов, посвященных древнему Востоку.

На специальной сессии памяти акад. Б. А. Тураева, организованной совместно с кафедрой древней истории МГУ и Восточным отделом Музея изобразительных искусств выступил проф. В. И. Авдиев с докладом: «Труды акад. Б. А. Тураева по истории древневосточной культуры», был оглашен доклад проф. И. Н. Бороздина, который не мог прибыть на заседание лично (на тему «Академик Б. А. Тураев и русская наука»). Проф. В. В. Павлов прочел доклад: «Акад. Б. А. Тураев как историк египетского искусства», в котором отметил резко отрицательное отношение трезвого и проникательного русского историка к фантастическим и формалистическим построениям бельгийского египтолога-искусствоведа Ж. Капара. Был заслушан доклад Т. Н. Бороздиной «Акад. Б. А. Тураев и музейная работа», основанный на личных воспоминаниях докладчицы, которая в течение ряда лет была ученицей Б. А. Тураева. В заключение также с личными воспоминаниями о Б. А. Тураеве выступил проф. Т. И. Райнов.

Несколько заседаний московской группы были посвящены вопросу о социально-экономической структуре древневосточного общества. Академик В. В. Струве прочел по этому поводу два доклада. В. В. Струве привел новые аргументы, подкрепляющие точку зрения докладчика о значительном развитии рабовладельческого хозяйства в эпоху III династии Ура (2132—2024 до н. э.), вопреки взглядам акад. Н. М. Никольского и акад. А. И. Тюменева, стремящимся снизить роль рабовладения в эту эпоху.

Социальные отношения на древнем Востоке были охарактеризованы также в докладе проф. В. И. Авдиева «Основные проблемы истории древнего Востока», в котором отмечались огромные достижения советской науки и подвергались критике ошибки и искажения буржуазной ориенталистики (в частности идеализация восточной деспотии).

Ряд докладов был посвящен идеологии древневосточных обществ. Проф. В. И. Авдиев прочел два доклада: «Возникновение царского культа в древнем Египте» и «Элементы фетишизма в древнеегипетской религии», в которых использовал собранный им значительный материал (главным образом иллюстративный), характеризующий различные этапы египетской религии в связи с изучением социально-экономической базы. Астроном проф. И. Н. Веселовский познакомил московских востоковедов со своими изысканиями в области далекого прошлого астрономии в докладе «Светские корни древневосточной науки». По его предположению, ученые древнего Двуречья гораздо раньше, чем обычно думают, умели наблюдать с большой точностью небесные явления. В обсуждении этой проблемы приняли участие представители точных наук (доктор физико-математических наук Б. А. Воронцов-Вельяминов и др.).

Особенно большой интерес вызвали доклады, освещающие характерные явления древнекитайской культуры, в которых провозглашался решительный разрыв с традиционными представлениями о превосходстве западных цивилизаций над восточными. Чл.-корр. Академии Наук СССР и зам. директора Института востоковедения Н. И. Конрад в своем развернутом докладе «У-цзы: Трактат о военном искусстве»

выявил, что еще во времена династии Чжоу китайские ученые создали очень сложные и тщательно продуманные теории военного дела, особенно поражающие нас, если мы примем во внимание низкий уровень производительных сил того времени.

Аналогичную работу в сфере изучения экономических теорий древнего Китая проделал проф. В. М. Штейн. В его докладе: «Место Гуань-цзы в истории китайской экономической мысли» сделан следующий вывод: «одним из главнейших средств воздействия на экономику Гуань-Цзы считает выпуск денег государством в целях стабилизации отношения цен между различными группами товаров. Эта точка зрения опережает европейскую экономическую мысль на много веков. Историки экономической мысли обычно придают большое значение экономическим взглядам философов античности и игнорируют экономические воззрения Востока».

В работе московской группы было уделено также внимание злободневному вопросу о пересмотре древневосточной хронологии. Акад. В. В. Струве выступил с докладом «Датировка династии Хаммурапи», в котором была подвергнута жестокой критике чрезмерно радикальная теория А. Пибеля, преувеличивающего «историческую ценность официальной ассирийской традиции I тыс. до н. э.». Были поставлены два доклада информационного, в основном, характера докторантов Р. И. Рубинштейн и Д. Г. Редера, вызвавшие оживленный обмен мнений.

Специально филологическим и лингвистическим вопросам были посвящены доклады члена-корреспондента Академии Наук СССР Е. Э. Бертельса «К истории персидского аруза», давшего определение метрики Авесты, а также доклад проф. С. С. Майзеля «Метатеза в семитических языках», решительно выступившего против теорий западноевропейских семитологов, постулирующих мифический «двухслогный пракорень». Докладчик пришел к выводу, что, «возникнув сперва чисто стихийно на фоне большого дробления диалектов, метатеза в семитических языках все более и более сознательно использовалась как средство создания новых корней, сужавших или расширявших значение прототезы, то-есть играла корнетворческую роль в этих языках».

К области китайской филологии относится доклад докторанта И. М. Ошанина «К вопросу об истолковании некоторых песен Ши-цзина». Смелые и остроумные конъектуры докладчика вызвали во время прений целый ряд возражений (особенно со стороны Л. Д. Позднеевой).

На грани истории древнего и средневекового Востока стоит доклад чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской «Абиссиния и химьяриты в первой четверти VI в. н. э.». Докладчица дала яркую и красочную картину международных отношений на Ближнем Востоке в период особого обострения борьбы между Византией и Персией, в которую втянулись Аравия и Абиссиния. Религиозная борьба между христианами и иудеями может быть понята только в связи с экономическими и политическими столкновениями того времени. Докладчица обратила особое внимание на высказывания основоположников марксизма, относящихся к истории Востока в данную эпоху.

Отчетный характер носил доклад докторанта Д. Г. Редера «Зарождение земледелия в древнем Египте», сообщившего о ходе работы над докторской диссертацией. Докладчик высказался против «абиссинской» и «палестинской» теорий происхождения культуры полбы-эммера и подчеркнул, что на основании исторических и археологических данных следует отдать предпочтение Нижнему Египту, как родине этого важнейшего культурного растения.

Наконец, следует упомянуть о библиографических сообщениях: 1) Проф. Т. И. Райнов подверг критике речь члена Американского востоковедческого общества Шпайзера, посвященную чрезмерному восхвалению шумерийской и вавилонской культуры, процветающей, по его мнению, на базе широкого развития «частной инициативы» в Двуречье; 2) А. С. Самойлов сообщил о попытках периодизации китайской истории (начиная с древнейших времен), сделанных в новейших произведениях буржуазных востоковедов Камерон и Тойнби.

Д. Редер

Античная группа ЛОИИ

Научная деятельность античной группы ЛОИИ АН СССР в 1947 г. развивалась по уже намечившимся направлениям¹.

Научные доклады С. И. Ковалева попрежнему были связаны с разработкой им курса истории античного Рима. На заседаниях группы С. И. Ковалевым были доложены следующие разделы его курса:

1) «Обзор источников по истории Римской империи», 2) «Принципат Августа», 3) «Династия Юлиев-Клавдиев», 4) «Династия Флавиев». В докладе об источниках С. И. Ковалев сделал, по мнению группы, весьма удачную попытку примирить присущую литературной традиции тенденциозность в освещении деятельности и характеристиках отдельных представителей принципата с объективным ходом событий в том виде, как они вырисовываются на основании наших сведений о внешнеполитической деятельности, провинциальной политике императоров и т. д. К решению этих вопросов автором был привлечен широкий новый материал, несравненно больший, чем тот, который будет фигурировать в готовящемся издании. В докладах о династии Юлиев-Клавдиев и Флавиях убедительно показана историческая жизненность новых форм в сравнении с предшествующим периодом республики. Римская империя в I в. своего существования сумела расширить социальную базу, что, однако, не избавило ее от дальнейшего развития противоречий, в конечном счете обусловленных особенностями рабовладельческой системы общественных отношений в целом.

Доклады С. Я. Лурье касались преимущественно проблемы взаимоотношений греческих полисов классической эпохи. Под этим углом зрения были построены три его доклада: «Внешняя политика Афин в эпоху тирании», «Формы эксплуатации афинских союзников в V в. до н. э.» и «Отношения Афин и Карфагена в конце V в.». В первом из этих докладов С. Я. Лурье широко поставил вопрос о внешнеполитической деятельности не только Афин времени Писистрата, но и ряда других греческих государств. То, что объединяло их совместные усилия, по мнению докладчика, было связано с так называемой проблемой проливов в античности. Для доказательства реального существования этой проблемы С. Я. Лурье использует афинскую традицию о Тезее, показывая, что существовавшая в древности интерпретация образа Тезея раскрывает внешнеполитическую тенденцию афинской тирании. По мнению С. Я. Лурье, социальная опора афинской тирании не однородна и внешняя политика афинских тиранов VI в. преследует сложную цель одновременно удовлетворить интересы торговых групп и интересы аттического крестьянства. С. Я. Лурье доказывает, что эта политика уже в VI в. была связана с совершенно определенной экспансией. В прениях по этому докладу Д. П. Каллистов привел ряд фактических данных, связанных с Северным Причерноморьем, которые подкрепляют концепцию С. Я. Лурье.

В докладе о взаимоотношениях Афин со своими союзниками в V в. С. Я. Лурье, основываясь на ряде новых данных, ставит вопрос о характере и форме этих взаимоотношений и отмечает сочетание моментов политического угнетения союзников Афинами с моментами тех экономических выгод, какие извлекали Афины и их союзники из своего объединения.

Доклад о XVIII томе Оксиринхских папирусов представляет собой научную информацию об этом издании². Особый интерес вызвал доклад С. Я. Лурье о расшифровке критской письменности профессором Грозным. Докладчик не только изложил главные положения нового труда Грозного, но и подверг их весьма основательной критике³.

¹ ВДИ, 1947, № 2, стр. 204—207.

² ВДИ, 1947, № 1, стр. 107.

³ ВДИ, 1947, № 4, стр. 70—88.

Заслушанные группой доклады М. Е. Сергеенко в основном посвящены двум главным вопросам, над которыми она сейчас работает. В своем исследовании трактата Катона о сельском хозяйстве М. Е. Сергеенко дает совершенно новый комментарий к X и XI главам этого произведения. Она доказывает, что виноделы Средней Италии времен Катона ориентировались на внутренний рынок, ибо не чувствовали себя в состоянии конкурировать с привозными винами, и что, вопреки общераспространенному мнению, зерновое хозяйство во времена Катона еще обладало значительным удельным весом. Другой доклад М. Е. Сергеенко представляет собой весьма интересный опыт перевода Катона, основанный на новой интерпретации целого ряда мест этого текста. При обсуждении перевода группой были отмечены его точность и высокое литературное достоинство. В докладе «Основные моменты сельскохозяйственной жизни Средней Италии по «Земледелию» Катона» М. Е. Сергеенко подвергает критике ставшие в науке каноническими представления о характере кризиса в Италии II в. до н. э. Главные выводы этого исследования могут быть сформулированы следующим образом: в первой половине II в. еще нельзя говорить об упадке полеводства: маслиноводство переживает период высшего расцвета, а виноградарство стоит еще на относительно низком уровне, равняясь только на внутренний рынок. Таким образом, падение доходности зерновых культур, которое было принято выдвигать как одну из причин разорения крестьянства, значительно преувеличено. Главная причина разорения итальянских крестьян лежит не в замене одних сельскохозяйственных культур другими, а в войнах и непосильной для крестьянского хозяйства конкуренции с возникающими в это время латифундиями.

Другой круг вопросов, интересующих М. Е. Сергеенко, связан с Помпеями. Этой тематике были посвящены три ее доклада, представляющие собой отдельные главы готовящейся к печати книги «Помпеи», рассчитанной на широкого читателя. В этой своей работе М. Е. Сергеенко обобщает весьма значительный археологический, эпиграфический и литературный материал, устанавливая ряд интересных фактов, до сих пор еще никем не отмеченных.

Несколько особо стоит доклад М. Е. Сергеенко «Италийские пастухи». В нем дана яркая характеристика быта и нравов пастухов Италии. Будучи рабами, они находились в совершенно особом положении, часто бывали предоставленными самим себе, обладали относительной свободой. В результате этого исследования, как отметил С. И. Ковалев, становится понятной роль итальянских пастухов в восстании рабов и тенденция идеализации пастушеского быта, характерная уже для Феокрита.

Доклад А. И. Болтуновой «К вопросу об Армазе» является одним из результатов ее работы над историей Кавказа античной эпохи. А. И. Болтунова связывает распространение культа Армаза с возникновением в Иберии государства эллинистического типа. Вопреки общераспространенному мнению, А. И. Болтунова убедительно доказывает, что самое имя «Армаз» следует связывать вовсе не с иранским «Аурамаздсй», а с хеттским божеством, неоднократно упоминающимся в хеттской письменности. В этом следует видеть вклад древней культуры хеттов в культуру грузинского народа, формировавшегося на заре эллинизма. Очень интересны были параллели, проведенные в этом докладе, между культом Армаза и малоазийскими культами лунного божества. В конечном своем выводе А. И. Болтунова указывает на новые факты, позволяющие согласиться с мнением ученых, связывающих генетически древний культ Армаза с почитанием в Грузии св. Георгия.

Второй доклад А. И. Болтуновой о денежном обращении Иберии античной эпохи — представляет собой очень основательную сводку нумизматического материала, известного по целому ряду прежних и новых археологических исследований всей этой территории. А. И. Болтунова вносит ряд коррективов в существующее представление о характере монетного обращения на побережьях Черного моря. Одновременно ей удается наметить основные пути распространения монет. А. И. Болтунова доказывает, что монеты эллинистических государств, а позже и римские монеты проникали в Иберию прежде всего с юга. Влияние же западных путей распространения монет значительно преувеличено.

Доклад Д. П. Каллистова о доколониционном периоде в Северном Причерноморье был построен на основе опубликованного материала археологических исследований. Д. П. Каллистов, в согласии с В. А. Иессеном, выдвинул следующее положение: греческие колонии не пустили бы таких глубоких корней на новой для них почве, если бы сложившиеся к этому времени в Северном Причерноморье условия не предопределили успеха в их торговой деятельности.

Д. П. Каллистов имеет в виду наличие развитых связей и широкого общения между туземными племенами, которые находят свое выражение в типологической близости памятников материальной культуры на значительных территориях.

Б. И. Надельм были сделаны в группе следующие три доклада: «Из истории Боспора в начале IV в. н. э.»; «К вопросу о правовом положении Боспора в римскую эпоху»; «К вопросу о происхождении боспорских евреев». В основе первого из них лежит анализ боспорской посвяtitельной надписи, опубликованной В. В. Латышевым в ИАК, вып. 10, № 21, стр. 26. Новые и обстоятельные комментарии к этой надписи позволяют Б. И. Надельму прийти к интересным выводам, касающимся еврейской общины и еврейского культа на Боспоре в IV в. н. э., взаимоотношений Боспора с Римом и положения отдельных городов, в частности Феодосии. Выступивший в прениях С. Я. Лурье подчеркнул значение этого исследования Б. И. Надельмы для решения вопроса об источниках религии хазар. В докладе о правовом положении Боспора в римскую эпоху Б. И. Надельм путем анализа ряда эпиграфических и литературных текстов доказывает, что Боспор находился в особых договорных отношениях с Римом. Это нашло свое выражение в соответствующих изображениях и легендах на боспорских монетах, в почетных титулах боспорских царей и, вероятно, в надписи IOSPE, II, 33, 5—6 строки которой восстановлены автором.

В третьем своем докладе, также построенном, в основном, на эпиграфических текстах, сопоставленных с памятниками еврейского канонического права, Б. И. Надельм выдвигает положение о длительности пребывания евреев на боспорской территории. По его мнению, еврейская община на Боспоре возникает еще в эллинистическое время, задолго до разрушения иерусалимского храма. Евреи проникают сюда через Малую Азию.

Б. И. Надельм прочел также подробную рецензию на книгу Таубеншлага о греко-римском праве («The Law of Greco-Roman Egypt», New York, 1944).

Доклады Н. В. Шафранской представляют собой главы ее кандидатской диссертации «Кризис Ольвии во времена Протогена в свете эпиграфических параллелей с балканской и островной Грецией». В первом из этих докладов Н. В. Шафранская сопоставила декрет в честь Протогена с данными археологических исследований Ольвии; второй ее доклад был посвящен сопоставлению декрета в честь Протогена с другими эпиграфическими документами Причерноморья и эпиграфическими текстами балканской и островной Греции; третий доклад касался вопроса о роли варваров в ольвийском кризисе III в.

Н. Шафранская

Кафедра истории Греции и Рима ИГУ в 1947 г.

Проф. С. И. Ковалев работал над 2-й частью курса по истории Рима—«История Римской империи». Объем этой части учебника—17 печатных листов. Работа делится на 16 глав. Как и в первой части курса, несколько глав посвящено вопросам духовной культуры. В изложении истории империи I и II вв. автор с особой детальностью останавливается на характеристике экономики и социальных отношений. Много внимания уделено кризису III в. В изложении событий IV в. выделяется подробное описание языческой реакции при Юлиане.

Продолжая свою работу над докторской диссертацией по истории архаического Родоса, доцент К. М. Колобова сосредоточила внимание на проблеме раннегреческой и, в частности, родосской колонизации.

В дополнение к предыдущим главам о Навкратисе и Геле К. М. Колобова проделала большую работу по истории Ликии, родосской колонизации Фаселида и вопросам борьбы Родоса с ликийскими племенами. Кроме того, ею написана глава о причинах греческой колонизации VIII—VII вв. до н. э., первая часть которой посвящена критике взглядов буржуазных историков. К. М. Колобовой удалось показать, что интерес к этой проблеме на Западе развивался под влиянием колониальной политики европейских государств. Научное исследование проблемы греческой колонизации начато лишь в Советском Союзе (работы С. А. Жебелева, Т. Н. Книпович, А. А. Иесена). Вторая часть этой главы представляет попытку решения вопроса о причинах греческой колонизации. Работа была доложена на заседании научной сессии ЛОЛГУ. К. М. Колобовой, кроме того, сделан на кафедре доклад «Советская наука об античном обществе за 30 лет». В данное время К. М. Колобова работает над вопросами топографии Родоса, его карийских владений и островов, входивших в родосскую общину.

Доцент Д. П. Каллистов был занят работой над рядом вопросов, связанных с исследуемой им проблемой «Варвары и греки в Северном Причерноморье античной эпохи». В этой связи им был разработан вопрос о предколониационном периоде, доложенный в двух докладах—на кафедре и в ЛОИИ, вопрос о боспорских городах в их взаимоотношении с варварским миром и вопрос об особенностях территориальной экспансии Боспора в IV в. до н. э. и ее социально-политических последствиях.

Одновременно Д. П. Каллистовым подготовлены очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, включенные в издательский план ЛОЛГУ.

Доцент Н. Н. Залесский продолжает работу над докторской диссертацией «История Рима в эпоху царей». В 1947 г. Залесский занимался главным образом вопросами источниковедения, в частности, рассмотрением данных языка и памятников материальной культуры как исторических источников. Первый вид источников особенно важен при освещении вопроса об этническом составе древней римской общины. Автор признает неправильным мнение тех исследователей, которые стремятся, за исключением этрусского языка, отрицать наличие в древней Италии языков неиндоевропейской системы.

В латинском языке громадно наследие до-индоевропейского языка древнейшего населения Италии.

В целях максимального использования второго вида источников предпринято составление обзора всех памятников материальной культуры древнейшего периода, известных нам благодаря археологическим работам, а также упоминаемых преданием. Особо ценны данные погребений. Существование двух обрядов подтверждает разноплеменность населения. Сопоставление сведений о древнейших святилищах приводит к мнению, что царский Рим до периода этрусского преобладания не имел сколько-нибудь значительных культовых строений.

Начаты и продолжаются исследования всех видов письменных источников.

Н. Залесский

Кафедра древней истории Ереванского университета в 1946/47 уч. году

Малочисленный состав кафедры и загруженность ее членов педагогической работой не позволили развернуть научно-исследовательскую работу так, как это было бы желательно: ведь за отсутствием соответствующих специалистов в университете членам кафедры приходилось, помимо своих основных курсов, читать лекции и по смежным дисциплинам.

Зав. кафедрой Ст. Нерсисян продолжал начатую еще задолго до Отечественной войны работу над докторской диссертацией «Олигархические гетерии в Афинах в

эпоху Пелопоннесской войны». Автор в своей работе ставит себе целью выявить специфические черты и организационные формы политической борьбы в древней Греции.

В истекшем году Ст. Нерсисян, помимо проводимого на историческом факультете основного курса истории Греции и Рима, вел на факультете международных отношений специальный курс по истории международных отношений и дипломатии в древнем мире.

Член кафедры Евг. Мирзаханян, окончившая аспирантуру исторического факультета Ереванского государственного университета, подготовила в 1943—1946 гг. кандидатскую диссертацию «Принципат Тиберия», которую успешно защитила в конце 1946/47 уч. года. Официальные оппоненты—доктор исторических наук проф. А. Абрамян и кандидат исторических наук доцент С. Еремян дали положительную оценку работе.

Евг. Мирзаханян читает курс истории древнего Востока на историческом факультете, всеобщей истории на не-исторических факультетах, а также специальный курс «Римская империя в эпоху принципата».

Кафедра руководила работой студентов-дипломников, писавших по вопросам древней истории. Отличной оценки удостоилась дипломная работа студентки А. Одабашян на тему «Афинская демократия и ее оценка современниками».

По предложению ректората кафедра провела рецензирование основной советской учебной литературы для вузов по всем разделам древней истории.

Кафедра поддерживала связь с объединенной кафедрой средневековой и новой истории. Один из членов этой кафедры Ю. Наджарян, проходивший аспирантуру в Московском государственном университете под руководством известного советского медиевиста проф. А. Д. Удальцова, избрал темой для кандидатской диссертации вопрос, имеющий отношение столько же к средневековой, сколько и к древней истории—«Битва в Тевтобургском лесу и роль Арминия в истории древних германцев». Ее защита состоялась весной 1947 г. Ученый совет университета присудил диссертанту степень кандидата исторических наук.

Внеуниверситетская работа членов кафедры шла в трех направлениях:

- а) Содействие Госиздату Армении и Армянскому заочному педагогическому институту в деле подготовки и издания учебной литературы по древней истории для средней школы и студентов-заочников. Еще в 1945 г. по линии Заочного института было издано краткое пособие проф. Н. Машкина «История древнего Рима» в армянском переводе и с примечаниями Ст. Нерсисяна, а в текущем году вышел в новом издании им же отредактированный армянский перевод учебника истории древнего мира под ред. проф. А. Мишулина для средней школы (первое издание перевода, выполненного и отредактированного не-специалистами, изобиловало неточностями).
- б) Руководство работой аспиранта Армянского педагогического института (стационара) К. Шагназаряна над кандидатской диссертацией «Реформы Агиса и Клеомена».
- в) Помощь отдельным лицам, хотя и специализирующимся по древней истории Армении, но имеющим дело и с древнегреческими и латинскими источниками. Помощь эта выразилась, помимо консультации по вопросам древней истории, в том, что кафедра составила список таких тем для кандидатских диссертаций, которые затрагивают взаимоотношения между древней Арменией и Грецией и Римом, с указанием источников и литературы для каждой темы. На одну из этих тем—«Римско-парфянские взаимоотношения и Армения в эпоху Нерона»—написал под руководством историков-армяноведов и успешно защитил при университете кандидатскую диссертацию К. Карамян.

Евг. Мирзаханян

Кафедра древней истории Томского университета

Кафедра древней истории ТГУ возникла в 1940 г., когда был создан Исторический факультет. С этого же времени с кафедрой связан Музей истории материальной культуры ТГУ, насчитывающий свыше 33 000 экспонатов по истории, археологии и этнографии Сибири.

Кафедра в настоящее время состоит из заведующего—доктора исторических наук профессора К. Э. Гриневича и двух ассистентов: В. Н. Гриневич и Е. М. Пеняева.

Научная деятельность кафедры протекает в двух направлениях: 1) изучение древнегреческой истории и античных колоний юга СССР (главным образом Херсонеса, Пантикапея и их окружения) и 2) изучение местных сибирских древностей на базе музейных памятников и раскопок.

По первому разделу кафедрой написаны следующие работы: К. Э. Гриневич—«Солон» (в «Ученых записках ТГУ», № 4 и 6, напечатаны две части исследования), «История обороны Херсонеса Таврического», объемом в 22 печ. л., «История обороны Боспора» (Тиритакский вал)¹, «История обороны Боспора по археологическим данным: оборонительные валы, оборона городов и оружие», «Калос-Лимен по новейшим данным», «Херсонес и Рим»². Ассистентка В. Н. Гриневич написала следующие работы: «Агон Херсонеса» и «Неизданный чернолаковый килик из Керчи». Обе работы были доложены на общегородских конференциях молодых ученых и были премированы почетными грамотами Томского городского совета трудящихся.

В 1946 г. кафедра провела две археологические экспедиции: на Басандайку в Сибири и в Крым (в Керчь и Евпаторию). В окрестностях Керчи было проведено исследование древнего вала, а в 65 км от Евпатории была проведена разведка на городище Калос-Лимен («Прекрасная гавань», упоминаемая в присяге Херсонеса и других памятниках).

С 1944 г. кафедра возглавила «Объединенную раскопочно-экспедицию ТГУ и ТГПИ» при сотрудничестве работников кафедры истории народов СССР университета и Томского педагогического института. Экспедиция в течение трех лет с участием студентов-историков старших курсов раскапывала городище и курганы в урочище «Басандайка» в 7 км от Томска. В настоящее время заканчивается печатанием коллективный сборник под редакцией проф. К. Э. Гриневича под названием «Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области». Объем сборника 42 печ. л. с 92 таблицами и многочисленными photographиями в тексте. В этом сборнике членам кафедры древней истории принадлежат следующие работы: К. Э. Гриневич «Отчет за 3 года работы экспедиции»; он же «Вопросы классификации и датировки басандайской керамики»; асс. В. Н. Гриневич «Описание ведущих керамических находок в Басандайке»; асс. Е. М. Пеняев «Описание ведущих кремневых орудий труда на Басандайском городище».

Кроме того кафедра поместила в местной газете и в местном альманахе «Томск» ряд информационных статей о раскопках. Такая же статья была помещена в журнале «Вопросы истории» (1946, № 2—3).

Ассистенты кафедры работают над повышением своей квалификации: В. Н. Гриневич в июле 1947 г. закончила сдачу кандидатского минимума по древней истории и пишет работу «История общественных соревнований в древней Греции», а Е. М. Пеняев приступает к кандидатским экзаменам.

Кафедра консультирует диссертантов на соискание степени кандидата исторических наук: 1) Н. Тупиков (Хабаровск) пишет работу «Сципион Эмилиан Младший»; 2) Р. Потемкина (Омск) пишет работу «Работа Энгельса «Происхождение семьи,

¹ ВДИ, 1946, № 2, стр. 160—165.

² ВДИ, 1947, № 2, стр. 228—237.

частной собственности и государства» и открытая в 1890 году «Афинская политика» Аристотеля; 3) У. Эрдниев (Сталинка) пишет работу «Задуманный Цезарем поход на Восток и попытки его осуществления»; 4) Р. Оксенюк (Томск) пишет работу «Северное Причерноморье в борьбе Митридата с Римом».

В 1947 г. кафедра древней истории на конкурсе, объявленном Историко-филологическим факультетом, была признана лучшей на факультете (см. университетскую газету «За советскую науку», 1947, № 3 от 8 июля).

Кафедра имеет перспективы дальнейшего роста, из молодежи будут набираться квалифицированные кадры. В 1948 г. предполагается провести две экспедиции: одну сибирскую, и вторую разведочную на Таманский полуостров.

Минаев

Воронежский университет

Историко-филологический факультет—самый молодой из факультетов Воронежского государственного университета. Он был открыт в 1940 г., но в полном объеме начал развертывать свою работу лишь с осени 1941 года, когда была создана филологическая специальность.

Уже в самом начале своей деятельности коллектив факультета встретился с рядом трудностей, связанных с работой в тяжелых условиях прифронтовой полосы. Часть профессорско-преподавательского состава, вместе с десятками студентов, ушла в ряды Советской Армии с оружием в руках защищать родную землю от немецко-фашистских захватчиков. Оставшиеся принимали самое активное участие в оборонных, сельскохозяйственных, научно-пропагандистских и других работах.

В июле 1942 г. Воронежский государственный университет был эвакуирован в г. Елабугу и в трудных условиях провел 1942/43 уч. год.

С осени 1943 года университет вернулся в Воронеж и начал работу в условиях разрушенного немцами города. В настоящее время историко-филологический факультет превратился в самый большой в университете. Кафедрой всеобщей истории факультета заведует доцент С. Н. Бенклиев. В течение 1946/47 уч. года он работал над темой: «Историография заговора Катилины» и написал две главы: 1) Античные источники о заговоре Катилины и 2) Заговор Катилины в зарубежной историографии, объемом в 6 печатных листов. В настоящее время работает над 3-й частью: Заговор Катилины в отечественной историографии. Им также подготовлено к печати 3-е издание «Справочника по истории древнего мира» (переработанное и дополненное), который явится вспомогательным учебным пособием, особенно для студентов-заочников.

Кроме того, доц. С. Н. Бенклиев составил методическую разработку для студентов-заочников по теме контрольной работы «Восстание Спартака» (с изложением основного фактического материала, объемом в 3 печ. листа), являющейся наиболее распространенной и излюбленной темой заочников.

В марте 1947 г. в университете была проведена очередная годовичная научная конференция, на которой широко показаны результаты научных исследований кафедр всех факультетов.

Из своей большой работы доцент С. Н. Бенклиев доложил на конференции главу: «Античные источники о заговоре Катилины». Подвергнув детальному, критическому анализу свидетельства греко-римских источников о заговоре Катилины, докладчик пришел к выводу, что хотя некоторые авторы, особенно Цицерон и Саллустий, слишком очернили своего политического противника, однако античная историография дала в общем правильную характеристику заговора, личности Катилины и показала его диктаторские замыслы.

Автор доказал несостоятельность мнения о том, что заговор Катилины представляет собой демократическое движение, а вождь заговора является революционером.

Среди других докладов на большой научной конференции, посвященной 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции были заслушаны доклады: «Изучение истории античного мира в СССР за 30 лет» (С. Н. Бенклиев), «Советская археология за 30 лет» (А. Н. Москаленко).

Профессорско-преподавательский состав кафедры принимает активное участие в научно-пропагандистской работе.

Работниками кафедры за 1946/47 уч. год прочтено 44 научно-популярных лекции на предприятиях и в учреждениях Воронежа. Доц. С. Н. Бенклиев сдал для опубликования брошюру «Спартак», посвященную выдающемуся вождю крупнейшего восстания рабов в Риме.

Летом 1948 года под руководством археолога, кандидата исторических наук А. Н. Москаленко, совместно с областным музеем краеведения намечено осуществить археологические исследования памятников Воронежской области. Обнаруженные вещественные данные будут положены в основу создаваемого музея археологии Воронежского университета.

Немецко-фашистские захватчики уничтожили материальную и научную базу Воронежского университета, поэтому коллектив кафедры, наряду с учебной и научной работой, отдает много сил и времени созданию кабинетов, библиотеки, оборудования и всего необходимого для проведения на высоком уровне педагогической и научно-исследовательской деятельности.

Б.

Кафедра истории древнего мира МГПИ им. В. П. Потемкина

Работа кафедры Истории древнего мира Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина в 1945—1947 гг. велась по трем основным направлениям: 1) учебно-методическая работа; 2) научно-исследовательская работа членов кафедры, и 3) организация научно-исследовательской работы студентов в специальном студенческом кружке по изучению истории древнего мира.

Помимо основных учебных курсов, студенты имели возможность прослушать ряд специальных курсов, углубляющих и расширяющих их сведения по различным отделам истории древнего мира. В частности, параллельно с основным курсом профессор А. С. Башкиров читает курс античной археологии. Из специальных семинаров следует отметить семинары следующие: «Греческие колонии Северного Причерноморья в классическую и эллинистическую эпохи» (доц. Н. И. Львов), «Античная культура на юге СССР» и «Памятники культуры древнего мира» (проф. А. С. Башкиров); «Эпоха Александра Македонского» (доц. А. К. Бергер). В семинаре доцента Львова студентами проводится большая работа по составлению библиографии античной древности Северного Причерноморья за 30-летний советский период развития науки.

Научно-исследовательская работа сотрудников кафедры ведется в направлении создания учебников и учебных пособий и в специальных исследованиях проблем истории древнего мира.

Заведующий кафедрой доктор исторических наук профессор В. Н. Дьяков работает над учебником «История римского народа в античную эпоху», в 4-х частях. Первая часть книги «Возникновение римского народа и государства» (10 печатных листов) вышла из печати, вторая часть «Образование римской средиземноморской державы» подготовлена к печати. Кроме того, под редакцией и при участии проф. Дьякова, готовится учебник по истории древнего мира для учительских институтов.

Кафедра взяла на себя обязательство написать «Книгу для чтения по истории древнего мира» (Греция, 20 печ. л.). Для этого, кроме крупных московских ученых, будут привлечены опытные преподаватели московских средних школ.

Кроме того, проф. Дьяковым подготовлена монография «Греческие города западного побережья Понта в эпоху римского господства», имеющая целью выяснить связь экономики, истории и организации античных городов западного побережья Понта с античными городами на территории СССР.

Профессор А. С. Башкиров в ноябре 1946 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Антисейсизм в древней архитектуре».

В апреле 1947 г. аспирантка кафедры В. П. Дзагурова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Гераклея понтийская в эпоху ее независимости».

Кафедрой подготовлен и сдан в печать том «Ученых записок» (около 12 печ. л.), в который вошла статья проф. А. С. Башкирова—об антисейсизме в римских постройках (часть диссертации), часть диссертации В. П. Дзагуровой, статья доцента Н. И. Львова, посвященная кризису Римской империи в V в. н. э. (эпизоды из истории борьбы римской аристократии за власть в 455—68 гг. до н. э. по произведению Сидония Аполлинария).

Проф. Башкиров готовит работу «История эстетических учений в связи с вопросом эстетического воспитания в античной Греции». В этом исследовании автор рассматривает связь теоретических основ греческой эстетики с греческой философией.

Доц. А. К. Бергер в настоящее время заканчивает работу, посвященную «Политике» Аристотеля. Он же разрабатывает вопрос о проблеме государственного суверенитета в античной политической мысли и готовит исследование «Историография начала XIX в. по истории античной Греции в связи с борьбой греков за независимость». Доцент Н. И. Львов работает над проблемами истории Северного Причерноморья в классическую и эллинистическую эпохи.

На заседаниях кафедры был заслушан ряд докладов: доцент С. Л. Утченко прочел доклад «Новое в вопросе о происхождении плебейских организаций в Риме». Аспирантка Златковская прочла доклад на тему «Влияние этрусской религии на римскую».

Группа аспирантов кафедры состоит из трех человек: аспирантка Златковская готовит диссертацию «Римская провинция Мезия», диссертации аспирантов В. П. Пикус и А. Я. Абрамович посвящены истории Византия и Синопы в классическое и эллинистическое время.

В течение трех лет при кафедре работает научный студенческий кружок под руководством профессора В. Н. Дьякова. Все участники этого кружка принимали участие в летних археологических экспедициях в Керчи и на Тамани, проводимых ИИМК АН СССР и Музеем изобразительных искусств под руководством профессора В. Д. Блаватского, и в Херсонесе под руководством С. Ф. Стржелецкого. Летом 1947 г. в археологической практике участвовало 30 студентов института. Студенты знакомились с методикой полевой и камерной археологической работы. Результаты работы студентов были изложены в ряде докладов по материалам раскопок и археологическим фондам Керченского, Херсонесского и московских музеев. Доклады студентов—Гилевич по истории монетного дела Херсонеса и Борисовой по изучению клейм херсонесских астиномов на амфорных ручках—представляют определенную научную ценность.

Кафедра истории древнего мира совместно с кафедрой Методики института летом 1947 г. организовала съемки учебно-методического фильма, посвященного археологическим раскопкам в Керчи. Цель фильма—создание пособия, дополняющего и оживляющего лекционный курс и наглядно показывающего целый раздел античной истории на юге СССР. Фильм может быть с пользой показан широкой публике.

А. Абрамович

Кафедра древней истории МОПИ

Кафедра древней истории образовалась в МОПИ только в 1946 г.

Члены кафедры работают над следующими монографиями, входящими в 5-летний план научно-исследовательской работы кафедры: проф. В. К. Никольский (руководитель кафедры) «Первобытная культура», доц. Д. Г. Редер—«Экономгеография Древнего Востока», доц. Ю. С. Крушкол—«Эпоха эллинизма в Сев. Причерноморье», доц. А. И. Матвеева—«Провинции Рима в Сев. Причерноморье в I—II вв. н. э.». Кроме того члены кафедры составляют учебник по древней истории для неисторических факультетов.

На заседаниях кафедры систематически обсуждаются научные доклады, из которых составился подготавливаемый к печати сборник. В него вошли следующие статьи: проф. Никольского—«Происхождение религии», доц. Редера—«Об акклиматизации культурных растений в Древнем Египте», доц. Крушкол—«Дройзен как историк эллинизма», «К истории эллинистического Родоса», проф. Яковлева—«Происхождение славян», проф. Ладыженского—«Адаты кавказских горцев и советское строительство».

На научной конференции МОПИ весной 1946/47 учебного года были поставлены доклады проф. В. К. Никольского «Современные люди каменного века» и доц. Ю. С. Крушкол «Модернизация эпохи эллинизма в произведениях Жугэ и Тарна».

Кроме того на заседании кафедры были заслушаны два доклада доц. Редера, посвященные изменению в области хронологии Передней Азии на Древнем Востоке.

Кафедра имеет 4 аспирантов. Аспирантка Н. А. Рощина темой своей диссертации взяла «Ительмены», т. Медведев (прикрепленный из Воронежского пед. института) заканчивает кандидатскую диссертацию о матриархате у древних евреев.

Кафедрой были поставлены спецкурсы на следующие темы: «Религии древнего мира» (проф. Никольский); «Международные отношения на Древнем Востоке и в древней Греции» (доц. Редер); «Эпоха эллинизма» (доц. Крушкол). Проведены следующие спецсеминары: проф. Никольским «Первобытная культура», доц. Редером «Античная культура», доц. Крушкол «Греческие города Северного Причерноморья». Организован научный студенческий кружок древней истории, в работе которого следует отметить доклад студента Федюнькина на тему: «Древнегреческая тирания».

На торжественном заседании кафедры в честь 30-летия Октября был прочитан коллективный доклад членов кафедры: «Значение работ Ленина и Сталина для изучения древней истории».

Ю. С. Крушкол

Первое Уральское археологическое совещание при Молотовском университете

В течение десяти предвоенных лет Урал служил ареной весьма интенсивных археологических исследований, результатом которых явился очень большой новый материал, научное значение которого трудно переоценить. Однако основная часть этого материала осталась неопубликованной в печати и малодоступной для исследователей. В то же время уральская археология понесла за последние годы наиболее тяжелые потери, лишившись большей части ведущих исследователей. Скорбный список, начатый до войны еще А. В. Шмидтом, в годы Великой Отечественной войны увеличили Н. Н. Бортвин, П. А. Дмитриев, Н. А. Прокошев, М. В. Талицкий и, наконец, в 1946 году—Д. Н. Эдинг.

По окончании Великой Отечественной войны при Свердловском и Молотовском университетах оформились новые местные центры археологического изучения Урала, объединяющие вокруг себя также ряд работников из других городов Урала.

Но в начатых уральскими археологами новых работах не могла быть осуществлена достаточно полная преемственность по отношению к довоенным исследованиям

по причинам, изложенным выше; особенно остро ощущалось это в области Прикамья и Среднего Зауралья.

Созыв первого Уральского археологического совещания имел своей основной целью установление такой преемственности путем подведения итогов по основным областям предыдущих работ и разработку общего плана археологического изучения Урала в текущую пятилетку. Одновременно совещание, созвав почти всех исследователей археологии Урала, должно было объединить их в личном научном общении, необходимость которого назрела тем более, что за время Отечественной войны археологические исследования на Урале не прекращались и результаты их, представляя значительный интерес, могли послужить материалом для специальной конференции.

Совещание было проведено 20—25 апреля 1947 г. при Молотовском университете, который успел к этому сроку развернуть в своих стенах кабинет археологии. В совещании приняли участие 62 человека—представители Москвы, Ленинграда, Молотова, Свердловска и других областных и многих районных центров Урала, учителя-краеведы сельских окрестностей Молотова, а также студенты-археологи Свердловского и Молотовского университетов.

Совещание заслушало и обсудило 29 докладов и сообщений. Первые семь докладов подводили итоги предшествующих археологических исследований на Урале.

О. Н. Бадер (Молотовский университет) в докладе «Каменный век на Урале» устанавливает факт первоначального заселения Урала человеком не позднее мустьерской эпохи. В силу палеогеографических условий, сложившихся в четвертичный период в области Поволжья, у населения Урала преобладали в то время сибирские культурные связи, и самое заселение Урала, включая Западное Приуралье, вероятно, произошло из Сибири. Период между палеолитом и концом неолита остается на Урале до сих пор не освещенным. Памятники позднего неолита также еще почти не выявлены; изученные в Прикамье и на восточных склонах стоянки почти целиком относятся к началу металлического периода.

Е. М. Берс (Свердловский университет) в докладе «К изучению Шигирской культуры в Зауралье» охарактеризовала богатейшие собрания по этой культуре, хранящиеся в Свердловском музее, и произвела первый опыт расчленения этого большого, плохо датированного материала на три стадии.

К. В. Сальников (Свердловский университет) в докладе «Андроновская культура в Зауралье» расчленил памятники андроновской культуры в Зауралье на три стадии: федоровскую, алакульскую и замараевскую. Последняя обнаруживает черты перехода к скифской культуре.

А. В. Збруева (ИИМК) в докладе «Памятники эпохи бронзы в Западном Приуралье и ананьинская культура» охарактеризовала раннеметаллические памятники указанной территории и остановилась на вопросе о происхождении ананьинской культуры. Многолетние исследования привели докладчика к выводу о значительной роли, которую сыграли в формировании ананьинской культуры степные «срубно-хвалынские» и «андроновские» племена конца бронзовой эпохи.

В. Н. Чернецов (ИИМК) в докладе «По этапам древнейшей истории Нижнего Приобья» остановился на материалах, собранных за последние 15 лет на восточных склонах Северного Урала и в Нижнем Приобье. Докладчик нарисовал общие контуры исторического процесса в этой обширной и еще мало изученной области, затронув вопросы этногенеза современных народов, населяющих указанную территорию.

Т. А. Трофимова (Ин-т этнографии АН) в докладе «Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья» дала общий очерк палеоантропологии Урала, представляющий огромный интерес для историков. История современных антропологических типов народов Урала представляет собой длительный и весьма сложный процесс взаимодействия между двумя большими расами: европеоидной и монголоидной. Отдельные этапы этого процесса, фиксируемые ископаемым костным материалом, проливают яркий свет на этнические сдвиги и взаимоотношения древних племен Урала.

И. А. Талицкая (ИИМК) в докладе «Справочник об археологических памятниках Прикамья, составленный по материалам М. В. Талицкого», демонстрировала составленную ею археологическую карту Прикамья, на которой отмечено около 1500 памятников, а также тексты их описания, составляющие объемистую рукопись в 30 печатных листов.

Вторая группа докладов была посвящена новейшим, неопубликованным раскопкам на Урале. Перечисляем их в хронологическом порядке: О. Н. Бадер—«Неолитическая стоянка на Полуденке». К. В. Сальников—«Замараевское селище андроновской культуры». А. В. Збруева—«Луговское селище и могильник на Нижней Каме». Н. П. Кипарисова (Нижний Тагил, музей)—«Жертвенное место на Голом Камне под Тагилом». Е. М. Берс—«Находки в Никито-Ивдельских пещерах».

Два доклада касались вопросов более тесного контакта археологии с другими науками.

П. Н. Чирвинский (Молотовский университет) на многочисленных примерах продемонстрировал плодотворность тесной увязки археологии с другими науками и акцентировал недостаточность связи с петрографией, химией и металлографией. Анализ археологических данных показывает, что в ряде случаев новейшие открытия полезных ископаемых в различных районах на самом деле были сделаны человеком тысячи лет назад и впоследствии забыты. Этот же анализ иногда может направлять наши поиски полезных ископаемых.

П. С. Богословский (Молотовский университет) остановил внимание совещания на многочисленных практически забытых источниках и историко-археологических сводных работах по Уралу различных авторов конца XIX и начала XX в., а также развил аргументацию в пользу проведения комплексных экспедиций с участием историков, археологов и фольклористов, уже начатых Тагильским музеем.

Совещание заслушало также доклады об археологических работах областных музеев: Свердловского, Молотовского, Челябинского, Чкаловского и Тюменского, Кудымкарского окружного музея, краеведческих музеев в Нижнем Тагиле, Кунгуре, Соликамске, а также отдельных уральских краеведов: В. П. Бирюкова (Шадринск), Л. Н. Лелюхова (Кунгур), Н. А. Теплоуховой (Молотов), А. В. Нецветаева (Очёр). Эти доклады показали, какой первостепенный по своему значению научный материал ежегодно выявляется краеведами в различных пунктах Урала.

Был обсужден и принят разработанный специальной комиссией план первоочередных археологических работ на Урале в текущую пятилетку (1947—1950 гг.). Первым разделом плана являются охранные исследования на крупнейших уральских новостройках, как строительство КамГЭС, чусовских электростанций, а также выявление и изучение находок на многочисленных уральских торфоразработках. Остальные разделы плана предусматривают проведение раскопок конкретных памятников, а также маршрутных обследований, обеспечивающих изучение наиболее актуальных проблем древнейшей истории Среднего и Южного Урала.

Материалы совещания подготовлены к печати и публикуются Молотовским университетом. Помимо докладов, заслушанных совещанием, в сборник включены присланные с запозданием доклады А. П. Окладникова «К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири» и А. А. Иессена «Уральский очаг древней металлургии», а также пятилетний план работы.

10 лет журнала ВДИ

13 декабря 1947 г. состоялось расширенное заседание редакционной коллегии журнала «Вестник древней истории», посвященное десятилетию со дня выхода в свет первого номера журнала.

Заседание открыл редактор журнала профессор А. В. Мিশулин, указавший, что настоящее заседание имеет целью подвести итоги работы коллектива авторов, редакционной коллегии и редакции журнала.

Сотрудники журнала ждут от собравшихся большевистской критики наших недостатков,—сказал проф. Мишулин,—которая должна быть залогом дальнейшей успешной работы.

Собравшиеся заслушали сообщения С. Л. Утченко и О. Н. Юлкиной о роли «Вестника древней истории» в развитии советской науки о древнем мире и о современных задачах отдела критики и библиографии журнала. В развернувшемся вслед за этим обсуждении поднятых вопросов приняли участие И. Н. Бороздин, Б. Н. Граков, В. Н. Дьяков, С. В. Киселев, С. Я. Лурье, М. Н. Тихомиров, С. П. Кондратьев, К. М. Колобова, Э. В. Мосина и Ф. М. Нечай. Все выступавшие отмечали положительную роль журнала в деле развития нашей науки, указывали, что «Вестник древней истории» в своих передовых статьях постоянно отмечает перед нашими учеными наиболее важные и актуальные в научном и политическом отношении проблемы и своевременно освещает все важнейшие достижения науки. Отмечалось также, что «Вестник древней истории» имеет большое значение для широкого круга научных работников и преподавателей периферии, ориентируя их в вопросах современной науки. Особенно отмечалось большое значение публикаций переводов античных авторов, даваемое в «Приложении» к журналу, в первую очередь значение переиздания труда Латышева «Известия древних авторов о Скифии и Кавказе», которое способствует активизации исследований в области древней истории нашей родины.

Но наряду с достоинствами журнала был отмечен и ряд существенных недостатков, которые должны быть преодолены с тем, чтобы в дальнейшем журнал сохранил свою ведущую роль в развитии советской науки о древнем мире. Одним из главных недостатков журнала является недостаточное освещение проблем истории классической Греции; указывалось также, что журнал пока еще недостаточно остро ставит общеметодологические вопросы и не сумел организовать полемического обсуждения важнейших проблем, остающихся еще спорными. Некоторые из выступавших высказывали пожелание о расширении отдела статей журнала и отдела докладов, помещающих исследовательские статьи. Однако другие товарищи указывали на то, что ни в коем случае нельзя приносить роль отдела критики, так как без настоящей большевистской критики дальнейшее развитие науки невозможно. Особенно отмечались недостатки в работе отдела критики и библиографии, на которые указывала в своем выступлении и тов. Юлкина.

Журнал не сумел до сих пор привлечь к работе в этом отделе ведущих ученых и организовать серьезную критику капитальных работ советских ученых, а также развернутую глубокую критику буржуазных концепций. Отмечалось, что выбор рецензируемых работ остается пока еще во многом случайным; указывалось на желательность помещения критических обзоров по отдельным проблемам и систематическое освещение последних археологических открытий, достижений в области эпиграфики, папирологии, дешифровки вновь открываемых памятников.

Работники редакции и коллектив авторов предъявили ряд требований к работникам Издательства АН СССР, присутствовавшим на совещании: указывалось на неупорядоченность шрифтового хозяйства, на небрежное ведение корректур, на не всегда удовлетворительное качество иллюстраций.

Собравшиеся на совещание представители научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда и Минска (институтов Академии Наук, МГУ, ЛГУ, педагогических институтов, а также редакций журналов «Краткие сообщения ИИМК», «Вопросы истории», «Советская этнография»), тепло приветствовали редколлегия журнала, ответственного редактора А. В. Мишулина и его заместителя проф. А. Б. Рановича, несменно и плодотворно работающих по изданию журнала. На совещании также были оглашены многочисленные приветственные телеграммы, полученные редакцией в связи с десятилетием журнала.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ НУБИИ

Даже при поверхностном знакомстве с историей древней Нубии прежде всего естественно возникает вопрос, чем объяснить, что эта страна, столь близкая во всех отношениях додинастическому Египту, в дальнейшем своем развитии пошла иным путем, чем ее северный сосед? Какие обстоятельства воспрепятствовали возникновению в Нильской Эфиопии на исходе IV тысячелетия до н. э. классового общества и отчего, наконец, так разительно медленно изменялся ее общественный строй, даже по сравнению со столь прославленной своим консерватизмом страной пирамид?

Задача настоящей работы—в порядке постановки проблемы наметить особенности исторического развития Нубии в эпоху Древнего Царства и постараться разрешить некоторые вопросы, связанные с закономерностью развития этой мало изученной страны.

Так же, как и в Египте, вся жизнь Северной Нубии зависела от влаги. Источник же влаги был только один—река. Дожди здесь крайне редки. Только раз в несколько лет проносится тропический ливень. Таким образом, лишь в непосредственной близости Нила развивалась культурная и политическая жизнь Нубии. В окрестных степях и редких оазисах обитали племена скотоводов. Их волны время от времени захлестывали узкую полосу плодородной земли, где сосредоточивались жилища оседлого земледельческого населения и административные и религиозные центры. Несколько меняется пейзаж около «острова» Мероэ. Здесь нет скал, сдвигавших долину Нила. Около Хартума уже выпадают в дождливое время года—между июлем и сентябрем—осадки. Однако эти отдаленные места в жизни древней Нубии почти никакой роли не играли. Крупные культурные центры возникли тут значительно позже—в преемственную эпоху.

Крайне бедная землей, пригодной для земледелия, садоводства и скотоводства, испытывая всегда нужду в хлебе, Северная Нубия в то же время считалась одной из богатейших стран. Действительно, в Нубии обильно представлены всевозможные ископаемые, в первую очередь, золото. Оно добывалось в безводных, выжженных солнцем долинах Аравийских гор. Там же находили драгоценные и полудрагоценные камни: изумруды, хризолиты, гиацинты (Plin., NH, XXXVII, 18, 2; 42, 1; 56, 5). Не было недостатка в серебре, меди и железе (Diod., I, 33). Славилась Эфиопия и лучшими сортами базальта, которые сплавлялись вниз по течению в Египет (Plin., NH, XXXVI, 58, 1). Через Нубию шли караваны с грузом слоновой кости, шкурами диких животных, ароматических растений, эбенового дерева и т. д. Промежуточное ее положение на пути в глубинные районы Восточной Африки было чрезвычайно важным, пока более удобные морские пути, в греко-римскую эпоху, не оттеснили сухопутные и речные на второй план¹.

Географические условия, определившие некоторые особенности развития Египта, особенно Верхнего, еще резче и определеннее сказались в Нубии.

¹ М. Хвостов, История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907, стр. 72—73.

Прежде всего, с трех сторон она была изолирована от внешнего мира; на юге начинались болота и леса тропической Африки, на западе и востоке простирались почти необитаемые, необъятные пустыни. Непроходимые нильские пороги дробили страну на отдельные, мало связанные между собой, области. На севере они отделяли Нубию от Египта, но полностью никогда не разобщали обе страны, хотя их быстрины и скалы были немалой помехой для регулярных сношений. Все необходимые рудные и нерудные ископаемые находились в непосредственной близости и в достаточном количестве. Даже деревья хватало в районе четвертого порога. Впрочем, большой нужды в нем и не было.

Орошаемой земли было в Нубии гораздо меньше, чем в Египте. Земледелие по этому не занимало основного места в экономике, особенно Северной Нубии. На узкой прибрежной кромке росли лишь одинокие финиковые пальмы, располагались небольшие участки, засеянные ячменем и просом, кое-где, вероятно, виднелись огороды и виноградники¹. Зато скота было много. И археологические раскопки, и египетские тексты, и изображения в гробницах доказывают, что нубийцы разводили овец, коз и крупный рогатый скот. Часть жителей добывала пропитание охотой, рыболовством, скотоводством.

Систематические археологические раскопки в Нубии, начало которым было положено лишь в первое десятилетие текущего века, дали уже достаточное количество материала, позволяющего наметить в основных чертах жизнь страны в период, совпадающий с додинастической эпохой Египта. К сожалению, результаты этих исследований еще ни разу не публиковались в русской литературе.

Вот почему придется остановиться несколько подробнее на выводах, к которым в результате своих изысканий пришли Г. Рейснер, Г. Юнкер, Г. Штейндорф и другие археологи, обследовавшие некрополи и древние поселения между первым и третьим порогами. Наиболее обстоятельно они приведены во вводной части публикации Г. Штейндорфа о раскопках в Анибе².

Г. Рейснер, в 1907 г. первый начавший методическое обследование древнейших погребений Нубии с додинастической эпохи до начала Нового Царства, устанавливает на основании археологических и типологических признаков для этого времени три основных культурные группы—А, В и С, последовательно сменявшие друг друга³.

Хронологически он делит историю Нубии до Нового Царства на два основных периода:

1. «Нубийскую Древность»—ок. 4000—2400, включающую культуры групп А и В. Период этот охватывает додинастическую эпоху и время Древнего Царства, время, соответствующее культуре группы А, в свою очередь, делится на два периода, длившихся все IV тысячелетие:

NA 1—додинастический период,

NA 2—раннеисторический период.

Группа В соответствует периоду NA 3, около 3000—2400.

2. Следующий период—от конца Древнего Царства до начала XVIII династии (2400—1600)—характеризуется культурой С, которая по археологическим и типологическим признакам также подразделяется на четыре периода, соответственно обозначаемым NM 1—NM 4.

¹ Исследования содержимого внутренностей туземцев, чьи погребения датируются додинастической эпохой (IV тысячелетием) подтверждают, что растительная пища в их питании занимала не последнее место. Были обнаружены косточки дынь, винограда, зерна ячменя. G. Roeder, *Die Geschichte Nubiens und des Sudans*, «Klio», Bd 12 (1912), p. 59.

² G. Steindorff, *Aniba. Service des Antiquités de l'Égypte. Mission Archéologique de Nubie*, 1929—1934. Glückstadt—Hamburg—N. Y., I, 1935; II, 1937.

³ *Archaeological Survey of Nubia, Bulletin*, № 1, Cairo, 1908, стр. 18 сл.; № 3, Cairo, 1909, стр. 5 сл.

Приемлемость хронологической схемы Рейснера подтвердилась новыми открытиями, которые уточнили и дополнили ее. Конечно, точность этой схемы весьма относительна из-за отсутствия туземных письменных источников. Она базируется преимущественно на сопоставлении с современными египетскими памятниками.

Вопрос об этногенезисе нубийцев пока еще далеко не решен, так же как и о происхождении древнейших обитателей Египта. С большей или меньшей достоверностью можно определить, что основную массу их составляли хамиты, в незапамятные времена смешавшиеся с ливийцами Северной Африки и восточно-африканскими племенами. В IV тысячелетии на всем протяжении долины Нила от Дельты до второго порога господствовала общая в своих основных чертах культура, характеризуемая Негада 2, самый южный пункт распространения которой отмечен в Гаммаи—около второго порога¹. Особенности, присущих Нубии, можно отметить немного, и принципиального значения они не имеют. Это—местные варианты в окраске и весе глины, обжиге и т. п. Типичны для Нубии полированные красные сосуды с узкой черной каймой по верхнему краю.

Маленькие плоские могилы, содержащие обернутый циновкой или шкурой скорченный костяк, лежащий на левом боку с головой, обращенной к югу, определяющие додинастический период (NA—1), и четырехугольные могилы, покрытые плитой из известняка, в которые нередко одновременно клялись по 2—3 покойника в таком же точно положении в раннеисторический период (NA—2), известны в настоящее время в достаточном числе, чтобы можно было составить более или менее ясное общее представление об этом далеком времени. Погребальный инвентарь мало отличается от египетского той же эпохи. Для него характерны глиняные сосуды, красные полированные горшки с черной каймой (black-topped), сосуды из светлой глины, каменные сосуды, сходные с египетскими, палетки для притираний из зеленоватого шифера—прямоугольные, ромбовидные, овальные с двумя птичьими головами, в виде зверей, грушевидные каменные булавы, бусы, кремневые наконечники стрел и копий. В некрополях раннеисторического периода (NA—2) появляются новые образцы керамических изделий—высокие, сужающиеся книзу горшки с вдавленным орнаментом, тонкостенные сосуды, расписанные красной краской, а также прямоугольные и ромбовидные палетки из кварца и других твердых пород камня. Украшения из бус становятся богаче. И, наконец, что особенно важно, встречаются инструменты из меди: топоры, шилья, рубила.

Уже этот краткий перечень доказывает возможность сопоставления древнейшей нубийской культуры с современной ей египетской, ибо последняя характеризуется аналогичным содержанием погребений². Обитатели долины Нила между первым и вторым порогами в IV тысячелетии также занимались рыболовством, охотой, скотоводством и там, где позволяли обстоятельства, земледелием, как и северные их соседи. При раскопках кладбищ в Кубание, датируемых «Нубийской древностью», были найдены кости козы, собаки, быка³. Кости быка были обнаружены также в Мерис-Маркос (там же, стр. 41), в Анибе—кости овец и т. д. Уже указывалось на посевы ячменя, огородные культуры и виноградники. Многочисленные палетки для притираний, которым нередко придавались формы разных диких зверей и птиц (там же, стр. 81), возможно, в магических целях, подтверждают, что их владельцы были рыболовами и охотниками. Можно указать также на распространенные в южной части Верхнего Египта и в Северной Нубии наскальные рисунки, изображающие сцены охоты и ди-

¹ O. Bates, JEA, III (1916), 219. Excavations at Gammai, Harvard African Studies, vol. VIII, Cambridge, 1927.

² Fl. Petrie, Prehistoric Egypt, London, 1920, стр. 3; Archaeological Survey of Nubia, Report for 1907—1908 by G. Reisner, Cairo, 1910, стр. 319, 347.

³ H. Junker, Bericht über die Grabungen der Akademie der Wissenschaften in Wien auf den Friedhöfen von El-Kubanieh—Süd. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philol.-hist. Kl. Denkschriften, Bd. 62, Abh. 3, Wien, 1919, стр. 17, 43.

ких животных¹. Этническая граница между обеими странами проходила, по мнению некоторых исследователей, не только в эпоху «Нубийской древности», но и значительно позднее, севернее Элефантины, а именно около Сильсила². Даже Г. Юнкер, пытающийся на основании одних типологических, формальных признаков отнести разрыв между египетской и нубийской культурами к периоду NA—1, подчеркивает это обстоятельство (Г. Юнкер, указ. соч., стр. 4).

Итак, до определенного времени—конца IV тысячелетия можно говорить о сходстве развития Египта и Севернй Нубии. Что же кладет этому конец? Самый факт значительного прогресса Египта по сравнению с Нубией после объединения первого под властью Менеса отмечался неоднократно. Более того, делались попытки истолкования этого явления. Но удовлетворительного разрешения пока еще не дано. Так, Г. Штейндорф, исходя из сугубо идеалистических установок, пытается объяснить изменения, происшедшие в Египте, при помощи «нового египетского существа» (*Wesen*), неизвестно почему и откуда внезапно появившегося при Менесе. «Тотчас после политического объединения Египта Менесом, с началом исторической эпохи в нижнем течении Нила рождается собственно египетская культура (*Ägyptertum*). Возникает новый вид египетского существа, которое сохраняется в течение тысячелетий..., с ним приходит к концу примитивная энеолитическая культура глубокой древности. В этом неслыханном прогрессе, который совершается в немногие столетия, а может быть и десятилетия, Нубия не принимает никакого участия; новый египетский дух не проникает за Ассуанские пороги. Таким образом, возникает пропасть между упорствующей в своей приверженности к новокаменной культуре Нубией и вновь сформировавшимся Египтом, которая с течением времени расширяется и никогда не заполняется на всем протяжении последующего исторического развития. Эта отчужденность увеличивается еще и тем, что с усиливающимся проникновением негроидных элементов на юге, расовый характер нубийцев отдалается от первоначально однородного с ним характера египтян» (Г. Штейндорф, указ. соч., т. I, стр. 3—4).

Таким образом, кроме «существа» или «духа», оказывается повинной еще и «чужая кровь». Подобное толкование исторических событий в своем дальнейшем логическом развитии приводит к самому откровенному фашизму и полному извращению истории человеческого общества.

По мнению одного из пионеров археологии Нубии Г. Рейснера, отставание последней со времени возникновения египетского государства и даже некоторое падение культуры в период NA—3 объясняется, во-первых, прекращением «благоприятного влияния» Египта, а, во-вторых, изменениями в составе населения и соответствующими изменениями экономических условий. Но прежде всего, далеко еще не доказано, что Нубия в периоды NA—1 и NA—2 находилась в культурной зависимости от своего северного соседа, хотя попытки подобных толкований и делались не только самим Г. Рейснером (Указ. соч., стр. 335), но и Г. Юнкером (Указ. соч., стр. 3 след.), причем последним по отношению и к додинастическому периоду. Однако даже поверхностное сопоставление инвентаря некрополей с полной очевидностью убеждает в том, что Нубия в упомянутое время отнюдь не являлась провинцией Египта, а составляла его органическое и естественное продолжение. Некоторые отличия, и то преимущество в керамике, объясняются, конечно, особенностями местных мастерских и сырья. Их можно установить и для самого Египта. Во-вторых, если даже и допустить, что столь решающее культурное влияние Египта действительно имело место, то почему оно так внезапно прекратилось? Казалось бы, с объединением страны

¹ A. Weigall, A Report on the Antiquities of Lower Nubia, London, 1907. Plates; H. A. Winlock, Rock-drawings of Southern Upper Egypt; Sir P. Mond, Desert Expedition, London, I. 1938; II, 1939.

² K. Sethe, Urgeschichte und die älteste Religion der Aegypter, für die Kunde des Morgenlandes herausgegeben. Abhandlungen von der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd XVIII, 4, Leipzig, 1930, p. 125.

и, следовательно, с ее усилением, это влияние должно было бы активизироваться. Ведь и прежде некоторые предметы доставлялись в Нубию с севера, например, определенной формы сосуды (Г. Штейндорф, указ. соч., т. I, стр. 4). Таким образом, второе соображение Г. Рейснера о вторжении новых племен, стоявших на более низкой стадии развития, представляется наиболее вероятным. На средней ступени периода варварства, отличительные признаки которой можно проследить у кочевников, обитавших в степях и оазисах, примыкавших к Нубии, подобные этнические сдвиги были довольно частым явлением. Здесь вполне применима характеристика К. Маркса: «Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индийских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»¹. Действительно, очередное нашествие полудиких племен могло несколько понизить общий культурный уровень страны. Но тогда возникают другие вопросы—почему это вторжение отразилось только на Нубии и почему египтяне, организовавшие в ту пору свое государство, не оказали им отпора?

Подобной неясности нетрудно избежать, если отказаться от порочных попыток объяснения исторических перемен с помощью одних только этнических сдвигов, изменений «духа» или иных подобных причин. Правда, иногда, как это было, например, с касситами в Вавилонии² или с племенами культуры В в Нубии, вторжение новых племен, стоящих на более низком уровне культуры, задерживало развитие общественных отношений, а иногда приводило к временному регрессу, как это действительно имело место в обоих указанных случаях. Однако и тогда не следует искать объяснений только в одних этнических сдвигах, а привлекать, в зависимости от конкретной обстановки, и другие причины, хотя бы и второстепенные.

Наука не располагает точными и полными сведениями, позволяющими воссоздать детали социальной, экономической и культурной жизни древнейших общин долины Нила. Однако, с помощью данных прежде всего археологии, в общих чертах можно себе представить их организацию. Период процветания культуры А характеризуется дальнейшим совершенствованием ремесла, что доказывается находками медных орудий и более тонкой обработкой керамических изделий, а также некоторым прогрессом техники земледелия, насколько это позволяли скудные земельные участки, ограничивавшие развитие производительных сил известными пределами. Община продолжает сохранять почти в полной мере равенство своих сочленов «Погребения не дают еще следов резкого имущественного расслоения. Все погребения однообразны, и ни одно не выделяется как по качеству, так и по богатству инвентаря»³. Это однообразие инвентаря с весьма незначительными отклонениями характеризует культуры А и В на всем протяжении их существования, т. е. до начала VI династии.

Иное дело—Египет. Наличие большей площади плодородной земли давало простор развитию производительных сил земледельческих общин; они постепенно оттесняли скотоводство на второй план. «Матриархат сменился патриархатом, когда люди поддерживали свое существование преимущественно скотоводством. Затем патриархат сменился рабовладельческим строем, когда люди поддерживали свое существование сравнительно более развитым земледелием»⁴. Поля становились основой благосостояния, предметом постоянных споров и причиной вооруженных столкно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278—279.

² Н. М. Никольский, Община в древнем Двуречье, ВДИ, № 4, 1938.

³ В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 53 (Глава написана И. Л. Снегиревым).

⁴ И. В. Сталин, Анархизм или социализм? Соч., т. I, стр. 311.

ваний между отдельными племенами и общинами, а впоследствии объединениями последних. В то же время изыскиваются средства более рациональной обработки полей—возникает система ирригационных сооружений. Постройка каналов и дамб требует не только значительного количества рабочих рук, но и соответствующей организации. Она появляется в конечном итоге в виде восточной деспотии, держащей в строгом повиновении массу свободного населения, попрежнему объединенную в общины, и рабов.

Нубия осталась в стороне. Общины, расположенные к югу от Элефантины, не приняли, да и не могли принять участия в огромной созидательной работе Египта. Основной стимул для этого отсутствовал. Пахотной земли было так мало, что она едва-едва могла прокормить наличное население. Скот был основной благосостояния. Ведь в древности на месте ныне совершенно бесплодных пустынь простирались степи, где возможно было и разведение стад и охота. Это подтверждается находками скоплений костей быков в прилегающих к Нилу местностях, теперь совершенно необитаемых¹. Хлебные злаки и плоды не были основной пищей населения—«Эфиопы питаются пшеном и ячменем... Вместо оливкового масла они употребляют коровье и сало. За исключением небольшого количества фиников в царских садах они не имеют древесных плодов. Некоторые едят даже траву, тонкие веточки, лотос и тростниковые корни, а также говядину, кровь, молоко и сыр» (Strab., XVII, 2, 2). Перечисленные среди иных продуктов лотоса и тростниковых корней свидетельствует, что Страбон имеет в виду именно Нильскую Эфиопию. Их ели только потому, что ограниченные размеры полей не позволяли разводить зерновые культуры. По той же причине не к чему было строить дамбы и каналы, тем более такие, которые требовали бы значительной затраты труда, дополнительных рабочих рук, т. е. рабов, или кооперации усилий отдельных общин. Таким образом, здесь отсутствовали предпосылки, приведшие в Египте к образованию государства. Несколько иной характер носили и обычные межплеменные войны. Одной из основных причин их было стремление захватить стада или пастбища соседей. В одних случаях это приводило ко временному объединению отдельных племен. Однако эти союзы не были ни долговременными, ни прочными и обычно распадались, как только достигалась непосредственная цель. Словом, Нубия пошла по иному пути, чем Египет. Что касается последнего, то его южные номы не были заинтересованы в присоединении этой бедной землей страны, доступ в которую к тому же затруднялся порогами. Потребность в сырье египетских номов не стала еще настолько сильной, чтобы служить стимулом для систематического проникновения египтян на юг. Только после создания Мемфисской деспотии было обращено внимание на природные богатства Нубии. Лишь с V династии грабительские походы сменяются торговыми экспедициями или перемежаются с ними. Да и то они носят более или менее случайный характер. До этого времени, как показывают археологические находки, обмен ограничивается слоновой костью, керамическими изделиями и т. п. О вывозе золота нет ни одного упоминания. Видимо Египет обходился собственными ресурсами, да и потребность в золоте была невелика. Рудники в Вади-Алаки начали эксплуатироваться гораздо позднее. Несомненно, египтяне, начиная со времени образования государства, полностью взяли в свои руки инициативу военных и мирных предприятий в Нубии. Это подтверждается многочисленными текстами, начиная с первого из них—Палермского камня.

Была, однако, еще одна причина, способствовавшая отсталости Нубии. Правда, материал, на основании которого мы можем судить о ней, очень немногословен. Он ограничивается только вещественными памятниками так называемой культуры В, современной, примерно, годам правления III и IV династий. Она очень близка предшествующей ей культуре А, но беднее и грубее ее и характеризуется овальными или прямоугольными погребениями, скорченным труположением на правом или левом

¹ G. M. Murray, Graves of Oxen in the Eastern Nubian Desert of Egypt, JEA, XII (1916), 248 сл.

боку без определенной ориентировки. Покойник, как правило, завернут в цыновку или в шкуру или же покрыт ими. Глиняные сосуды встречаются реже, выделка их примитивнее, стенки толще. Каменные сосуды отсутствуют; не так часто, как прежде, попадаются бусы из карнеола или фаянса, изделия из меди представлены только шильями, зато чаще встречаются костяные предметы:—иглы, черенки, ножи, гребни, ложки (Г. Штейндорф, Указ. соч., т. I, стр. 5).

Г. Рейснер, открывший и определивший культуру В, выдвинул гипотезу, согласно которой известный регресс, присущий ей, объясняется очередным вторжением с юга варварских племен (Г. Рейснер, Указ. соч., стр. 335). Другие исследователи объясняют снижение культуры в Нубии грабительскими вторжениями войск египетских фараонов—Хасехемуи (II династия) и Снофру (IV династия)¹. Однако стела Хасехемуи из Иераконполя², весьма скверно сохранившаяся, не содержит никаких конкретных данных, позволяющих судить о степени ущерба, понесенного Нубией. Нет никакого основания полагать, что поход этого царя столь резко отличается от обычных набегов. Что касается записи на Палермском камне о военной экспедиции Снофру, при которой было захвачено 7000 человек пленными и угнано 200000 голов скота, то, во-первых, далеко не известно, насколько эти цифры соответствуют истине, а, во-вторых, как доказывает содержимое погребений, оскудение происходило постепенно: первые следы его отмечаются ко времени правления II династии, а окончательно культура А исчезает лишь при IV династии. Если бы оно действительно явилось следствием войны, то переход был бы резким, а не постепенным. Проникновение на протяжении десятилетий кочевников-полуварваров с юга или из окрестных степей легче могло придать ему подобный характер, тем более, что такие вторжения были довольно обычными. Таким образом, гипотеза Г. Рейснера представляется правдоподобной и должна быть оставлена в силе.

Отсталость Нубии, вызванная естественными условиями, усугубилась вторжением пастушеских варварских племен, смешавшихся с туземным населением и понизившим общий культурный уровень страны.

Примерно в ту же пору сказывается еще одна причина, также затормозившая дальнейшее развитие Нубии. Обрывочные и сжатые надписи Палермского камня и некоторых других текстов сообщают о грабительских походах египтян в области, расположенные к югу от Элефантины, начиная со времени правления II династии. Они совершались туда, вероятно, чаще, чем мы можем судить на основании дошедших документов и, конечно, отнюдь не способствовали их процветанию. Египтяне довольствовались тогда уводом в рабство людей и угоном скота. Существенно меняется характер их деятельности в Нубии со времени правления V и, особенно, VI династии. Фараоны, окружающая их знать, храмы предъявляют повышенный по сравнению с прежним спрос на предметы роскоши—благовония, слоновую кость, эбеновое дерево, шкуры экзотических животных и прочие продукты южных стран, которые только одним простым грабежом достать было невозможно. Вероятно, к этой поре—началу VI династии, как сейчас будет видно, несколько меняется и внутреннее положение самой Нубии. Египтянам приходится сочетать насильственный захват с более или менее организованным обменом. При первых династиях Древнего Царства они предпочитали все, что им было нужно брать силой, а нужны были им рабы и скот. Потребность в предметах роскоши, как это видно из погребений первых династий, не была еще столь велика, как со времени IV династии, и в значительной степени удовлетворялась собственными ресурсами или случайным обменом³. Только тогда, когда повы-

¹ W. B. Emery and R. P. Kirwan, *The Excavations and Survey between Andidan and Wadi-es-Sebua, 1929—1935. Service des Antiquités de l'Égypte, Mission Archeologique de Nubie, 1929—1934, Le Caire, 1935. p. 2.*

² J. E. Quibell and F. W. Green, *Hieraconpolis, II, London, 1902, Pl. LVIII.*

³ Одно из немногих исключений—ввоз определенной породы диорита, когда египтяне в эпоху IV династии занялись усиленной строительной деятельностью. Эта

шается спрос на предметы роскоши, которые одним грабежом получить было невозможно, активизируется и расширяется обмен. Поэтому египтяне, видимо, не принимали никаких попыток отодвинуть вверх по течению свои южные рубежи и таким образом закрепить за собой область между первым и вторым порогами или хотя бы часть ее. Граница проходила у острова Элефантины, как доказываются надписью Мернера¹ и некоторыми другими текстами².

Слишком скудны, обрывочны и случайны дошедшие до нас документы, позволяющие восстановить события, происходившие в конце Древнего Царства в Нубии. Однако кое-какие выводы для времени правления VI династии они все же позволяют сделать. Особенно важна в этом отношении биография Хуефхора, ибо она рассказывает о внутреннем положении страны. «Его величество послал меня в третий раз в Иам. Я вышел из... на пути оазиса и я встретил вождя³ страны Иам, когда он направлялся к стране Темех, чтобы поразить темехов до западного угла неба. Я вышел следом за ним к стране Темех, умиротворил ее, чтобы она молила (дословно—восхваляла) всех богов за царя... Когда я умиротворил этого вождя Иама... перед Ирчетом, позади Сету я встретил князя Ирчета, Сечу, Уауата... Я спустился с 300 ослами, нагруженными благовониями, збеновым деревом, душистыми притираниями (hknw), s' t, шкурами пантер, слоновой костью, бумерангами (?) и всякими превосходными продуктами. Когда увидел вождя Ирчета, Сечу, Уауата силу и многочисленность войска Иама, направлявшихся (досл. спускавшихся) со мной ко двору, и солдат, посланных со мною, этот вождь призел и дал мне быков и коз и проводил меня к путям горной страны Ирчета, ибо я был презосходнее и бдительнее, чем какой-либо семер и начальник каравана, который когда-либо посылался в Иам».

За 400—500 лет, прошедших со времени появления новых племен в Нубии, утвердивших культуру В, в стране наметились известные сдвиги. Междоусобные войны, а также войны с ливийцами, населявшими соседние оазисы, подобные тем, о которых сообщает Хуефхор, вызвали образование союзов отдельных племен, под властью общего вождя. Так, один вождь возглавляет племена Ирчета и Сечу, а впоследствии присоединяет к созданному им союзу и племена Уауат. Соответственно меняется и политика Египта. Во-первых, грабить страну, где начинали создаваться более или менее мощные коалиции, было труднее, тем более, что к концу правления VI династии, а именно к этому времени относятся основные сохранившиеся документы, могущество самого Египта находилось на ущербе⁴. Во-вторых, египтян в значительно большей степени начали интересоваться товарами, которые, как уже отмечалось, только одной грубой силой получить было невозможно. Приходилось прибегать к иным мерам, сочетая политику ласки и принуждения, торговлю с активными военными

порода добывалась в Тошке. Там в каменоломнях обнаружены имена фараонов IV и V династий. R. Engelbach, *The Quarries of the Western Nubian Desert. Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*, XXXIII (1933), стр. 65 сл.; *The Quarries of the Western Nubian Desert and the Ancient Road to Tochka, Ibid.*, стр. 369. A. Rowe, *Provisional notes on the Old Kingdom Inscriptions from the Diorite Quarries, Ibid.*, XXXVIII (1938), 678 сл.

¹ K. Sethe, *Urkunden des Alten Reiches*, Leipzig, 1932, 110.

² Например, в биографии Уны (строка 14) южная граница Верхнего Египта (Šm') обозначена у Элефантины там же, стр. 101.

³ В данном контексте слово h'k' правильное переводить «вождь», ибо обычная передача этого понятия по-русски как «князь» создает ложные ассоциации. Лучше h'k', передает англ. chief—«вождь», «глава», что полностью соответствует действительному его содержанию.

⁴ Пиопи I для похода против бедуинов привлек в свою армию представителей многих нубийских племен: Ирчета, Меджа, Уауата, Каау (надпись Уны), (К. Зете. Указ. соч., стр. 101).

и политическим вмешательством во внутренние дела страны, в первую очередь в распри вождей. Хуефхор, совершивший несколько путешествий на юг, и другие вельможи своими действиями превосходно иллюстрируют только что высказанные предположения. Так, Сабни берет с собой 100 ослов, груженных притираниями, медом, одеж-

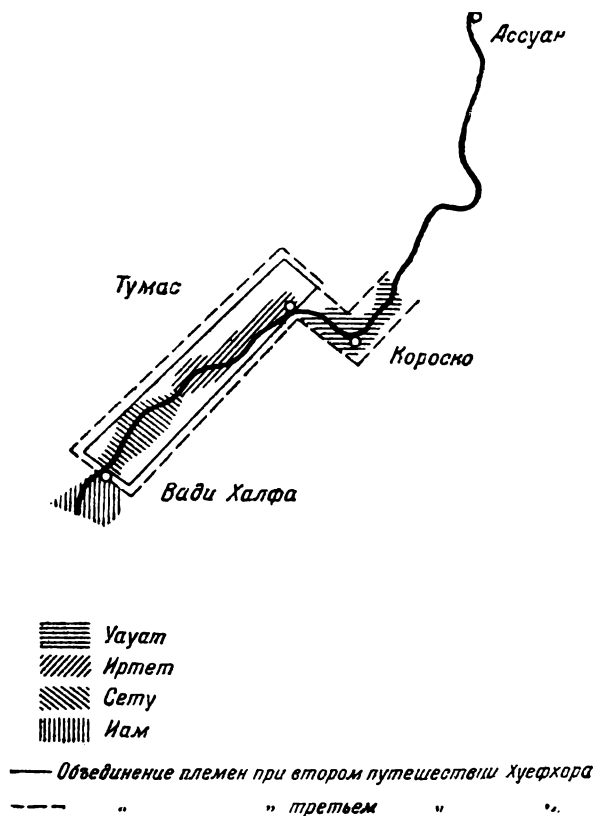

Рис. 1. Схема расселения туземных племен Северной Нубии в конце Древнего Царства (Т. Säve-Söderbergh «Ägypten und Nubien»).

дой, изделиями из фаянса, алебастровыми сосудами для «умиротворения этих чужеземных стран» (Там же, стр. 135 след.). Хуефхор помогает вождю Иама в борьбе против ливийцев, а затем с помощью его войск угрожает вождю, возглавляющему племена Ирчета, Сечу и Иам, ибо, видимо, это объединение противоречило интересам Египта в Нубии. Цель была достигнута, и предводитель коалиции не только выразил покорность, но и принес дары. Еще прежде лично принимал изъявления покорности от князей Меджа, Ирчета и Уауата фараон Мернера, посетивший южную границу своих владений в 5 год правления (К. Зете, Указ. соч., стр. 110—111). В то же время строго карались всякие проявления самостоятельности и особенно ущерб интересам и престижу Египта. Очень характерны в этом отношении надписи Сабни и Пиопинахта. Первый строго наказал туземцев, возможно бывших виновниками смерти его отца Меху. Что подобные действия отнюдь не противоречили направлению египетской политики, доказывается милостями и наградами, которыми удостоили его при дворе по возвращении из путешествия (К. Зете, Указ. соч., стр. 135—140). Второй дважды воевал в Нубии, стремясь закрепить там влияние фараонов. Он не только жестоко расправлялся на месте с непокорными, но и привозил заложников, вероятно, наиболее

влиятельных лиц, а также их детей. Показательно, что при рассказе о втором походе, Пиопинахт также употребляет по отношению к области, где он действовал, выражение «умиротворять» (*shtp*). Карательная экспедиция была, видимо, вызвана каким-то ущемлением интересов Египта. Словом, египтяне при Мернере I и, особенно, при вековом правлении его сына Пиопи II, фактически перешли к подчинению Северной Нубии, которое было прервано временным распадом государства фараонов. Таким образом, они предварили окончательное завоевание этой страны царями XII династии.

Предположение Т. Севе-Седерберга, что коалиция, с которой столкнулся Хуефхор, была направлена против Египта, ничего невозможного в себе не содержит¹, ибо эксплуатация страны египтянами и постоянная угроза очередного вторжения с их стороны могла сплотить отдельные племена. В других условиях, при иных обстоятельствах, так же точно объединились хеттские племена против ассирийских колоний. Однако в данном случае нет никаких оснований полагать, что насильственный или добровольный союз Ирчета, Сечу и Уауата имел явно враждебные по отношению к Египту намерения. Во всяком случае, приведенный выше отрывок из надписи Хуефхора—единственный имеющийся в нашем распоряжении документ, относящийся к этим событиям, подобных выводов не допускает. В конце концов, три относительно незначительных племена,—вспомним, что между 1 и 2 порогами их обитало около десятка,—не могли серьезно помышлять о борьбе с могущественным государством, тем более, что их непосредственные соседи, например Иам, явно находились в оппозиции. Конечно, наши источники слишком скудны и скупы для определенных заключений, но все же общая ситуация заставляет предполагать, что Хуефхор повествует о начальной фазе становления еще полностью не сложившегося племенного объединения, когда идет борьба за включение в него отдельных самостоятельных племен. Разумеется, на этой стадии о четкой и последовательной политической направленности говорить трудно. Так, вождь коалиции сразу изъясляет все признаки покорности, даже не пытаясь организовать сопротивление. Сама коалиция очень не прочна. Из надписи Пиопинахта, датируемой позднейшими годами правления того же Пиопи II, видно, что Ирчет и Уауат возглавлялись различными предводителями (К. Зете, Указ. соч., стр. 135). Что подобные союзы таили в себе потенциальную опасность интересам египтян в Нубии, доказывается решительными действиями Хуефхора и жестокими расправами, учиненными Сабни и Пиопинахтом. До падения Древнего Царства, последовавшего в ближайшее столетие, мы больше ничего не узнаем о дальнейших попытках подобного рода объединений.

Как упоминалось, раскопанные до сих пор погребения не дают никаких материалов, позволяющих установить начало резкого имущественного расслоения внутри родовых общин культуры В. Однако оно должно было иметь место. Прежде всего, это доказывается существованием обмена с Египтом, который направлял в Нубию различные товары взамен необходимых ему продуктов. К сожалению, наши сведения о них ограничиваются только одним местом из биографии Сабни, на которое уже приходилось ссылаться. Вожди различных племен, неоднократно фигурирующие в биографиях Хуефхора и Пиопинахта, в надписях Мернера и т. д., свидетельствуют о выделении прослойки родовой аристократии, которая, вероятно, и была основным потребителем ввозимых товаров.

Итак, природные условия—крайняя ограниченность плодородной земли и, как следствие, отсутствие потребности в создании ирригации, замедлили рост производительных сил и общественных отношений Нубии в додинастический период и воспрепятствовали не только ее объединению, но и включению ее в состав египетского государства, от которого она к тому же отделялась труднопроходимыми порогами. В дальнейшем развитие страны задержали вторгнувшиеся с юга племена, стоявшие на более низком уровне культурного развития (Культура В), и грабительские по-

¹ T. Säve-Söderbergh, *Aegypten und Nubien*, Lund., 1941, стр. 28.

ходы, организованные фараонами. Когда же к концу Древнего Царства в Нубии начинают возникать первые попытки племенных объединений, египтяне, заинтересованные в возможности систематической эксплуатации, в целях получения необходимых им товаров и рабов, военными и дипломатическими мерами препятствуют образованию подобных союзов. В то же время обмен с Египтом ускоряет расслоение родовых общин и способствует выделению родовой аристократии.

Созданная с таким трудом Менесом и его преемниками деспотия к 2400 г. до н. э. распалась на составные части. Ослабление страны, а затем длительные войны за новое ее объединение не только отвлекли внимание египтян от Нубии, но и лишили их возможности вести там прежнюю активную политику. Изменилось положение и за Ассуанскими порогами. Новые волны вторгнувшихся с юга племен захлестнули часть долины Нила до Элефантины на севере. Ни точная дата их появления, ни место, откуда они пришли, ни этническая принадлежность до сих пор определенно не установлены, хотя попытки к тому и предпринимались. Однако все они в том или ином отношении уязвимы и окончательного разрешения вопроса не дают. Так, например, Firth выдвинул три предположения¹.

Первое—родина этих племен находилась в верховьях Голубого Нила и Атбары, по течению которых они спустились в Нубию. Там же следует искать и источники культуры Кермы. Эту точку зрения поддерживает также Юнкер².

Второе,—они вторглись с юго-запада, примерно из Кордофана, и только в районе второго порога вышли к реке.

Третье—наиболее простое, по мнению Firth, «по аналогии с современными жителями напрашивается само собой, что раса негров из Судана вступила в долину Нила и смешалась с хамитическими племенами восточной пустыни». Однако тому противоречит сравнительно ограниченное количество негроидных признаков, свойственных останкам представителей вторгнувшихся племен, культура которых в результате слияния с существовавшей прежде создала новую своеобразную культуру С. В силу существующих противоречий и неясностей удовлетворительно ответить на этот вопрос не представляется возможным.

Также не поддается точному установлению и время появления пришельцев. Это событие должно быть отнесено к промежутку между концом VI династии и началом правления XI династии.

Древнейшие несомненные погребения этой культуры обнаружены в Анибе (Г. Штейнпорф, Указ. соч., т. I, стр. 46 слл.). Конечее датируется началом Нового Царства. Подобно «Нубийской древности»—культура С по тем же признакам подразделяется на четыре периода. Не останавливаясь на каждом из них в отдельности, отметим общие основные присущие им черты. Над могилами, имеющими направление с запада на восток, возводились каменные круглые надстройки. Мертвецы хоронились в скорченном положении на правом боку, с лицом, обращенным на север. Позднее ориентировка ямы иногда меняется: ее рож в направлении с юга на север. Соответственно меняется и положение покойника. Керамика представлена чернокрасными чашами с врезным орнаментом по краю, чашами с процарапанными рисунками, заполненными белой краской, напоминающими подобные образцы культуры А, однако иной техники и иного стиля орнамента, грубыми горшками, большими сосудами для хранения зерна и т. д. Шиферные палетки для притираний заменяются створками раковин. Часто встречаются шейные бусы, ручные и ножные браслеты.

¹ The Archaeological Survey of Nubia, Report for 1909—1910 by C. M. Firth, Cairo, 1915, стр. 19.

² Н. Юнкер, Bericht über Grabungen der Akademie der Wissenschaften in Wien, auf Friedhöfen von El-Kubanieh—Nord, Denkschriften der Akademie, т. 64, № 3, 1920, стр. 19 слл.

Каменные сосуды крайне редки. Вообще привозные изделия—явление далеко не частое. Медных предметов попадает немного, например, зеркала или кинжалы, или дешевые украшения—бусы, сработанные в Египте. Причина тому не только в том,

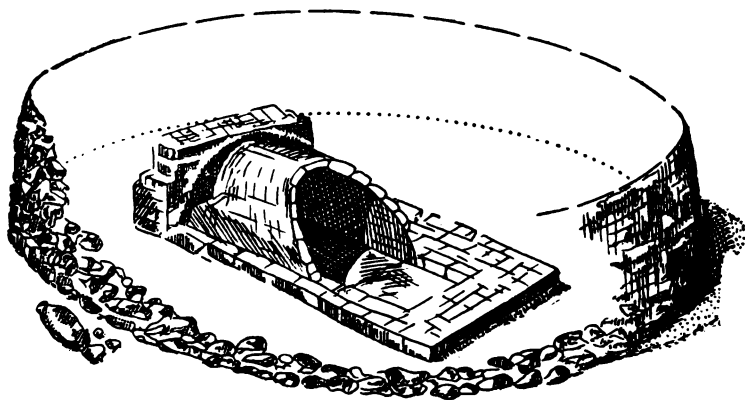

Рис. 2. Погребение эпохи «Нубийского средневековья», период 2—3. Склеп с кирпичным сводом. Кладбище в Анибе (G. Steindorff, Aniba, I)

что население было слишком бедно, чтобы позволить себе подобную роскошь. Изменение системы организации обмена, которая будто бы перешла в руки «бродячих купцов, переезжавших с места на место на своих судах»,—представляется сомнитель-

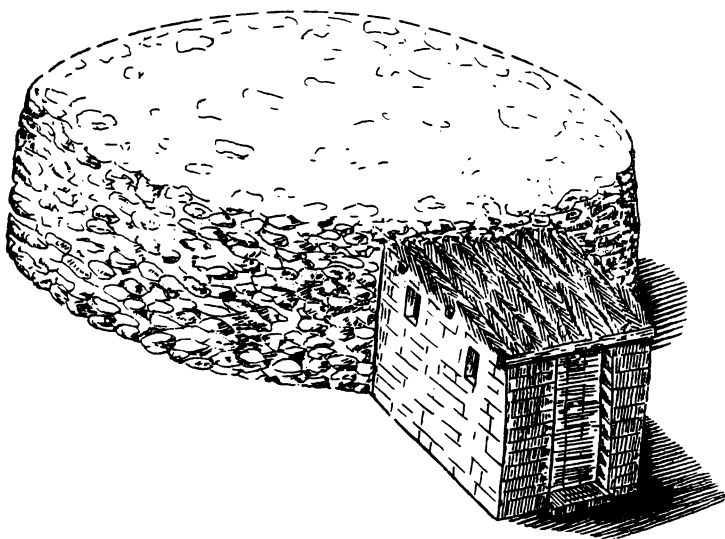

Рис. 3. Погребение эпохи «Нубийского средневековья», период 2—3. Ограда из крупных камней с пристроенной спереди капеллой. Кладбище в Анибе (G. Steindorff, Aniba I)

ной. До времени Нового Царства нет никаких свидетельств о существовании в Египте подобных странствующих торговцев. Наоборот, до самого позднего времени внешняя торговля составляла монополию государства. Трудно также предполагать, чтобы в период распада, а следовательно, ослабления страны одиночные купцы решались не только преодолевать естественные трудности, связанные с плаванием в районы порогов, но и пускаться в опасные путешествия по стране, где все угрожало их жизни и имуществу. Уже из надписей Пиопинахта и Сабни видно, что фараонам приходилось

прибегать к весьма крутым мерам для поддержания своего влияния в Нубии. Об организации караванов отдельных торговцев, снабженных надежной охраной, как это делали на востоке позже, не может быть и речи. Слабое развитие частной инициативы было вообще отличительным свойством Египта. Да и нет ни одного документа даже от эпохи Нового Царства и ливийских династий для подтверждения подобных предположений.

Естественнее и проще представляется иное объяснение. Во время распада Египта обмен с Нубией сократился, ибо организация крупных военно-торговых экспедиций была не под силу отдельным номам или объединениям таковых. Трудность сношений усугублялась появлением новых племен группы С, которые были достаточно сильны. Во всяком случае, только в результате целой серии походов в Нубию, крутых расправ, организации там сложной администрации и установления постоянного военного контроля египетским фараонам конца XI династии и XII династии удалось закрепить свою власть до второго порога. Достаточно указать на победные надписи Ментухотепов, Сенусертов I и III, стелы из Семне, список крепостей и другие документы Среднего Царства или непосредственно примыкающей к нему эпохи, чтобы убедиться в этом.

С новым объединением Египта под гегемонией Фив и последовавшим затем покорением Северной Нубии правительству—основному организатору обмена—не было никакой нужды прибегать к торговле, когда все нужные ему продукты оно получало путем внеэкономического принуждения: податей, дани, прямого грабежа. Все же, конечно, наряду с этим существовал и обмен. В погребениях NM—1 и NM—2 мы находим зеркала, бусы и амулеты, бесспорно ввезенные с севера. Различие в ценности украшений и в количестве и стоимости предметов, положенных в могилы, позволяют говорить о некотором расслоении внутри общин в указанную эпоху (Г. Штейндорф, Указ. соч., т. I, стр. 46 сл.). Объединение и застой в развитии Нубии в эпоху Среднего Царства мы вправе связывать с ограблением страны. Аналогичные явления в Южной Аравии, правда, в более позднее время, отмечают Энгельсом в письме к Марксу от 6 июня 1853 года.

В текстах XI и XII династий, да и более поздних, почти ничего не говорится о туземных вождях, хотя таковые, разумеется, существовали. Видимо, значение их теперь было не столь велико, как во время Древнего Царства, когда упоминания о них встречаются в документах, хотя число последних, относящихся к указанной эпохе, гораздо меньше, чем текстов Среднего Царства.

Иначе сложились отношения по ту сторону государственных границ—за вторым порогом, где влияние Фив было значительно слабее. Здесь население было предоставлено самому себе и общины развивались без повседневного вмешательства в свою жизнь. Поэтому расслоение общества шло естественным путем. Вооруженные набеги египтян в эти области засвидетельствованы только для времени Сенусерта III, да и то они носили случайный характер. Более того, промежуточное положение, которое занимала современная Донгола между Египтом и Суданом, вовлекало туземцев в торговый оборот между обеими странами и, следовательно, способствовало разложению первобытно-общинных отношений. Когда же, с возникновением Нового Царства, и указанная область подпала под власть фиванских деспотов, то и ее положение становится таким же, как и Северной Нубии. Лучше всего это прослеживается на судьбе поселения в Керме, расположенного в районе третьего порога и раскопанного в 1913—1916 гг. Г. Рейснером¹. Здесь в эпоху Среднего Царства находилась

¹ Основное издание—G. Reissner, Excavations at Kerma, Harvard African Studies, vol. V—VI, Oxford, 1923, осталось мне недоступным. Последующее изложение основывается на следующих публикациях: G. A. Reissner, Excavations at Kerma. *ÄZ*, LII (1916), стр. 34—49; A. Scharrff, Ausgrabungen von Kerma. *OLZ*, XXIX (1926), стр. 89—96; G. Steindorff, Aniba, I, 13—17; T. Sâve-Söderbergh, Ägypten und Nubien, стр. 103—116.

египетская торговая база—фактория на водном и караванном путях в южные провинции нынешнего Англо-Египетского Судана, основанная, как полагает он, еще во времена V династии. Однако его мнение убедительно оспаривается Севе-Седербергом, указывающим, что находки отдельных черепков алебастровых сосудов ничего не доказывают, ибо происхождение их могло быть случайным, и что основание фактории должно датировать годами правления Аменемхета I и Сенусерта I¹.

К какому времени относится возникновение туземного поселения—определить пока невозможно. Оно могло возникнуть гораздо раньше, «там, где место особенно благоприятно для внешней торговли»², или «как княжеский стан, как нарост на экономическом строе в собственном смысле»³. Древнейшие погребения датируются нача-

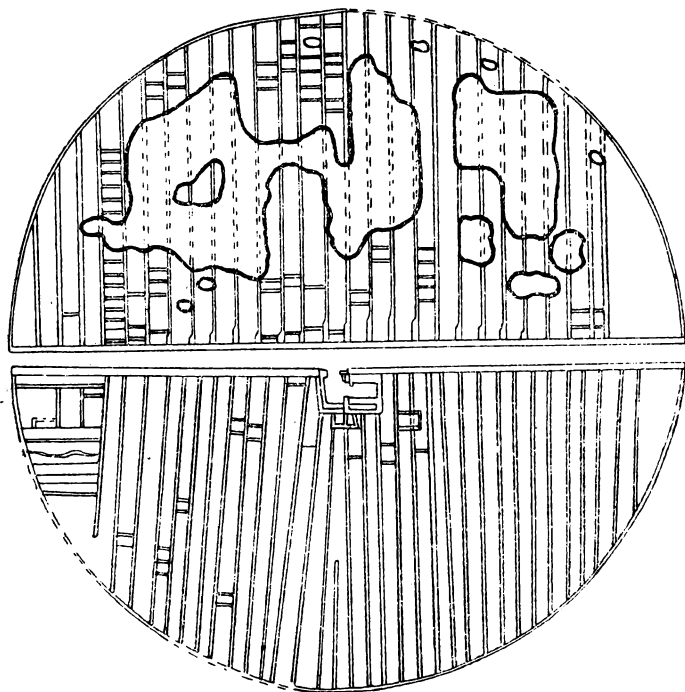

Рис. 4. План погребения K-III из Кермы (Семейная или родовая гробница вождя). Диаметр 90 м, площадь 635 кв. м (G. Reisner, Excavations of Kerma).

лом XII династии и, что весьма существенно, принадлежат представителям североафриканских племен, близких ливийцам. Однако встречаются и негроидные элементы. И тут население, как и вообще в остальных районах нижнего течения Нила, было смешанным.

Наши сведения о культуре Кермы базируются в значительной степени на обширном кладбище, находящемся в $4\frac{1}{2}$ км от берега Нила, которое Рейснер ошибочно считал египетским. А. Шарф доказал несостоятельность его взглядов и определил некрополь как туземный. Эта точка зрения ныне общепризнана. Обнаруженные здесь памятники позволяют с большей ясностью, чем какие-либо иные, установить

¹ Т. Севе-Седерберг, Указ. соч., стр. 108. Египетская керамика могла проникать далеко на юг не только со времени VI династии, но и гораздо раньше.

² К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, «Пролетарская революция», № 3 (1939), стр. 152.

³ Там же, стр. 157.

основные черты общественного строя, существовавшего тогда в этой области Нубии. Вместе с многочисленными меньшими, обычными по размерам, гробницами и могилами, принадлежавшими людям, не выделявшимся своим имущественным или социальным положением, располагались большие погребальные сооружения, по всем данным — семейные или родовые усыпальницы вождей. Каждая из них образует как бы самостоятельное кладбище. Они имеют круглую форму и обнесены известняковыми плитами. Например, погребение К-III занимает площадь в 635 кв. метров. Середина его прорезана коридором длиной в 90 метров и шириной в 2 метра. От него под прямым углом отходят перегородки, образующие, таким образом, небольшие камеры. Вождь и его жены похоронены в одной из камер у центрального прохода. В различных местах погребено еще около 100 трупов, скорее всего рабов или домочадцев, добровольно, а вероятнее, конечно, принудительно последовавших за своим господином. Кости быков указывают на обильные жертвоприношения, сопровождавшие похоронный обряд. Материальная культура Керме близка культуре С. Подобно последней она может быть определена как поздненеолитическая: значительная часть предметов из погребального инвентаря носит следы местного производства, другие сделаны под сильным влиянием Египта или являются привозными. Керамика чрезвычайно разнообразна. Рейснер насчитывает до 18 различных типов, которые он подразделяет на три группы. Некоторые туземные сосуды очень тонкой работы и доказывают наличие высокоразвитой техники. Изделия из дерева (преимущественно, мебель), кожи, металла (золото и медь), слоновой кости, также весьма разнообразные, свидетельствуют о существовании профессиональных ремесленников, имевших за плечами долгий опыт, и об отделении ремесла от земледелия и скотоводства. Естественно велико число привозных изделий. Иного положения, конечно, не могло быть в одном из основных торговых центров Нубии, где существовала обширная египетская фактория.

Не останавливаясь на проблеме происхождения этой своеобразной и самобытной культуры, имеющей, по мнению Штейндорфа, гораздо более ярко выраженные африканские черты, чем близкая ей культура С (Г. Штейндорф, Указ. соч., том I, стр. 17), отметим только различие в их судьбе в период от конца Древнего Царства до XII династии, обусловленное воздействием Египта. Общественное развитие племен Северной Нубии, как только они столкнулись с усиливающимся Египтом, было приостановлено его эксплуататорской политикой. В Керме, которая не являлась в то время объектом эксплуатации фиванского правительства, сложились иные отношения. Местные общины развивались естественным путем. Более того, участие в торговле с Суданом, вызванное потребностями Египта, даже способствовало ускорению процесса разложения первобытно-общинных отношений. Правда, до сих пор в Керме не обнаружены погребения, предшествующие времени XII династии, и поэтому мы лишены возможности судить, сколь близок был в отношении имущественного положения отдельных общинников строй Верхней Нубии строю периода NM—1 Нижней Нубии. Несомненно, однако, одно — в Керме в начале Среднего Царства родовой строй явно разлагался, в противоположность северным районам, где он был гораздо прочнее. Как мы постараемся обосновать в другой работе, образование спустя много веков Напатского государства именно здесь на юге было далеко не случайным. Оно было подготовлено общим ходом исторического развития Нубии еще в эпоху Древнего и Среднего Царств.

И. С. Кацнельсон

О КУЛЬТЕ ГЕРАКЛА В ХЕРСОНЕСЕ

Вопрос о существовании культа Геракла в Херсонесе решался всегда предположительно. Таких прямых данных, как посвятельные надписи или упоминания храма Геракла, — мы не имеем. В Ольвии, Пантикапее и Фанагории культ Геракла можно считать фактом установленным. Совершенно естественно предполагать нали-

чие этого культа в Херсонесе—в городе дорического происхождения, всегда поддерживавшего тесную связь со своей метрополией—Гераклеей Понтийской, где культ Геракла, героя-эпонима, был одним из наиболее популярных.

Р. Э. Штерн по этому поводу писал: «Культ Геракла в дорической колонии является особенно уместным и вероятным, не нуждается в подробном разъяснении... Ясно, что его культ занимает в Херсонесе весьма видное место»¹.

Еще задолго до поселения греков в Причерноморье герой этот был известен скифам, у которых он отождествлялся с местным верховным божеством, олицетворяющим мужское начало в природе и родственным иранскому Аура-Мазде².

По рассказанному Геродотом (IV, 9) мифу—от сочетания этого божества (Геракла—Аура-Мазды) с местной скифской хтонической богиней—полуженщиной полумеей происходит родоначальник скифского племени.

В связи с этим Геракл—Аура-Мазда приобретает у скифов специфическое значение хтонического божества. В скифских курганах эллинистического времени найдено множество изображений Геракла на всевозможных бляшках и тому подобных украшениях³. Еще Стефани указал на предохранительный смысл этих изображений⁴. Чаще всего изображается голова Геракла в львиной шкуре или Геракл, душащий немейского льва. Иногда непосредственное изображение Геракла заменяется его атрибутами—узлом или палицей.

В Северном Причерноморье известен ряд варварских скульптурных памятников—стел, изображающих в плоском рельефе того же героя. М. А. Наливкина⁵ дала обстоятельный анализ большинству из них и выявила несомненно местное их происхождение. При взгляде на эти изображения бросается в глаза однородность сюжета: Геракл везде представлен в позе отдыхающего, даже там, где он не возлежит, а стоит у жертвенника с канфаром или котилой в руке.

Нам представляется, что выбор темы отдыха-покоя из всех общеизвестных в античности сюжетов жизни и деятельности Геракла на скифских стелах античного времени отнюдь не случаен и вполне увязывается с характером заупокойного культа. Отдых и покой Геракл обрел только после смерти. Именно этот мотив как нельзя лучше соответствовал местным представлениям о Геракле и был охотно принят в местном же искусстве.

В Херсонесе мы имеем ряд памятников, повторяющих тот же сюжет, и много других, также непосредственно относящихся к Гераклу.

Весь материал, имеющий отношение к Гераклу, местный и привозной, делится на следующие группы:

1) Изображения Геракла в камне и керамике—статуи, рельефы, посвятельные и надгробные, терракоты.

2) Нумизматика.

3) Эпиграфика.

Первая группа памятников особенно многочисленна и разнообразна.

Из круглой скульптуры наиболее ранним памятником может считаться голова юного Геракла, обнаруженная замурованной в кладке стены ранневизантийского

¹ Р. Э. Штерн. Граффити на Черноморской посуде, ЗОО, т. XX, стр. 177—179.

² М. И. Ростовцев, Эллинизм и иранство на юге России, Изд. «Огни», 1918, стр. 74.

³ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 447. Изображения см. ОАК за 1889 г., стр. 18, рис. 10. Древности Боспора Киммерийского, табл. 20, 3. Древности Геродот. Скифии, табл. 30.10.

⁴ Стефани, Приложения к отчету Археологической Комиссии за 1876 г., СПб., 1879, стр. 133.

⁵ «О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма», СА, VI, (1940), рис. 1—5.

здания¹. К. Э. Гриневич датирует ее IV в. до н. э. и приписывает работе афинского скульптора Поликрата². Сравнительно низкий лоб, выпуклые надбровные дуги и несколько тяжеловатая нижняя часть лица изобличают характерные черты, которыми изобразительное искусство того времени наделяло образ юного Геракла.

В Херсонесском музее имеются еще две головы Геракла, в которых он представлен мужем с густой, окладистой бородой, грубоватыми чертами и припухшими ушами. Одна из голов выполнена в мраморе, высота около 15 см, другая—в известняке, высота ок. 20 см. Работа местного скульптора. По типу они несколько различны, но по стилю и характеру обработки почти одинаковы и могут быть отнесены к I—II вв. н. э. Головы сильно повреждены. К статuariйным изображениям относится фрагментированная фигура обнаженного Геракла, отдыхающего на львиной шкуре в состоянии полного покоя. Голова, руки и часть бедер отсутствуют (высота статуэтки 14 см, длина 16 см). Тонкость работы и мягкость моделировки изобличают традиции хорошей школы. Фрагмент может быть отнесен ко времени I—II вв. до н. э.

К монументально-декоративной скульптуре принадлежит найденная в раскопках 1935 г. в Херсонесе мраморная плита, изображающая Геракла и его подвиги. Высота плиты 1 м, ширина—0,96 м, толщина—0,16 м. Плита издана Г. Д. Беловым³ и датирована им I—II вв. н. э. Плита, повидимому, составляла часть фриза какого-то здания, скорее всего, храма. Мотив подобного декоративно-архитектурного оформления известен на метопах храма Зевса в Олимпии.

В Херсонесе имеется ряд надгробий позднеантичного времени с изображениями Геракла, по стилю и технике вполне аналогичных найденным в некоторых пунктах Крымского побережья⁴.

В 1939 г. в Херсонесе найдена мраморная плита с изображением отдыхающего Геракла. Размеры ее: 0,215×0,24×0,11 м⁵.

По своему содержанию и техническому выполнению плита вполне соответствует серии памятников из ближайших к Херсонесу западных районов Крыма и, по определению М. А. Наливкиной, относится к I в. до н. э.

В Херсонесском музее находятся два памятника⁶, относящиеся к Гераклу и представляющие большой интерес. Это большие мраморные палицы на пьедесталах.

¹ К. Э. Гриневич, Отчет о Херсонесских раскопках в 1926 г. ХС, II, стр. 281, рис. 19—21.

² К. Э. Гриневич, ук. соч., стр. 268.

³ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—36 гг. Симф., 1940, стр. 35 сл.

⁴ Два из них изданы М. А. Наливкиной (ук. соч., стр. 114, рис. 4а и 4б). Кроме того, в 1891 г. Керченский музей получил в дар три известняковых плиты, на одной из которых (размеры 63×43×15 см) рельефно изображен стоящий ep face Геракл в накиннутой на плечи львиной шкуре. Справа от Геракла помещен алтарь. В правой руке Геракла котила, в левой—палица. Повидимому, герой приготовился совершить возлияние на жертвенник. Местами на плите сохранились следы красной краски. Грубая схематическая обработка рельефа, плоскостность изображения заставляют считать плиту памятником не ранее II—III вв. н. э. Издана в ОАК за 1892 г., стр. 34, рис. 24 и в «Альбоме рисунков к отчету А. К.» за 1882—98 гг., рис. 386. Вместе с плитой были доставлены в Керченский музей две водопроводные трубы из Херсонеса. Было бы очень соблазнительно считать плиту и трубы происходящими из одного места, тем более, что по стилю и материалу плита вполне соответствует одновременным надгробиям Херсонеса.

⁵ С. Ф. Стрежелецкий дает подробное описание плиты в КСИИМК, вып. II, стр. 36—37. М. А. Наливкина, Новая находка рельефа в Херсонесе, СА, VI, 1940, стр. 306—308.

⁶ ИАК, вып. 9. СПб., 1903, стр. 43.

Оба памятника, повидимому, местной работы¹.

Вариантов изображения палицы в скульптуре, росписи и по монетным изображениям очень много. В эллинистическое время преобладает форма более вытянутая, с сучками, трактованными в виде закругленных шишечек, в более позднее—сучки представлены наклонно посаженными шипами; для римского периода особенно характерна сильно утолщающаяся книзу палица².

Подчеркнуто-сухие линии постамента первой палицы сближают ее с многими известными в Херсонесе местными памятниками (жертвенниками, надгробиями и пьедесталами) I—II вв. н. э. База-постамент второй палицы, утонченная посредине, вполне повторяет базы колонн II—III вв. н. э.

За это же время говорит и материал—мрамор: как известно, в Херсонесе изделия из мрамора местной работы появляются лишь в римскую эпоху³.

Стесанный край круглого пьедестала одной палицы и необработанная гладкая сторона другой говорят за то, что этими сторонами памятники были прислонены к стене. Такой стеной были, повидимому, надгробные стелы с посвятельными надписями покойнику.

Большие каменные палицы были известны в греческом мире⁴ и являлись как бы олицетворением самого Геракла. В Херсонесе имеются палицы, предназначенные служить надгробиями и олицетворявшие понятие о Геракле.

Терракотовые изображения Геракла, встречающиеся в Херсонесе, распадаются на две группы—местного производства и привозные.

Часто образцы первых заимствованы из других мест греческого мира, вероятнее всего, из Малой Азии. К этой группе относятся терракотовые изображения из мастерской коропласта, обнаруженной в 1888 г., изданные М. Мальмбергом⁵. Материал из этой мастерской датируется III—II вв. до н. э.

К местным изображениям относится голова юного Геракла из зеленовато-желтой глины⁶. Высота около 10 см. Голова рассчитана на одну точку зрения, так как ватылок обработан суммарно. Волосы покрыты львиной шкурой, но черты лица не характерны для Геракла.

Повидимому, местные скульпторы-художники не придерживались какой-либо определенной иконографии Геракла и допускали большую свободу в трактовке его типа. По определению Г. Д. Белова, голова относится ко II в. до н. э.

К этой же группе принадлежит статуэтка комического актера, изображающего Геракла⁷. Высота—0,10 м. Актер опирается правой рукой на палицу, в левой держит колчан со стрелами. Задняя сторона статуэтки не обработана. Судя по стилю и обработке, статуэтка относится к местным терракотам III—II вв. до н. э. (находится в Гос. Эрмитаже под № X, 1889 г., 19).

К категории привозных терракот относится другая статуэтка комического актера, изображающая Геракла. Высота 10 см⁸. Художественность исполнения второй статуэтки много выше первой.

¹ В инвентарной описи Херсонесского музея под № 4592 числится еще такой памятник, но отыскать его в фондах музея мне не удалось. Кроме того, в 1905 г., при раскопках, на монастырском скотном дворе найден обломок верхней части мраморной палицы 16 см длиной и 6—7 см наибольшей толщины.

² Массивная утолщенная палица на императорских монетах в Тире см. Бурачков, табл. XI, №№ 32, 35, 44, 52, 53, 55; табл. XII, 66, 73.

³ А. Л. Бертье-Делагард, Раскопки Херсонеса, МАР, 12, 1893 г., стр. 29. Мнение А. Л. Бертье-Делагарда подтвердилось данными последующих раскопок.

⁴ См. Ch. Picard, Manuel d'archéologie grecque, I, Paris, 1915.

⁵ В. К. Мальмберг, МАР, 7, стр. 4.

⁶ Г. Д. Белов, Херсонесские терракоты, ХС III, рис. 26, 27, стр. 239.

⁷ ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 13.

⁸ Г. Д. Белов, Терракоты Херсонеса, ХС, III, рис. 4 и 5, стр. 223.

Обе статуэтки найдены на территории городища.

Статуэтка, вполне аналогичная второй, найдена в Керчи¹. Обе отлиты в одной и той же форме и до мельчайших деталей совпадают между собой. Лишь следы покрывающей их красной облицовки сохранились на херсонесском экземпляре хуже.

Состав глины однороден: красноватая, хорошо отмытая, с мелкими блестками слюды. Слегка пористая, обжиг хороший. Стиль обеих статуэток, отличная моделировка позволяют отнести их ко времени конца IV—III вв. до н. э².

Статуэтки подобного рода играли определенную роль в хтонических культах, внося элемент некоторого оптимизма в идею безнадежной скорби подземного царства.

Мне представляется, что факт нахождения их не в некрополе, а близ главной площади города не случаен—на площади находился храм, где могло совершаться отправление культа какого-то хтонического божества, которому были посвящены статуэтки Геракла.

Многочисленные изображения Геракла найдены непосредственно в могилах. В некрополе Херсонеса найден чернофигурный лекиф с изображением борьбы Геракла со львом³.

Нередки находки в Херсонесском некрополе фрагментов ваз с изображением различных подвигов Геракла или эпизодов из его человеческого и божественного существования⁴. В 1905 г. в катакомбе № 1649 оказалась лампочка, на щитке которой было рельефное изображение Геракла, поражающего палицей льва⁵.

На щитке керамических лампочек из некрополя Херсонеса римского времени часто повторяется сюжет—Геракл и его подвиги. Таковы стоящий Геракл с палицей (Херс. муз., № 965, 1935 г.), Геракл с ланью (Херс. муз., № 1803), палица Геракла на лампочке, Геракл, убивающий палицей льва, и многие другие⁶. Большинство этих лампочек местной работы.

Повидимому, из всех изображений и олицетворений Геракла, имевших апотропеическое значение, этот мотив считался наиболее действенным.

В некрополе Пантикапея и на Таманском полуострове встречаются терракотовые статуэтки Геракла⁷ и одна великолепная ваза в форме головы Геракла⁸.

¹ ОАК за 1869 г., СПб., 1871, стр. 146. А. Ашик, Боспорское царство, т. III, Одесса, 1884 г., табл. XXIV, ДБК, табл. XXa, рис. 6.

² Мальмберг (ук. соч.) считал фигурки актеров происходящими с юга России, именно из Херсонеса, на основании открытой в нем мастерской коропласта. Однако статуэтки, несомненно, старше продукции этой мастерской, функционировавшей в III—II вв. до н. э., и ни по технике, ни по глине не имеют с ней ничего общего. Раскопки 1938 г. в Олифе обнаружили статуэтку комического актера, вполне аналогичную нашим, вышедшую, повидимому, из одной и той же мастерской, находившейся, скорее всего, в Аттике. См. АЖА, 1939, № 1, стр. 68, рис. 19.

³ Бросается в глаза особенно частое повторение мотива борьбы Геракла со львом на вещах в погребальном инвентаре как Херсонесского некрополя, так Пантикапейского и Таманского, а также скифских курганов IV—II вв. до н. э.

⁴ См. инвентарную книгу Херсонесского музея.

⁵ ИАК, вып. 25, СПб., 1907, стр. 73.

⁶ См. инвентарную книгу Херсонесского музея, а также ХС, II, 213, рис. 6, 5, стр. 184—палица на лампочке.

⁷ Раскопки Карейши в 1842—1843 гг. близ ст. Сенной обнаружили в земляной гробнице три терракотовых статуэтки Геракла с палицей; те же изобр. см. ДБК, стр. 147, ОАК за 1882—88 гг., СПб., 1891 г., стр. 83. Атлас к отчету, табл. VIII, рис. 5 и др.

⁸ ОАК за 1905 г., СПб., 1908, рис. 86, стр. 66; ИАК, вып. 30, СПб., 1909, рис. 7a и 8, стр. 9; Б. В. Фармаковский, Терракотовый сосуд в форме головы Геракла, «Сборник статей в честь гр. Уваровой», 1916.

Те же изображения видим мы и на ювелирных вещах бытового назначения. Известны две пряжки из раскопок Херсонесского некрополя, найденные в гробницах римского времени. Одна из них золотая¹, другая серебряная². Обе изготовлены по одной форме разм. $3,5 \times 2,5$ см, с грубо вытисненным изображением молодого Геракла с палицей в правой руке. Изображение окружено бордюром в виде жгутика. На бляшках имеются углубления, заполнявшиеся цветными камешками или эмалью³. Работа ремесленная, грубого стиля. Варваризированный характер последнего как нельзя лучше соответствует общему стилю изображений массовой скульптуры этого же времени и выражает местный колорит искусства II—III вв. н. э. в Херсонесе.

В гробнице, вместе с вышеописанной золотой бляшкой, найден золотой перстень с овальным сердоликом, на котором вырезан стоящий Геракл с палицей в правой руке⁴. Эллиптическая форма сердолика типична для римского времени⁵. Перстень служил печатью. Кольцо с изображением Гераклова узла найдено в одной из могил раскопок 1910 г.⁶

Тот же узел имеется на золотой гривне из римского приставного склепа в Херсонесе⁷.

Все эти предметы, составлявшие часть погребального реквизита, служили апоптеями и в этом качестве являлись наиболее популярными у херсонесских жителей.

На херсонесских монетах эллинистического времени излюбленным мотивом является изображение разных типов головы и атрибутов Геракла.

Следует отметить, что херсонесский монетный тип с головой Геракла заимствован не из Гераклеи Понтийской⁸.

Среди античных монет Причерноморья ближе всего этот тип подходит к изображению головы Геракла на пантикапейских монетах⁹.

Повидимому, в Херсонесе так же, как и в Пантикапее и Ольвии, это изображение считалось уже собственным изображением Геракла и часто сопровождалось его неотъемлемым атрибутом—палицей¹⁰.

Палица—одна из самых популярных эмблем на херсонесских монетах.

На монетах конца I в. до н. э. голова Геракла почти не встречается, и, наоборот, изображения Девы и Аполлона в это время особенно распространены. Последнее обстоятельство всецело объясняется фактом введения в Херсонесе новой эры¹¹, и связанный с ней, по не известным нам политическим причинам, культ Девы, становится с этого времени особенно популярным¹².

¹ ОАК за 1896 г., стр. 4.

² ОАК за 1895 г.; Л а т ы ш е в, *Понти́а*, стр. 267.

³ В одной керченской гробнице найдена золотая поясная пряжка с изображением Геракла, убивающего немейского льва. См. «Атлас рисунков» к ОАК за 1863 г., табл. VI, рис. 5.

⁴ ОАК за 1896 г., стр. 61.

⁵ Ф а р м а к о в с к и й в ИАК, вып. 3, стр. 116.

⁶ Раскопки Лепера в 1910 г., ХС, II, рис. 9, 4, стр. 223.

⁷ Г. Д. Б е л о в, Римские приставные склепы, ХС, II, рис. 11, стр. 116.

⁸ Гераклеийские монеты с головой Геракла и с изображением лука, палицы и надписи НРА см. B a b e l o n e t R e i n a c h, I, 2, табл. LV, 25, № 32, стр. 350.

⁹ Каталог Б у р а ч к о в а, табл. XXIV, № 1, 2, 3.

¹⁰ А. В. О р е ш н и к о в, Обзорение монет, найденных в Херсонесе в 1888—1889 гг., «Древн. южн. Рос.», № 7; ОАК за 1892 г., стр. 114.

¹¹ А. Л. Б е р т ь е-Д е л а г а р д, Надпись времени императора Зенона в связи с обрывками из истории Херсонеса, ЗОО, т. XVI (1898).

¹² М. И. Р о с т о в ц е в, К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи, «Сб. статей в честь Уваровой», 1916, стр. 9; Р о с т о в ц е в, Цезарь и Херсонес, ИАК, вып. 63, стр. 1—21.

В период чеканки в Херсонесе императорских монет на реверсе их снова появляется Геракл, сильно отличающийся от предыдущих изображений. Геракл на монетах этого периода изображается во весь рост с перекинутой через плечо и левую руку львиной шкурой и палицей в правой руке¹.

В Херсонесском некрополе постоянно встречаются монеты с изображением Геракла или его палицы².

Иногда среди этих монет бывают малоазийские греческие монеты, начиная с раннеэллинистического времени и кончая позднеримским, на которых изображен Геракл в массах вариантов³. Известны золотые индикации из могил с монет, изображающих голову Геракла⁴. Монетные находки с изображением головы Геракла встречаются в некрополях Ольвии⁵, Пантикапея⁶ и Фанагории.

Клейма в виде головы Геракла, имеющиеся на херсонесских амфорных ручках, повторяют то же изображение позднеэллинистического времени на монетах⁷.

Особенно часто в виде эмблемы на херсонесских ручках и черепицах фигурирует палица Геракла⁸. Качество и обработка глины не оставляют сомнений в принадлежности этих сосудов местному керамическому производству.

Эти эмблемы всецело заимствованы с изображений на местных монетах, что доказано Б. Н. Граковым⁹.

Все они носят твердоустановленный официальный характер и в известной мере свидетельствуют о распространенности культа Геракла в тех городах, где они встречаются.

Имена Геракл, Гераклид, Гераклий, очень распространенные в северных причерноморских колониях, особенно часто встречаются в Херсонесе¹⁰. На многих херсонесских амфорных ручках с именами астиномов фигурирует имя *Ἡράκλειος*, *Ἡρακλῆς*¹¹.

Нр—начальные буквы имени Геракла, могущие быть легко распространенными в целый ряд имен, постоянно встречаются на аверсе херсонесских монет, указывая имя чиновника, ведавшего монетным делом¹², или название месяца *Ἡράκλειος*¹³.

Также часто буквы Нр встречаются в виде граффити на черепках посуды, обозначая в этом случае или имена владельцев, или посвящение этой посуды Гераклу¹⁴.

¹ Бурачков, табл. XVI, № 118.

² См. ОАК за 1894 г., СПб., 1896, стр. 59; ОАК за 1892 г., СПб., 1894 г., стр. 114; ИАК, вып. 25, стр. 162.

³ См. ИАК, вып. 9, стр. 5; ИАК, вып. 17, рис. 26, стр. 38.

⁴ См. ИАК, вып. I, стр. 36; Бурачков, табл. XV, № 56; ХС, II, стр. 177. Могила № 2971.

⁵ См. Фармаковский, Раскопки некрополя Ольвии, ИАК, вып. 8, стр. 65.

⁶ См. ОАК за 1904 г., СПб., 1905, стр. 79.

⁷ В. К. Мальмберг, МАР, Древн. южн. России, № 7, «Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888—89 гг.», стр. 29, § 27.

⁸ Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1937 г., ИАК, вып. 25, стр. 162; ХС, II, стр. 216.

⁹ Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1929.

¹⁰ Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, 1939, № 3, стр. 249, 289; В. В. Латышев, Эпиграфические новости из южной России, ИАК, вып. 27, 1908, стр. 18.

¹¹ И. Махов, Амфорные херсонесские ручки с именами астиномов, «Изв. Таврической Учен. Арх. Ком.», вып. 48, стр. 182; Н. Ф. Романченко, Раскопки в окрестностях Евпатории, ИАК, вып. 25, рис. 31, стр. 186.

¹² А. Л. Зограф, Две группы херсонесских монет с заимствованными типами, «Известия ГАИМК», вып. II, стр. 383.

¹³ В. В. Латышев, Эпиграфические этюды, *Πατρικά*, стр. 314—320.

¹⁴ Э. Р. Штерн, Граффити на черноморской посуде, ЗОО, т. XX, стр. 177—179.

Систематизировав весь материал, относящийся к Гераклу, мы видим, что среди него имеются памятники чисто греческого и наряду с ними местного глубоко варваризованного искусства. Они подчинены одной идее: Геракл—покровитель, способствующий благоденствию и процветанию поклоняющегося ему народа. В этом случае значение Геракла в Херсонесе вполне тождественно его значению во всех причерноморских колониях.

Кроме того, большую роль играют изображения Геракла и его атрибутов в загробном культе херсонесцев, где они являются надежнейшими апотропеями—отвратителями всяческого зла от умершего. Хтоническое значение Геракла в Херсонесе вполне идентично значению его у скифов. Принося с собой в Таврику культ Геракла-покровителя, пришельцы восприняли особое местное значение этого героя и приписали ему апотропеическую функцию.

Как известно, главную роль в религии херсонесцев играла Дева, культ которой заимствован был у тавров¹. Греки лишь смягчили и облагородили его. Среди разносторонних функций Девы—хтоническое значение ее играло большую роль², и в этом смысле хтоническое значение культа Геракла как нельзя лучше связывалось именно с этой стороной культа Девы. Местные изображения Геракла отображают характер местных представлений о нём, будь это надгробные или посвятельные памятники.

Таким образом, мы можем отметить новый штрих в картине херсонесских религиозных верований—синтез двух чисто местных религиозных представлений, воспринятых и переработанных греками: культ Девы, связанный с таврами, и особое хтоническое значение Геракла, связанное со скифами.

Судя по наибольшему количеству памятников, составляющих погребальный репертуар и относящихся ко времени I—III вв. н. э., можно сказать, что хтоническое значение Геракла возросло именно в это время.

Политическая ситуация этой эпохи—борьба Рима с Таврами и наплыв в Херсонес скифов—вполне объясняет возросшее хтоническое значение Геракла в этот период.

Н. В. Пятшьева

ТРАНСКРИПЦИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ΔΙΟΓΕΝΗΣ ΛΑΕΡΤΙΟΣ-Diogenes Laertius

Это наименование в русской транскрипции встречается в четырех видах: «Диоген Лаэртий», «Д. Лаэртий», «Д. Лаэртский», «Д. Лаэртийский». Какую транскрипцию следует считать правильной?

Сразу уже ясно, что первую, «Д. Лаэртий», надо отвергнуть: это—транскрипция не греческого, но латинского слова, да и то неправильная: уже элементарная латинская грамматика учит, что слог *ti* перед следующим гласным в греческих словах произносится как «ти», напр. *Voetia*.

Остается выбор между «Д. Лаэртий» и «Д. Лаэртский» (или «Лаэртийский»). Тут выбор зависит от решения вопроса, что такое *Λαέρτιος*. Обыкновенно считают это слово прилагательным, произведенным от названия города *Λαέρτη* в Киликии, предполагая, что Диоген был уроженцем этого города. Так, в старой *Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft* Августа Паули (Pauly), т. II, стл. 1046, сказано, что «Диоген получил это имя или от города Лаэрти в Киликии, который следует счи-

¹ В. В. Л а т ы ш е в, Надписи, найденные в Херсонесе Таврическом в 1889 и 1891 гг., МАР, вып. 9, СПб., 1892, стр. 13.

² М. И. Р о с т о в ц е в, Новая книга об острове Белом и Таврике, ИАК, вып. 65, II., 1918, стр. 167.

тать его родиной,—и это кажется более вероятным,—или от римского рода Лаэртиев козь скоро один из предков Диогена получил это имя своего римского патрона и перенес его на своих потомков.

В старых изданиях словаря Любкера (Lübker) *Reallexikon des classischen Alterthums* Диоген также определяется как «Д. из Лаэрти в Киликии» (стр. 306 издания V, 1877). В петербургском переводе этого словаря он назван «Д. Лаэртийский, уроженец киликийского города Δαέρτης» (стр. 407), а в московском переводе «Из Лаэрти в Киликии» (стр. 314).

В большой Истории греческой литературы Круазе сказано о нем: «Точная форма его имени сомнительна. Он назывался, может быть, Диоген Лаэртиос, но более вероятно просто Диоген, уроженец Лаэрти в Киликии» (т. V, стр. 819, 1899 г.).

В русском переводе сокращенной Истории греческой литературы Круазе, сделанном под редакцией С. А. Жебелева, он назван «Лаэртий Диоген» (стр. 701).

В Истории греческой литературы Криста (3 изд. 1898 г.) он назван «Laertius Diogenes», и сделано след. примечание: «Чтение колеблется в рукописях самого Диогена и у Стефана Византийского, 239, 15 М. между Δαέρτιος Διογένης и Διογένης Δαέρτιος; у Стефана Виз., 695,7 стоит Διογένης ὁ Δαερτιεύς. В первом случае Δαέρτιος относится к римскому роду, в который был принят он или один из его предков, во втором—к городу, Лаэрте в Киликии, из которого он происходил» (§ 514; стр. 707).

В *Onomasticon totius latinitatis* Форчеллини-Де-Ви (Forcellini-De-Vit), изданном в 1887 г., под словом Laerte сказано: «Urbs Ciliciae, sive castellum, ... Diogenis, hinc Laertii dicti, philosophorum biographi, patria» (т. IV, стр. 23).

В словаре греческих собственных имен Папе-Бенселера (Pape-Benseler, 3 изд., 1875 г.) также сказано под словом Διογένης: «ὁ Δαέρτιος или (St. B., Χολλεῖδαι) также ὁ Δαερτιεύς, из Лаэрти в Киликии, писатель» (стр. 302).

Сандис (J. E. Sandys) в своей «Истории классицизма» (*A History of classical Scholarship*, 1903 г., стр. 332) и в «Краткой истории классицизма» (*A short History of classical Scholarship*, 1915 г., стр. 84) называет его «из Лаэрти в Киликии».

Кролл (W. Kroll) в «Истории классической филологии» (*Geschichte der klassischen Philologie*, 1909 г., стр. 10) называет его «Диоген из Лаэрти».

Не привожу цитат из более популярных сочинений.

Как видно из приведенных ссылок, общепризнанным мнением ученых нового времени было то, что Диоген назывался Δαέρτιος или Δαερτιεύς потому, что происходил из города Лаэрти в Киликии. Производство Δαέρτιος от римского рода нашло мало сторонников.

Производство Δαέρτιος от названия города Лаэрти основано на свидетельстве Стефана Византийского, который в своем географическом словаре, дошедшем до нас в извлечении, в двух местах упоминает Диогена как автора φιλοσόφου ἱστορίας, причем в одном месте (под словом Δρυῖδαι) называет его Δαέρτιος Διογένης (с разночтением в некоторых рукописях—Διογένης Δαέρτιος), в другом месте (под словом Χολλεῖδαι)—Διογένης ὁ Δαερτιεύς¹. Под словом Δαέρτης Κιλικίας χωρίον сказано: τὸ ἐθνικὸν Δαερτίως, ἄμεινον δὲ Δαέρτιος. Из этого видно, что Стефан производил прозвище Диогена Δαέρτιος от названия киликийского города Δαέρτης (иначе Δαέρτη), как, несомненно, и Δαερτιεύς,—с таким же этническим суффиксом, как например, Ἐρεστριεύς от Ἐρέστρι, Σταίριεύς от Σταίρια.

Другое производство слова Δαέρτιος дается в новой обработке энциклопедического словаря Паули, сделанной Георгом Виссова (Wissowa), т. V, стл. 738. Здесь сказано следующее: «Diogenes Laertios. Начиная с эллинистической эпохи, в ученых кругах у филологов и философов было в обычае прибавлять к имени, особенно если оно было очень обыкновенное, насмешливое прозвище (Spitznamen): Δημήτριος Ἰξίων, Διονύσιος Σκυτοβαρχίων, Διόδωρος Κρόνος, Ἀθηνόδωρος Κορδαλίων. Образованное из гомеровского διογενὲς Δαερτιάδης, σημεῖον (см. Wilamowitz, *Philol. Unters.*, III,

¹ В третьем месте (под словом Ἐνεσσί) Διογένης поставлено без определения.

163; Herm., XXXIV, 629) относится к этой категории, но окончанием, свойственным таким signa и σημεῖα (Mommson, Herm., XXXVII, 443 и след.), показывает, что Диоген, который дал себе или получил это отличительное название (Distinctiv), не мог жить раньше III века после Р. Х. Уже Стефан Виз. *λῑβινο* привел слово Laertios в связь с карийским городом Λαέρτη..., вследствие чего старые филологи нередко цитируют «Д. из Лаэрти»; лжива также форма Λαερτίου Διογένους, которую дают рукописи и Сопатр (Phot. cod., 161, р. 104 а 2); напротив, лемматист (VII, 95) и корректор (VII, 620) Палатинской антологии пишут Διογένους Λαερτίου, последний, впрочем, также Λαερτίου Διογένους¹ (Схол. к VII 89).

Эта статья, повидимому, основана на цитированной здесь заметке Вилиямовица в его *Philologische Untersuchungen*, III Heft, 1880, «De biographis Graecis quaestiones selectae», стр. 163². Здесь Вилиямовиц в «Письме к Эрнсту Массу» (на латинском языке) говорит следующее: «Время жизни Диогена неизвестно. Но так как он жил во всяком случае раньше Диоклетиана, то скорее следует отнести время его жизни к концу века, чем к началу, на что, повидимому, указывает его имя. Я не верю, что надо следовать писцу³ Стефана Византийского, который понимал Λαερτέα Διογένην в смысле «происходящий из Лаэрти»; а над теми, которым приснилось (somniauntur) какое-то родовое римское имя, смеюсь. Я его назвал Диогеном и буду продолжать так называть, хотя ты зовешь его Лаэртием. Мы последуем только велениям разума..., а разум учит, что имя этого грека было «Диоген», а прозвище было «Лаэртий», образованное от гомеровского Лаэрта, подобно Несториям, Гераклиям, Платониям и другим бесчисленным прозвищам, которые мы находим или в истории, или на камнях, дающих этим прозвищам определенное место⁴, или в нашей обыденной жизни (consuetudo): ведь Евгении, Георгии, Григории и (женские

¹ Кажется, тут есть неточности: по крайней мере, по изданию Штадтмюллера, в VII 620 Διογένους Λαερτίου есть лемма (а не поправка корректора), и нет указания на различение Λαερτίου Διογένους. — В схолии к VII 89 написано Διογένης ὁ Λαερτίου.

² Что касается ссылок на Hermes, XXXIV, 629 и Hermes, XXXVII, 443 и след., то они для данного вопроса не имеют значения. В Hermes, XXXIV, 629 разумеется коротенькое замечание в скобках в статье Вилиямовица «Lesefrüchte» о том, что правилен порядок слов Diogenes Laertius (а не Laertius Diogenes). В Hermes XXXVII, 443 и след. разумеется статья Моммзена «Sallustius = Salustius und das signum». В ней автор говорит об употреблении так назыв. signum (по гречески σημεῖον). В императорскую эпоху нередко к nomina прибавлялось signum, нечто вроде прозвища, которое отличалось от cognomen, например: C. Antonius Zosimianus signo Dalmatius. Суффикс этого signum был по большей части ius. Ссылка на эту статью, вероятно, нужна была для того, чтобы доказать, что Λαέρτιος (с суффиксом —ιος) могло быть таким signum при имени Διογένης, — могло, но не должно было. А между тем, как сказано в этой статье, signum было в употреблении главным образом в латинской половине империи, и то преимущественно в знатных классах.

³ «Scribam Stephani Byzantii». Как это понимать? Повидимому, Вилиямовиц думает, что свидетельство в лексиконе Стеф. Виз. исходит не от самого Стефана, а от переписчика его сочинения. Какое же основание для этого? См. еще примечание 2 на стр. 207.

⁴ Повидимому, Вилиямовиц спорит со своим корреспондентом Массом, который ставит «Лаэртий» перед «Диоген». Он здесь и указывает, что signum ставится после имени. См. вышеприведенную выписку из статьи Моммзена в т. XXXVII Гермеса. — Как видно, он представляет процесс образования слова Λαέρτιος иначе, чем автор статьи в Энциклопедии Виссова. Он хочет сказать, что Λαέρτιος образовано прямо от Λαέρτης посредством суффикса ιος, подобно тому, как Πλάτωνιος образовано от Πλάτων, Нестόριος от Νέστωρ и т. д. А автор той статьи видит в Λαέρτιος реминисценцию выражения διογενὲς Λαερτιάδῃ.

имена) Стефании, Иларии, Макарии ведут начало от тех веков. Но прозвище (Диогена), если не ошибаюсь, указывает скорее на время Клавдия, чем Каракаллы»¹.

В VIII (совершенно переработанном) издании словаря Любнера 1914 г. имеется краткая заметка на стр. 294: «D. Laetios (а не из Laerte)».

Сущность этих новых мнений о происхождении слова Λαέρτιος заключается в следующем. Слово это не происходит от названия города Λαέρτη(ς), как прежде думали, но есть прозвище, возникшее из реминисценции гомеровского выражения διογενὲς Λαερτιάδῃ или произведенное прямо от имени Λαέρτης.

Оснований против традиционного производства ни Вилиямовиц, ни его последователи не приводят никаких: Вил. лаконически говорит, что он не верит писцу Стефана Виз., считавшему Диогена уроженцем города Лаэрти². Автор статьи в Энциклопедии Виссова еще более кратко, одним лишь словом, отвергает традиционное производство: оно «л ж и в о» (falsch). Едва ли кто может признать достаточным доказательством лишь то, что это «сам сказал» с его голословным скептицизмом.

Что же приводят Вилиямовиц и его последователи в доказательство своей гипотезы? Тоже ничего кроме того, что было в обычае у древних ученых давать прозвища. Но этому можно противопоставить другой обычай древних (вероятно, даже более распространенный)—прилагать к имени человека эпитет, указывающий на место его происхождения: сколько таких эпитетов видим мы хотя бы в начале Анабасиса Ксенофонта: Ξενίς Παρράσιος, Κλέρχος Λακεδαιμόνιος, Ἀρίστιππος Θετταλός, Πρόξενος ὁ Βοιωτίος, Σοφαίνετος ὁ Σιπυράλιος, Σοχράτης ὁ Ἀχαιοῦς, Πασίων ὁ Μεγαρεύς и др. Вот такие же эпитеты ученых и писателей: Гераклит Эфесский, Аристофан Византийский, Аполлоний Родосский, Дионисий Галикарнасский, Диодор Сицилийский, Лукиан Самосатский, Ксенофонт Эфесский, Стефан Византийский и т. д. Так почему же Диогену было не называться Лаэртским? Если бы Вилиямовиц доказал, что Диоген не мог быть уроженцем города Лаэрти, это было бы доказательством несостоятельности традиционного производства; но он этого не мог доказать.

Вилиямовиц указывает еще на суффикс ιος, посредством которого Λαέρτιος произведено, по его мнению, от гомеровского Λαέρτης. Но ведь с таким же правом это слово могло быть произведено посредством того же суффикса и от названия города Λαέρτη(ς).

Против возникновения этого слова путем реминисценции известного гомеровского διογενὲς Λαερτιάδῃ до некоторой степени говорит следующее соображение. Ведь в таком случае прозвище Λαέρτιος носило бы характер шутки. А для шутки следовало бы оставить в неприкосновенности гомеровское Λαερτιάδης (ведь есть же имена с таким окончанием: Ἀσκληπιάδης, Κερυεάδης), а не сокращать его в Λαέρτιος: при уменьшении сходства с гомеровским выражением ослабилась бы и шутка. Для аналогии представим себе, что какому-нибудь Сергею Сергеевичу мы захотели бы дать

¹ Вилиямовиц разумеет, конечно, М. Аврелия Клавдия (Готского), который был императором 268—270 гг.; а Антонин Бассиан Каракалла был императором 211—217 гг.—Если основная гипотеза Вилиямовица окажется не доказанной, то, конечно, теряет силу и этот вывод из нее.

² В дополнение к тому, что я сказал в примечании 3 на стр. 206, надо заметить следующее. Вилиямовиц приводит форму Λαερτιά, т. е. вин. п. от Λαερτιάς; такой формы нет у Стефана Виз., да и вообще не существует; вероятно, это недосмотр, или описка со стороны Вилиямовица, или опечатка вместо Λαερτιάς, т. е. вин. п. от Λαερτιάς, которое, как я уже сказал выше, поставлено в лексиконе Стефана под словом Χολλεῖδαι. Но у Стефана в этом месте порядок слов другой: Δ. ὁ Λαερτιάς. Таким образом, у Вилиямовица неточность двойная. Если верно мое предположение, то слова Вилиямовица, *повидимому*, надо понимать в том смысле, что именно форму Λαερτιάς, как явно своим суффиксом указывающую на происхождение и всецело противоречащую его гипотезе, он считает конъектурой переписчика, но не возражает против формы Λαέρτιος, которая своим суффиксом—ιος пригодна для его гипотезы.

прозвище «Скалозуб», а вместо этого стали бы называть его «Скалов»; не всякий заметил бы здесь реминисценцию из «Горя от ума».

Против этой гипотезы говорит также и то, что она есть плод фантазии новых ученых, тогда как традиционное понимание основано на показании древнего автора. Как бы мы ни смотрели на дошедшее до нас извлечение из сочинения Стефана Византийского, все-таки показание его должно иметь более авторитета, чем догадка нового ученого, хотя бы это был и Вилимовиц.

Замечательно еще следующее обстоятельство. Указанное сочинение Вилимовица помечено 1880 годом, а между тем, как я сказал выше, Крист в 3-м издании своей Истории греческой литературы, вышедшей в 1898 г., Круазе в своей Истории греческой литературы, вышедшей в 1899 г., Сандис в своих сочинениях 1903 и даже 1915 г., Кролль в своей книжке 1909 года—держатся традиционного толкования. Как это объяснить? Случайным ли недосмотром или сознательным игнорированием гипотезы Вилимовица? Думаю, вернее последнее. Круазе, очевидно, знал ее, но считал «более вероятным» традиционное объяснение.

Резюмируя все вышесказанное, я полагаю, что объяснение Вилимовица и его последователей, хотя и возможно, но менее вероятно, чем традиционное объяснение, и что мы должны и впредь называть Диогена «Лаэртским» или «из Лаэрти». Если кому кажется неблагозвучным слово «Лаэртский», то можно употреблять форму «Лаэртийский», хотя основания для этого нет: ведь говорим же мы «пермский», «сарептский», «голландский» и т. п., также с двумя согласными перед «ский».

Остается сказать о порядке слов в выражении *Δαέρτιος Διογένης*. Этот порядок слов—необычный: обыкновенно приложение следует за именем лица. Однако бывают исключения, напр., *ἐπὶ τὸν ἀδελφὸν Ἀρταξέρξην ἐστρεφέεσσι* (Хен., Анаб., 2, 1, 1). В позднейшем греческом языке это еще менее удивительно, напр., *Ἀπολλώνιος ὁ Μόλων* и *ὁ Μόλων ὁ Ἀπολλώνιος* (и то и другое у Иосифа Флавия). К тому же почти во всех приведенных выше местах порядок слов правильный: *Διογένης Δαέρτιος*.

Если бы было доказано, что существовал римский род *Laertii*, то можно было бы еще предполагать, что наш Диоген был вольноотпущенником кого-нибудь из членов этого рода и получил это имя как помен, причем его греческое имя *Διογένης* стало *cognomen*; тогда порядок слов *Δαέρτιος Διογένης* был бы вполне нормальным: имя бывшего господина становилось у вольноотпущенника *nomen*, а его собственное (рабское) имя *cognomen*, как *Livius Andronicus*, *Caecilius Statius*, *Terentius Afer* и т. п. Но, так как, повидимому, такого римского рода не было, то предположение о происхождении слова *Δαέρτιος* от названия римского рода отпадает.

Ближайшим поводом, побудившим меня написать эту заметку, было то, что один ленинградский филолог в рецензии на Историю греческой литературы, изданную Академией Наук СССР, поставил в вину авторам ее употребление названия «Диоген Лаэртский», сказав, что уже доказана неправильность его. Быть может, моя заметка покажет не критическим поклонникам «последнего слова науки», что не всякое последнее слово бывает вернее предпоследнего.

Чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевский

ФОЛЬКЛОРНО-БЫТОВЫЕ КОРНИ БУКОЛИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ

В V идилии Феокрита, дающей наиболее развернутую форму буколического состязания, два пастуха, встретившись, обвиняют друг друга в воровстве, ссорятся и для разрешения спора начинают состязание в пении; предварительно они заключают пари, устанавливают заклады и приглашают третейского судью, который и произносит приговор по окончании состязания.

Основные части буколического состязания, а именно, 1) перебранка, «проагон», 2) заключение пари и приглашение третьей стороны и 3) «агон», т. е. состязание в виде антифонного пения двух пастухов,—недостаточно согласованы между собой: спор предшествует песенному состязанию, но при заключении пари предмет спора совершенно игнорируется; заклады, устанавливаемые при заключении пари, также не имеют отношения к предмету спора. Далее, определение закладов и песенное состязание, имеющие, повидимому, одну и ту же цель—разрешение спора—как бы исключают друг друга. Наконец, приговор третьей стороны никогда не мотивируется.

Следует заметить, что очень сходное построение мы находим в «агонах» древнеаттической комедии. Комическому «агону» также обычно предшествует «проагон», перебранка; встречается и там приглашение судьи. Поэтому есть все основания думать, что перед нами прочная фольклорная структура «состязания».

«Агон» буколического состязания может быть генетически связан с обрядовыми люстрациями, имевшими в античном обществе большое распространение как в повседневной жизни, так и на сельских праздниках и иногда принимавшими форму сражений, сопровождавшихся песенным состязанием¹. Словесное оформление, повидимому, только сопутствовало первоначально акту обрядового сражения, а позже, в процессе развития, оно заменило собой самый акт. Этот обряд предполагал магическое воспроизведение происходящей в природе борьбы старого и молодого, света и тьмы, зимы и лета и пр.². Так, люстрационный характер антифонных состязаний пастухов словесно выступает, например, в VII эклоге Кальпурни

*Nam, dum lentus, lustravit ovilia Thyrsis,
lussit et arguta iuvenes certare cicuta*

Однако это люстрационное по своей функции пастушеское песенное состязание осуществляется в форме судебного поединка, прямую аналогию чему мы можем встретить у некоторых современных народов, например у эскимосов, где песенное состязание является вообще единственной формой судебного процесса и имеет вид типичной ордалии—судебного поединка. «Божьи сулы», ордалии, при которых, «вопреки всякому логическому смыслу»³, погибавший считался виновным, а оставшийся в живых—невиновным, некогда были широко распространены во всем мире (за исключением Австралии). В Европе этот институт существовал в течение всего периода средних веков; знакомы были ордалии и античному миру.

Процесс развития форм такого суда шел от сочетания действительной и словесной борьбы, какое мы видим, например, в поединках гомеровских героев⁴, к усилению словесной борьбы, как у ирландцев⁵, и постепенному отмиранию действительной формы.

Особенно показательна в этом отношении картина судебного процесса у эскимосов, где, наряду с действительными поединками в виде драки и кулачного боя, а в прошлом также и боя на остром оружии, распространены и песенные состязания судебного характера, в которых элемент кулачного боя присутствует уже как рудимент⁶. Стоя перед ответчиком, истец поет обвинительную песню в присутствии общины. После этого обвиняемый поет, в виде ответа, защитительную песню⁷. У иных из эскимосских

¹ Н. Usener, Heilige Handlung, «Archiv für Religionswissenschaft»; VII. (1904), стр. 281—339=«Kleine Schriften», IV, Berlin, 1913, стр. 435—447.

² I. E. Harrison, Themis, Cambridge, 1927, стр. 343 сл.

³ О. М. Фрейденберг, Поэтика сюжета и жанра, Л., 1936, стр. 98.

⁴ Ном., II. V, 275, XIII, 725, 767 сл., XX, 176 сл., 425, XXII, 278 сл., 330 сл.

⁵ «Ancient Laws of Ireland», «London—Dublin, 1865—91, т. II, стр. 470—473, т. VI, стр. 384. В Ирландии поединок считался недействительным, если в предшествовавшей ему словесной борьбе противники не соблюдали требуемой точности.

⁶ K. Rasmussen, Intellectual Culture of the Caribon Eskimos, Copenhagen, 1930, стр. 73—75.

⁷ В. Г. Тан-Богораз, Социальный строй американских эскимосов, сборн. «Вопросы истории докалассового общества», сборн. статей к 50-летию книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». ИАН, 1936, стр. 229.

племен вызов к «танцу под бубен», сопровождаемому юридическим песенным диалогом, является единственным судебным институтом¹. Поводом к «танцу под бубен» могут быть случаи убийства, воровства и других преступлений, совершенных кем-либо из членов общины. Судебное разбирательство подобного типа иногда растягивается на ряд лет, причем стороны поочередно посещают одна другую. Для каждого посещения готовятся и поются новые песни. В эскимосском «танце под бубен» зафиксирована, несомненно, весьма ранняя форма судебного процесса, о чем говорит вся обстановка суда—присутствие общины в качестве судей, внимающей состязанию с величайшим интересом, поведение противников, стоящих друг против друга, пылящих, дышащих друг другу в лицо, стучающихся лбами, временами переходящих от песенного состязания к драке, и, как основное, то, что и обвинительная, и защитительная речи поются, а не произносятся, и даже имеют рефрен. Песенная антифонная форма, конечно, сближает эскимосский «танец под бубен» с буколическим состязанием: имеется, однако, и существенное различие: содержание песен «танца под бубен» связано с предметом спора, содержание же буколического «агона» никакой связи с темой спора не обнаруживает. В буколической поэзии, иначе говоря, сохранилась только песенная форма судебного состязания.²

Буколическое состязание, связь которого с судебным процессом еще не была забыта, нуждалось в мотивировке, в предварительном конфликте между состязавшимися, который и приводил спорящих к заключению пари и приглашению судьи.

Полную аналогию дает институт римского права *legis actio sacramento*, где суду предшествует спор: если ответчик *in iure* не соглашался с заявленным истцом притязанием, то стороны вызывали друг друга к заключению пари, обеспеченного залогом в размере некоей суммы, лишь отдаленно связанной с величиной иска, и тогда начиналось производство *in iudicio*. Задача судьи *in iudicio* состояла в том, что он, не касаясь непосредственно предмета спора, решал, *utrius sacramentum iustum, utrius iniustum sit*, и тем косвенно показывал, какая сторона права.

Если прав Кролей³, что судебный процесс в Риме в доисторические времена имел форму ордалии, то вполне естественным окажется наличие в римском праве рудиментов этой доисторической ордалии, одним из примеров которой и является процесс *legis actio sacramento*.

Иеринг, путем анализа языковых формул этого закона, доказывает, что процесс *legis actio sacramento* сложился на почве древней ордалии, имевшей форму клятвы⁴ и носившей, как и испытания огнем, железом, водой, очистительный характер⁵: самое выражение *legis actio sacramento* включает термин *sacramentum*, «клятва»: формула *iustum (iniustum) esse* первоначально относилась к клятве; формула *sacramento te* прогвозе заимствована из обихода ордалий, где она служила обращением к божеству.

Сходство процесса *legis actio sacramento* с буколическим третейским судом состоит еще и в следующем: 1) заключению пари предшествует спор, в результате которого не достигнуто соглашения; 2) заключаемое тяжущимися пари, а также и характер залогов не вытекают непосредственно из предмета спора. Это дает все основания предполагать, что буколический третейский суд является литературной фиксацией клятвенной формы античных ордалий, как института, думается, даже более древнего, чем римский процесс *legis actio sacramento*.

Перебранка, «проагон», соответствующая «спору» в процессе *legis actio sacramento*, получает форму пыльных, обычно не обоснованных дальнейшим развитием хода действия эклоги обвинений в воровстве, сопровождаемых насмешками, нередко обценного содержания, которые легко могут восходить к веселым обычаям обрядовых ругательств, основанным на представлениях о магической силе смеха и брани, как

¹ W. Thalbitzer, *The Amassalik Eskimo*, Copenhagen, 1914, I, стр. 127 сл.

² Crawley, o. c., стр. 528.

³ R. v. Ihering, *Scherz und Ernst in der Jurisprudenz*, Leipzig, 1904, стр. 406—407.

⁴ H. Ch. Lea, *Superstition and Force*, Philadelphia, 1892, стр. 102—191.

это мы наблюдаем и в инвективной агонистической форме древнеаттической комедии¹.

Различие предмета спора и предмета пари в буколическом состязании объясняется основным принципом суда в форме ордалии, рассматривающего не преступление, а спор.

Наполнение песенного «агона» уже не юридическим содержанием, а иным, соответствующим литературному заданию буколики, крайне затрудняло мотивировку приговора третейского судьи, вот почему и в греческой буколической поэзии, и в римской эклоге судья часто призывает обоих певцов равными друг другу в искусстве пения.

В идиллиях Феокрита структура буколического состязания наиболее близка к своим фольклорным истокам. В римской буколике наблюдается последовательный отход от старой формы буколического состязания, постепенно утрачивающей свои фольклорные элементы и видоизменяющейся в соответствии с художественными задачами автора.

Наиболее характерные с точки зрения близости к фольклору образцы формы буколического состязания дают III и VII эклоги Вергилия. В остальных, имеющих в своей основе структуру буколического состязания, сохранен только «агон», но и он претерпевает изменения; так, в VIII эклоге «агон» совершенно утратил принцип фольклорного антифонизма, как и свою первоначальную соотнесенность с пари.

У представителя позднейшей римской буколики, Кальпурния (период правления Нерона), заметна явно выраженная тенденция к «исправлению» традиционной формы «состязания», в I и IV эклогах Кальпурния форма состязания заменена чередованием песен, по метрической фигуре одинаковых, но тематически различных. Во II эклоге садовник и пастух выхваляют каждый свою профессию. Герои этой эклоги деятельны; заметно принципиально иное отношение к труду, чем у Вергилия. Искусство персонажей Кальпурния—садоводство (что для буколической поэзии ново) и пастушество, причем искусство их не условное, а подлинное. Здесь нет спора, состязания, а сопоставление (*synkrisis*) занятий, но традиционно сохраняется парность выступлений; изменение содержания песен получило свое выражение и в том термине, который применен здесь поэтом: *concinis* (IV, 56), *concinuistis* (IV, 149). Кальпурнию уже непонятно, чем обусловлены отдельные элементы формы буколического состязания, и он выражает свое недоумение тем, что заставляет судью отменить установленные было по традиции заклады (II, 5—8, 22—25):

VI эклога может быть расценена даже как пародия на буколическое стихотворение. Ироническим тоном окрашен и буколический пейзаж: «покинем покрытый травой берег бурно текущей реки, чтобы не мешал нам шум близкого ручья, ибо воды глухо отвечают мне под выеденной пемзой, и мешает мне шум камешков говорливого потока» (61—64). Чувствуется критическое отношение поэта к традиционному образу пастухов, музицирующих на берегу ручья. Комизм бестолковой перебранки усиливается введением архаических форм, торжественное звучание которых воспринимается как намеренное снижение стиля:

certavere sub his alterno carmine gramis (VI, 2)
gramina linquamus ripamque volubilis undae (VI, 62)

Иронический эффект усугубляется в той же эклоге нереальным образом оленя, лежащего на белых лилиях и украшенного цветами, ожерельями и амулетами; образ этот (ст. 32—45) пародийно выделяется на общем грубовато-бытовом фоне эклоги². Буколический мотив залогов трактуется здесь с той же иронией, что и мотив перебранки. Наконец, пародируется и вся ситуация третейского суда в разговоре пастухов о состязании Алкона и Никтила. В буколической поэзии состязующиеся пастухи обычно изображаются красавцами, обладающими приятным голосом; у Кальпурния же Никтил в VI эклоге безобразен, а об Алконе шутливо сказано, что он мог бы назваться

¹ Акад. И. И. Толстой, Инвективные песни аттического крестьянства в древней комедии, «Сборник в честь Н. Я. Марра», ИАН. 1935, стр. 565 сл.

² Ср. С a l p., Ecl., VI, 49—57 (образ кобылицы).

вторым Аполлоном, если бы не пел (16). Судьи этой эклоги выглядят комично. Третейский судья Мнасилл попадает в смешное положение: он пытается руководить состязанием, традиционно устанавливает место состязания, порядок следования партий, но певцы не слушают его, занимаясь утомительной перебранкой. На протяжении всей эклоги пародийный элемент все более усиливается, достигая кульминационного пункта в негодующем восклицании Мнасилла: «Больше я вам не судья!»

В эклоге современного Кальпурнию анонимного поэта (I эклога Эйнзидельнского кодекса) сцена подготовки буколического состязания и самый «агон», хотя и сохранивший принцип тематического соответствия амебейных партий, выдержаны в характерных для неронозского времени патетически-торжественных тонах, совершенно снимающих фольклорную простоту, обычную для литературной формы буколического состязания.

В последующей своей истории, скажем, например, во II и IV эклогах поэта III в. н. э. Немесиана, римская буколика окончательно отходит от фольклорных своих основ, берущих истоки в ритуале античных ордалий.

Т. А. Красоткина

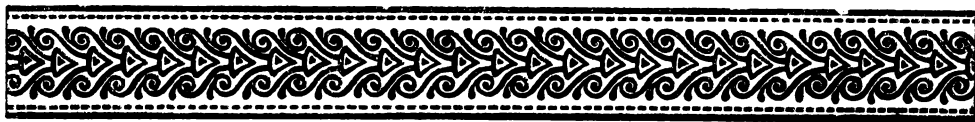

ПРИЛОЖЕНИЕ

BASILIVS LATYSCHEV
SCYTHICA ET CAUCASICA

В. В. ЛАТЫШЕВ
ИЗВЕСТИЯ
ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ
О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

В. В. Латышев

ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ

(Продолжение¹)

ПОЛИЕН

«ВОЕННЫЕ ХИТРОСТИ»

(СТРАТЕГИКА)

Полиен, родом из Македонии, жил при римских императорах Марке Аврелии и Луции Вере, которым и посвятил в 162 г. сохранившееся до нас сочинение *Στρατηγικά* или *Στρατήγικα* в 8 книгах, содержащее в себе 900 примеров военных хитростей.

[Для составления своего сочинения Полиен пользовался весьма разнообразными и разновременными источниками, причем общая его концепция, в особенности поскольку это касается рассказов, связанных с историей Северного Причерноморья, восходит к Эфору. Самые же рассказы, повествующие об истории Боспора, заимствованы из сочинений раннеэллинистического времени (скорее всего, у Дуриса Самосского), основывавшихся на местной традиции. Исторические имена, в частности Левкона, Сатира и Перисада, должны быть связаны с первыми, наиболее древними, носителями этих царских имен на Боспоре. По своей общей романтической окраске сообщения Полиена о Боспоре, имеющие важное значение в ряду скудных источников ранней истории этого государства приближаются к изложению Диодора, также во многом обязанного Дурису Самосскому.

Рассказы Полиена о знаменитых скифских женщинах проникнуты духом местной историко-повествовательной традиции, хотя и не должны претендовать на историчность их персонажей. Один из этих рассказов, близких по общему тону к *Γυναικῶν ἀρεταί* Плутарха, а именно рассказ об Амаге, восходит, может быть, к херсонесской исторической традиции, представленной именем местного историка Сирика. См. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, I, стр. 128 сл.; о н ж е, ЗОО, XXXII, стр. 9 сл.; также I. M e l b e r. Ueber die Quellen... Polyäens, [«Fleckeisens Jahrbuch», Suppl., XIV, 419 сл.].

Т е к с т: Polyäni Strategematon libri octo ex rec. Ed. W ö l f f l i n; iterum rec. J. M e l b e r, Lips., Teubn., 1887.

Перевод **В. М. Клембровского**

¹ Начало см. ВДИ, № 19—23.

V, 23. ТИННИХ

Тинних¹ *следующим образом* освободил от осады Февдосию Понтийскую², осажденную соседними тиранами и подвергавшуюся опасности быть взятой³. Отправившись из Гераклеи на круглом корабле с одной триерой и взяв *с собой*, сколько можно было, воинов, трех трубачей и три челнока-однодеревки, в каждом из которых мог поместиться только один человек, Тинних отплыл ночью и, приблизившись к городу, спустил *на воду* челноки, посадил на каждый по одному трубачу и приказал *им*, разехавшись друг от друга на умеренное расстояние, по данному с триеры и с круглого корабля сигналу, трубить одному за другим с небольшими промежутками, так чтобы звуки казались идущими не от одной трубы, а от нескольких. Они затрубили, оглашая звуками труб воздух в окрестностях города; осаждавшие, предположив, что явился значительный флот, ушли в беспорядке, покинув караулы. Тогда Тинних подплыл к Февдосии и освободил ее от осады.

V, 44. МЕМНОН

1. Мемнон¹ во время борьбы с боспорским тираном Левконом, желая разузнать о величине неприятельских городов и о числе их жителей, послал на триере в качестве посла к Левкону византийца Архибиада², под предлогом переговоров о дружбе и связях гостеприимства, и вместе с ним отправил олинфского кифареда Аристоникиа³, в то время пользовавшегося наибольшей славой у эллинов, для того чтобы посол мог познакомиться с численностью населения в то время, как они мимоходом будут приставать к берегам, кифаред станет показывать свое искусство и жители поспешно будут собираться в театры.

VI, 9. ЛЕВКОН⁷

1. Левкон, нуждаясь *однажды* в деньгах, объявил, что думает чеканить новую монету и что каждый должен принести к нему *свои* наличные деньги для того, чтобы они были перечеканены и, *таким образом*, остались годными. Подданные принесли ему *все*, что у них было; тогда он наложил новый штемпель и на каждой монете надписал двойную *против прежней* стоимость; таким образом он выручил *в свою пользу* половину собранных денег, не причинив убытка никому из граждан⁸.

¹ [Гераклеяский наварх Тинних ближе не известен].

² [О древней Феодосии см. Strabo, VII, 4, 3 сл.; о борьбе боспорского царя Сатира и его преемников за обладание Феодосией см. схол. Ульпиана к Dem., c. Lept., 33 и прим.].

³ Ср. об этом IOSPE, II, praef., стр. XIX [«Краткий очерк истории Боспорского царства», Печихин, стр. 75. См. также Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 136 сл.; Дройзен, История эллинизма, III, стр. 284. Ростовцев полагает, что этот факт должен быть связан не с осадой Феодосии Сатиром (около 387 г. до н. э.), а с каким-то более поздним событием, относящимся к середине III в. до н. э.].

⁴ Уроженец острова Родоса, известный впоследствии полководец персидского царя Дария III, умерший в 333 г. при осаде Митилены. О войне его с Левконом I (387—347 гг. до н. э.) нет известий у других авторов. Об источниках Полиена ср. I. Melber, Ueber die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyans. Ein Beitrag zur griech. Historiographie, JfKPh, Suppl., XIV, Lips., 1885, 415—486.

⁵ [Ближе не известен].

⁶ [Аристоникиа из Олинфа, придворный кифаред Филиппа II и Александра Македонского, умер в 328 г. до н. э.; в его память, по приказу Александра, в Дельфах была воздвигнута колонна. См. о нем Athen., X, 435 B; Arr., Anab., IV, 16, 6; Plut., de Alex. fort., II, 2].

⁷ [Все эпизоды, связанные с именем царя Левкона, следует относить к Левкону (387—347 до н. э.).]

⁸ [Ср. аналогичные рассказы у Aristot., Oecon., II, 2, 8 и т. д.].

2. Левкон, узнав *однажды*, что многие из его друзей и граждан составили против него заговор, созвал всех купцов и попросил у них взаймы все деньги, сколько у кого было, говоря, что ему выдают врагов. Когда же купцы с полной готовностью одолжили деньги, он собрал их во дворец, открыл составленный гражданами заговор и попросил купцов быть его телохранителями, так как они получат свои деньги *только в том случае*, если спасут его. И действительно купцы, желая спасти свои деньги, вооружились и сделались: одни его личными телохранителями, другие—стражами дворца. *Тогда* Левкон при помощи их и наиболее преданных ему друзей схватил и перебил участников заговора, упрочил за собой власть и отдал *купцам* деньги.

3. Левкон, узнав *однажды* во время войны с гераклейцами¹, что некоторые из триерархов изменяют ему и намерены перейти на *сторону неприятеля*, схватил их и сказал, что слышал невыгодные для них толки, но, конечно, не поверил им; *при этом* он приказал им оставить службу, для того, чтобы в случае поражения их не сочли его виновниками, и на место их назначил других триерархов. Родственникам подозреваемых он вручил власть и управление селами, показывая *тем* благосклонность к ним. По окончании войны *Левкон* сказал, что справедливость требует предать заподозренных суду, для того, чтобы его недоверие к ним не казалось неосновательным. Когда те пришли в здание суда вместе со *своими* родственниками, Левкон окружил их вооруженной силой и приказал всех их перебить.

4. *Однажды* гераклейцы выступили против *Левкона* с многочисленным флотом и стали делать высадки в его стране, где заблагорассудится; Левкон, видя, что его войска действуют нерадиво и не препятствуют *высадкам врагов*, для противодействия высадке поставил впереди гоплитов, а позади их—скифов², и во всеуслышание приказал последним в случае, если гоплиты будут действовать вяло и позволят врагам высадиться, стрелять в них и убивать. Услышав это, гоплиты мужественно стали препятствовать врагам высаживаться.

VII, 37. ПЕРИСАД

Понтийский царь Перисад³ в одной одежде строил войско, в другой—вступал в битву с врагами, в третьей—обращался в бегство в случае надобности: ставя *войско* в строй, он хотел быть видным для всех, в опасности *не хотел* быть видным никому из врагов, *наконец*, во время бегства *не желал* быть узнанным ни своими, ни врагами.

VII, 44. СКИФЫ

1. Скифы перед сражением с трибаллами приказали земледельцам и коневодам показаться вдали с табунами лошадей, когда узнают, что они вступили в сражение с врагами. Те так и сделали. Трибаллы, увидев вдали огромное количество людей и лошадей и столбы пыли и *слыша* поднявшиеся

¹ [Речь идет, повидимому, о той самой войне с гераклейцами, во время которой действовал наварх Тинних (см. выше, V, 23), когда Гераклея пыталась воспрепятствовать захвату Феодосии боспорскими царями (при Сатире и его преемнике Левконе I)].

² [О боспорских вооруженных силах, состоявших из сформированных по греческому образцу гоплитов и из скифской (или фракийской) конницы, см. еще Dio d., XX, 22 сл.].

³ [Вероятно, Перисад I, правивший с 347 по 309 г. до н. э. на Боспоре и названный у Полиена «понтийским» по ошибке или в том же самом смысле, как и Феодосия названа «понтийской» в рассказе о Тиннихе (V, 23)].

крики, вообразили, что верхние скифы¹ идут на помощь их врагам, и в ужасе обратились в бегство².

2. Скифы сделали набег на Азию. Скифянки во время их отсутствия вступили в связи с рабами и прижили детей. Рабы не приняли своих господ при их возвращении. Произошла война. Рабы стройными рядами с оружием в руках выступили против господ; тут один скиф, испугавшись их отчаянной решимости сражаться, посоветовал своим бросить доспехи и луки, а идти на рабов с поднятыми бичами; скифы, подняв бичи, устремились вперед, и рабы, не вынеся тяжести сознания своего рабства, тотчас бросились бежать³.

VII, 46. ТАВРЫ

Тавры⁴, скифское племя, предпринимая войну, всегда перекапывают дороги в тылу и, сделав их непроходимыми, вступают в бой; делают они это для того, чтобы, не имея возможности бежать, необходимо было победить или умереть.

VIII, 55. ТИРГАТАО

Меотиянка Тиргатао⁵ вышла замуж за Гекатея, царя синдов, которые живут немного выше Боспора⁶. Этого Гекатея, низложенного с престола, снова посадил на царство боспорский тиран Сатир⁷, причем выдал за него свою прежнюю жену. Гекатей, любя меотиянку, не решился погубить ее, а заточил ее в сильной крепости и приказал жить под стражей; но Тиргатао успела бежать, обманув стражу. Приверженцы Гекатея и Сатира с большим рвением принялись искать ее, опасаясь, чтобы она не склонила к войне меотов; но поиски были напрасны: меотиянка, идя по пустынным и скалистым дорогам и днем скрываясь в лесах, а по ночам продолжая путь, пришла, наконец, к так называемым иксоматам⁸, где были владения ее родственников. Не застав в живых своего отца, она вступила в брак с его преемником и склонила иксоматов к войне. Приведя с собой многие из воинственных племен, живших вокруг Меотиды, она сильно опустошала набегами принадлежащую Гекатею Синдику, а также причиняла вред и царству Сатира, так что оба они принуждены были искать мира, послав просьбы и дав в заложники сатириова сына Метродора⁹. Тиргатао согласилась примириться, но ее противники, примирившись, не сдержали клятвы. Именно, Сатир уговорил двух своих друзей совершить покушение на жизнь Тирга-

¹ [Т. е. скифы из областей, расположенных по верхнему течению реки Днепра. Этот любопытный факт, указывающий на то, что скифские земледельцы и коневоды не присутствовали в строю, свидетельствует об известном имущественном и социальном расслоении скифского общества. См. А. П. Смирнов, Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1935].

² [Cp. Front., Strat., 2, 4, 20].

³ Ср. Her., IV, 3: Iust., 3, 5, 1 сл.

⁴ [О таврах, жителях Крымских гор, как о племени не скифском, см. Her., IV, 99 сл.; о таврах, как о скифском населении Таврического полуострова (тавро-скифах), см. Strabo, VII, 4, 2 сл.].

⁵ [Имя Тиргатао перекликается с засвидетельствованным у Геродота скифским именем Таргитай (IV, 5 и прим.), чем удостоверяется его этнографическая подлинность].

⁶ [Гекатей, царь синдов, ближе не известен].

⁷ [Сатир I, отец Левкона I. Ср. о нем IOSPE, II, graef., стр. XVIII сл. и ЖМНП. 1894, июнь, отд. класс. фил., стр. 81—85].

⁸ [Об иксоматах (также иксибатах и язматах), сарматском племени, соседившем с синдами, см. Нес. Mil., fr. 166 и прим.].

⁹ [Ближе не известен].

тао, явившись к ней под видом просителей. Когда те бежали к ней и Сатир стал требовать *их выдачи*, то Тиргатао, чья право убежища, часто посылала к Сатиру письма, желая спасти людей, прибегнувших к ее защите. Но эти последние ухудшили случай напасть на нее: в то время, как один стал говорить с ней о важных будто бы делах, другой обнажил меч и совершил покушение, не удавшееся потому, что пояс *Тиргатао* отразил удар. Сбежавшиеся телохранители обоих подвергли пыткам; они сознались в замысле посланного их тирана. *Тогда* Тиргатао снова начала войну, умертвив заложника, и подвергла страну всем ужасам грабежа и резни, пока сам Сатир не умер с отчаяния; сын его Горгипп, наследовав престол, сам явился к *Тиргатао* с просьбами и богатейшими дарами и тем прекратил войну¹.

VIII, 56. АМАГА

Амага, жена Медосакка², царя сарматов, живших на Понтийском побережье, видя, что муж ее предается роскоши и пьянству, по большей части сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям. Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии, так что и жившие на Таврическом полуострове херсонесцы, обижаемые царем соседних скифов, попросили ее принять их в число союзников³. Амага сначала послала *скифскому царю* приказание прекратить свои набеги на Херсонес; когда же скиф не послушался, то *она* выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом, дала каждому по три лошади и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадиев, внезапно явилась ко двору *царя* и перебила всех *стражей, стоявших* у ворот. Скифы пришли в смятение от неожиданности и воображали, что нападающих не столько, сколько они видели, а гораздо более. Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонесцам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо и, помня *печальную* кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров.

ЭКСЦЕРПТЫ ПОЛИЕНА ИЗ ФЛОРЕНТИНСКОГО КОДЕКСА ТАКТИКОВ, НЫНЕ ВПЕРВЫЕ ИЗДАННЫЕ

Текст: издание Woefflin - Melber, см. выше.

14. ПООЩЕНИЕ К ХРАБРОСТИ И ПОВИНОВЕНИЮ

19. Левкон, построив впереди гоплитов, поставил за ними других из скифов, во всеуслышание приказав *им*, если гоплиты будут медлить, тогда стрелять и убивать их. Узнав об этом, гоплиты мужественно сразились и победили врагов⁴.

¹ [О Горгиппе ср. IOSPE, II, введ., стр. XX [Краткий очерк истории Боспорского царства, *Почтика*, стр. 76].

² [Имена, исторически другими источниками не засвидетельствованные].

³ [Об отношениях жителей города Херсонеса со скифами Крыма и с сарматскими племенами см. подробнее Strabo, VII, 4, 3 сл., а также в херсонесском декрете в честь Диофанта, IOSPE, I, 185].

⁴ [Оригинал этого рассказа, с опущенными здесь деталями, см. Polyae-n., VI, 9, 4].

15. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МНОГОЧИСЛЕННОСТИ

7. Тинних во время осады приморского города, желая освободить его от осады, выехал в море на единственном бывшем у него корабле, посадил на разные челноки по одному человеку с одним трубачом, расставил их на умеренное расстояние и приказал по данному им сигналу трубой трубить одному за другим с промежутками, чтобы звуки получались не от одной трубы, а от многих. Таким образом, осаждающие, предположив прибытие значительного флота, оставили город и ушли¹.

8. Скифы перед сражением с трибаллами приказали земледельцам и коноводам показаться вдали с табунами лошадей, когда узнают, что они вступили в битву. Враги, увидев их и приняв за множество конных и пеших *воинов*, бежали².

32. О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЕТ ОСТЕРЕГАТЬСЯ БИТВ ОТ ОТЧАЯНИЯ

см. выше Strat., VII, 44, 2.

КЛАВДИЙ ГАЛЕН

Знаменитый врач, родился в Пергаме около 131 г. н. э. В 164 г. прибыл в Рим, где и оставался до самой кончины, последовавшей на семидесятом году от роду, около 201 г. Написал более 350 сочинений, из которых до нас дошло 138 подлинных и 45 сомнительных, в том числе некоторые в латинском или арабском переводе.

Текст: Claudii Galeni opera omnia. Ed. cur. G. Kühn в собрании Medicorum Graecorum opera quae exstant, тт. I—XX, Lips., 1821—33.

УВЕЩАНИЕ К ИЗУЧЕНИЮ ИСКУССТВ³

(ΠΡΟΤΡΕΠΤΙΚΟΝ ΛΟΓΟΣ ΕΠΙ ΤΑΣ ΤΕΧΝΑΣ)

7. (I, p. 13 K.)... Ты видишь, что ничто не препятствует скифу Анахарсису возбуждать к себе удивление и называться мудрецом, хотя он был родом варвар⁴. Когда его однажды кто-то упрекнул в том, что он варвар и скиф, он *сказал*: «Мне позор—отечество, а ты—отечеству». *Этим* словами он превосходно поразил человека, ровно ничего не стоящего и только чванившегося своим отечеством:

О СОСТАВНЫХ ЧАСТЯХ ТЕЛ

(ΠΕΡΙ ΚΡΑΣΕΩΝ)

II, 5 (I, p. 618 K.)... Итак, египтяне, арабы, индийцы и все *вообще* племена, живущие в жаркой и сухой *стране*, имеют волосы черные, трудно растущие, сухие, курчавые и ломкие, а те, которые в противоположность этим населяют страну сырую и холодную, *именно* иллирийцы, германцы, далматы, савроматы и все скифское *племя*,—умеренно растущие, тонкие, прямые и рыжие⁵.

6 (I, p. 627 K.)... У кельтов, германцев и всего фракийского и скифского племени кожа холодна, влажна и поэтому мягка, бела и лишена волос...

¹ [Оригинал, с опущенными здесь деталями, см. Polyaeu, V, 23].

² [Оригинал см. Polyaeu, VII, 44, 1].

³ Ср. Claudii Galeni Protreptici quae supersunt, ed. G. Kaibel, Berol.—Weidm., 1894.

⁴ [Образцы «мудрости» Анахарсиса и его изречения см. Plut., Conv. VII sap., 5, 12, а также Luc., Anach. sive de gymn.].

⁵ [Ср. подобные же рассуждения о свойствах волос в зависимости от климата у Arist., Probl. anecd., II, 72].

О СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ

(ΥΓΙΕΙΝΑ)

I, 10 (VI, p. 51 K)... У германцев не хорошо воспитываются дети. Но мы теперь пишем это не для германцев или других каких-либо диких людей или варваров, ровно как не для медведей, кабанов, львов или каких-либо других зверей, а для эллинов и для тех, которые по происхождению варвары, но стремятся к эллинскому образу жизни. Кто из нас допустил бы, чтобы у наших соплеменников несли младенца немедленно по рождении, еще теплого, к речным волнам и здесь, как говорят *это* о германцах, подвергали испытанию его природные силы и вместе укрепляли тело, погружая в холодную воду подобно раскаленному железу¹. Ведь всякому ясно, что если младенец выдержит *такое испытание* без вреда, то он выкажет и свою природную крепость и приобретет *новую* от закаления холодом; всякий знает также, что если внешний холод преодолееет прирожденную теплоту *младенца*, то он должен тотчас умереть. Итак, какой же человек разумный, не совершенно дикий и не скиф решится подвергнуть свое дитя такому испытанию, в котором неудача *влечет за собой смерть*, и притом без всякой важной пользы от такого испытания?...

К ГЛАВКОНУ О ВРАЧЕВАНИИ

(ΤΑ ΠΡΟΣ ΓΛΑΥΚΩΝΑ ΘΕΡΑΠΕΥΤΙΚΑ)

II, 12 (XI, p. 142 K)... В Александрии очень многие страдают слоновой болезнью², благодаря пище и жаркому климату *этой страны*. В Германиях же и Мисиях³ эта болезнь наблюдается чрезвычайно редко, а у питающихся молоком скифов почти никогда не замечается. Напротив, в Александрии случаи ее очень многочисленны благодаря пище: *жители ее* употребляют в пищу ячменную кашу, чечевицу, улиток и много соленой рыбы, а некоторые также ослиное мясо и другую подобную *пищу*, производящую густые и черно-желчные соки; вследствие же теплоты окружающего *воздуха* движение их направляется к коже...

О ПРОТИВОЯДИЯХ ДВЕ КНИГИ

(ΠΕΡΙ ΑΝΤΙΔΟΤΩΝ ΒΙΒΛΙΑ ΔΥΟ)

I, 1 (XIV, p. 1 K). [Что значит противоядие и откуда ведет происхождение «зверское»]. Врачуящие болезни лекарства, не прикладываемые снаружи, а принимаемые внутрь, врачи называют противоядиями. Различаются таковые три вида их: одни предлагаются против смертоносных зелий, другие—против так называемых ядовитых животных, третьи помогают в болезнях, происходящих от дурного питания; некоторые, *впрочем*, пригодны во всех трех случаях, как например, так называемое «зверское», изобретенное врачом Андромахом⁴ и отодвинувшее *на второй план* «митри-

¹ [То же о германцах и скифах передает С о р а н (De mul., 81)].

² [Сущность этой болезни Гален излагает (p. 140 K) в следующих словах: «этой таково происхождение болезни, которую называют слоновой. Начинается иногда и перенесение такового сока в другие части тела, именно те, которые слабее всех *других* и являются обязательно на этом члене жилы, полные крови, черной и густой. И насколько она чернее и гуще, настолько хуже болезнь» и т. д.].

³ [Имеются в виду римские провинции Верхняя и Нижняя Германия и Верхняя и Нижняя Мисия; последние расположены на нижнем Дунае, на территории современных Югославии и Болгарии].

⁴ [Главный врач императора Нерона, славившийся своими микстурами ядов, употреблявшимися в качестве противоядий и под названием Theriaca Andromachi, известными в медицине вплоть до настоящего времени].

датовское», названное так тоже по имени изобретателя. Дело в том, что этот Митридат¹, подобно нашему Атталу, старался познать опытом почти все простые зелья, противоположные ядовитым, испытывая их свойства на приговоренных к смертной казни преступниках. Итак, он узнал, что некоторые из них особенно пригодны против тарантулов, некоторые—против скорпионов, а иные—против ехидн. И против смертоносных зелий—одни против аконита, другие—против морского зайца, третьи—против каких-либо прочих. Смешав все это, Митридат составил одно снадобье, надеясь иметь в нем защиту против всяких губительных средств. Впоследствии Андромач, главный врач Нерона, одно прибавив, другое отняв, составил так называемое «зверское» противоядие, примешав к прочим составным частям значительное количество мяса ехидн, которое не входило в состав «митридатовского зелья». Поэтому против укушения ехидн «зверское» лучше «митридатовского», а против других ядов «митридатовское» не хуже или даже против некоторых и лучше...

9 (XIV, р. 154 К)... [Митридатово зверское]. Это средство постоянно употреблял царь Митридат для предохранения себя от яда. Поэтому, будучи захвачен римлянами, он дважды принял яд и не мог умереть; тогда он убил себя мечом²...

ПОСВЯЩЕННАЯ ПИЗОНУ КНИГА О «ЗВЕРСКОМ ПРОТИВОЯДИИ»

(ΠΡΟΣ ΠΙΣΩΝΑ ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΘΗΡΙΑΚΗΣ ΒΙΒΛΙΟΥ)

16 (XIV, р. 283 К). ... Говорят, что и известный великий воитель Митридат, не принимавший «зверского противоядия», так как его еще не было, а принимавший другое противоядие, состоявшее из смеси многих зелий и получившее название от его имени, — оно называется «митридатовским», — благодаря приобретенной от него нечувствительности организма не мог умереть от принятого яда. Именно, когда он во время войны с римлянами, потерпев поражение от Помпея и находясь в отчаянном положении, пытался умереть без болезни от яда, то, выпив значительную дозу ядовитого зелья, он сам не умер, а дочери, очень желавшие из любви к нему умереть вместе с ним и выпившие тот же яд, погибли очень скоро³. Так как смерть не приходила вследствие того, что яд не мог подействовать благодаря принимавшемуся раньше противоядию, он призвал одного из своих друзей, по имени Висток⁴, и приказал пронзить себя мечом. Таким образом, исполнив железом дело яда, он принудил себя умереть насильственной смертью.

АФОРИЗМЫ ГИППОКРАТА И ОБЪЯСНЕНИЯ К НИМ ГАЛЕНА

(ΗΠΙΟΚΡΑΤΟΥΣ ΑΦΟΡΙΣΜΟΙ ΚΑΙ ΓΑΛΗΝΟΥ ΕΙΣ ΑΥΤΟΥΣ ΥΠΟΜΝΗΜΑΤΑ)

43. ... Сам Гиппократ говорит, что амазонки прижигают правую грудь для того, чтобы вследствие большего притока питательных соков в ближайшую руку она делалась более сильной, так как от природы и она слаба⁵...

¹ [Имеется в виду Митридат VI Эпатор, царь Понта и Боспора (120—63 гг. до н. э.)].

² [По версии Аппиана, был убит, во исполнение его просьбы, Бититом, предводителем кельтов (A p p., Mithr., 111)].

³ [О смерти Митридата см. A p p., Mithr., 111].

⁴ [У Аппиана он называется Бититом, ср. прим. к G a l., de ant., 9].

⁵ [У Гиппократа (de aër., aq., loc., 27) речь идет о прижигании скифскими кочевниками плеч, рук и т. д. (а также савроматскими девушками правой груди) для укрепления тела, об амазонках же он не упоминает вовсе. По обычной версии, амазонки выжигали правую грудь, чтобы она не препятствовала натягиванию тетивы лука (D i o d., II, 45)].

КЛАВДИЙ ЭЛИАН

Уроженец города Пренесте, близ Рима, жил во II в. и в начале III в. н. э. Главные его сочинения—*περί ζώων* в 17 книгах и *Ποικίλη ιστορία* в 14 книгах.

Текст: Aeliani de natura animalium varia historia, epistolae et fragmenta... recog. K. H e r c h e r., Paris, Didot, 1858 [и Leipz., 1864].

О ЖИВОТНЫХ

(ΠΕΡΙ ΖΩΩΝ)

II, 16. Животное таранд... меняется вместе с шерстью и принимает тысячи различных цветов, так что поражает зрение. Водится он в Скифии, хребтом и величиной похож на быка. Скифы обтягивают его шкурой свои щиты и считают ее надежной защитой от копий¹.

II, 53. У мисийцев быки взяты тяжести и лишены рогов. Говорят, что скот бывает там безрогим не от холода, а по природной особенности этих быков, и доказательство этому налицо: и в Скифии бывают быки, не лишены рогов. Я знаю также свидетельство одного писателя, что в Скифии водятся и пчелы, ничуть не страдающие от холода, и что скифы даже привозят к мисийцам на продажу не привозный, а добываемый у них самих мед и туземный воск². Если я говорю несогласно с Геродотом³, то пусть он не прогневается на меня: сообщаящий это *писатель* утверждает, что он передает достоверный рассказ, а не слух, ни на чем не основанный.

IV, 7. Мне известно, что *один* скифский царь (имя его я знаю, но опускаю нарочно: какая мне от него польза?) имел кобылицу, обладавшую всеми достоинствами, какие от коней требуются и свойственны им, имел также и рожденного ею жеребца, отличавшегося от других прекрасными качествами. Царь, не находя *возможности* ни случить кобылицу с другим *жеребцом*, который был бы достоин ее, ни свести своего жеребца с другой, достойной получить от него оплодотворение, по этой причине свел их между собой; но они, лаская друг друга и обнаруживая взаимное расположение, тем не менее не сходились друг с другом. Когда животные оказались таким образом умнее замысла скифа, он прикрыл обоих плащами, и *таким образом* они совершили это незаконное и несправедливое дело. Но когда оба животные увидели, что они сделали, то искупили смертью свой грех, бросившись с крутизны⁴.

IV, 9. Большинство рыб весной обнаруживает половые инстинкты и по большей части устремляется *для этой цели* в Понт: ибо в нем есть природные убежища и ложа; кроме того, он свободен от *лишних* животных, какие водятся в море: в нем скитаются только мелкие и бессильные дельфины; в нем нет полипов, не рождаются и морские раки, и не водятся омары; а эти *животные* губительны для мелкой рыбешки⁵.

¹ Arist., de mir. ausc., 30; Ant. Car., Hist. mir., XXV (31).

² [О пчелах Arist., Hist. an., V, 22, 8, что, может быть, частично относится и к скифам. Под мисийцами скорее всего следует понимать жителей римских провинций Верхней и Нижней Месии на Балканском полуострове].

³ [Her., IV, 29 [На точке зрения Геродота стоит и Аристотель, Hist. an., VIII, 28].

⁴ [Этот анекдот содержится в более краткой редакции у Arist., Hist. an., IX, 47, а также почти дословно повторен Misch. A. p. y z., Corp. par. cent. II, 90, но имя скифского царя, с которым он связывается, нигде не названо].

⁵ [Cp. Arist., Hist. an., VIII, 13].

V, 27. ... Аристотель говорит, что в стране невров быки имеют рога на плечах¹... Александр Миндийский говорит, что понтийские овцы жиреют от очень горькой полыни...²

V, 42. ... Мне известно, что в понтийском Трапезунте получается мед из букса; он отличается тяжелым запахом и здоровых людей одуряет, а на эпилептиков производит благотворное действие...³

V, 43. Аристотель говорит⁴, что у реки Гипаниса водится животное, называемое однодневкой: оно рождается на рассвете и умирает, когда солнце начинает склоняться к закату.

VI, 24 ... Лисицы ловят драхв в Понте следующим образом: они оборачиваются, припадают к земле и поднимают хвост наподобие шеи птицы; обманутые драхвы приближаются как бы к птице своей породы, но как только птица подойдет близко к лисе, последняя оборачивается, изо всей силы бросается на нее и весьма легко схватывает.

VI, 60. Массагеты, как говорит Геродот⁵, вешают перед собой колчан, и затем мужчина открыто общается с женщиной, хотя бы все их видели, не обращая на это никакого внимания...

VI, 65. У так называемого Конопия (местечко у Меотиды) волки живут в верной дружбе с рыбаками и моряками, так что, посмотрев на них, скажешь, пожалуй, что они не отличаются от сторожевых собак. Если эти волки получают свою долю морской добычи, то у них бывает мир и согласие с рыбаками, а в противном случае они разрывают и уничтожают сети и, *таким образом*, подвергают их наказанию за неполучение своей доли⁶.

IX, 15. ... Говорят, что скифы к яду, которым намазывают стрелы, примешивают для приправы человеческую сукровицу, собирающуюся поверх крови... что знают им отстоем (?)⁷. Для засвидетельствования этого достаточно сослаться на Теофраста⁸.

IX, 59 extr. ... Эвксинский Понт изобилует множеством рыб, потому что в нем не водятся хищники; в нем попадаются кое-где тюлени и очень мелкие дельфины, но от всех других *животных* тамошние рыбы вполне безопасны⁹.

X, 40. В Скифской земле водятся рогатые ослы; их рога выдерживают аркадскую воду, так называемую стиксову, а все другие сосуды она разрывает, хотя бы они были сделаны из железа. Говорят, что один из таких рогов был поднесен Сопатром Александру Македонскому; последний, как

¹ [Сочинение Аристотеля, которое имеет в виду Клавдий Элиан, неизвестно; у других авторов подобные упоминания не встречаются].

² [Это сообщение восходит к Theophr., Hist. plant., и повторяется во II в. до н. э. у Apoll. Disc., Hist. mir., XXXI; ср. также Plin., NH, XI, 37].

³ [Это известие почти дословно заимствовано из Arist., de mir. ausc., 18. О действии этого меда на эпилептиков Аристотель, однако, высказывает совершенно противоположное мнение. Сообщение о вредных свойствах трапезунтского меда восходит, вероятно, к известному рассказу Ксенофонта, Anab., IV, 8, 20].

⁴ Hist. anim., V, 19.

⁵ Her., I, 246. [Сообщение об общности женщин у массагетов, со ссылкой на Эвдокса Родосского, см. еще Diog. Laert., IX, 11, 83].

⁶ См. Arist., Hist. anim., IX, 36, [где этот анекдот передается в более сжатом виде. Что же касается до отсутствующего у Аристотеля и названного Клавдием Элианом в начале этого отрывка пункта—Конопия, в устье Меотиды, то это, скорее всего, искаженный и ошибочно перенесенный на Меотиду Каноп (современный Абукир) при устье реки Нила].

⁷ [Место испорчено].

⁸ См. Arist., de mir. ausc., 141 [Теофраст, рассказывая в своей «Истории растений» о ядах, которыми скифы намазывают свои стрелы, ничего не говорит при этом о человеческой крови. О примешивании человеческой крови при изготовлении скифами яда для стрел из крови ехидны сообщает в вышеуказанном отрывке Псевдо-Аристотель].

⁹ [Ср. Arist., Hist. an., VIII, 13, к которому восходит это сообщение].

слышно, удивившись *этому рогу*, принес его в дар Аполлону Пифийскому в Дельфы и велел вырезать следующую надпись: «Тебе, Пеан, посвятил Александр Македонский этот рог скифского осла, чудную вещь, которая не была побеждена чистым течением лусейского Стикса и выдержала силу его воды»¹.

XI, 1. Род гипербореев и воздаваемые ими Аполлону почести воспевают и поэты, прославляют и *прозаические писатели*, в том числе Гекатей, не милетский, а Абдерский... [Из его описаний] только следующее подходит к нашему сочинению. Жрецами названного божества служат сыновья Борея и Хионы², числом трое, по природе братья, ростом по шести локтей. Когда они совершают в честь названного *бога* установленное священнослужение в обычное время, с так называемых у них Рипейских гор прилетают необозримые по величине тучи лебедей; облетев кругом храма и как бы очистив его своим полетом, они потом спускаются в ограду храма, отличающуюся огромной величиной и необычайной красотой. В то время, как певцы запоем туземные песни в честь бога, а кифаристы присоединяют к хору чрезвычайно гармоничную игру, тут вместе с ними запевают и лебеди; они поют очень согласно и никогда нигде не издают ни одного нестройного или несогласного с пением звука, как будто получив такт от регента хора и спевшись с местными творцами священных напевов. Затем по окончании гимна они удаляются, исполнив обычную службу в честь божества; таким образом, вышеназванные, так сказать, крылатые хоревты целый день воспевают бога.

XI, 29. Говорят, что в Понте овцы не имеют желчи...³

XII, 34 ... Скифы за недостатком дров варят всех *животных*, которых приносят в жертву, на их *собственных костях*⁴.

XVI, 33 ... Аристотель говорит, что у быков в стране невров рога и уши вырастают из одного и того же места и связаны между собой... Приведем еще и следующее *известие* сына Никомахова⁵: он говорит, что у будинов, живущих кругом Кариска⁶, не рождаются белые овцы, но что все они черные⁷.

XVII, 17. Аминта в сочинении, озаглавленном «Переходы»⁸, говорит, что в Каспийской земле есть много стад быков и табунов лошадей и что они бесчисленны. Он прибавляет еще и то, что в известные периоды времени там появляются в бесчисленном множестве мыши, и в доказательство *этого* приводит *факт*, что, хотя тамошные неиссякающие реки текут с большой быстротой, однако мыши неустрашимо переплывают их, взяв в зубы хвосты друг друга и составляя таким образом цепь, доказывая этим, что такая связь является у них самой прочной для переправы через реку. Выйдя из реки на поля, говорит *Аминта*, они обгрызают посевы, взлезают на деревья и поедают спелые плоды, *причем* перегрызают даже ветви, так как их зубы достаточно крепки для этого. Для защиты от нашествия

¹ [Этот рассказ, заимствованный из сочинения Филона Гераклейского «О чудесах» (см. выше, ВДИ, 1947, № 3(21), стр. 278), написанного во второй половине III в. до н. э., приводится также у I o a n n. S t o b., I, 41, 52].

² [Дочь Борея и Оритии, мать Эвмолпа—мифического фракийского певца и жреца, считавшегося основателем элевсинских мистерий].

³ [См. T h e o p h i l., Hist. plant., IX, 17, 4, откуда заимствовано это сообщение].

⁴ [Ср. об этом более пространный рассказ у Н е р., IV, 61].

⁵ [Т. е. того же Аристотеля, отцом которого был физик Никомах].

⁶ [Вероятно, следует сопоставить с пунктом K a p i c k a (T h e o p h i l a c t., VIII, 8, 7) или S e c u r i s c a (Itin. Ant., 221) в Нижней Месии].

⁷ [Сочинение Аристотеля, из которого Клавдий Элиан заимствует эти сведения, не известно].

⁸ Об Аминте ср. N i c o l a i, Griech. Literaturgesch., II, 164. Об этом бематисте и сподвижнике Александра Македонского см. выше, введение и его фрагм.].

мышей и от причиняемого ими вреда каспии щадят хищных птиц, которые поэтому также налетают целыми тучами, схватывают мышей и таким способом избавляют каспиев от голода.

Что касается до каспийских лисиц, то их число так велико, что они не только появляются в хижинах, стоящих на полях, но приходят даже в города; в дома лисица является вовсе не с тем, чтобы причинить вред или стащить что-нибудь, а совсем как ручная: они ласкаются и виляют хвостами не хуже наших собаченок. Мыши, составляющие местное зло у каспиев, величиной бывают не меньше египетских ихневмонов¹; они дики и страшны и обладают столь крепкими зубами, что могут перегрызать и поедать даже железо...

XVII, 32. Я слышал, что в Каспийской земле есть огромное озеро², в котором водятся большие рыбы, называемые «остроносыми»³. Они достигают даже восьми локтей длины. Каспии ловят их, посыпают солью и приготавливают соленья или сушат, *затем* навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны⁴. Вырезав жир из этих рыб, они делают из него мазь, и соленья продают, а рыбьим маслом, очень жирным и не вонючим, мажут-ся; внутренности рыб они вынимают, варят и выделывают из них клей, очень годный к употреблению: он все склеивает очень крепко, держится на всем, к чему прилипнет, и очень прозрачен на вид. Он так скрепляет все, что им ни склеят, что, если даже мочить его десять дней, он не распустится и даже не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекраснейшие вещи.

XVII, 33. Существует рассказ, что у каспиев водится птица величиной с самого большого петуха, пестрая и разукрашенная многими цветами⁵. Летает она, как слышно, навзничь, подтянув ноги к шее и как бы поддерживая себя ими; кричит она, как щенок; летает не высоко в воздухе, а около земли, не будучи в состоянии поднять себя на высоту.

Каспийская также или, скорее индийская (говорят, что она водится и там и здесь), еще следующая птица: величиной приблизительно с гуся, с плоской и маленькой головой и длинными ногами; цвет оперенья смешанный, пестрый: спинка расцвечена пурпуром, подбрюшье окрашено в самый чистый и красивый червлёный цвет, а голова и шея белые. Кричит она по-козьему.

XVII, 34. Каспийские козы очень белы, рогов не имеют, ростом малы и тупоносы. Верблюдов здесь очень много, самые крупные достигают величины самых больших лошадей и покрыты прекрасной шерстью: их шерсть очень нежна, так что по мягкости не уступает даже милетской шерсти. Сделанные из нее платья носят жрецы и самые богатые и знатные из каспиев.

XVII, 38. В Каспийском море есть, говорят, острова, на которых водятся разные птицы, между прочим, одна, отличающаяся следующими признаками: величиной она бывает, говорят, с гуся, видом превосходит и благородного гуся и прочих, ноги имеет похожие на журавлиные; спинка окрашена в очень чистый червлёный цвет, подбрюшье зеленое, а шея белая, с рассыпанными как бы крапинками шафранного цвета; длиной она не менее двух локтей; голова небольшая и продолговатая, клюв черный; крик ее похож на лягушечный.

¹ [Животное вроде ласки, поедающее яйца крокодила].

² [Т. е. Каспийское море].

³ [Речь идет, видимо, об осетрах].

⁴ [Город в Великой Мидии, древняя столица мидийских царей (современный Гаматан)].

⁵ [Имеется в виду фазан].

РАЗЛИЧНЫЕ РАССКАЗЫ

(ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО)

II, 41 ...Про Клеомена, *царя лакедемонского*¹, говорят не только то, что он был пьяницей, но приписывают ему и тот *чисто скифский порок*, что он стал пить цельное вино.

Ibid. И Анахарсис, говорят, очень много выпил у Перяндра², привезя с собой с родины эту *способность*: ведь именно скифам свойственно пить цельное вино.

III, 39 ...Меоты и савроматы [употребляли в пищу] просо...³

IV, 1. Колхи хоронят покойников в кожах: зашивают их и вешают на деревьях⁴.

V, 7. Скифы кочуют по своей собственной земле; но Анахарсис, как умный человек, совершил более отдаленное путешествие: он прибыл в Элладу, и Солон встретил его с удивлением⁵.

VI, 13. ... У эллинов упоминаются, как продолжавшиеся по векам и *переходившие* к потомству, следующие тирании: Гиерона в Сицилии, Левконида в Боспоре⁶ и Кипселида в Коринфе.

ОТРЫВКИ

Из неизвестных книг, фр. 135 Hercher (Suid. s. v. *κέρκη*; ср. Suid. s. v. *κόρυμβοισι*). *Некто*, по имени Дионисий, по занятиям купец, часто совершавший из корыстолюбия многие отдаленные плаванья и пробравшийся далее Меотиды, купил там колхидскую девушку, которую похитили махли⁷, одно из тамошних варварских племен.

ПАВСАНИЙ

Автор сочинения *Περὶ Ἑλλάδος τῆς ἑλλάδος* в 10 книгах, написанного при Антониане (V книга, как видно из одного ясного упоминания, написана в 173 г.). Обстоятельства жизни автора неизвестны за исключением того, что он сам говорит о своих путешествиях; родиной его была одна из местностей, близких к горе Сипилу в Малой Азии.

Текст: Pausaniae descriptio Graeciae. Recogn. J. Henr. Chr. Schubart, Lips., Teubn., 1875, 2 тома. Лучшее издание: Hitzig-Blümner, Pausaniae Graeciae descriptio, Leipz., 1896—1912. Стереотипное издание: Spiro, Lips., 1903,—много хуже. Очень ценно своим комментарием издание Frazer'a, Pausanias, Description of Greece, Lond., 1898].

¹ [О Клеомене I (520—491 гг. до н. э.) ср. Нег., VI, 84].

² [Знаменитого коринфского тирана (625—585 гг. до н. э.), см. Атен., X, 50 (р. 437 f.)].

³ [Об употреблении проса в пищу каллипидами—скифским племенем на нижнем Днепре, см. Нег., IV, 17].

⁴ [См. об этом подробнее Apoll. Rhod., III, 200 сл. Схолиаст Аполлония Родосского указывает при этом на Нимфодора Сиракузского (III в. до н. э.), автора книги «О чужеземных обычаях», как на источник этих сведений. У него же, видимо, позаимствовал свое сообщение и Клавдий Элиан].

⁵ [См. Plut., Sol., 5; Diog. Laërt., 1, 8, 101 сл.; Luc., Anach., 6 сл.].

⁶ [Т. е. потомок царя Левкона I (387—347 гг. до н. э.), принадлежавшего к династии Спартокидов].

⁷ [Это наименование (упоминаемое многими древними авторами, начиная с Нег., IV, 178; 180) принадлежит либийскому племени, локализуемому на североафриканском побережье у Малого Сирта. Клавдий Элиан употребляет его, очевидно, по недоразумению, может быть, смешав с упоминаемыми в Apoll., PPE, 50 сл., махелонами, жившими на кавказском берегу, рядом с гетюхами См., однако, Luc., Tox., 47].

ОПИСАНИЕ ЭЛЛАДЫ

(ΠΕΡΙΓΓΗΣ ΤΗΣ ΕΛΛΑΔΟΣ)

I, 21, 5 ... Здесь (т. е. в святилище Асклепия в Афинах), кроме других даров, посвящен сарматский панцырь. Взглянув на него, можно сказать, что варвары способны к искусствам ничуть не менее эллинов. У савроматов¹ нет железа, ни добываемого ими самими, ни привозного²; ибо они менее всех местных варваров вступают в сношения с иностранцами. Но они нашли способ восполнить этот недостаток: на копьях у них костяные острия вместо железных, луки и стрелы деревянные, а наконечники стрел также костяные³; на попавшихся им врагов они накидывают арканы и *затем*, повернув лошадей, опрокидывают попавшихся в арканы. Панцыри делают они следующим образом: каждый из них держит много лошадей, так как земля их не разделена на участки и ничего не производит, кроме дикой растительности, так как они ведут кочевой образ жизни. Лошадей они употребляют не только для войны, но и приносят в жертву туземным богам и употребляют в пищу⁴. Их копыта они собирают, очищают, разрезают и делают из них нечто вроде змеиной чешуи. Кому не случалось еще видеть змеи, тот, наверное, видал еще зеленые сосновые шишки: итак, с бороздками, виднеющимися на сосновой шишке, можно, пожалуй, безошибочно сравнить то, что делается из копыт; эти пластинки они просверливают, сшивают лошадиными и бычачьими жилами и употребляют в качестве панцырей, которые ни красотой, ни крепостью не уступают эллинским⁵: они выдерживают даже удары копий и мечей в рукопашном бою.

I, 24, 6. ...Аристей Проконесский говорит в своей поэме, что грипы⁶ сражаются за золото с аримаспами, *живущими* выше исседонов, и что золото, которое стерегут грипы, производит земля; аримаспы, *по его словам*, — все одноглазые от рождения, а грипы — звери, похожие на львов, но с крыльями и орлиным клювом.

I, 31, 2. В Прасиях⁷ есть храм Аполлона; сюда приносятся, говорят, на-

¹ [Имена «сарматы» и «савроматы» для Павсания, так же как и для многих других авторов эллинистическо-римского времени (ср., например, A p p., Mithr., 15, 41) синонимичны].

² [В действительности железо широко засвидетельствовано в восточноевропейских странах, т. е. не только у племен Причерноморья, но и в областях, тяготеющих к Балтике и Белому морю на рубеже II—I тысячелетий до н. э. См. Ю. В. Готье, *Очерки истории материальной культуры Восточной Европы*, I, 1925, стр. 134 сл.].

³ [Костяные наконечники копий в сарматских курганах до чрезвычайности редки (встречаются костяные футляры для железных наконечников), костяные наконечники стрел известны чаще, но и они являются редкостью по сравнению с бронзовыми и железными. Бедность металла и обилие костяных наконечников копий и стрел более характерны для культуры племен средней и северной полосы Восточной Европы второй половины I тысячелетия до н. э. (так называемые Дьяковская и Апаньинская культуры). См. А. В. Арциховский, *Введение в археологию*, 1947, стр. 71 сл.].

⁴ [О жертвоприношениях коней в Скифии и на Кавказе см. Нег., IV, 62; Xen., Anab., IV, 5, 35 сл. О поедании скифами конины см. курьезный анекдот у P i n d., fr., 203].

⁵ [Сарматские чешуйчатые панцыри из роговых, костяных или бронзовых пластинок засвидетельствованы археологически неоднократно, см. E. M i n n s, *Scythians and Greeks*, стр. 234, рис. 131].

⁶ [Иначе грифы или грифоны — крылатые чудовища с львиным туловищем и орлиной головой, были излюбленным мотивом изображений и орнаментики в переднеазиатском, скифо-сарматском и греческом искусстве. См. Б. В. Фармаковский, *Архангелский период в России*, МАР, 1909, вып. 37].

⁷ [Дем в Аттике, на юго-восточном берегу, близ Коронейского мыса].

чатки от гипербореев: гипербореи передают их аримаспам, аримаспы — исседонам, от них скифы привозят их в Синопу, отсюда они несутся эллинами в Прасии, *наконец*, афиняне перевозят их на Делос; начатки эти спрятаны в пшеничной соломе и никому не известны.

I, 32, 1. Горы у афинян — Пентелик... Парнес... и Гиметт, доставляющий наилучший корм для пчел после Алазонской земли. У алазонов обычно и пчелы отпускаются на луга вместе с другими животными, и их не держат запертыми в ульях.

I, 43, 1 ...Я знаю, что, по словам Гесиода в «Каталоге женщин», Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатой. Согласно с этим Геродот пишет, что тавры¹, живущие в соседстве со Скифией, приносят потерпевших кораблекрушение в жертву деве² и эту деву называют Ифигенией, дочерью Агамемнона.

II, 3, 10. Эвмел говорит, что Гелиос дал Алсею Асопскую область, а Ээту — Эфирскую, и что Ээт перед отъездом в Колхиду поручил свою землю Буну³...

III, 16, 7. Местность, называемая Лимнеем⁴, посвящена Артемиде Ортии. Деревянная ее статуя, говорят, — та самая, которую некогда Орест и Ифигения выкрали из Таврики⁵; лакедемоняне говорят, что *статуя* была привезена в их землю, потому что Орест царствовал и там. И мне кажется, что их предание правдоподобнее афинского⁶; в самом деле, на каком основании Ифигения оставила бы статую в Бравроне?... Имя таврической богини по настоящее время остается до такой степени знаменитым, что из-за нее спорят живущие у Эвксинского Понта каппадокийцы; *утверждая*, что статуя находится у них, спорят также и те лидийцы, у которых есть святилище Артемиды Анеитиды... [В Спарте] за статуей от приносившихся ей в Таврике [человеческих] жертвоприношений оставалось свойство наслаждаться человеческой кровью.

III, 19, 7 ...Из всех храмов, построенных по этой дороге⁷, самым древним является святилище Ареса, стоящее на левой стороне дороги; статую, говорят, привезли *сюда* Диоскуры из Колхиды⁸. Ареса называют *здесь* Теритом от Теро, которая считается кормилицей Ареса. Очень может быть, что название Терита заимствовано от колхов, так как эллины не знают аресовой кормилицы Теро; мне кажется, однако, что прозвание «Терит» [т. е. зверский] дано Аресу не от кормилицы, а потому, что, выступив в бой, нельзя иметь чувства кротости к врагу, подобно тому, как у Гомера сказано об Ахилле: «как лев, о свирепствах лишь мыслит»⁹.

III, 19, 11. Я приведу здесь рассказ об Елене, передаваемый, как мне известно, кротонцами и подтверждаемый гимерийцами. Есть в Эвксинском Понте против устьев Истра посвященный Ахиллу остров, называемый Белым (Λευκός) и имеющий в окружности двадцать стадиев; он весь покрыт густым лесом и наполнен дикими и ручными животными; на нем находится храм Ахилла с его статуей. Первым, как рассказывают, посетил этот

¹ Нег., IV, 103.

² [О культе богини-девы в Херсонесе в Крыму и об отождествлении этой богини с Артемидой и Ифигенией, см. Stabo, VII, 4, 2 и прим.].

³ См. выше Е и m., Соч., fr. 2; схол. к P i n d., Ol., XIII, 74.

⁴ В Спарте.

⁵ [Об этой легенде см. подробнее Е и г., Iph. Тауг., 1446 сл.].

⁶ [Аттическое предание, изложенное у Е и г., Iph. Тауг., 1446 сл., состояло в том, что статуя Артемиды была перевезена в Браврон в Аттике и помещена в находившемся там храме Артемиды].

⁷ Ведущей из Спарты в Терапну.

⁸ [Диоскуры считались участниками похода аргонавтов. О святилищах Ареса в Колхиде, откуда, по преданию, происходила статуя, см. A p o l l. R h o d., II, 1265 сл. и прим.].

⁹ Н о m., II., XXIV, 41 (перевод Гнедича).

остров кротонец Леоним¹. *Дело было так*: когда у кротонцев завязалась война с италийскими Локрами и последние по родству с *Локрами* Опунтскими призывали на помощь в сражениях Аянта, сына Оилеева, то Леоним, предводительствовавший кротонцами, напал на врагов с той стороны, где, как он слышал, стоял пред ними Аянт. Тут он был ранен в грудь и, страдая от раны, прибыл в Дельфы; но пифия послала его на Белый остров, сказав, что там явится ему Аянт и исцелит рану. Впоследствии *Леоним*, возвратившись с Белого *острова* исцеленным, рассказывал, что видел Ахилла, Аянта Оилеева и *Аянта Теламонова* и что с ними были Патрокл и Антилох; что Елена живет с Ахиллом и велела ему [т. е. Леониму] ехать в Гимеру к Стесихору и объявить *ему*, что он лишился зрения вследствие гнева Елены. Стесихор по этому случаю сочинил «Палинодию».

III, 24, 7. Между развалинами [города Ласа в Лаконике] есть святилище Афины, по прозвищу Асийской; построенное, по преданию, Полидеком и Кастором по возвращении из Колхиды, ибо у колхов тоже было святилище Афины Асийской. Об участии сыновей Тиндарея в походе Язона я знаю *наверное*, а о почитании Афины Асийской у колхов² пишу на основании сообщения жителей Ласа.

IV, 34, 12. ...В эллинских реках не водятся опасные для людей чудовища, как в Инде и египетском Ниле, кроме того в Рейне, Истре, Евфрате и Фасисе: там водятся животные, чрезвычайно падкие до человеческого мяса, по виду похожие на германских и меандрских сомов за исключением более черного цвета и силы, — в этом сомы им уступают.

IV, 35, 12. ...Геродот, как известно, говорит, что в *реку* Гипанис впадает источник горькой воды. Как же нам не верить справедливости этого свидетельства, когда и в наше время в тирренской Дикеархии известен теплый источник, до такой степени едкий, что, протекая через свинцовые трубы, в течение немногих лет растворил *этот* свинец.

V, 7, 7. ...Говорят, что дикая маслина принесена в Элладу Гераклом из земли гипербореев, народа, живущего выше ветра Борея. Ликиец Олен в гимне в честь Ахеи первый сочинил, что Ахея прибыла на остров Делос из земли этих гипербореев. Затем Меланоп Кимейский в песне в честь Опис и Гекаерги *говорил*, что они прибыли от гипербореев на Делос еще раньше Ахеи. Но Аристей Проконнеский, который также упоминает о гиперборейях, может быть, имел о них более подробные сведения от исседонов, о путешествии к которым он говорит в *своей поэме*.

V, 14, 6. ...Про Геракла рассказывают и то, что он, убив орла, который на Кавказе мучил Прометея, и самого Прометея освободил из оков.

VIII, 28, 2. ...*Реки* Истр, Рейн, Гипанис, Борисфен и вообще такие, которые замерзают в зимнее время, по моему мнению, правильно было бы называть холодными: они текут по землям, большую часть времени покрытым снегом, и самый воздух, их окружающий, наполнен холодом...

VIII, 43, 6. Антонин второй³ наказал и германцев, самое воинственное и многочисленное из варварских племен в Европе, и народ савроматский, ибо они первые начали войну и обиды.

¹ [Автолеонт у Соп., Fab., 18, где передается версия, близкая изложенной у Павсания].

² [Култ Афины (которую в Греции должны были называть Асийской) засвидетельствован в местечке Афинах (современная Атина) на черноморском берегу Малой Азии к востоку от Трапезунта, у границ Колхиды. См. Агг., РРЕ, 6].

³ [Имеется в виду римский император Марк Аврелий Антонин (161—180 гг. н. э.), ведший войны с маркоманнами, даками и сарматами, которых Павсаний называет савроматами].

IX, 34, 8. ...Впоследствии, когда возвратился из Колхиды, по одним, сам Фрикс, а по другим—Пресбон, сын Фрикса от дочери Ээта¹, то сыновья Терсандра предоставили Атаманту и его потомкам владеть домом Атаманта, а сами... сделались основателями Галиарта и Коронеи.

X, 5, 7. ...Местная [т. е. дельфийская] уроженка Био² (Βοίω), сочинившая гимн дельфийцам, говорит, что прорицание в [Дельфах] устроили для бога пришельцы из страны гипербореев, Олен и другие; Олен был, по ее словам, и первым прорицателем и первый изобрел гексаметр. Био пишет следующим образом:

Здесь устроили добропамятное прорицалище сыны гипербореев Пагас и дивный Агией.

Перечислив затем остальных гипербореев, поэтесса в конце гимна называет Олена:

*И Олен, который был первым пророком Феба
и первый из древних сочинил эпическую песнь.*

КЛАВДИЙ ПТОЛЕМЕЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

(ΓΕΩΓΡΑΦΙΚΗ ΥΦΗΓΗΣΙΣ)

Клавдий Птолемей, по свидетельству Свида, был современником римского императора Марка Аврелия (161—180 гг. н. э.).

«География» Птолемея является выражением космографических и географических идей, восходящих к Эратосфену и Гиппарху. Птолемей, идя по стопам своего ученого предшественника Марина Тирского (II в. н. э.), предпринял нанесение на градусную сетку известных ему географических пунктов (населенных мест, рек, озер, горных хребтов и т. д.). Однако при чрезвычайной редкости астрономических данных для определения географических координат, имевшихся лишь в отношении Александрии, Рима и некоторых других пунктов, Птолемей устанавливал эти координаты на основании расчетов расстояний (от астрономически определенных пунктов), приведенных в периплах периегесов и римских официальных административно-географических справочниках. Ошибки в определении некоторых кардинальных расстояний, в частности—длины Средиземного моря, отразились на результатах работы Птолемея и вызвали те искажения, какие приобретает карта, построенная на предложенных им данных. К этим просчетам присоединяются несоответствия, имевшие место при нанесении на градусную сетку пунктов, расположенных на извилистой береговой линии, и т. п.

Несмотря на все подобные промахи, труд Птолемея совершенно своеобразен и замечателен по сравнению с дошедшими до нас из древности географическими сочинениями как по научным принципам, положенным в его основу, так и по чрезвычайно обилию представленной в нем географической номенклатуры мест и племен, зачастую только у него и названных. Птолемея номенклатура в особенности оригинальна для менее изученных в древности областей Сарматии и Кавказа.

Изучение труда Птолемея в современной науке находится еще далеко от своего завершения. Поскольку его номенклатура поддается истолкованию, в ней можно уловить наличие нескольких хронологических напластований, причем имена, доступные проверке по значительно более древним авторам (Геродоту, Ксенофону), присутствуют у Птолемея нередко в искаженном виде.

Являясь, следовательно, компендием, составленным из разновременных данных, «География» Птолемея, тем не менее, позволяет отчетливо судить о состоянии географической осведомленности и о проницковении греческих и римских торговцев в глубь варварских стран во II в. н. э.

То обстоятельство, что труд Птолемея основывается на периплах и итинерариях, позволяет, поскольку эти источники поддаются восстановлению, проследить направление некоторых торговых путей.

¹ [Другую версию о потомстве Фрикса и дочери царя Колхиды Ээта Халкиопы см. A p o l l. R h o d., II, 1140 сл.].

² О поэтессе Βοίω, упоминаемой у P a u s., X, 5, 7, с отрывками из стихотворений см. R E, s. v. Βοίω.

См. Ф. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, 1899, стр. 69, сл.; Ю. Кулаковский, Карта Европейской Сарматии по Птолемею, 1899; М. Ростовцев, Скифия и Боспор, I, 1925, стр. 73 сл.; O. Cuntz, Die Geographie des Ptolemaeus, 1923, стр. 96 сл.].

Текст: Cl. Ptolemaei Geographiae libri octo Graece et Latine ad codicum mss. fidem ed. Dr. Frid. G. Willeberg, socio adiuncto Car. F. Grashofio, fasc. I—VI (ll. I—VI), Essendiae, 1838—1845. Для VII и VIII книг—ed. Nobbe, Lips., 1845. Текст III книги везде сличен с более новым изданием: Cl. Ptolemaei Geographiae e codd. recognovit Car. Müllerus, т. I, ч. 1 (Paris, Firmin Didot, 1883). Из него заимствовано и обозначение параграфов в этой книге, а в V и следующих—из издания Nobbe [Текст V и VI книги везде сличен с изданием Müller'a, т. I, ч. 2, Paris, Firmin Didot, 1892].

Перевод И. И. Цветкова (книга III), И. И. Прозорова (книга V)
и А. И. Маленна (книги VII и VIII)

КНИГА III, ГЛАВА 5

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ

ЕВРОПЫ КАРТА VIII

1. Европейская Сарматия¹ ограничивается на севере Сарматским океаном² по Венедскому заливу³ и частью неизвестной земли. Описание такое: за устьем реки Вистулы⁴, которое находится под 45° долготы—56° широты следует

устье реки Хрона ⁵ под	50° —56°
устье реки Рубона ⁶ под	53° —57°
устье реки Турунта ⁷ под	56°30' —58°30'
устье реки Хесина ⁸ под	58°30' —59°30'

Береговая линия, которая составляет конец известного моря, по параллели, проходящей через Туле⁹, находится под 62°—63°.

¹ [Понятие Сарматии, лишь приблизительно соответствующее понятию Скифии эпохи Геродота, установилось к началу н. э. (впервые упоминается у Ротм. Мела, II, 4). Ср. Demelz. prov., GLM, стр. 11, где Сарматия ограничивается с востока горами Тавра (Урала), с запада рекой Борисфеном, с севера Океаном (Балтийским морем), а с юга—провинцией Понтом, включая в себя, таким образом, всю восточноевропейскую равнину и Кавказ. Разделение Сарматии на Европейскую и Азиатскую впервые отмечается у Птолемея].

² [Сарматскому океану соответствует Балтийское море, именовавшееся ранее Скифским или Амальхийским океаном (ср. Нос. Adb., fr. 6a; Plin., NH, IV, 27)].

³ [Венедскому заливу Птолемея соответствует часть Балтийского моря у Рижского залива (и самый залив), побережье которого было заселено племенами венедов, вельтов и др. (ср. С. Müller, Ptol. Geogr., I, 1 стр. 412)].

⁴ [Современная Висла].

⁵ [Cronius у Amm. Marc., XXII, 8, 38; отождествляется с современной рекой Преглус (см. Ю. Кулаковский, Карта Европейской Сарматии по Птолемею, 1899, стр. 19). Müller, ibid., отождествляет ее с рекой Неманом, у устья которой находится местечко Кроник. Ср. также Ф. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений I, 1899, стр. 47 сл.].

⁶ [Эта река, наименование которой возникло, быть может, по ассоциации с Роданом—Эриданом (Рона—Рейн), ср. Arrol. Rhod., IV, 627; отождествляется с современным Неманом, см. Кулаковский, ibid., стр. 19].

⁷ [Отождествляется с рекой Виндавой; ср. Müller, ibid., и Кулаковский, ibid., стр. 19].

⁸ [По своему положению соответствует Западной Двине. По Müller'у, ibid., отождествляется с рекой Пернов].

⁹ [Туле Птолемея отождествляется с северной частью Британии (Шотландией). См. Ю. Кулаковский, ibid., стр. 11].

Предел же Сарматии по меридиану, проведенному через истоки реки Танаиса¹, находится под 64°—63°.

С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой, частью Германии, лежащей между ее истоками и Сарматскими горами², и самими горами, о положении которых уже сказано.

Южную границу составляют: язиги-метанасты³ от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата, которая находится под 46°—48°30', и соседняя Дакия около той же параллели до устья реки Борисфена, и далее береговая линия Понта до реки Каркинита. Положение этой береговой линии таково:

2. Устья реки Борисфена ⁴	57°30'—48°30'
устье реки Гипаниса ⁵	58° —48°30'
Роща Гекаты, мыс ⁶	58°30'—47°30'
перешеек Ахиллова бега ⁷	59° — 47°40'
западный мыс Ахиллова бега, который называется Священный мыс ⁸	57°50'—47°30'
восточный мыс, называющийся Мисаридой (κλιεῖται Μισαρῖς) ⁹	59°45'—47°30'
Кефалонес ¹⁰	59°45'—47°50'
Прекрасная (гавань) ¹¹	59°30'—47°45'
Тамирака ¹²	59°20'—48°30'
устье реки Каркинита	59°40'—48°30'

За этим устьем следует перешеек¹³, отделяющий Херсонес Тавриче-

¹ [Истоки реки Танаиса (Дона) искали в древности то на западе Европы, то на Кавказе. Страбон опровергает эти мнения и указывает ее истоки на севере (XI, 2, I сл.), в чем ему следует и Птолемей].

² [Сарматские горы, положение которых определено в II, 11, 4, соответствуют среднеевропейским отрогам Карпатских гор].

³ [В эпоху Птолемея язиги-метанасты (переселенцы) занимали пространство между Дунаем и Тиссой, по соседству с даками].

⁴ [Совместное устье Борисфена и Гипаниса (Днепра и Буга) подробнее всего описано у Strabo, VII, 3, 17].

⁵ [Птолемей показывает устье реки Гипаниса не к западу (как оно есть на самом деле), а ошибочно, на полградуса к востоку от устья реки Борисфена].

⁶ [Роща Гекаты, как именуемое рощей священное место, посвященное Ахиллу, упоминается у Strabo, VII, 3, 19; она же, быть может, частично идентична с геродотовой Гилеей (IV, 18)].

⁷ [Имеется в виду (в западной части ныне размытый) перешеек косы Тендеровской, расположенной к востоку от устья Днепра и в древности имевшей, видимо, значительные размеры—1200 стадиев по Anon., PPE, 84].

⁸ [Anon., PPE, 84, отождествляет Священный мыс Ахиллова бега с Рощей Гекаты].

⁹ Μισαρῖς обычно Nysaris (так) [Μισαρῖς ed. Arg. Müllerer полагает, сопоставляя со Strabo, VII, 3, 19, что слова κλιεῖται Μισαρῖς должно изменить в κλιεῖται Ταμωραῖς; но этой конъектуре препятствует то, что Птолемей ниже упоминает Ταμωραῖς [мыс Мисарида у других авторов не засвидетельствован].

¹⁰ [Упомянут в качестве острова у Plin., NH, IV, 93; Amm. Marcell., XXII, 8, 40; ср. также Strabo, VII, 4, 1. Может быть отождествлен с островом Каробай при устье реки Каланчак].

¹¹ [О положении Прекрасной гавани (Καλὸς λιμήν), ошибочно перенесенной Птолемеем на значительное расстояние к западу, см. прим. к Strabo, VII, 4, 2].

¹² [Этот пункт, в действительности расположенный на восточном конце Ахиллова бега (см. Strabo, VII, 3, 19; ср., однако, Latyshev, IOSPE, II, карта № 2), также ошибочно локализован Птолемеем].

¹³ [Имеется в виду Перекопский перешеек].

ский¹; береговая его линия у Каркинитского залива находится под 60°20'—48°20', а у озера Бики²—под 60°30'—48°30'.

3. Восточную границу Сарматии составляют: перешеек от реки Каркинита, озеро Бика, береговая линия Меотийского озера до реки Танаиса, самая река Танаис, наконец меридиан, идущий от истоков Танаиса к неизвестной земле до вышесказанного предела³.

4. Эта сторона *Сарматии* имеет такое описание: за перешейком, находящимся у реки Каркинита, следует у Меотийского озера

Новая крепость ⁴	60°30'—48°40'
устье реки Паснака ⁵	60°20'—48°50'
город Лиан ⁶	60° —49°15'
устье реки Бика	60°20'—49°30'
город Акра ⁷	60°30'—49°40'
устье реки Гerra	61° —49°50'
город Кремны ⁸	62°30'—49°45'
мыс Агар ⁹	63° —49°40'
устье реки Агара ¹⁰	62°30'—50°30'
роща, Рыболовля Бога ¹¹	62°40'—51°15'
устье реки Лика ¹²	63° —51°50'
город Гигрей ¹³	63°30'—52°30'
устье реки Порита ¹⁴	64°30'—53°
деревня Кария (Καροία) ¹⁵	65° —53°30'

¹ [От Сарматии].

² [На основании слов П л и н и я (NH, IV, 84), связывающего озеро Бику (Bugec) с Каркинитским заливом, а задней стороной с Меотидой, озеро это должно быть отождествлено с Сивашем].

³ [Собственно, к востоку от него].

⁴ [По своему наименованию пункт этот должен быть сближен с Неаполисом других авторов (S t r a b o, VII, 4, 7) и надписей (IOSPE, I, стр. 214 сл.) и локализован близ города Симферополя в Крыму].

⁵ [Это наименование, не засвидетельствованное другими авторами, М ю л л е р (Ptol. Geogr., I, стр. 416), изменяет на «Аксиака» соответственно чтению некоторых рукописей и ввиду отождествления его с речкой Ашиш-Утлук. Ср. Ф. Б р а у н, *ibid.*, стр. 225].

⁶ [Этот отсутствующий у других авторов пункт Б р а у н (*ibid.*, стр. 225) локализует у современного Геническа].

⁷ [Локализуется у местечка Горелая, расположенного на обрывистом берегу, в восточной части Утлукского лимана].

⁸ [Этот пункт, упомянутый у Н е г. (IV, 110) в качестве эмпория на берегу Меотиды, локализуется у современного Ногайска на речке Обычной].

⁹ [Это наименование связывается с именем племени агаров (A p p., Mithr., 88) и с именем скифского царя Агара, упомянутого у D i o d., XX, 24, 3. Ср. также D i o d., III, 1, где упоминается местность Агария].

¹⁰ [Отождествляется с речкой Берда, впадающей у современного Бердянска].

¹¹ M ü l l e r, *ibid.*, стр. 418, отождествляет эти наименования с современным Белым Сараем].

¹² [По положению своему может быть отождествлена с речкой Кальмиусом. См. К у л а к о в с к и й, *ibid.*, стр. 19].

¹³ [Наименование этого пункта, локализуемого по положению у реки Кривой, перекликается с наименованием реки Гиргис или Сиргис, засвидетельствованным у Н е г., IV, 123].

¹⁴ [Отождествляется с рекой Миус; К у л а к о в с к и й, *ibid.*, стр. 19].

¹⁵ [Пункт под близким этому наименованием, также связываемый с карийской (милетской) колонизацией, упоминается на западном берегу Черного моря у A g g., PPE, 35].

западное устье реки Танаиса ¹	66°20'—54°10'
восточное устье	67° —54°30'
поворот реки ²	72°30'—56°
истоки реки ³	64° —58°

За ними вышесказанный предел неизвестной земли, находящийся под 64°—63°.

5. Сарматия пересекают и другие горы [кроме Сарматских], между которыми называются:

Певка гора ⁴	51° —51°
Амадокские горы ⁵	55° —51°
гора Бодин ⁶	58° —55°
горы Аланские ⁷	62°30'—55°
горы Карпатские, как сказано	46° —48°30'
Венедские горы ⁸	47°30'—55°
Рипейские горы ⁹ , середина коих	63° —57°30'

6. Часть реки Борисфена у озера Амадоки¹⁰ лежит под 53°30'—50°20', а самый северный исток реки Борисфена под 52°—53°.

Из рек, текущих ниже Борисфена, река Тира¹¹ отделяет части Дакии и Сарматии, начиная от поворота, находящегося под 53°—48°30', до конца под 49°30'—48°30'.

¹ [Ср. описание устья реки Танаиса (Дона) у S t r a b o, XI, 2, 2].

² [Речь идет о большой излучине реки Дона у города Калача].

³ [Истоки Дона, большинством древних авторов указываемые в Рипейских горах, помещены Птолемеем значительно севернее этих гор (по его локализации). Ср. также выше прим. к III, 5, 1.

⁴ [Наименование, связавшее с именем племени певкинов (бастарнов—ср. S t r a b o, VII, 3, 15) и прилагаемое Птолемеем к восточным отрогам Карпат].

⁵ [Эти горы, помещаемые к западу от среднего течения реки Днепра и связанные с фракийского происхождения наименованием племени амадоков, города и озера Амадоки, реально могут соответствовать лишь северо-восточному краю Волынского-Подольской возвышенности].

⁶ [Это наименование связывается с упоминаемым у P t o l., III, 5, 10, именем племени бодинов, которых трудно оторвать от геродотовых будинов. T o m a s c h e k, RE, V, 592, видит в нем славянское «водины», т. е. люди, живущие у воды; топографически оно может относиться лишь к Валдайской (или вообще среднерусской) возвышенности, хотя и трудно предполагать у Птолемея или у его источника реальное знакомство со столь отдаленными от моря областями Сарматии].

⁷ [Отождествляются с Донецким краем].

⁸ [Эти горы, помещенные Птолемеем к востоку от среднего течения реки Вислы, ассоциируются с именем венедов (вендов Тацита)—одного из наиболее древних западно-славянских племенных наименований. Отождествлены они могут быть, несмотря на их северное положение (объясняющееся указанной связью их имени с именем Венедского залива, у которого Птолемей помещает племя венедов), с северными отрогами Карпат].

⁹ [Эти горы, хотя они и локализованы Птолемеем значительно западнее, чем следовало бы, и помещены у верховьев реки Танаиса (Птолемей указывает истоки этой реки значительно далее к северу—см. § 1), —могут быть отождествлены на основании связанной с этим именем древней легендарной традиции с Уральскими горами].

¹⁰ [Должно быть отождествлено с группой озер и болот (так называемые Пинские болота) в верховьях реки Припяти].

¹¹ [Таким образом, река Тира (Днестр) составляет продолжение западной границы Сарматии, начало которой отмечено в § 1 по реке Висле и Сарматским (Карпатским) горам].

Река Аксиак¹ также протекает через Сарматия немного выше Дакии до гор Карпатских.

7. Заселяют Сарматия очень многочисленные племена: венеды—по всему Венедскому заливу; выше Дакии—певкины и басгерны²; по всему берегу Меотиды язиги³ и роксоланы⁴; далее за ними внутрь страны—гамаксоби⁵ и скифы-аланы⁶.

8. Менее значительные племена, населяющие Сарматия, *следующие*: около реки Вистулы, ниже венедов—гитоны⁷, затем финны⁸, далее сулоны⁹, ниже их—фругундионы¹⁰, затем аварины¹¹ около истоков реки Вистулы; ниже их омброны¹², далее анартофракт¹³, затем бургионы¹⁴, далее арсиеты¹⁵, сабоки¹⁶, пиенгиты¹⁷ и биессы¹⁸ возле Карпатских гор.

9. Восточнее вышесказанных племен живут: ниже венедов—галинды¹⁹,

¹ [Эту реку (у Plin., NH, IV, 82—Asiaces) Ю. Кулаковский, *ibid.*, стр. 17, отождествляет с одной из рек (по Tomaschek'у, RE, IV, 2625—Тилигул), берущих начало в отрогах Карпат и впадающих в Тилигульский лиман, ныне отделенный от моря песчаной косой].

² [О певкицах Птолемея и об их расселении см. Кулаковский, *ibid.*, стр. 21].

³ [Часть язигов под именем язигов-метанастов Птолемея локализует в Дакии (ср. выше, § 1).]

⁴ [О роксоланах, в чьем имени, по мнению некоторых новейших ученых, впервые звучит имя Русь (Рос), см. еще Orelli, *Inscr. selectae*, 750].

⁵ [Это имя, представляющее собой ученую этимологизацию какого-либо из варварских племенных наименований (напоминающее гомеровых галактофагов и гипсемолгов), встречается у авторов римского времени].

⁶ [Оттождествление аланов со скифами указывает на широкое распространение имени аланов в Причерноморских степях во II в. н. э. и на их ассимиляцию со скифосарматами].

⁷ [В этом имени, встречающемся также у Tac., *German.*, 43, и известном уже, по словам Плиния (NH, IV, 99), Питею из Массилии, хотя видеть древнейшее упоминание тевтонов или готов. Ср. Кулаковский, *ibid.*, стр. 23].

⁸ [Это племя, известное также под именем Fenni, отождествляется с позднейшими финнами; Птолемей помещает финнов в число незначительных племен, хотя они в действительности занимали обширную территорию на севере Европы].

⁹ [Ближе не известны; сопоставляются Müller'ом, *ibid.*, стр. 424 с боранами, упоминаемыми у Zos., I, 31].

¹⁰ [Сопоставляются Müller'ом, *ibid.*, с бургундами (Plin., NH, IV, 99—Burgundiones). У Agathias, V, 11, называются вместе с кутургурами, угургурами и т. д.].

¹¹ [У Plin., NH, IV, 99,—Varini, относимые к числу германских племен].

¹² [У Strabo, IV, 1, 8; Liv., *Epit.*, 68 и других авторов упоминаются под именем амбронов вместе с тевтонами в связи с событиями 113 г. до н. э.].

¹³ [Сопоставляются Müller'ом, *ibid.*, стр. 424, с упомянутыми у Caes., BG, VI, 25, анартиями, которые называются вместе с даками как часть первого из названных племен].

¹⁴ [Ближе не известны. Сопоставляются Schafarik'ом (*Slavische Altertümer*, I, стр. 207) с локализуемыми Птолемеем в Германии висбургиями (II, 11, 10)].

¹⁵ [Ближе не известны. Фонетическое наименование их может быть сопоставлено с названием пункта Арисква (Ptol., II, 11, 14) в Германии, хотя Tomaschek (RE, III, 1277) считает их даками, а Schafarik (*ibid.*, I, стр. 206)—славянами].

¹⁶ [Ближе не известны. Могут быть сопоставлены с кистобокками, на основании чего Tomaschek (RE, III, 1277) считает их даками (см. ниже, § 9)].

¹⁷ [Это имя Schafarik (*ibid.*, стр. 207) сопоставляет с позднейшими наименованиями Пина (приток Припяти) и Пинск].

¹⁸ [Должны быть признаны идентичными биефам, называемым Птолемеем (III, 8, 3) в Дакии, локализуются Schafarik'ом, *ibid.*, стр. 208, как часть только что названного племени, у местечка Biesz в Галиции].

¹⁹ [Быть может, голядь русской летописи (под 1058 г.). См. Кулаковский, *ibid.*, стр. 23; по Kiessling'у, RE, VII, 606,—племя славянского происхождения].

судины¹ и ставаны² до аланов; ниже их—игиллионы³, затем кистобоки⁴ и трансмонтаны⁵ [загоры] до Певкинских гор.

10. Затем побережье океана у Венедского залива занимают вельты⁶, выше их—оссии⁷, затем—самые северные—карбоны, восточнее их—кареоты⁸ и салы⁹; ниже этих—гелоны¹⁰, гиппоподы¹¹ и меланхлены¹², ниже их—агаф ирсы, затем аорсы и пагириты¹³, ниже их—савары¹⁴ и боруски¹⁵ до Рипейских гор; затем—акибы¹⁶ и наски¹⁷, ниже их—вибионы и идры; ниже вибионов до аланов стурны, а между аланами и гамаксобиями—карионы¹⁸ и саргати¹⁹; у поворота реки Танаиса—офлоны и танаиты, за ними—осилы²⁰

¹ [У других авторов не упоминаются. По *Kießlingy*, RE, VII, 606—славянского происхождения. Ср., однако, *Frankе*, RE, VII, 2, 563 сл.; *Кулаковск и й*, *ibid.*, стр. 23, связывает их с позднейшей Судавией в Восточной Пруссии].

² [Имя сопоставляется с именами «словени», «славени». См. *Schafarik*, *ibid.*, I, стр. 208].

³ [Ближе не известны. Может быть, наименование это следует сопоставить с язвингами, упомянутыми у *Iord.*, 23].

⁴ [У *Plin.*, NH, VI, 19, под именем котабоков названы в числе сарматских племен у реки Танаиса. *Атт. Марс.*, XXII, 8 упоминает о них наряду с аланами. У границ Дакии их помещает *Dio*, LXXI, 12. См. о них *Ф. Браун*, *ibid.*, 146 сл.].

⁵ [Вероятно, соответствуют трансюгитанам у *Атт. Марс.*, XVII, 12, 12, и локализируются в современной Трансильвании. Шафарик сопоставляет их с загарами, упомянутыми у *Eust.* к *Dion. Пер.*, 302, понимая последних как «загоры», т. е. живущие за горами. Ср., однако, *Ф. Браун*, *ibid.*, стр. 163 сл.].

⁶ [Имя это *Schafarik*, *ibid.*, II, стр. 555, сопоставляет с позднейшим названием Вильна].

⁷ [Упомянуты у *Plin.*, NH, XXXVII, 39, и локализируются на острове Эзеле (*Osi-liae insulae*)].

⁸ [Ближе не известны. Фонетически могут быть сопоставлены с каратами, скифским племенем, локализуемым *Птолемеем* (VI, 13), на реке Яксарт].

⁹ [Наименование этого племени *Schafarik*, *ibid.*, I, стр. 302, сопоставляет с именем реки Салы, впадающей в Рижский залив. С другой стороны, напрашивается сопоставление с племенем спалы, упомянутым у *Plin.*, VI, 22, и у *Iord.*, 4, и локализуемым на реке Танаисе. Еще более интересны салы у *Plin.*, VI, 14, локализованные в Колхиде и отождествляемые со страбоновыми фтирофагами (XI, 2, 1). Для этого последнего отождествления небезынтересно соседство с ними гелонов (ср. *ВДИ*, 1947, № 4, стр. 209)].

¹⁰ [О гелонах, упомянутых *Рс. - Ссыл.*, 80, на Кавказе, а по более поздним свидетельствам локализуемых между Доном и Волгой, см. подробно *Нер.*, IV, 108 сл., по словам которого имя их у греческих авторов покрывало также и будинов].

¹¹ [Это племя, локализуемое первоначально (*Dion. Пер.*, 310) в Скифии, переносится затем на острова Северного океана (*Plin.*, NH, IV, 95)].

¹² [Упомянутые *Рс. - Ссыл.*, 79, вместе с гелонами на Кавказе, это племя локализуется другими авторами на севере Скифии. Наиболее подробно о нем см. *Нер.*, IV, 20. У *Птолемея* упомянуты дважды, см. еще V, 8].

¹³ [Отождествляются с эпигиритами, локализуемыми у *Plin.*, VI, 16 на Северном Кавказе].

¹⁴ [Сопоставляются *Schafarik*'ом, *ibid.*, I, 212, с северянами и локализируются к северу от Чернигова].

¹⁵ [Отождествляются *Müller*'ом, *ibid.*, I, стр. 429, с робасками, упомянутыми у *Ptol.*, VI, 14 на севере Европы. *Schafarik* видит отзвук этого имени в наименовании города Боровска (I, 212)].

¹⁶ [Быть может, должны быть сопоставлены с племенем *Accisi* у *Plin.*, NH, VI, 21].

¹⁷ [Среди племен, живущих по реке Танаису, у *Plin.*, NH, VI, 19, упоминаются также *Наевасе*, имеющие, быть может, нечто общее с насками *Птолемея*].

¹⁸ [Сопоставляются с упомянутыми у *Plin.*, VI, 22, каронами, перешедшими на западный берег Танаиса].

¹⁹ [Сопоставляются с саргатиями у *Нер.*, I, 125, и упоминаются у *Ptol.*, VI, 2, в описании Мидии. *Schafarik* слышит отзвук этого имени в наименовании города Сергача (*ibid.*, I, стр. 303)].

²⁰ [Сопоставляются с *ансилами*, кавказским племенем, именованным у *Steph.* Вуз.; с. в. *'Αψίλαι*].

до роксолан; между гамаксобиями и роксоланами—ревканалы¹ и эксоби-гиты²; затем между певкинами и бастернами—карпианы³, выше них—гевин-ны⁴, далее бодины⁵. Между бастернами и роксоланами живут хуны⁶, а ниже соименных гор амадоки и навары⁷.

11. Возле озера Бики живут тореккады⁸, а по Ахиллову бегу—тавро-скифы; ниже бастернов около Дакии —тагры, а ниже их —тирагеты.

12. Ниже поворота реки Танаиса расположены:

Александровы алтари ⁹ под	63° —57°
Кесаревы алтари ¹⁰	68° —56°30'

и между устьями лежит город Танаис 67°—54° 30'.

13. Внутри страны в речных долинах лежат города: по реке Кар-киниту:

Каркина город ¹¹	59°30'—48°45'
Торокка ¹²	58°30'—49°
Пасирида ¹³	58°30'—49°10'
Эркаб ¹⁴	58°30'—49°15'
Тракана ¹⁵	58°30'—49°45'
Навар ¹⁶	58°30'—50°

14. По реке Борисфену:

Азагарий ¹⁷	56° —50°40'
------------------------	-------------

¹ [Ближе не известны; вероятно, должны быть сопоставлены с роксоланами (ревк-синалами) декрета в честь Диофанта, IOSPE, I, 185].

² [Сопоставляются с наименованием озера и реки Биг (Буг); выше, § 2].

³ [Сопоставляются с карпидами у А н о н., PPE, 480, и с карпами многих поздней-ших авторов (J u l. H o n o r., p. 40), локализуемыми на нижнем Дунае; см. Ф. Б р а у н, ibid., стр. 175].

⁴ [M ü l l e r видит в этом наименовании испорченное ими гелонов (ibid., I, 1, стр. 431)].

⁵ [Сопоставляются с будинами у Н е г., IV, 109, см. о них выше, § 5, при упоми-нании о горе Бодин].

⁶ [Это место представляет собой наиболее раннее упоминание о тюркском племени гуннов (с которыми сопоставляется это имя, ср. К у л а к о в с к и й, ibid., стр. 24) в Европе. Ср. также тюркское наименование реки Урал (Δαξ) у P t o l., VI, 14, 20].

⁷ [Сопоставляются с неврами у Н е г., IV, 17, а также с наименованием пункта Наварум (ниже, § 13) и Наварис в Азиатской Сарматии (P t o l., V, 8)].

⁸ [Ближе не известны. M ü l l e r, ibid., стр. 431, сопоставляет их с упомянутыми у P l i n., NH, IV, 89, эноэкадиями и относит к ним нижеазванный пункт Торокку].

⁹ [Подобные алтари (P l i n., NH, VI, 49) упоминаются в Индии и на реке Яксарте. Как полагает T o m a s h e k, RE, II, 1463, они упомянуты здесь вследствие совме-щения представлений о Яксарте и Танаисе].

¹⁰ [Об алтаре, посвященном императору Августу при устье реки Борисфена, упо-минает A m m. M a g s., XXII, 8, 40].

¹¹ [Ср. выше, § 2; локализуется при устье реки Каланчак (ср. RE, XI, 470). Ср., однако, Ф. Б р а у н, ibid., стр. 222].

¹² [Фонетически должна быть сопоставлена с упомянутыми выше торрекадами, локализуется Б р а у н о м, ibid., стр. 222, у села Торгаевки по реке Каланчаку].

¹³ [В этом наименовании следует видеть отголосок исчезнувшего у Птолемея наи-менования геродотовой реки Гипакири, идентичной реке Каркиниту (современный Каланчак); P l i n., NH, IV, 84].

¹⁴ [Локализуется Ф. Б р а у н о м, ibid., стр. 223, у села Нижние Серогозы, из-вестного своим курганным некрополем].

¹⁵ [Ближе не известна. Локализуется у села Большая Белозерка; Ф. Б р а у н, ibid., стр. 223].

¹⁶ [Упоминается у P l i n., NH, IV, 84; по расчету M ü l l e r'a, ibid., стр. 432, локализуется у современной Лепетихи; по Ф. Б р а у н у, ibid., стр. 223, у села Балки на реке Конке].

¹⁷ [Ближе не известен. T o m a s h e k, RE, IV, 2637, локализует этот пункт пред-положительно у днепровских порогов. Ср. К у л а к о в с к и й, ibid., стр. 29].

Амадока ¹	56° — 50°30'
Сар ²	56° — 50°15'
Серим ³	57° — 50°
Метрополь ⁴	56°30' — 49°30'
Ольвия или Борисфен	57° — 49°

Выше реки Аксимака:

Ордесс	57° — 48°30'
--------	--------------

15. По рукаву⁵ Борисена:

Ленин город ⁶	54° — 50°15'
Сарбак ⁷	55° — 50°
Ниосс ⁸	56° — 49°40'

Выше реки Тиры около Дакии:

Карродун ⁹	49°30' — 48°40'
Метоний ¹⁰	51° — 48°30'
Клеподава ¹¹	52°30' — 48°40'
Вибантаварий ¹²	53°10' — 48°40'
Эракт ¹³	53°30' — 48°40'

16. В устье реки Танаиса лежит остров Алопекия¹⁴ или Танаис под 66°30' — 53°30'

¹ [Связывается с наименованием Амадокские горы и Амадокское озеро, о которых см. выше, §§ 5—6; локализуется Ф. Брауном, *ibid.*, стр. 103, у села Большая Знаменка (Белозерский городок)].

² [Ближе не известен. Локализуется предположительно при устье реки Припяти (RE, III, 2, ст. 32)].

³ [Ближе не известен. Локализуется Кретсхмером (RE, II, 2, ст. 1727) при слиянии рек Сейма и Снови].

⁴ [Этот пункт, по расчету Мülleг'a, *ibid.*, стр. 434, припятиному многими авторами, может быть локализован на месте современного Киева (в соответствии с находками кладов римских монет) или где-либо между Киевом и Черниговом; однако Браун, *ibid.*, стр. 212, помещает его близ устья Днепра, у деревни Белозерки, на месте древнего городища].

⁵ [Речь идет, быть может, не о рукаве Днепра, а о Южном Буге. Ср. Негманн, RE, I, 2, ст. 2433, s. v. Sarbason].

⁶ [Фонетически (а также и по положению), быть может, соответствует упомянутому в § 4, вслед за устьем реки Аксимака, пункту Лиан (Λιανον); локализуется у нынешнего Кривого Рога (Браун, *ibid.*, стр. 213)].

⁷ [Ближе не известен. Локализуется Брауном, *ibid.*, стр. 213, при устье реки Ингульца у села Никольского].

⁸ [Локализуется, по находкам монет римского времени, у современного местечка Чернобыль. См. Кулаковский, *ibid.*, стр. 27].

⁹ [Это кельтическое наименование имеет аналогии на территории Паннонии и Винделиции. Локализуется Ф. Брауном, *ibid.*, стр. 207, по расчету расстояния, у современного Каменец-Подольска].

¹⁰ [Ближе не известен. Локализуется, по расчету расстояний, у современного Могилева-Подольского; см. Кулаковский, *ibid.*, стр. 26; ср. Ф. Браун, *ibid.*, стр. 207].

¹¹ [Этот пункт, с окончанием, характерным для наименования городов Дакии, ближе не известен. Ср. Кулаковский, *ibid.*, стр. 26; локализуется Ф. Браун, *ibid.*, стр. 206, у села Студеного в Подолии].

¹² [Пункт носит кельтическое наименование, подобно вышеназванному Карродуну. См. Мülleг, *ibid.*, стр. 334; локализуется по Ф. Брауну, *ibid.*, стр. 206, у современной Балты].

¹³ [Ближе не известен. Локализуется на месте современного Тирасполя. См. Кулаковский, *ibid.*, стр. 26, а по Брауну, *ibid.*, стр. 206, у Анацьева на Тилигуле].

¹⁴ [О локализации острова и о его населении см. Страбон, XI, 2, 3; упоминается у Диона Перс., 533, и у Плinius, NH, IV, 87. Идентифицируется с островом Черепаша, недалеко от устья реки Дона].

ГЛАВА 6

ПОЛОЖЕНИЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

ЕВРОПЫ КАРТА VIII

1. Границы Херсонеса Таврического составляют: перешеек, простирающийся от Каркинитского залива до озера Бики¹ затем последовательно берега Понта, Киммерийского Боспора и Меотийского озера, по следующим описаниям:

2. За перешейком у реки Каркинита² в Понте *лежат*:

Евпатория город ³	60°45'—47°20'
Дандака	60°45'—47°20'
гавань Символов	61° —47°15'
мыс Парфений	60°40'—47°
Херсонес	61° —47°
Ктеунт гавань	61°15'—47°10'
Бараний лоб, мыс	62° —46°40'
Харакс ⁴	62° —46°50'
Лагира ⁵	62°30'—47°
Мыс Коракс ⁶	63° —47°
Устье реки Истриана ⁷	63°10'—47°10'
Феодосия	63°20'—47°20'
Нимфей	63°45'—47°30'

3. В Киммерийском Боспоре:

Тириктака ⁸	63°30'—47°40'
Пантикапея	64° —47°55'
мыс Мирмекий	64° —48°30'

¹ [Сиваш; см. о нем Ptol., III, 5, 2].

² [Птолемей в этом случае переносит ошибочно реку Каркинит, вероятно, благодаря совмещению ее названия с именем города Каркинитида (см. Н е г., IV, 55), с материка (см. выше, III, 5, 2 и прим.) на Крымский полуостров. Под перешейком разумеется Перекопский перешеек].

³ [Вероятнее всего, идентична с построенным Диофантом (см. S t r a b o, VII, 4, 7) укреплением Эвпаторий. См., впрочем, B r a n d i s, RE, XI, 1161, где диофантов Эвпаторий локализуется к востоку от Херсонеса и предполагается, что в Крыму было два одноименных пункта].

⁴ [Отождествляется с таврским (а позднее римским) укреплением на мысе Ай-Тодор. Об его раскопках и местных эпиграфических находках см. IOSPE, I, 2, стр. 208 сл.; М. Р о с т о в ц е в, ИАК, вып. 40 (1911), стр. 5 сл.; Б л а в а т с к и й, ВДИ, 1938, № 2, стр. 321 сл.].

⁵ [Упоминается, может быть, еще у P l i n., IV, 85 (по конъектуре—Lagirani); локализуется предположительно где-либо в районе Ливадии].

⁶ [Локализуется предположительно на мысе Аю-Даг].

⁷ [Отождествляется приблизительно с одной из небольших рек, впадающих в море в районе Алушты].

⁸ [Об этом пункте, упоминаемом у P l i n., NH, IV, 85, под именем Tractari (см. также S t e p h., В у з., s. v. T o r t a h u) и локализуемом у мыса Камыш-бурун на Керченском полуострове, см. В. Г а й д у к е в и ч, МИА СССР, 1941, вып. 4].

4. По Меотийскому озеру:

Парфений	63°30'—48°30'
Зенонов Херсонес ¹	63° —48°45'
Гераклий ²	62° —48°30'

5. Внутри Таврического Херсонеса лежат следующие города:

Тафр ³	60°40'—48°15'
Тарона	62°20'—48°15'
Постигия	63° —48°15'
Пароста ⁴	61°30'—48°10'
Киммерий	62° —48°
Портакра ⁵	61°50'—47°40'
Биоп ⁶	62°50'—47°45'
Илурад ⁷	63°20'—47°45'
Сатарха ⁸	61°15'—47°20'
Бадатий ⁹	61°30'—47°36'
Китей	62°15'—47°30'
Тазос ¹⁰	62°40'—47°30'
Аргода ¹¹	61°45'—47°15'
Табана ¹²	62°20'—47°15'

ГЛАВА 10

ПОЛОЖЕНИЕ НИЖНЕЙ МИСИИ

ЕВРОПЫ КАРТА IX

1. Нижняя Мисия ограничивается с запада вышеупомянутой частью реки Киабра³, с юга—частью Фракии, *простирающейся* от Киабра через

¹ [Локализуется на мысу Казантии, см. Müller, *ibid.*, стр. 416, 439].

² [По Страбону Гераклий должен был находиться по соседству с Мирмекием (VII, 4, 5). Птолемей ошибочно относит его на значительное расстояние к северо-востоку].

³ [Связывающийся с племенем тафриев Страбона (VII, 4), равно как и с рассказом Геродота (IV, 3) о рве (τάρρες), вырытом потомками скифских рабов, пункт этот упомянут также у Plin., NH, IV, 87 и Pto m p. Mela, II, 1, 3. Ср. также у Strabo. Byz. s. v. Τάρρι, связывающего это наименование с племенем сатархеев].

⁴ [Сопоставляется с упомянутым у Plin., NH, II, 210, Паразином в Крыму, земля которого целебна для ран].

⁵ [Быть может, пункт этот следует сопоставить с Акрой, упомянутой у Strabo, VII, 4, 3; Plin., NH, IV, 86, и локализуемой у мыса Такиль-Бурун].

⁶ [Ближе не известен. Локализуется предположительно к северу от Феодосии].

⁷ [В этом наименовании следует, быть может, подозревать искаженный отзвук имени известного царя скифов Скилура].

⁸ [Сопоставляется с именем племени сатархеев, засвидетельствованных эпиграфически (IOSPE, I, 244) и упомянутых у Plin., VI, 95; Pto m p. Mela, II, 1, 3; Strabo. Byz. s. v. Τάρρι; локализуется в северном Крыму].

⁹ [Müller, *ibid.*, стр. 440, читает это наименование как Палакий—пункт, упомянутый у Strabo, VII, 5, 7, и локализуемый где-либо в центральном или западном Крыму].

¹⁰ [Ближе не известен. Локализуется в юго-восточной части полуострова].

¹¹ [Сопоставляется с Ergoga у Anon. Rav., IV, 3 и наименованием племени Orogosuni у Plin., NH, IV, 85].

¹² [Быть может, должна быть отождествлена с Teagines у Anon. Rav., IV, 3].

¹³ [См. Ptol., III, 9, 1. Иначе Цебер, правый приток Дуная, сохранивший и поныне свое наименование (Цибрика)].

гору Гем до предела у Понта, который лежит под 55° — $44^{\circ}40'$, с севера—вышеупомянутой частью реки Данубия¹, от реки Киабра до Аксиуполя² и остальной частью Дуная, называемой Истром, до впадения в Понт. Поворот Истра у города Диногетии³, как сказано, находится под 53° — $46^{\circ}40'$.

2. Затем устья Истра идут в таком порядке: первое разделение на устья у города Новиодуна⁴ под $54^{\circ}50'$ — $46^{\circ}30'$; затем самый южный рукав обтекает остров, называемый Певкой⁵ и находящийся под $55^{\circ}20'$ — $46^{\circ}30'$ и впадает в Понт так называемым Священным устьем, или Певкой⁶, находящимся под 56° — $46^{\circ}15'$. Самый северный рукав разделяется под 55° — $46^{\circ}45'$, и северный рукав, образовавшийся от этого разделения, в свою очередь, разделяется под $55^{\circ}30'$ — 47° .

Затем южный *проток*, образовавшийся от этого разделения, исчезает недалеко от впадения в Понт, а северный образует озеро, называемое Тиоголой⁷ и лежащее под $55^{\circ}40'$ — $47^{\circ}15'$, а затем впадает в Понт устьем, которое также называют Тиоголой или Пустым⁸ и которое лежит под $56^{\circ}15'$ — 47° .

Южный *проток*, образовавшийся от второго разделения, в свою очередь, делится надвое под $55^{\circ}20'$ — $46^{\circ}45'$, и северный *рукав*, происшедший от этого разделения, впадает в Понт так называемым Северным устьем, которое лежит под $56^{\circ}20'$ — $46^{\circ}45'$, а южный опять разделяется под $55^{\circ}40'$ — $46^{\circ}30'$ и южный *проток*, образовавшийся от этого разделения, впадает в Понт так называемым Наракийским устьем, которое находится под $56^{\circ}10'$ — $46^{\circ}20'$. А северный снова делится под 56° — $46^{\circ}40'$, и происшедший от этого *нового* разделения северный проток впадает устьем Псевдостомом, лежащим под $56^{\circ}15'$ — $46^{\circ}30'$, а южный впадает устьем, которое называется Прекрасным⁹ и лежит под $56^{\circ}15'$ — $46^{\circ}30'$.

4. Западную часть Нижней Мисии населяют трибаллы, а в восточной части ниже устья Певки живут троглодиты, а по устьям певкины...

7. Поморье от самого северного устья Истра до устьев реки Борисфена и область внутри *материка* до реки Гиераса¹⁰ занимают гарпии¹¹ ниже тирагетов-сарматов и бритологи выше певкинов.

¹ [Под этим именем впервые у Саes., BG., VI, 25].

² [Город, именовавшийся ранее Гераклея, находящийся при впадении речки Чернавода в Дунай. Как явствует из текста, во времена Птолемея наименование Данубий прилагалось к верхнему течению Дуная вплоть до названной выше реки. Нижнее же течение сохраняло древнее наименование Истр].

³ [Упомянуется в Itin. Ant., 225, 5; локализуется Томасчек'ом, RE, IX, 654, на правом берегу Дуная против Галапа. Есть, однако (см. там же), и другие попытки локализации].

⁴ [На левом берегу Дуная—современный Изакча].

⁵ [Современный остров Пикчина (или остров Св. Георгия) в дельте Дуная. См. о нем и о его населении у Strabo, VII, 3, 15. Ср., однако, наблюдения Ф. Брауна, ibid., стр. 184 сл., над изменениями в дельте Дуная и его предположения о локализации острова Певки].

⁶ [Отождествляется с современным Георгиевским гирлом].

⁷ [Может быть отождествлено с одним из озер на острове Летен (по Киперту—см. Müller, ibid., стр. 459—озеро Ялпук)].

⁸ [Соответствует Псионскому, упомянутому у Plin. NH, IV, 79, и отождествляется с современным Килийским гирлом].

⁹ [Отождествляется с современным Сулинским гирлом].

¹⁰ [Упомянуется также у Amm. Marc., XXXI, 3, 7 (Gerasus); отождествляется (по Müller'y, ibid., I, стр. 469) с современной рекой Серет, а по Ф. Брауну, ibid., стр. 205, с рекой Прут].

¹¹ [Müller, ibid., I, стр. 469, отождествляет их с карпиями или карпидами Эфора, упомянутыми со слов этого автора на нижнем Дунае у Ps. Scymn., 41 (по Ф. Брауну, ibid., стр. 175—дакийского происхождения); Птолемею, III; 5, 10, упоминает о них вторично под именем карпианов].

Описание этого поморья следующее: за устьями Борисфена, которые находятся, как сказано, под $57^{\circ}30'—48^{\circ}30'$,

устья реки Аксиака	57° — 48°
город Фиска (Φίσκη) ¹	$56^{\circ}40'—47^{\circ}40'$
устья реки Тиры ²	$56^{\circ}20'—47^{\circ}40'$
деревня Гермонактова	$56^{\circ}15'—47^{\circ}30'$
город Гарнис ³	56° — $47^{\circ}15'$

8. Города внутри материка и в этой области следующие: по реке Гиерасу⁴:

Заргидава ⁵	$54^{\circ}40'—47^{\circ}45'$
Тамасидава ⁶	$54^{\circ}20'—47^{\circ}30'$
Пироборидава ⁷	$54^{\circ}30'—47^{\circ}$

Между реками Гиерасом и Тирой:

Никоний	$56^{\circ}20'—48^{\circ}10'$
Офиусса ⁸	56° — 48°
Тира город	56° — $47^{\circ}40'$

К Нижней Мисии⁹ в сказанной части Понта прилежат острова: так называемый остров

Борисфенида	$57^{\circ}15'—47^{\circ}40'$
и Ахиллов или	
Белый остров ¹⁰	$57^{\circ}30'—47^{\circ}50'$

КНИГА V, ГЛАВА 8

ПОЛОЖЕНИЕ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ

АЗИИ КАРТА II

1. Азиатская Сарматия ограничивается с севера неизвестной землей; с запада—Европейской Сарматией до истоков реки Танаиса¹¹ и самой

¹ [Müller, *ibid.*, стр. 469, исправляет это наименование на 'Ισάκη, которая упоминается у Анон., PPE, 87, и локализуется у современного Люстдорфа].

² [Устье реки Днестра (Тиры) подробнее всего описано у Strabo, VII, 3, 16].

³ [Сопоставляется с гарпиями (карпами), в области которых и локализуется; отождествляется Ф. Брауном, *ibid.*, стр. 174, с современным Эскиполис].

⁴ [См. III, 10, 7].

⁵ [Локализуется предположительно (в области карпов) на реке Прут. См. Ф. Браун, *ibid.*, стр. 205].

⁶ [Локализуется на реке Прут и отождествляется с селом Карпиняни. Ф. Браун, *ibid.*, стр. 205].

⁷ [Мюллер локализует этот пункт (отождествляемый Ф. Брауном, *ibid.*, стр. 205, с деревней Карпешти), руководствуясь фонетическим сходством наименований, на реке Прут, названной у Нег., IV, 48, Пирет].

⁸ [У некоторых авторов (Plin., IV, 82) синоним города Тиры. Ср., однако, Ps.-Scyl., 68; Strabo, VII, 3, 16 и прим., где см. и о ее локализации].

⁹ [Восточная граница провинции Нижней Мисии простиралась первоначально лишь до устья Дуная, но уже при Нероне к ней была присоединена трансдунайская территория по побережью вплоть до города Ольвии, оставшегося, однако, вне провинции. См. I. Marguad., Römische Staatsverwaltung, I, стр. 150].

¹⁰ [Об этом острове, ошибочно локализуемом Птолемеем в районе Бугско-Днепровского лимана, о его действительной локализации и о связанном с ним культе Ахилла см. подробнее всего у Агг., PPE, 32].

¹¹ [Об истоках реки Танаиса, помещаемых Птолемеем под 63° северной широты, см. выше, III, 5, 1].

рекой Танаисом до впадения его в Меотийское озеро, а также восточной частью Меотийского озера, от Танаиса до Киммерийского Боспора; положение этой части следующее:

2. За устьем реки Танаиса:

Паниардис ¹	67°30' — 53°30'
устье реки Марубия ²	68° — 53°
Патарва	68° — 52°30'
3. Устье реки Большого Ромбита	68°30' — 52°
устье реки Теофания ³	68°30' — 51°40'
город Азара ⁴	68°30' — 51°27'
4. Устье реки Малого Ромбита	69° — 50°30'
Аксабитийская коса ⁵	68° — 50°
Тирамба ⁶	69°40' — 49°50'
устье реки Аттикита ⁷	70° — 49°20'
город Геруса ⁸	70° — 49°
устье реки Псатия	69°30' — 48°45'
Матета	69° — 48°36'
5. Устье реки Вардана ⁹	68° — 48°20'
Мыс Киммерий ¹⁰	66°30' — 48°36'
Апатур	66°20' — 48°15'
Ахиллий при устье Боспора ¹¹	64°30' — 48°30'
Фанагория	64°30' — 47°50'
Корокондама	64°15' — 47°30'

7. С юга азиатская Сарматия ограничивается частью Эвксинского Понта, простирающейся отсюда до реки Корака¹², и пограничной чертой

¹ [Ближе не известен. Локализуется у города Кагальника].

² [Соответствует реке Магассус, упомянутой у А т т. М а г с., XXII, 9, и отождествляется с современной рекой Кагальник. Ср., впрочем, рассуждения Н е г м а н н'а RE, XXVIII, 2052, сопоставляющего это наименование с Мермодом у S t r a b o, XI, 5, 2, и отождествляющего его с Манычем].

³ [Упоминается у А т т. М а г с., XXII, 8 и отождествляется с современной речкой Бейзуг, ныне не достигающей Азовского моря, а пропадающей в песках; ср., однако, F o r b i g e r, Handbuch d. alt. Geographie, II, стр. 454, который отождествляет ее с Бей].

⁴ [Должна быть сопоставлена с одноименным пунктом, упомянутым у S t r a b o, XI, 14, 3, и локализуемым в Армении. Отождествлению не поддается].

⁵ [Быть может, о ней упоминает С т р а б о н (XI, 2, 4) как о мысе за Малым Ромбитом. Отождествляется с мысом Чельбаш или с косой Долгой].

⁶ [О локализации этого пункта, названного по имени племени тирамбов (см. ниже, §§ 17—25), см. S t r a b o, XI, 2, 4 и прим. Ср. Л а т ы ш е в, IOSPE, II, карта № 2].

⁷ [Об этой реке и об ее отождествлении см. у S t r a b o, XI, 2, 4, называющего ее Антикет, а также прим. к D i o d., XX, 22].

⁸ [Ближе не известна. Предположительно отождествляется с упомянутой у D i o d., XII, 2, Гаргазой и локализуется на Таманском полуострове у современной Пересыпи (ср. RE, XIII, 1285)].

⁹ [Это наименование, переданное у А т т. М а г с., XXII, 8, как Todordanes, должно быть признано тождественным Гипанису (Кубани) других авторов].

¹⁰ [Сопоставляется с селением Киммерик у S t r a b o, XI, 2, 5, локализуемым на Таманском полуострове к западу от устья реки Кубани (на Фонтановском полуострове)].

¹¹ [Иначе Ахиллово селение с храмом Ахилла. О его локализации см. S t r a b o, XI, 2, 6 и прим].

¹² [Эта река, принимаемая Птолемеем за линию границы между Сарматией и Колхидой, должна быть, вероятно, идентифицирована с рекой Гиппом (A г г., PPE, 13), отождествляемой с современным Кодором. См. ВДИ, 1938, № 2, стр. 315 сл.].

Колхиды, Иберии и Албании, идущей отсюда до Гирканского, или Каспийского, моря; описание этой стороны такое:

8. За Корокондамой в Понте опять:

Гермонасса	65° —47°30'
Синдская гавань	65°30' —47°50'
деревня Синда ¹	66° —48°
гавань Бата ²	66°30' —47°40'
деревня Бата	66°20' —47°30'
устье реки Холодной ³	66°40' —47°30'
деревня Ахей ⁴	67° —47°30'
9. Залив Керкетиды ⁵	67°30' —47°20'
город Таз ⁶	68° —47°30'
мыс Торетский ⁷	68° —47°
город Ампсалида ⁸	68°30' —47°15'
устье реки Бурки ⁹	69° —47°15'
Инантия ¹⁰	69°40' —47°10'
10. Устье реки Тессиря ¹¹	69°40' —47°
Картерон Теихос [Сильная Крепость] ¹²	70° —46°50'
устье реки Корана	70°30' —47°
затем предел у боковой границы Колхиды ¹³	75° —47°

¹ [Под этим наименованием скрывается, очевидно, не упоминающаяся у Птолемея Горгишия, отождествляемая (S t e p h. В у з., s. v. Σινδικός) с Синдиком, центром области синдв. См. S t r a b o, XI, 2, 14].

² [Об этой гавани под именем Патус упоминает P s.-S c y l., 72; а под именем Пагра, вероятно, и A r r., PPE, 28; см. о ней S t r a b o, XI, 2, 14, который, подобно Птолемею, имеет в виду также и одноименное селение].

³ [Реку под этим наименованием упоминает A p p i a n (PPE, 8), однако она должна быть локализована на юге Колхиды. Перипл Анонима упоминает на Северном Кавказе реку Псахапсий, которая, может быть, и должна быть сопоставлена с рекой Психр (Холодной) Птолемея].

⁴ [В то время как Страбон и более древние авторы говорят лишь о побережье или области ахеев (см. о них прим. к S t r a b o, XI, 2, 14), Перипл Анонима (§ 58) называет в качестве определенного пункта (гавани) «Старую Ахею», которая и должна быть отождествлена с птолемеевой деревней Ахеей].

⁵ [Имя этого, другими авторами не упоминаемого, залива не может быть оторвано от имени племени керкетов, локализуемых на северокавказском побережье Черного моря. См. о них P s.-S c y l., 73].

⁶ [В этом, другими авторами не засвидетельствованном, имени позволительно видеть испорченное Лаз, что поставило бы этот пункт в связь со старой Лазикой, упомянутой у A n o n., PPE, 58].

⁷ [Это наименование должно быть сопоставлено с именем племени торетов, упоминаемых многими авторами и локализуемых на северокавказском берегу Черного моря, рядом с керкетами. См. о них у P s.-S c y l., 74, называющего в земле торетов также пункт Торик, город и гавань].

⁸ [Локализуется T o m a s h e k'ом, RE, II, 1890, при устье реки Жахи у форта Головинского и сопоставляется с именем собственным Ὀμφάλικος, нередким в боспорской эпиграфике; ср. IOSPE, II, 103, 186, 442, сл.].

⁹ [Это же имя звучит в упомянутой у A r r., PPE, 18, речке Боргис; отождествляется T o m a s h e k'ом, RE, II, 1980, с современной речкой Мзымта близ Адлера].

¹⁰ [Этот ближе не известный пункт локализуется T o m a s h e k'ом, RE, V, 732, на кавказском берегу Черного моря, у современных Гагр].

¹¹ [Эту реку, быть может, следует отождествить с рекой Тарсура у A r r., PPE, 13, которая в таком случае у Птолемея помещена севернее, чем следует].

¹² [Локализуется предположительно у мыса Искурии. См. M a n n e r t, Geographie d. Griechen u. Römer, IV, 1820, стр. 390].

¹³ [Имеется в виду северная граница Колхиды, ср. выше, § 7].

11. Следующий за ним [предел] *идет* по границе Иберии; здесь находятся:

Сарматские Ворота¹

77° — 47°

затем предел вдоль Албании до Гирканского моря, где устье

реки Соаны² под

86° — 47°

12. С востока *Азиатская Сарматия ограничивается начинающейся отсюда частью Гирканского моря, в которой за устьем реки Соаны, положение которого указано, находится:*

устье реки Алонта³ под

86°30' — 47°40'

устье реки Удона⁴

87° — 48°20'

устье реки Ра⁵

87°30' — 48°50'

Она ограничивается также и Скифией, простирающейся вдоль реки Ра до поворота⁶, находящегося под 85°—54°, и вдоль идущего отсюда меридиана до неизвестной земли.

13. Есть еще другой поворот реки Ра⁷, приближающийся к повороту реки Танаис, положение которого таково: 74°—56°. Выше этого поворота сливаются две реки⁸, текущие от Гиперборейских гор⁹, слияние их имеет такое положение: 79°—58°30', истоки более западной из них лежат под 70°—61°, а восточной 90°—61°.

14. Сарматия прорезывается еще другие горы, называемые Гиппийскими и Керавнскими¹⁰, и гора Корак¹¹, которой оканчиваются горы, идущие через Колхиду и Иберию и называемые Кавказскими, а также отрог их, который идет к Гирканскому морю и называется также Кавказом.

15. Крайние части Гиппийских гор

имеют такое положение:

74°—54° и 81°—52°

Керавнских

82°30'—49°30' и 84°—52°

Корака

69°—48° и 75°—48°

¹ [«Сарматскими воротами» у авторов римского времени именуется центральный проход через Кавказский хребет, так называемая Военно-Грузинская дорога. Их упоминает под названием «Кавказские ворота» Плиний, NH, V, 27, и описывает Страбон, XI, 3, 5].

² [Отождествляется с современной рекой Сулак, впадающей в Каспийское море к северу от Махач-Кала. См. М а н н е r t, *ibid.*, IV, стр. 415].

³ [Отождествляется с рекой Терек. См. А. F o r b i g e r, *Handbuch d. alten Geographie*, II, стр. 454].

⁴ [Отождествляется с рекой Кумой; А. F o r b i g e r, *ibid.*, стр. 455].

⁵ [Наименование реки Волги, известное у финских племен (мордовское Raw; см. Ф. Б р а у н, *ibid.*, стр. 84); упоминается под этим именем также у А m m. M a r c., XXII, 8].

⁶ [Быть может, имеется в виду небольшой изгиб в западном направлении у Ено-тавса].

⁷ [У города Сталинграда].

⁸ [Т. е. Волга в ее верхнем течении и Кама].

⁹ [Под этим наименованием, связанным с представлением о северных пределах Европы и Азии и почти лишенным конкретного содержания, следует понимать северные отроги Уральских гор, возвышенности Карелии и т. п.].

¹⁰ [Реально этим именам могут соответствовать возвышенности, тянущиеся от северных предгорий Кавказа в восточном направлении к Волге (Ставропольское плато, находящее свое продолжение в Падманычской гряде)].

¹¹ [Северокавказское предгорье, см. А. F o r b i g e r, *ibid.*, II, стр. 453].

Кавказа	75°—47° и 85°—48°
кроме того, Александровы Столбы ¹	
лежат под	80°—51°30′
Сарматские ворота	81°—48°30′
Албанские Ворота ²	80°—47°

16. Сарматия занимают в местностях, прилегающих к неизвестной земле, сарматы-гипербореи³, ниже их—сарматы царские⁴, народ модоки⁵ и сарматы-конееды⁶, а еще ниже их—закафы⁷, свардены⁸ и асеи⁹; затем вдоль северного поворота реки Танаиса—многочисленный народ периер-биды¹⁰, а вдоль южного—народ яксаматы¹¹. Города:

Эксополи ¹²	72° —55°40′
Наварис ¹³	70° —55°
Танаис	67° —54°20′

17—25. Ниже сварденов *живут* хениды¹⁴, а на восток от реки Ра—фтирофаги [вшееды]¹⁵, матери¹⁶ и страна Несиотида [Островная]¹⁷; затем под

¹ [Александр Македонский, как известно, на Кавказе не был. Ср. легенду о столпах Сизостриса у Нег., II, 103 и прим.].

² [Под Албанскими Воротами следует понимать проход из Албании в Иберию (из Дагестана в Грузию) по реке Алазону (современная Алазань, приток Куры), о котором упоминает Страбон (XI, 3, 5)].

³ [Под этим именем Птолемей объединяет ближе не известные ему северные народности между Доном и Волгой и к северо-востоку от Волги. Ср. F o r b i g e r, *ibid.*, стр. 458 сл.].

⁴ [Это наименование, происхождением своим обязанное «царским скифам» Геродота (IV, 20), известно Страбону и прилагается им к сарматам, жившим между Днепром и Доном, в их нижнем течении. Птолемей же локализует своих «царских сармат» значительно севернее и восточнее].

⁵ [Имя это должно быть сопоставлено с упомянутыми при описании Европейской Сарматии амадоками, Амадокскими горами и т. д. (см. III, 5, 5 и др.); племя модоки идентифицируется с имодоками (модаками), упомянутыми у P l i n., NH, VI, 21; по M ü l l e n h o f f y, *Deutsche Altertumskunde*, III, 1892, стр. 97—кавказского происхождения].

⁶ [Этот эпитет (гипшофаги), вероятно, в такой же степени литературного происхождения, как и гипшемолги, гипшоподы и др. Ср. M ü l l e n h o f f, *ibid.*, стр. 97].

⁷ [Встречаются также на Tab. Peut. под именем зараты и локализируются к северо-западу от Каспийского моря. Птолемей упоминает о них вторично (VI, 14, 10)].

⁸ [Это, локализирующееся на западном берегу Волги, племя имеется также под именем сардеты на Tab. Peut., которая локализует его в области Боспора].

⁹ [По T o m a s c h e k y, RE, IV, 154—ветвь алазского племени, чье имя связывается с именем мифической горы Асея (C o n s t. P o r p h., de ser., II, 48) на Кавказе].

¹⁰ [Это, ближе не известное, племенное наименование (Περιερβίδαι) может быть сопоставлено с именем собственным Πάτερρος, эпиграфически засвидетельствованным на Боспоре (IOSPE, II, 367)].

¹¹ [Племя, под именем иксибатов, известное уже Гекатею Милетскому (fr. 166); см. о них еще у P o l y a e n., VIII, 55, прим.].

¹² [Этот наиболее удаленный по течению реки Дона пункт—на что указывает его имя—локализуется близ станицы Нижне-Чирской].

¹³ [В VIII, 10, 3, упомянут как Наварон; локализуется по Н e r m a n n y, RE, XXXII, 1896, у современного Ростова-на-Дону (ср. RE, IV, 2, 2168)].

¹⁴ [Подобно сварденам, относимые к кавказским народностям; см. M ü l l e n h o f f, *ibid.*, стр. 97].

¹⁵ [Несмотря на предложенную Птолемеем локализацию, не могут быть оторваны от Кавказа, в причерноморской части которого помещаются А р р и а н о м (PPE, 27), Страбоном (XI, 2, 19), а, может быть, даже еще и Псевдо-Скилаком (§ 80—под именем гелонов)].

¹⁶ [Должны быть отождествлены с упомянутым у O v. Trist., II, 191, одноименным народом, называемым им вместе с колхами, на основании чего матери также относятся к числу племен Северного Кавказа. Ср. M ü l l e n h o f f, *ibid.*, стр. 97].

¹⁷ [Сопоставляется с пунктом Несий на северокавказском берегу Черного моря, помещаемым А р р и а н о м (PPE, 27) у Гераклова мыса. О локализации этих пунктов см. прим. к указанному месту перипла].

яксаматами—сиракены¹, а за сиракенами между Меотийским озером и Гиппийскими горами—псесии², затем темеоты³, ниже их тирамбы⁴ потом астуриканы⁵, далее до горы Корака арихи⁶ и зинхи⁷, за упомянутыми горами Корака—конапсены⁸, метибы⁹ и агориты¹⁰, ниже сиракенов, между рекой Ра и Гиппийскими горами,—страна Митридата¹¹ под ней—меланхлены¹², затем сапотрены¹³, а ниже этих—скимниты¹⁴, потом амазонки; между Гиппийскими и Керавнскими горами—сураны¹⁵ и саканы¹⁶; между Керавнскими горами и рекой Ра—оринеи¹⁷, валы¹⁸ и сербы¹⁹, а между горой

¹ [Должны быть сопоставлены с сираками Страбона (XI, 2, 1 и др.), локализуемыми между Кавказом и Каспием, а также с упоминаемым ниже пунктом Серакой, равно как и с Сиракеной—областью Великой Армении].

² [Упомянуты у Steph. Byz. s. v. Τηροί и засвидетельствованы эпиграфически (IOSPE, II, 6, 36); локализуются к востоку от Азовского моря].

³ [Без сомнения, племя Θαιρεφται в надписях называется Θαιεῖς или, по конъектуре Бека Θαι (εῖς) Μαῖωται; см. IOSPE, II, стр. XIV].

⁴ [См. выше, § 4. Тирамба—пункт, связанный с именем этого племени и сопоставляющийся с именем реки Тире и его производными. Ср. Müllerhoff, ibid., III, стр. 110].

⁵ [Сопоставляются с аспургианами—племенем в восточной части Боспора, упомянутым у Strabo (XI, 2, 11), помещенным на Tab. Peut. и засвидетельствованным эпиграфически (IOSPE, II, 29, 431)].

⁶ [Это имя с незначительными вариантами упоминается у Страбона в качестве названия одного из меотийских племен и у Amm. Marc. XXIII, 3, 33 (Arinchi). Локализуется на Северном Кавказе. Ср. Tomaschek, RE, III, 1225].

⁷ [Это племя отождествляет с синдами Евстафий (κ Diop. Per., 680); оно содержится также, несомненно, в несколько искаженном имени Zigni у Plin., NH, VI, 19, а также, вероятно, у Amm. Marc. XXIII, 3, 33; ср. Müllerhoff, ibid., стр. 89].

⁸ [Северокавказское племя, вероятно, идентичное племени Colofeni, помещенному на Tab. Peut.].

⁹ [Должны быть сопоставлены с упомянутыми выше матерами. См. Müller, ibid., I, 2, стр. 904, который локализует их на восточном берегу Меотиды].

¹⁰ [Отзвук этого имени, сходного с именем пагириты (Ptol., III, 5, 10; ср. Müllerhoff, ibid., стр. 98), Tomaschek, RE, I, 886, слышит в имени черкесского рода Эгеруко и локализует агоритов по верхнему течению реки Кубани].

¹¹ [Отождествляется с областями северокавказского побережья, занятого дикими и воинственными племенами гешихов, зигов и др., через которые прошел во время бегства от Помпея и где укрывался понтийский царь Митридат. См. Strabo, XI, 2, 13 и т. д.; ср. Müllerhoff, ibid., стр. 96].

¹² [О меланхленах на Кавказе, где, вопреки локализации Птолемея, следует искать это племя, см. Ps-Syl., 79 и прим.; Müllerhoff, ibid., стр. 96, отождествляет их с позднейшими мацралами—менгрелами].

¹³ [Равным образом северокавказская народность, передвинутая Птолемеем к востоку; ср. Herman, RE, I, 2, ст. 2356].

¹⁴ [Должны быть сопоставлены (а принимая во внимание постоянно отмечаемые у Птолемея переносы номенклатуры как в пределах Сарматии, так и из Сарматии в Скифию за горами Имаем), т. е. в Центральную Азию, —также идентифицированы) с упомянутыми Птолемеем же самнитами (VI, 14, 10) и со скимнами Anon. Rav., стр. 169].

¹⁵ [Сопоставляются с упомянутыми выше (§ 16) сварденами или соварденами. Локализируются в Закавказье; ср. Müllerhoff, ibid., стр. 97].

¹⁶ [Должны быть признаны идентичными упомянутому у Plin., NH, VI, 29 племени Sacasani; имя это должно быть сопоставлено также с областью Армении Сакасей, лежащей на Араксе (Strabo, XI, 7, 2 и др.). Локализируются в Закавказье к востоку от Колхиды].

¹⁷ [Также эринеи. Ближе не известное наименование, подобно другим упомянутым выше и ниже, относящееся, вероятнее всего, к области северо-восточного Кавказа].

¹⁸ [Имя это должно быть идентифицировано с упомянутыми у Plin. (NH, VI, 19) галами (Hali), локализуемыми на Северном Кавказе к востоку от Меотиды; ср. Müllerhoff, ibid., стр. 49, 97].

¹⁹ [Подобно предшествующим—кавказская народность. Ср., впрочем, K. Kretschmer, RE, II, 2, 1669, который считает их кочевниками на пространстве

Кавказом и Керавнскими *горами*—туски¹ и дидуры²; вдоль Каспийского моря—уды³, олонды⁴, исонды⁵ и герры⁶; под горными хребтами по обеим сторонам Киммерийского Боспора—боспораны, а вдоль Понта—ахеи, керкеты, гениохи и сванноколхи⁷; за Албанией—санареи⁸.

26. Города и деревни называются *также*: по малому Ромбиту:

Азараба⁹ 70° — 50°30'

27. По реке Псатию:

Авхида¹⁰ 70°40' — 49°40'

28. По реке Вардану:

Скопел ¹¹	68° — 48°
Суруба ¹²	72° — 48°20'
Корусия ¹³	73°40' — 48°30'
Эбриапа ¹⁴	75°20' — 48°30'
Серака ¹⁵	77° — 48°40'

между Кавказом и Волгой. Их северокавказская принадлежность засвидетельствована Плинием, упоминающим, видимо, именно их под именем Sernis в ряду меотийских племен (NH., VI, 19); ср. Müllerhoff, *ibid.*, стр. 49, 97].

¹ [Это имя может быть сопоставлено с именем племени Tursae или Tursae у P o m p e l a, II, 1, 14, которое локализуется на Дону].

² [Упомянуты у P l i n, (NH, VI, 29), и локализируются на Северном Кавказе; ср., впрочем, T o m a s c h e k, RE, IX, стр. 436, где их имя сопоставляется с наименованием Дидоэты в Грузии, у истоков реки Сулак].

³ [Имя это, звучащее в названии реки Удон (Кумы) в форме удины (Udini), известно также Плинию (NH, VI, 38 сл.), а в форме утии (вити) Страбону (XI, 7, 1), ссылающемуся на Патрокла, наварха Селевка Никатора (см. выше). Локализуются на кавказском побережье Каспийского моря, где они известны также Tab. Peut. под именем Otio Scythae; ср. Müllerhoff, *ibid.*, стр. 97].

⁴ [Имя это Müller, *ibid.*, I, 2, стр. 920 исправляет на алонты (Ἀλόνται) и производит его от наименования реки Алонты (Терек); оно должно быть сопоставлено с Ὀνιτῶνα — городом у Каспийского моря, упомянутым Steph. Byz., s. v.].

⁵ [Отзвук этого имени H e r m a n n, RE, XVIII, 2227, слышит в наименовании реки Соаны (см. выше, § 11), которое он исправляет на Сонда, в соответствии с современным Сонча (приток Терека); локализуется между Кавказом и Каспием].

⁶ [Сопоставляется с именем реки Герр в Албании (ниже, V, 11, 2) и локализируются у Каспийских ворот (Дербентского прохода); ср. Kiessling, RE, XIII, 1273].

⁷ [Имя это следует отождествить с засвидетельствованным Страбоном (XI, 2, 14) именем соанов (соседей колхов), локализуемых в горах Западного Кавказа под Диоскуриадой и отождествляемых с предками позднейших сванов].

⁸ [Должны быть сопоставлены с анареями (VI, 10, 14), отнесенными Птолемеем к Заалтайской Скифии. По примеру других, перенесенных Птолемеем с Кавказа на восток наименований, отождествляются с последними и локализируются на Северном Кавказе H e r m a n n'ом, RE, I, 2, 2229].

⁹ [Это, равно как и другое, близкое ему, наименование Азара (см. § 3), ближе не известно. Müllerhoff, *ibid.*, III, стр. 114, считает эти наименования иранскими по происхождению, на основании наличия одноименного пункта в Сузиане].

¹⁰ [Это наименование T o m a s c h e k, RE, IV, ст. 2268, сопоставляет с современным именем Аух (название черкесской крепости) на реке Фари (притоке Лабы)].

¹¹ [Это локализуемое у устья реки Кубани наименование сопоставляется с современным местным наименованием Копыл (ст. Копыльская). См. K. K r e t s c h m e r, RE, V, 2, 583].

¹² [Локализуется Müller'ом, *ibid.*, I, 2, стр. 920, на притоке Кубани Ангале, близ Краснодара; ср. RE, VII, 2, 927].

¹³ [Ближе не известна. Локализуется M a n n e r'ом, *ibid.*, IV, 365, у современной станции Усть-Лабинской].

¹⁴ [Ближе не известна. Локализуется M a n n e r'ом, *ibid.*, IV, 365, у ст. Кавказской].

¹⁵ [Ближе не известна. Локализуется M a n n e r'ом, *ibid.*, IV, 365, в верховьях реки Кубани у станции Прочной].

29. По реке Бурке:

Кукунда ¹	70°	—47°45′
----------------------	-----	---------

30. По реке Тессирю:

Батраха ²	71°	—47°30′
----------------------	-----	---------

31. По реке Кораку.

Наана ³	73°30′	—47°15′
--------------------	--------	---------

32. В горных хребтах: города

Абунис ⁴	73°	—48°
Насуния ⁵	74°	—48°
Альмия ⁶	75°	—48°

ГЛАВА 9

ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХИДЫ

АЗИИ КАРТА III

1. Колхида ограничивается с севера названной частью Сарматии, с запада—частью Эвксинского Понта, *находящейся между рекой Кораком и заливом, куда впадает в море Фасис, по такому описанию:*

2. Диоскуриада	71°10′	—46°45′
устье реки Гиппа ⁷	71°	—46°30′
устье реки Киаenea ⁸	71°30′	—46°10′
Сиганей ⁹	71°30′	—45°45′
Неаполь ¹⁰	71°30′	—45°40′
город Эя ¹¹	72°	—45°30′

¹ [Ближе не известна. Локализуется на кавказском побережье Черного моря близ Адлера; ср. M a n n e r t, *ibid.*, IV, 390].

² [Ближе не известна и точной локализации не поддается. Ср. T o m a s c h e k, RE, V, 144, который локализует ее в области гениохов, к северу от горы Корака (т. е. в предгорьях Северного Кавказа)].

³ [Ближе не известна. Локализуется на реке Кодоре в районе Сухумя; ср. M a n n e r t, *ibid.*, IV, 365].

⁴ [T o m a s c h e k, RE, I, 127, связывает это наименование с каким-либо населенным пунктом в области керкетов или дацдариев, т. е. в предгорьях Северного Кавказа].

⁵ [Локализуется в горах Западного Кавказа у истоков реки Кодор].

⁶ [Локализуется на верхней Кубани, в нынешней Кабарде; ср. T o m a s c h e k, RE, II, 1589].

⁷ [О реке под этим наименованием, отождествляемой с современной рекой Кодор, см. A g g., PPE, 16; с другой стороны, положение реки Корака (см. §§ 7, 10, 31) по Птолемею не оставляет, кажется, сомнений в том, что последняя, если не является дублетом реки Гиппа, то должна быть отождествлена с северным устьем реки Кодор или с той речкой, которую A p p i a n называет Астелеф (см. PPE, 16 и прим.), поскольку она могла быть также смешиваема с представлением о реке Кодор].

⁸ [Упоминается у P l i n., NH, VI, 13 и у S t e p h. B y z. s. v. Aἶξ; сопоставляется с мифическими Киаeneaми аргонавтов. Возможно, что у Птолемея стоит на месте не упоминаемой им реки Тарсура, об отождествлении которой см. A g g., PPE, 13, и прим.].

⁹ [Должен быть сопоставлен и отождествлен с рекой Сингамом других авторов. См. A g g., PPE, 13 и прим.].

¹⁰ [Этот пункт, не упоминаемый у других авторов, Мюллер в своем комментарии к Арриану связывает с деятельностью последнего у устья реки Сингама. См. A g g., PPE, 13 и прим.].

¹¹ [Упоминается как реальный географический пункт у S t e p h. B y z. s. v. Aἶξ; на этот же пункт, отождествляемый с Археополем П р о к о п и я (B. Goth., IV, 14) и локализуемый близ современного Николаеви, намекает, вероятно, П с е в д о - С к и л а к, 81].

устье реки Хариуста ¹	72° —45°15′
устье реки Фасиса ²	72°30′ —45°
город Фасис	72°30′ —44°45′

3. На юге *Колхиды* ограничивается начинающимся отсюда Каппадокийским Понтом³ по указанной линии и следующей за ним частью Великой Армении по той же линии до предела, лежащего под 74°—44°40′.

На востоке—Иберией по линии, соединяющей указанные пределы через Кавказские горы до 75°—47°.

4. Приморскую часть Колхиды населяют лазы, вышележащие *местности*—манралы⁴ и народы, живущие в стране Экректике⁵.

5. Внутри указываются города и деревни:

Мехлесс ⁶	74°30′ —46°45′
Мадия ⁷	74°15′ —46°15′
Сарак ⁸	73° —45°
Сурий ⁹	73°20′ —44°40′
Задрида ¹⁰	74° —44°40′

ГЛАВА 10

ПОЛОЖЕНИЕ ИБЕРИИ

АЗИИ КАРТА III

1. Иберия ограничивается с севера указанной частью Сарматии, с запада—Колхидой по указанной линии, с юга—частью Великой Армении, *идущей* от границы с Колхидой до предела, лежащего под 76°10′—44°40′, с востока—Албанией по линии, соединяющей названные границы, до 77°—47°.

¹ [Должна быть сопоставлена и отождествлена с рекой Хариентом других авторов. См. А г г., РРЕ, 13 и прим.].

² [О положении устья реки Риона в древности см. S t r a b o, XI, 2, 17, а также А г г., РРЕ, 10 сл.].

³ [Т. е. римской провинцией, именовавшейся в более раннее время также Палеононовым Понтом. Ср. S t r a b o, XII, 3, 29 и прим.].

⁴ [Племя, не упоминаемое другими авторами, отождествляется с предками позднейших мингрелов. Ср. RE, XXVII, 1231].

⁵ [Область Колхиды под этим наименованием упоминается также у P l i n., NH, VI, 14, и локализуется на севере ее по течению реки Сингам (Ингур); наименование это, звучащее, может быть, в современном Эгриси, необходимо сопоставить с именем племени экехирейцев, засвидетельствованным у P s. S c y l., 83].

⁶ [Это наименование M ü l l e r (Ptol., Geogr., I, 2, стр. 925) исправляет на Махлесс и сопоставляет с именем племени махлиев у L u c., Tox., 44; локализуется в современной Мингрелии].

⁷ [Упоминается у P l i n., NH, VI, 10; 12 (Matium). Локализуется в северо-восточной части Колхиды].

⁸ [Этот лежащий на реке Фасис пункт локализуется Негмапп'ом, RE, I, 2, 2390, близ современного населенного пункта Сакарис, в котором он угадывает древнее наименование].

⁹ [П л и н и й (NH, VI, 13) знает одноименную реку, называемую им притоком Фасиса и отождествляемую (см. RE, VII, 2, 969) с верхним течением реки Риона. Имя это должно быть сопоставлено с позднейшим Сурами].

¹⁰ [Этот пункт, локализуемый на верхнем течении реки Риона, M a p p e r t, ibid., IV, 398, отождествляет с Сарапанами S t r a b o н а (XI, 3, 4) и П р о к о п и я (B. G o t h., IV, 14)].

2. Города и деревни в ней следующие:

деревня Лубий ¹	75°40'—46°50'
Агинна ²	75° —46°30'
Васеда ³	76° —46°20'
Варика ⁴	75°20'—46°
Сура ⁵	75° —45°20'
3. Артанисса ⁶	75°40'—46°
Местлета ⁷	74°40'—45°
Залисса ⁸	76° —44°40'
Гармактика ⁹	75° —44°30'

ГЛАВА 11

ПОЛОЖЕНИЕ АЛБАНИИ

АЗИИ КАРТА III

1. Албания ограничивается с севера описанной частью Сарматии, с запада—Иберией по указанной линии, с юга—частью Великой Армении, *идущей* от границы с Иберией до Гирканского моря к устью реки Кира, которое находится под 79°40'—44°30', с востока—частью Гирканского моря, *простирающегося* отсюда до реки Соаны, по следующему описанию:

2. За устьем реки Соаны:

город Телеба ¹⁰	85° —46°40'
устье реки Герра	84°30'—46°30'
город Гелда ¹¹	83° —46°30'
устье реки Кесия ¹²	82°30'—46°
город Албана ¹³	81°40'—45°40'

¹ [Отождествляется с Липониссой *Απον. Ραυ.*, II, 8 и должен быть сопоставлен с наименованием племени *Lupenii*, засвидетельствованным *Πλινιέμ* (VI, 29) и локализуемым им на реке Кура, у границ Албании].

² [Отождествляется с современной Цагери у истоков Цхенис-цхали на границе Сванетии; пункт, известный древними металлургическими разработками].

³ [Локализуется *Μαπερτ'ομ*, *ibid.*, IV, 406, на северо-востоке Грузии на верхнем течении речки Арапи].

⁴ [Локализуется *Μαπερτ'ομ*, *ibid.*, IV, 406, неподалеку от предшествующего пункта и отождествляется с современным Салис-вари].

⁵ [Должна быть сопоставлена с пунктом, именуемым *Surtum* у *Απον. Ραυ.*, II, 10 и на *Tab. Peut.* и локализуемым на верхнем течении реки Куры].

⁶ [Отождествляется с позднейшей крепостью Артанудз (*Const. Porph.*, *De adm.*, 46) к востоку от Артвина].

⁷ [По конъектуре *Müller'a*, *ibid.*, I, 2, стр. 932—Месхета; отождествляется *Негмап'ομ*, *RE*, XXIX, 1075, с позднейшим Мхетом].

⁸ [Этот ближе не известный пункт локализуется на границе Иберии и Албании].

⁹ [Об этом пункте, именуемом *Πλινιέμ* (*NH*. VI, 29) *Hermastus* и локализуемом на южном берегу реки Куры (на месте позднейшего Армази) см. *Strabo*, XI, 3, 5 (Армозика) и прим.].

¹⁰ [Ближе не известен. Наименование его должно быть сопоставлено с современным Телави. Локализуется *Μαπερτ'ομ*, *ibid.*, IV, стр. 416, к востоку от позднейшего Аграхена].

¹¹ [Локализуется *Kiessling'ομ*, *RE*, XIII, 987, у Дербентского прохода (Каспийские ворота) на берегу Каспийского моря].

¹² [По своему положению отождествляется с современной речкой Самур].

¹³ [Один из главных пунктов древней Албании; соответствует городу Альпину (арабский Баб аль Абваб)].

устье реки Албана ¹	80°30'—45°30'
город Гетара ²	79°30'—45°
за которым <i>находится</i>	
устье реки Кира	79°40'—44°30'

3. Города и деревни в Албании *следующие*: между Иберией и рекой³, *вытекающей* с Кавказа и *впадающей* в Кир, который течет по всей Иберии и Албании, отделяя от них Армению:

Тагода ⁴	77°30'—46°50'
Бакрия ⁵	77° —46°30'
Сануя ⁶	77°40'—46°40'
Деглана ⁷	77°20'—45°45'
Нига ⁸	77°20'—45°15'

4. Между указанной рекой и рекой Албаном, которая также течет с Кавказа:

Мосега ⁹	79° —47°
Самунида ¹⁰	79° —46°40'
Иобула ¹¹	78° —46°20'
Иуна	79° —46°
Эмболей ¹²	78°30'—45°40'
5. Адиабла	79° —45°30'
Аблана	78° —45°15'
Мамехия ¹³	79°45'—45°40'
Оссика ¹⁴	
Сиода ¹⁵	78°15'—44°40'
Барука ¹⁶	79°20'—44°40'

6. Кроме того, Албанские Ворота, как сказано, лежат под 80°—42°.

¹ [Упоминается у P l i n., NH, VI, 39, и отождествляется с современной речкой Сумгаит-Чай, впадающей в Каспийское море близ Баку].

² [Упоминается на Tab. Peut. (Cangaris) и у A n o n. R a v., II, 10 (Tangarenon); локализуется между устьем реки Куры и Апшеронским полуостровом к югу от Баку].

³ [По своему положению эта безыменная река должна быть отождествлена с не упоминаемым Птолемеем Алазаном (Алазанью)].

⁴ [По своему положению отождествляется с позднейшим Тионети к северу от Тбилиси].

⁵ [Другое чтение—Бакхия; локализуется к северо-востоку от Тбилиси].

⁶ [Локализуется между рекой Алазанью и границей Грузии, где-либо близ позднейшего Сигнаха].

⁷ [Локализуется на реке Алазани, близ впадения ее в Куру, и сопоставляется с наименованием современного поселения Дегна, ср. RE, VIII, 2378].

⁸ [Отождествляется Н e g m a n n' ом, RE, XXXIII, 189, с современным городком Нуха на южном склоне Большого Кавказа].

⁹ [Ближе не известна. По M a n n e r t' у, ibid., IV, 416, в верховьях реки Албана (Сумгаина)].

¹⁰ [На южном склоне Кавказского хребта; ближе не известна и более точной локализации не поддается].

¹¹ [По M a n n e r t' у, ibid., IV, 416—на среднем течении реки Албана].

¹² [Вариант Эблея; ближе не известна].

¹³ [Варианты: Камехия, Самехия; по M ü l l e r' у, ibid., I, 2, стр. 930, отождествляется с современным наименованием селения Шемаха, близ Баку].

¹⁴ [Локализуется при впадении реки Алазани в Куру; см. M a n n e r t, ibid., IV, стр. 416].

¹⁵ [Локализуется на реке Куре, выше впадения Алазани, M a n n e r t, ibid., IV, стр. 416].

¹⁶ [Локализуется близ устья Куры, M a n n e r t, ibid., IV, 416; Томашек сопоставляет это наименование с позднейшим Барук в области Шеки].

Между Албаном и рекой Кесием:

Хабала ¹	80°	—47°
Хобота ²	80°30′	—46°45′
Мозиата ³	80°	—46°20′
Мисия	81°	—46°20′
Хадаха ⁴	81°	—46°
Алам ⁵	82°	—46°15′

7. Между рекой Кесием и рекой Герром:

Тиавна	82°15′	—46°40′
Табилака ⁶	82°45′	—46°50′

Между рекой Герром и Соаной:

Тилбида ⁷	84°15′	—46°50′
----------------------	--------	---------

8. Близ Албании лежат два болотистых острова⁸, промежуток между которыми находится под 87°30′—45°.

ГЛАВА 12

ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЛИКОЙ АРМЕНИИ

АЗИИ КАРТА III

1. Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иберией и Албанией по вышеуказанной линии, *проходящей* через реку Кир.

2. С запада—Каппадокией вдоль вышеуказанной части Евфрата и по линии Каппадокийского Понта до Колхиды через Мосхийские горы.

3. С востока—частью Гирканского моря от устья реки Кира до предела, лежащего под 79°45′—43°20′.

5. Из гор Армении замечательны так называемые Мосхийские, тянущиеся вдоль вышележащей части Каппадокийского Понта, и гора Париад...⁹

6. Через страну протекают реки: 1) река Аракс, изливающаяся в Гирканское море в том месте, которое лежит под 79°45′—43°50′, а истоки имеющая в местности, лежащей под 76°30′—42°30′; направляясь оттуда к востоку до Каспийской горы и *затем*, повернув к северу, она одним

¹ [Вероятно, идентична с упомянутой у P l i n., XII, VI, 29, Кабалакой—метрополией Албании. Наименование это может быть сопоставлено с позднейшей Кабалой в Ширване (ныне в развалинах близ Нижя)].

² [Варианты: Хобата, Хабота; локализуется к юго-востоку от предшествующего пункта].

³ [Вариант: Бозната; локализуется M ü l l e r'ом, *ibid.*, I, 2, стр. 931, на месте современного селения Будух, к югу от города Кубы в Азербайджане].

⁴ [T o m a s h e k, RE, VI, 2029, сопоставляет это наименование с современными пунктами Катах и Катых].

⁵ [Сопоставляется с наименованием современного селения Яламах на реке Самур; T o m a s h e k, RE, I, 1281].

⁶ [Локализуется M ü l l e r'ом, *ibid.*, I, 2, стр. 931, на месте современного селения Билиджи, к югу от Дербента].

⁷ [Ближе не известна. Наименование это может быть сопоставлено с Тилбисмой в Месопотамии, N o t. d i g n., XXXVI, 14, 27].

⁸ [Могут быть отождествлены с какими-либо из небольших островков к северу от устья реки Куры].

⁹ [Иначе Париадр].

рукавом изливается в Гирканское море, а другим соединяется с рекой Киром в местности, лежащей под $78^{\circ}30' - 44^{\circ}30'$ ¹.

9. Области Армении в части, заключающейся между реками Евфратом, Киром и Араксом, *суть следующие*: у Мосхийских гор—Котарзенская², выше так называемых бохов³; вдоль реки Кира—Тосаренская и Тотенская; вдоль реки Аракса—Колтенская и ниже ее Содукенская⁴; у горы Париадра—Сиракенская⁵ и Сакапенская⁶...

КНИГА VI, ГЛАВА 2

ПОЛОЖЕНИЕ МИДИИ

5... Западную часть [Мидии] близ Армении занимают каспии, ниже которых лежит Маргиана⁷ вдоль всей ассирийской стороны, а поморье—кадусии, гелы и дрибики⁸, за которыми тянутся в глубь материка земли амариаков и мардов⁹. Соседние с областью кадусиев *земли* занимают кардухи...¹⁰

КНИГА VII, ГЛАВА 5

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КАРТЫ НАСЕЛЕННОЙ ЗЕМЛИ

2. Часть нашей обитаемой земли ограничивается... с севера соединяющимся океаном, окружающим Бретанские острова и самые северные *части* Европы, так называемым Дуекалдонским¹¹ и Сарматским, и неизвестной землей, прилежащей к самым северным странам Великой Азии, к Сарматии, Скифии и Серике.

3. Из морей, охватываемых обитаемой *землей*, наше море с соединяющимися с ним заливами, за исключением Адриатического залива, Эгейского моря, Пропонтиды, Понта и Меотийского озера, изливается в океан только

¹ [Этот рукав, о котором более древние авторы умалчивают, должен быть отождествлен с позднейшим устьем реки Аракса].

² [Область Великой Армении к северу от реки Евфрата].

³ [Иначе бонхов,—племя, жившее на территории Великой Армении к северу от Евфрата, упомянутое у Steph. Byz. s. v. Βόγχοι].

⁴ [К юго-востоку от озера Севан; RE, V, 2, 787].

⁵ [По верхнему течению реки Куры].

⁶ [Между верховьями рек Куры и Аракса, вероятно, идентичная упомянутой у Strabo, XI, 7, 2 и прим.; наименование это может быть также сопоставлено с племенным наименованием Sasarani у Plin., NH, VI, 29].

⁷ [Древнеперсидская провинция (западная часть Бактрии), частично соответствующая территории современной Туркменской ССР; упоминание, в связи с ее границами, об Ассирии является плодом недоразумения или искажения текста].

⁸ [Вероятно, идентичны с дербаками Страбона (XI, 8, 8), локализуемыми на юго-восточном берегу Каспийского моря; ср. Forbiger, *ibid.*; II, стр. 595].

⁹ [У Strabo, XI, 7, 1 и прим. 8, 8, анариаки и амарды—дикие племена на юго-восточном побережье Каспийского моря].

¹⁰ [Племя это в эпоху Страбона именовалось гордиями. Отождествляются с современными курдами, ср. Forbiger, *ibid.*, II, стр. 602].

¹¹ [Это наименование Северного океана связывается с именем северобританского племени каледониев (Dicaledonii у Amm. Marc., XXVII, 8, 5); упомянутое Птолемеем еще в II, 3, 1, название это восходит, может быть, к периплу Питея или к какому-либо на нем основанному источнику. См. Hübner, RE, V, 1347].

через Гераклов пролив¹, образуя морской пролив вроде перешейка, подобно Херсонесу².

4. А Гирканское, или Каспийское, море отовсюду окружено сушей³ подобно острову по обратному сравнению.

6. А с Европой соединяется [Азия] посредством перешейка между Меотийским озером и Сарматским океаном на переходе реки Танаиса.

9. Подобным образом из морей, о которых было сказано, что они окружены сушей, первое по величине опять Индийское⁴, второе—наше, третье—Гирканское, или Каспийское.

10. Далее, из более замечательных заливов... шестой залив Понта... восьмой—Меотийского озера...⁵

КНИГА VIII, ГЛАВА 10

ЕВРОПЫ КАРТА VIII

1. Восьмая карта Европы заключает *Европейскую* Сарматия и Таврический Херсонес. Параллель, *проходящая* через ее середину, относится к меридиану, как 11 к 20⁶.

2. Ограничивается эта карта с востока Боспором Киммерийским, Меотийским озером и рекой Танаисом, за которым Азиатская Сарматия; с юга—Понтийским морем, частью нижней Мисии, Дакией и областью язигов-метанастов [переселенцев]; с запада—так называемыми Сарматскими горами, Германией и рекой Вистулой, с севера—Венедским заливом Сарматского океана и еще не известной землей.

3. Из более известных городов Сарматии Тамирака имеет самый длинный день в 16 равноденственных часов и отстоит от Александрии к западу на одну пятнадцатую часть равноденственного часа.

Навар имеет самый длинный день в 16 часов 15 минут и отстоит от Александрии к западу на одну восьмую часа.

Ольвия, или Борисфенида, самый длинный день имеет в 16 часов 5 минут и отстоит от Александрии к западу на $\frac{1}{5}$ часа.

4. Из городов Таврического Херсонеса Феодосия имеет самый длинный день в 15 часов 50 минут и отстоит от Александрии к востоку на $\frac{1}{5}$ часа.

Пантикапей самый длинный день имеет в 15 часов 55 минут и отстоит от Александрии к востоку на $\frac{1}{4}$ часа.

ГЛАВА 18

АЗИИ КАРТА II

1. Вторая карта Азии заключает Сарматия, *находящуюся* в Азии. Параллель, *проходящая* через ее середину, относится к меридиану, как 7 к 12.

¹ [Геракловы столпы других авторов, современный Гибралтарский пролив].

² [По обратному сравнению, употребленному Птолемеем также и в следующем параграфе].

³ [Птолемей, подобно Геродоту, знает о том, что Каспийское море—замкнутый бассейн. Ср., однако, распространенное в древности представление о Каспийском море как о заливе Океана у P s.-A r i s t., de mundo, 3 и S t r a b o, II, 5, 3 и прим.].

⁴ [Индийский океан представляется Птолемеем бассейном, который со всех сторон ограничен берегами Азии и Либии].

⁵ [Ср. S t r a b o, II, 5, 18, рассуждения о морях, как о заливах океана].

⁶ [Птолемей хочет этим сказать, что Европейская Сарматия вместе с Таврическим полуостровом в меридиональном направлении почти вдвое обширнее, чем в широтном].

2. Ограничивается эта карта с востока Скифией и частью Каспийского моря; с юга—частью Эвксинского Понта, Колхидой, Иберией и Албанией; с запада—Еврейской Сарматией, Мисрийским озером и Боспором Киммерийским; с севера—неизвестной землей.

3. Из известных в Сарматии городов Гермонасса самый длинный день имеет в 15 часов 50 минут и отстоит от Александрии к востоку на $\frac{1}{3}$ равноденственного часа.

4. Инантия имеет самый длинный день в 15 часов 50 минут и отстоит от Александрии к востоку почти на половину часа.

5. Танаис самый длинный день имеет в 17 часов 10 минут и отстоит от Александрии к востоку на $\frac{1}{26}$ часа.

6. Тирамба имеет самый длинный день в 16 часов 12 минут и отстоит от Александрии к востоку на $\frac{1}{10}$ часа.

7. Наварис самый длинный день имеет в 17 часов 15 минут и отстоит от Александрии на $\frac{1}{3}$ часа.

ГЛАВА 19

АЗИИ КАРТА III

1. Третья карта Азии включает Колхиду, Иберию, Албанию и Великую Армению. Параллель, проходящая через ее середину, относится к меридиану, как 14 к 15.

2. Ограничивается эта карта с востока частью Гирканского моря и также частью Мидии, с юга—Месопотамией и Ассирией, с запада—Каппадокией и частью Эвксинского Понта, с севера—Азиатской Сарматией.

3. Из известных городов в Колхиде Диоскуриада имеет самый длинный день в 15 равноденственных часов 45 минут и отстоит от Александрии к востоку на $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{5}$ равноденственного часа.

4. Фасис имеет самый длинный день в 15 часов 30 минут и отстоит от Александрии к востоку на половину и третью часть часа.

5. Из городов Иберии Артанисса имеет самый длинный день в 15 часов 35 минут и отстоит от Александрии к востоку на один час.

6. Армактика самый длинный день имеет в 15 часов 25 минут и отстоит от Александрии на один час к востоку.

7. Из городов Албании Гангара (или Гетара) самый длинный день имеет в 15 часов 30 минут и отстоит от Александрии к востоку на $\frac{1}{4}$ часа.

8. Албана самый длинный день имеет в 15 часов 30 минут и отстоит от Александрии к востоку на 25 минут.

9. Оссика самый длинный день имеет в 15 часов 27 $\frac{1}{2}$ минут и отстоит от Александрии к востоку на $\frac{1}{8}$ часа.

ЭЛИЙ ГЕРОДИАН

Элий Геродиан, по прозванию *ὁ τεχνικός*, сын знаменитого грамматика Аполлония Дискола, родился в Александрии, но еще в молодых летах переселился в Рим, где пользовался расположением и уважением императора Марка Аврелия и писал свои многочисленные сочинения грамматического содержания. Из них дошло до нас в целости только одно—*περὶ μετρίων λέξεων*, а из остальных, в том числе и из главнейшего—*καθολικὴ προσοδία* в 21 книгах,—имеются лишь отрывки и выдержки у позднейших грамматиков. Труд воссоздания его сочинений из сохранившихся остатков с изумительным усердием исполнен Авг. Ленцом: *Herodiani technici reliquiae. Collegit disposuit emendavit explicavit praefatus est Aug., Lentz, 2 тома. Lips., Teubn., 1867—70.* Огромное большинство отрывков, имеющих интерес и значение для нашей цели, заимствовано Ленцом из Стефана Византийского; поэтому мы не воспроизводим их целиком, а только указываем соответствующие места у Стефана. Извлечение нужных отрывков принадлежит, главным образом, А. П. Малеинцу.

ОБ ОБЩЕЙ ПРОСОДИИ¹

(ΠΕΡΙ ΚΑΘΟΛΙΚΗΣ ΠΡΟΣΩΔΙΑΣ)

КНИГА I

I, 22, 14. Гемикины [полупсы] = St e r h. В у з. s. v. 'Ημίχονες.

26, 27. Исседон = он же s. v. 'Ισσηδόνες; ср. II, 527, 4.

28,6 — 20. Слово 'Αμαζών имеет долгое α. Это женское имя у Термодонта, как говорит Эфор ('Εφορος)². Некоторые производят это название от отсутствия груди (τινὲς ἀπὸ τοῦ ἐστερήσθαι μαζών); но такое производство невероятно. Фемистагор в «Золотой книге» говорит: «В Алоге, называемой ныне Ликией, что у Эфеса, женщины, единодушно отказавшись от обычных женских занятий и подпоясавшись поясами, стали заниматься всеми мужскими делами; между прочим они ἤμων, т. е. жали с этими поясами; поэтому и названы 'Αμαζύες — жнущие споясами»; или потому, что они выжигали одну грудь ради стрельбы из лука, или потому, что не ели лепешек, а змей, скорпионов, ящериц и черепах; иные же производят название от матери Амазон ('Αμαζεύς)... А слово ἄμαζών — надменный имеет долгое α и острое ударение на последнем слоге; как название смежного со скифами народа³ сохраняет ω в косвенных падежах для отличия.

34,23. Макроны = St e r h. В у з. s. v. Μάχρονες.

КНИГА II

45,10. Языг ('Ιαζος) = он же s. v. 'Ιάζυρες.

47,15. Филиры = он же s. v. Φίλορες; ср. II, 231,13.

48,15. Бизер = он же s. v. Βύζυρες.

49,20. Бехир = он же s. v. Βέυειρ; ср. II, 431,17; 748,8,11.

Там же. Сапир или каспир = он же s. v. Σάπειρες; ср. II, 578,25.

52,28. Матой: так вдренности скифами называлась река Истр⁴. Матой же по гречески значит «грязный», Ср. St e r h. В у з. s. v. Δάνουρις.

53,10. Ребас = St e r h. В у з. s. v. 'Ρήβας.

56,11. Тирас, город и река у Понта Эвксинского, как говорит Полигистор. Читается же и Тирис⁵. См. St e r h. В у з. s. v. Τύρας.

58,10. Хирады = Steph. В у з. s. v. Χοιράδες.

58,29. Диоскуриада = он же s. v. Διοσκουριάς.

58,35. Афродисиада = он же s. 'Αφροδιτιάς.

КНИГА III

59,19. Дай = он же s. v. Δάαι.

62,9. Скиф = он же s. v. Σκύθαι. Ср. II, 678,24; 690,3; 691,8.

62,19. Сак = он же s. v. Σάκαι. Ср. I, 54,21; II, 678,29.

66,8. Санниг = он же s. v. Σαννίγαι.

68,33. Апасиак = он же s. v. 'Απασιακαί.

69,6. Карамбик = он же s. v. Καρამβύκαι.

¹ [В цитатах римская цифра обозначает том, первая арабская — страницу и вторая арабская — строку по изданию Ленца.

² [Более подробно сообщение Эфора об амазонках на реке Термодонте в Малой Азии см. Diod., II, 45; см также Strabo, XI, 5, 4].

³ [О скифском племени алазонов на нижнем Днепре см. Нег., IV, 17; ср. Strabo XII, 3, 12, рассуждения о том, что правильнее писать «алазоны», чем «ализоны» и «амазоны»].

⁴ [Это же наименование, со ссылкой на Страбона, приводится у Eust. к Dion. Per. 298. Отсутствие этого наименования в сохранившемся тексте Страбона объясняется (см. В г а н д i s, RE, VIII, -2104) за счет лакун VII книги. Вместо αἰος Брандис предлагает читать αἰσος, т. е. «счастливый», и толкует это наименование по-добно общеизвестной этимологии наименования Черного моря — εὐξεινος].

⁵ [Это чтение засвидетельствовано у Ps.-Scyl., 68].

- 69,8. Павсарк = он же s. v. Παρσάρκαι.
 69,30. Апсил = он же s. v. Ἀψίλοι.
 70,7. Иам = он же s. vv. Ἰάμι и Ἰάμοι. Ср. 170,18
 70,6; Бастарн = он же s. v. Βαστάρνοι.
 70,19. Борисфен = он же s. v. Βορυσθένης. Ср. II, 406,28; 436,31; 483,11;
 866,63.
 71,3. Акесин¹ река Танаис. Ср. Steph. Byz. s. v. Τάννις.
 71,10. Аракс = он же s. v. Ἀράξης. Ср. 159,13.
 72,9. Типанис = он же s. v. Τίπανισαι. Ср. II, 436,2.
 72,14. Иксибат = он же s. v. Ἰξίβαται.
 72,16. Сармат = он же s. v. Σαρμάται. Ср. Σαρματία ἢ Χώρα p. 289,41.
 72,18. Сирмат = он же s. v. Σορμάται.
 72,24. Харимат = он же s. v. Χαριμάται.
 73,4. Матикет = он же s. v. Μαιχέται.
 73,6. Эвергет = он же s. v. Εὐεργέται.
 73,8. Тиссагет = он же s. v. Τισσαχέται.
 73,9. Торет = он же s. v. Τορέται.
 73,10. Миргет = он же s. v. Μοργέται. Ср. II, 552,14.
 75,1. Меот = он же s. v. Μαίωται. Ср. 106,20.
 78,3. Яксарт = река Танаис. Ср. Steph. Byz. s. v. Τάννις

КНИГА IV

- 87,11. Данубий = Steph. Byz. s. v. Δάνουβις. Ср. II, 489,19.
 88,24. Халкида = он же s. v. Χαλκίς.
 92,37. Метрсполь = он же s. v. Μητρόπολις.
 93,17. Себастополь остров² в Понте; он же Диоскуриада и раньше
 Эя. Из Steph. Byz. s. v. Διοσκουριάς.
 95,17. Гиркания = Steph. Byz. s. v. Ἰρκαυοί
 95,23. Гипанис = он же s. v. Ὑπανις.
 96,5. Упоминается Тибаренида.
 96,18. Пиэнида город колхов. Ср. Steph. Byz. s. v. Πυγνις.
 97,14. Напис = он же s. v. Νάπις.
 98,23. Неврида = он же s. v. Νευροί,
 99,7. Тирис = он же s. v. Τύρας. Ср. I, 56,11; II, 864,12.
 102,28. Фасис = он же s. v. Φάσις. Ср. II, 221,10.
 102,35. Кавкасида = он же s. v. Καύκασος. Ср. I, 209,9; II, 531,17.
 103,31. Апсиртида = он же s. v. Ἀψυρτίδες.
 105,21. Каркинитида, город скифский — из него же s. v. Καρκινίτις.
 106,1. Сфрагитида, мыс в Скифии. Ср. Steph. Byz. s. v. Σφραγίτηα.

106,2—9. Халкитида, есть и страна в Скифии, как *говорит* Гермий в периегесе³. Ср. Steph. Byz. s. v. Χαλκίς.

106,20. Меотский народ — скифское племя и Меотийское озеро, которое, говорят, было названо и т. д. Ср. Steph. Byz. s. v. Μαίωται.

¹ [На это отождествление указывает и Стефан Византийский, ссылаясь на грамматика II в. н.э. Никанора. Акесин — река в Индии, впадающая в Инд и отождествляемая с современным Ченабом].

² [Наименование Себастополя — Диоскуриады островом у других авторов не засвидетельствовано. Отождествление этого города с мифической Сэй, столицей царя Ээта (иногда отождествляемой также с позднейшим Археополем-Николаевым), подтверждает (у Steph. Byz. s. v. Τάννις) Никанор].

³ [Это, восходящее к Гермию Метимнскому, автору IV в. до н.э., известие относится, вероятнее всего, к Кавказу, точнее к области халибов, — племени, наименование которого также тесно связано с представлением о меди. Ср. Thomashek, RE, VI, 2090, 12].

106,27. Слово Скифида (Σκοφίδας) двусложное с острым ударением на конце, как Персида (Περσίς).

КНИГА V

114,26. Гипербореи = Steph. Byz. s. v. Ὑπερβόρειοι. Ср. I, 308,21; II, 596, 10.

117,26. Травхений = он же s. v. Τραυχένιοι.

117,27. Тирмений = он же s. v. Τυρμένιοι.

118,19. Абий = он же s. v. Ἀβιοι. Ср. Ἀβιοι II, 174,14.

119,14. Дандар = он же s. v. Δανδάριοι.

121,12. Кадусий = он же s. v. Καδούσιοι.

130,26. Парфии = он же s. v. Παρθαῖοι. Ср. 145,1.

132,27. Халдеи = он же s. v. Χαλδαῖοι. Ср. 142,24.

136,20. Боспорий = из него же s. v. Βόσπορος. Ср. I. 228,1; II, 483,15 сл.; 878,32.

КНИГА VI

139,8. Халиба (Χάλυβος); у Гекатея Χάλυβες. Из Steph. Byz. s. v. Χάλυβας. Ср. II, 177,5; 286,13; 603,15.

141,8. Абасгский народ в Скифии. Из него же s. v. Σαννίγαι.

141,10. Гиппемолгский народ скифский от того, что они доят кобыл (ἵππους ἀμέλγειν). Ср. Steph. Byz. s. v. Μελάγχχλαιοι.

142,12. Гед = Steph. Byz. s. v. Ἠδοί.

142,20. Синдский народ, *живущий* на юг от Меотийского озера. Некоторые ставят острое ударение на конце, *что* неверно. Ср. Steph. Byz. s. v. Σίνδοι, ср. схол. к Apoll. Rhod., IV, 324.

143,27. Лаз = Steph. Byz. s. v. Λόζοι. Ср. Λαζική. Р. 316,2.

144,11. Сет, река в Скифии, как *говорит* Филостефан. [Ср. II, 947,22].

145,1. Парф¹ = Steph. Byz. s. v. Παρθαῖοι.

147,27. Дакийский народ, который называется и дайским. Из него же s. v. Δακίαι.

150,23. Амадок = он же s. v. Ἀμάδοχοι.

151,10. Моссиник = он же s. v. Μοσσύνιοι.

152,8. Синдик², город смежный со Скифией. Из него же s. v. Σύνδικος. Ср. II, 445,3.

152,24. Халибдикийский = из него s. v. Χάλυβες.

156,2. Кол = он же s. v. Κόλοι.

КНИГА VII

170,18 Иам = Steph. Byz. s. v. Ἰαμοι.

175,24. Ахарн = он же s. v. Ἀχανοί.

177,4. Фринский (Φρύγος) народ скифский³.

177,25. Меланхлен = Steph. Byz. s. v. Μελάγχχλαιοι.

179,27. Токсианский народ таврический, который называется также токсиями. Из него же s. v. Τόξιοι.

180,2. Аспургин = он же s. v. Ἀσποργιανοί.

181,15. Скифей = он же s. v. Σκυθηνοί.

181,16. Хабарен = он же s. v. Χαβαρηνοί.

184,2. Будин = он же s. v. Βουδῖνοι.

184,7. Либистин = он же s. v. Λιβυστίνοι.

185,20. Гелон = он же s. v. Γελωνός. Ср. 861,26.

¹ [Т. е. — парфянин].

² [Более обычная форма — Синдика (Συνδική) — наименование, прилагавшееся не только к городу, но и ко всей области синдов. Ср. Strabo, XI, 2; 10 сл.].

³ [Φρύγος я добавил из Eust. к Dion. Per., 752, кановое место, видимо, взято из Стефана Византийского (Lentz)].

186,24. Слово *χορῆς* как прилагательное имеет острое ударение на последнем слоге, а как название народа — не на последнем. Это колхский народ вблизи колов. Гекатей в *описании Европы*¹.

187,24. ... Поп (*πόπος*)²; скифы называют попами *находящиеся* у них кумирчики³.

188,20. Исеф = Steph. Byz. s. v. Ἴσηπος.

188,22. Аримаспский народ гипербореев = он же s. v. Ἀρμασποί.

КНИГА VIII

193,13. Невр = имя народа.

193,18. Φροῦρος = существительное. Это — народ скифский, φρουρός — прилагательное⁴. Ср. II, 3,43.

194,23. Ансар = Steph. Byz. s. v. Ἀφουρίδας.

196,26. Каспаир = Steph. Byz. s. v. Κασπάπιρος.

202,4. Гелур = он же s. v. Ἐλοοροι.

202,12. Апатур = он же s. v. Ἀπάτορον.

204,23. Герр = он же s. v. Γέρρος.

207,1. Травский, близкий к кельтам народ, которых эллины называют агатирсами⁵.

207,30. Агатирс = Steph. Byz. s. v. Ἀγάθουροι.

207,34. Аорс = он же s. v. Ἀορσοι.

208,10. Псесс = он же s. v. Ψησσοί.

209,19. Кавказ = он же s. v. Καύχασος.

211,1. Кардесс = он же s. v. Καρδησός.

211,3. Херронес = он же s. v. Χερρόνησος.

213,21. Налис = он же s. v. Ἰαλυσίς.

222,17. Амаранты = он же s. v. Ἀμραντοί.

225,23. Мосх = он же s. v. Μόσχοι.

226,15. Таох = он же s. v. Τάοχοι.

226,23. Аррех = он же s. v. Ἀρρηχοί.

КНИГА IX

228,1. Боспор = Steph. Byz. s. v. Βόσπορος,

234,15. Гениох [возница]; есть же и народ у Кавказа. Страбон в *одиннадцатой книге*. Ср. Steph. Byz. s. v. Ἠνιοχία.

КНИГА X

238,1. Патрасис = Steph. Byz. s. v. Πάτρασις.

240,38. Гаргарей = он же s. v. Γαργαρεῖς. Ср. II, 889,13; 39.

¹ [То же самое Стефан s. v. Κορῆς из описания Азии у Гекатея. Εὐρώπη Lentz, видимо, написал по ошибке].

² «πόπος» из Theogn., p. 158, я перенес сюда под влиянием Lehrs'а, de Arist., стр. 119, издание II» (Lentz)].

³ [Поздние глоссарии объясняют πόπος как дриопское (древнефессалийское, пеласгическое — г. е. доиндоевропейское) наименование богов и духов: πόποι — δῆμονες Ср. Et. Magn., 823, 32; Lycophr., Alex., 943].

⁴ Φροῦρος и φρουρός см. Eust. к Dion. Per., 752: Φροῦροι — скифский народ для отличия от φρουροί, каковсе слово, имея острое ударение на конце, обозначает «стражи» (Lentz). [Об этом скифском племени ближе ничего неизвестно. Возможно, что его следует отождествить с упомянутым у Ptol. Geogr., III, 5, 8 племенем фругунионы в западной части Европейской Сарматии].

⁵ «Из Стефана Византийского исправлено в Litt. Centralbl., 1864, № 50, стр. 200» (Lentz).

245,18. Теос = он же s. v. Τέως.

247,4. Халиб = он же s. v. Χάλυβας. Ср. II, 177,5; 286,13; 603,15.

КНИГА XI

257,19. Олинна = Steph. Byz. s. v. Ὀλιννα.

260,15. Элевтеры = он же s. v. Ἐλευθεραί.

262,5. Темискира = он же s. v. Θερύσκορα.

265,6. Акра = он же s. v. Ἄκρα.

267,6. Асса = он же s. v. Ἄσσα.

271,18. Эя, город Колхиды (из Theogn., 102,19); см. Steph. Byz. s. v. Αἶα.

281,13. Геликсия = Steph. Byz. s. v. Ἑλίκεια.

285,23. Дия = он же s. v. Δία.

289,27. Ольвия = он же s. v. Ὀλβία.

290,2. Скифия упоминается среди имен областей и городов, в конце XI книги, которые имеют острое ударение на втором слоге от конца.

292,19. Феодосия = Steph. Byz. s. v. Θεοδοσία.

295,14. Албания = он же s. v. Ἀλβανία.

295,31. Армения = он же s. v. Ἀρμενία. Ср. II, 454,21; 877,25.

298,1. Тибарения = он же s. v. Τιβαρηνία.

КНИГА XII

313,12. Певка = он же s. v. Πεύκη.

315,4. Анариака = он же s. v. Ἀναριακή.

315,13. Псевдартака = он же s. v. Πευδαρτάκη.

316,12. Скифский вид обуви. Ср. Steph. Byz. s. v. Σκύθαι.

316,13. Абика, понтийская область.

316,16. Колика, область у Кавказа. Ср. Steph. Byz. s. v. Κώλοι.

316,20. Таврика = он же s. v. Ταυρίκη, выпустив слова ἦς οὐ πολὺ — Ермѡναςα и в конце ὁ οἰκῆτωρ-φασί.

316,25. Лазика древняя = местечко, как говорит Арриан. Ср. Steph. Byz. s. v. Λαζοί.

325,4. Корокондама = Steph. Byz. s. v. Κοροκονδάμη.

325,10. Крема = он же s. v. Κρέμη.

329,28. Стамена = он же s. v. Σταμένη.

332,16. Гогарена = он же s. v. Γωγαρηνή.

340,22. Тафры = он же s. v. Τάφραι.

341,4. Фанагора = он же s. v. Φαναγόρεια. Ср. I, 280,8; 341,4; 374,24; II, 896,13.

КНИГА XIII

359,1. Гагий¹ = он же s. v. Ἄγιον.

360,17. Портмий = он же s. v. Πορθμία.

361,27. Амиргий = он же s. v. Ἀμύργιον.

366,6. Зефирий = он же s. v. Ζεφύριον.

369,14. Нимфей = он же s. v. Νύμφαιον.

369,26. Рипей = он же s. v. Ριπαία.

373,26. Мирмекий = он же s. v. Μομῆχιον. Ср. II, 460,4; 552,19.

378,15. Кита = он же s. v. Κύττα. Ср. 283,8; 389,40.

389,8. Апатур = он же s. v. Ἀπάτορον.

393,36. Аргос = он же s. v. Ἄργος.

¹ [Святое].

КНИГА XIV

397,24. Μαρ = он же s. v. Μᾶρς.

401,6. Χυς (Χοῦς) = он же s. v. Χοί¹.

ОБ ОРФОГРАФИИ

(ΠΕΡΕ ΟΡΘΟΓΡΑΦΙΑΣ)

II, 483,15 сл. Боспор — из Steph. Byz. s. v. Βόσπορος. Ср. I, 136,20.

II, 527,4. Исседоны — из него же s. v. Ἰσσηδόνες.

II, 534,6. Гераклид Понтийский говорит, что киммерийцы живут ниже Понта...² Протей Зевгматит³ пишет Χεῖμέριοι [зимние], ибо у них всегда зима. Некоторые называют их Καμμέριοι от χέμμερος — мгла⁴. Есть и скифское племя киммерийцы⁵.

II, 552,14. Миргеты — Steph. Byz. s. v. Μυργέται.

ТЕОФИЛ

По Евсерию, стоял во главе Антиохийской епархии в 167 — 177 гг. н. э. Написал сочинение (после 180 г.) в защиту христианства против насмешек некоего Автолика Θεοφίλου πρὸς Αὐτόλικον в трех книгах.

Издание: Corpus apologetarum Christianorum saeculi secundi, ed Otto, VII, Jenaе, 1861: Theophilus Antiochenus.

Извлечения А. И. Маленна

I, 10 (Otto, 28,31). Что мне сказать... про скифскую Артемиду..., бывшую беглянкой, человекоубийцей и охотницей и влюбленную в Эндимиона⁶.

III, 27 (Otto, 262). Итак, когда Кир, после тридцативосьмилетнего царствования, был убит царицей Томирис в Массагетии в шестьдесят вторую олимпиаду⁷, уже с того времени росло могущество римлян...

АФИНАГОР

В 177 г. представил императору Марку Аврелию сочинение в защиту христианства: Ἀθηνῶν τοῦ Ἀθηνῶν φιλοσόφου χριστιανὸς πρὸς τοὺς περὶ χριστιανῶν в 37 главах.

Издание: Athenagorae libellus pro Christianis... Recens. Ed. Schwarz, Leipz., 1891 (в серии Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur von Gebhardt und Harnack, IV Band).

Извлечения А. И. Маленна

14 (Schwarz. p. 15). Создают богов...Алкман и Гесиод, Медею⁸ и Ниобу — жиликийцы.

26. Артемиды, которая у тавров убивает иноземцев⁹.

¹ [«Χοῦς» я добавил сам вследствие собственного имени Χοῦς у Steph. Byz., у которого надо писать не Χοί, а Χοῖ (Lentz)].

² [Г. е. в Каппадокии, в районе Синопы. О пребывании киммерийцев в Малой Азии и об их следах там, см. Lehmann-Haupt, RE, XXI, стл. 407 сл.].

³ [Грамматик Протей из сирийского города Зевгмы, ближе не известен].

⁴ [Различные этимологизации имени киммерийцев см. еще Eust. к Hom., Od., XI, 14].

⁵ [Cp. Strabo, I, 3, 21 и прим., о ттрах и скифах, как о «киммерийских» народах].

⁶ [Скифская Артемиды — Артемиды Ифигения, о культе которой см. Нег., IV, 103; Евр., Iph. Taur., 1457 и п.им.; миф об Эндимионе связывается обычно не с Артемидой, а с Селеной (Луной, см. Cic., Tusc., I, 38, 92), с которой наш автор отождествляет, таким образом, Артемиду].

⁷ [В 529 г. до н. э.].

⁸ [О культе Медеи, отождествляемой с Гекатой и Артемидой, см. Stengel, De Argonautarum ad Fasidem usque expeditione, 1873, стр. 20 сл.].

⁹ Надо заметить, однако, что Schwarz хочет уничтожить эту фразу и заключил ее в квадратные скобки.

ЦЕЛЬС

Философ платоновской школы, написавший в 178 г. н.э. сочинение Ἀληθὴς λόγος, наполненное резкими нападениями на христианство и известное нам по возражениям Оригена в его сочинении *κτὰ Κέλσου*. Попытку восстановления труда Цельса из сочинения Оригена представляет Th. Keim, *Celsus wahres Wort, älteste Streitschrift antiker Weltanschauung gegen das Christentum vom Jahre 178 nach Chr.*, Zürich, 1873, Ср. E. Pélagaui, *Etude sur Celse*, Lyon, 1878; O. Heine, *Über Celsus ἀληθὴς λόγος*, Phil. Abhandl. zu Ehren von M. Hertz, 1888, стр. 197—214.

См. Orig., c. Cels., I, 16; III. 31; V, 36; 41; VI, 39; VII, 62.

ОППИАН

Дидактический поэт, уроженец города Корика в Киликии, жил при Марке Аврелии, который относился к нему с величайшим уважением, и умер в тридцатилетнем возрасте. От него сохранилось посвященное Марку Аврелию и Коммоду сочинение Ἀλεστικά в 5 книгах. Приписываемое ему же сочинение Κοιμητικά в 4 книгах не может принадлежать ему, так как автор называет своей родиной сирийский город Апамею и посвятил свой труд императору Каракалле. Сочинение Ἰξαστικά сохранилось только в прозаическом пересказе Эвтекния.

Текст: Oppiani et Nicandri quae supersunt... edidit F. S. Lehrs в собрании Poetae bucolici et didactici, т. I, Paris, Firmin Didot, 1864.

О РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

(ΑΛΙΕΥΤΙΚΑ)

I, 595 — 613

Когда икроносные рыбы весной наполняются детородным *веществом*, то одни из них спокойно остаются каждая на своем месте, в своих обычных жилищах; но многие, собравшись, устремляются по одному общему пути в Эвксинский Понт, чтобы там родить детенышей. Этот залив преснее всякого *другого* моря¹, будучи пополняем бесчисленными многоводными реками; в нем удобные и многопесчаные пристани, изобильные кормы, тихие берега, полые скалы, илистые пещеры, тенистые косы и вообще все, что особенно любят рыбы; в нем не водятся ни страшных чудовищ, ни каких-либо губительных для рыб животных, ни враждебных мелкой рыбешке полипов, крабов или морских раков. Водятся в нем немногочисленные дельфины, но тоже более безопасные, чем *другие* породы морских животных, и безвредные. Поэтому это море чрезвычайно любим рыбами и они очень спешат плыть *туда*.

IV, 504 — 513

Стада пелагид—родом из Эвксинского моря и происходят от сердитых самок тунцов. Последние, собравшись *там*, где Меотида соединяется с морем, у болотистого устья и покрытых водой зарослей камыша переносят тяжелые родовые муки; часть икры, которую встретят при плавании, они поедают, а другая *часть*, оставшись в камышах и тростнике, своевременно производит стада пелагид; последние, как только попадут в волны и научатся плавать, спешат в другие области моря и не желают оставаться там, где родились, несмотря на свою ничтожную величину.

¹ [О пресноте воды Черноморского (а также и Каспийского) бассейна см. Arist., Hist. an., VIII, 19; Polyb., IV, 40, 9 сл.; Strabo, I, 3, 4].

ОБ ОХОТЕ

(ΚΥΝΗΓΕΤΙΚΑ)

I, 171—172: в перечислении лучших пород лошадей, между прочим, упоминаются «кони скифские» и «армянские»¹.

I, 373: в подобном же перечислении лучших пород собак упоминаются «савроматские псы».

I, 397; рекомендуется для улучшения пород собак скрещивать, между прочим, сарматского пса с иберийской самкой.

II, 138 — 144

... С обеих сторон многошумного моря противоположные одна другой реки спускаются изобильным течением: с одной стороны Истр, рассекая белоснежные удила Борея, грозно шумит повсюду в Скифии, катясь по утесам и омываемым волнами мысам, а с другой стороны из Ливии далеко шумящее море страшится разбивающихся о него волн священного египетского потока².

ЮЛИЙ ПОЛИДЕВК

Грамматик и софист, уроженец египетского города Навкратиса, жил во второй половине II в. н. э. при императоре Коммодe, которому посвятил сохранившееся до нас сочинение 'Ονομαστικόν в 10 книгах.

Текст: Julii Pollucis Onomasticon, ex recens. Imm. Bekkeri. Berol., 1846; [Julii Pollucis Onomasticon, rec. B e t h e, Berol., 1908—14].

СЛОВАРЬ

(ΟΝΟΜΑΣΤΙΚΟΝ)

I, 138 (О варварском вооружении): К этому следует причислить и варварское вооружение: македонскую сариссу... и скифские секиры (σαῦρος)...³

II, 62. (О различии глаз): 1... Прилагательное «одноглазый» употреблено у Геродота⁴ относительно имеющих от природы один глаз, как, например, киклопов⁵ и аримаспов...

IV. 60. (О музыкальных инструментах, изобретенных разными пле-

¹ [О скифских и иллирийских лошадях, отличающихся своей выносливостью, см. Агг., De venat., 23, 3].

² [Имеется в виду река Нил. Ср. Strabo, XI, 2, 2, где разбираются мнения о диаметральной противоположности течения рек Танаиса и Нила].

³ [Сарисса (σάρισα; также σάρις) — длинное копье, бывшее предметом вооружения в македонской фаланге (Theophr., Hist. Plant., III, 12, 2; Polyb., II, 69, 9; сагара (секира), как предмет вооружения массагетов, изготовленная из бронзы (мели), упомянута у Нег., I, 215; как оружие мессиников и амазонок о ней упоминает Хен., Анаб., IV, 4, 16; V, 4, 13). Бронзовое секирообразное оружие у скифов археологически не засвидетельствовано. Ближе всего под это понятие подходят бронзовые секирообразные топоры закавказского типа, так называемые «амазонские» или «киммерийские». См. А. Иессен, Из истории древней металлургии Кавказа, Известия ИИМК, № 120, 1935].

⁴ Нег., IV, 27.

⁵ [Титалическое племя, по Несс., Theog., 624 сл. — дети Урана и Геи; населявшие по Ном., Od., I, 69; IX, 106, в глубокой древности остров Сицилию].

менами):... пятиструнный изобретен скифами и связывался сыромятными ремнями, а плекрами *служили* козьи копыта...¹

IV, 76. (Виды музыкальных инструментов):... Скифы и между ними в особенности андрофаги², меланхлены и аримаспы дуют в кости орлов и коршунов наподобие флейт...³

V, 26 (Об охотничьих снарядах): ... Сети опускаемые, полевые и дорожные⁴ должны делаться из египетского, фасианского, карфагенского или сарбийского льна⁵. Геродот говорит⁶, что фасианский, т. е. колхидский, лен называется у эллинов сардонским...

VI, 25: скифский способ питья⁷.

VII, 48: понтийская соленая рыба⁸.

VII, 52: фасианские птицы.

VII, 59. (Виды одежды): ... Антифан в «Скифах» сказал: «все одетые в шаровары и хитоны»... (ср. X, 168: Антифан же в «Скифах» или «Таврах», шаровары и т. д.).

VII, 70 (О кожаных одеждах): Были и кожаные одежды... сисирна⁹—кожаный хитон, волосатый с рукавами, употребляется скифами¹⁰.

VII, 88—(Виды обуви): ... «Аргосские» *баинмаки*, всякому очевидно, придуманы аргосцами, как «скифские»,—скифами¹¹ и «родосские»—родосцами...

СЕКСТ ЭМПИРИК

Философ скептической школы, живший, по всей вероятности, в конце II в. н.э. От него сохранились сочинения Περὶ ἀσκήσεως τῆς ἀπορίας в 3 книгах и Σκεπτικά в 10 книгах (5 книг πρὸς μαθηματικούς и 5 πρὸς δογματικούς), кроме того, ему приписываются 5 этических декламаций.

Текст: Sextus Empiricus ex recens. Imm. Bekkeri, Berol., 1842.

¹ Речь идет, вероятнее всего, об инструменте типа кифары или лиры, иногда изображающейся с пятью струнами (см. D a g e m b e r g et S a g l i o, Dictionnaire des antiquités, IV, s.v. Lyra) или, может быть, о восточном инструменте с грифом, называвшемся *πανδοῦρα* (позднее бандура) по Clem. Al., Strom., I, 16, 76, p. 363, фригийского происхождения. Обломки и украшения из слоновой кости музыкального инструмента типа кифары были найдены в Керчи (Древности Боспора Киммерийского, табл. LXXIX сл.).

² [Людседы].

³ [Ср. P l u t., Conv. VII sap. 5, где Анахарсис отрицает наличие у скифов флейт и флейтисток ввиду отсутствия виноградных лоз (т. е. вина и пиршеств). Ср. также схоласт. к A r i s t., Anal. post., II].

⁴ О различного рода сетях ср. P o l l., V, 27; «различие же имен в употреблении для охоты состоит в том, что полевыми называют устанавливаемые на равнинах и ровных местах, дорожные же на дорогах; опускаемые же меньше их величиной, по виду же подобны головной сетке, заканчиваясь острием».

⁵ Ср. H e r., De venat., II, 4.

⁶ H e r., II, 105.

⁷ [См. об этом A n a s t., fr. 63, а также E u s t. к H o m., Od., XV, 85].

⁸ [См. о черноморской соленой рыбе и о вывозе ее в средиземноморские страны P o l y b., IV, 38].

⁹ [Ср. об этом названии прим. D i n d o r f'a, V, 1, стр. 323].

¹⁰ [Имеется в виду одежда, считая из звериных шкур шерстью вверх. Примером подобной одежды может служить парадное жреческое одеяние с узкими рукавами, найденное в кургане близ Катанды на Алтае. См. Е. И. В и д о н о в а, Платье из кургана близ Катанды, Труды ГИМ, вып. VIII, 1940, стр. 90 сл.].

¹¹ [О скифских башмаках или «скификах» (род кожаной обуви) см. еще A l c., fr. 103, а также L y s., pro Bacch. et Pyth., 3].

ПИРРОНОВСКИЕ ОЧЕРКИ

(ΠΥΡΡΟΝΕΙΟΙ ΥΠΟΤΥΠΩΣΕΙΣ)

1, 80. Тело скифа отличается по внешнему виду от тела индийца, и это отличие производит, как говорят, различная степень влаги...¹

1, 149... У тавров в Скифий был обычай приносить чужестранцев в жертву Артемиде...²

III, 202... Татуирование у нас считается позором и бесчестьем, а из египтян и сарматов многие татуируют *новорожденных детей*³.

III, 208... Осквернять алтарь божества человеческой кровью у многих из нас *считается* безнравственным, а лаконцы жестоко бичуются при алтаре Артемиды Ортосии, для того, чтобы на алтаре богини изобильно проливалась кровь; некоторые и Кроносу приносят в жертву человека, подобно тому как скифы—чужестранцев Артемиде...⁴ (210), у нас закон повелевает детям иметь пощечение об отцах, а скифы режут их по достижении шестидесяти лет...⁵

III, 217. Амазонки калечили рождавшихся у них детей мужского пола⁶ для того, чтобы они не могли совершать ничего мужеского, а военными делами занимались сами, между тем как у нас принято противоположное...

III, 226. Подобное можно сказать и об *отдании последних* почестей усопшим: одни, как следует убрав умерших, зарывают их в землю, считая нечестьем показывать их солнцу... (227)... а гирканы выставляют их на пищу псам... (228), некоторые же варвары достигших шестидесятилетнего возраста приносят в жертву и съедают, а умерших в молодости зарывают в землю...

ПРОТИВ ДОГМАТИКОВ

(ПРОС ΔΟΓΜΑΤΙΚΟΥΣ)

КНИГА I

48 и 55. Упоминается скиф Анахарсис

КНИГА III (ПРОТИВ «ФИЗИКОВ» I)

<ΒΙΒΛ. Γ' (ΠΡΟΣ ΦΥΣΙΚΟΥΣ Α')>

202. Однако, если нет никакой причины *бытия*, то должно будет все происходить от всего, во всяком месте и даже во всякое время; но это невозможно: ибо, если нет никакой причины, то *нет* и никакого препятствия из человека явиться лошади; а при неимении никакого препят-

¹ [Ср. рассуждения о количестве влаги в человеческом организме и ее влиянии на его развитие у Arist., de anim. orig., V, 3].

² [См. Eur., Iph. Taur., 28 сл. и прим.].

³ [Об обычае татуировки тела у скифов и фракийцев см. Athen., XII, 27 (р. 524 с) со ссылкой на Клеарха, трагика эпохи Софокла; ср. также Artem. Dal d., Oneirocr., I, 8 и прим.].

⁴ [О человеческих жертвоприношениях Артемиде у скифов (тавров) см. Her., IV, 103, а также Eur., Iph. Taur., 28 сл. и прим.].

⁵ [Имеется в виду описанный Геродотом обычай ритуального убийства стариков у массагетов (I, 216; IV, 26 и прим.)].

⁶ [Легенда о калечении мужчин у амазонок изложена у Hipp., περὶ ἀγῆ. καὶ ὄρνθρ, 101 и повторена у Eust. к Hom., II., III, 189, а также у Diog., Cent., II, 2 (см. ниже)].

ствия из человека когда-нибудь явится лошадь и точно так же, при случае, из лошади — растение. Сообразно этому не будет невозможно, чтобы в Египте лежал плотный снег, а в Понте случалось бездождие...

247. ... Солнце жжет страны около Эфиопии, греет наши страны и только освещает гипербореев... Ибо, находясь близко к Эфиопам, оно, конечно, жжет, находясь от нас на умеренном расстоянии — греет и, далеко отстоя от гипербореев, совсем не греет, а только освещает...

ДИОН КАССИЙ КОККЕИАН

Уроженец города Никеи в Вифинии, родился около 150, умер около 235 г. н. э. Написал большое сочинение *Ῥωμαίων ἱστορίαι* в 80 книгах, из которых XXXVI—LX, описывающие события с 68 г. до н.э. до 47 н.э., дошли до нас целиком, а остальные части труда лишь в отрывках и извлечениях; труд Диона был доведен до 229 г. н.э.

Текст: *Dionis Cassii Cocceiani historia Romana. Cum annotationibus Lud. Dindorfii*, 5 томов, Lips., Teubn., 1863—65. Извлечения из книг XXXVI—LX переведены по более новому изданию I. Melber'a, тт. I—II, Lips., Teubn., 1890—94. [Основное издание: Boissevain, Berl., 1895—1901].

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

(ΡΩΜΑΙΚΗ ΙΣΤΟΡΙΑ)

1. ПОХОДЫ ПОМПЕЯ В 66—65 гг. ДО Н. Э.

(XXXVI, 50 — XXXVII, 5)

XXXVI, 50. Тогда [Митридат] поспешил к Тиграну¹, но, послав к нему передовых, не встретил сочувственного приема, так как *Тигран* заподозрил, что в воссании, поднятом его сыном Тиграном², *Митридат*, приходившийся дедом последнему, был *главным* подстрекаелем, и поэтому не только не принял его, но даже приказал схватить и заключить в оковы его передовых. (2). Обманувшись в своих надеждах, Митридат обратился в Колхиду, а оттуда сухим путем прибыл к Меониде и Боспору и, действуя на одних убеждением, на других силой, подчинил себе эту страну. Сын его Махар, владевший ею в то время и ставший на сторону римлян, до того был поражен его прибытием, что не осмелился даже явиться ему на глаза; *Митридат* убил его через близких к нему лиц, обещав им прощение и деньги³. (3) Между тем Помпей послал за ним погоню, но так как он успел *раньше* бежать за Фасис, то *Помпей* основал город в том месте, где одержал победу⁴, и отдал его раненым и престарелым воинам; вместе с ними добровольно поселились многие из окрестных жителей и живут до сих пор, называясь никополитами и принадлежа к Каппадокийской области.

51. Так действовал *Помпей*; между тем Тигран, сын Тиграна, вместе с некоторыми знамыми людьми, недовольными правлением старика, бежал к Фраату⁵ и убедил его вторгнуться в Армению, так как тот раздумывал, что ему следует предпринять вследствие заключенного с Помпеем перемирия. (2). Они дошли до Артаксат, покоряя всю пройденную

¹ Тигран II Великий, царь Армении (96—56 гг. до н.э.).

² [В 66 г. до н.э.; Тигран II был зятем Митридата VI Евпатора].

³ [В 65 г. до н.э. По другой версии, изложенной у Апп., Mithr., 102, Махар покончил жизнь самоубийством].

⁴ [Никополь в Малой Армении у истоков реки Галиса, на месте современного селения Эндегез. См. о нем Strabo, XII, 3, 8; Апп., Mithr., 101, 105].

⁵ [Фраат III (Арсак XII)—царь Парфии (70—58 гг. до н.э.).]

область, и напали на этот город, так как старик Тигран, испугавшись их, бежал в горы. Но когда оказалось, что для осады Артаксат нужно время и вследствие этого Фраат, оставив часть своих сил сыну, возвратился в свою страну, то Тигран отец выступил против лишившегося союзников сына и разбил его. (3) Последний, обратившись в бегство, сначала направился было к деду своему Мигридату, но, когда узнал, что он также разбит и скорее нуждается в помощи, чем может помочь кому-нибудь другому, подчинился римлянам. Помпей, взяв его в проводники, выступил в Армению против его отца¹.

52. Последний, узнав об этом и испугавшись, тотчас выслал к нему паплагментеров и выдал послов Мигридата. Когда же вследствие противодействия его сына ему были предъявлены неумеренные условия и Помпей все-таки перешел через Аракс и приблизился к Артаксату, (2) Тигран сдал ему город и добровольно явился в его лагерь, одевшись средним образом по сравнению и с прежним достоинством и с теперешним унижением для того, чтобы показаться Помпею одинаково достойным уважения и жалости: (3) он снял свой белый хитон и пурпуровую мантию, но оставил тиару и повязку. Помпей через посланного ликтора приказал ему спешиться (ибо он приближался с очевидным намерением въехать верхом, по местному обычаю, в самое укрепление), но когда он вошел пешком, сбросив диадему, и, пав на землю, приветствовал как царя, то Помпей, увидев это, почувствовал жалость (4) и, встав с места, поднял его, повязал повязкой, посадил на ближайшее кресло и обратился с утешительной речью, в которой высказал, между прочим, что он не только не потерял Арменского царства, но и приобрел дружбу римлян. Этим же словами Помпей расположил к себе Тиграна и пригласил его на обед.

53. Сын, сидевший с другой стороны Помпея, не встал перед отцом и ничем другим не выразил своего почтения и даже не явился по приглашению на обед, чем и заслужил величайшее презрение со стороны Помпея. (2) На следующий день Помпей, выслушав их, отдал старшему все унаследованное им царство, а приобретенные им самим земли (именно, между прочим, части Каппадокии и Сирии, Финикию и смежную с Арменией небольшую область Софаненскую) отнял у него и, кроме того, потребовал денег; младшему же он отделил одну Софаненскую область². (3) Так как именно в ней оказались царские сокровища, то юноша изъясил на них притязание и, не получив удовлетворения (ибо Помпею неоткуда было иначе получить условленные деньги), пришел в негодование и задумал бежать. Предупрежденный об этом, Помпей отдал его под стражу без оков и послал хранителям сокровищ повеление выдать все деньги его отцу. (4). Так как они отказались повиноваться, говоря, что юноша, за которым уже считалась эта область, должен сам дать им это повеление, то Помпей послал его к укреплениям; Тигран, найдя их запертыми, приблизился и против собственного желания приказал их отпереть; но когда хранители всё-таки не оказали повиновения под тем предлогом, что он не добровольно, а по принуждению дал им это приказание, Помпей рассердился и заключил Тиграна в оковы. (5) Таким образом старик получил сокровища; Помпей остался на зимовку в области у реки Кирна³, разделив войска на три отряда и получив от Тиграна много разных припасов и денег гораздо больше условленной суммы. (6) Вследствие этого и его немного спустя записал в числе друзей и союзников, а сына под стражей отправил в Рим.

¹ [В 66 г. до н.э.].

² [Иначе Софена—область Великой Армении, расположенная между хребтами Антитавром и Масием, по левому берегу верхнего Евфрата. См. Strabo, XI. 12,3].

³ [Иначе Кира—современной реки Куры].

54. Однако ему не удалось перезимовать спокойно. Орис, царь албанов, живших выше Кирна, с одной стороны, желая угодить другу своему Тиграну младшему, а с другой, и главным образом, боясь вторжения римлян в Албанию, притом полагая, что во всяком случае ему удастся что-нибудь сделать, если он зимой враспloh нападет на римлян, стоявших лагерем не в одном месте, выступил против них под самый *праздник* Кроний¹. (2) Сам он двинулся против Метелла Целера², у которого был Тигран, другой *отряд* послал против Помпея и третий против Луция Флакка, командовавшего третьей частью войска, с той целью, чтобы они, будучи все одновременно приведены в смятение, не могли помочь друг другу. (3) Однако нигде ничего не удалось: *самому* ему Целер нанес жестокое поражение, а Флакк, видя невозможность оборонять широкую окружность рва *именно* вследствие её величины, выкопал внутри другой *ров* и, дав врагам заметить свой притворный страх, заманил их *таким образом* внутрь внешнего рва: (4) здесь, неожиданно бросившись на них, он многих перебил в схватке и многих во время бегства. В то же время Помпей, узнав о произведенной варварами попытке *нападения* на других, внезапно двинулся навстречу выступившим против него и, разбив их, немедленно поспешил прямо против Ориса. Захватить его не удалось, так как он, будучи отбиг Целером и получив известия о неудачах других, обратился в бегство, (5) но зато Помпей перебил много албанов, застигнув их враспloh при переправе через Кирн³. После этого он по настоятельной их просьбе заключил перемирие: ему очень хотелось отомстить им вторжением в их собственную землю, но ввиду зимнего времени он охотно отложил войну.

XXXVII, 1. Вот, что совершил тогда Помпей, а в следующем году, в консульство Луция Котты и Луция Торквата⁴, он воевал как с албанами, так и с иберами. С последними он принужден был вступить в борьбу раньше (чем с албанами) и против *всякого* ожидания. (2) Живут они по обеим сторонам Кирна, гранича, с одной стороны, с албанами, а с другой — с армениями. Царь их Арток, боясь, чтобы *Помпей* не обратился и против него, послал к нему посольство под предлогом *выражения* дружбы, а *в то же время* стал готовиться напасть на него среди мира и потому неожиданно. (3) Однако Помпей проведаль и об этом и первый вторгнулся в его область прежде, чем он успел достаточно приготoвиться и заняв крайне трудный проход. *Помпей* успел дойти до *самого* города, называвшегося Акрополем⁵, прежде чем Арток узнал об его приближении. (4) Этот город лежал у самого ущелья, с одной стороны... тянулся Кавказ: здесь *город* был укреплен для защиты от вторжений. Испуганный Арток вовсе не имел времени изготoвиться к бою; перейдя через реку, он сжег мост (5), а гарнизон укрепления, видя его бегство и притом потерпев поражение в бою, сдался *Помпею*. Овладев таким образом проходами, Помпей поставил в них стражу и, двинувшись оттуда, покорил всю *область* по сю сторону реки.

2. Когда он собирался уже перейти⁶ через Кирн, Арток посылает к нему *послов*, прося мира и обещая добровольно *построить* ему мост и доставить провиант. (2) Он исполнил и то и другое, намереваясь подчиниться, но когда увидел, что *Помпей* переправился, то в испуге бежал

¹ [Т. е. Сатурналий, праздновавшихся 17 декабря. Ср. Plut., Rom., XXXIV].

² [Квинт Цецилий Метелл Целер был легатом Помпея в 66 г. до н. э. и претором в 63 г. до н. э.].

³ [Ср. Plut., Rom., XXXIV].

⁴ [689 г. от основания Рима = 65 г. до н. э.].

⁵ [Гармозика Страбона (XI, 3, 5), Армактика (Армастика) Птолемея V, 10, 3) и других авторов; древнегрузинская Армази, близ нынешнего Тбилиси].

к *реке* Пелору¹, текущей также в его владениях: ному он мог помешать переправиться, того *самого* он привлек *против себя* и бежал. (3) Увидев это, Помпей пустился за ним в погоню, догнал и разбил: прежде чем стрелки его успели сделать свое дело, *Помпей* бросился на них и в одну минуту опрокинул. (4) После этого Арток, перейдя через Пелор и предав пламени мост и на этой *реке*, бросился бежать, а из воинов его одни погибли в бою, другие при переправе в брод через реку. (5) Многие, однако, рассеялись по лесам и несколько дней держались, пуская с релы с деревьев, ко *орые там* очень высоки, но потом, когда деревья были вырублены, также погибли. Тогда Арток снова вошел в сношения с Помпеем и прислал ему дары. (6) Когда же Помпей принял дары для того, чтобы Арток, надеясь на перемирие, не ушел куда-нибудь дальше, но даровать ему мир не соглашался иначе, как *под условием*, если Арток предварительно пришлет ему своих детей в заложники, то последний медлил некоторое время, (7) пока римляне, *воспользовавшись тем*, что Пелор летом сделался проходным в этом месте, не переправились через него без труда, в особеннос и при отсутствии всякой помехи. Тут уже *Арток* прислал *своих* детей к Помпею и вслед за тем заключил договор.

3. После этого Помпей, узнав, что *река* Фасис недалеко и решив вдоль нее спуститься в Колхиду и оттуда отправиться в Боспор против Митридата, двинулся в задуманном направлении (2) и прошел *через земли* колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом. Узнав здесь, что путь по ма ерику идет *через земли* многих неизвестных и воинственных племен, а морской *путь еще* затруднительнее вследствие отсутствия гаваней в *этой* стране и *суровости* ее обитателей, (3) приказал флоту сторожить Митридата, чтобы и его самого не допускать никуда выплыть и отрезать ему подвоз провианта, а сам обратился против албанов, но не кратчайшим путем, а через Армению, чтобы захватить их врасплох и посредством этой уловки, кроме перемирия. (4) Он перешел вброд через Кирн, где он сделался проходным вследствие летних жаров, приказав переправляться по течению коннице, затем обозу и, наконец, пехоте, для того, чтобы кони своими телами ослабили силу течения, а из обоза если что-нибудь все-таки опрокинется, то натолкнулось бы на сопровождавших с обеих сторон *людей* и не было унесено *течением* дальше. (5) На пути оттуда к реке Камбису² он не потерпел никакого вреда от неприятелей, но сильно пострадал со всем войском от жары и вследствие нее от жажды, хотя и прошел большую часть пути ночью: проводники, выбранные из пленных, повели их не по самой удобной дороге; (6) впрочем, и река приплась им не к стати: чрезвычайно холодная вода ее, выпитая ими в большом количестве, многим повредила. Не встретив и здесь никакого сопротивления, *римляне* пришли к реке Абанту³, неся с собой только воду, так как прочие *припасы* они получали добровольно от туземцев и вследствие этого несколько не обижали их.

4. Уже после переправы через реку было получено ими известие

¹ [Эта, не упоминаемая другими авторами, река Иберии отождествляется предположительно с современной рекой Лори, притоком Куры].

² [Река в Албании, упоминаемая также у Ротм. Мела, III, 5; Plin., VI, 15, и отождествляемая с современной Иорой, впадающей в Алазань при слиянии ее с Курой].

³ [Река Албании, упоминаемая также Плутархом (Ротм., 35) и отождествляемая с Алазоном (Алазанью) Страбона и других авторов; см. Forbigger, Handbuch d. alten Geographie, II, стр. 448. Ее, быть может, следует отождествить с рекой Албаном Птолемея (современной речкой Сумгаит-Чай), ср., впрочем, Tomaschek, RE, I, 18].

о приближении Ориса¹. Помпей, желая завлечь его в битву прежде, чем он узнает количество римлян, для того, чтобы он не отступил, заметив их многочисленность, (2) выстроил впереди всадников, объяснив им, что нужно будет делать, а остальным приказал позади всадников встать на колени, прикрыться щитами и соблюдать полную тишину, так чтобы Орис заметил их присутствие не прежде, чем вступит врукопашную. (3) И действительно, он, полагая, что перед ним одни всадники, и отнесшись к ним с презрением, сразился с ними и, когда они вскоре обратились в притворное бегство, яростно пустился преследовать; но пехотинцы, вдруг поднявшись и расступившись, дали своим безопасное бегство сквозь свои ряды, а врагов, неосторожно увлекшихся преследованием, встретили с оружием и многих окружили. (4) Они стали рубить окруженных, а всадники, обскакав справа и слева, ударили с тыла на тех, которые оказались вне оцепления. Те и другие многих перебили на месте, а прочих, бежавших в леса, сожгли, приговаривая «ио, Кронии, Кронии», с намеком на прежнее их нападение.

5. Совершив это и сделав набег на страну, Помпей даровал мир албанам и заключил через послов договоры с некоторыми другими из обитателей Кавказа до Каспийского моря, у которого оканчивается этот хребет, начинающийся от Понта...

2. СМЕРТЬ МИТРИДАТА ЭВПАТОРА

(XXXVII, 10—14)

XXXVII, 10, 4... В консульство Марка Цицерона и Гая Антония²... Митридат не только не причинил уже никакого вреда римлянам, но и сам себя погубил...

11. Сам Митридат не падал духом под бременем несчастий; более веря своим желаниям, нежели силам, он задумывал, пользуясь пребыванием Помпея в Сирии, пробраться через Скифию к Истру и оттуда вторгнуться в Италию; (2) будучи деятелен от природы и испытав много неудач, но много и удач, он полагал, что для него нет ничего недостижимого или безнадежного; в случае же *новой* неудачи он предпочитал погибнуть вместе со своим царством, сохраняя *прежнюю* высоту духа, нежели, лишившись царства, жить в унижении и бесславии. (3) Такими замыслами он укреплял себя: ибо чем более слабели его физические силы, тем более он укреплялся силой ума, так что даже телесная слабость уменьшалась от высоких помыслов. (4) Но зато другие его сподвижники по мере того, как римляне усиливались, а Митридат ослабевал (кроме других *причин слабости*, землетрясение, сильнейшее из всех когда-либо бывших, разрушило у него многие города), стали менять свое настроение, в войске замечалось брожение, и некоторые даже захватили кое-кого из детей Митридата и отвезли к Помпею.

12. Вследствие этого *Митридат* одних уличал и наказывал, других в гнев схватывал *только* по подозрению, никому уже не доверял и убил по подозрению одного из оставшихся сыновей. Видя это, сын его Фарнак с одной стороны, боясь отца, с другой, рассчитывая получить от римлян царскую власть (ибо он был уже *вполне* возмужалым), составил против него заговор. (2) Но, будучи открыт вследствие того, что многие и явно

¹ [Ср. Plut., Pomp., XXXV по версии которого албанам предводительствовал брат Ориса Косис].

² 691 г. Рима = 63 г. до н. э.

и тайно старались разузнавать все его действия, он был бы немедленно наказан, если бы телохранители имели хотя малейшее расположение к старику; но теперь Митридат, хотя отличавшийся величайшей мудростью во всех царских делах, не понял, что ни оружие, ни множество подданных ни для кого не имеют никакого значения без дружественного с их стороны расположения и что, напротив, чем у кого их больше, тем труднее с ними справляться, если они не хранят верности. (3) Фарнак с приготовленными заранее людьми и с посланными отцом для его захвата (ибо он без всякого труда привлек их на свою сторону) двинулся прямо против отца. Узнав об этом, старик, бывший тогда в Пантикапее, выслал против сына нескольких солдат, намереваясь и сам последовать за ними; (4) но Фарнак скоро переманил и этих людей, тоже не любивших Митридата, захватил добровольно *сдавшийся ему* город и сделался виновником смерти отца, бежавшего во дворец.

13. Митридат сделал попытку сам покончить с собой и, предварительно умертвив ядом своих жен и остальных детей, выпил его остаток, но не мог убить себя ни им, ни собственноручно мечом: (2) яд, хотя и смертельный, не подействовал на него, так как он закалил себя ежедневными большими приемами противоядий; а удар меча оказался слабым вследствие того, что рука его обессилела от старости и испытанных несчастий и вследствие приема яда, хотя и недостаточно крепкого. (3) Итак, когда он оказался не в состоянии убить себя и чересчур долго медлил, на него бросились те, которых он послал против сына, и своими мечами и копьями ускорили его гибель. (4) Таким образом Митридат, испытавший разнообразнейшие превратности своей великой судьбы, даже жизнь покончил не простым путем: он поневоле захотел умереть и, сделав попытку самоубийства, не был в состоянии *довести ее до конца*, но отчасти ядом, отчасти мечом сделался самоубийцей и в то же время был убит врагами¹.

14. Фарнак, посолив его тело, отослал к Помпею, как доказательство совершившегося *факта*, и предал ему самого себя и свое царство. Помпей не только не надругался над Митридатом, но и приказал похоронить его в фамильной усыпальнице: полагая, что его вражда угасла вместе с душой, он уже не гневался напрасно на мертвеца; (2) однако Боспорское царство он подарил Фарнаку в награду за *это* нечестивое убийство и записал его в число друзей и союзников.

(3) Итак, Митридат погиб, и все его царство было покорено, кроме немногих *пунктов*: именно, стражи, еще и в то время охранявшие некоторые укрепления вне Боспора, не сдали их немедленно, — не потому, чтобы задумывали сопротивляться Помпею, а из боязни, чтобы кто-нибудь не захватил сокровищ, которые они оберегали, и не свалил на них вины; поэтому они выжидали, желая все показать самому Помпею. Итак, когда все это было покончено, Фраат держал себя спокойно и *дела в Сирии и Финикии устроились, Помпей обратился против Арета*...²

¹ [Ср. App., Mithr., 111, где излагается другая версия, соответственно которой Митридат был заколот Бититом, предводителем служивших у него кельтов, по его собственной просьбе].

² [Арета I, царь Аравии Петреи, современник Помпея, пришедший в столкновение с римлянами в Иудее в 64 г. до н.э., еще до смерти Митридата; см. App., Mithr., 107. Plut., Pomp., XXXIX сл.].

3. БОРЬБА ФАРНАКА С РИМЛЯНАМИ

(XLII, 9; 45—48)

XLII, 9, 2... Фарнак, лишь только узнал, что между Помпеем и Цезарем возгорелось междоусобие, начал стремиться к возвращению себе отцовского царства... и захватил много местностей...¹

45. Клеопатра еще долее бы задержала Цезаря в Египте или немедленно отправилась бы вместе с ним в Рим, если бы Фарнак не вызвал бы и оттуда Цезаря к великой его досаде и не помешал бы спешить в Италию. (2) Он был сын Митридата и владел Боспором Киммерийским, как сказано *выше*; задумав возвратить себе все отцовское царство, он поднял восстание во время самого междоусобия Цезаря и Помпея, и так как римляне были тогда заняты собственными делами, а потом были задержаны в Египте, (3) то он без труда подчинил себе Колхиду и всю Армению в отсутствие Деиотара² и покорил некоторые города Каппадокии и Понта, приписанные к Вифинской области.

46. При таких его действиях Цезарь сам не двинулся из Египта, ибо Египет еще не был вполне устроен, и он имел некоторую надежду одолеть Фарнака через других, и послал Гнея Домиция Кальвина³, поручив ему Азию и... войска. (2) Последний, присоединив к себе Деиотара и Ариобарзана⁴, двинулся прямо на Фарнака, бывшего в Никополе, также им захваченном. Когда Фарнак, испуганный приближением Домиция, выразил готовность заключить перемирие для переговоров, последний, возымев к нему презрение, не дал перемирия, и, вступив в битву, потерпел поражение. (3) После этого он удалился в Азию, так как не имел достаточных сил для борьбы с *Фарнаком и, кроме того, приближалась зима*. Фарнак же, возгордившись *победой*, присоединил другие области в Понте, после упорного сопротивления взял и разграбил Амис, перебил в нем всех взрослых и поспешил в Вифинию и Азию с теми же надеждами, как его отец; (4), но, получив в это время известие о возмущении Асандра⁵, которого он оставил правителем Боспора, не продолжал своего наступательного движения. Именно Асандр, как только получил известие, что Фарнак ушел от него далеко вперед, и понял, что если даже ему удастся в данное время скрыть *свои замыслы*, то все-таки впоследствии дело не окончится благополучно, восстал против него, имея в виду угодить римлянам и получить от них власть на Боспоре.

47. Услышав об этом, Фарнак двинулся *было* против него, но напрасно: получив известие, что Цезарь находится *уже* в пути и спешит в Армению, он возвратился и встретился с ним при Зеле. Дело в том, что

¹ 48 г. до н. э.

² Галатский тетрарх, действовавший на стороне римлян против Митридата. был награжден сенатом царским титулом и Малой Арменией, присоединенной к его владениям. Во время гражданской войны был на стороне Помпея и участвовал в битве при Фарсале в 48 г. до н. э.].

³ [Консул 53 г. до н.э. Во время гражданской войны был сторонником Цезаря и командовал центром его армии в битве при Фарсале. В 47 г. до н.э. командовал римскими военными силами в Азии].

⁴ [Ариобарзан III, прозванный «благочестивым и другом римлян» (51—42 гг. до н. э.), каппадокийский царь, сын и наследник Ариобарзана II Филопатора, во время гражданской войны стоял на стороне Помпея, но затем был помилован Цезарем].

⁵ [Один из военачальников Фарнака, возмущившийся против своего повелителя и впоследствии (после битвы при Зеле, в 47 г. до н.э.) нанесший ему поражение и захвативший боспорский престол, на котором он удержался до 17 г. до н.э.].

Цезарь после кончины Птолемея и поражения Домиция не считал ни приличным, ни полезным свое пребывание в Египте и поэтому двинулся *оттуда* и с большой быстротой прибыл в Армению. (2) Приведенный в ужас варвар, гораздо более испуганный его быстротой, нежели *количеством* войска, раньше столкновения несколько раз посылал вестников, пытаясь избежать предстоящей *битвы* примирением на каких бы то ни было условиях. (3) Он выставлял *на вид* как другие *заслуги*, так в особенности то, что не стал на сторону Помпея, и надеялся склонить Цезаря к перемирию, так как он спешил в Италию и Африку, а после его удаления снова без труда поднять войну. (4) Проникнув в его намерения, Цезарь благосклонно принял первое и второе посольство, чтобы напасть на врага более неожиданно вследствие надежды на мир, а когда явилось третье посольство, он осыпал *Фарнака* разными упреками, в особенности же за то, что он оставил своего благодетеля Помпея, (5) и, не откладывая *дела*, в тот же день, прямо с дороги сразился с *Фарнаком*; на некоторое время он был приведен в замешательство конницей и косами, но затем одолел *врага* тяжелой пехотой¹. Фарнак бежал к морю и затем хотел силой пробиться в Боспор, но Асандр задержал его и убил².

48. Цезарь... (3) *снова* подчинил все области, которые Фарнак отрезал у римлян и их союзников, и все возвратил прежним владельцам, кроме некоторой части Армении, которую подарил Ариобарзану. (4) Он вознаграждал свободой амисенцев, дал Митридату Пергамскому тетрархию в Галатии с именем царя и позволил ему воевать с Асандром, чтобы, победив его, отнять у него и Боспор за то, что он оказался изменником другу.

4. ИЗВЕСТИЯ О ДАЛЬНЕЙШИХ СОБЫТИЯХ

XLIX, 24. Зимой в консульство Геллия и Нервы³ Публий Кандидий Красс, предприняв поход против здешних [т. е. кавказских] иберов, победил в бою царя их Фарнабаза⁴, привлек его к союзу и, вторгнувшись вместе с ним в соседнюю Албанию, победил албанов и царя их Зобера⁵ и обошелся с ними подобным же образом...

LIV, 20. Около этого же времени⁶ было много и других смут... (3) В Далмации и в Иберии были кратковременные восстания... Во Фракии сначала Марк Лоллий, помогая Риметалку, дяде и опекуну детей Котиса, разбил бессов, а потом Гай Луций за ту же вину, одолев, отбросил за Истр савроматов...⁷

LIV, 24. В следующем году⁸ консулами были Марк Красс и Гней Корнелий... (4) В Боспоре Киммерийском произошло восстание. Некто Скри-

¹ [Об этой победе (47 г. до н.э.) Цезарь рапортовал сенату своими знаменитыми словами: *veni, vidi, vici* (H i r t., Bell. Alex., 77)].

² [Ср. A p p., Mithr., 120, где говорится, что Фарнак умер в пятидесятилетнем возрасте от раны, полученной им в бою с Асандром].

³ 718 г. Рима = 36 г. до н. э.

⁴ [Ближе не известный преемник упомянутого выше (XXXVII, 2, 1) царя Артока].

⁵ [Ближе не известный преемник упомянутого ранее (XXXVI, 54, 1) царя Ориса].

⁶ 739 г. Рима = 15 г. до н. э.

⁷ [О сарматах (которых и имеет в виду Дион Кассий) на Дунае см. S t r a b o, VII, 3, 2; ср. также P t o l., III, 7, 1, где упоминается сарматское племя язигов-метанастов, помещаемое им между Дунаем и Тиссой, проникшее за Дунай при императоре Клавдии].

⁸ 740 г. Рима = 14 г. до н. э.

боний¹, выдававший себя за внука митридатова и уверявший, что он получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в замужество супругу его, по имени Динамию, которой было передано мужем управление государством и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой Митридата, и стремился овладеть Боспором. (5) Проведав об этом, Агриппа послал против него Полемона, царя прилежащей к Каппадокии части Понта. Полемон уже не застал в живых Скрибония, так как боспорцы раньше убили его, узнав об его замысле; когда же они и ему оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву (6) и одержал победу, но не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти и на них походом. Тогда они положили оружие и сдались Полемену; Динамия сделалась его женой, очевидно, по решению Августа.

LVIII, 26. Около этого же времени² Артабан Парфянский по смерти Артакса³ отдал Армению сыну своему Арсаку и затем, так как от Тиберия не последовало никакого наказания за этот поступок, пытался овладеть Каппадокией и стал надменнее обращаться с парфянами. (2) Поэтому некоторые из них отложились и отправили к Тиберию послов с просьбой дать им царя из числа заложников. Тиберий послал было им фраатова сына Фраата, а когда он умер в дороге—Тиридата⁴, также происходившего из царского рода. (3) Для того чтобы он как можно легче получил царскую власть, Тиберий послал Митридату Иберскому⁵ письменный приказ вторгнуться в Армению, чтобы Артабан, помогая сыну, удалился из собственной земли. Так и случилось, но Тиридату недолго пришлось сидеть на престоле: Артабан призвал на помощь скифов и без труда изгнал его. (4) Таковы были дела в Парфии; Армению получил Митридат, как кажется, сын Митридата Иберского и брат следующего за ним иберского царя Фарасмана.

LIX, 12,2. В это время⁶ [Гай Калигула] по решению сената подарил Соэму область арабов-итуреев, Котису—Малую Армению, а потом и часть Аравии, Риметалку—владения Котиса и полемонову сыну Полемену—царство его отца...⁷

LX, 8... [В 41 г. н. э. Клавдий] отпустил на родину для занятия престола Митридата Иберского⁸, которого Гай вызвал в Рим и заключил в оковы. (2) Другому Митридату, ведшему свой род от знаменитого Митридата Эвпатора, он подарил Боспор⁹, а Полемену дал взамен его одну область Киликии.

Ер., LXIX, 15. Так кончилась Иудейская война¹⁰. Другая война была

¹ [См. о нем Луц., Масг., 17; ср. IOSPE, II, стр. XXXVI].

² В 35 г. н. э.

³ [Артаксия II, сына Артабаза, царя Армении в 34—20 гг. до н. э.].

⁴ [Об этом претенденте на парфянский престол см. еще Di o., LXIX, 27, а также Та с., Анн., II, 58, VI, 31 сл.].

⁵ [Царь Иберии в эпоху Августа, отец и предшественник на иберийском престоле упоминаемых ниже Фарасмана и Митридата].

⁶ В 39 г. н. э.

⁷ [Полемон II, сын Котиса и дочери Полемона I Антонии Трифены (см. IOSPE, II, стр. 42; PIR, III, 57—59, №№ 405—406; Дион в данном случае ошибается (царствовал в Понте и на Боспоре с 38 по 41 г. н. э.).]

⁸ [См. выше, LVIII, 26].

⁹ [Митридат VII (на Боспоре—III), сын (по другим предположениям. внук) Аспурга и Динамии, царствовал на Боспоре в 41—45 гг. н. э.].

¹⁰ В 135 г. н. э.

поднята из земли албанов, по происхождению массагетов, Фарасманом¹; она сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии, но затем прекратилась вследствие того, что албаны были подкуплены дарами Вологесом², а с другой стороны, побоялись правителя Каппадокии Флавиа Арриана³.

(3) Когда Фарасман Иберский с супругой прибыл в Рим, *Адриан* увеличил его область, позволил принести жертву в Капитолии, поставил его конную статую на Марсовом поле и смотрел на военные упражнения самого *Фарасмана*, его сына и других знатнейших иберов.

Ер., LXXI, 14. [Император Марк Аврелий] ... сатрапа Тиридата, произведшего возмущение в Армении, убившего царя гениохов и поднявшего меч на Вера, когда тот упрекал его за эти поступки, не казнил, а только сослал в Британию...

Ер., LXXI, 19. [Император] Марк народы, посылавшие к нему посольства, принимал не все на одинаковых условиях... (2) Так как язиги оказывались очень полезными для него, то он сложил многие из наложенных на них *обязательств*... и позволил им сноситься с роксоланами через Дакию всякий раз, когда ее правитель дозволит им *это*.

Ер., LXXV, 3. В это время⁴ скифы хотели было поднять войну, но их удержала гроза с дождем и молнии, неожиданно упавшие на них во время совещания и убившие трех лучших между ними мужей.

LXXVIII, 5, 4. Восьмого апреля [217 г.], когда Антонин [Каракалла] выехал из Эдессы в Карры и на дороге сошел с коня для естественной надобности, Марциалий, приблизившись как бы с целью что-то сказать ему, поразил его маленьким мечом и немедленно бросился бежать; ему удалось бы скрыться, если бы он *догадался* бросить меч; (5) а то он был узнан именно по мечу и убит ударом копыя одним скифом⁵ из свиты Антонина. Этот скиф был при Антонине не только в качестве союзника, но некоторым образом и в виде телохранителя; (6) ибо Антонин скифов и кельтов, не только свободных, но и рабов, отняв от мужей и жен, вооружил и имел при себе, доверяя им более, нежели *собственным* воинам; он давал им разные награды, отличал званием сотников и называл львами...

МАКСИМ ТИРСКИЙ

Софист и философ, живший, по данным Свида, при императоре Коммод. От него сохранились краткие «беседы» (διαλέξεις или λόγοι) популярного характера в числе 41.

Текст: Theophrasti Characteres, Marci Antonini commentarii ... Maximi Tyrii dissertationes, Graece et Latine cum indicibus. Theophrasti Characteres XV et Maximum Tyrium ex antiquissimis codicibus accurate excussis emend. Fr. Dübner. Paris, ed. Firmin Didot, 1840. [Новое исследование: Н. Нобеин, De Maximo Thyrio quaestiones selectae, Jena, 1895].†

¹ [Об этом Фарасмане, царе Иберии, упоминается у Агг., PPE, 15; своим предполагаемым происхождением от массагетов, не подтверждаемым другими авторами, албаны обязаны, может быть, лишь тому обстоятельству, что и то и другое племя локализуется у реки Аракса. При этом Аракс массагетов—Сыр-Дарья (Яксарт других древних авторов) смешивается с кавказским Араксом].

² [Вологес II, царь Парфии (122—149 гг. н. э.).

³ [О Флавии Арриане, римском историке и географе, бывшем легатом Каппадокии в 136 г. н. э., см. выше, введение к его сочинениям].

⁴ 196 г. н. э.

⁵ [Бытование племенного наименования «скифы» в III в. н. э. в Причерноморье засвидетельствовано эпиграфически; см. IOSPE, II, 423].

РЕЧЬ VIII

СЛЕДУЕТ ЛИ ВОЗДВИГАТЬ СТАТУИ БОГАМ

(ΕΙ ΘΕΟΙΣ ΑΓΑΛΜΑΤΑ ΙΔΡΥΤΕΟΝ)

1. ... Рекам также воздаются почести или за пользу..., или за красоту... или вследствие величины, как *например*, Истру от скифов...¹

8 *extr.* Каппадокийцы считают гору божеством, клянутся ею и кланяются как священному изображению; у меотов *такую же роль играет* их озеро, а у массагетов—Танаис².

РЕЧЬ XV

ВТОРИЧНО О СОКРАТОВОМ ДЕМОНИИ

(ΕΤΙ ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΣΟΚΡΑΤΟΥΣ ΔΑΙΜΟΝΙΟΥ)

7. ... Ахилл живет на острове, *лежащем* прямо против Истра в Понтийском море; *там есть* храм и алтари Ахилла; добровольно туда никто не приближается иначе, как для жертвоприношения, и по совершении его возвращается на корабль. Моряки часто видали юного мужа с белокурыми волосами, прыгающего в доспехах; а доспехи, говорят они, золотые; другие же не видали, но слышали, как он распевал пэаны; третьи, *наконец*, и видали и слышали. Случалось также некоторым невольно засыпать на острове; такого Ахилл поднимает, ведет в палатку и угощает; при этом Патрокл разливал вино, *сам* Ахилл играл на кифаре, присутствовала также, говорят, и Фетида и хор других божеств³.

РЕЧЬ XVI

УЧЕНИЕ ЕСТЬ ЛИ НАПОМИНАНИЕ

(ΕΙ ΑΙ ΜΑΘΗΣΕΙΣ ΑΝΑΜΝΗΣΕΙΣ)

9. ... Когда же душа освободится из этого *мира* в другой, выйдя как бы в светлый эфир из земли Киммерийской...⁴, тогда она созерцает и воспринимает разумом саму истину.

РЕЧЬ XXII

О ТОМ, ЧТО СОЗЕРЦАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЛУЧШЕ ДЕЯТЕЛЬНОЙ

(ΟΤΙ Ο ΘΕΩΡΗΤΙΚΟΣ ΒΙΟΣ ΑΜΕΙΝΟΝ ΤΟΥ ΠΡΑΚΤΙΚΟΥ)

6. ... Одиссей видел или фракийцев, или диких киклонов⁵, или не освещаемых солнцем киммерийцев...⁶

¹ [Кульг реки Дуная засвидетельствован эпиграфически, CIL, III, 3416, 5863, Дунай, как божество, представлен на монетах императора Траяна. См. E s c h e l; Doctrina numorum veterum, IV, стр. 418].

² [Меотида, как божество, ближе не известна. Об оргиастическом культе Танаиса и его паредра Тарсприды см. I a m b l., Dram., 9 и прим.].

³ [О видениях путникам на острове Белом ср. P h i l o s t r., Heroic., XIX, 16 сл.].

⁴ [О киммерийской земле, как о потустороннем мире, и о киммерийцах, как о мифическом народе у входа в преисподнюю, см. E u s t. к Ном., Od., XI, 14 и прим.].

⁵ [Фракийское племя, жившее на эгейском побережье к западу от устья реки Гебра (современная Марица); упомянуты у Н о м., II, II, 846; Od., IX, 39].

⁶ [См. прим. к отрывку из М а х. Т у г., 16].

РЕЧЬ XXIII

СПРАВЕДЛИВО ЛИ ПЛАТОН ИСКЛЮЧИЛ ГОМЕРА
ИЗ СВОЕГО ГОСУДАРСТВА

(ΕΙ ΚΑΛΟΥΣ ΠΛΑΤΩΝ ΟΜΗΡΟΝ ΤΗΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑΣ ΠΑΡΙΤΗΝΕΑΤΟ)

4. ... Один эллин спросил знаменитого Анахарсиса, известна ли скифам игра на флейте? А он ответил: *там* нет даже виноградных лоз¹.

РЕЧЬ XXVII

О ЛЮБВИ РЕЧЬ IV

(ΕΤΙ ΠΕΡΙ ΕΡΩΤΟΣ. Δ')

6...Большинство скифов употребляют для питья молоко², как другие *народы* вино; некоторым подслащают питье пчелы, устраивающие свои соты на скалах и деревьях; есть и такие, которые не брезгают водопроводами нимф и потоками и употребляют самородное питье—воду; а одно, если не ошибаюсь, скифское племя пьет воду, но когда им захочется испытать удовольствие опьянения, то они устраивают костер, курят благовонные травы и, усевшись вокруг костра, как вокруг чаши, потчуют *друг друга* запахом, как другие питьем, и действительно опьяняются им, подпрыгивают, поют и пляшут³.

РЕЧЬ XXIX

КТО ПОЛЕЗНЕЕ ГОСУДАРСТВУ, ВОИНЫ ИЛИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ?
ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ВОИНЫ

(ΤΙΝΕΣ ΑΥΞΗΤΕΛΕΣΤΕΡΟΙ ΠΟΛΕΙ, ΟΙ ΠΡΟΠΟΔΕΜΟΥΝΤΕΣ Η ΟΙ ΓΕΩΡΓΟΥΝΤΕΣ; ΟΤΙ ΟΙ ΠΡΟΠΟΔΕΜΟΥΝΤΕΣ)

4. Оставь эллинов и обратись к варварам. Египтяне занимаются земледелием, скифы—войной; скифское племя мужественно, а египетское—трусливо, скифское свободно, а египетское рабствует...

РЕЧЬ XXXI

САМЫЕ ЛУЧШИЕ РЕЧИ—СОГЛАСНЫЕ С ДЕЛАМИ

(ΟΤΙ ΟΙ ΣΥΜΦΩΝΟΙ ΤΟΙΣ ΕΡΓΟΙΣ ΛΟΓΟΙ ΑΡΙΣΤΟΙ)

7. ... Нил представляет приятнейшее зрелище между реками, только не по полноводию, ибо и Истр удобен для судоходства; но Истр не способствует плодородию *своего побережья*, а Нил способствует...

¹ [Ср. этот же анекдот в несколько иной передаче у Diog. Laërt., I, 8, 104].

² [В виду имеется, очевидно, кумыс, способ изготовления которого, спутанный со способом изготовления творога (сыра), изложен у Нег., IV, 2; Hipp., de morb., IV, 20; ср. также Eust. к Hom., II, XIII, 1 сл.].

³ [Рассказ этот восходит к Нег., I, 202, относящему описанный обычай к племеню азиатских скифов, живущему на Араксе (Сыр-Дарье)].

РЕЧЬ XXXII

ЕСТЬ ЛИ ПО ГОМЕРУ ОПРЕДЕЛЕННОЕ МНЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ

(Ε ΕΣΤΙ ΚΑΘ' ΟΜΗΡΟΝ ΑΙΡΕΣΙΣ)

3. ... Не думай, что я сравниваю с Гомером платоновскую речь, имена и глаголы (хотя и это оттуда же, истечение той же гармонии, как из Океана *течет* Меотида, из Меотиды—Понт, из Понта—Геллеспонт и из Геллеспонта—*наше* море)¹; нет, я сопоставляю мысль *одного* с мыслью *другого* и вижу их сходство...

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Пресвитер александрийской церкви, ученик Пантена и с 189 г. преемник его в александрийской катехетической школе; умер в глубокой старости между 211 и 218 г. От него сохранились до нас три сочинения: 1) *Δόγος προτρεπτικός πρὸς Ἑλληνας*, 2) *Παίδυμὸς* в 3 книгах и 3) *Στρωματεῖς* в 7 книгах, а также мелкие труды и отрывки.

Текст: Clementis Alexandrini opera, ex rec. G. Dindorfii, 4 тома, Orléans, 1869. [См. E. de Faye, Clément d'Alexandrie, Paris, 1906; М и р т о в, Нравственное учение Климента Александрийского, СПб., 1900].

УВЕЩАТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ К ЭЛЛИНАМ

(ΔΟΓΟΣ ΠΡΟΤΡΕΠΤΙΚΟΣ ΠΡΟΣ ΕΛΛΗΝΑΣ)

2, 24 (р. 20, Pott.). Да будут многие блага скифскому царю, кто бы не был [Анахарсис]. Этот *царь* своего соотечественника [т. е. Анахарсиса], подражавшего в Скифии кизикскому священнослужению матери богов² при звуках тимпана и кимвала, как некоего менагирта³, повешенного за шею, застрелил из лука, как *человека, который* сам сделался женоподобным в Элладе и стал учителем женской болезни⁴ для прочих скифов...⁵

2, 29 (р. 25 Р.)... Да получают многие блага карийцы, которые приносят ему [т. е. Аполлону] в жертву собак. Скифы пусть не перестают жертвовать ослов⁶, как говорят Аполлодор и Каллимах: «Феб услаждается гиперборейскими жертвами ослов» и он же в другом месте: «услаждают Феба тучные жертвы ослов».

3, 42 (р. 36 Р.)... Племя тавры, живущие на Таврическом полуострове, кого ни захватят у себя из иностранцев, потерпевших кораблекрушение

¹ [Ср. аналогичные рассуждения об истечении Черного моря из Азовского и т. д. у P o l y b., III, 39, 2].

² [Т. е. богини Кибелы; Анахарсис, по Н е г., IV, 76, приобщился к культу Кибелы в городе Кизике, во время своего путешествия в Грецию].

³ [Т. е. жреца малоазийского солярного (или лунарного) божества Мена, бывшего паредром Кибелы, отождествлявшегося с Аттисом и другими божествами плодородия].

⁴ [Носителями этой «женской болезни», ниспосланной по преданию на скифов Афродитой Уранией, храм которой в Аскалоне они разграбили, Г е р о д о т (I, 105) называет энареев—евнухов, жрецов и прорицателей].

⁵ «Историю эту передает Г е р о д о т, IV, 76, где он говорит, что имя царя, которое опустил Климент, было Савлий. Упоминает об этом также Д и о г е н Л а э р т с к и й, Anach., и И о с и ф, Ant. Jud., II, (а также с. Apion., II, 37), чтобы не говорить о других» (Potter; см. D i n d o r f, IV, стр. 15).

⁶ [Легенда о жертвоприношениях скифами (или гиперборейцами) ослов Аполлону—иранского происхождения; ср. S i m m. R h o d., fr. 2 и прим.].

на море, тотчас приносят в жертву Таврической Артемиде; эти жертвоприношения Эврипид выводит на сцену в трагедии...¹

4, 46 (р. 40 Р.)... В старину скифы поклонялись мечу², арабы—камню, персы—реке...

5, 64 (р. 56 Р.)... Очень многие племена, как мне кажется, воткнув в землю один меч, приносят ему жертвы как Аресу; это в обычае у скифов, как говорит Эвдокс во второй книге «Землеописания». Из числа скифов савроматы, как говорит Гикесий («Ἰχέσιος»)³ в сочинении «О мистериях» почитают меч...

ПЕДАГОГ

(ΠΑΙΔΑΓΩΓΟΣ)

III, 3, 24 (р. 267 Р.)... Племена кельтов и скифов носят длинные волосы, но не употребляют украшений; густые волосы варвара внушают страх, а их рыжий цвет, похожий на кровь, грозит войной. И те и другие из этих варваров ненавидят роскошь: достоверными свидетелями этого германец представит Рейн, а скиф — повозку. Иногда, *впрочем*, скиф пренебрегает и повозкой: ее величина кажется варвару богатством, и, оставив роскошь, скиф живет дешево в доме самодовлеющем и более легком, чем повозка: взяв коня и сев на него, скиф несется, куда хочет; мучимый голодом, он требует пищи у коня, и последний предоставляет *ему* свои жилы и отдает господину все, что имеет, — свою кровь; *таким образом*, конь является для кочевника и средством передвижения и пищи⁴.

КОВРЫ

(ΣΙΡΜΑΤΕΙΣ)

I, 14, 59 (р. 350 Р.)... Седьмым [мудрецом] одни называют Периандра Коринфского, другие—скифа Анахарсиса, третьи—критянина Эпименида...

I, 15, 72 (р. 359 Р.). Скифом был и Анахарсис, о котором пишут как о выдающемся из многих эллинских философов. О гипербореях рассказывает Гелланик⁵, что они живут выше Рипейских гор и что они учатся справедливости, не употребляя в пищу мяса, но питаясь древесными плодами; шестидесятилетних *стариков* они выводят за ворота и убивают [собственно скрывают]...⁶

I, 16, 75 (р. 362 Р.)... [Идейские дактилы⁷ Келмис...] и Дамнаменей первые открыли железо на Кипре: другой идей, Делас, изобрел сплав меди, а по словам Гесиода—скиф...⁸

¹ См. выше Eur., Iph. Taur.

² [О поклонении скифов мечу (или Аресу в образе меча) см. Нег., IV, 62; а также Luc., Scyth., 4; Iupp. trag., 42 и прим.].

³ «Ἰχέσιος». Писатель, из другого места не известный; сомнительную поправку к его имени предложил Müller, FHG, IV, стр. 429 (Dind.). Ср. R. Nisolia, Griech. Literaturgesch., II², стр. 193. О культе скифском ср. Amm. Marc., XXXI, 23, Sol. Polyhist., 25, Rom. Mel., 2, 1; Luc., Iupp. Trag., 42 и т. д.

⁴ Указания других писателей, относящиеся к этим рассказам, см. Dind., IV, стр. 140.

⁵ См. выше, fr. 96.

⁶ [Ср. рассказы об убийстве стариков у массагетов, переданные Нег., I, 216; IV, 26].

⁷ [Мифические великаны, изобретатели железа, легенда о которых связана с культом Реи-Кибелы на горе Иде, в Малой Азии (а также на островах Крите и Кипре)].

⁸ [Ср. Dind., т. IV, стр. 191 [Ср. Hellan., Par. Ox., X, 1241, стр. 2 сл.; ВДИ, 1947, № 1, стр. 315, о скифском царе Сатевне, изобретателе железа].

§ 76 (р. 363 Р.)... Колхидянка Медея, дочь Эата, первая придумала краску для волос...

I, 21, 105 (р. 382 Р.)... От Диониса до Геракла и витязей, плававших на *корабле* Арго с Язоном во главе, выходит шестьдесят три года. В их плавании участвовали Асклепий и Диоскуры, как свидетельствует Аполлоний Родосский в «Аргонавтике»...¹

I, 21, 133 (р. 399 Р.)... На предчувствие всегда обращали внимание великий Пифагор, гиперборей Абарис и Аристей Проконнесский...²

IV, 8, 62 (р. 591 Р.). Я знаю савроматских женщин, которые занимаются военным делом не меньше мужчин, и других—сакских, которые наравне с мужчинами стреляют из луков назад, притворяясь бегущими. Я знаю также, что женщины вблизи Иберии занимаются мужским делом и трудом, даже при наступлении родов не оставляют никакой работы, но часто во время самого ревностного труда женщина рождает и, подняв младенца, несет домой. Женщины здесь несколько не меньше мужчин стерегут дома, охотятся и стерегут стада³.

IV, 26, 172 (р. 642 Р.)... Гиперборейские и аримасповские города и Елисейские поля суть обители праведных...⁴

V, 5, 31 (р. 664 Р.).. Аристокрит в первой *книге* посвященного Гераклеодору *сочинения* *Ἀντιδοχόμενα*⁵ упоминает об одном письме следующего содержания: «Царь скифский Алей византийскому народу: не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды». Варвар иносказательно намекнул *здесь* на войну, которую намеревался им объявить..

V, 8, 45 (р. 672 Р.) см. Pher. Ler., Theog., fr. 113.

СХОЛИИ К УВЕЩАТЕЛЬНОЙ РЕЧИ⁶

2, 29 (р. 25 Р.). Г и п е р б о р е я м]. Гиперборей—скифское племя, называемое так потому, что имеет жительство выше самых северных частей, откуда дует Борей; они приносят ослов в жертву Аполлону.

4, 53 (р. 47 Р.). А м а з о н о к]. Скифское племя мужественное и мужеподобное, соседнее с колхами⁶.

4, 54 (р. 48 Р.). М и т р и д а т П о н т и й с к и й]. Царь скифский⁷.

9, 88 (р. 72 Р.). Н и о д и н к и м м е р и е ц]. Говорят, что у киммерийцев (живущих на крайнем севере) солнце, вступая в *созвездие* Рака, видно на горизонте днем и ночью, а вступая в *созвездие* Козерога, совсем не показывается у них над землей, и день бывает такой, как у нас время дня до *восхода* солнца.

¹ Аполлоний (I, 146) упоминает о Диоскурах, но не об Асклепии.

² О предсказаниях Пифагора и Абариса см. ниже, Porph., v. Pyth., 24 сл.

³ [Ср. Her., IV, 114; Nic. Dam., frg. 3; 16; Isig. Nic., frg. 29, 50. [См. еще о савроматских женщинах, Hipp., de aër., aq., loc., 24; об амазонках на Кавказе Strabo, XI, 5, 1 сл.].

⁴ [Об аримасах, как о «гиперборейском», т. е. потустороннем, народе, см. Steph. Byz. s. v. Ἀριζοτοί].

⁵ Об Аристокрите см. Müller, FHG, IV, стр. 334; RE, II, 1, стр. 942.

⁶ Этот схолий относится к следующим словам: «я знаю огонь, убеждающий и вращающий суверие; если захочешь избавиться от заблуждения, просветись, что огонь спалил храм в Аргосе вместе со жрицей Хрисидой и второй *храм* Артемиды в Эфесе после амазонок...»

⁷ К словам автора: «Птолемей же четвертый назывался Дионисом; и Митридат Понтийский тоже Дионисом».

АСИННИЙ КВАДРАТ

По указаниям Свиды—римский историк, написавший на ионическом диалекте римскую историю в 15 книгах под заглавием *Χιλιαετής* (тысячелетие), обнимающую собой время от основания Рима до Кесаря Александра, сына Мамеи (т. е. Севера). Кроме того, он написал под заглавием *Παρθικά* или *Παρθονικά* историю парфянской войны 161—165 гг. н. э. По предположению Мюллера он жил между 160 и 230 гг. н. э.

С о б р а н и е о т р ы в к о в: Müller, FHG, III, стр. 659—662.

ПАРФЯНСКИЕ ДЕЛА

(ΠΑΡΘΙΚΑ)

II (или VI), фр. 6 (Steph. Byz. s. vv. Ὠζαργηνοί и Ὠττηνί). У реки же Кира [s. v. Ὠττηνί: вокруг же реки Кира] живут обарены и отены, составляющие значительную часть Армении.

III, фр. 8 (Steph. Byz. s. v. Ὠττηνί). Царь же Армении Пакор, находясь в это время у Артаксат и Отены в Армении...

* ДИОНИСИЙ ВИЗАНТИЙСКИЙ

[Дионисий Византийский, упоминаемый Свидой как автор различных этических произведений, а также и географического сочинения Ἀνάπλους Βοσπόρου («Плавание по Боспору [Фракийскому]»), жил во II и начале III в. н. э. и написал названное выше сочинение, как установил его последний издатель R. Güngerich, незадолго до взятия Византии Септимием Севером, в 195/6 г. н. э.]

Сочинение это, примыкая к ряду многочисленных периплов—этих своеобразных географических справочников древности, должно быть сопоставлено по обилию в нем исторического и мифологического материала, поданного в риторической форме, в первую очередь с «Землеописанием» Дионисия Перизгета и с «Периплом Понта Эвксинского» Флавия Арриана. Для истории Северного Причерноморья перипл Дионисия Византийского имеет некоторое значение в особенности потому, что большое число содержащихся в нем наименований, связанных с легендой об аргонавтах, равно как и некоторые совпадения в топонимике обоих Боспоров, проливают свет на историю этапов ионийской колонизации северных берегов Малой Азии и Черного моря.

Т е к с т: Dionysii Byzantii Anaplus Bospori una cum scholiis X saeculi edidit et illustravit R. Güngerich, B. 1927].

ПЛАВАНИЕ ПО БОСПОРУ

(ΑΝΑΠΛΟΥΣ ΒΟΣΠΟΡΟΥ)

2. Началом же—началом и рассказа и природы *этих* мест—является море, Понт Эвксинский, по величине самое большое из *всех* других, если не сравнивать их с внешним морем¹. Одно же над ним простирается Меотийское озеро, которое по памяти, передаваемой *еще* из древних времен, называлось матерью и кормилицей Понта²; периметр его равен восьми тысячам стадиев³, а диаметр двум тысячам; окончанием же его является река Танаис, граница двух материков, вытекающая из области, ненаселенной вследствие льда; устье же у нее узкое по так называемому Киммерийскому Боспору; принимает же ее целиком Понт и, огромный, он омывает оба материка. Вокруг него по побережью находятся эллинские города, которые после основания Византии⁴ заселили некоторые из эллинов, за морем же живут многочисленные и великие варварские народы. Обра-

¹ [Т. е. с океаном, называвшимся «внешним» (ἡ εἰς τὸ θάλασσαν) в отличие от «внутреннего» (ἡ ἐντὸς θάλασσαν) Средиземного моря; ср. Strabo, II, 5, 18].

² [В отношении этого эпитета ср. Нег., IV, 86].

³ [По Страбону (II, 5, 23)—9 000 стадиев].

⁴ [Основанного согласно традиции, переданной Евсевием, в 658 г. до н. э.; ср. Нег., IV, 144].

щаяся в море, он делается почти *пресноводным озером*¹, и множество впадающих в него рек с того и другого материка опресняют его резкую природу. Кончается же он Фракийским Боспором и через Устье впадает в *Пропонтиду*.

3. Это *устье* является бурным проливом, длиной в 120 стадиев, шириной же, где он всего уже, четыре стадия. В нем нет морских зверей, или потому, что, как гласит предание, Геракл очистил Понт, или также ввиду стремительности *течения* моря; он не течет прямо, но разрезается частыми параллельными выступами мысов, вследствие чего происходят и частые водовороты и сильные удары морских волн; ибо течение, приводимое в волнение на небольшом *пространстве* и сдавленное узким промежутком между материками, катится со стремительностью и шумом².

7. Относительно мыса, который *мы* называем Боспорием³, существуют два сказания: ибо одни говорят, что бык, загнанный сюда жалом стрелы, переплыл пролив, расположенный по середине, другие же, вспоминая более сказочные предания, *говорят*, что Ио, дочь Инаха, гонимая ревностью Геры, здесь переправилась в Азию; да будет дана вера из этих сказаний более божественному: ибо мне кажется, что местное значение не настолько бы могло иметь силу, чтобы из-за него Боспор был бы назван один Киммерийским, другой—Фракийским, если бы не произошло нечто большее, чем местная история; таким образом, это имя унаследовано им вследствие памяти о происшедшем здесь⁴.

14. На спуске к морю *находятся* два храма: Геры и Плутона; от них ничего не осталось, кроме названия. Один из них сожгли персы, ходившие с Дарием походом против скифов, мстя во имя царя за то, в чем обвиняли город⁵, храм же Плутона—македонец Филипп, когда он осаждал город⁶, разобрал, из-за потребности в лесе...

40. Там, где крутой склон поворачивает к морю, *находится* Палинормик⁷; назван же он оттого, что к нему вторично пристали, когда сначала основатели колонии пристали *сюда*, затем, выплыв в море, опять вернулись: это-то происшествие и дало месту имя.

41. Немного же за ним—храм Птолемея Филадельфа; византийцы почтили его как бога, получив большую выгоду от великодушия его и уважения к городу: ведь *им он* подарил область в Азии и много мириад хлеба, и оружие, и деньги.

42. Идущее следом место называется Дельфин и Каранда⁸; причина

¹ [Представление о том, что вода в Черном море, вследствие большого количества впадающих в него рек, была весьма пресной, пользовалось распространением и доверием в древности. Ср. P o l y b., IV, 39].

² [Об истечении Азовского моря в Черное через Боспор Киммерийский и Черного моря в Эгейское через Боспор Фракийский и Пропонтиду ср. P o l y b., *ibid.*].

³ [Современное название этого мыса, отделяющего бухту Золотой Рог от Мраморного моря—Сарай Бурну].

⁴ [Боспор значит буквально «переправа быка». Возникновение этого наименования древнегреческое предание связывает с легендой об Ио (ср. A e s c h., Prom. nct., 732 сл.), потому что последняя была обращена Герой в белую телку: см. A p o l l o d., Bibl., II, 1, 3].

⁵ [В 513 г. до н. э.; мсть персов была вызвана, вероятнее всего, колеблющейся позицией или открытой изменой византийцев (H e r., IV, 144). Возможно, что основанием для нее послужило и разрушение воздвигнутых Дарием памятных столпов, о которых Г е р о д о т сообщает в IV, 87. Однако, поскольку ни Геродот, ни другие древние авторы не приводят факта, отмечаемого Дионисием, быть может, разрушение храма Геры относится к более позднему времени].

⁶ [Филипп II осаждал Византий в 340 г. до н. э.; ср. D i o d., XVI, 76].

⁷ [Это место отождествляется с местностью, носящей в настоящее время наименование Финдикли (см. G G M, II, стр. VIII)].

⁸ [Современное наименование местности—Каридата, сохранившее отзвук древнего имени].

же названий следующая: *тут жил один муж по имени Халкис*¹, родом византиец, а по *своему* искусству кифаред, ничуть не хуже в *этом искусстве самых* высших. К нему, когда он одетый в *свое пышное* одеяние громко пел свой ном, из моря приплыл дельфин и, склонив свой слух к звукам песни и остановившись на отмели моря, вне воды, подняв взор кверху, чтобы воспринять всю песню так, чтобы для полноты внимания ему не мешало волнение в глубине... Живший же по соседству пастух Каранда, по зависти или из ненависти к Халкису, а, может быть, и из желания выгоды, устроил засаду на выплывшего спокойно из моря *дельфина* и вышедшего на сушу вследствие очарования удовольствием музыки, ударив *его копьем*, убил; но ему не удалось присвоить добычи: ибо Халкис пышно хоронит *своего* слушателя; *этим* же местам дал имена Дельфина и Каранда, первого почитая *этой* памятью, а второму мстя за *его поступок*.

43. Отсюда идет мыс, образующий небольшой залив; основание же его и подошва—скала в глубине моря, называется Термастис²... 44. За ним идет ровный берег, *обращенный* в сторону ветранаота... 45. К нему примыкает Скифское место: ибо говорят, что сюда пристал скиф, по имени Тавр, переселявшийся из своей страны; он, как говорят, приплыв в Крит, обесчестил Пасифаю, дочь Миноса; отсюда *пошел* миф и о ее любви к *быку* и о ее порождении³.

49. После же Архия⁴ поднимается высокая и крутоспускающаяся в глубину скала; выдаваясь на конце мыса, она первая воспринимает на себя всю ярость моря, поражаемая бурным морем. На вершине же ее установлен Морской Старец; одни называют его Нереем, другие же—Форкисом, иные же—Протеем, некоторые же—отцом Семистры, а есть, которые говорят, что он был тем, кто дал Язону и бывшим с ним разъяснение их плаванья и был путеводителем при проходе ими теснин...⁵

50. Соседним же с ним *является* Парабол⁶, так как рыбная ловля представляет здесь опасность вследствие неровности морского дна: ибо течение, спускаясь к скалистому берегу моря, непокрытому и обнаженному, делает рыбную ловлю поистине неразумной и, за редкими исключениями, неудачной.

51. Отсюда *идут* Калам⁷ и Битиада⁸; первое место названо так от большого количества <тростника>, Битиада же—<потому что лежит> в глубине, как бы покрытая скалистыми выступами холмов, названная от морской глубины по подобию. На ней—лавр, как гласит предание, растение Медеи, дочери Ээта...

57°. За храмом Дианы Диктинны плавание бурное и очень беспокойное вследствие постоянного волнения; место же называется Пирриас-Кион¹⁰, как мне кажется, вследствие подобия, которое это море имеет с собакой,

¹ [Кифаред Халкис ближе не известен. Однако связываемая Дионисием с *этим* именем легенда имеет параллели в сообщении Геродота о полумифическом поэте-кифареле Арионе из Метими, жившем при дворе Перияндра (I, 23 сл.).]

² [Современный мыс Кабатач («Дикий Камень»). Ср. RE, V, стр. 747].

³ [Минотавра].

⁴ [Отождествляется с местностью, носящей ныне наименование Ортакой; см. RE, V, 747].

⁵ [Из этих слов явствует, что «Морской старец», отождествляемый с вышеуказанными морскими и титаническими богами, покровитель мореплавателей, отождествлялся также с Финеем—персонажем мифа об аргонавтах, о котором см. Apollo. Rhod., II, 178 сл.].

⁶ [«Неразумное дело»].

⁷ [«Тростник»].

⁸ [«Укрытие». Отождествляется с современным Куручесме; RE, V, 747].

⁹ Дальнейший текст сохранился только в латинском переводе

¹⁰ [«Рыжий пес». Отождествляется с местностью, именуемой в настоящее время Румели Гиссар; см. RE, V, 748].

но, как утверждает речь большинства, *такое название дано* от собаки пастуха, бегавшей по этому берегу и лаявшей на тех, которые вследствие силы течения имели необходимость плыть около края берега. Тут также наиболее узкая часть пролива, разделяющая два материка; здесь также, говорят, был *совершен* переход Дарием, ибо здесь самосец Андрокл построил мост на Боспоре¹. Среди исторических памятников это место сохраняет кресло, вырубленное в скале, ибо на нем, говорят, сидел Дарий как зритель и моста и перехода войска...

65. После Комарод² следует возвышенный берег, суровый, и выдолбленные скалы, выдающиеся из моря, которых древние назвали Бакхиями за то, что вокруг них при поднявшемся волнении волны как будто безумствуют в вакхической пляске... 66. За *этим* же возвышенным берегом спускается и расстилается дальше залив, в котором есть порт Питека, который, как говорят, был царем варваров, населявших эту местность, и был проводником при переправе в Азию Астеропея вместе с его сыновьями. За ним идет следом крутой и отвесный берег... 67. Отсюда следует берег, склоняющийся к заливу, названному *Εὐβοῦν Καλόν*³, который окружает берег, отделенный настолько ничтожным пространством от моря, что, хотя по природе он является континентом, но по виду кажется островом. 68. Тотчас за ним идет залив, названный Фармакиадой от колхидянки Медеи, которая в этом месте оставила ящички со снадобиями⁴; это место очень красиво и очень удобно для рыбной ловли и наиболее пригодно как пристань кораблей; до самого берега море глубоко и вполне безопасно от ветров; *оно* привлекает к себе очень много рыб. *Тут* густые леса и далеко идущие в глубь рощи всякого рода, и луга расстилаются *здесь*, как будто, думаю, земля спорит с морем; вся его окружность осеняется лесом, поднимающимся над самым морем; по середине леса в залив бесшумно течет река...

87. От Кланей на восток открывается огромный Понт до пределов, не охватываемых взором и не доступных нашим глазам...

88. За Анкирским мысом⁵ есть Башня колхидянки Медеи, круглая скала, поднимающаяся отвесно.

92. За Хелами⁶ идет так называемый Гиерон⁷, [т. е. святилище (Fanum)], воздвигнутый Фриксом, сыном Нефелы и Атаманта, когда он плыл к колхам; хотя им владели византийцы, но *по существу* он—общее убежище для всех плавающих. Над храмом идет стена в виде круга; в середине ее—крепость, которую опустошили галаты, как и многие другие места Азии. Обладание же святилищем было предметом споров, так как многие предъявляли притязание на владение им, в то время, как они властвовали на море, но больше всех старались его присвоить себе как свое наследственное место халкедонцы; однако на самом деле обладание этим храмом всегда оставалось за византийцами, некогда ввиду их господства *на море* и их местной силы—ведь они владели морем, *имея* много кораблей—и опять-таки потому, что выкупили *его* от Каллимета, начальника войск Селевка.

¹ [Ср. Нег., IV, 85 сл.].

² [На месте современного турецкого селения Еникой. См. Gillius, Bosp. Thrac., II, стр. 14].

³ [«Красивое затишье»].

⁴ [Вышеназванные бухты отождествляются, последняя—с современной бухтой Терапией, а первая—с Терапия-Сера. RE, V, 750].

⁵ [Ныне мыс Нум-Бурну. Ср. Gillius, ibid., III, стр. 2].

⁶ [Отождествляется с современным мысом Киреч Бурну; RE, V, 750].

⁷ [Святилище Зевса Урия (Попутного). о котором см. Agg., PPE. 25, 4; ср. Anon., PPE. 90; отождествляется с позднейшим турецким укреплением Иорос-Калесса, в имени которого звучит древнее наименование места].

93. В Святилище стоит бронзовая статуя, *произведение* древнего искусства, имеющая образ мальчика, с *молитвенно* вытянутыми руками¹. Приводится много причин, почему эта статуя изображена в таком виде: одни говорят, что это есть знак опасности для плавающих, отвращающий их от неразумия плавания, полного опасностей, и показывая радость возвращения для возвращающихся и любовь к родителям; ибо и то и другое происходит не без страхов; другие говорят, что некогда мальчик, блуждая по берегу, пришел тогда, когда корабль уже отплыл, и что он, потеряв надежду на спасение, воздел руки к небу, и что бог, услышав мольбу мальчика, вернул корабль в гавань; иные говорят, что при *наступившем* великом спокойствии моря, когда прекратилось всякое дуновение ветра, *какому-то* кораблю пришлось долго *здесь* задержаться и что моряки *уже* стали страдать от недостатка питья; и вот наверху явилось видение, повелевающее, чтобы наварх принес в жертву *своего* сына, ибо другим способом он не может получить ни продовольствия, ни попутного ветра; когда наварх был вынужден неизбежностью и готов был принести в жертву мальчика, мальчик протянул *свои* руки, и бог, тронутый жалостью ввиду нелепой казни ребенка и ввиду его юного возраста, снял с *алтаря* ребенка и послал попутный ветер. Пусть эти *рассказы* и противоположные им считаются достоверными как кому нравится.

94. К Святилищу подходит и идет следом затем мыс, названный Аргироником² потому, что будто бы был куплен за большие деньги.

95. После следуют и соприкасаются с ним места, названные Ложем Геркулеса и Нимфей, а затем так называемый Безумный Лавр, у которого, говорят, обитал царь бевриков Амик, превосходивший всех людей своего времени в кулачном бою, если бы только он не был побежден Поллуксом, сыном Юпитера и Леды; во *время* колхидской экспедиции он, вызвав на бой, вступил в состязание с Поллуксом и погиб от руки этого же Поллукса и был наказан за жестокость к иноземцам, и выросло растение—знак его безумия, более божественный, чем может познать человеческий ум: ибо если кто внесет этот лавр на пир, то *всех* соотрапезников он заразит подобным безумием и наполнит смятением. Это, конечно, по опыту я узнал, что природа *при помощи* этого лавра передала бессмертной памяти преступность этого царя.

96³. <За ним [т. е. Безумным Лавром] *идет* очень глубокий залив Мукапорис⁴; назван же> он от имени какого-то *из* царей Вифинии; гавань в нем очень хороша. За ним *идет* горный мыс «Клюв Орла»,—имя, *данное* по его форме, весь же он очень скалист, и море даже у самого берега очень глубоко. Затем *идут* залив по имени Амик и Гронихия, высоко *расположенная* равнина; в нем же [т. е. в заливе] ловля крупной морской рыбы. 97. Следом *идут* Палоды⁵, названные так по сходству с находящимися у Византия.

98. Затем *идет* залив Катангий, привлекающий к себе рыб, как никакой другой, даже больше, если нужно, ничего не скрывая, говорить правду, единственный дающий хорошую охоту на берегу халкедонцев; ибо остальные *места* настолько отличаются от европейских, насколько море

¹ [Об этом изображении, отождествляемом с Эротом, см. Philostr., Im., I, 12, 3].

² [Или Аргиронием (P. Gos. op. de aed., I, 9), современный Маджар Буриу].

³ Дальнейший текст сохранился в греческом подлиннике.

⁴ [Отождествляется с заливом, современное наименование которого Бейкос; RE. V, 753. Быть может, испорченное Амикуполис].

⁵ [«Болота»].

от земли. За ним же—мыс Оксиррой¹. 99. За ним длинный и ровный берег, называется Гаванью Фрикса².

109. Над морем же лежит равнина, с наклоном к берегу; названа же она Хрисополь³; как говорят некоторые, название дано потому, что во время господства персов они сюда собирали золото, идущее им как дань с городов; большинство же говорит, что тут могила Хриса, сына Хрисеиды и Агамемнона; ибо будто бы он, убегая в страхе перед Эгистом и Клитемнестрой, прибыл сюда, имея намерение переправиться в область тавров, к своей сестре Ифигении: ведь Ифигения была уже жрицей Артемиды, но, тяжело захворав, он оставил этому месту наименование по своему имени; но возможно, что оно так названо вследствие высоких достоинств гавани, так как люди любят сравнивать с золотом все удивительное.

АРКАДИИ

Грамматик родом из Антиохии, живший, вероятно, около 200 г. н.э. Ему приписывается трактат «Об ударениях» и извлечение из геродиановых *κανόνες τῆς καθ' ἑκάστην προσωπίδας*.

Издание, Ἀρχαδίου περὶ τόνων. E. codicibus Parisinis primum ed. E. H. Barker Lips., 1820.

ОБ УДАРЕНИЯХ

(ΠΕΡΙ ΤΟΝΩΝ)

IV (р. 36). Двухсложное слово Σχῆθις имеет ударение на последнем слоге, как Περσίς...

Слова на χις имеют ударение на последнем слоге, если это не название городов или островов, как например, Κελχίς.

VIII (р. 69). Двухсложные на ρος с εо в предпоследнем слоге редко не имеют ударения на последнем слоге... и κερός имя народа.

Ibid. (р. 72). Более чем двухсложные на ρος с εо в предпоследнем слоге имеют ударение на третьем слоге от конца... Ἐλουρος название народа⁴.

р. 76. Слово ἀγάθους, собственное ли имя или название народа.

Ibid. (р. 84). Двухсложные на χος, не прилагательные, не имеют ударения на последнем слоге, как χελχός...

АФИНЕЙ

Уроженец египетского города Навкратиса, живший в конце II и начале III в. н.э., автор сохранившегося до нас сочинения Δειπνοσοφιστικά в 15 книгах.

Текст: Athenaei Naucratae Deipnosophistarum libri XV. Rec. G. Kaibel, 3 тома, Lips., Teubn., 1887—1890.

ОБЕД СОФИСТОВ

(ΔΕΙΠΝΟΣΟΦΙΣΤΑΙ)

II, 18 (р. 43 с)... Геродот в четвертой книге⁵ говорит, что Гипаниса на пространстве пяти дней пути от источников мелок и пресен, а затем на

¹ [«Быстрыми волнами омываемый»].

² [Отождествляется с заливом, называемым ныне Галиндже; RE, V, 753].

³ [«Золотой город». Пункт, на азиатской части Боспора, против Византия, являвшийся удобным местом переправы на европейскую сторону пролива. См. Хен, Anab., VI, 6, 38. Ср. также GGM, II, стр. 91].

⁴ [О скифском племени гелуров, со ссылкой на Дексиппа, автора III в. н.э. (см. ниже), упоминает Steph. Byz. s.v. Ἐλουροι].

⁵ IV, 52. [Источник, о котором идет речь—Эксампей. О причинах горечи воды в устье Гипаниса (Буга) см. прим. к указанному месту Геродота].

четыре дня плавание становится горьким вследствие впадения одного горького источника.

II, 67 (р. 64 d)... Теофраст в VII книге сочинения «О растениях»¹ говорит: «в некоторых местностях лук бывает так сладок, что его едят сырым, как например, на Таврическом полуострове». То же самое говорит и Фений².

III, 88, р. 119 a [Цитируются стихи Сопатра Пафийского]: «Он получил осетра, которого кормит великий Истр, малосоленное лакомство для скифов».

V, 50, р. 213 d [Цитируется из Посидония Апамейского речь афинского тирана Афиниона к афинянам]. ...Царь Митридат³ владеет Вифинией и верхней Каппадокией, а также всеми соседними областями Азии до Памфилии и Киликии; его почитают цари армян и персов и властители народов, живущих кругом Меотиды и всего Понта на пространстве тридцати тысяч стадиев...

VI, 9, р. 226 d [Антифан⁴ в «Злоненавистнике» говорит]: «Затем, разве не весьма мудры скифы? Они новорожденным детям дают пить кобылье и коровье молоко». — Б. «А не приставляют к ним, клянусь Зевсом, вредных кормилиц и дядек»...

VI, 23 (р. 233 d) ... Из гор, в древности называвшихся Рипейскими, впоследствии получивших название Ольвийских, а ныне называемых Альпийскими (они находятся в Галлии)⁵, однажды при лесном пожаре само собой потекло серебро...

VI, 71 (р. 257 e). Не таков был понтийский тиран Левкон⁶, который, узнав, что многие из его друзей ограблены одним из окружавших его льстецов, и увидев, что этот последний клеветает на одного из остальных друзей, сказал ему: «я убил бы тебя, клянусь богами, если бы тирания не нуждалась в негодях».

VI, 91 (р. 266 e)... Перипатетик Николай⁷ и стоик Посидоний⁸ в своих «Историях» говорят, что хиосцы, поработанные Митридатом Каппадокийским, были переданы в оковах своим собственным рабам для поселения в земле колхов...

VI, 109 (р. 277 f) ...Известный Катон, как рассказывает Полибий в тридцать первой книге своей истории⁹, с негодованием кричал о том, что некоторые ввели в Рим чужеземную роскошь, покупая за триста драхм боченок понтийской соленой рыбы...

VII, 21 (р. 284 e) ...Любезный Ульпиан пусть поищет, почему Архестрат¹⁰ в своих прекрасных «Записках о боспорской соленой рыбе» сказал: «Выплывшие из Боспора рыбы — самые белые, но между ними не должно быть твердого мяса выросшей в Меотийском озере рыбы, которой назва-

¹ VII, 13, 8.

² FHG, II, 300.

³ [Имеется в виду Митридат VI Эвпатор, царь Понта и Боспора (120–63 гг. до н. э.).]

⁴ Один из представителей «средней комедии», живший в IV в. до н. э.

⁵ [Наименование «Рипейские горы» связывалось в древности с представлением о северных горах и отождествлялось с различными реальными горными хребтами на территории Европы. Наиболее прочно это наименование связывалось с представлением об Урале].

⁶ [Вероятно, Левкон I (387–347 гг. до н. э.).]

⁷ FHG, III, 415.

⁸ FHG, III, стр. 265, fr. 39. [Событие это относится к 87 г. до н. э.].

⁹ Ср. выше [О ввозе из Понта соленой рыбы и других товаров см. Polyb., III, 38,4].

¹⁰ Известный автор гастрономической поэмы Ἰνδολάβαι, живший в IV в. до н. э. См. Archestrati Syracusii s. Gelensis reliquiae rec. W. Ribbeck, Berl., 1877, De Archestrati Gelensis et Q. Ennii fragmentis quibusdam scr. G. Schmid. ЖМНП, июль 1896.

ние нельзя поместить в стихе». Что это за рыба, которой, по словам Архестрата, нельзя назвать в метрическом произведении?

VII, 88 (р. 312 а) ... Нил доставляет и многие другие породы рыб..., а также так называемых меотов, о которых упоминает Архипп¹ в «Рыбах» в следующих словах: «меотов и сельдей и сомов». *Меоты* водятся в изобилии в Понте и имеют название от Меотийского озера...

VIII, 9 (р. 334 а) ... Я знаю, что Филарх где-то говорит о больших рыбах и посланных вместе с ними сырых смоквах, — что птолемеев полководец Патрокл послал их в виде загадки к царю Антигону, подобно тому, как Дарию *посылали* скифы при его нашествии на их землю: по словам Геродота², они послали ему птицу, стрелу и лягушку. Но Патрокл, как говорит Филарх в III книге истории, послал вышеупомянутые смоквы и рыб...

IX, 38 (р. 387 с—е) ... Агатархид Книдский в тридцать четвертой книге «Истории Европы», говоря о реке Фасисе, пишет между прочим: «множество птиц, называемых фасианскими [фазанами], для *отыскания* себе пищи спускается до самых устьев»... Артемидор Аристофановский³ в сочинении под заглавием «Поварские заметки» и Памфил Александрийский⁴ в сочинении «Об именах и заметках» цитирует Эпенета, говорящего в «Поварской книге», что фазан называется татиром; а Птолемей Эвергет во второй книге «Записок» говорит, что фазан называется тетаром...

IX, 79 (р. 410 b—c) ... Ручником называется *кусок* сурового полотна, которым вытирали руки... Софокл в «Эномае» *говорит*: «остриженный по-скифски, как ручник» (?).

X, 29 (р. 427 а—с) ... [Анакреонт] называет питье цельного вина скифским питьем:

*Ну, друзья, не будем больше
С таким шумом и ораньем
Подражать попойке скифской
За вином, а будем тихо
Пить под звуки славных гимнов.*

И лакедомоняне, как говорит Геродот в шестой книге⁵, говорят, что царь Клеомен, сдружившись со скифами и сделавшись пьяницей, от пьянства сошел с ума. И сами лаконцы, когда захотят пить вино менее разбавленным, называют это «подскифить». По крайней мере Хамелеонт Гераклеийский⁶ в сочинении о пьянстве пишет об этом так: «лаконцы говорят, что и Клеомен Спартиат сошел с ума вследствие того, что, сдружившись со скифами, приучился пить цельное вино; поэтому, желая выпить менее разбавленного вина, они говорят «подскифь»⁷. Ахей же в сатировской пьесе «Этон» представляет сатиров негодующими на питье слишком разбавленного вина и говорящими:

*Не слишком ли много подмешано Ахелоя⁸
Б. Даже полизать этого нельзя вашему роду.
А. Итак прекрасно вести . . . скифу выпить.*

¹ Один из представителей «средней комедии», младший современник Аристофана.

² Н е г., IV, 131.

³ Грамматик, живший в I в. до н. э. Ср. о нем A h g e n s, Vocol. Graec. reliquiae, II, 1858, стр. XXXV сл.

⁴ Грамматик аристарховой школы, жил в середине I в. н. э.

⁵ VI, 84.

⁶ Философ-перипатетик, жил во второй половине IV в. до н. э. См. о нем К ö р к е, De Chamaeleonte Heraclaeota, Berol., 1856; [L e o, Griech.-röm. Biographie, 1901, стр. 104 сл.].

⁷ [Ср. этот же анекдот в несколько более кратком изложении у A e l., Var. Hist., II, 41].

⁸ [Т. е. воды].

Х, 32 (р. 428 d) ...Мудрец Анахарсис, объясняя скифскому царю *производительную* силу виноградной лозы и показывая ее отводки, сказал, что если бы эллины ежегодно не подрезывали лозу, то она уже была бы и в Скифии.

Х, 50 (р. 437 f) ... Скиф Анахарсис, когда у Периандра был предложен приз за питье, опьянев первым из присутствующих, потребовал себе награду, *говоря*, что в этом заключается цель состязания в питье, подобно тому как и в беге...

ХII, 27 (р. 524 c) ...Затем относительно *скифов* Клеарх рассказывает следующее: «Сначала один только скифский народ пользовался общими законами; затем они снова сделались «несчастнейшими из всех смертных» вследствие своих насильственных поступков: они предались роскоши, как никто другой, вследствие удач во всем, богатства и прочего благосостояния. Это очевидно из остающейся еще до сих пор одежды и образа жизни их старшин. Предавшись же роскоши и притом устремившись к ней первыми из всех людей, они дошли до такой степени жестокости, что у всех людей, с которыми вступали в сношения, стали обрезать концы носов; их потомки, удалившиеся с родины, до сих пор носят название, *заимствованное* от этого несчастья. А женщины их татуировали тела женщин фракийцев, живших вокруг них к западу и к северу, накалывая рисунки булавками. Много лет спустя пострадавшие *таким образом* фракийские женщины особым способом изгладили следы своего несчастья: они расписали и остальные части тела, для того чтобы бывшие на них знаки насилия и стыда, войдя в состав разнообразных рисунков, именем украшения изгладили позор. Они над всеми господствовали так надменно, что рабское служение у них, для всех соединенное со слезами, разгласило и в последующих поколениях, что значило выражение «от скифов». Итак вследствие множества постигших их несчастий, так как они от печали *уничтожили* удобства жизни и обрезами кругом волосы, все *чужие народы* называли стрижку всего народа, *делаемую* в знак несчастья, *ἀπεισθίσις* (оскифиться)».

ХII, 26 (р. 523 e). По словам Эфора¹, милетяне, пока не предались роскоши, побеждали скифов, основали города на Геллеспонте и заселили славными городами Понт Эвксинский...

ХIII, 36 (р. 575) ... Не следует удивляться тому, что некоторые влюблялись в других по слуху, если Харес Митиленский² в десятой книге «Истории Александра» рассказывает, что некоторые, увидев во сне *таких лиц*, которых раньше не видали, влюблялись в них. Он пишет так: «У Гистаспа был младший брат Зариандр; туземцы говорят о них, что они родились от Афродиты и Адониса. Гистасп³ владел Мидией и нижней страной, а Зариандр—*областью, лежащей* выше Каспийских ворот до Танаиса⁴. У Омарта, царя маратов (Μαράτῶν)⁵, живших по ту сторону Танаиса, была дочь по имени Одатида. О ней записано в исторических сочинениях, что будто бы она влюбилась в Зариандра, увидев его во сне, и что последним овладела такая же страсть к ней. Итак они постоянно томились желанием *увидеть*

¹ См. выше [fr. 92].

² Историк, занимавший должность докладчика (εἰσαγγελεὺς), при дворе Александра Македонского.

³ [Имя многих членов древнеперсидской царской династии Ахеменидов].

⁴ [Под Каспийскими воротами в данном случае следует понимать горный проход из Мидии в Парфию и Гирканию через Каспийские горы. Проход этот находился около древних Раг (Арсакии) и отождествляется с современной долиной Тенджи Ширдара; Танаис, в этом случае, Сыр-Дарья—Яксарт других авторов].

⁵ Holsten предлагает читать «сарматов»; [наименование мараты, не будучи более нигде засвидетельствовано, может быть сопоставлено с Μαράτις, одним из трех древнеперсидских аристократических племенных наименований, наряду с пасаргадами и маспиями известным Геродоту (I, 125; IV, 167)].

друг друга вследствие полученного во сне представления. Одатида была первая красавица между азиатскими женщинами, да и Зариандр был красавец *собою*. Он послал к Омарту просить руки девушки, но Омарт не согласился, вследствие того, что не имел мужского потомства: он хотел выдать ее за одного из своих близких. Немного времени спустя Омарт созвал со *всего* царства властителей, друзей и родственников и устроил брачное пиршество, не объявив заранее, за кого *он* хочет выдать *свою* дочь. Когда попойка была в полном разгаре, отец пригласил Одатиду в залу пиршества и сказал во всеуслышание: «Мы, дочь моя Одатида, справляем теперь твою свадьбу; оглянись кругом, осмотри всех, *затем* возьми золотую чашу, наполни ее и дай, кому хочешь: его женой ты и будешь названа». Девушка, обведя всех взором, удалилась в слезах, пылая желанием видеть Зариандра: она *заранее* послала ему *известие*, что скоро совершится ее брак. *Зариандр* стоял с войском на Танаисе; тайком прошел он по лагерю в сопровождении одного только возницы, и ночью, поспав на колеснице, проехал большую область, сделав около восьмисот стадиев. Приблизившись к *той* деревне, в которой праздновали свадьбу, и оставив в одном месте возницу с колесницей, он сам пошел вперед, переодевшись в скифское платье. Придя на двор и увидев Одатиду, стоящую перед посудным столом и со слезами *на глазах* медленно приготавливавшую вино в чаше, он остановился близ нее и сказал: «Одатида, вот я здесь по твоему приказанию, я—Зариандр». Девушка, заметив, что чужеземец красив собой и похож на того, кого она видела во сне, с живейшей радостью подает ему чашу. *Юноша* похитил ее, отвел к колеснице и усакал вместе с Одаติดой. Слуги и служанки, знавшие о любви *Одаиды*, промолчали и на приказание отца говорить ответили, что не знают, куда она ушла. Эта любовь пользуется известностью у живущих в Азии варваров и ставится очень высоко, сказание о ней изображают на картинах в храмах и дворцах, а также и в частных домах, и многие из владетельных лиц дают своим дочерям имя Одаиды».

XIII, 61 (р. 591 f) ... Философ Бион Борисфенит был сыном лаконской гетеры Олимпии, как говорит Никий Никейский¹ в «Преемстве философов»...

XIV, 2 (р. 613 d) ... Я знаю, что скиф Анахарсис во время пира, когда были введены шуты, сохранил серьезность, а когда привели еще обезьяну, то засмеялся и сказал, что последняя смешна по природе, а человек—по профессии...²

XIV, 69 (р. 654 c)... Ф а з а н. Царь Птолемей в двенадцатой книге «Записок», говоря об александрийском дворце и содержащихся в нем животных, выражается *так*: «и фазанов, которых называют тетарами и которых он не только выписывал из Мидии, но и спаривал с цесарками и развел в большом количестве, так что даже употреблял в пищу; ибо говорят, что *их* мясо—драгоценное кушанье»³. Таково свидетельство знаменитейшего царя, который признался, что никогда не пробовал даже фазана, а держал этих птиц, как некое священное сокровище... [Аристотель или Теофраст в «Записках» говорит, что «у фазанов превосходство самцов *по величине* не соответственное, а гораздо больше»].

ХАРАКС ПЕРГАМСКИЙ

В словаре Свида, называющем этого писателя «жрецом и философом», уже нет определенных сведений о времени его жизни: говорится только, что Харакс жил значи-

¹ [Один из авторов сочинений о преемстве философов, известный только из Афиней. См. Christ, Gesch. d. griech. Litter., стр. 636; 732].

² [Этот же анекдот несколько более пространно у Eust. к Hom., Od., XVIII, 35].

³ [Cr. Ael., De an., XVIII, 33].

тельно позднее Августа и что в своих сочинениях упоминал о Нероне и его преемниках. По всей вероятности он жил во II или III в. н.э. Из его сочинений упоминаются *Ἑλληνικά* в 40 (?) книгах, *Хрисικά* и другие.

С о б р а н и е отрывков: Müller, FHG, III, стр. 636—645. Ср. Schwarz, RE, s. v. Charax, 19.

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

(ΕΛΛΗΝΙΚΑ)

Из неизвестных книг фр. 14 см. E u s t. к Dion. Per., 689¹

Фр. 15 см. E u s t., к Dion. Per., 687 и схол. к Dion., Per., к тому же месту.

ФИЛОСТРАТ

Различаются 3 или даже 4 софиста этого имени, уроженцы острова Лемноса. Старейшим из них был Филострат, сын Вера, живший при императоре Нероне по свидетельству Свида, который приписывает ему множество сочинений, до нас не сохранившихся (По мнению Кайзера, ему принадлежит диалог *Néron*, сохранившийся среди сочинений Лукиана Самосатского). Наибольшей известностью пользуется Филострат средний, родившийся около 170 г. н. э. и, по данным Свида, живший сначала в Афинах (почему и называется иногда Афинским), а потом в Риме при Александре Севере и далее до времен Филиппа (244—9 гг.). Ему принадлежат: сочинение об Аполлонии Тианском (*Τὰ εἰς τὸν Τῶνέα Ἀπολλωνίου*) в 8 книгах, написанное по желанию императрицы Юлии Домны, *Βίαι σοφιστῶν* в 2 книгах (написаны вскоре после 229 г.), *Γενεαλογικός Ἑπιστολὴ* (дошло до нас 73 письма). [Последнее издание; Philostrati Imagines, Лpz., 1893 (русский перевод С. П. Кондратьева, 1940); Philostrati minores, rec. Schenkl und Reisch, Лpz., 1902].

Т е к с т: Flavii Philostrati opera auctiora ed. C. L. Kayser. Accedunt Apollonii epistolae, Eusebius adv. Hieroclem, Philostrati junioris imagines, Callistrati descriptiones, 2 тома, Lips., Teubn., 1870—76 [Есть специальные издания].

ОБ АПОЛЛОНИИ ТИАНСКОМ

(ΤΑ ΕΙΣ ΤΟΝ ΤΙΛΕΑ ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΝ)

II, 2. Подходя к Кавказу, [Аполлоний и его спутники] почувствовали, говорят, более приятный запах от земли. Эту гору можно считать началом Тавра, простирающегося через Армению и Киликию до Памфилии и Микале, который, оканчиваясь у моря, при котором живут карийцы, может быть принят за конец Кавказа, но не за начало, как говорят некоторые; ибо высота Микале еще не велика, а вершины Кавказа поднимаются так *высоко*, что о них разрезаются *лучи* солнца². Он окружает другим Тавром и всю пограничную с Индией Скифию по Меотиде и левой стороне Понта длиной тысяч на 20 стадиев: на такое пространство земли простирается хребет Кавказа; а что говорят про наш Тавр, будто он простирается за Армению, то хотя этому мнению не верили *некоторое* время, но в конце концов оно подтверждается пантерами, которых ловят, как я знаю, в изобилующей благовонными травами Памфилии... Кавказ отделяет Индию от Мидии и другим отрогом спускается к Красному морю³.

3. Об *этой* горе у варваров ходят те же предания, что и у эллинских поэтов, именно, что к ней был прикован Прометей за *свое* человеколюбие,

¹ Ср. Suid, s. v. δέρεε и χημικά; Eud., p. 108; Fav. s. v. δέρεε ας Απολλ., περί ἀπ. p. 321 у Westerman'а, Mythographi.

² [О Кавказском хребте, как о продолжении малоазийского Тавра, p. Strabo, XI, 2, 15, со ссылкой на Эратосфена].

³ [О применении наименований Тавр и Кавказ к горным хребтам Центральной Азии ср. Strabo, XI, 8, 1 и прим.].

а Геракл (другой, не фиванский, которого они не хотят *разуметь*) не стерпел этого и застрелил из лука птицу, которая клевала внутренности Прометея; прикован он был, по словам одних, в пещере, которая и показывается у подошвы горы. Дамис¹ говорит даже, что *там* повешены на скале и цепи, громадность которых не легко и представить себе,—а по словам других — на вершине горы. Вершина эта двуглавая и говорят, что он был прикован руками к этим отрогам, между которыми не меньше стадия расстояния: так громаден будто бы был он. А птицу орла обитатели Кавказа считают врагом, и гнезда, которые орлы устраивают на скалах, сожигают посредством огненосных стрел, ставят также и западни на них, объясняя *все это* мстью за Прометея: до такой степени уверены они в *справедливости* предания.

III, 1 ... Ширина Гифасиса² приблизительно равна Истру, который считается величайшей из рек, текущих по Европе...

III, 20 ... [Царь Ганг] отразил скифов, некогда выступивших походом за Кавказ на эту землю [т. е. Индию]...³

VI, 20 [Разговор Аполлония с Теспесионом о бичевании у лакедемонян]. ... «Неужели почтенным эллинам, сказал [Теспесион], не стыдно или видеть своих бывших начальников публично бичуемыми, или подчиняться власти людей, которые бичуются всенародно. Как ты этого не исправил? Ведь ты, говорят, имел попечение и о лакедемонянах». — «Что возможно исправить, отвечал Аполлоний, я указывал, и они охотно исполняли, ибо они — самые разумные из эллинов и одни повинуются доброму совету, а обычной бичевания совершается *в честь привезенной* от скифов Артемиды⁴, говорят, по совету оракулов; поступать же против воли богов, по моему, безумство». — «Не мудрыми же, сказал Теспесион, оказались по твоему объяснению, Аполлоний, эллинские боги, если они присоветовали бичевание *людям*, живущим по принципам свободы». — «Не бичевание, сказал Аполлоний, а окропление алтаря человеческой кровью, так как и у скифов *богиня* получала такие *жертвы*, а лакедемоняне, сообразив неотвратимость жертвы, перешли к состязанию в выносливости, от которой нельзя умереть, но можно жертвовать богине свою кровь». — «Почему же, сказал Теспесион, они не приносят в жертву Артемиде чужеземцев, как делали некогда скифы?» — «Потому что, отвечал Аполлоний, никому из эллинов не по нраву следовать варварским обычаям»...

[Там же, слова Теспесиона] ... Если же молодежь следовало щадить для военных *целей*, то существующий у скифов закон о шестидесятилетних⁵ был бы удобоприменимее у лакедемонян, чем у скифов, если они восхваляют смерть по убеждению, а не ради хвастовства...

VII, 26... И скифы, кочующие на повозках, связаны не менее нас: их ограничивают Истры, Термондонты и Танаисы, реки нелегкие для пере-

¹ [Ученик и спутник Аполлония Тианского, возможно, измышленный Филостратом. О личности его и сочинениях см. Zeller, Philosophie d. Griechen, V, 3, стр. 151].

² [Река в Индии, отождествляется с современной рекой Рави, притоком Ченаба недалеко от впадения его в Инд].

³ [Имеется в виду Индийский Кавказ (Парапамис—современный Гиндукуш), и под скифами надо понимать центрально-азиатские кочевье племена].

⁴ [Ритуальное бичевание молодых спартиатов производилось при алтаре Артемиды Ортии или Ортосии, статуя которой, по преданию, была вывезена Орестом из Тавриды. Ритуал культа Артемиды, связанный с реминисценциями человеческих жертвоприношений, греки считали скифским по происхождению. См. Paus., III, 16,7; Sex t. Emp., Purg., III, 208].

⁵ [Под «законом о шестидесятилетних» надо понимать предания, сообщаемые у Нег., I. 216, о ритуальных убийствах стариков у массагетов. Ср. Sex t. Emp., Purg., III, 208].

правы, пока не станут от мороза; *скифы* имеют жилища на повозках и разъезжают *по разным местам*, но робко сидят в них.

VIII, 7, p. 156 ...Птицы с Фасиса или из Пеонии, которых откармливают для своих пиршеств всем жертвующие *своему* желудку.

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СОФИСТОВ

(ΒΙΟΙ ΣΟΦΙΣΤΩΝ)

I, 25 (Polemo, 4) ... Когда один боспорский властитель, получивший тщательное эллинское образование, приехал в Смирну для ознакомления с Ионией, *Полемон* не только не стал в число его почитателей, но даже на просьбу побеседовать с ним несколько раз отвечал уклончиво, пока не заставил царя притти к его двери с десятью талантами платы¹.

ПИСЬМА

(ΕΠΙΣΤΟΛΑΙ)

5. К ЮНОШЕ

Скажи, откуда ты, юноша, столь сурово относящийся к любви?... Ты кажешься мне скифом и варваром, *явившимся* от известного алтаря² и негостеприимных жертв...

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ

Уроженец города Лаэрти в Киликии, жил, вероятно, в начале III в. н. э.

Т е к с т: Diogenis Laërtii de clarorum philosophorum vitis, dogmatibus et apophthegmatibus libri decem. Ex Italicis codicibus nunc primum excussis rec. C. G. Cobet, Paris., ed. Firmin Didot, 1862 [Н о в о е и з д а н и е: Loeb Classical Library, Oxf., 1927—не окончено].

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ И УЧЕНИЯ ПРОСЛАВИВШИХСЯ В ФИЛОСОФИИ

(ΒΙΟΙ ΚΑΙ ΓΝΩΜΑΙ ΤΩΝ ΕΝ ΦΙΛΟΣΟΦΙΑΙ ΕΥΔΟΚΙΜΗΣΑΝΤΩΝ)

I, 8.

СКИФ АНАХАРСИС

101. Скиф Анахарсис был сын Гнура и брат Кадуида³, царя скифского; мать его была гречанка; поэтому он владел обоими языками. Он писал о скифских и эллинских обычаях, о средствах к дешевизне жизни и восьмьсот стихов о военных делах⁴. Отличаясь свободой речи, он подал повод к *образованию* пословицы о «скифском образе речи». Сосикрат говорит, что

¹ Антоний Полемон жил при Траяне и Адриане (родился около 85 г. н. э.). Его современниками были боспорские цари Савромат I, Ротис II и Риметалк.

² Разумеется алтарь [Артемиды Таврополю], на котором совершались человеческие жертвоприношения в стране тавров.

³ [У Нег., IV, 76 он назван братом царя Савлия, который впоследствии его убил; у Luc., Scyth. sive host, 4, он назван сыном Давкета].

⁴ [См. выше, известные под именем Анахарсиса апокрифические письма].

он прибыл в Афины в сорок седьмую олимпиаду при архонте Эвкрате¹. Гермипп *рассказывает*, что, придя к дому Солона², он приказал одному из слуг доложить Солону, что к нему пришел Анахарсис, желая посмотреть на него и, если можно, сделаться его гостем. (102). Слуга, доложив, получил от Солона приказание передать Анахарсису, что отношения гостеприимства завязываются *каждым* на своей родине. Тогда Анахарсис, подхватив, сказал, что сам он [т. е. Солон] теперь на родине и *поэтому* ему следует заключать связи гостеприимства; изумившись *этой* сообразительности, Солон принял его и сделал величайшим другом. Впоследствии, возвратившись в Скифию, *Анахарсис* оказался уничтожающим отечественные обычаи, питая большое пристрастие к эллинским, и *за это* был застрелен братом на охоте и скончался, сказав, что благодаря своему разуму он невинно возвратился из Эллады и вследствие зависти погиб в родной земле. Некоторые говорят, что он был убит при совершенных эллинских мистических обрядах³. У нас есть в честь его *следующая эпиграмма*:

(103). «Анахарсис, после многих странствий прибыв в Скифию, стал всех убеждать жить по эллинским обычаям; но пока он имел еще на устах неоконченное слово, пернатая стрела быстро унесла его к бессмертным»⁴.

Анахарсис сказал, что виноградная лоза приносит три кисти: первую—удовольствия, вторую—опьянения, третью—отвращения. Он же выразил удивление тому, что у эллинов состязаются художники, а судят их не художники. На вопрос, как можно не сделаться пьяницей, он сказал: «если иметь перед глазами безобразия пьяных». Он выражал удивление и тому, что эллины, издавая законы против обидчиков, почитают атлетов за то, что они бьют друг друга⁵. Узнав, что корабль имеет в толщину четыре пальца он сказал, что на столько плывущие в нем удалены от смерти⁶. (104). Масло он называл средством для возбуждения бешенства, потому что намазанные им атлеты бесятся друг на друга. «Каким образом, говорил он, запрещающие ложь лгут в лавках открыто?» Он выражает также удивление тому, что эллины при начале *пир* пьют из малых чаш, а насытившись—из больших. Под его изображениями подписывается: «Сдерживать язык, желудок и половые органы»⁷. На вопрос, есть ли у скифов флейты, он ответил: «даже лоз нет»⁸. На вопрос, какие корабли безопаснее, сказал: «вытащенные на берег». Он говорил, что с величайшим удивлением видел у эллинов то, что дым они оставляют на горах, а дрова свозят в город. На вопрос, кого больше, живых или умерших, он сказал: «а плавающих куда ты кладешь?» Порицаемый *одним* аттическим гражданином за свое скифское происхождение, он сказал: «Мне позор—отечество, а ты—*своему* отечеству»⁹. (105). На вопрос, что у людей хорошо и дурно, он сказал: «язык». Он говорил, что лучше иметь одного друга, стоящего много, чем многих, ничего не стоящих. Площадь он называл определенным местом для взаимного обмана и корыстолюбия. Оскорбленный юношей на пиршестве, он сказал: «Юноша, если ты в молодости не переносишь вина, то в старости будешь носить воду». Для практического употребления он изобрел,

¹ [Т. е. около 594 г. до н. э.].

² [Ср. аналогичный, но более подробный рассказ у Plut., Sol., 5].

³ [По версии, переданной Геродотом, он был застрелен из лука Савлием, при совершении празднества в честь богини Кибелы (матери богов)].

⁴ Эпиграмма содержится в Anth. Graeca, ed. Fr. Jacobs, т. I, стр. 333, № 92.

⁵ [Ср. Dio Chrys., Or. ad. Al., 44].

⁶ [Ср. этот же анекдот в древней схолии к Hom., Il 1., XV, 628].

⁷ [Ср. Pher., Theog., fr. 113].

⁸ [Ср. Plut., Conv. VII sap., 5].

⁹ [Ср. этот же анекдот в более пространном изложении у Galen, Protr., 7].

по свидетельству некоторых писателей, якорь и гончарный круг¹. Он написал следующее письмо:

Анахарсис Крезу².

Царь лидийский, я прибыл в *страну* эллинов для изучения их нравов и занятий. В золоте я нисколько не нуждаюсь, для меня достаточно возвратиться в Скифию лучшим человеком. Я прибыл в Сарды, душевно желая прийти к тебе по праву³.

IV, 4. КРАТЕС

(23) Кратес, умирая... оставил... и знаменитых учеников, между прочим Аркесилая... и Биона Борисфенита⁴, впоследствии от своей секты получившего название Теодория⁵.

IV, 7. БИОН

46. Блон был родом борисфенит; от каких родителей он происходил и от каких занятий обратился к философии,—он сам объяснил Антигону. Именно, на вопрос его: «Кто ты и откуда? Где твой город и родители?»⁶—Блон, заметив, что его успели оклеветать, говорит ему: «Отец мой был отпущенник, вытиравший себе нос локтем (*этим* он намекал на торговца соленой рыбой), родом борисфенит, имевший не лицо, а клеймо на лице, знак жестокости его господина, а мать *была такая*, какую мог взять за себя такой человек,—из публичного дома. Потом отец за какой-то проступок при сборе податей был продан со всем домом и с нами; меня, как недурного собой мальчика, покупает один ритор; перед смертью он оставил мне все свое имущество (47) и я, предав огню его сочинения и все разорвав, приехал в Афины и занялся философией.

*Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хваляюсь!*⁷

Вот моя биография. Поэтому пусть Персей и Филонид перестанут рассказывать ее: знакомься со мною от меня самого». И действительно, Блон был вообще человек изворотливый, ловкий софист и давал много случаев желавшим научиться философии; в некоторых отношениях он любил величие и легко поддавался надменности. Он оставил множество записок, а также полезные и важные изречения...

Следуют примеры изречений.

(51) ...Сначала он не любил учения академиков, пока слушал Кратеса⁸; затем сделался последователем учения киников, взяв трибон и суму; ибо что другое обратило его к твердости духа? Затем он перешел к теодо-

¹ [Как изобретатель плуга и якоря, Анахарсис представлен еще у Plato, Resp., X, 3 (p. 600 A). Изобретателем якоря и гончарного круга считал его Эфор (у Strabo, VII, 3,9). Страбон, однако, подвергает это сообщение сомнению, со ссылкой на Гомера, знавшего, по его словам, уже о гончарном круге. Ср. также схоласт. к. Apoll. Rhod., I, 1276].

² [Ср. ниже, приписываемое Анахарсису письмо, также адресованное лидийскому царю Крезу].

³ [См. Diod., IX, 26, 2; о пребывании Анахарсиса в Малой Азии следует заключить также из Нег., IV, 76].

⁴ [О философе Блоне Борисфените (т. е. Ольвиополите), жившем в середине III в. до н. э., преимущественно при дворе македонского царя Антигона Гоната (277—239 гг. до н. э.), см. в следующем отрывке. О нем упоминают также Cic., Tusc., III, 26; Ног., Epist., II, 2, 60; Athen., p. 591].

⁵ [Т. е. последователя философа Теодора, главы ветви киренской школы, получившей название теодоровской, см. о нем Diog. Laërt., II, 97 сл.].

⁶ Ном., Od., I, 170; XXIV, 298.

⁷ Ном., II, VI, 211—XX, 241 (перевод Гнедича).

⁸ [Философ, ученик Полемона и наследник его в Академии; жил и учил в Афинах, в начале III в. до н. э.].

ровскому учению, послушав атеиста Теодора, излагавшего свои мудрствования во всевозможных видах; после он слушал перипатетика Теофраста...

Следует характеристика Биона.

(58) Бионов было десять... третий этот самый философ; четвертый—абдерит, ученик Демокрита и математик, писавший на аттическом и ионическом наречиях¹; он первый сказал, что есть некоторые страны, в которых шесть месяцев продолжается ночь и шесть месяцев день...

VII, 6. СФЕР.

Клеанта... слушал после Зенона и Сфер Боспорский², который, достигнув значительных успехов в науках, отправился в Александрию к Птолемею Филопатору...

Далее следует рассказ об одном случае из жизни Сфера при дворе Птолемея и перечень его сочинений.

IX, 11. ПИРРОН

83. ...Массагеты, как говорит и Эвдокс в первой книге землеописания, имеют общих жен, а эллины—нет...

ОРИГЕН

Основатель христианского богословия, родился в Александрии в 185 г., был учеником Климента Александрийского и неоплатоника Аммония Саккаса, затем принимал живое участие в богословских спорах и в 232 г. был изгнан из Александрии за свое учение. Умер в Тире в 254 г. Из его сочинений дошли до нас: *περί ἀρχῶν* в 4 книгах (в извлечениях у Фотия и в латинской переделке Руфина) и *κατὰ Κέλσου* в 8 книгах, написанное в 249 г. в виде возражения на сочинение платоника Цельса *Ἀληθὴς λόγος*. Кроме того сохранилось извлечение из его трудов под названием *Φιλοκαλία*, составленное Василием Великим и Григорием Богословом.

Текст: *Ὁριγένους τὰ εὐρηκόμενα πάντα*. Origenis opera omnia, etc. Edidd. Car. et C. Vinc. Dela rue, Denique recens., emend., castigavit L o m m a t z s c h, Berol., 1831—48. [Новое, незаконченное издание: в берлинском Corpus'e, издание Kloetschau-Klostermann'a Preuschen'a].

ПРОТИВ ЦЕЛЬСА

(КАТА ΚΕΛΣΟΥ)

I, 1. ... Следует сказать, ...что подобно тому, как если бы кто прибыл к скифам, имеющим безнравственные обычаи, и, не имея возможности возвратиться, принужден был жить среди них, то он естественно, по закону истины и вследствие беззакония скифов, заключил бы договор со своими единомышленниками вопреки принятым у них обычаям; так перед судом истины языческие уставы о кумирах и безбожном многобожии являются обычаями скифов и еще нечестивее скифских...

16. Я удивляюсь, каким образом Цельс поставил одрисов, самофракийцев, элевсинцев и гипербореев в число древнейших и мудрейших народов, а иудеев не удостоил принять ни в число мудрых, ни в число древних... Но гомеровских млеедоев, галатских друидов и гетов он называет мудрейшими и древними... хотя от них вряд ли сохранились письменные памятники; только евреев, поскольку от него *зависит*, он исключает и из древности и из мудрости...

¹ [Относится к первой половине IV в. до н. э., видимо, идентичен с упомянутым у Strabo, I, 2, 21 Бионом астрологом; ср Hültsch, RE, V, 487].

² [Александрийский философ, живший при первых двух Птолемеях (в середине III в. до н. э.).]

III, 31. [Цитируются слова Цельса]. «Никто не признает богом гиперборея Абариса, который имел такую способность, что мог носиться на стреле»¹.

V, 27 ...Пусть [желающий] возвестит нам... и справедливы ли, например, скифские законы об умерщвлении отцов²... Пусть Цельс скажет нам... и каким образом не благочестиво *было бы* уничтожить, например, *существующие* у тавров законы о принесении иностранцев в жертву Артемиде...³.

V, 34 ... У скифов *считается* прекрасным употребление в пищу людей...⁴.

V, 36 ... Цельс говорит, что вовсе не несправедливо поступает каждый, желающий соблюдать свои обычаи; и согласно ему следует, что скифы не совершают ничего несправедливого, когда по отеческим *обычаям* употребляют в пищу людей...

V, 41. Цитируются слова Цельса ... «По моему мнению, нет никакой разницы называть Зевса Всевышним или Зеном, или Адонаем, или Саваофом, или Аммуном, как *называют его* египтяне, или Папзем, как скифы⁵. Точно также *некоторые народы* не могут быть святее других и потому, что обрезаются: это ведь *делают* египтяне и *еще* раньше их колхи...»

V, 46... Пусть и скифы говорят, что Паппай—бог, *стоящий* над всеми; но мы с ними не согласимся: мы признаем *стоящего* над всеми бога, но не называем *этого* бога собственным именем Паппая, как *это* приятно получившему в удел пустыню скифов и народ их и язык...⁶.

V, 47. Причина обрезания иудеев не одинакова с причиной обрезания египтян или колхов; почему следует считать их обрезание не одинаковым...⁷.

VI, 39. Затем по отношению к пользующимся некоей магией и волшебством и называющим варварские имена некоторых божеств Цельс говорит следующее: они поступают подобно морочащим одними и теми же предметами тех, кто не знает, что названия их иные у эллинов и иные у скифов. Затем он, заимствуя у Геродота⁸, излагает, что «Аполлона скифы зовут Гонгосиром (Γονγόςιρων), Посейдона — Тагимасадом (Θαγίμασαδά), Афродиту — Аргимпасой (Ἀργίμασσα), и Гестию — Табита. Всякий, кто может, исследует, не лжет ли в этом Цельс вместе с Геродотом, так как скифы не имеют одинаковых с эллинами представлений о чтимых богах. Ибо какая вероятность, что Гонгосиром называется у скифов *именно* Аполлон? Я не думаю, что в переводе на греческий язык «Гонгосир» имеет то же значение, что «Аполлон», или что Аполлон на скифском языке означает Гонгосира; точно также и об остальных *названиях* никто не ска-

¹ [Этот миф об Абарисе в более подробном изложении см. I a m b l., v. Pyth., XIX, 90 сл.; P o g r h., v. Pyth., 29].

² [Имеются в виду предания об обычаях массагетов, сообщаемые у H e r., I, 216].

³ То же самое повторяется в B a s. M a g n., G r e g. T h e o l., Philoc., 22 (т. XXV, стр. 193 издания Lommatzsch'a).

⁴ [Речь идет о ритуальном каннибализме массагетов и исседонов, по преданиям, сообщаемым у H e r., I, 216; IV, 26].

⁵ [Этот эпитет Зевса, эпиграфически засвидетельствованный для Малой Азии, для скифов подтверждается Геродотом (IV, 59)].

⁶ Это же повторяется в B a s. M a g n., G r e g. T h e o l., Philoc., 17 (стр. 101 издания Lommatzsch). [Геродот, так же как и О р и г е н, в другом месте (V, 41) пишет Папай через одно π, равно как и отождествляющие это божество с Аттисом D i o d., III, 58 и A g r., B i t h. (FHG. III, 592, 30)].

⁷ Ср. O r i g., c. Cels., 55 и B a s. M a g n., G r e g. T h e o l., Philoc., 17, (т. XXV, стр. 101 издания L o m m a t z s c h.). Об обычае обрезания у колхов см. H e r., II, 104].

⁸ H e r., IV, 59.

жет того же. Ибо эллины называли так чтимых у них богов, отправляясь от иных оснований и значений, нежели скифы...

VII, 62. Обратим также внимание на следующие слова [Цельса]: «Остановимся тут: не выносят вида храмов, жертвенников и кумиров. Это ведь не скифы, не либийские номады, не безбожные серы и не другие преступнейшие и беззаконнейшие племена»...¹

63. На это следует сказать, что если скифы, либийские номады, серы, которых Цельс называет безбожными, и другие преступнейшие и беззаконнейшие племена, а также и персы не выносят вида храмов, жертвенников и кумиров, то их нетерпимость к этим предметам не одинакова с нашей к ним нетерпимостью...

О НАЧАЛАХ

(DE PRINCIPIIS)

II, 9, 5. [Один родится среди евреев...], другой—у греков..., иной опять у эфиопов... или у скифов, у которых отцеубийство совершается как бы по закону, или у тавров, где иностранцы приносятся в жертву...²

Скифы упоминаются еще в IV, 16; 23 (т. XXI, стр. 439, 450, 511, 522 издания Lommatzsch'a).

ГИЕРОКЛ

«Гьерокл в книгах, которые назывались *Φιλιστορες*, повидимому, собрал чудеса, которые как сам видел у народов отдаленной Азии, так и нашел у писателей. Фрагменты, которые приписываются этой работе, все относятся к Индии, которую, как автор с гордостью говорит, он сам проехал. На основании fr. 2 ясно, что он моложе Страбона. Может быть, ближе он подходит ко времени Стефана Византийского. Без сомнения, его надо отличать от знаменитого стоического философа Гьерокла» (M ü l l e r, FHG, IV, стр. 429).

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

(ΦΙΛΙΣΤΟΡΕΣ)

Фр. 3 см. Steph. Byz. s. v. *Ταρχωνία*.

ФИЛОСТРАТ

Филострат младший, зять и младший современник предыдущего, по свидетельству Свида, написал *Εἰκόνες, Περὶ τῶν αἰχμῶν, Τρωϊκός* (т. е. *Ἡρωϊκός*), *Παράφρασις τῆς Ὀμήρου ἱστορίας, Μελέται*. Четвертому Филострату, внуку предыдущего, жившему под конец III в., принадлежит второе сочинение под заглавием *Εἰκόνες* (картины), составленное по образцу первого.

РАССКАЗ О ГЕРОЯХ

(ΗΡΩΙΚΟΣ)

Разговор суверенного виноградаря из Херсонеса фракийского с финикийским моряком. Виноградарь рассказывает, что он узнал от местного героя Протесилая, будто бы неоднократно ему являвшегося, о троянских героях: самом Протесилае, Паламее, Одиссее, Гекторе, Ахилле и других.

¹ [Г е р о д о т удостоверяет отсутствие у скифов храмов, алтарей и культовых статуй всех божеств, за исключением Ареса (IV, 51); в противоречии с этим, в другом месте (IV, 53) он сообщает о святилище матери богов (по другому чтению Деметры) на Гишполаевом мысу].

² [Ср. выше, O r i g., с. Cels., V, 27].

Перевод П. И. Прозорова

V, 3 (р. 306)... Кир, отправившись за реку Истр¹ против массагетов и исседонов (а народы эти—скифского племени), был убит женщиной, царствовавшей над этими народами²; она отрубила Киру голову...

XIX, 16 (р. 327—331). Ф. ...Скажи мне, какие чудеса знает Протесилай об острове в Понте³; ведь нам кажется, встречается он с *Ахиллом*?

В. Там, гость, и рассказывает он о нем следующее: это— один из понтийских островов, *лежащий* ближе к негостеприимной стороне, которая для въезжающих в устье Понта приходится слева; в длину он имеет тридцать стадиев, а в ширину не больше четырех; на нем растут тополи и вязы, вокруг храма в порядке, а остальные как попало; храм построен со стороны Меотийского озера (которое впадает в Понт и равно ему по величине) и в нем находятся изображение Ахилла и Елены, соединенных *Морями*. Хотя любовь выражается в глазах и в таком виде воспевают ее поэты, но Ахилл и Елена первые влюбились друг в друга, даже не видевшись, но находясь одна в Египте, а другой в Илионе, так что причиной их вожделения послужили уши. Так как судьбой было определено им бессмертие, то Фетида обратилась к Посейдону с просьбой поднять из глубины моря какой-нибудь остров, на котором *они могли бы поселиться*, потому что вблизи Илиона *не было ни одного пригодного* места, а Эхинады, лежащие у Эниад и Акарнаний, были уже осквернены *с того времени*, как Алкмеон по убийении своей матери поселился на земле, образовавшейся из наносов Ахелоя уже позже его преступления. Посейдон, приняв в соображение *огромное* протяжение Понта и то *обстоятельство*, что вследствие отсутствия островов для мореплавателей нет пристанища, поднял упомянутый мной Белый остров, *предназначив его* Ахиллу и Елене для жительства, а морякам для стоянки на море. Владычествуя над всей влажной стихией и заметив, что реки Термодонт, Борисфен и Истр изливаются в море неудержимыми и вечно текущими потоками, *Посейдон* запрудил ил, который несут реки из Скифии в море, и образовал упомянутый остров, *прочно* утвердив его в глубине Понта. Здесь впервые увидели и обняли друг друга Ахилл и Елена и *здесь же* отпраздновали их свадьбу сам Посейдон с Амфитритой, все Нереиды и все боги-покровители рек, впадающих в Меотиду и Понт. Рассказывают, что на острове живут белые птицы, влажные и пахнущие морской водой, и что Ахилл сделал их своими служительницами: веянием своих крыльев и брызгами капель с них они холят его рощу, причем летают низко, лишь немного поднимаясь над землей. Людям, плавающим по широкому пространству моря, не запрещается вступать на этот остров (ведь он и лежит как гостеприимное убежище для кораблей), но строить на нем жилища запрещено всем мореплавателям и живущим по берегам Понта, эллинам и варварам. Приставшие *сюда* должны по совершении жертвоприношения по заходе солнца возвратиться *на корабли*, не ночуя на земле, и если дует попутный ветер, то отправляться в путь, а если нет, то, привязав корабль, спать внутри его, потому что в это время, говорят, Ахилл и Елена пируют и занимаются пением, именно воспевают свою взаимную любовь, гомеровские песни о Трое, и самого Гомера; ибо Ахилл еще наслаждается поэтическим дарованием, переданным ему Каллиопой, и занимается им больше *прежнего*, с тех пор как перестал

¹ [У Нер., I, 205 сл. и Strabo XI, 8, 6, Аракс, отождествляемый с Сыр-Дарьей (Яксартом других авторов)].

² [Томирис у Нер., I, 205 сл.].

³ [Имеется в виду остров Белый (современный Фидониси) близ устья реки Дуная; см. о нем Агг., PPE, 32 сл.].

воевать. Его песнь о Гомере, гость, божественна и полна поэзии; ее тоже знает и поет Протесилай.

Ф. А мне можно было бы, виноградарь, послушать эту песнь, или нельзя открывать ее?

В. О нет, гость, напротив—многие из посетивших этот остров говорят, что слышали и другие песни Ахилла, а эту песнь, в высшей степени изящную по чувству и мыслям, он сочинил должно быть в прошлом году; вот она:

«Эхо, обитающее у неизмеримых вод на берегах обширного Понта! Тебя воспевают лира под моей рукой; а ты воспой мне божественного Гомера, славу мужей, славу подвигов наших, Гомера, который даровал мне Патрокла и бессмертие, который сделал моего Аянта равным бессмертным и доставил несокрушимую славу завоеванной Трое, воспеваемой мудрецами».

Ф. Божественна эта песнь Ахилла, виноградарь, и достойна его самого и Гомера; вообще в лирических стихотворениях умно избегать растянутости и напыщенности; недаром поэзия издревле считалась славной и премудрой.

В. Да, гость, издревле; ведь рассказывают, что Геракл, распяв тело кентавра Асбола, сделал над ним такую надпись:

«Я, Асбол, который не боялся гласа ни богов, ни людей, теперь повешен на остроугольной смолистой сосне на съедение долговечным воронам».

Ф. И в этом также, виноградарь, Геракл явил себя знатоком, прибегнув к торжественному тону, которым, конечно, должна звучать речь поэта. Но возвратимся к острову: ведь волна, подхватив нас подобно многим предметам, носимым по Понту, увлекла нас от нашего разговора.

В. Возвратимся, гость! Итак, вот каковы песни, которые поются на этом острове, а голос, которым поют, звучит божественно и прекрасно; он с такой силой разносится по морю, что повергает моряков в трепет ужаса. Пристававшие к острову утверждают, что слышали и конский топот и звук оружия и крик, какой поднимают на войне. Если кто пристанет к северной или южной стороне острова и начнет подниматься ветер, неблагоприятный для стоянки, то Ахилл возвещает об этом у кормы и приказывает укрыться от ветра, переменяя место стоянки. Многие из числа выезжающих из Понта являются ко мне с такими рассказами, и, клянусь Зевсом, уверяют, что при виде этого острова они, носимые по беспредельному морю, обнимают друг друга и проливают радостные слезы, а пристав к острову и приветствовав землю, идут к храму, чтобы помолиться и принести жертву Ахиллу, причем жертвенное животное, соответственно кораблю и его экипажу, добровольно становится у алтаря. Что касается золотой урны, некогда явившейся на острове Хиосе, то об этом, гость, уже сказали умные люди, стало быть зачем же повторять вполне известные рассказы? (18). А вот, рассказывают, что одному купцу, часто посещавшему этот остров, явился однажды сам Ахилл, рассказал о событиях под Троей, угостил напитком и приказал отправиться в Илион и оттуда привести ему такую-то троянскую девушку, служащую у такого-то в Илионе. Когда же купец, удивившись его словам и уже ободрившись, спросил Ахилла, зачем нужна ему троянская рабыня, тот отвечал: «затем, гость, что она одного рода с Гектором и его предками и теперь осталась последней в роде Приамидов и Дарданидов».

Купец, подумав, что Ахилл любит эту девушку, купил ее и возвратился на остров; Ахилл похвалил его по возвращении и приказал побережь для него девушку на корабле—вероятно, потому, что женщины не допускаются на остров,—а самому прийти вечером в храм и отужинать вместе с ним и Еленой. Когда тот явился, Ахилл дал ему много денег, до которых жадны

купцы, объявил его своим приятелем и обещал прибыльную торговлю и благополучное плавание его кораблю; с наступлением же дня Ахилл сказал ему: «теперь ты отправляйся с этим в путь, а девушку оставь мне на берегу». Но не успели они и стадия отплыть от острова, как до них донесся вопль девушки, которую Ахилл терзал и разрывал на части.

(19). Что же касается амазонок, которые по рассказам некоторых поэтов явились в Трои для борьбы с Ахиллом, то он не убивал их под Троей; мне кажется мало вероятным, чтобы амазонки, с которыми Приам воевал во время Мигдона в защиту фригийцев, впоследствии пришли на помощь Илиону. Но я думаю, что в ту олимпиаду, когда Леонид Родосский одержал первую победу на стадионе, Ахилл истребил самый воинственный отряд их на самом, говорят, острове.

Ф. Удивительные вещи рассказал, ты, виноградарь, и возбудил мое внимание, которое и без того жадно ждет твоих рассказов. Вероятно, это ты слышал тоже от Протесилая.

В. Да, гость, от этого славного учителя. Об этом знают многие из тех, которые плавали по Понту. У негостеприимной стороны Понта, где тянутся Таврические горы, в стране, которую окружают вытекающие с гор Термодонт и Фасис, живут, по рассказам, некие амазонки; их отец и родоначальник Арес приучил их заниматься военными делами и проводить жизнь в оружии и на конях, а в низинах у них пасется достаточное для войска количество лошадей. Они не допускают мужчин в свою землю, но сами, когда пожелают *иметь* детей, спускаются к реке Галису и там знакомятся и вступают в сношение с мужчинами, где придется, а затем, возвратившись домой к обычной жизни, новорожденных мужского пола выносят на границы своей страны, чтобы их там взяли отцы¹; те *действительно* берут, кому кого придется, и делают своими рабами; детей же женского пола амазонки, по рассказам, любят и считают своими единокровными, ухаживают за ними по-матерински, только не кормят своим молоком; это они делают ради сражений, чтобы и малютки не изнеживались и у них самих не отвисали груди. Нужно думать, что и самое имя амазонок произошло от того, что они не питаются грудью, а кормят своих детей кобыльим молоком и сотами росы, которая наподобие меда осаждается на речных тростниках. Мы опустим здесь рассказы поэтов и мифологов об этих амазонках, так как они оказались бы неподходящими для нашей беседы; скажем лучше об их походе на остров, как он совершился и чем окончился, так как это *один* из числа рассказов Протесилая. (20). Дело было так: раз как-то моряки и корабельщики, возившие товары из Понта в Геллеспонт, были занесены на довольно многих кораблях к левому берегу моря, где по рассказам живут те женщины; последние захватили их в плен и некоторое время кормили их связанными у яслей, чтобы потом перевезти за реку и продать людоедам-скифам. Но одной из амазонок жаль стало одного юношу, захваченного вместе с ними, за его красоту, а затем *между ними* возникла любовь; тогда амазонка упростила царицу, которая приходилась ей сестрой, не продавать чужестранцев. Таким образом они были освобождены, вступили с амазонками в сношения и стали уже говорить на их языке; однажды, рассказывая им о буре и морских приключениях, они упомянули о храме, так как незадолго перед этим приставали к острову, и описали его богатства. Амазонки, воспользовавшись той счастливой случайностью, что чужестранцы были моряки и кораблестроители, а в их собственной стране было много судостроительных материалов, приказывают им построить корабли для перевозки лошадей,

¹ [Cp. Strabo, XI, 5, 1 сл. рассказ об амазонках на Северном Кавказе, их быте и об их отношениях с гаргаренями].

чтобы на конях сделать нападение на Ахилла, так как амазонки, когда слезут с коней, оказываются слабыми и в полном смысле женщинами. Итак они сначала взялись за весла и стали учиться плавать, а когда научились мореходному искусству, то весной, отправившись на пятидесяти—думаю—кораблях от устья Термодонта, отплыли к храму, *до которого было около двух тысяч стадиев*; пристав к острову, они прежде всего приказали геллеспонтским чужеземцам вырубать деревья, которыми был обсажен кругом храм; когда же топоры, отраженные на них самих, одним попадали на голову, другим на шею, и *таким образом* все пали под деревьями, *тогда* сами амазонки бросились на храм, крича и подгоняя коней. Но Ахилл, страшно и грозно взглянув на них и прыгнув, как при Скамандре и Илионе, навел такой ужас на коней, что они, не повинаясь узде, поднялись на дыбы, сбросили с себя женщин, как чуждое и лишнее для себя бремя, и, расвирепев, как дикие звери, бросились на лежащих амазонок и стали бить их копытами; гривы их поднялись дыбом и уши навестились, как у свирепых львов; они стали грызть обнаженные руки лежащих *женщин* и, разрывая их груди, бросались на внутренности и пожирали их. Насытившись человеческим мясом, они стали бегать по острову и беситься, полные заразы, а *потом*, остановившись на береговых возвышенностях и увидев морскую поверхность, они приняли ее за равнину и бросились в море. Погибли также и корабли амазонок от налетевшего на них сильного ветра; так как они были пусты и были причалены без всякого порядка, то стали сталкиваться между собой и разбиваться, один корабль топил и разбивал другой, как будто в морском сражении; все боковые и носовые удары, какие наносят кормчие во время битвы, *сами собой* происходили между пустыми кораблями, носившимися *по морю* в беспорядке; а так как много корабельных обломков было принесено волнами к храму, вокруг него лежали еще живые, полусъеденные люди и повсюду разбросаны были человеческие члены и выброшенные лошадьми куски мяса, то Ахилл легким способом произвел очищение острова: он поднял поверхность моря и *таким образом* все это смыл и очистил...

КАРТИНЫ

Перевод В. Латышева

I, 12. БОСПОР

7. ...Тунцы идут по нашему морю от Понта, родившись там и откормившись частью рыбой, частью илом и прочими соками, которые наносят туда Истр и Меотиды и вследствие которых *вода* в Понте преснее и пригоднее для питья, чем в других морях...¹

II, 15. ГЛАВК ПОНТИЙСКИЙ

(Init.). Арго, пройдя Боспор и Симплегады², уже рассекает волны среди Понта... А цель плавания состоит в следующем: в земле колхов хранится

¹ [Об относительной пресноте черноморской воды ст. Arist., Hist. an., VIII, 13; Polyb., III, 40,4].

² [Имеется в виду Боспор Фракийский (Константинопольский пролив): Симплегады—сталкивающиеся скалы—Кианей эпоса об аргонавтах или Планкты (блуждающие, Н о т., Od., XII, 59 ст.), отождествляются со скалами Урек-Яки, при выходе из Босфора в Черное море].

иское золотое руно древнего барана, который, говорят, перевез по воздуху Геллу вместе с Фриксом. Его-то достать Язон и поставил себе задачей (вокруг него обвился стерегущий его дракон со страшным взором и никогда не засыпающий); поэтому-то он и управляет кораблем, так как им поставлена цель плавания...

ФИЛОСТРАТА МЛАДШЕГО КАРТИНЫ

(ΦΙΛΟΣΤΡΑΤΟΥ ΤΟΥ ΝΕΩΤΕΡΟΥ ΕΙΚΟΝΕΣ)

8. ИГРАЮЩИЕ

(§ 3)... Везущий пятьдесят *витязей корабль* Арго стоит на якоре в Фасисе, пройдя сквозь Боспор и Симплегады. Ты видишь и самого *бога реки*, лежащего в густом тростнике, суровой наружности, волосы у него густые и торчащие дыбом, страшная борода и светлые глаза; *изобильный* поток изливается не из чаши, как *изображают* обыкновенно, но в изобилии течет из всего *его тела* и дает нам *возможность* представить себе, какова сила его впадения в Понт. О цели плавания ты, я думаю, слышал, так как и поэты говорят о золотом руно и гомеровские поэмы называют Арго всеизвестной...¹

11. АРГО или ЭЭТ

Выбивающийся из реки на веслах среди сильного волнения корабль, эта девушка на корме вблизи воина в тяжелом вооружении, *певец* в прямой тиаре, поющий под звуки кифары, дракон на этом священном дубе, обвинивший его длинной спиралью и склоняющий к земле отягощенную сном голову... Знай, что *эта* река — Фасис, эта *девушка* — Медея, *стоящий* на корме гоплит — без сомнения Язон: а при виде кифары, тиары и украшенного той и другой *певца* нам представляется в *уме* Орфей, сын Каллиопы. После *совершенного* Язоном подвига с быками Медея, усилив этого дракона, похитила златорунную шкуру барана, и затем пловцы на Арго устремляются в бегство, так как деяние девушки стало известно колхам и Ээту. Что сказать тебе о матросах Арго? Ты видишь, что предплечья вздулись у них от напряжения при гребле, лица — какие бывают у торопящихся, и волны реки, kloкочущие над носом корабля, несущегося с большим напором, показывают поспешность. Лицо девушки выражает тяжелую думу: заплаканные глаза смотрят в землю, она поражена страхом при мысли о том, что она сделала, поглощена думами о будущем, и, как мне кажется, переходит от одной мысли к другой, перебирая в уме каждый *факт* и устремив взоры в тайники своей души. Рядом с ней Язон во всеоружии, готовый к защите. А этот *певец* поет прелюдию гребцам, и, как кажется, начинает гимны богам, то с благодарностью за удачу, то с мольбой *о помощи* в том, что им угрожает. Ты видишь и Ээта на четверне, огромного и [превышающего *всех* людей], облеченного в военные доспехи, я думаю, одного из гигантов, ибо так заставляет предполагать их *сверхъестественная величина*; лицо его пышет гневом, он чуть что не мечет огонь из очей; правой рукой он потрясает факел, грозя сжечь Арго вместе с пловцами, и копьё стоит наготове у обода колесницы.

¹ Н о т., Od., XII, 76.

ИППОЛИТ

В начале III в. н. э. был в Риме пресвитером и епископом, в 235 г., по преданию изгнан был в Сардинию. Из сочинений Ипполита дошли до нас *Хроника* в латинском переводе и *κατὰ πλῆθος αἵρέσεων ἐλεγγος* в 10 книгах, из которых в первой, носящей специальное название *Φιλοσοφουμένων*, вкратце излагаются учения греческих философов.

Текст: S. Hippolyti episcopi et martyris Refutationis omnium haeresium librorum decem quae supersunt. Rec. L. Dunccker et F. G. Schneidewin, Götting., 1859. Полное издание его трудов: в берлинском Corpus'e издание Bonwetsch'a—Achelis'a.

ИЗОБЛИЧЕНИЕ ВСЕХ ЕРЕСЕЙ

(КАТА ΠΑΣΩΝ ΑΙΡΕΣΕΩΝ ΕΛΕΓΓΟΣ)

V, 25. Геродот рассказывает¹, что Геракл, угоняя из Эритии коров Гериона, прибыл в Скифию и, утомившись от путешествия, лег немного отдохнуть в пустынном месте. Во время его сна исчез конь², сидя на котором он совершил длинный путь. Проснувшись, *Геракл* произвел в пустыне тщательные поиски, стараясь найти коня. Коня он не отыскал, но встретил в пустыне некую полудеву и спросил ее, не видала ли она где-нибудь коня. Дева говорит, что знает, но не покажет прежде, чем Геракл не вступит с ней в любовную связь. По словам Геродота, верхняя часть ее тела до пахов была девичья, а вся нижняя часть тела от пахов—страшная на вид ехидна. Из желания найти коня Геракл повинует чудовищу: он познал ее, сделал беременной и после познания предсказал, что она имеет от него во чреве сразу трех сыновей, которые будут знамениты. Он приказал, чтобы по рождении их мать дала им имена Агафирса, Гелона и Скифа. Получив в награду за это от зверообразной девы *своего* коня, Геракл удалился вместе с коровами. Геродот рассказывает после этого длинную басню, но она нам теперь не нужна...

[ИППОЛИТ]

Текст: Minge, Patrol. cursus compl., series Graeca, X, 1857, стр. 1951 и Bardenhewer, Patrologie, стр. 127 сл.

О ДВЕНАДЦАТИ АПОСТОЛАХ, ГДЕ КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ПРОПОВЕДОВАЛ И ГДЕ СКОНЧАЛСЯ

(ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΙΒ' ΑΠΟΣΤΟΛΩΝ ΠΟΥ ΕΚΑΣΤΟΣ ΑΥΤΩΝ ΕΚΙΡΥΞΕΝ ΚΑΙ ΠΟΥ ΕΤΕΛΕΙΩΘΗ)

Андрей, проповедовавший скифам и фракийцам, был распят в Патах Ахейских³ на масличном дереве прямо и там же погребен.

ПИСАНДР

Эпический поэт, уроженец города Ларанд, жил около середины III в. н. э. Его произведение *Πρωϊκὰ ἐπεύματα* в 60 книгах известно только по цитатам у позднейших авторов.

Фр. см. Zos., V, 29, 2—3.

Фр. см. Steph. Byz., s. v. Βουόλασις

¹ Нег., IV, 8—10.

² [В рассказе Геродота речь идет о многих конях (кобылицах)].

³ [Один из городов Ахайи в Пелопоннесе к западу от Коринфа].

ГЕРОДИАН

Историк III в. н.э. Его сочинение Τῆς μετὰ Μάρκον Βασιλείας ἱστορία в 8 книгах обнимает собой историю Римской империи от смерти Марка Аврелия до вступления на престол Гордиана III (180—238 гг.).

Текст: Herodiani ab excessu divi Marci libri octo, Ed. L. Mendelsohn, Lips., 1883.

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ МАРКА

(ΤΗΣ ΜΕΤΑ ΜΑΡΚΟΝ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ ΙΣΤΟΡΙΑΙ)

VI, 7, 6. ...Рейн и Истр—величайшие реки на севере; первая течет мимо германцев, вторая—мимо пеонов; летом они судоходны, благодаря своей глубине и ширине, а зимой замерзают от холода, так что по ним ездят, как по полю; вместо текучей воды является столь упругий и прочный лед, что не только выдерживает копыта лошадей и ноги людей, но и желающие зачерпнуть воды приносят для этого не чаши и полые сосуды, а топоры и кирки, чтобы, вырубив воду и подняв ее без сосуда, нести как камень. Таковы природные свойства этих рек.

VII, 8, 3. Максимин¹, созвав все войско, ... прочитал следующую речь: «Я знаю, что мои слова будут невероятны и неожиданны для вас, но, по моему мнению, они достойны не удивления, а презрения и насмешки: против вас и вашей храбрости поднимают оружие не германцы, которых мы часто побеждали, не савроматы², всякий раз умоляющие о мире» и т. д.

МЕНАНДР РИТОР

Ритор Менаандр, уроженец города Лаодикии на Лике, живший, по всей вероятности, в III в. н. э., известен как составитель схолий к Демосфену и «Панафинейской речи» Аристиды. Ему же приписываются два трактата περί ἐπιδακτικῶν

Текст: Rhetores Graeci ex rec. L. Spengel, III, стр. 329—446.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТОРЖЕСТВЕННЫХ РЕЧЕЙ

(ΔΙΑΙΡΕΣΙΣ ΤΩΝ ΕΠΙΔΑΚΤΙΚΩΝ)

3 (р. 354 Sp.) ... Жителей мы разделим по одному делению на эллинов и варваров, а по второму—варваров на самых древних, каковы фригийцы, или основавших значительнейшие царства, каковы лидийцы, мидяне, персы, эфиопы или скифы.

АПОЛЛОНИЙ

Один из числа *πυρροζογράφαι*: время жизни с точностью не известно, но вероятно относится к первым векам н. э.

Текст: Rerum naturalium scriptores Graeci minores, rec. O. Keller, I, Lips., 1877, стр. 43—56, ср. Susemihl, Gesch. d. Alex. Litt., I, 479.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

(ΙΣΤΟΡΙΑΙ ΘΑΥΜΑΣΙΑΙ)

IV. Абарис из гипербореев принадлежал тоже к числу теологов, а также, путешествуя по разным странам, писал пророчества, которые сохра-

¹ 235—238 гг. н. э.

² [Под савроматами в данном случае надо понимать сармат; ср. Ptol., Geogr., III, 10, 7 прим.].

нились доныне: он также предсказывал землетрясения, моровые болезни и т. п. и небесные явления. Говорят, что он, прибыв в Лакедемон, посоветовал лаконцам принести богам предотвращающие *жертвы*, и с тех пор потом в Лакедемоне не было моровой болезни¹.

ДЕКСИПП

Афинянин Публий Геренний Дексипп, живший в III в. н. э. (был архонтом в Афинах в 262—3 г.), написал сочинения: 1) *Τὰ μετὰ Ἀλέξανδρον* в 4 книгах, 2) *Σκεδὴκά* (о гогских войнах в III в.) и 3) *Χρονικά* в 12 книгах до императора Клавдия II (270 г.).

С о б р а н и е о т р ы в к о в: Müller, FHG, III, 666—687; Dindorf, *Historici Graeci minores*, I, Lips., 1870, стр. 165—200; ср. G. Boehme, *Comm. phil. Jen.*, II, 1883, стр. 1—88.

ЛЕТОПИСЬ

(ΧΡΟΝΙΚΑ)

XII, фр. 8 Dind. см. Steph. Byz., s. v. Ἐλευροί

Фр. 14 Dind. [Iul. Cap., *Max. et Balb.*, 16]. При них (т. е. при Максиме и Бальбине²) карпы воевали с мисийцами³; к тому времени относится начало скифской войны и разрушение Истрии⁴ или, как говорит Дексипп, Истрийской общины...

Фр. 16 a Dind. Скифы, называемые готами⁵, большой массой переправившись при Деции через реку Истр, подвергли опустошению подвластную римлянам страну; они победили миссийцев, бежавших в Никополь. Выступивший против них Деций⁶, как рассказывает Дексипп, перебил их тридцать тысяч, но затем был разбит в битве, так что потерял взятый ими Филиппополь и множество фракийцев было перебито. При возвращении скифов в свои пределы этот самый Деций богоборец снова напал на них, но был убит вместе с сыном ночью при Абрите⁷ или так называемом Темброниевом форуме, и скифы возвратились домой со множеством пленников и добычи... [Georg. Sync., р. 376a или из Dex., *Chron.*, или из Dex., *Scyth. hist.*].

СКИФСКАЯ ИСТОРИЯ

(ΣΚΥΘΙΚΑ)

Фр. 17b Dind. [Из сочинения Дексиппа... Осада Маркианополя] Маркианополь⁸. Местные жители говорят, что это имя дала городу сестра императора Траяна. Скифы, полагая, что этот город можно взять силой, воздержались от немедленного нападения и стали наносить перед стеной возможно большее количество камней, чтобы, насыпав их целые кучи,

¹ Ср. Diog. Laërt., I, 11, 116; Eus., *Præp. ev.*, 10,3, р. 464 сл.

² 238 г. н. э.

³ Под мисийцами надо понимать население римских провинций Верхней и Нижней Месии].

⁴ [Истрия или Истр—древняя милетская колония к югу от устья Дуная, на месте современного поселения Истере; см. о ней Агг., РРЕ, 35].

⁵ [О готах и распространении их имени на сармато-славянские племена (именуемые у Декоппа и некоторых других поздних авторов, вплоть до Константина Багрянородного, скифами) см. прим. к Ptol., *Geogr.*, III, 5, 8. Ср. Ф. Браун, *Разыскания в области гото-славянских отношений*, т. I, 1899, стр. 18 сл.].

⁶ 249—251 гг. н. э.

⁷ [Укрепленный пункт в Нижней Месии (Малой Скифии), близ современного селения Енибазар. Упомянутое в тексте событие относится к 251 г.].

⁸ [Значительный город в Нижней Месии к западу от Одесса, основанный императором Траяном, на месте современной Девны].

можно было пользоваться ими в изобилии: они думали, что таким образом на стене произойдет большое избиение и, так как враги больше будут заботиться о защите, чем о противодействии, то они легко возьмут город. Между тем у горожан заранее было заготовлено все нужное на время осады, и Максим, муж из рода Риметалка, занимавшийся философией и в то время готовый исполнять обязанности не только вождя, но и доброго солдата, ободрял всех и советовал в то время, как неприятели будут кидать камни из рук, воздерживаться от сопротивления и, стоя под бойницами, защищать себя, выставляя щиты и все, что может прикрыть и отбить вражеские удары. Когда варварам показалось достаточным количество заготовленных камней, они густой толпой рассыпались вокруг стены и одни стали метать копья, другие поражали камнями *стоявших* на бойницах, снаряды металась так часто, что их непрерывный полет можно было сравнить с самым густым градом. Осажденные по мере возможности охраняли себя и стену, но воздерживались от сопротивления, как им было приказано. Когда у варваров без всякого важного результата истощился запас камней, а также и дротики и стрелы, и вместе с тем исчезла надежда взять город без всякого труда, они впали в уныние и по зову вождей отступили и расположились станом недалеко от города, тем более, что время было уже около заката солнца. Спустя несколько дней они снова приблизились и, обступив кругом стену, стали пускать метательные снаряды. Тут Максим объявил осажденным, что настало время нападения. Оно произошло так. Воодушевленные предыдущим безуспешным наступлением варваров, *горожане* подняли крик и сразу начали метать камни и дротики. Так как варвары стояли тесно сплоченной массой и, не ожидая возможности встретить какое-либо сопротивление сверху, не были защищены как следует, а кроме того были поражаемы частыми ударами и притом сверху, то, при густой толпе неприятелей, горожане даже при желании не могли давать промахов. Итак скифы, пораженные силой и не в состоянии оказать сопротивления мисийцам, благодаря бойницам и прикрытию щитов, не устояли под их ударами и, не имея возможности выдерживать дольше, удалились без всякого успеха. [Exc. de strat. в кодексе Афонской горы у Wescher, Poliorcetica, стр. 296—298].

Фр. 19 Dind. [Из сочинения Дексиппа. Осада Филиппополя]... Филиппополь. Этот город находится на границе Фракии и Македонии и лежит на реке Гебре. Основателем его был, как говорят, македонский властитель Филипп, сын Аминты¹, от которого произошло и название города. К этому-то городу, как древнейшему и весьма значительному, скифы приступили с целью осады. Воевали они следующим образом: держа щиты над головами для защиты от бросаемых сверху *снарядов*, они обходили вокруг города, высматривая, где бы по тонкости и низкости стен можно было пробить их или взобраться *на них* по представленным лестницам. Затем они сначала шли на приступ с метанием дротиков и стрел, а *стоявшие* сверху мужественно отражали *нападения*, где приближались враги. Потом они делали попытку *проникнуть* в самый город, утвердив лестницы и осадные орудия. Последние состояли из крепко сколоченных в виде четырехугольника бревен и представляли собой машины, похожие на домики; натянув над ними кожи, чтобы обезопасить себя от всяких бросаемых сверху *снарядов*, они приближались к *городским* воротам, выставив перед собой щиты и передвигая машины на колесах и рычагах; *в то же время* некоторые, припод-

¹ [Филипп II (359—336 гг. до н. э.)].

нимая длинные бревна, окованные железом во избежание поломки при ударе, пытались разбить ими стену; другие приставляли лестницы, из которых одни сколочены были по прямой линии, а другие были на колесах и сгибались в обе стороны; эти последние, прибившись к стене, разгибали при помощи канатов, прикрепленных к вершинам лестниц, чтобы выпрямить и прислонить к стенам. Иные придвигали к стене деревянные башни на колесах, чтобы, приблизившись, бросить с них помосты и устроить переход по ровному месту. Таково было у них изобилие осадных орудий. Но фракийцы со своей стороны не имели недостатка в средствах для отражения каждого орудия: одни из орудий вместе с людьми разбивали они огромными взовыми камнями, другие сжигали факелами, серой и смолой; по лестницам они скатывали положенные поперек бревна и камни, которые своим сильным напором при падении ломали щиты подвизавших и самые лестницы. Не достигнув никакого успеха при помощи машин, враги впали в уныние и на совете о том, следует ли продолжать войну, порешили насыпать высокий вал к городу, чтобы можно было сразиться, стоя в уровень с врагами. Вал этот строили они так: сносили бревна из окрестных построек и, выставив перед собой щиты, сбрасывали эти бревна в ров и стоймя и рядами, как где случится. Сделав это, они наносили земли и всякого мусора между обоими краями рва и таким образом ускорили возрастание насыпи. Фракийцы, видя эту работу и понимая, что насыпь устраивается против них, вколотили бревна, прикрепили к ним доски и таким образом воздвигли на стене высокий оплот; к этому они придумали еще следующее: ночью, в самое тихое время, спустили со стены на веревке смелого и мужественного человека, дав ему нести к насыпи зажженный факел и сосуд со смолой, серой и т. п. веществами. Он подложил огонь к поддерживавшим насыпь бревнам и, когда они сгорели, вся насыпь разом рухнула. Потерпев и в этом неудачу, скифы придумали перебить ненужный выюнный скот и тех пленных, которые были удручены или болезнью, или старостью; перебив их, они свалили трупы в ров и сверху наносили всякого мусора. На третий день трупы раздулись и придали насыпи не малую высоту. Но фракийцы, пробив часть стены на величину узкой калитки, через это отверстие каждую ночь сносили к себе насыпанную землю. Варвары, испытывая неудачу во всех своих выдумках, решили отступить. Таков был конец осады скифов.

Фр. 21 Dind. [Из сочинения Дексиппа. Осада Сиды]. Скифы осаждали Сиду: это—один из городов Ликии¹. Так как в стенах города были в изобилии всякие запасы и множество людей не леностно принимались за дело, то скифы стали строить осадные машины и подводить их к стене. Но осаждаемые находили средства для отражения их, сбрасывая сверху все, что могло помешать осаде. Тогда скифы построили деревянные башни равной высоты со стеной и подкатили их на колесах на близкое расстояние. Эти башни одни обшили спереди тонким листовым железом, спускавшимся по брусам на большое пространство, другие—кожами и другими несгораемыми материалами. Но горожане придумали против этого следующее: они выставили стоймя большие доски там, где неприятели намеревались подкатить машины, к доскам прикрепили поперечные брусья и помост и посредине их прорубили дверцы, в каждую из которых мог пролезть

¹ [Город под этим названием находится не в Ликии, а в Памфилии, на побережье, к западу от устья реки Мелас (на месте современного селения Эски Адалия); в Ликии же известен укрепленный пункт Сидима, к северу от устья реки Ксанта, на месте современного Тортуркар-Гизар, упоминается у P l i n., NH, V, 101 и у P t o l., Geogr., V, 3, 5; вероятно, этот именно пункт и имеет в виду Дексипп].

человек по грудь, для того чтобы *эти люди*, стоя выше неприятелей, могли отражать их сверху. Сделав это, они спускали сверху и развешивали кругом бурки и шкуры, чтобы такие завесы не легко возгорались и своей мягкостью задерживали вонзавшиеся в них снаряды, не отражая их силой удара. Затем с обеих сторон были сделаны попытки к *нападению* и завязался жестокий бой; и так как скифы понапрасну тратили время и потеряли всякую надежду на успех, то и отступили.

Фр. 22 о посольстве скифов (готов) ютунгов к императору Аврелиану см. Dind., I, стр. 190—198.

ПОРФИРИЙ

Философ, уроженец города Тира, ученик Плотина и издатель его сочинений, жил около 233—304 гг. н. э. Из его многочисленных сочинений дошли до нас: *Περὶ Πλωτίνου βίου καὶ τῆς τάξεως τῶν βιβλίων αὐτοῦ*, 'Αφορμαὶ πρὸς τὰ νοητά, *Βίος Πυθαγόρου*, *Περὶ ἀποχῆς ἐμψύχων* в 4 книгах, *Πρὸς Μαρκέλλαν*, *Περὶ τοῦ ἐν Ὀδυσσεΐ τῶν Νομφῶν ἀντροῦ*, *Ὀμηρικὰ ζητήματα* и другие.

Т е к с т: Porphyrii philosophi Platonici opuscula selecta iterum recogn. A. Naisk, Lips., Teubn., 1886¹. Porphyrii Quaestionum Homericae ad Iliadem pertinentium reliquias coll. G. Schradet, Lips., 1880—1882.

О ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ МЯСНОЙ ПИЩИ

(ΠΕΡΙ ΑΠΟΧΗΣ ΕΜΨΥΧΩΝ)

II, 8... Кто не слышал о бассарах², в старину не только подражавших жертвоприношениям тавров, но и присоединивших к оргиям жертвоприношения людей употребление их в пищу...

II, 56... Филарх рассказывает, что вообще все эллины убивали людей перед выступлением на врагов³. Я обхожу *молчанием* фракийцев и скифов, а *также* и *то*, как афиняне убили дочь Эрехтея и Пракситея...

III, 3... Ведь и эллины [не понимают языка] индийцев, и воспитанные в Аттике—языка скифов, фракийцев или сирийцев: звук *голоса* одних поражает *ухо* других подобно крику журавлей...

III, 15... Ведь [городов нет] ни у скифов, живущих в повозках, ни у богов...

III, 17... Если приносящие [животных] в жертву употребляют их в пищу и поэтому, как бы извиняя себя, называют их *лишенными* разума, то и поедающие своих отцов скифы⁴ могли бы назвать отцов *лишенными* разума.

IV, 21... Рассказывают, что массагеты и дербики⁵ считают несчастнейшими родственников, умерших естественной смертью; поэтому, преду-

¹ Заключает в себе: фрагменты истории, философии, Жизнь Пифагора, О пещере нимф, О воздержании, К Марцелле.

² [Фракийские и малоазийские менады, мифические спутники Диониса (Вакха) в оргиастических процессиях, названные так по их длинной одежде (бассара), от которых и сам Дионис именовался Бассареем.

³ [Имеется в виду жертвоприношение, вроде того, какое совершил Агамемнон в Авлиде, перед отплытием в Троию, принеся в жертву богам свою дочь Ифигению, см. Eur., Iph. Aul., 95 сл.].

⁴ [Имеется в виду сообщаемое Геродотом предание о ритуальном каннибализме у массагетов (I, 216) и исседонов (IV, 26)].

⁵ [Горное племя на юго-восточном берегу Каспийского моря; см. о них Strabo, XI, 8, 8 (дербаки) и Ptol., Geogr., VI, 2, 2 (дрибики)].

преждая *это несчастье*, они приносят в жертву и поедают состарившихся близких; тибарены живыми сбрасывают со скал состарившихся ближайших родственников; гирканы и каспии—одни выбрасывают хищным птицам и собакам живых, другие—умерших¹; скифы зарывают в землю живых вместе с покойниками и закалывают на кострах тех, кого наиболее любили умершие²; бактрийцы также живыми выбрасывают на съедение собакам стариков...

ОБ УПОМИНАЕМОМ В «ОДИССЕЕ» ГРОТЕ НИМФ

(ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΕΝ ΟΔΥΣΣΕΙΑΙ ΤΩΝ ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΥ)

28... Южные *страны* делают тела мелкими, ибо жар обыкновенно очень сжимает их и тем самым уменьшает и иссушает; а в северных *странах* все тела велики; это доказывают кельты, фракийцы и скифы, а также и земля их, влажная и представляющая богатейшие пастбища...

ЖИЗНЬ ПИФАГОРА

(ΒΙΟΣ ΠΥΘΑΓΟΡΟΥ)

28. Очень распространено сказание, что *Пифагор* показал свое золотое бедро гиперборею Абарису, принявшему его за гиперборейского Аполлона, жрецом которого был Абарис в доказательство того, что это справедливо...³,

29. ... Впрочем у Эмпедокла было прозвище «отвратитель ветров», у Эпименида—«очиститель», а у Абариса—«воздушный ходок», потому что говорят, будто он, восседая на подаренной ему стреле Аполлона Гиперборейского, переправлялся через реки, моря и непроходимые места, как бы путешествуя по воздуху...⁴

ГОМЕРОВСКИЕ ВОПРОСЫ

(ΟΜΗΡΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ)

К II, VIII, 323 (p. 123 Schr.). ... По поводу этих стихов, в которых говорится о Тевкре, ставят вопрос, в которую руку был ранен Тевкр и тянет ли он тетиву к плечу, подобно скифам⁵. Ибо так думал Неотел, написавший целую книгу о стрельбе из луков в героический период и свидетельствующий, что критяне тянут тетиву к груди и делают натягивание кругообразным, тогда как скифы тянут не к груди, а к плечу...

¹ [Указание на этот обычай см. также S e x t. E m p., Pyrr., III, 227].

² [Ср. E u s., Praep., I, 4, 6].

³ I a m b l., V. Pyth., 135.

⁴ Ср. там же, 136.

⁵ [О скифском способе стрельбы из лука, отличном от греческого, см. еще выше у H e r o d o t., Or. de Herc., fr. 5].

МЕФОДИЙ

Мефодий был епископом сначала в Олимпе и Патарах в Ликии, затем в Тире. Скончался около 312 г. н. э. От него сохранились в целости сочинения *Συμπόσιον ἢ περὶ ἀγνείας*, *Λόγος εἰς τὰ βίβη*, *Εἰς τὸν Σωζῶνα καὶ τὴν Ἀννὴν*, и отрывки сочинений: *Περὶ τοῦ αὐτεξουσίου*, *Περὶ ἀναστάσεως*, *Περὶ τῶν γυνεῶν*, *Κατὰ Περρυρίου*, *Λόγος περὶ μαρτύρων*, *Εἰς τὸ ἰὼβ βιβλίον ἐρμηνεῖα* и других.

Текст: S. Methodii opera et S. Methodius platonizans, ed. Alb. Jahnus, Halis Sax., 1865.

ПИР ИЛИ О ЧИСТОТЕ

(ΣΥΜΠΟΣΙΟΝ Η ΠΕΡΙ ΑΓΝΕΙΑΣ)

XIV... Помещение [знаков зодиака] в число звезд объясняют мифическими причинами, говоря, например, что Овен— тот самый, который перевез Геллу, дочь Атаманта, и Фрикса к скифам...¹

ИЗ СОЧИНЕНИЯ О ВОСКРЕСЕНИИ

(ΕΚ ΤΟΥ ΠΕΡΙ ΑΝΑΣΤΑΣΕΩΣ)

XIII, 39. Скиф, безжалостно разрубающий с целью убийства, члены врага.

АГАТЕМЕР, СЫН ОРТОНА

Время жизни автора не известно; вероятно, он жил в III или IV в. н. э.

Текст: Geographi Graeci minores., ed. C. Müller, I, II, стр. 471 сл.

КРАТКОЕ ЗЕМЛЕОПИСАНИЕ

(ΓΕΩΓΡΑΦΙΑΣ ΥΠΟΤΥΠΩΣΙΣ)

3. Границы материков... Азии и Европы, по мнению древних, река Фасис и перешеек до Каспия, а по позднейшим— Меотийское озеро и река Танаис.

7. Тимостен¹, автор периплов... говорит..., что на окраинах земли живут народы... со стороны апарктия² скифы за Фракией, со стороны борей³— Понт, Меотиды, сарматы, со стороны кекия⁴— Каспийское море и саки.

9. За Эгейским морем находится Геллеспонт... затем Пропонтида оканчивается у Халкедона и Византия, где узкий пролив, от которого начинается Понт; затем Меотийское озеро...

10. ... Береговая линия моря с заливами нашей обитаемой земли имеет в общем итоге 139 072 стадия, включая сюда Меотийское озеро, обмер которого— 9 000 стадиев⁵; устье же его, Киммерийский Боспор, имеет 78 стадиев⁶.

¹ [Собственно, в Колхиду (ср. Apollod., Bibl., I, 9; I, 6), которая, как и у многих других авторов, относится в этом случае к Скифии; в основе этого смещения лежит древнейшая версия аргонавтики, направлявшая Фрикса и аргонавтов к Танаису, отождествлявшемуся с Фасисом].

² [С севера].

³ [С северо—северо-востока].

⁴ [С северо-востока].

⁵ [Эту же цифру приводит Strabo, II, 5, 23; VII, 4, 5].

⁶ [По Страбону наиболее широкое место (устье) Боспора имеет 70 стадиев, наиболее узкое— 20].

11. *Береговая линия* Понта имеет 23 083 стадия...¹

13. Гирканское или Каспийское море, лунообразное, а по некоторым продолговатое, простирается на 22 000 стадиев²; а ширина устья—4 стадия.

18. Ширина обитаемой земли... от Александрии до Танаиса 18 056 *стадиев* (местности, лежащие выше к северу от устьев Танаиса, не известны) по следующему измерению:... (от Сигея) до устья Понта 2 500 стадиев; до *мыса* Карамбис 2 800 стадиев; до устья Меотиды 2 500 стадиев; до Танаиса 2 200 стадиев³.

19. Иначе, от города до города... всего от Александрии до Танаиса 18690 стадиев⁴.

¹ [Ср. S t r a b o, II, 5, 22, по которому Черное море имеет в окружности приблизительно 25 000 стадиев].

² [Страбон исчисляет известный ему путь вдоль берегов Каспийского моря с запада (от Албании) на восток до устья реки Яксарты (явно при этом смешивая восточную его часть с морем Аральским) в 12 600 стадиев].

³ [Страбон (XI, 2, 4) исчисляет расстояние от устья Танаиса до Киммерика на берегу Босфора, вдоль восточного берега Меотиды, равным 2320 стадиев].

⁴ [По S t r a b o н у (I, 4, 2; VII, 4, 3 сл.) соответствующее расстояние исчисляется цифрой приблизительно также равной 18 000 стадиев].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЕМЫХ В ВДИ № 2(24)

- AA—Archäologischer Anzeiger
AB—Г. В. Церетели, Армазская билингва;
AEp—Année Epigraphique
AM—Athenische Mitteilungen
AJA—American Journal of Archaeology
АрмФАН—Армянский филиал Академии Наук СССР
АзФАН—Азербайджанский филиал Академии Наук СССР
AZ—Aegyptische Zeitschrift
BASOR—Bulletin of American Schools of Oriental Research
BSOS—British School of Oriental Studies
BZ—Byzantinistische Zeitschrift
CAH—Cambridge Ancient History
CGF—Comicorum Graecorum Fragmenta
CICH—Corpus Inscriptionum Chaldicarum
CIG—Corpus Inscriptionum Graecarum
CIL—Corpus Inscriptionum Latinum
CJ—Classical Journal
CR—Classical Review
CRAI—Comptes-Rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres
CSCO—Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium
ДАН—Доклады Академии Наук СССР
ESA—Eurasia Septentrionalis Antiqua
FHG—Fragmenta Historicorum Graecorum
ГИМ—Государственный исторический музей
GGM—Geographi Graeci Minores
GLM—Geographi Latini Minores
ГМИИ—Государственный музей изящных искусств
ГрузФАН—Грузинский филиал Академии Наук СССР
ИАК—Известия археологической комиссии
ИАН (ОИФ) Известия Академии Наук (Отделение истории и философии)
ИГАИМК—Известия Государственной академии истории материальной культуры
IG—Inscriptiones Graecae
IOSPE—Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
ИТОИАЭ—Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИВАН—Институт Востоковедения Академии Наук
ИЖ—Исторический журнал
JA—Journal Asiatique
JAOS—Journal of American Oriental Studies
JASB—Journal of the Asiatic Society of Bengal
JBL—Journal of Biblical Literature
JDAI—Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts
JEA—Journal of Egyptian Archaeology
JHS—Journal of Hellenic Studies
JNES—Journal of Near Eastern Studies
JPOS—Journal of Palestine Oriental Society

- JRAS—Journal of the Royal Asiatic Society
 JRS—Journal of Roman Studies
 КирФАН—Киргизский филиал Академии Наук
 КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАК—Материалы по археологии Кавказа
 МАР—Материалы по археологии России
 МИА—Материалы и исследования по археологии СССР
 MVAG—Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft
 NJKPh—Neue Jahrbücher für Klassische Philologie
 NJWJ—Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendbildung
 ОАК—Отчет Археологической комиссии
 PhW—Philologische Wochenschrift
 ПИДО—Проблемы истории доклассовых обществ
 ПИМК—Проблемы истории материальной культуры
 PIR—Prosopographia Imperii Romani
 PLG—Poëtae Lyrici Graeci
 RAA—Revue des arts asiatiques
 RA—Revue archéologique
 RAs—Reallexicon der Assyriologie
 RE—Pauly-Wissowa-Kroll, Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REG—Revue des Etudes Grecques
 REJ—Revue des Etudes Juives
 RTC—F. Thureau-Dangin, Recueil des Tablettes Chaldéennes
 СВ—Советское Востоковедение
 SBAW—Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
 СЭ—Советская этнография
 SC—B. Latyshev, Scythica et Caucasica
 SHA—Scriptores Historiae Augustae
 SIG—Sylloge Inscriptionum Graecarum
 СЯ—Советское Языковедение
 SPAW—Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
 TGF—Tragicorum Graecorum Fragmenta
 ТОИКИВ (ТОВЭ)—Труды отдела истории, культуры, искусства Востока Государственного Эрмитажа
 ТЕО—H. Genouillac, Textes économiques d'Oumma
 ТурФАН—Туркменский филиал Академии Наук СССР
 УзФАН—Узбекский филиал Академии Наук СССР
 ВДИ—Вестник древней истории
 ВИ—Вопросы истории.
 ВСОРГО—Вестник Среднеазиатского отделения Российского географического общества
 ЗВ(К)ОРАО—Записки Восточного (Классического) отделения Российского археологического общества.
 ЖМНП—Журнал Министерства народного просвещения.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы античной философии в советской науке	3
<i>Акад. В. В. Струве.</i> Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э.	13
<i>Акад. А. И. Тюменев.</i> Имел ли термин «гуруш» («каль») специальную зна- чимость?	34
<i>Г. А. Меликишвили.</i> Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен <i>Чл.-корр. АН СССР Г. В. Церетели.</i> Эпиграфические находки в Мцхета— древней столице Грузии	37
<i>Акад. Р. Ю. Виппер.</i> Моральная философия Авла Геллия	49
<i>Е. М. Штаерман.</i> Африканские восстания III века	58
	65

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Акад. В. В. Струве</i> —Б. А. Тураев—крупнейший историк Древнего Востока	75
<i>О. В. Кудрявцев</i> —Восточная политика Римской империи при Нероне (история вопроса)	83
<i>Л. А. Ельницкий</i> —Некоторые проблемы истории скифской культуры (по поводу книги Б. Н. Гракова «Скифы»)	95
<i>Н. Н. Пикус</i> —С. А. Башкиров, Антисейсизм древней архитектуры . . .	102
<i>Н. П. Сорокина</i> —А. И. Вошинина, Очерк истории древнеримского искусства	104
<i>Т. Б.</i> —«Исторически преглед», 1946—47, № 1—5	107
<i>А. Я. Абрамович</i> —В. Ян, «Финикийский корабль» (Историческая повесть) . .	109
<i>Б. И. Надэль</i> —Новый труд по эллинистическому праву (R. Taubenschlag, The Law of Greco-Roman Egypt in light of the Papyri)	110
<i>Б. Т. Горянов</i> —P. Waltz, La question d'Orient dans l'antiquité	116
<i>И. С. Кацнельсон</i> —H. von Zeissl, Aethiopen und Assyrer in Aegypten . . .	120
<i>Проф. С. Е. Малов</i> —H. N. Orkun, Eski türk yazetlari	123
Перечень статей по древней истории в изданиях АН СССР и союзных республик	125
Диссертации по истории древнего мира, защищенные за время с 1940 по 1947 г.	130

ХРОНИКА

<i>Л. П. Харко.</i> Существовал ли царь 'Ах'а?	135
<i>Д. Г. Редер.</i> Из истории одного древнеегипетского города	141
<i>А. Монгайт.</i> Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1947 г. .	151
<i>О. Н. Юлкина.</i> Юбилейная сессия АН СССР	160
Хроника научной жизни	164

ИВАН, ЛОИИ, Ленинградский, Ереванский, Томский и Воронеж-
ский университеты; Московский городской и областной педагоги-
ческие институты, Уральское археологическое совещание, 10 лет
журнала ВДИ.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>И. С. Кацнельсон.</i> Проблемы исторического развития древнейшей Нубии . .	183
<i>Н. В. Пятничева.</i> О культе Геракла в Херсонесе	197
<i>Чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевский.</i> Транскрипция наименования Διογένης— Λαέρτιος—Diogenes Laertius	204
<i>Т. А. Красоткина.</i> Фольклорно-бытовые корни буколического состязания	208

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>В. В. Латышев.</i> Известия древних писателей о Скифии и Кавказе (от Полиена до Агатемера, сына Ортона)	213
--	-----

Подписано в печать 18.IV. 48 г.
А00395. Заказ № 93. Печ. листов
20 + 1 вкл. Уч.-издат. лист. 32.8
Тираж 6000

16-я типография треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Совете
Министров СССР.
Москва, Трехпрудный, 9.

Редакционная коллегия: { Проф. *Н. А. Машкин*
Проф. *А. В. Мишулин* (редактор)
Проф. *А. Б. Ранович* (зам. редактора)
Акад. *В. В. Струве*
Акад. *И. И. Толстой*

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР.
Телефон К-3-75-69.

Контора «АКАДЕМКНИГА» (Москва, Большой Черкасский переулок, 2) продолжает принимать подписку на журнал «Вестник древней истории» на 1948 г.

На складах и в магазинах «Академкнига» имеются в продаже отдельные номера журналов прошлых лет:

1. ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

за 1946 г., №№ 1, 2, 4	Цена номера 30 р.
» 1947 г., № 4	» » 30 р.

2. ИЗВЕСТИЯ АН, СЕРИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

за 1945 г., № 5	Цена номера 6 р.
» 1946 г., т. 3, 6	» » 9 р.
» 1947 г., т. 4, №№ 4, 5, 6	» » 9 р.

3. ИЗВЕСТИЯ АН, ОТДЕЛ. ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

за 1945 г., № 4	Цена номера 6 р.
» 1946 г., №№ 3, 4, 5, 6	» » 7 р. 50 к.
» 1947 г., №№ 1, 6	» » 7 р. 50 к.

4. ИЗВЕСТИЯ АН, ОТДЕЛ. ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

за 1946 г., т. 5, №№ 5, 6	Цена номера 9 р.
» 1947 г., т. 6, №№ 1, 4, 5, 6	» » 9 р.

5. СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

за 1946 г., №№ 1, 2, 3, 4	Цена номера 22 р. 50 к.
» 1947 г., №№ 2, 3, 4	» » 22 р. 50 к.

6. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

за 1947 г., №№ 4, 5, 9, 10, 11, 12	Цена номера 9 р.
------------------------------------	------------------

Иногородные заказы выполняются наложенным платежом Конторой «АКАДЕМКНИГА»: Москва, Бол. Черкасский пер., 2

Журналы можно приобретать в магазинах «Академкнига»: Москва, ул. Горького, 6; Ленинград, Литейный пр., 53; Киев, Владимирская ул., 53; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Свердловск, ул. Малышева, 58.